

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.Л. СИДОРОВ

ФИНАНСОВОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
РОССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914 ~ 1917)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1960

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена финансовому положению России и усилению ее финансовой зависимости от крупнейших капиталистических стран мира во время первой мировой войны 1914—1917 гг. Хронологические рамки работы несколько шире, так как нами прослежено влияние русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. на финансовое положение царизма и на рост его внешней задолженности, рассмотрены и бюджет царской России накануне войны, а также рост военных расходов в бюджете России накануне мировой войны.

Глубокое изучение особенностей империализма в России невозможно без исследования истории финансов и бюджета. Именно в этих областях, как в фокусе, отражались все особенности экономического положения России, слабость ее экономического потенциала, точно также как и экономическая зависимость России от западноевропейского империализма ярче всего проявлялась в факте ее финансовой зависимости.

Все коренные вопросы экономической истории России эпохи империализма неразрывно связаны с историей финансов и той выдающейся ролью, которую играл в России финансовый капитал. Государственные займы в эпоху империализма приобретают новые черты, становясь одной из форм экспорта капитала богатых стран в страны отсталые, средством экономического и политического подчинения сильной стороной более слабого партнера, средством борьбы за политическое влияние и за раздел мира. Именно финансовый капитал, как указывал В. И. Ленин, привел в XX в. «и к *прямому* разделу мира»¹.

Внешние займы царского правительства были также неразрывно связаны с борьбой против революционного движения внутри страны. Реакционная роль европейского капитала особенно ярко выступала во время революционных кризисов в России. Эта сторона дела великолепно выяснена В. И. Лени-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 233.

ным еще на примере революции 1905—1907 гг.² Позднее, во время первой мировой войны, В. И. Ленин показал реакционную роль империалистических государств Европы, которые вместе с царизмом выступали против революционного пролетариата. Говоря о новой ситуации, сложившейся в эпоху империализма, В. И. Ленин писал: «Царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-1-х, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Франции, во-2-х, в силу 1905 года... Теперь союз царистского с передовым капиталистическим, европейским, империализмом, на базе всеобщего угнетения ими ряда наций, стоит против социалистического пролетариата, расколотого на шовинистский, „социал-империалистский“, и на революционный»³.

Финансовая поддержка царского правительства империалистическими государствами играла важную роль в образовании союза реакционных сил Европы и царской России. В характеристике В. И. Ленина отмечено положение, сложившееся до начала мировой войны, когда главным кредитором России выступала Франция. В ходе войны произошли дальнейшие изменения, и главная роль кредитора России перешла к английскому империализму, обеспечившему царизму финансовую базу для ведения империалистической войны.

Несмотря на все это, финансово-экономическая проблематика мало привлекала исследовательскую мысль историков. После работ Б. А. Романова⁴, который исследовал истоки империалистической политики России на Дальнем Востоке и опубликовал ряд ценных документов о займах царского правительства, новые работы по этим вопросам принадлежат главным образом экономистам.

При М. Н. Покровском вопрос о финансовом капитале в России и ее зависимости от иностранного империализма изучался односторонне; историки и экономисты ограничивались исключительно исследованием роли иностранного капитала в промышленности и банках. Вопрос о государственных займах царского правительства фактически игнорировался. Тогда сложилось целое направление в историко-экономической литературе (работы С. Ронина, Н. Ванага, Л. Крицмана и других), которое развивало взгляды об отсутствии в России самостоятельной системы финансового капитала. Признавались только «зачатки»

---

² См. В. И. Ленин. Европейский капитал и самодержавие. Соч., т. 8, стр. 238—245.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 327.

⁴ Б. А. Романов. Россия в Манчжурии. Л., 1928; Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг. М.—Л., 1926, а также ряд публикаций в «Красном архиве».

местного капитала⁵ или финансово-капиталистические тенденции национального капитала, а вся система банков в России рассматривалась как некоторые отростки и дополнение финансового капитала Германии, Франции и Англии (С. Ронин, Л. Крицман, причем Ванар считал, что самодержавие подчинялось только французскому финансовому капиталу). Одни из представителей этого течения в принципе отрицали возможность сращивания государственного аппарата с финансовой аристократией (Ванар), а другие рассматривали царское правительство только как послушных исполнителей воли банковского капитала. Такое игнорирование самостоятельной роли самодержавия — военно-феодального империализма — и одностороннее рассмотрение его связей с международным капиталом указывает на то, что далеко не все богатство ленинских идей принималось исследователями в основу их изысканий. Разумеется, такой методологический подход не мог привести к объективным историческим выводам. Эта неправильная, однобокая схема Ванара — Ронина, получившая одобрение М. Н. Покровского, встречала возражения уже и тогда. Но нужна была большая исследовательская работа, чтобы показать не только методологическую, но и фактическую несостоятельность этих взглядов.

В настоящее время исследование многих вопросов истории русского империализма далеко продвинулось вперед. Найдены новые источники, проведены значительные исследования, которые показывают, что фигурировавшие ранее цифры об удельном весе иностранных капиталов преувеличены, а зачисление в германские или французские многих крупнейших русских банков несостоятельно. В то же время показано, что царизм, в силу поддержки международным капиталом в вопросах финансирования, играл руководящую роль и по отношению к банковской системе России.

В. И. Ленин особенно подчеркивал военно-феодальные черты империализма в России, т. е. империализма «гораздо более грубого, средневекового, экономически отсталого, военно-бюрократического»⁶, он указывал на оплетение капиталистического империализма «густой сетью отношений докапиталистических»⁷. Поэтому исследование вопроса о финансовом положении царизма, а потом, после его свержения, и Временного правительства представляет важную задачу. Оно поможет глубже понять и средства воздействия правительства на всю экономику страны, и отношения между помещиками и буржуазией, и внешнюю политику.

⁵ «Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I. М., 1930, стр. 335, 338, 373, 378 и др.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 343—344.

⁷ Там же стр. 246.

Чтобы судить о финансовых связях царизма с иностранным капиталом, достаточно привести несколько цифр. Одни гарантированные правительством железнодорожные займы достигали 1740 млн. руб., т. е. равнялись сумме иностранных капиталовложений в промышленность России. Иностранная доля общегосударственного долга царизма накануне первой мировой войны составляла примерно 4,3 млрд. руб., т. е. в два раза превосходила все иностранные капиталовложения в экономику страны. По признанию Совета министров, государственный долг царского правительства вырос за шесть лет—с 1904 по 1909 г.—на 3 млрд. руб. Только опасения, что заключение новых займов «для покрытия расходов по военным и морским ведомствам, возбуждая сомнения в прочности финансового положения России, может в сильной степени пошатнуть наш государственный кредит»⁸ и поведет к неминуемому финансовому расстройству, заставили правительство отказаться от займов в 1910—1913 гг. и возложить всю тяжесть расходов по подготовке страны к войне на плечи трудящихся, путем повышения налогов.

Однако расчетный баланс России с границей был отрицательный, поэтому без значительного и постоянного притока иностранных капиталов в Россию царское правительство не могло бы обойтись: золотое обращение рухнуло бы, несмотря на наступившее «успокоение» внутри страны. Столыпинская монархия могла держаться только на все усиливающемся постоянном притоке иностранных капиталов в страну, который принял форму не открытых государственных займов, а капиталовложений в железнодорожное строительство, промышленность и банки. Это происходило наряду с процессом усиливающегося внутреннего капитала накопления. То была новая форма финансовой зависимости, складывавшаяся на фоне промышленного подъема, перевыполнения бюджетов, роста золотой наличности и кажущегося внешнего благополучия с денежным обращением.

Финансовая слабость царской России накануне мировой войны явилась производным фактором общей экономической отсталости страны вследствие политического господства крепостников-помещиков. При царском правительстве был невозможен подъем благосостояния масс, его бюджет носил паразитический характер, а платежный баланс был отрицательный. И в этот период в полной мере сохранили свое значение слова, сказанные В. И. Лениным о царском бюджете и финансовом положении правительства в годы русско-японской войны и первой русской революции 1905—1907 гг. Говоря о политике Витте — Коковцова, В. И. Ленин писал: «Они хозяйничают вечно в убыток. Они

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 42. Особый журнал Совета министров от 24 февраля 1910 г.

вывертываются только входя глубже и глубже в долги. При этом выручка от займов помещается, на время от одного займа до другого, в государственное казначейство, и на „золотой запас“ с торжеством указывают, как на „свободную наличность“. Золото, полученное в займы, показывается всем и каждому, как доказательство богатства и платежеспособности России!»⁹ Даже железнодорожные займы, размещенные за границей, пополняли золотой запас Государственного банка.

Золотое денежное обращение России имело слабую экономическую базу, и его «регулятором» являлся непрерывный приток иностранных капиталов. Для равновесия курса рубля правительство вынуждено было держать за границей значительную часть золотой наличности. Денежная система России была совершенно неподготовлена на случай большой войны и сразу же после ее возникновения правительство было вынуждено прекратить золотой размен и оказалось без средств для оплаты иностранных заказов.

За время мировой войны сложились новые формы финансово-экономической зависимости России от союзников, причем, как уже указывалось, роль ростовщика русского правительства перешла от Франции к Англии, более богатой и развитой стране, стоявшей во главе Антанты. Без значительной помощи союзников царское правительство не могло бы воевать более года, и революционный кризис в стране наступил бы значительно ранее. Поэтому наряду с внутренними источниками финансирования войны необходимо было исследовать вопрос и об иностранных кредитах и военных поставках России.

В последние годы вышел ряд работ советских экономистов, в которых рассматриваются проблемы, близкие к теме данного исследования. Это работы А. П. Погребинского, М. С. Атлас, А. Д. Гусакова, В. П. Дьяченко, Б. Ривкина и др.¹⁰ В них много ценного, но в большинстве из них финансовое положение России во время войны излагается попутно, в связи с другими проблемами исследований. Богатые архивные материалы военного времени, особенно о внешней задолженности царского и Временного правительств, остались неизученными. Видимо, именно из-за игнорирования архивных материалов в работах

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 240—241.

¹⁰ А. П. Погребинский. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., Госфиниздат, 1954; М. С. Атлас. Национализация банков в СССР. М., Госфиниздат, 1948; А. Д. Гусаков. Очерки по истории денежного обращения в России. М., Госфиниздат, 1946; В. П. Дьяченко. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. М., Госфиниздат, 1947; Б. Ривкин. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., Госфиниздат, 1957.

экономистов, а также и историков имеют хождение некоторые итоговые данные, значительно превышающие (до 10 млрд. руб.) государственную задолженность России ко времени Великой Октябрьской социалистической революции.

Во время мировой войны царская Россия, а затем и Временное правительство пользовались значительными кредитами со стороны своих союзников — Англии и Франции. Постепенно круг кредиторов расширился, и кредиты предоставлялись также Японией, Италией и США. В нашей литературе сумма предоставленных России иностранных кредитов обычно определяется в 8,5 млрд. руб. Эта цифра значительно больше той, которая названа в советских документах (7,25 млрд. руб.) и превышает расчеты иностранных ученых, а также представителей дореволюционных властей и эмигрантских кругов. За счет предоставленных кредитов царское и Временное правительства делали огромные заказы военного снаряжения и вооружения, платили проценты по старым займам. Достаточно сказать, что за время войны было выдано 5386 заказов, по которым было выплачено 3875 млн. руб.¹¹ Между тем значительная часть оплаченных заказов не была выполнена, многие товары не были доставлены, причем часть их застряла в транзитных странах — Швеции, Норвегии, Финляндии.

Как известно, после победы Великой Октябрьской социалистической революции Советская власть отменила все долги царского и Временного правительств, в том числе долги военного времени. Особенно много средств поехали проценты по французским долгам, платежи по которым равнялись сумме платежей по военным поставкам, расходы на поддержание курса рубля и т. д.

Может быть потому, что Советская власть не признала старых долгов и аннулировала их, историки и экономисты не придали этой проблеме большого научного значения, используя недостаточно проверенные данные. Мы поставили задачей глубже изучить этот вопрос и изложить его в исторической последовательности и с документальной обоснованностью.

Необходимо было также исследовать вопросы, касающиеся важнейших соглашений о кредитах, показать, какими тяжелыми обязательствами сопровождалось предоставление кредитов (вывоз золота из страны, расходование денег и выдача заказов под контролем кредитора). Помимо израсходования золотой наличности за границей в сумме более полумиллиарда рублей русское правительство по требованию Англии вывезло золота на 68 млн. фунтов стерлингов. Так как Англия являлась главным кредитором, то изложение русско-английских финансовых отношений

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 681, лл. 270—274.

и трений, связанных с реализацией кредитов, естественно, занимает большое место в настоящей работе.

В нашей литературе до последнего времени значительно преувеличивалась роль США в предоставлении кредитов Временному правительству. В работах ряда авторов в роли главного кредитора Временного правительства выступают США, якобы совершенно вытеснившие Францию и Англию. Мы изложили этот вопрос в соответствии с имевшими место фактами.

Изучение материалов показало, что размер иностранных кредитов Временному правительству резко сократился сравнительно с кредитами царскому правительству. Это сокращение шло главным образом за счет резкого уменьшения английских кредитов. Предоставленные Временному правительству Соединенными Штатами 187 млн. долларов не могли компенсировать образовавшейся брешы. Об этом точно и убедительно указывается в отчете о деятельности Особенной канцелярии по кредитной части¹².

Правительство Керенского, не пользовавшееся доверием широких масс России, протестовавших против продолжения империалистической войны, постепенно потеряло доверие и своих союзников. Внутренняя слабость Временного правительства, его неспособность справиться с революционным народом и армией наводили союзников на раздумье: стоит ли вкладывать большие деньги в предприятие, которое грозило провалом? Изучение материалов показывает, что Временное правительство в финансово-экономическом отношении безудержно катилось в пропасть. Буржуазия использовала Временное правительство для наживы за счет иностранных кредитов. На «частные нужды» буржуазии правительство отпустило валюты на 379 млн. руб., в то время как за все 8 месяцев его существования было получено иностранной валюты от экспорта лишь на 141,2 млн. руб.¹³ Иностранные займы Временного правительства у второстепенных кредиторов, каким являлась Япония, принимали характер, угрожавший политическим интересам государства. Русский посол в Японии Крупенский решительно настаивал на прекращении в этой стране военных заказов и займов, которые японские милитаристы могли использовать в ущерб жизненным интересам России.

Рост бумажных денег в обращении в последний период существования Временного правительства (сентябрь — октябрь) достигал почти 2 млрд. руб. в месяц. Большая часть этих денег оседала в кассах банков, в карманах представителей крупной финансовой буржуазии. Все это усиливало спекуляцию, вело к

¹² ЦГАОР СССР, ф. 2281, оп. 1, д. 26, лл. 22—39.

¹³ Там же.

огромному росту нового учредительства, усиливало кризис и разруху, крайне ухудшая и без того тяжелое положение трудящихся масс.

В. И. Ленин писал в сентябре 1917 г., что «России грозит неминуемая катастрофа», что за полгода существования Временного правительства разруха усилилась, затруднилось военное положение¹⁴.

Большевистская партия в решениях VI съезда заявила, что выход из «критического положения» даст только ликвидация войны и организация хозяйственной жизни «не для войны, а для восстановления всего разрушенного ею, не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян»¹⁵. В. И. Ленин писал, что вывести страну из тяжелого положения может только революционная диктатура демократии¹⁶. Одним из мероприятий для борьбы с финансовым крахом он выдвигал осуществление национализации банков и рабочий контроль снизу. Только государственный демократический контроль снизу позволил бы «наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, наладить то „регулирование экономической жизни“, которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надувания проstonародья»¹⁷.

Национализация банков давала возможность на деле осуществить настоящий контроль за деятельностью банков, за использованием капиталов. Это был бы контроль бедных над богатыми. Он являлся переходной мерой в общей программе борьбы за победу социалистической революции, против империалистической войны.

Буржуазия утратила уверенность в том, что весь строй капиталистического производства останется неприкосновенным. Она чувствовала, что развитие русской революции в гораздо большей мере, чем какой-либо из предшествующих революций, угрожает самой основе капиталистического производства. Поэтому банковая буржуазия выступила против всяких форм государственного контроля, особенно если речь шла не о контроле чиновников, а о вмешательстве масс.

К. Маркс в свое время в следующих словах установил связь между развитием революции и состоянием кредита: «Государственный и частный кредит, это—экономический термометр, показывающий интенсивность революции. *В той самой мере, в ка-*

¹⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 299 и 339.

¹⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7. М., 1954, стр. 377.

¹⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 330.

¹⁷ Там же, стр. 306.

кой падает кредит, повышается накал революции и растет ее творческая сила»¹⁸. Эта зависимость в полной мере проявилась в ходе русской революции. Чем выше поднималась творческая сила революции, чем крепче спланивался пролетариат под знаменем Коммунистической партии, под лозунгом «Вся власть Советам», тем ниже падал государственный и частный кредит, тем яснее выступала лакейская преданность Временного правительства его империалистическим союзникам.

Характерно, что меньшевики и эсеры оказались неспособны даже на осуществление демократических мер контроля. Только пролетариат, взявший в свои руки власть, решительно покончил с империалистической войной, с зависимостью страны от международного империалистического кредита. Национализация банков и отмена долгов были мерами, направленными на установление национальной независимости страны, на решительный разрыв со всеми формами засилья империалистов. Они расчищали дорогу социалистическому строительству молодого Советского государства.

Кратко остановимся на источниках работы. Широко использованы печатные материалы: «Ежегодники Министерства финансов», Отчеты государственного контроля, Стенограммы Государственной думы, статьи в периодических органах, сборники статей представителей буржуазной науки. Этого рода материалы ярко отражают интересы гоподствующего класса — помещиков и буржуазии, которые всемерно поддерживали финансовые мероприятия правительства. В то же время печатные материалы дают много ценных фактических данных по вопросам внутренних займов и повышения налогового обложения. Конечно, они не раскрывают отношения широких масс населения к правительственным займам. Только архивные документы позволили показать резко отрицательное отношение не только рабочих масс, но и широких кругов мелкой буржуазии к займам царского правительства. Из тех же архивных материалов видно, что значительная часть займов оставалась в кассах крупных банков.

Открытая печать давала весьма извращенное представление о кредитах союзников, условия которых держались в секрете. Только архивные материалы Совета министров, Комитета финансов, Министерства финансов и его органов дают возможность правильно осветить этот важный вопрос.

Журналы Совета министров содержат данные о расширении эмиссионного права Государственного банка и расходовании военного фонда. В журналах Совета министров 1914 г. отразились разногласия между военным министром и министром

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 7, стр. 20.

финансов по вопросу вывоза золота за границу в связи с оплатой военных заказов. Журналы за март — июль 1916 г. дают ценнейший материал о финансовых отношениях с Великобританией. Все же Совет министров занимался важнейшими финансовыми вопросами не систематически. Текущее наблюдение за деятельностью Министерства финансов лежало на Комитете финансов, журналы которого и докладные записки министра финансов в его адрес дают бесценный материал для понимания финансовой политики правительства. Особенное значение материалы Комитета финансов имеют для суждения о финансовых соглашениях с союзниками, проекты которых обсуждались в Комитете. Только отдельные документы Комитета финансов по этому вопросу были опубликованы в серии «Международные отношения в эпоху империализма»¹⁹.

Интересным источником являются донесения агентов Министерства финансов за границей, хорошо знавших местные денежные рынки и являвшихся информаторами министра финансов и проводниками его политики. Часто их переписка шла по дипломатическим каналам. К сожалению, ряд ценных документов Комитета финансов, которыми мы пользовались ранее, теперь не удалось обнаружить в архивах. Это заставило нас в отдельных случаях сделать ссылки на свою раннюю работу²⁰ и на архивные фонды Наркомфина СССР, где мы пользовались этими источниками.

Важное значение имеют материалы Архива внешней политики России — в донесениях послов и в инструктивных письмах министра финансов имеются ценные данные о финансовых отношениях России с ее союзниками. После Февральской революции Комитет финансов утратил свое значение, и без материалов Архива внешней политики России было бы очень трудно представить картину финансового положения Временного правительства.

Перечисленными фондами далеко не исчерпывается документальная база настоящей работы. Первостепенное значение имеют архивные фонды Комиссии по распределению иностранной валюты. Это был орган Особого совещания по обороне государства. Комиссия существовала с ноября 1915 г. и под ее руководством происходило использование больших займов 1915—1916 гг. и распределение валюты для всех ведомств и частной промышленности. Сохранился большой фонд материалов комиссии — протоколы ее заседаний, ценные статистиче-

¹⁹ «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, тт. I—X, 1931—1938. Серия осталась незавершенной; документация охватывает время с 1 января 1914 г. по апрель 1916 г.

²⁰ «Очерки по истории Октябрьской революции», под ред. М. Н. Покровского, т. I. ГИЗ, 1927, стр. 1—164.

ские данные, заявки предприятий и учреждений. После Февральской революции, в связи с дальнейшей централизацией заграничного снабжения, Комиссия по распределению валюты влилась в Главный комитет по заграничному снабжению (Главзагран), о деятельности которого отложилось достаточно много документов.

Описывая деятельность банков, мы ограничились только материалами о гарантийных операциях банков и их сотрудничестве с казной по размещению государственных займов. Существенный интерес представляют также материалы об урегулировании правительством задолженности русских коммерческих банков заграничным.

Указанные выше источники использованы впервые. Они дали возможность осветить вопрос о кредитах, предоставленных Англией, Францией, США, Японией и Италией. Кредитные операции с итальянскими банками были осуществлены через посредство синдиката частных банков России. Источники позволяют установить два вида кредита, полученные царским и Временным правительствами — государственный и частный. Решающее значение имели государственные кредиты, предоставленные правительствами Великобритании и Франции, и второстепенное — кредиты США и Японии. Кредит частных иностранных банков русской казне был очень незначителен; предоставлялся он американскими, итальянскими и японскими банками.

Во избежание недоразумений следует указать, что кредиты союзников русскому правительству предоставлялись не по рыночному курсу рубля или иностранной валюты, а по доведенному золотому паритету рубля.

В заключение считаю долгом выразить свою глубокую признательность работникам Центрального исторического архива в Ленинграде и Архива внешней политики России, неизменно оказывавшим мне содействие и дружескую помощь в процессе изучения материалов. Выражаю также большую благодарность Е. И. Данциг и Р. Ш. Ганелину за их ценную помощь в работе.

Глава I

ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И БЮДЖЕТ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. ПОТРЯСЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ ЦАРИЗМА В РЕЗУЛЬТАТЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Историю русских финансов накануне первой мировой войны (1900—1914 гг.), как и общего экономического положения страны, можно разделить на два периода — 1900—1909 гг. и последующий предвоенный период 1910—1914 гг.

В первый период Россия переживала глубочайший экономический кризис, перешедший в длительную депрессию, продолжавшуюся с некоторыми колебаниями до 1909 г.¹ Эти годы характеризуются ростом финансового капитала, господством монополистического капитала, усилением зависимости царской России от иностранного капитала. Самодержавие позорно проиграло русско-японскую войну. Народные массы России предали опыт буржуазно-демократической революции. В Россию переместился центр мирового революционного движения. Царизм ослабел политически и в финансовом отношении.

¹ Некоторые экономисты (например, А. Ф. Яковлев) предлагают установить более детальную периодизацию, в частности пытаются выделить 1904—1905 гг. как период некоторого оживления в промышленности в связи с русско-японской войной. А. Ф. Яковлев утверждает, что 1904 год следует рассматривать «как циклическую фазу оживления, хотя и несколько деформированную войной с ее частичной перестройкой экономики». Отрицая, что война оказала «депрессивное влияние на экономику страны», А. Ф. Яковлев в утверждениях экономистов, видевших в войне причину хозяйственной депрессии, усматривает «преобладание публицистического элемента над научным анализом» (А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России. М., 1955, стр. 311—312). Учитывая, однако, состояние финансов и государственного хозяйства России в 1904—1905 гг., нам кажется целесообразнее не выделять эти годы в самостоятельный период некоторого экономического оживления.

В этот период финансы царской России и ее золотая валюта испытали тяжкие потрясения, угрожавшие опрокинуть все здание финансовых реформ, построенное министром финансов С. Ю. Витте в конце XIX в. на весьма шатком фундаменте.

После окончания русско-японской войны на бюджете России несколько лет лежала «печать расплаты за войну»².

Второй период отличается от первого тем, что промышленность России вступила в новый цикл довольно значительного промышленного подъема, а в сельском хозяйстве, на базе столыпинской аграрной политики, происходил процесс углубления капиталистического развития, сопровождавшийся усилением классовой дифференциации крестьянства.

В области классовой борьбы второй период характерен новым подъемом революционной борьбы пролетариата, подтвердившей правильность лозунгов и тактики большевистской партии.

Во втором периоде правительство имело более благоприятные объективные условия для укрепления своего финансового положения, чем в первом. В первом периоде, особенно в связи с русско-японской войной и необходимостью ликвидации ее последствий, правительство разрешало финансовые задачи исключительно за счет роста государственной задолженности. Государственный долг России вырос со времени войны почти на 3 млрд. руб., а платежи процентов увеличились на 150 млн. руб. сверх того, что Россия уже платила раньше по государственному кредиту³.

Во втором периоде правительство пыталось разрешить важнейшие задачи общей экономической политики и усиления военно-морских сил, не прибегая к внешним займам даже для чрезвычайных затрат на армию и флот. Было необходимо внутри страны, во-первых, изыскать огромные средства для строительства военно-морского флота, пополнения боевых запасов сухопутной армии и ее реорганизации; во-вторых, надо было укрепить пошатнувшуюся за годы войны и революции валюту и найти средства для выросших расходов по линии хозяйства и культуры. Хотя удовлетворение неотложных хозяйственных и культурных запросов страны требовало больших финансовых затрат, особую остроту в этот период приобрели вопросы финансирования армии и флота.

Во всех странах, а в России это чувствовалось особенно

² И. П. Покровский. Государственный бюджет России за последние десять лет (1901—1910 гг.). СПб., 1911, стр. 4.

³ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, 1910, г., д. 530, лл. 377—400. Записка В. Н. Косовцова «Общие соображения министра финансов о возможности и порядке удовлетворения новых требований военного и морского ведомств по организации государственной обороны», 2 января 1910 г.

остро, росли расходы на армию и флот, на подготовку к войне. В области морского вооружения подводные лодки стали составной частью флота каждой страны. Кораблестроительная наука и опыт русско-японской войны породили новый броненосный корабль — дредноут. Новые броненосцы с турбинными двигателями почти в два раза превышали водоизмещение старых (25 тыс. тонн вместо 12—15 тыс. тонн во время русско-японской войны), были лучше бронированы и обладали скоростью около 25 узлов, а эскадренные миноносцы нового типа развивали скорость в 35—36 узлов. Морской министр Бирилев уже 1906 г. предлагал срочно строить два новых корабля типа «дредноут». Он указывал, что эти два корабля представляли бы даже без поддержки их другими достраиваемыми судами «более значительную боевую силу, чем целая эскадра устаревших броненосцев с недостаточным ходом и отсталым вооружением»⁴. Строительство одного такого корабля в России обходилось около 40 млн. руб.

Еще задолго до выработки морской программы Совет министров в мае 1907 г. разрешил морскому министру вносить в сметы расходов ежегодные ассигнования в размере 31 млн. руб. на постройку новых кораблей, артиллерийское и минное их вооружение⁵.

Сухопутные армии также непрерывно совершенствовались и развивали свои вооружения: пулемет получил массовое признание во всех армиях, усилились все виды артиллерии, легкой и грузовой автомобили получили применение для военных нужд, развилась радиосвязь, появилась военная авиация. Технический прогресс изменял и совершенствовал оружие и материально-техническое снабжение, что немедленно отражалось на бюджетах. Военный бюджет неудержимо увеличивался. Поэтому содержание огромной сухопутной армии и пополнение ее запасов, а также одновременное строительство морского флота накладывали свой губительный отпечаток на финансы и бюджет царской России.

Чтобы спасти свои финансы, правительство старалось изыскать все необходимые средства за счет обыкновенных доходов по бюджету, прекратив заключение внешних займов для покрытия бюджетных прорех. Проводником этой финансовой политики был долголетний руководитель Министерства финансов В. Н. Кокцов.

Свыше двух десятков лет руководство финансами Российской империи находилось в руках двух государственных дея-

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 444, л. 4.

⁵ Там же, лл. 36—37. Решение Совета министров было утверждено царем 9 июня 1907 г.

3274

телей царской империи — графа С. Ю. Витте и В. Н. Коковцова, также получившего графский титул в момент отставки (январь 1914 г.). По существу оба они проводили одну и ту же политику закабаления и подчинения России иностранному капиталу. Правда, обстановка, в которой им приходилось действовать, различна. Став в 1892 г. министром финансов, Витте настойчиво и последовательно добивался привлечения иностранного капитала в Россию. С именем Витте связаны огромный рост государственного долга империи в 1890-х годах, широкий размах железнодорожного строительства, установление винной монополии и введение золотого денежного обращения (1897 г.). Государственный бюджет при Витте порождал ежегодным превышением обычных доходов над расходами, в то время как крупные военные и железнодорожные расходы шли по графе чрезвычайных расходов и покрывались иностранными займами, которые заполняли собой огромные бреши в государственном бюджете. Результатом такой финансовой политики был рост внутренних и внешних займов страны.

На 1 января 1900 г. сравнительно с 1 января 1893 г. сумма государственного долга увеличилась на 1579 млн. руб. и достигла 6150 млн. руб.⁶ Сумма ежегодных платежей процентов выросла на 44,2 млн. руб., а ежегодные платежи по займам достигли значительной суммы в 271,9 млн. руб. Примерно на миллиард рублей долг увеличился за счет железнодорожных займов. С 1893 по 1900 г. Витте выпустил государственных займов — железнодорожных и ипотечных — на 1571 млн. руб.⁷, из которых около трети (551,4 млн. руб.) было реализовано в России, а на 1020 млн. руб. — за границей. Учитывая изменения в распределении ценных бумаг между Россией и заграницей, Шванебах определяет сумму русских ценных бумаг за границей к началу XX в. в 3½ млрд. руб., а годовой платеж по ним — в 140 млн. руб.⁸

Тот же автор указывал, что рост внешней задолженности приводил к зависимости России от своих заимодавцев и к платежу тяжелой для народного хозяйства «дани». Отрицать наличие зависимости России от кредиторов, писал Шванебах, «невозможно, раз только верно, что за последние годы внешняя торговля не стала давать избытков, достаточных для покрытия платежей по заграничному долгу, так что под страхом ослабления наших золотых средств надо во что бы то ни

⁶ П. Ж. Шванебах. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901, стр. 179—180.

⁷ Там же, стр. 189.

⁸ Там же, стр. 191—192.

стало заключать внешние займы»⁹. Платежи по заключенным займам, которые Шванебах справедливо называет «данью», и необходимость поддерживать золотую валюту толкали царское правительство на заключение все новых займов. Являясь членом Комитета финансов¹⁰ и знатоком государственных финансов, Шванебах снял покров тайноственности с финансовых «чудес» Витте и показал их в неприкрытом, естественном виде. Оказывается, золотые запасы были приобретены за границей займами, а ежегодные обязательные платежи «возросли и продолжают расти». Между тем и активное сальдо торгового баланса не давало возможности покрывать эти обязательные ежегодные платежи за границу. Различные кредитные операции Министерства финансов являлись не более как паллиативом для поддержания золотого обращения. «Дань, — писал Шванебах, — доколе не удастся покрывать ее избытками товарного отпуска, остается поэтому дамокловым мечом, висящим над нашею пока с формальной только точки зрения закрепленную валютой»¹¹.

В связи с денежным кризисом 1899 г.¹² и начавшейся в 1904 г. русско-японской войной финансовое положение России еще более ухудшилось. В. И. Ленин еще в 1902 г. показал все финансовое фокусничество Витте, который путем повышения косвенных налогов и систематического покрытия чрезвычайных расходов за счет займов создавал видимость финансового благополучия¹³. Работы советских экономистов Г. А. Козлова, А. Д. Гусакова, В. П. Дьяченко, А. П. Погребинского¹⁴ и других дают правильную характеристику финансовой политики Витте и сущности его реформы, рассчитанной на потребности растущей

⁹ П. X. Шванебах. Указ. соч., стр. 194.

¹⁰ Высший государственный орган, направлявший финансовую политику страны, но лишенный административно-распорядительных функций. Министр финансов являлся обычно членом Комитета и вносил на его рассмотрение все важнейшие вопросы денежного обращения. Председателем Комитета являлось независимое от министра лицо. Долгие годы его председателем был С. Ю. Витте.

¹¹ П. X. Шванебах. Указ. соч., стр. 113—114 (Курсив наш.— А. С.). Шванебах выступал противником финансовой политики Витте, но Комитет финансов поддерживал Витте. Поскольку заседания Комитета носили закрытый характер, Шванебах выпуском книги стремился довести до сведения общественности о своей точке зрения, отличной от взглядов министра финансов.

¹² Кризис 1899 г. вызвал отлив золота за границу в сумме 240 млн. руб. (см. В. Е. Власенко. Денежная реформа в России 1895—1898 гг. Сб. научных трудов Харьковского финансово-экономического ин-та, вып. 7. Киев, 1941, стр. 534).

¹³ См. В. И. Ленин. По поводу государственной росписи. Соч., т. 5, стр. 304—309.

¹⁴ Г. А. Козлов. Советские деньги. М., Госфиниздат, 1939; А. Д. Гусаков. Указ. соч.; В. П. Дьяченко. Указ. соч.; А. П. Погребинский. Указ. соч.

империалистической буржуазии. Введение золотого обращения было куплено ценой роста кабальных займов. Только откровенные апологеты финансовой политики Витте вроде барона Нольде пытались еще писать о превосходном состоянии финансов царской России перед революцией и приписать эту заслугу бывшим министрам финансов Вышнеградскому и Витте¹⁵. Однако такая концепция была лишь повторением легенды, творцом которой является сам министр финансов Витте. Это Витте высказал, а его окружение подхватило мысль о превосходном состоянии русских финансов накануне русско-японской войны¹⁶. К подобным утверждениям Витте возвращался и после революции 1905 г., когда накануне мировой войны заявлял в Комитете финансов, что 10 лет назад страна в финансовом отношении была лучше подготовлена к войне. В официальных документах Министерства финансов, Комитета финансов и Государственного банка последовательно проводилась мысль о том, что за время войны с Японией «состояние денежного обращения не внушало какой-либо особой тревоги»¹⁷ и что трудности появились только в связи с развертыванием революции, которую царская бюрократия именовала «внутренней смутой»: если война якобы не внесла «заметного расстройств в экономическую жизнь страны», то революция сопровождалась «беспримерными ее потрясениями»¹⁸.

Однако даже Витте признавал «большой вред», причиненный денежному обращению России одним фактом выпуска во время войны кредитных билетов в обращение «на сумму свыше 600 миллионов рублей»¹⁹. Конечно, главная отрицательная сторона войны заключалась отнюдь не в этом. Возражая своим оппонентам, среди которых были министр финансов Коковцов и члены Комитета финансов Шванебах и Малешевский, Витте в 1907 г. писал: «Едва ли нуждается в подробном опроверже-

---

¹⁵ В. Nolde. L'Alliance Franco-Russe. Paris, 1936. В этой работе Нольде пишет: «Вышнеградский был человек таланта и размаха. Это ему и его преемнику Витте старый русский режим обязан своим превосходным состоянием финансов перед революцией» (стр. 507). Разумеется, Нольде не указывает на обратную сторону «превосходного» состояния финансов — финансовую и экономическую зависимость России от иностранного империализма, в чем Витте действительно преуспел.

¹⁶ В записке председателя правления Государственного банка С. И. Тимашева о финансовом положении России в 1904—1907 гг. (ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 528, лл. 1—66), опубликованной нами в № 3 «Исторического архива» за 1956 г., приведены данные о наличии в стране золота в сумме 1144,9 млн. руб. при 1003,4 млн. руб. кредитных денег, что якобы подтверждает эту точку зрения.

¹⁷ «Докладная записка Комитета финансов Николаю II от 5 декабря 1905 г.». «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 125—126.

¹⁸ «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 105.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1004, оп. 1, д. 34, лл. 73—88. Копия записки Витте.

нии проводимый в представлении министра финансов взгляд, что «военные события не внесли заметного расстройтва в экономическую жизнь страны» нашей, хотя они вызвали чрезвычайный государственный расход почти в 1½ миллиарда рублей. Но ведь от этого должен был соразмерно увеличиться наш государственный долг; таковой (не считая железнодорожного) перед войной, в начале 1904 г., достигал 3462 миллионов рублей и, следовательно, под влиянием последней войны увеличился почти на три четверти своего прежнего размера»²⁰. По мнению Витте, даже более богатая страна, чем Россия, едва ли могла бы вынести такой рост долга без «заметного расстройтва».

«Не революция же,— писал далее Витте,— увеличила эту ужасную экономическую тяжесть (займов.— А. С.), легшую на несколько поколений русского народа, а война. Не революция также, а война заставила министра финансов ввести во время войны целый ряд налогов или повысить существующие. Ведь правительство не имеет намерения отменить эти новые обложения, а, напротив, предлагает ввести еще серию новых налогов. Но революция также имела влияние на увеличение кредитных билетов» в обращении. Однако именно война нанесла серьезные раны народному хозяйству. Поэтому Витте считал необходимым «безусловно утверждение, что война не нанесла заметного расстройтва в экономическую жизнь страны. Война совершенно расстроила весь экономический организм России и та же война, если не создала, то ускорила на десятки лет революцию в России»²¹.

В действительности, конечно, именно война расстроила финансы царской России, и золотое обращение сохранялось ценой крайнего напряжения: расходование золота на Дальнем Востоке было запрещено, кабальные займы вне страны выросли. Достаточно сказать, что, по подсчетам Дементьева, русско-японская война потребовала от казны чрезвычайных расходов в сумме около 2,3 млрд. руб.²² В бюджетах 1904—1905 гг. расходы на войну достигли огромной цифры в 1679,2 млн. руб., для покрытия которых было заключено внешних займов на 1092,5 млн. руб.²³ Количество кредитных билетов в обращении увеличилось

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 1004, оп. 1, д. 34, лл. 73—88. Копия записки Витте.

²¹ Там же.

²² Г. Дементьев. Государственные расходы и доходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Изв., 1917, стр. 4. Точная цифра расходов — 2204,0 млн. руб.

²³ «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 101. Тиминев указал несколько заниженную цифру роста долга, поскольку он приводит только фактически полученные по займам суммы. Парижский заем 1904 г., например, был

на 540 млн. руб.— главным образом для потребностей казначейства, а золотой фонд, несмотря на рост задолженности, сократился.

Революция только усилила требования на золото. Никак невозможно согласиться с расчетами и методом доказательств А. П. Погребинского, по которому расходы на русско-японскую войну обошлись не в 2,3 млрд. руб., а «фактически в 6500 млн. рублей»²⁴. Метод рассуждений А. П. Погребинского очень прост: к цифре указанных Дементьевым расходов он прибавляет всю сумму займов в 2147 млн. руб. и проценты, которые правительству следовало уплатить до их полного погашения, всего 4207 млн. руб., не учитывая, что долги вошли в сумму расходов на войну и что проценты до полного погашения займов не платились.

С 1905 г. начался отлив золота за границу, принявший в октябре 1905 г. угрожающие размеры. Золотой запас Государственного банка быстро таял. С 20 октября по 8 декабря 1905 г. Гос. банк продал иностранной валюты более чем на 240 млн. руб. Примерно на эту же сумму уменьшился золотой запас. Этот отлив был связан главным образом с «реализацией и переводом за границу русских капиталов под влиянием охватившей общество тревоги»²⁵, как говорилось в докладной записке Комитета финансов от 14 декабря 1905 г. Вклады и текущие счета в коммерческих банках и сберегательных кассах быстро сокращались. Министр финансов вошел в Комитет финансов с предложением прекратить размен кредитных билетов на золото и выпускать кредитные билеты под краткосрочные обязательства государственного казначейства. Комитет финансов дважды обсуждал этот решающий вопрос — 5 и 14 декабря 1905 г.²⁶ Он отдавал себе ясный отчет в самых серьезных последствиях такой меры. «При отказе от размена,— констатировал Комитет,— неизбежны ликвидация краткосрочных иностранных обязательств, еще больший отлив золота из страны, увеличение бумажно-денежного обращения без соответствующего металлического покрытия и появление вследствие этого лажа на золото, влекущего за собой колебания ценности денежной единицы. Но главными опасностями, ожидаемыми от прекращения размена, являются потеря доверия к финансам государства и связанные с этим потрясения государственного кредита внутри страны и за границей»²⁷.

выпущен на 300 млн. руб., а выручено было 282 млн., немецкий заем 1905 г. был выпущен на 231 млн. руб., при выручке в 209,5 млн.

²⁴ А. П. Погребинский. Указ. соч., стр. 178.

²⁵ «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 127.

²⁶ Там же, стр. 126.

²⁷ Там же.

На заседании Комитета финансов 14 декабря 1905 г. Витте ясно показал неизбежность прекращения размена кредитных билетов на золото, так как Государственный банк выпускал кредитные билеты для потребностей государственного казначейства, которое нуждалось в крупных средствах «для ликвидации войны».

Такой путь финансирования государства, подчеркивал Витте, несомненно должен привести к приостановлению размена кредиток на золото, «если не удастся заключить *теперь же* новый заграничный заем». Пока заграничный заем не был получен, решено было выпустить на 150 млн. руб. кредитных билетов «без золотого покрытия, для неотложных потребностей денежного оборота»²⁸. Мера эта считалась временной, а потому указ о ней не был опубликован²⁹. В конце декабря 1905 г. Государственный банк превысил эмиссионное право на 46 млн. руб. Министр финансов предложил расширить это право еще на 600 млн. и определить сумму выпуска кредитных билетов в 1800 млн. руб.³⁰.

Комитет финансов и Департамент государственной экономии Государственного совета, совместно обсуждавшие предложение министра финансов, не решились прекратить размен кредитных билетов на золото, но зато были приняты экстренные меры по ограничению выдачи золота. Однако сохранить золотое обращение было возможно только при условии получения большого заграничного займа — около 700 — 800 млн. руб. Об этом совершенно откровенно говорил Витте на совместном заседании Комитета финансов и Департамента экономии Государственного совета³¹. Для заключения займа 17 декабря 1905 г. за границу был срочно командирован В. Н. Коковцов, которому с большими унижениями удалось добиться у французских банкиров в счет будущего займа аванса в 267 млн. франков нарицательных.

К 1906 г. недостаток средств по бюджету выразился в 783 млн. руб. В бюджете 1906 г. расходы по содержанию дальневосточной армии, демобилизации и ликвидации последствий войны составили солидную сумму в 919,5 млн. руб. Средства для покрытия этих расходов были получены от иностранного займа в сумме 704,5 млн. руб. (2,25 млрд. франков) и выпуска

---

²⁸ «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 132.

²⁹ 30 ноября 1907 г. царь собственноручно уничтожил свой указ от 16 декабря 1905 г. о выпуске кредитных билетов на 150 млн. руб. без золотого покрытия (ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. 321, л. 67).

³⁰ «Исторический архив», 1955, № 2, стр. 139.

³¹ Там же, стр. 147. Протокол объединенных заседаний Комитета финансов и Департамента государственной экономии Государственного совета от 28 декабря 1905 г.—8 января 1906 г.

краткосрочных обязательств государственного казначейства на 336,4 млн.³²

В 1906 г. Витте и Коковцов провели огромный международный заем, спасший царизм. Правда, в своих воспоминаниях и Витте и Коковцов каждый старается «доказать», что главная заслуга в деле заключения этого займа принадлежит только ему одному, преуменьшая роль своего партнера. Оставляя эту полемику без подробного рассмотрения, следует сказать, что заключение огромного займа в 2,25 млрд. франков принадлежит им обоим и что честолюбивый Витте явно преуменьшал роль Коковцова³³.

После ухода Витте в 1906 г. в отставку с поста председателя Совета министров и почти до начала империалистической войны решающее влияние на финансовое хозяйство страны, на государственный бюджет и деятельность различных ведомств принадлежало В. Н. Коковцову, хотя Комитет финансов возглавлял до самой своей смерти (1915 г.) Витте.

Рассмотрение финансового положения царизма в 1904—1907 гг. показывает, что в эти годы произошло значительное ослабление политической роли царизма благодаря военному поражению на полях Маньчжурии и революционному натиску рабочих и крестьян. Ослабел царизм и в финансовой области, испытывая сильную зависимость от иностранных бирж. Министр финансов П. Барк, не связанный непосредственно с государственными финансами в годы революции, писал об этом времени: «Этот тяжелый период нашей государственной жизни, при общем застое торгово-промышленной деятельности страны, отличался крайне угнетенным состоянием русских бирж и значительным стеснением нашего денежного рынка. Цены твердо-процентных и дивидендных бумаг неукоснительно продолжали падать и курс государственной 4% ренты достиг в 1907 году небывало низкого уровня, составив в среднем за год около 72%»³⁴.

³² Цифровой материал взят из «Ежегодника Министерства финансов», вып. 1907—1908 гг.

³³ История этого займа подробно освещается как в воспоминаниях Витте, так и В. Н. Коковцова («Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг.», т. I, Берлин, 1933). Документация по этому вопросу собрана в сборнике Централхива «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», 1926, изданном Б. А. Романовым. В 1913 г. Витте написал на правах рукописи и размножил «Справку о том, как был заключен внешний заем 1906 года, спасший финансовое положение России» (ЦГИАМ, ф. 540, оп. I, ед. хр. 740).

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 19, д. 95, лл. 1—6. Записка министра финансов Барка о финансовых кризисах за последние 20 лет. На записке имеется помета, что она была доложена царю 7 мая 1914 г. (Курсив наш. — А. С.)

Царизм устоял только благодаря помощи международного капитала. Однако несмотря на огромный иностранный заем 1906 г., финансовое положение царизма оставалось тяжелым и во втором этапе революции: на 1 января 1907 г. остаток золотого покрытия для выпуска кредитных билетов выражался более чем скромной цифрой в 12 млн. руб.³⁵

Падение политической и экономической роли царизма было отмечено В. И. Лениным, который писал, что в эпоху империализма «царизм заведомо и бесспорно перестал быть главным оплотом реакции, во-1-х, вследствие поддержки его международным финансовым капиталом, особенно Франции, во-2-х, в силу 1905-го года»³⁶. Установился союз царизма с европейским империализмом, который использовал самодержавие как в узкокоммерческих целях, так и для завоевательной внешней политики и борьбы с революционным движением в Европе и Азии.

В Министерство финансов на пост министра Коковцов вернулся в 1906 г. после кратковременного пребывания в качестве государственного секретаря в Государственном совете³⁷. Ранее он в течение 6 лет в качестве товарища министра финансов был ближайшим помощником Витте. На посту министра финансов он пробыл до конца января 1914 г.³⁸ После убийства Столыпина в 1911 г., оставаясь министром финансов, Коковцов был назначен председателем Совета министров, что усиливало его влияние на все отрасли государственного хозяйства и управления. Как государственный деятель В. Н. Коковцов был менее крупной и яркой фигурой, чем Витте, но это был способный и трудолюбивый чиновник с большими финансовыми связями, прекрасно знавший бюджетное дело, практику биржевых операций и деятельность высших учреждений империи. Однако он не обладал ни широтой ума Витте, ни настойчивостью характера Столыпина, ни способностью понять и подчинить насущным хозяйственным и военным потребностям страны всю финансовую и бюджетную политику. Придерживаясь в финансовых делах в общем тех же принципов, что и Витте, Коковцов был скорее осторожным чиновником, более чем Витте связанный с верхушкой бюрократии, нежели с банковской, промышленной и торговой буржуазией страны. На посту председа-

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 479, лл. 1—10. Записка министра финансов 4 января 1910 г. о денежном обращении.

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 327.

³⁷ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II. Берлин, 1933, стр. 330—332.

³⁸ После отставки Коковцова министром финансов был назначен Петр Барк, бывший директор Волжско-Камского банка, оставшийся на посту министра до Февральской революции. На этом посту он пользовался неизменным расположением Николая II и придворного окружения. Под руководством Барка проходило финансирование войны и заключение ряда кабальных финансовых соглашений с союзниками.

теля Совета министров Коковцов был заменен крайне правым Горемыкиным и более не привлекался к активной государственной деятельности.

В воспоминаниях, написанных уже в эмиграции, Коковцов не раз говорит о своих расхождениях с Витте, хотя, как он пишет, это «не были разногласия по каким-либо принципиальным вопросам государственной жизни». Больше того, Коковцов особенно подчеркивает свое согласие с принципами финансовой политики Витте. «В некоторых случаях,— признает он,— я являлся прямым продолжателем в особенности его финансовой деятельности, как, например, в области денежного обращения и винной монополии, и с полной откровенностью и без всяких оговорок открыто говорил с трибуны, что я считаю одной из первых моих обязанностей охранять, развивать и продолжать то, что было создано моим предшественником»³⁹.

В итоговой главе воспоминаний, дав общую оценку своей финансовой и экономической политики, Коковцов еще более четко подчеркивает преемственность финансовой и бюджетной работы со своим предшественником — Витте. Он снова признает, что «не был новатором в деле управления русскими финансами и не проложил новых путей для экономического развития страны. Моя роль была гораздо более скромная — я старался сберечь, охранить и развить то, что было сделано моими предшественниками, и если эта задача была мною выполнена, и Россия показала за десятилетие, с 1904 по 1914 год, замечательный экономический расцвет, то заслуга принадлежит не столько мне, сколько всему укладу финансового управления, которое шло путем строгой преемственности за длинный период, начавшийся задолго до моего времени»⁴⁰.

Следовательно, ни русско-японская война, ни революционные потрясения 1905—1907 гг., ни создание Государственной думы, пытавшейся поставить государственный бюджет под свой контроль, не внесли новой струи в финансовую политику, не изменили классового характера бюджета и даже не привели к организационной ломке финансового аппарата. Коковцов считает своей особой заслугой то, что он достиг экономического успеха на основе старой политики. Разумеется, «экономический расцвет», о котором пишет Коковцов, не больше как утешительная иллюзия.

Коковцов в своих воспоминаниях приводит слова Витте, сказанные им 8 июня 1909 г. при обсуждении бюджета в Государственном совете. В этой речи Витте, иронизируя над своим преемником, признал «огромную заслугу» Коковцова в том,

³⁹ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 333.

⁴⁰ Там же, стр. 362—363.

что «он, если ничего особенного не создал, то, во всяком случае, сохранил то, что получил»⁴¹. А получил он в наследство от Витте золотой рубль, который удержался, несмотря на все потрясения 1905—1907 гг. и большую государственную задолженность. В следующем, 1910 году, Витте уже без иронии также отметил «заслугу» Коковцова, сумевшего свести «бюджет бездефицитный... которого никто из нас, я думаю, и никто в Европе не ожидал»⁴². Таким образом, сведение бездефицитного бюджета в 1910 г. расценивалось Витте как большое достижение в области экономики.

Переписка министра финансов Коковцова с крупным финансовым дельцом парижской биржи Эд. Нецлиным, опубликованная в «Красном архиве»⁴³, показывает, какое огромное значение парижская биржа придавала устойчивому бюджету России. Коковцов вынужден был подробно информировать Нецлина о бюджете 1907 г. и делать заверения не прибегать к внешним займам в 1907 г. В ответ на это письмо от 4 декабря 1906 г. Нецлин писал: «Воздержание от обращения к иностранным рынкам в течение 1907 года имело бы бесспорно благотворное значение для престижа русских финансов и сильное всяких аргументов содействовало бы восстановлению прежнего доверия к вашим национальным фондам»⁴⁴. Однако царскому правительству только с 1910 г. удалось обходиться без помощи иностранных денежных рынков.

Витте, уже будучи в отставке, пытался активно воздействовать на финансовую политику царизма, стремясь укрепить золотое обращение. В марте и апреле 1907 г. он написал две докладные записки по вопросу кассовой политики Государственного банка⁴⁵. В них он решительно протестовал против практики наводнения денежного обращения кредитными деньгами и стягивания золота в подвалы Государственного банка⁴⁶. По мнению Витте, устойчивость золотого рубля лучше всего обеспечивалась внедрением золотых денег в денежный оборот, а также притоком золота в страну, хотя бы через займы. Министр же финансов считал, что на случай паники и приостановки обмена бумажных денег на золото гораздо удобнее иметь большие запасы золота в банке, чем в обращении. «В пред-

⁴¹ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 334.

⁴² Там же, стр. 335.

⁴³ «Красный архив», 1923, т. 4. Переписка начинается письмом Нецлина Коковцову от 28 июля 1906 г. и заканчивается письмом Коковцова от 3 марта, вторая от 3 апреля 1907 г.

⁴⁴ Там же, стр. 147.

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 1044, оп. 1, д. 34, лл. 56—72 и 73—88. Первая записка от 3 марта, вторая — от 3 апреля 1907 г.

⁴⁶ С 1 января 1904 г. до 1 января 1907 г. количество кредитных билетов в обращении выросло на 615,5 млн. руб.

ставлении министра финансов и в записках, к нему приложенных,— писал Витте,— продолжают поддерживаться мысли, которые я почитаю неправильными и опасными для Государственного банка и для порядка в нашем денежном обращении». Особенно он возражал против притязаний казны на золотой разменный фонд. Эту мысль Витте считал «бедствием и главнейшей опасностью, которая угрожает разрушением русской золотой валюты»⁴⁷. Большинство членов Комитета финансов не разделяли опасений Витте, но его предложение об усилении золота в обращении позднее было принято.

Откуда же происходила опасность приостановки обмена кредиток на золото, когда революция явно шла на убыль? Витте и другие финансисты учитывали то обстоятельство, что в 1909—1910 гг. наступал срок уплаты по внешним займам 1904 и 1905 гг. на сумму 531 млн. руб., а бюджеты как 1907, так и предстоящего 1908 г. могли быть только дефицитны. И вот Коковцов в 1908 г. снова и через свой аппарат, и через Министерство иностранных дел принимает решительные меры, чтобы подготовить почву к размещению во Франции займа для погашения обязательств 1904 г. на 300 млн. руб. Коковцов просит Извольского приступить к «подготовке этой операции уже теперь (июнь 1908 г.— А. С.) и заявить об этом заблаговременно французскому правительству. Заявление должно быть сделано в самой конфиденциальной форме»⁴⁸.

Новый заем должен был превышать прошлый и не только покрыть платежи по займу 1904 г. (800 млн. франков), но и дать казне еще свободную сумму валюты в количестве 150 млн. руб. (400 млн. франков). Следовательно, размер новой финансовой операции достигал 1,2 млрд. франков.

Переговоры протекали не очень гладко и не один раз вызвали у Коковцова чувства раздражения и досады на своего французского коллегу — министра финансов⁴⁹. 31 августа 1908 г. Коковцов писал товарищу министра иностранных дел Н. В. Чарыкову: «Уже не первый раз мне приходится встречаться в вопросах денежных операций с такой точкой зрения, которую мне трудно совместить с политическим достоинством

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 1044, оп. 1, д. 34, лл. 73—88. Записка Витте от 3 апреля 1907 г., в которой Витте отвечает своим критикам — Малешевскому и Шванебаху (Курсив наш.— А. С.).

⁴⁸ АВПР, секретный фонд 1908 г., д. 277/278, лл. 2—5 об.

⁴⁹ Причина заключалась в том, что среди французского общественного мнения распространился слух о передаче в Германию строительства броненосцев, хотя в действительности речь шла о выборе типа и проекта броненосца, который строился бы в России (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 316, лл. 53, 57—59, 60—64). По мнению Коковцова, союзник должен был быть заинтересован в том, чтобы Россия строила корабли дешевле и с возможно лучшими результатами.

России и с отношением к ней Франции как союзницы, и мне кажется, что своевременное устранение таких недоразумений может принести обеим сторонам только одну пользу»⁵⁰. «Недоразумение» было в конце концов устранено, но французские банкиры поставили такие условия размещения займа, которые напоминали самые худшие времена первых конверсий Вышнеградского. Синдикат банкиров настаивал на выпускной цене 88¹/₄ за сто, потом повысил ее до 88³/₄ и в качестве «последнего своего предложения» назначил выпускной курс в 89, но требовал комиссионное вознаграждение в 4%. Кроме того, необходимо было уплатить 2% гербового сбора. Чистая выручка по займу не могла превысить 83% за сто рублей номинальных⁵¹.

Это был последний крупный заем, стабилизовавший финансовое положение царизма накануне первой мировой войны. Путем роста кабальной зависимости царскому правительству удалось увеличить золотую наличность в июне 1909 г. по сравнению с кануном русско-японской войны на 472,6 млн. руб. и довести ее до 1257,6 млн. руб.⁵² Учетный процент в Государственном банке был постепенно снижен до 5%. Частные кредитные учреждения использовали только незначительную часть открытого им кредита (36 млн. руб. из 242 млн.), а петербургские банки и того меньше — только ¹/₁₂ часть. Все эти обстоятельства указывали на продолжавшуюся еще экономическую депрессию, в обстановке которой Государственный банк не мог использовать «имевшиеся у него свободные средства», так как спрос на деньги был незначительный. Комитет финансов в своем решении указывал на беспрепятственность размена кредитных билетов на золото и на полную устойчивость денежного обращения. Вместе с тем Комитет фактически принял предложение С. Ю. Витте, высказанное в 1907 г., об усилении золотого обращения среди населения путем сокращения выпуска кредитных билетов 5- и 10-рублевого достоинства и увеличения выпуска золотых монет.

В это время среди членов Комитета финансов наметились разногласия по такому существенному вопросу, как оценка сумм Государственного банка, находившихся за границей. Большинство членов Комитета рассматривало эти суммы как реальное золото, обеспечивающее выпуск кредитных билетов в обращение. По их мнению, устойчивость валюты зависела не

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 316, лл. 65—68 (Курсив наш.— А. С.).

⁵¹ Там же, ф. 563, оп. 2, 1904 г., д. 478, лл. 7—13. Журнал Комитета финансов, утвержденный царем 2 января 1909 г.

⁵² Там же, д. 482, лл. 1—13. Журнал Комитета финансов, утвержденный царем 5 июля 1909 г. Количество кредитных билетов за это время увеличилось в обращении на 467,1 млн. руб.

только от беспрепятственного размена кредиток на золото внутри империи, но и «даже в большей степени от доверия к прочности нашей золотой валюты за границей». По мнению же члена Комитета Голубева, суммы Государственного банка, находящиеся на счетах иностранных банкирских контор, «не могут быть принимаемы в расчет при исчислении фонда, должествующего обеспечить кредитные билеты», а следовало принимать в расчет только реальное золото в натуре, находящееся в русских правительственных «установлениях». Если бы победило такое толкование вопроса о золотом запасе, русскому правительству явно бы не хватало золотого покрытия кредиток в обращении. Разумеется, царь согласился с мнением большинства⁵³, и сложный вопрос был решен.

2. ПРОБЛЕМА БЕЗДЕФИЦИТНОГО БЮДЖЕТА В ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРИЗМА

Увеличение золота в обращении и жесткое сокращение расходов, чтобы обеспечить бездефицитный бюджет,— вот те два устоя финансовой политики Коковцова, которых он строго придерживался и в 1910 г., когда депрессия стала сменяться промышленным оживлением, и позднее.

По мнению царской бюрократии и крупнейших иностранных кредиторов, бездефицитный бюджет являлся очередной задачей, краеугольным камнем финансовой политики правительства. Иностранные банкиры еще давали деньги на «производительные» расходы, например на строительство стратегических железных дорог, но отказывались их давать на покрытие дефицита в обыкновенных расходах. Отсюда появилась необходимость в известной экономии, чтобы свести концы с концами. «Бездефицитный бюджет» стал политической необходимостью правительства. Поэтому Коковцов и стремился в дальнейшем не только обыкновенные, но частично и чрезвычайные расходы покрывать доходами, не прибегая к займам. «Для этого есть единственное средство,— говорил Коковцов в Государственной думе,— это средство — блюсти и притом блюсти как зеницу ока то, что я называю бюджетным равновесием, соразмерять потребности государства с его средствами и жить в соответствии с этим. Этот главный, основной пункт моей программы мне удалось последовательно осуществить во всех бюджетах, широко одновременно удовлетворяя государственные потребности»⁵⁴.

⁵³ ИГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 481, лл. 1—12. На журнале Комитета финансов имеется помета Николая II от 5 июля 1909 г., в которой выражено согласие с большинством членов Комитета финансов.

⁵⁴ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 365.

Последние слова о широком удовлетворении государственных потребностей — заведомая ложь. В объяснительной записке к бюджету на 1909 г. сам Коковцов вынужден был признать ограниченность средств, отпущенных на потребности, не относящиеся к вопросам обороны. За последние четыре года, говорится там, «удовлетворение многих важнейших нужд государства, *не относящихся прямо к военным потребностям, было искусственно сдерживаемо*»⁵⁵. При обсуждении доклада бюджетной комиссии в III Государственной думе по росписи расходов и доходов на 1909 г. выяснилось, что рост расходов на народное образование отставал от роста расходов на тюрьмы: за 1907—1909 гг. на начальное народное образование было отпущено 62 млн. руб., а на тюрьмы — 70 млн. руб.⁵⁶

Огласив эти данные, один из лидеров кадетской партии, Шингарев, лицемерно спрашивал: «Есть ли здесь зародыш для производительных культурных сил страны?» Лицемерие кадетов было разоблачено представителем социал-демократической партии И. П. Покровским 2-м, который показал, что кадетская фракция, несмотря на оппозиционные речи Шингарева, втировала бюджет, представленный министром финансов, т. е. на деле одобряла многомиллионные расходы на тюрьмы и тюремщиков⁵⁷, в ущерб народному образованию. Правительство и подавляющее большинство членов Государственной думы единодушно выступали по вопросам бюджетной политики. Они не жалели средств на армию и флот, или, как говорил Коковцов, «на укрепление нашей внешней мощи»⁵⁸. Помещики и буржуазия давали средства на вооружение прежде всего. Бюджетная комиссия Думы штамповала представления министра финансов, а благодарный министр заявлял в Думе, что между выводами министра и бюджетной комиссии «нет никакой разницы», поэтому финансовая политика правительства «является не моей (Коковцова.— А. С.) политикой, а, если можно так выразиться, — *нашей общей политикой*»⁵⁹.

Примыкавший к большевистской партии Покровский 2-й в своих выступлениях прекрасно раскрывал классовый харак-

⁵⁵ «Ежегодник Министерства финансов», вып. 1909 г., стр. 73 (Курсив наш.— А. С.).

⁵⁶ Стенографический отчет Гос. думы 3-го созыва, сессия 2, засед. 52, 16 февраля 1909 г., стб. 1655.

⁵⁷ Там же, засед. 53, 18 февраля 1909 г., стб. 1846—1847. Против бюджета 1909 г. в целом выступил представитель трудовиков Розанов. С резкой критикой бюджета 1910 г. выступал и трудовик Дзюбинский.

⁵⁸ Там же, сессия 3, засед. 47, 15 февраля 1910 г., стб. 1425.

⁵⁹ Там же, сессия 4, засед. 62, 21 февраля 1911 г., стб. 2399—2400 (Курсив наш.— А. С.).

тер финансовой политики правительства и Думы, действовавших согласованно. Реакционная помещичье-буржуазная Дума поддерживала реакционную политику правительства⁶⁰. Эту политику проводила и кадетская фракция Думы, о чем заявлял, в частности, правый депутат Подольской губернии Балаклеев.

Однако несмотря на все потуги правительства и Думы, состояние финансов не позволяло полностью удовлетворять и военные потребности. Всячески урезывая расходы на экономические и культурные нужды страны, ограничивая их на армию и флот, правительству тем не менее с большими трудностями удавалось осуществлять бездефицитный бюджет. В расходной части этого бюджета особенно сильно выросли две графы: расходы по займам и военно-морские. Оценивая финансовое положение страны в 1910 г., министр финансов писал: «Задолженность страны, сильно поднявшаяся во время последней войны, не останавливается в своем возрастании и уже приближается к 9 миллиардам рублей; соответственно увеличиваются с каждым годом и расходы на платежи по займам. Из 1743 млн. рублей предположенных в 1910 году расходов, не считая расходов на казенные операции, 406,9 млн. рублей, или 23,3%, предназначены на этот предмет. Громадное протяжение наших границ, обнаружившиеся во время войны недостатки нашей военной организации и необходимость привести техническую часть армии и флота в соответствие с современным состоянием военной науки и техники в других государствах — таковы причины, которыми определяется высокий размер расходов по обороне, достигающих в будущем году 561,3 млн. руб. (32,2%). Эти неизбежные и обязательные для страны расходы, требуя ежегодной уплаты почти миллиарда рублей, несомненно сильнейшим образом сокращают средства, предоставляемые на развитие производительных потребностей государства. Очевидно, что более широкое удовлетворение этих потребностей при указанных обстоятельствах не может быть достигнуто без повышения податного обложения»⁶¹.

Мы привели довольно большой отрывок из документа, который убедительно разоблачает пущенный Коковцовым в его мемуарах миф об экономическом процветании России, о

⁶⁰ Депутаты реакционного большинства Думы, говорил Покровский 2-й, «поддерживают охотно военные ассигновки, полицейские ассигновки, множат тюрьмы и тюремную администрацию, охотно дают на виселицы, дают внушительные субсидии на поддержку реакционного духовенства. Одним словом, все делается солидарно, работа идет общая, по одной и той же программе и на почве действительно общих интересов» (там же, за сесс. 63, 22 февраля 1911 г., стб. 2491—2492).

⁶¹ «Ежегодник Министерства финансов», вып. 1910 г., стр. 146 (Курсив наш. — А. С.).

широком финансировании всех государственных потребностей, о том, что рост доходной части бюджета не сопровождался ростом налогов, и т. д. В действительности было как раз наоборот. Финансовое положение было тяжелым и запутанным, новые налоги были необходимы, государственный долг вырос, финансирование военных расходов сопровождалось большими трудностями и вызывало трения в Совете министров.

В документе, предназначенном Коковцовым только для членов Совета министров⁶², с еще большей ясностью, чем в объяснительной записке к бюджету, было показано действительное положение дела. Оказывается, 56% чистого расходного бюджета (без расходов на железные дороги и винную монополию) пожирала две статьи — военные расходы (или, как их называли, расходы по обороне государства) и платежи по государственному долгу. За 1906—1908 гг. доходы по обыкновенному бюджету на 387 млн. руб. превысили обыкновенные расходы, и это дало возможность на такую же сумму покрыть чрезвычайные расходы, т. е. уменьшить рост государственного долга для покрытия чрезвычайных расходов⁶³. Однако тот же Коковцов считал большой ошибкой «предполагать, что в нашем обыкновенном бюджете найдутся достаточные средства как для покрытия прогрессивно растущих расходов по всем гражданским ведомствам, так и для дальнейшего увеличения расходов по обороне государства»⁶⁴. По признанию самого министра финансов, до 1910 г. рост государственных расходов происходил быстрее роста доходов. Остановить этот рост расходов и искусственно задержать их на «современном уровне просто немыслимо по совершенной недостижимости этой задачи. У нас нет ни одной сколько-нибудь существенной потребности, которая была бы удовлетворена в полной мере и не вызывала бы неотложной надобности в новых и притом ежегодно возрастающих средствах».

Так обстояло дело с обыкновенными расходами. А помимо их по графе чрезвычайных расходов — на армию, флот и стро-

⁶² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, 1910 г., д. 530, лл. 377—400. Записка Коковцова от 2 января 1910 г. «Общие соображения министра финансов о возможности и порядке удовлетворения новых требований военного и морского ведомств по организации государственной обороны». Документ был представлен 20 января 1910 г. Столыпину в связи с предстоящим обсуждением вопроса в Совете министров. Документ исключительно важный как для понимания финансовой политики довоенной России вообще, так и финансирования армии и флота.

⁶³ Деление сметы на обыкновенную часть и чрезвычайную, введенное, как указывал Коковцов, в 1894 г., носило условный характер и часто нарушалось самим правительством. В 1908 г., по признанию Коковцова, по графе обыкновенных расходов прошло на 53 млн. руб. чисто военных расходов, помимо 122 млн. руб., израсходованных по чрезвычайной смете.

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, 1910 г., д. 530. Записка Коковцова.

ительство Амурской ж. д.— требовалось ежегодно, по минимальному расчету министра финансов, 200 млн. руб. Как и из какого источника их можно удовлетворить? Если за счет займов, то это означало рост государственного долга — «перспектива далеко незаманчивая и сулящая государству крупные разочарования». Ближе других министров связанный с практикой размещения займов внутри и вне страны и знакомый с трудностями на этом пути Коковцов боялся далее идти по пути хронических займов, так как долг возрос слишком быстро и вне прямой соразмерности с подъемом благосостояния страны: *«наш кредит упал слишком низко,— констатировал Коковцов,— и подъем его совершается слишком медленно»*. Стиралась грань между понятиями расходов производительных и непроизводительных. В конечном итоге, писал Коковцов, заключенные займы, хотя бы «на самые бесспорно производительные нужды,— *все же приводят в конце концов к тому же результату*, как и займы, совершенные для покрытия расходов, не признаваемых производительными, т. е. к *расстройству государственного кредита и всего финансового положения страны»*⁶⁵. Здесь указаны только чисто финансовые последствия, но не отмечены политические последствия новых займов, которых Коковцов частично касался и в 1906, и в 1909 гг.

Исходя из чисто финансовых соображений, Коковцов предлагал увеличивать налоги и за этот счет финансировать важнейшие расходы по армии и флоту. Рассмотрев предложения о введении новых налогов, Коковцов считал подходящий налог делом «более или менее отдаленного будущего»⁶⁶, а остальные шесть налогов, утвержденных Государственной думой, могли дать «едва $\frac{1}{4}$ часть всего ежегодного расхода на нужды государственной обороны», исчисленные в 128 млн. руб. ежегодно. Тогда Коковцов предложил ввести ряд новых налогов и поднять цену на вино, что в совокупности увеличивало доходы на 100 млн. руб. в год, из которых 70 млн. рублей приходились, по признанию Коковцова, «на беднейшие классы населения, преимущественно потребляющие вино». В общем решение задачи возможно было или путем повышения налогов, или же путем заключения новых займов. Последний путь, по мнению Коковцова, привел бы к «неминуемому финансовому расстройству».

Предложения Коковцова явились основой всей финансовой и бюджетной политики правительства. Отвергнув путь новых займов, правительство Столыпина — Коковцова стало финансировать в предвоенные годы все потребности страны за счет бюджетных поступлений и введения новых налогов.

⁶⁵ Там же (Курсив наш.— А. С.).

⁶⁶ Фактически этот налог так и не применялся до Великой Октябрьской социалистической революции.

Столыпин целиком поддерживал и одобрял финансовую политику Коковцова. Совет министров признал в 1910 г., что государственный долг за последние шесть лет вырос на 3 млрд. руб., поэтому он отверг предложение министра торговли и промышленности С. Тимашева, единственного, кто выступал за то, чтобы восстановление боевой силы армии и флота вести за счет новых займов. «Не говоря уже об угнетающем влиянии столь крупной задолженности на состояние нашего государственного кредита,— говорилось в решении Совета министров,— огромная сумма государственного долга, размещенного в значительной своей части за границей, не может не отражаться неблагоприятно на самых разных сторонах нашей государственной жизни, и притом не только даже в международных отношениях, но и во внутреннем управлении. При таких условиях, по мнению Совета министров, дальнейшее увеличение нашего государственного долга в сколько-нибудь значительных размерах, независимо от целей, на которые предполагалось бы выручаемые путем кредитных операций суммы употребить, должно быть признано нежелательным. Заключение же займов для покрытия расходов по военным и морским ведомствам, возбуждая сомнения в прочности финансового положения России, *может в сильной степени пошатнуть наш государственный кредит*»⁶⁷.

Такова официальная мотивировка принципиально важного решения не прибегать пока к займам на вооружение и целиком переложить растущее бремя расходов на плательщиков налогов внутри страны. Эту линию правительство Столыпина — Коковцова проводило последовательно и строго. Это была вынужденная политика правительства, боявшегося подрыва финансов и государственного кредита вне и внутри страны и вытекавших отсюда политических последствий.

Новый промышленный подъем, усиление капитализации сельского хозяйства, несколько лет хороших урожаев и выгодные цены на сельскохозяйственное сырье на мировом рынке создали благоприятные условия для роста холодной части бюджета. По подсчетам Коковцова, государственный бюджет после 1867 г. вырос по обыкновенным доходам на 1 миллиард рублей за 30 лет, на второй миллиард — за 11 лет, с 1897 по 1908 г., и на третий миллиард — за 6 лет, 1908—1913 гг.⁶⁸

Так Коковцов показывал лишь внешнюю парадную сторону бюджета. Представители же рабочего класса в Государственной думе вскрыли, что скрывалось за этой вывеской. Они указывали на убогую школу, жалкую медицину и полное без-

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 20, д. 42, лл. 1—4. Особый журнал Совета министров от 24 февраля 1910 г. (Курсив наш.— А. С.). Совет министров в своем решении утвердил все основные положения записки Коковцова.

⁶⁸ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 373—374.

дорожье страны; они подчеркивали бедность и нищету народа, ужасающий азиатский самодержавный режим и призывали сломать гибельную для народного хозяйства страны политическую систему. «Таково наше мнение,— говорил Покровский 2-й,— таково должно быть убеждение народа»⁶⁹. Новый революционный подъем в стране показал, что народ держался того же мнения, что и его представители в Думе, которые под руководством большевистской партии правильно оценивали настроение народа.

3. РОСТ ВНУТРЕННЕГО НАКОПЛЕНИЯ И ХАРАКТЕР БЮДЖЕТА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Развитие государственного бюджета неразрывно связано со всей экономикой страны. Только рост производительных сил страны и национального дохода создает прочные предпосылки для увеличения государственных доходов. В царской России национальный доход был чрезвычайно низок, а развитие производительных сил происходило крайне медленно. Все же в предвоенное пятилетие в области промышленности наблюдалось оживление, перешедшее в подъем; в области сельского хозяйства столыпинская ломка общины привела к углублению капиталистического развития, массовому обнищанию деревни и некоторому развитию кулацкого и помещичьего хозяйства. Рост цен на продукты земледелия на мировом рынке и усиление экспорта сельскохозяйственных продуктов привели к накоплению капиталов в России, так что торговый баланс был неизменно положительным⁷⁰. Все эти благоприятные обстоятельства, а также размещение железнодорожных займов за границей, повлекли за собой приток золота в Государственный банк⁷¹ и рост вкладов в коммерческие кредитные учреждения. За 5 лет, с 1 января 1906 г. по 1 января 1911 г., общий приток вкладов во всю систему коммерческого кредита составил около 2 млрд. руб., а общая сумма вкладов превысила 4,2 млрд. руб.; 80% этих средств были сосредоточены в коммерческих банках и государственных сберегательных кассах (около 1,7 млрд. руб. в каждой из этих систем).

Бесспорный рост внутреннего капиталовложения привел к тому, что большая часть ценных бумаг нашла размещение

⁶⁹ Стенографический отчет Гос. думы 3-го созыва, сессия 4, засед. 63, 22 февраля 1911 г., стб. 2502—2503.

⁷⁰ За 1909—1913 гг. положительное сальдо торгового баланса составляло более 1,8 млрд. руб.

⁷¹ За 1909—1910 гг. Государственный банк получил 145 млн. руб. золота, а в обращение за 1910—1911 гг. было выпущено дополнительно золотой монеты на 125 млн. руб. (см. ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1912 г., д. 500, лл. 2—46. Записка министра финансов о состоянии денежного обращения).

внутри страны, а не за границей. Из докладной записки министра финансов следует, что из общей суммы реализованных за 1908—1911 гг. ценных бумаг две трети их (2166,1 млн. руб. из 3365,6 млн.) было реализовано в России, причем если в 1908 г. за границей была реализована одна треть, а в 1909 г.— даже почти половина (46%), то в 1910 г. происходит резкое падение доли заграничного денежного рынка до одной пятой (20%), а в 1911 г. еще более — до 12,5%. Эти данные показывают, что в 1911 г. абсолютно преобладающая часть ценностей, а именно 87,5% была реализована внутри страны, за счет русских капиталов. Среди выпущенных ценностей первое место занимали ипотечные бумаги. За пять лет, с 1907 по 1911 г. включительно, их было реализовано на сумму свыше чем на 1,7 млрд. руб.⁷²

Более полная сводка выпуска различных видов ценных бумаг дана ниже (млн. руб.)⁷³:

	1904— 1908 гг.	1909— 1913 гг.	Итого
Государственные займы	2145,2	175,0	2320,2
Ипотечные займы	1279,3	2475,4	3754,7
Городские займы	86,2	226,4	312,6
Акции и облигации железных дорог	207,4	847,2	1054,6
Акции коммерческих и земельных банков	64,5	455,2	520,7
Акции и облигации торгово-промышленных предприятий	596,7	1378,4	1975,1

В приведенных цифрах бросается в глаза резкое различие между двумя отрезками времени как в количестве выпущенных ценных бумаг, так и во внутренней структуре ценностей. За второе пятилетие было выпущено ценных бумаг на 1150 млн. руб. с лишним более, чем за первое, следовательно, темпы выпуска фондовых бумаг значительно возросли. Еще большее различие в характере бумаг. Около половины всех ценных бумаг за 1904—1908 гг. представляли государственные займы, которые перед войной уже не играли значительной роли. Государственные и ипотечные займы в первое пятилетие составляли три четверти всех бумаг. Следовательно, количество ценных бумаг, выпуск которых связан с ростом промышленного, торгового и финансового предпринимательства, было очень незначительно. Это объяснялось тем обстоятельством, что в годы русско-японской войны и революции экономическая активность страны была замедленной. Империалистические государства финансировали царское правительство главным образом для того,

⁷² ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 500, лл. 2—46. Записка министра финансов о состоянии денежного обращения в 1912 г.

⁷³ «Министерство финансов. 1904—1913 гг.». СПб., 1914, стр. 30.

чтобы укрепить его в борьбе против внешнего и внутреннего «врагов».

Во второе пятилетие наиболее значительное место заняли ипотечные ценные бумаги, т. е. бумаги, связанные с ростом обращения земли как товара. На их долю приходилось около 45% выпущенных ценных бумаг. Это отражало своеобразие столыпинской ломки земельных отношений, усиления деятельности Крестьянского и Дворянского земельных банков и земельных банков вообще. Второе место заняли ценности, связанные с развитием промышленности и торговли (около 1,4 млрд. руб.); третье место — ценные бумаги железных дорог (около 0,85 млрд. руб.). Как раз в предвоенные годы усилилось частное железнодорожное строительство, что нашло свое отражение на фондовой бирже. Количество железнодорожных ценностей выросло в четыре раза.

Особенно велик темп увеличения банковских ценных бумаг, что указывает на рост собственных капиталов банков и на усиление их роли во всей экономической жизни страны. Значительный рост выпуска ценных бумаг в пятилетие 1909—1913 гг. свидетельствует прежде всего об оживлении предпринимательства и капиталистической активности как в области промышленности, так и сельского хозяйства.

Понятно, что рост бумажных ценностей не вполне соответствовал росту реального богатства в стране, которое, конечно, отставало от количества ценных бумаг. Переполнение биржи и денежного обращения бумажными ценностями благоприятствовало развитию спекуляции на повышение и понижение курсов бумаг. Ценные бумаги очень быстро реагировали на все изменения в политической конъюнктуре. Вот почему несмотря на устойчивое состояние промышленного развития, которое проходило под знаком роста, курсы некоторых бумаг на фондовой бирже колебались очень резко, и Министерству финансов приходилось принимать экстренные меры для стабилизации положения.

Как ни велика была роль иностранных капиталов в экономике страны, в промышленности и банках, как ни широко прибегал царизм к иностранным займам, все же основным рынком ценных бумаг являлся внутренний рынок. За последнее десятилетие перед войной на фондовых рынках страны было размещено бумаг на 6,7 млрд. руб., в то время как за границей — лишь на 3,24 млрд. Это дает соотношение примерно один к двум. Очень важно и интересно, что роль русского рынка ценных бумаг в последнее предвоенное пятилетие повышалась, а заграничного — несколько снижалась. Так, в России было размещено ценных бумаг на 3,84 млрд. руб. (вместо 2,86 млрд. в предыдущее пятилетие), что дает увеличение на 1 млрд.,

в то время как на зарубежных рынках размещение ценных бумаг увеличилось только на 200 млн. рублей — 1,7 млрд. против 1,5 млрд. за пятилетие 1904—1908 гг.⁷⁴

Конечно, было бы крайне поспешно на основе приведенных данных делать вывод о значительном ослаблении экономической зависимости России от заграницы, как это и делалось некоторыми исследователями. Приведенные данные указывают только на процесс увеличения капиталонакоплений внутри страны, что связано и с промышленным подъемом, и, особенно, с ростом сельскохозяйственного экспорта. То обстоятельство, что сократились до минимума государственные займы, а роль зарубежных рынков абсолютно все же увеличилась, показывает, что иностранные капиталы в значительно большем, чем ранее, количестве вкладывались в промышленные ценности, в железнодорожные и банковские бумаги. Так, Комитет финансов признавал возрастание роли внешних денежных рынков в реализации гарантированных казной железнодорожных займов. За последние 4 года до войны их было реализовано на сумму более 1 млрд., точнее — на 1008 млн. руб.⁷⁵

Несмотря на благоприятные условия для развития бюджета, следует учесть, что только огромный приток валюты по железнодорожным займам, не всегда реализовавшимся по прямому назначению, дал правительству возможность иметь положительное сальдо по платежному балансу и накопить значительное количество валюты в иностранных банках, а также повысить накопление золота в Государственном банке.

Что касается количественной стороны роста обыкновенного бюджета, то в первые годы XX в. доходы росли почти в два раза медленнее, чем во время промышленного подъема. По расчетам Дементьева, за 1904—1908 гг. средний ежегодный прирост доходов достигал 100 млн. руб., а за 1908—1913 гг. — 200 млн. руб.⁷⁶ За это же время, разумеется, выросли и обыкновенные расходы, но если в первый период они росли быстрее доходов, то во второй период доходы превышали расходы на 59 млн. рублей в год; этот излишек шел на покрытие чрезвычайных расходов. В 1913 г. одни обыкновенные доходы пок-

⁷⁴ «Министерство финансов. 1904—1913 гг.», стр. 30. Полные данные о соотношении русского и заграничного рынков ценных бумаг таковы (млн. руб.):

	1904—1908 гг.	1909—1913 гг.	Итого
В России	2861,8	3840,4	6702,2
Заграницей	1517,3	1718,4	3235,7

⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. 966, оп. 1, д. 6, лл. 164—180. Журнал заседания Комитета финансов 14 марта 1914 г. Доложен Николаю II в Ливадии 11 апреля 1914 г.

⁷⁶ Г. Дементьев. Указ. соч., стр. 4.

рыли, и даже с избытком в 34,4 млн. руб., обыкновенные и чрезвычайные расходы ⁷⁷.

В 1913 г. доходы по бюджету выросли до громадной цифры — почти в 3,5 млн. руб., и это позволило правительству временно отказаться от заключения займов для покрытия бюджетного дефицита. Начиная с 1910 г. правительство стало включать в смету небольшие ассигнования на досрочное погашение займов. По сметам 1910 и 1911 гг. на эту цель было ассигновано около 50 млн. руб. ⁷⁸, а по проекту росписи на 1912 г. испрашивалось еще 100 млн. руб. ⁷⁹ Однако эта мера была прежде всего рассчитана на политический эффект. Состояние бюджета не позволяло принять сколько-нибудь действенные меры по уменьшению государственной задолженности.

По данным Министерства финансов и Госконтроля, общий бюджет за последние годы перед войной сводился к следующим цифрам (млн. руб.) ⁸⁰:

Год	Доход	Расход	Год	Доход	Расход
1900	1800	1889	1911	2989,9	2975,6
1904	2420	2737	1912	3131,8	3171
1908	2617,8	2657	1913	3452,5	3382,9
1910	2829,5	2596,6			

Наиболее показательным является анализ росписи без чрезвычайных доходов и расходов, ибо чрезвычайные доходы в основном это доходы казны от займов и разного рода кредитных операций, а чрезвычайные расходы — это расходы, вызванные войной и стихийными бедствиями, а также расходы, связанные с железнодорожным строительством, — досрочное погашение железнодорожных займов и выкуп в казну имущества и железнодорожных предприятий. Чтобы еще яснее оттенить, в какой мере чрезвычайные расходы и доходы изменяют общую физиономию государственного бюджета, достаточно сказать, что за три года — 1904—1906 — чрезвычайные расходы достигли суммы 3260 млн. руб., а чрезвычайные доходы — свыше 2250 млн. ⁸¹ Совершенно ясно, что такая огромная сумма чрезвычайных расходов покрывалась не за счет обыкновенных и естественных внутренних доходов, а за счет займов.

⁷⁷ Общие расходы составили 3382,9 млн. руб., а обыкновенные доходы — 3417,3 млн. руб. (Г. Дементьев. Указ. соч., стр. 5).

⁷⁸ «Ежегодник Министерства финансов», вып. 1910 и 1911 гг.

⁷⁹ Там же, вып. 1912 г.

⁸⁰ Цифры за 1900, 1904 и 1908 гг. взяты из «Ежегодника Министерства финансов» за 1907—1908 гг., а остальные — из «Ежегодника Министерства финансов» за последующие годы.

⁸¹ Эти суммы подсчитаны по «Ежегоднику Министерства финансов», вып. 1907—1908 гг.

Правда, в последующие годы перед войной чрезвычайные расходы не играли в бюджетах такой роли, но все же они были велики.

Присяжный критик Министерства финансов кадет Шингарев, постоянно выступавший с оппозиционными речами по бюджету в Государственной думе, отмечая пятилетие «конституционного бюджета», посвятил большую статью государственной росписи 1912 г. в ежегоднике «Речи»⁸². В ней Шингарев сравнивает расходы по «конституционному бюджету» (пятилетие с 1908 по 1912 г.) с пятилетием 1899—1903 гг. Выводы чрезвычайно показательны. Оказывается, что процент ежегодного роста расходов в «конституционном бюджете» был меньше, чем в годы начала века. Ежегодный прирост обыкновенных расходов снизился с 7,7% до 4,5%. Все это говорит о медленном росте экономики царской России накануне первой мировой войны.

Что касается источников дохода предвоенных бюджетов, то это были главным образом питейный доход, доходы от эксплуатации железных дорог и косвенные налоги.

Характерная особенность царского бюджета — незначительный удельный вес прямых налогов и пошлин. За два десятилетия — с 1892 по 1912 г., несмотря на значительные успехи капиталистического развития, удельный вес прямых налогов и пошлин не увеличился, а сократился: в 1892 г. они составляли 16,2% обыкновенных доходов, а в 1912 г. — лишь 14,1%.

Предвоенные годы характерны усилением косвенных налогов, т. е. налогов, падающих всей тяжестью на трудящиеся массы населения. За пятилетие с 1899 по 1903 г. косвенные налоги выросли на 13,2%, а за годы «конституционного бюджета»⁸³ — на 21,5%. Даже кадет Шингарев вынужден был признать «усиление роста налогов за последнее пятилетие»⁸⁴. Был вынужден это признать и бывший министр финансов Коковцов. Стремясь опровергнуть обвинения своих противников в том, что бюджетное благополучие правительства строилось на постоянном рос-

⁸² Ежегодник газ. «Речь» за 1912 г., стр. 147—177.

⁸³ Попутно отметим, что название «конституционный бюджет» не имеет под собой никакого основания. Это измышление Милокова, Шингарева и других кадетов, имевшее целью показать «государственную работу» Думы. На самом деле бюджетные права Государственной думы были весьма ограничены. Шингарев с горечью должен был признать, что в бюджете 1908 г. 1164 млн. руб. расходов, или 47% всех расходов, «оказались недоступными ее (Думы.— А. С.) воздействию», а общие изменения росписей, проходивших через Думу, «оказывались в заключении ничтожными» и не превышали 1—2,5% всех итогов. И все же правительство было вынуждено считаться с Думой и было заинтересовано в благополучном прохождении бюджета через Думу (Ежегодник газ. «Речь» за 1912 г., стр. 149, 172).

⁸⁴ Ежегодник газ. «Речь» за 1912 г., стр. 163.

те питейного дохода и дохода от эксплуатации железных дорог, он подсчитал, что все прочие доходы, за исключением этих двух статей, выросли в 1913 г. сравнительно с 1904 г. на 557 млн. руб. Львиная доля в этой сумме приходится на косвенные налоги.

Однако следует иметь в виду, что и Государственная дума не торопилась рассмотреть законопроект о введении подоходного налога. Внесенный правительством сперва во II, а потом в III Думу законопроект о подоходном налоге был окончательно рассмотрен и утвержден только в 1915 г. Как признавал докладчик финансовой комиссии IV Государственной думы по законопроекту и подоходном налоге, этот налог должен был «исправить действующую финансовую систему, опирающуюся, как известно, повсюду на косвенные налоги»⁸⁵. В 1913 г. прямые налоги составляли 7,9% всех обыкновенных доходов, а косвенные, считая и чистый доход от винной монополии, — 50,8%⁸⁶. Чтобы еще яснее показать структуру бюджета накануне войны, приведем роспись доходов бюджета 1913 г.⁸⁷

	Мли. руб.	%
От потребления вина	953	27,9
От эксплуатации железных дорог	891,6	26,1
Косвенные налоги: таможенные	352,9	20,7
прочие		
Прямые налоги	272,5	8,0
Остальные доходы	592,1	17,3
Итого 3417,3 100		

Эти данные показывают, что огромные средства, свыше четверти всех доходов, давала винная монополия. Недаром царский бюджет характеризовали как «пьяный» бюджет. Сам творец винной монополии, граф Витте, демагогически выступал в Государственном совете против Коковцова по законопроекту о мерах борьбы с пьянством. По мнению Витте, винная монополия создавалась якобы «для спасения народа от пьянства», с тем чтобы «ограничить потребление водки», а Министерство финансов во главе с Коковцовым стало покровительствовать

⁸⁵ Приложение к стенографическим отчетам Гос. думы. 4 созыв, сессия 2. Вып. 1, 1915 г. Доклад финансовой комиссии по законопроекту о введении государственного подоходного налога.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Г. Дементьев. Государственные доходы и расходы России и положение государственного казначейства за время войны с Германией. Эта серия статей опубликована в № 36, 37, 39 и 41 журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли» за 1917 г., а потом вышла отдельной книгой. Приведенные цифры — в № 36 журнала, стр. 283—287.

трактирам и кабакам, выкачивая из народа почти миллиард рублей валового дохода. «Я говорю, я кричу об этом направо и налево,— заявил Витте,— но все глухи кругом, и мне остается только теперь закричать на всю Россию и на весь мир „караул“»⁸⁸. Это слово «караул» он и произнес визгливым голосом, приведя членов Государственного совета в недоумение. Разумеется, выступление Витте — демагогический прием и только. И все же спаивание народа и рост его нищеты — два социальные явления, связанные между собой, заставили правительство как-то поставить этот вопрос на обсуждение. Доходы от водки и железных дорог — две устойчивые статьи дохода — давали 54% бюджетных поступлений. За пять лет до первой мировой войны доходы от водки составляли почти 4 млрд. руб. (3993 млн. руб.), а доходы от железных дорог отставали от водочных доходов на полмиллиарда рублей с лишком. Однако соединять эти два вида дохода в одну группу было бы неправильно, так как железнодорожные доходы являются выражением экономической активности страны, роста хозяйственной деятельности. Гораздо обоснованнее прибавить к поступлениям от водки косвенные налоги. Обе эти графы дают почти половину всех доходов (48,6%). Это наглядно показывает, что финансовое «благополучие» и устойчивость бюджета царского правительства основывались на чрезмерном обложении трудящихся классов — рабочих и крестьян. Переобложение малосостоятельных слоев населения, спаивание их водкой, высокое таможенное обложение, доходившее в среднем до 1/3 стоимости товара, наконец, высокие косвенные налоги, вся тяжесть которых ложилась на массы потребителей, т. е. на городскую и деревенскую бедноту, — вот основа бюджетного «благополучия» царизма.

Бюджетная политика царского правительства носила ярко выраженный классовый характер. Налогами облагали рабочих, крестьян, городскую бедноту, широкие слои интеллигенции, в то же время налоги почти совсем не задевали помещиков, торговую, промышленную и финансовую буржуазию. Налоги на капитал, землю, торгово-промышленные предприятия и иные крупные нетрудовые доходы дали в 1913 г. всего только 272,3 млн. руб., или 8% общих доходов.

Бюджетное и налоговое законодательство России было отсталым. Своей бюджетной политикой самодержавие защищало интересы крупного землевладения и торгово-промышленной буржуазии больше и лучше, чем любое капиталистическое правительство Западной Европы. Нигде прямые налоги не играли такой ничтожной роли в бюджете, как в России. Правительство

⁸⁸ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 261—262.

вводило новые косвенные налоги и увеличивало старые, а помещики и буржуазия использовали Государственную думу в своих интересах, не допуская увеличения прямых налогов и формы налогового обложения.

Расходная часть бюджета показывает ярко выраженный «феодално-империалистический» его характер. В бюджете 1913 г. обыкновенные расходы составили ⁸⁹:

	Млн. руб.	%
Военное и морское ведомства . . .	825,9	26,7
Эксплуатация железных дорог . . .	586,9	19,0
Платежи по займам	424,4	13,7
Расходы по винной монополии . . .	235,0	7,6
Все остальные расходы	1022,0	33,0

Итого 3094,2 100,0

Чрезвычайные расходы составляли 288,7 млн. руб., из них расходы морского и военного ведомств — 127,3 млн., а на постройку железных дорог — 133,8 млн.

Расходная часть бюджета указывает на большую государственную задолженность. Ежегодно сотни миллионов рублей уплывали за границу только в виде процентов по займам. Характерно, что платежи процентов по займам составили больше 50 % расходов военного и морского ведомств. В 1909 и 1912 гг. эти платежи, на основании официальных данных Министерства финансов, достигали почти 400 млн. руб. (точнее — 394 млн.), а в 1913 г. еще более выросли.

Расходы всех ведомств («все остальные расходы»), включая министерства торговли и промышленности, земледелия, народного просвещения, юстиции, внутренних дел и другие, составляли треть всей суммы расходов. Характерно, что расходы на святейший синод (40 млн. руб.) превышали в 1912 г. расходы на Госконтроль, Главное управление коннозаводства, Министерство иностранных дел и высшие государственные учреждения вместе взятые.

Охрана «порядка» и «законности», содержание полиции и жандармерии, борьба с революционным движением, тюрьмы требовали огромных денег, и государственный бюджет щедро отпускал средства на эти нужды. Расходы министерств внутренних дел и юстиции в 1912 г. (262,6 млн. руб.) были значительно больше расходов Министерства народного просвещения и Глав-

⁸⁹ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 37, стр. 284. По отчетам Госконтроля, удельный вес прямых налогов в 1909 г. составлял 7,8 %, а в 1913 г. — 8 %. Доход от водки почти равнялся сумме прямых и косвенных налогов вместе; в разные годы он колебался от 28,4 до 26,8 % всех доходов.

ного управления землеустройства и земледелия вместе взятых (238 млн. руб.). Расходы по государственному управлению и на военное дело, т. е. на бюрократию и милитаризм, которые являлись опорой «военно-феодалного империализма» в России, равнялись двум третям всей суммы расходов (67,3%). Расходы по народному просвещению заняли в бюджете 1909 г. 2,5%, поднявшись в бюджете 1912 г. до 4,5%⁹⁰. Общие расходы на культурно-хозяйственные потребности занимали мизерное место: на их долю в 1909 г. приходилось 7,9%, в 1913 г. — 11% общих расходов⁹¹.

Таким образом, финансовая экономия и осуществление бездефицитного бюджета, не сказываясь на бюрократических учредениях, достигались исключительно за счет сокращения расходов на культурно-бытовые и экономические нужды народа и народного хозяйства. Так, например, правительство всячески сокращало расходы по эксплуатации железных дорог. Доходы по транспорту с каждым годом возрастали, росла сеть железных дорог, а расходы за четыре года (1909—1912 гг.) оставались на одном уровне. Плоды такой близорукой политики полностью проявлялись во время мировой войны, когда не хватало паровозов и вагонов, а основные направления дорог оказались очень слабыми, с небольшой пропускной способностью.

Данные о структуре государственных доходов и расходов не за один год, а за целое пятилетие накануне первой мировой войны еще яснее оттеняют характерные особенности бюджета Российской империи (см. табл. I на стр. 45).

За пять лет — с 1909 по 1913 г. — общая сумма доходов по бюджету достигла огромной цифры — почти 15 млрд. руб. (14 782,4 млн. руб.), следовательно, среднегодовой доходный бюджет России равнялся почти 3 млрд. руб., а бюджет 1913 г. по доходам составлял 3 431,1 млн. руб. Характерно, что чрезвычайные поступления в бюджет, в частности доходы от иностранных займов, составляют крайне незначительную сумму — менее 1,5% (205 млн. руб.), причем основная часть этих средств (162,7 млн. руб.) падает на 1909 г.⁹² Более 98,5% средств было

⁹⁰ Вычислено на основании «Ежегодника Министерства финансов» за 1911 и 1914 гг.

⁹¹ Две последние цифры в кн.: И. А. Михайлов. Государственные доходы и расходы России во время войны. Пг., 1917, стр. 4.

⁹² Эти данные также подтверждают нашу мысль о том, что в предвоенные годы царское правительство занимало деньги главным образом в виде железнодорожных займов. Директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов фон Замен, выступая на заседании Экономического совета при Временном правительстве, указывал на то обстоятельство, что после ликвидации последствий русско-японской войны государство использовало европейский денежный рынок «только для удовлетворения потребностей русской промышленности и железнодорожного строительства». Следовательно, увеличение задолженности шло по этим

Таблица 1

Обыкновенные доходы государственного бюджета России, млн. руб. *

Статьи дохода	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	Итого за 5 лет
Прямые налоги (в том числе промысловый налог)	198,69	216,12	224,07	243,28	272,52	1154,68
Косвенные налоги (в том числе акцизы и таможенные доходы)	529,85	592,70	630,02	650,44	708,10	3111,11
Пошлины	151,72	170,38	190,04	199,25	231,23	942,62
Итого	880,26	979,20	1044,13	1092,97	1211,85	5208,41
Казенная продажа питей	718,88	767,03	783,13	824,69	899,30	3993,03
Казенные железные дороги	567,94	625,92	708,00	742,39	813,60	3457,85
Доходы от прочих государственных предприятий и иные обыкновенные доходы	359,26	408,84	417,51	445,87	493,61	2123,09
Всего доходов	2526,34	2780,99	2951,77	3105,92	3417,36	14782,38

* По отчетам Государственного контроля. По-видимому, по тому же источнику составлены таблицы доходов и расходов России в указанной книге В. П. Дьяченко (стр. 14 и 16). Расхождение с ним — лишь в десятых и сотых млн. руб., кроме графы «Общее управление», где расхождение более значительное — почти 360 млн. руб. за 5 лет, что, очевидно, объясняется тем, что В. П. Дьяченко в «Общее управление» включил (продублировал) расходы по хозяйственным ведомствам. В более новой работе А. П. Погребинского (указ. соч., стр. 175) приведены данные об исполнении государственного бюджета с 1900 по 1913 г. Автор использовал диаграммы сборника Министерства финансов из книги «Министерство финансов за 1904—1913 гг.». Данные, на основе которых построены диаграммы, не отличаются абсолютной точностью, поэтому нет полного совпадения с нашими данными и данными В. П. Дьяченко. Наши данные ближе к расчетам Г. Дементьева, чем к данным сборника Министерства финансов.

получено по обыкновенному бюджету за счет внутренних поступлений.

Депутат III Государственной думы трудовик Дзюбинский с полным основанием сравнивал царский бюджет с «огромным насосом, который выкачивает весь излишек народного труда, и не только излишек, но и средства его пропитания, кроме, конечно, средств опять-таки 30 тысяч аграриев и некоторых наших промышленников»⁹³. При помощи бюджетной политики правительство собирало огромные суммы, главными плательщиками их являлись наименее обеспеченные классы населения, на долю которых приходилась меньшая часть национального дохода.

Рассмотрим основные источники поступления доходов. Самой крупной доходной статьей за пятилетие являлась винная монополия. Казенная продажа питей дала в бюджет почти 4 млрд. руб. (3993 млн. руб.), что составляет более 26,6% от общей суммы доходов⁹⁴. Водка поглощала у населения огромные средства. В то время как целая губерния тратила в год на железо лишь десятки тысяч рублей, на водку расходовались миллионы. Так, в Московской губ. на железо расходовалось 164 тыс. руб., а на водку — 14,7 млн., в Пермской губ. расход на железо выражался в еще более скромной цифре — 87 тыс., а на водку — в 13 млн. руб.⁹⁵ Систематическое и все усиливавшееся спаивание населения было одним из коренных устоев бюджетной политики и финансового благополучия царского правительства; оно же являлось одним из источников нищеты крестьянства.

Вторая огромная статья доходов — это косвенные налоги, включая сюда различные акцизы и таможенные доходы. Этот источник дал за пятилетие 3111 млн. руб., что составляет 20,7% от всей суммы доходов. Косвенные налоги в своей основной части — это налоги с трудящихся масс. Прямые налоги давали в государственный бюджет 1154,7 млн. руб., почти в три раза меньше, чем косвенные налоги, и значительно меньше, чем доход от водки. Удельный вес прямых налогов в доходной части составлял всего около 8%. Пошлины давали немного меньше, чем прямые налоги — 942,5 млн. руб. Водка, косвенные налоги и пошлины составляли больше половины всех поступлений — 55,7%.

статьям (см. Стенографический отчет заседаний Экономического совета при Временном правительстве, № 6, 3 августа 1917 г.).

⁹³ Стенографический отчет Гос. думы 3-го созыва, сессия 3, засед. 46, 13 февраля 1910 г., стб. 1271.

⁹⁴ 27% от поступлений по обыкновенным доходам. Если же прибавить к доходу от водки и акциз с питей в размере 234,4 млн. руб., то доход от водки и питей поднимается до 28,6%.

⁹⁵ Стенографический отчет Гос. думы 3-го созыва, сессия 3, засед. 48, 16 февраля 1910 г., стб. 1445. Выступление октябриста Чельшева, депутата Самарской губ. Им были оглашены и данные по ряду других губерний.

Т а б л и ц а 2

Расходы государственного бюджета России, млн. руб. *

Статьи расхода	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	Итого за 5 лет
Прямые военные расходы	565,59	597,64	618,73	703,95	825,95	3311,86
Из них: Военное министерство	473,37	484,91	497,77	527,87	581,10	2562,02
Морское министерство	92,22	112,73	120,96	176,08	244,85	746,84
Общее управление (императорский двор, Гос. дума, Гос. совет и т. д.)**.	175,70	187,21	192,14	209,11	206,37	970,53
Платежи по гос. займам	394,96	409,00	399,30	393,66	424,38	2021,30
Министерство финансов	459,84	409,41	403,24	424,65	482,26	2179,40
Министерство путей сообщения	551,48	537,32	543,11	555,20	640,68	2827,79
В том числе на усиление и улучшение железных дорог	70,90	65,80	68,12	66,61	87,38	358,31
Другие хозяйственные ведомства: почта и телеграф, Министерство торговли и промышленности, с.-х. ведомство	168,69	187,44	213,48	250,43	283,96	1104,00
Министерство просвещения	64,26	79,84	97,88	118,15	143,07	503,20
Итого обыкновенных расходов	2451,42	2473,16	2536,00	2721,76	3094,25	13276,59
Чрезвычайные расходы	156,13	123,50	309,69	449,30	288,67	1327,29
Всего расходов	2607,55	2596,66	2845,69	3171,06	3382,92	14603,88

* По отчетам Государственного контроля.

** Расходы по МВД даны без почты и телеграфа.

Из государственных доходных статей на первом месте стоит доход от казенных железных дорог — 3457,3 млн. руб., что равняется почти четверти всех бюджетных доходов (23%). И все же железнодорожный транспорт давал меньше дохода казне, чем спаивание народа. Прочие государственные предприятия, включая почту, телеграф и т. д., приносили менее 1,5 млрд. руб., или ниже 10% от всей суммы доходов.

Анализ доходных статей показывает, что основой роста дохода казны являлся отнюдь не быстрый экономический прогресс страны, а повышение налогового бремени на основные массы населения. Тяжесть налогового пресса росла значительно быстрее доходов рабочих и крестьян.

В расходной части бюджета царской России (см. табл. 2 на стр. 47) на первом месте стояли расходы на армию и флот, т. е. на подготовку к войне. Помимо прямых ассигнований в 3311,8 млн. руб., большая часть чрезвычайных расходов, в сумме 1327,3 млн., также шла на реорганизацию армии, стратегические железные дороги и порты. Обе статьи расходов составляли в совокупности 4639,1 млн. руб., или почти одну треть всех расходов за пять лет. По расчетам Коковцова, военные расходы в бюджетах России 1909—1910 гг. поднимались до 43% всех расходов, без железных дорог и винной монополии⁹⁶.

Расходы на армию и флот являлись основой роста милитаризма и маринизма в частности. Царское правительство пыталось одновременно решить две задачи: увеличить и технически улучшить вооружение сухопутной армии и построить новый, современный флот для Балтийского и Черного морей. В бюджете царского правительства нашли свое отражение империалистические устремления помещиков и буржуазии.

Приняв в 1910 г. программу десятилетнего строительства армии и флота, правительство стремилось превратить вооруженные силы в орудие активной внешней политики. Хотя ассигнования 1910 г. и были признаны правительством «предельными»,

⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, д. 530, лл. 377—400. «Общие соображения министра финансов об удовлетворении требований по государственной обороне». Кроме того, расходы проходили по другим ведомствам. Стратегические железные дороги и стратегические шоссе строились и по другим ассигнованиям, пособия и пенсии военнослужащим, сооружение казарм проходили по другим статьям, поэтому общий процент военных расходов будет выше. Таких расходов Коковцов насчитал в бюджете 1908 г. «не менее 53 млн. рублей», и в бюджете 1909 г. — 65,2 млн. руб.

Кадет Шингарев заявлял в Думе, что за годы III Государственной думы военное и морское министерства получили 3262 млн. руб., а Главное управление землеустройства и земледелия и Министерство народного образования вместе получили в четыре раза меньше — 836 млн. руб. (Стенографический отчет Гос. думы 3-го созыва, сессия 4, засед. 29 февраля 1912 г., стб. 3301—3302). Подобные заявления не мешали кадетам голосовать за военный бюджет.

т. е. максимальными, это, однако, не помешало ему в конце 1910 г. вновь вернуться к вопросам вооружения и отпустить большие специальные кредиты на усиление флота в Черном море в размере более 100 млн. руб.⁹⁷ дополнительно к большой судостроительной программе. Военный министр Сухомлинов также испрашивал специальные кредиты для усиления армии в районе Черного моря. Уже в конце 1910 г. специальные (чрезвычайные) ассигнования армии и флота достигли почти 1,5 млрд. руб.⁹⁸, причем ассигнования на флот начали опережать кредиты на армию. Следует особенно подчеркнуть полное единодушие правительства и буржуазного крыла Государственной думы в вопросе усиления флота на Черном море. Политическая и военная ориентировка на Босфор встречала полное одобрение в империалистических кругах российской буржуазии. Челноков и Шингарев в 1911 г. выступали еще в Государственной думе против кредитов на строительство броненосцев для Балтики, но одобряли кредиты для Черного моря. Морское ведомство выступало единым фронтом с Министерством иностранных дел и буржуазной оппозицией за создание в Черном море флота более сильного, чем турецкий⁹⁹.

Эти империалистические устремления явно обозначились в области бюджета, который был поставлен на службу реализации этих задач. Если обыкновенные расходы на сухопутную армию увеличились за пять предвоенных лет примерно на 50%, то расходы по Морскому министерству за то же время утроились. В 1909 г. Морское министерство расходовало менее одной пятой обыкновенной сметы Военного министерства, а в 1913 г. — уже более 40%. Особое междуведомственное совещание, созванное для обсуждения финансовой стороны программы усиленного судостроения, определило расходы по ее реализации в 1457 млн. руб.¹⁰⁰, из которых 503 млн. предназначались для нового судостроения и 954 млн. — по общему морско-

⁹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 444, лл. 116—122. На ближайшие 4 года специальные морские кредиты для Черного моря достигали 135,7 млн. руб., а ежегодные кредиты начиная с 1911 г. колебались от 40 до 45 млн. руб.

⁹⁸ Точнее 1482 млн. руб., из них 762 млн. на флот и 720 млн. на сухопутную армию.

⁹⁹ Представитель Министерства иностранных дел выступал в междуведомственном совещании по финансированию программы судостроения за «усиление судостроения на Черном море, чтобы иметь на нем не только силы, равные турецким, но по возможности большие». Начальник морского генерального штаба кн. Ливен писал в объяснительной записке к программе усиленного судостроения 1911 г.: «Стратегическое положение наше во всяком случае более определено на Черном море; операционная линия, идущая на Босфор, при обеспеченном превосходстве нашем над турецким флотом, является неизменной» (ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 222).

¹⁰⁰ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 444. Журнал Особого междуведомственного совещания.

му бюджету. Изучение чисто бюджетной, финансовой стороны вопроса показывает, что накануне первой мировой войны правительство больше уделяло внимания морскому флоту, чем сухопутной армии, хотя последняя пожирала все же в абсолютном размере больше средств, чем военно-морской флот, но та часть бюджетных ассигнований, которая предназначалась для улучшения технической оснащённости армии, значительно отставала от расходов по флоту.

Расходы на армию и флот являлись источником огромных доходов поставщиков, крупнейших промышленников и банков, тесно сросшихся с военным предпринимательством. Рост военных заказов стимулировал расцвет учредительства и банковских спекуляций.

Следующая значительная статья расходов в государственном бюджете — платежи по государственным займам (2021,4 млн. руб., или 14% всего государственного бюджета) и 15% обыкновенных расходов в среднем на пятилетие — это та «дань», которая в значительной своей части уходила за границу, опустошая народное хозяйство страны, подрывая основы финансовой системы царской России. Среднегодовые платежи по займам достигли 405 млн. руб., поднимаясь в отдельные годы до 425 млн. руб. и равнялись совокупным расходам ряда ведомств на общее управление.

Довольно велики были расходы и по Министерству путей сообщения — свыше 565 млн. руб. ежегодно, но основная их часть шла на чисто эксплуатационные расходы и только небольшая часть всех расходов — около 70 млн. руб. в год — расходовалась на техническое улучшение железных дорог. В общем правительство использовало железнодорожный транспорт как важную доходную статью и всячески сдерживало технические усовершенствования на железных дорогах, усиление их новыми системами паровозов и увеличение количества вагонов. То была совершенно неправильная, вредная политика правительства. «Экономия» министра путей сообщения Рухлова на железных дорогах, на их техническом усилении подрывала техническую и мобилизационную готовность железных дорог на случай войны.

Расходы на народное образование и всю систему просвещения, хотя и выросли за пять предвоенных лет с 64 до 143 млн. руб. в год, но их удельный вес во всем бюджете за пять лет был менее 3,5%. На душу населения даже в 1913 г. на просвещение тратилось менее одного рубля. Цифры государственных расходов на народное просвещение наиболее ярко показывают классовое, антинародное лицо правительства. В. И. Ленин писал в связи с этим: «...Детей в школьном возрасте 22%, а учащихся 4,7%, то-есть почти *впятеро меньше!* Это значит,

что около *четырёх пятых* детей и подростков в России *лишено* народного образования!!

Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания, — такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»¹⁰¹.

В целом государственный бюджет царской России лишь в самой минимальной степени использовался на производительные затраты — на развитие хозяйства, на подъем культуры, на нужды народных масс. В основном же это расходы на армию и флот, на государственный бюрократический аппарат столыпинской третьейюньской монархии, хотя и сделавшей второй шаг на пути буржуазной эволюции, но не утратившей своей классовой, помещичьей основы. Такая монархия могла существовать, лишь опираясь на блок помещиков и верхушки банковской и торгово-промышленной буржуазии. В соответствии с своими классовыми интересами, правительство и Государственная дума взвалили основную тяжесть платежей на плечи крестьян, рабочих, городской бедноты, низших слоев интеллигенции. Девять десятых населения поставляли правительству средства, ничего не получая от бюджета. Зато расходная часть бюджета щедро оплодотворяла дворян-тунеядцев, чиновный аппарат, буржуазию. Помещики вместе с буржуазией старались поднять и реорганизовать вооруженные силы империи, затрачивая на это миллиарды. Огромные пенсии чиновной бюрократии, субсидии и подачки фабрикантам; миллиардные платежи по займам оседали в карманах банкиров и дворянско-буржуазной верхушки общества.

Военно-феодальный характер царизма находил полнейшее отражение в характере бюджета: армия, полиция, тюрьмы; укрепление государственного аппарата — вот что пожирало основную массу средств. Государственный бюджет царской России — это огромная машина выколачивания средств из народа и перераспределения их в интересах помещиков, бюрократии и верхушки буржуазии.

4. ФИНАНСИРОВАНИЕ АРМИИ И ФЛОТА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Г. Дементьев, один из лучших знатоков статистической стороны царского бюджета XX в., писал о недостаточности ассигнований в предвоенные годы на военное ведомство. «Обращает на себя внимание незначительность ассигнований на хозяйственно-оперативные расходы военного ведомства, т. е. в сущности на улучшение обороны страны. Накануне войны на этот предмет назначено только 127,3 млн. рублей. Не предвидя близкой

¹⁰¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 115.

опасности, Военное министерство медленно продвигалось по пути снабжения армии, улучшения ее вооружения и средств обороны, да и то, что делалось, во многом обязано настояниям Государственной думы. Так, из 127,3 млн. руб. было израсходовано в течение сметного года со льготным сроком лишь 85,3 млн. руб., а 41 млн. руб. остались неиспользованными в сметном году и были продолжены для употребления по назначению на следующий 1914 год»¹⁰².

По Дементьеву получается, что ассигнования на нужды обороны по бюджету были недостаточны и что в этом повинно в первую очередь само Военное министерство, не принимавшее активных и решительных мер к расходованию средств и не ставившее с достаточной широтой вопроса о финансовом обеспечении нужд армии.

Чтобы выяснить этот вопрос, имеющий большое значение для оценки боевой готовности русской армии в первой мировой войне, следует рассмотреть его более подробно. Дело не только в том, что по бюджету ежегодно отпускались большие средства. Чтобы судить о них, следует знать потребности военного ведомства и, наконец, возможности государственного казначейства, а также учитывать общую политику правительства. Хотя дело обороны и руководство армией было формально даже изъято из компетенции Совета министров, и военный министр мог получать прямые указания только от императора, все же общая политика Совета министров и его председателя имела большое значение в вопросе о финансировании армии.

В военно-исторической литературе и мемуарах государственных и военных деятелей царской России поражения русских армий в первой мировой войне определенно связываются с недостаточной материально-технической обеспеченностью армии в предвоенные годы. Какую роль в этом вопросе играли финансы и финансирование армий? Одно время наметилось «простое» объяснение вопроса — виновником всех бед и всех недостатков в армии и ее неудач в войне был объявлен один лишь бывший военный министр генерал Сухомлинов и несколько лиц и его окружения. Сухомлинов и другие лица были привлечены к судебной ответственности и судимы в 1917 г., уже

¹⁰² Г. Дементьев. Указ. соч., стр. 7. Дементьев в критике военного ведомства отражал широко распространенную среди чиновников Министерства финансов точку зрения, будто корень зла заключался в медлительности Военного министерства, которое не осваивало отпускавшихся Государственной думой кредитов. Второй предрассудок, оставивший след на его работе, заключается в переоценке роли Думы, по настоянию которой отпускались кредиты. Между тем Государственная дума штамповала и утверждала лишь урезанные Советом министров заявки военного ведомства. Никакой серьезной инициативы в деле усиления армии Государственная дума не проявила.

после Февральской революции. Выяснить вопрос о роли Сухомлинова и его шпионской деятельности или поощрении им шпионов — специальная задача историков. К этой трудной теме исследователи еще не прикасались, и мы не можем сейчас претендовать на исследование этого вопроса в целом. Однако в связи с обвинениями Сухомлинова собран огромный фактический материал о финансировании Военного министерства, который ученые не должны игнорировать. Обеспеченность русской армии вооружением и предметами боевого снабжения определялась прежде всего объективными факторами — развитием промышленности и финансовым положением государства. Эту сторону дела мы и намерены рассмотреть.

Данный вопрос занимает много места в мемуарах бывшего военного министра генерала Сухомлинова, вынужденного в свое время давать объяснения Верховной следственной комиссии, специально занимавшейся исследованием вопроса о финансировании Военного министерства. Не обошел его в своих мемуарах и бывший морской министр И. К. Григорович¹⁰³, который много писал о недостаточном финансировании флота. В опубликованных воспоминаниях и записках генералов Брусилова, Поливанова, Лукомского, графа Коковцова также затрагивается вопрос о финансировании русской армии. Ярко противостоят друг другу две точки зрения: Сухомлинова и Коковцова, бывшего военного министра и бывшего министра финансов.

В вышедших в Берлине в 1924 г. воспоминаниях Сухомлинова он продолжает свою апологетическую линию, занятую еще во время работы Верховной следственной комиссии, и старается доказать, что на посту военного министра им было сделано все для повышения боеспособности русской армии: «Уже в 1908 году, — пишет Сухомлинов, — мне было ясно, насколько мы отстали в деле технических усовершенствований, сравнительно с другими армиями, в которых они давно нашли применение. Отчасти лишь это объяснялось скаредными средствами, отпускаемыми на это военному министру; главным же образом недоставало уверенности в несомненной необходимости и применимости новшеств в войсках. В армии, например, не было ни одного автомобиля»¹⁰⁴. Таково было, по словам Сухомлинова, положение русской армии и отношение руководителей Военного министерства к техническим новинкам к моменту его прихода в Военное министерство. Он писал, что

¹⁰³ ЦГАВМФ, ф. 701, оп. 1, д. 71. Воспоминания бывшего морского министра И. К. Григоровича (1909—1 марта 1917 г.). В мемуарах Григорович пишет о недоверии к морскому ведомству не только со стороны законодательных учреждений, но и со стороны ряда министерств и прежде всего о нападках министра финансов В. Н. Коковцова.

¹⁰⁴ В. Сухомлинов. Воспоминания. Берлин, 1924, стр. 174.

среди членов Военного совета были сторонники «крепких повозок», а не «хрупких машин». Далее он подробно рассказывает, как много им сделано в деле реорганизации армии, объясняя все недоделки недостатком времени и средств.

Указания Сухомлинова на техническую отсталость русской армии после русско-японской войны безусловно верны. Позднее, уже во время мировой войны, он сам объяснял ее отсталостью русской промышленности и зависимостью последней от иностранного капитала. Помощник Сухомлинова, генерал Поливанов, близкий к октябристско-кадетским кругам и слышавший в придворных кругах за либерала, давал примерно такую же оценку с трибуны Государственной думы, причем эта оценка не вызывала никаких возражений со стороны сторонников столыпинского блока. 13 апреля 1912 г., выступая в Думе и характеризуя состояние армии в 1908 г., Поливанов говорил: «Армия была лишена тогда многого для нее необходимого, причем эта необеспеченность ее проистекала не только от расхода, неизбежного на каждой войне, но и от того, что она находилась в состоянии *отсталости* по снабжению ее средствами, созданными военной техникой. Тогда, в 1908 г., не хватало почти половины комплекта обмундирования и снаряжения, потребных для выхода в поле армии военного состава, не хватало винтовок, патронов, снарядов, обозов, шанцевого инструмента, госпитальных запасов; совсем почти не было некоторых средств борьбы, на необходимость которых указывал как опыт войны, так и пример соседних государств: не было гаубиц, пулеметов, горной артиллерии, полевой тяжелой артиллерии, искровых телеграфов, автомобилей, т. е. таких средств, которые в настоящее время признаются необходимым элементом сильной армии; *скажу коротко: в 1908 г. наша армия была не боеспособна*»¹⁰⁵.

Устранению этих вопиющих недостатков царской армии была посвящена деятельность Военного министерства в последующие годы. Это должно было быть достигнуто путем специальных ассигнований на пополнение запасов и десятилетнего плана восстановления вооруженных сил. Были намечены новые мероприятия, предусматривавшие пополнение материальной части армии, введение гаубиц, автомобилей и авиации. На все это была намечена сумма в 715 млн. руб.¹⁰⁶ Фактически две трети этой суммы назначались на крепости и стратегические

¹⁰⁵ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 4, д. 585, лл. 106—115. Выступление Поливанова на закрытом заседании Думы 13 апреля 1912 г. (Курсив наш.— А. С.).

¹⁰⁶ ЦГВИА, ф. 46, д. 23, лл. 98—108. Извлечение из записи военного министра о мероприятиях по государственной обороне. Приложение № 1. В конце извлечения помета Сухомлинова — «1909 год».

шоссе. На тяжелую артиллерию была намечена сумма в 81 млн. руб., которая не могла значительно усилить армию гаубицами и полевой артиллерией. Хотя Сухомлинов и говорил, что сумма в 715 млн. руб. не исчерпывает всех потребностей армии, но никакой другой заявки он не сделал, да и трудно было получить что-либо сверх названной суммы.

В плане реорганизации армии основной упор был сделан не на усиление артиллерии и строительство артиллерийских заводов, а на строительство крепостей. Видимо, находясь под впечатлением обороны Порт-Артура, военное ведомство решило защищать западную границу не хорошо оснащенной армией, а сильными крепостями. Это была ошибочная установка, от которой позднее пришлось отказаться. Следовательно, самый план Военного министерства неправильно ориентировал направление тех средств, которые были отпущены в 1910 г. В 1909 г. с финансами было еще плохо, и это сказалось на ассигнованиях как на армию, так и на флот. В 1909 г. Григорович осмотрел строительство новых кораблей и военные порты. Впечатление у него осталось довольно тяжелое, так как постройка кораблей шла «медленно за недостатком ассигнований, и постройка делается в долг, увеличивая и без того большую задолженность заводов»¹⁰⁷.

Главным противником Военного министерства Сухомлинов изображает министра финансов В. Н. Коковцова, который и в 1910 и в 1912 гг. урезывал заявки военного ведомства или совсем отказывал в средствах. Так, в 1912 г. в связи с балканскими войнами Сухомлинов требовал дополнительных ассигнований в пределах от 31 до 87,4 млн. руб. После длительной торговли Коковцов согласился лишь на 9,3 млн. руб. В «Воспоминаниях» и в своих объяснениях Верховной следственной комиссии от 16 ноября 1916 г.¹⁰⁸ Сухомлинов подтвердил, что «Дума удовлетворяла все требования военного ведомства в отношении кредитов на оборону»¹⁰⁹, но эти требования попадали в Государственную думу урезанными специальной комиссией и Советом министров. «Ежегодные требования военного ведомства поэтому были всегда гораздо более широкими, чем средства, которые оно фактически получало, как это и случилось, например, с заявлением о необходимости увеличения запаса артиллерийских снарядов на 50% против установленной нормы»¹¹⁰.

¹⁰⁷ ЦГАВМФ, ф. 701, оп. 1, д. 71. Воспоминания Григоровича.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, лл. 4—34. По вопросу о сокращении кредитов, испрашивавшихся Военным министерством на пополнение запасов за 1909—1913 гг.

¹⁰⁹ Там же, лл. 4—5.

¹¹⁰ Там же, л. 7.

Общий размер сокращений финансовых требований Военного министерства, производимых всеми инстанциями от предварительной комиссии до Совета министров, за 1909—1913 гг. по обыкновенным сметам составил 143,7 млн. руб., по чрезвычайным сметам — 161,9 млн. руб., а всего за пять лет, по расчету Сухомлинова, Военное министерство недополучило 305,6 млн руб., или по 61 млн. руб. ежегодно. По отдельным, наиболее важным статьям сокращения составляли (млн. руб.) ¹¹¹:

Полевая артиллерия	5,4
Тяжелая и гаубичная артиллерия	23,55
Крепостная артиллерия	28
Инженерное имущество	15,4
Воздухоплавание	около 7
Постройка крепостей и инженерное оборудование для них	17,55
Ручное оружие и патроны	16,35
Полевые железные дороги, автомобили	5,5
Продовольственные и вещевые запасы	28,3

Особенно тяжело отразился недостаток времени на снабжение русской армии артиллерией, так как 715 млн. руб., отпущенных по плану 1910 г. на вооружение сверх обыкновенных смет, рассчитывались на десять лет по 71,5 млн. руб. ежегодно, а фактически военное ведомство на перевооружение располагало шестью годами, даже если считать первым годом 1908-й.

Генерал А. А. Поливанов, являвшийся долгие годы помощником военного министра по вопросам материально-технического обеспечения армии и ответственным за материально-техническую подготовку армии к войне, в своих мемуарах ¹¹² приводит значительный материал о недостатке средств, отпускавшихся военному ведомству.

В конце 1907 г. происходил разговор военного министра с Коковцовым по вопросу о средствах. «Коковцов, очертив бедность наших средств, невозможность рассчитывать на займы, высказал, что надо иметь в виду лишь общее нарастание доходов и приход от проектированных налогов, всего около 150 млн. в год, из которых на долю Военного министерства можно рас-

¹¹¹ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, лл. 4—34.

¹¹² А. А. Поливанов. Мемуары. М., 1924. См. также ЦГВИА, ф. 46, д. 37, л. 27. Кстати, Поливанов не привлекался к ответственности за неготовность армии к войне. Больше того, буржуазно-октябристские круги выдвинули его преемником Сухомлинова на посту военного министра. Он отлично сработался с представителями буржуазии в Особом совещании по обороне государства. Тесный контакт с буржуазией являлся основной причиной освобождения Поливанова весной 1916 г. от обязанностей военного министра.

считывать на 25—30 млн. при условии сохранения той же величины денежного отпуска по предельному бюджету и по чрезвычайному кредиту, который Военное министерство имело»¹¹³. Фактические расходы по чрезвычайной смете были в два раза больше тех цифр, которые называет Поливанов. К 1908 г. было отпущено 56,2 млн. руб., в 1909 г.— 65,2 млн., а на 1910 г. намечалось отпустить 50 млн. Конечно, Коковцов отлично сознавал необходимость восстановления боевой силы армии и флота и понимал, что это восстановление требовало огромных затрат. Поэтому в принципе он высказывался за увеличение «расходов на организацию государственной обороны на суше и на море. В пределах ныне расходующихся средств по ведомствам военному и морскому,— писал он в своей записке,— мы, конечно, не можем ни воссоздать, в том или ином объеме, наш боевой флот, ни сделать действительным оплотом наши неустроенные крепости, ни довершить только что начатое дело восстановления материальной части нашей сухопутной армии. На все это требуются новые, добавочные средства, и весь вопрос сводится лишь к тому, в каком размере и каким способом должны и могут быть предоставлены эти средства»¹¹⁴.

Для решения вопроса о том, как было осуществлено финансирование армии, мы располагаем разнообразными документальными данными, а отнюдь не только мемуарами современников. Известно, что этим вопросом занималась комиссия генерала Петрова, создавшая подкомиссию под председательством члена Государственной думы Варун-Секрета. Последний представил специальный доклад «По вопросу о сокращении кредитов, испрашивавшихся Военным министерством на пополнение запасов за 1909—1913 гг.»¹¹⁵ Министр финансов Барк выдал ген. Петрову специальную справку, представляющую исследование о ежегодном сокращении смет Военного министерства как по обыкновенным, так и по чрезвычайным кредитам¹¹⁶. Кроме того, мы располагаем исчерпывающими данными самого Военного министерства, которое представило их ген. Петрову («Ведомость сокращений, произведенных в комиссиях при рассмотрении проектов как обыкновенных, так и чрезвычайных смет» на различных этапах их прохождения)¹¹⁷. Эти данные особенно ценны, так как показывают, какими инстанциями и в каком размере было произведено сокращение ассигнований.

¹¹³ Там же, л. 36.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 4, 1910 г., л. 530, лл. 377—400. Записка Коковцова от 2 января 1910 г.

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, лл. 1—16.

¹¹⁶ Там же, лл. 268—293.

¹¹⁷ Там же, лл. 18—19, 182—183; канцелярия военного министра, л. 379; со сведениями для верховной следственной комиссии, лл. 128, 379.

Кроме перечисленных выше данных имеются решения Совета министров, справка сенатора Кузьминского¹¹⁸, показания самого Сухомлинова, а также переписка военного министра с председателем Совета министров и журналы Совета министров. Весь перечисленный чрезвычайно интересный материал представляет огромную ценность не только для того, чтобы судить о частном вопросе финансирования военного ведомства, но и глубже понять финансовое положение страны и основные задачи финансовой политики правительств Столыпина — Коковцова, их отношение к вопросам реорганизации армии и восстановления морских сил.

Совет государственной обороны еще 7 апреля 1907 г. предложил военному министру испросить у царя указание о том, «не представляется ли своевременным внести на рассмотрение законодательных учреждений вопрос о неотлагательном ассигновании чрезвычайного кредита в размере 207 млн. руб., потребных на доведение армии до состояния должной боеспособности»¹¹⁹. Речь шла в основном о пополнении боевых запасов. В январе 1908 г. военный министр препроводил министру финансов соответствующее постановление Совета государственной обороны, за подписью вел. кн. Николая Николаевича. Размер кредита, как видим, небольшой — немного более 200 млн. руб.¹²⁰

По поводу просьбы военного министра министр финансов представил царю специальный доклад, в заключительной части которого говорилось, во-первых, о непосильности для военного ведомства использования единовременного отпуска 207 млн. руб. на пополнение запасов; во-вторых, и это самое главное, Министерство финансов указывало на наличие дефицита в государственной росписи 1908 г. в размере от 189,6 до 205 млн. руб., вследствие чего «единовременный отпуск в текущем году *такой огромной суммы (207 млн. руб.— А. С.) затруднителен для государственного казначейства*»¹²¹. Затем Министерство финансов требовало от Военного министерства, чтобы оно до обращения в Государственную думу с просьбой об ассигновании кредитов на пополнение запасов выработало «общий план этого восстановления» и определило как общую сумму необходимых расходов, «так равно и время его выполнения, а равно и размер ежегодных на этот предмет отпусков»¹²².

На ближайший 1908 г. Министерство финансов предлагало

¹¹⁸ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, лл. 323—329. Справка № 3 об испрошении ассигнования чрезвычайных кредитов на потребности военного ведомства.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же (Курсив наш.— А. С.).

¹²² Там же, п. 3.

ограничиваться лишь частичным восстановлением запасов «на наименее обеспеченной от внешнего нападения границе»¹²³, причем такую границу находили не на западе — против Германии и Австро-Венгрии, а на Кавказе. Затем, фактически отказывая военному ведомству в новых кредитах, Министерство финансов предлагало изыскать средства на «расходы по неотложному восстановлению запасов» за счет тех обыкновенных кредитов, которые испрашивались министерством по росписи на 1907 г. Кроме того, Министерство финансов заявило, что размер заявки военного ведомства на 1908 г. на восстановление запасов «во всяком случае должен быть ограничен такой цифрой, чтобы ассигнования эти не имели последствием сколько-нибудь значительного увеличения указанного выше дефицита в 205 млн. руб. по росписи на 1908 год»¹²⁴. Следовательно, Министерство финансов фактически провалило заявку военного ведомства на пополнение боевых запасов, откладывая решение этого вопроса до более благоприятного времени.

Николаю II понравился доклад министра финансов, и он одобрил все его «соображения». Царю казалось, что министр финансов указал Военному министерству «очень хороший выход». В своей пространной резолюции он фактически осудил позицию военного министра, находя, «что нельзя *предъявлять к казначейству неожиданные требования* на столь крупные средства»¹²⁵. Денег не было, и министр финансов подсказал царю бюрократический способ «решения» вопроса за счет внутренних возможностей военного ведомства. На деле это означало провалить вопрос и потерять еще год времени.

Совет министров образовал специальную комиссию «для полного выяснения» вопроса о размере средств, необходимых для доведения армии до состояния «должной боеспособности»¹²⁶. Формулировки Совета министров страдают такой расплывчатой неопределенностью, что сами по себе ясно выдают нежелание правительства отдать себе полный отчет в состоянии вооружения армии и привести его к уровню, который диктовал опыт русско-японской войны и вооружение возможных будущих противников. Военное министерство составило план пополнения запасов, который требовал специальных ассигнований в разме-

¹²³ Там же, п. 4.

¹²⁴ Там же, п. 7.

¹²⁵ Там же (Курсив наш.— А. С.). Особенно примечательно выражение «неожиданные требования», указывающее, что Николай не отдавал себе отчета в реальном состоянии армии после русско-японской войны и не принимал во внимание решение Совета государственной обороны.

¹²⁶ Разумеется, никакой «должной боеспособности» армии путем затрат 200 млн. руб. достичь нельзя было ни в отношении артиллерии, ни в отношении винтовок. Мобилизационный запас снарядов на орудие в России был в два раза меньше, чем в Германии.

ре 324,7 млн. руб. в течение 1908—1915 гг. Правда, основная часть расходов в количестве 310 млн. руб. должна была быть произведена до 1911 г. включительно, так как на 1912—1915 гг. приходилось лишь около 14 млн. руб. ассигнований. Под давлением Министерства финансов и правительства Военное министерство растягивало на 8 лет самые элементарные улучшения в армии. Но и предложенный Военным министерством план ассигнований был правительством сокращен до 293,1 млн. руб., а самые ассигнования были распределены в следующей постепенности (в млн. руб.)¹²⁷.

1908 г.	53,1	1912 г.	23,4
1909 г.	68,4	1913 г.	16,7
1910 г.	63,3	1914 г.	12,5
1911 г.	54,5		

В таком урезанном виде утвержденный правительством план был внесен на рассмотрение Государственной думы. На первые четыре года было намечено ассигнований почти на 100 млн. руб.— менее того, что просило военное ведомство, а на остальные три года — 1912—1914 — в три раза более. Но законом 3 июня 1908 г. был утвержден расход в той части, которая касается ассигнований на 1908 г., а на последующие годы были утверждены кредиты на такие мероприятия, которые требовали заключения контрактов на срок в два или более года. Фактически законом были утверждены расходы на 92 097 тыс. руб.¹²⁸

Итак, правительство и «законодательные учреждения», т. е. помещики и буржуазия сочли невозможным утвердить предложенный Военным министерством ограниченный план пополнения боевых запасов армии. Они еще более урезали его. Следовательно, спустя три года после окончания русско-японской войны столыпинская монархия оказалась неспособной разработать и обеспечить с финансовой стороны сколько-нибудь значительный план серьезных военных реформ и повышения технического и артиллерийского оснащения армии.

В 1909 г. Военное министерство просило уже больше, чем в предыдущий год, не на 20—30, а на 67 млн. руб. Как свидетельствует в своих мемуарах Поливанов, Коковцов назвал требования Военного министерства «немыслимыми»¹²⁹, однако вынужден был отпускать денег гораздо больше, чем намеревался ранее.

Во втором томе воспоминаний Коковцова много страниц за-

¹²⁷ В связи с годовой разбивкой ассигнований получается не 293,1, а 293,9 млн. руб.

¹²⁸ 1908 г.— 52 023 тыс. руб., 1909 г.— 17 315 тыс., 1910 г.— 12 219 тыс. и 1911 г.— 10 540 тыс.

¹²⁹ А. А. Поливанов. Мемуары, стр. 89—90.

нимают описания многочисленных столкновений министра финансов с Сухомлиновым на почве необоснованных и мало оправданных, как казалось Коковцову финансовых требований военного ведомства. Коковцов был невысокого мнения о Сухомлинове как военном министре, который всегда поверхностно и плохо был подготовлен к тому, чтобы отстаивать интересы порученного ему дела. А так как военное ведомство действительно плохо работало и не умело толково и быстро размещать заказы и расходовать уже отпущенные кредиты, то это давало сильные аргументы в руки министра финансов. И перед Николаем II, и в Совете министров, а если требовалось, то и перед союзниками, Коковцов козырял огромными денежными средствами, числящимися неизрасходованными на счетах Военного министерства. Начальник французского генерального штаба генерал Жоффр во время пребывания в Петербурге приехал с визитом к Коковцову. Последний не преминул сообщить Жоффру и его свите о том, что военный министр имеет свыше 200 млн. руб. неиспользованных кредитов, чем вызвал немалое удивление французов. В ответ на просьбу французских офицеров объяснить причины этого казавшегося им непонятным факта Коковцов сказал, что это «происходит главным образом оттого, что у нас, в противоположность Франции, отпуск кредитов значительно опережает исполнительные действия, которые отличаются у нас большой медлительностью, недостаточною работанностью деталей, частыми изменениями распоряжений и вообще недостаточной подготовленностью своего исполнительного аппарата»¹³⁰.

Коковцов не верил в скорый конец мирных отношений и поэтому не особенно торопился обеспечить важнейшие оборонные мероприятия. Едва ли в 1909 или 1910 гг. у кого-либо из русских государственных деятелей были серьезные сомнения в возможности реализовать десятилетнюю программу морского строительства или перевооружения армии. Последующие события показали всю необоснованность этого оптимизма. Однако оставаясь верным объявленным им финансово-бюджетным принципам — свести бюджет без дефицита и по возможности не прибегать к внешним займам, — финансовое ведомство не имело возможности сколько-нибудь широко идти навстречу пожеланиям Морского и Военного министерств. Конечно, за счет некоторого перераспределения средств между ведомствами оно могло бы выкроить несколько десятков миллионов рублей, и только. Проценты по долгам увеличились, расходы Главного управления земледелия и землеустройства в связи со столыпинской политикой неуклонно росли, и министр финансов был лишен возможности поставить им какую-либо

¹³⁰ В. Н. Коковцов. Указ. соч., т. II, стр. 180—181.

преграду: росли, хотя и медленно, и другие расходы. Косность и традиции, а главное — консолидация реакционных элементов вокруг трона не давали и слабой надежды на сокращение расходов по остальным ведомствам. Напротив, Министерство двора, министерства юстиции, внутренних дел, Святейший синод и другие настойчиво добивались увеличения своих бюджетов и преуспевали в этом. Поэтому на долю Военного министерства оставалась лишь часть ежегодного прироста доходов.

Изучение материалов показывает, что правительство в целом не поставило во всем объеме вопрос о быстрейшем осуществлении перестройки военного ведомства и о необходимых для этого средствах.

Примером, ярко показывающим политику правительства в отношении военного ведомства, является особое заседание Совета министров от 9 июня 1909 г., журнал которого был утвержден царем 31 июля того же года. Обсуждался скромный, казалось бы, технический вопрос «О мерах к упорядочению составления смет на 1910 год»¹³¹. На самом деле это заседание было посвящено основам всей финансово-бюджетной политики и заявке военного ведомства.

Военный министр давал объяснения Совету министров. Как политическое положение, так и результаты войны, говорил он, требуют от военного ведомства «обновления всей нашей военной организации, перемены в дислокации войсковых частей, иного порядка их развертывания, новых приемов инженерной защиты государства и целого ряда других мер. В то же время не пополнены еще нарушенные минувшей войной материальные запасы армии, а техническая ее часть отстала от других государств»¹³².

Все эти мероприятия требовали от государства значительных средств. Военное ведомство обещало за счет экономии в пределах существующих смет покрыть все расходы по новым формированиям. Однако оно не исключало «новых единовременных расходов». Военное ведомство решительно выступило против сокращения численности войск — путь, на который толкало Министерство финансов. Оно обещало пересмотреть сметы в сторону сокращения расходов в связи с реорганизацией армии (60 млн. руб. единовременно и 30 млн. руб. ежегодно) и пересмотреть расходы на восстановление запасов (293 млн. руб.). Все это делалось с исключительной целью «уменьшить

¹³¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 20, д. 35. Особый журнал Совета министров от 9 июня 1909 г. В проекте росписи расходов на 1910 г. фигурировало огромное количество (579) «условных назначений» кредитов, против которых выступал министр финансов. Сокращая их количество, он фактически сокращал размер ассигнований.

¹³² Там же.

новые свои требования к финансовому ведомству», но и это не устраняло необходимости значительных новых единовременных расходов.

В результате обмена мнениями Совет министров принял важное решение, которое по сути дела относилось лишь к военному и морскому ведомствам и устанавливало им предельные бюджеты, сверх которых они не могли ничего получить.

«Совет министров убежден,— говорится в решении,— что средства, ныне ассигнуемые в распоряжение военного и морского министров, являются *высшим пределом тех жертв, которые может нести казна на дело государственной обороны*. Если неудачная война в значительной степени нарушила организацию армии и флота, то едва ли не в большей степени сначала та же война, а затем внутренняя смута подорвали экономическое благосостояние населения и производительных сил страны, что, в свою очередь, не могло не отразиться крайне неблагоприятно на государственном хозяйстве, выдержавшем ряд тяжелых испытаний, при беспримерном напряжении всех финансовых ресурсов казны»¹³³. Далее говорится о необходимости более широкого удовлетворения экономических и культурных нужд страны и крайне медленном росте доходов.

Данное решение с предельной ясностью показало линию политики Столыпина — Коковцова в отношении военного ведомства. Уровень расходов на 1 января 1909 г. в 470 млн. руб. был признан пределом ассигнований на армию¹³⁴. Рост обыкновенных расходов Военного министерства в 1909 г. едва достиг 10 млн. руб., не считая чрезвычайных расходов на пополнение запасов, а ассигнование на морское ведомство сократилось на 1 млн. руб. Совет министров признавал невозможным дальнейший *рост* бюджета Военного министерства даже в пределах 1909 г. «Вполне понятно,— говорится в решении Совета министров,— что дальнейшее в таких же размерах повышение военных издержек *является для государства явно непосильным*. Не подлежит сомнению, что подготовка финансовых ресурсов представляется для государственной обороны едва ли не столь же необходимою, как и развитие боевых сил»¹³⁵. Военное министерство менее всего рассчитывало на такой оборот дела.

Судя по данным Министерства финансов, которое никак нельзя обвинить в сочувствии к Военному министерству, обик-

¹³³ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, л. 39. Копия особого журнала Совета министров от 9 июня 1909 г. (Курсив наш.— А. С.).

¹³⁴ По отчетам Госконтроля, расходы военного ведомства в 1909 г. составили 473,4 млн. руб., а морского — 92,2 млн. Общие расходы на армию и флот увеличились по сравнению с 1908 г. на 9,6 млн. руб. В 1908 г. на армию и флот было израсходовано 556 млн. руб. (см. Отчет Госконтроля за 1908 г., стр. 601—629; за 1910 г., стр. 41).

¹³⁵ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, л. 39 (Курсив наш.— А. С.).

новенная смета последнего на 1909 г. была сокращена на 50,7 млн. руб.¹³⁶, в том числе на 33,1 млн. за счет интендантского ведомства. С точки зрения подготовки армии к новой войне имеет большое значение сокращение 9,9 млн. руб. на артиллерию и артиллерийское снабжение¹³⁷ и 4,5 млн. руб. на военно-техническое снабжение. Что касается сокращения ассигнований в 40 млн. руб. «на текущие потребности армии», то министр финансов объяснял их главным образом учетом «ожидаемого недокомплекта в строевом составе армии». По чрезвычайной смете Военное министерство получило 68 409 тыс. руб. ассигнований вместо 74 977 тыс., т. е. заявка была сокращена на 6568 тыс. руб. Большая часть этих средств относится к расходам на артиллерию, ручное оружие, авиационное оборудование, подъездные пути и образование интендантских запасов. Следовательно, общий размер сокращений Военного министерства на 1909 г. составил 57,3 млн. руб., из которых около 17,5 млн. руб. предназначалось на артиллерию, пулеметы и военно-техническое снаряжение.

Сухомлинов не согласился с Советом министров в определении расходов на 1910 г., с одной стороны, «ввиду предстоящего в 1910 г. обновления всей нашей военной организации, на что потребуются весьма значительные средства, а с другой — вследствие естественного роста обыкновенных потребностей военного ведомства». Но Совет министров твердо остался при своем мнении.

Данное решение, в полной мере вскрывающее финансовое положение страны и перспективы в расходовании средств, объясняет, почему была провалена выработанная в 1909 г. Морским министерством десятилетняя программа судостроения. Она требовала для своей реализации 1125,4 млн. руб. Особое совещание под предводительством Столыпина 3 августа 1909 г. провалило ее и предложило Морскому министерству сократить расходы. 15 ноября 1909 г. морской генеральный штаб представил сокращенную программу судостроения. Она предусматривала до 1919 г. расходы в сумме 776,9 млн. руб. Но и эта сокращенная программа оказалась слишком большой все из-за того же недостатка средств и была в третий раз пересмотрена и сокращена до 698 млн. руб. Коковцов говорит в своей записке от 2 января 1910 г. именно об этой сумме для морского ведомства и 730 млн. руб. для армии — на десятиле-

¹³⁶ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, лл. 268—293. Справка № 1 от 20 октября 1915 г., представленная ген. Петрову Министерством финансов.

¹³⁷ Сокращение 9,9 млн. руб. по артиллерийской смете слагалось из 4 млн. руб. на вооружение крепостных и ссадных полков, 0,8 млн. руб. — на горную артиллерию, 2,5 млн. руб. — на увеличение патронов на практику, 1,5 млн. руб. — на пулеметные команды и других расходов на технику.

тие. Причем он находил возможным «несколько удлинить» десятилетний срок — до 12 лет, что снижало ежегодные ассигнования на армию и флот до 100 млн. руб. Помимо этой суммы чрезвычайных расходов, Коковцов указывал и на другие — 150 млн. руб. на пополнение запасов в течение 4 лет и около 60 млн. в год на расходы по сооружению Амурской железной дороги. Таким образом, ежегодные потребности армии, флота и Амурской ж. д. по чрезвычайным расходам достигали 200 млн. руб., кроме неизбежного увеличения графы обыкновенных расходов. Обращаясь к правительству, Коковцов спрашивал: где взять денег? заключать новые займы или повышать налоги? И он сам, и правительство высказались за налоги.

24 февраля 1910 г. Совет министров утвердил десятилетнюю программу восстановления армии и флота и постановил войти в Государственную думу с законопроектом об отпуске на государственную оборону 1413 млн. руб., в том числе 715 млн. руб. по военному ведомству и 698 млн. руб. — по морскому. Общие ассигнования в 715 млн. руб. на армию делились: а) на пополнение запасов и материальной части армии — 147,3 млн. руб.; б) на усовершенствование крепостей — 372,6 млн. руб.; в) на заготовление тяжелой артиллерии — 81 млн. руб. и г) на постройку стратегических дорог — 114 млн. руб. Следовательно, ежегодные чрезвычайные ассигнования на армию и флот были немного больше 140 млн. руб. (141,3 млн.)¹³⁸, в том числе по 71,5 млн. руб. ежегодно на сухопутную армию. Лишь в этих пределах чрезвычайные расходы оказались посильны для государственного казначейства.

В отношении морского флота основная часть средств шла на новое судостроение — 539,3 млн. руб., из них 478,8 млн. — на новые корабли для Балтийского моря. Довольно значительные средства отпускались на постройку портов и оборудование театра военных действий — 76,7 млн. руб. и на пополнение неприкосновенных запасов — 53,5 млн. руб. Морское ведомство предусмотрело значительные ассигнования на оборудование судостроительных заводов (28,5 млн. руб.), чего не сделало Военное министерство в отношении своих артиллерийских заводов. Огромные средства на крепости (373 млн. руб.) и на укрепление театра Балтийского моря (614 млн. руб.) подчеркивают прежде всего, что эта программа была рассчитана на подготовку к войне с Германией¹³⁹. В то же время пристрастие военного ведомства к строительству крепостей, рассчитанному на

¹³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 20, д. 42. Особый журнал Совета министров 24 февраля 1910 г., утвержденный Николаем II 25 марта 1910 г.

¹³⁹ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, справка № 3, лл. 323—329; М. А. Петров. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926, стр. 133—136.

длительный срок, мало согласовывалось с обязательствами России перед Францией перейти в наступление вскоре после всеобщей мобилизации. Крепости были нужны для обороны, и их строительство как бы подчеркивало отсутствие уверенности в ведении наступательной войны.

Обсуждение вопроса в Совете министров показывает на стремление Коковцова растянуть кредиты не на 10, а на 12 лет, в чем он не встретил поддержки со стороны Совета. Кроме того оба министерства — и военное, и морское — намечали большие ассигнования на первые годы и сокращение их к концу срока. Совет министров, по требованию Коковцова, обязал министерства провести более равномерное распределение кредитов на весь срок, что, конечно, меньше обеспечивало готовность вооруженных сил к войне. Совет министров признал эти ассигнования *«пределными»*, т. е. не подлежащими увеличению. Военный и морской министры согласились с этим, но сделали оговорку относительно возможности крупных политических осложнений или новых технических изобретений, которые могут потребовать *«коренного обновления материальных средств нашей государственной обороны»*. Коковцову удалось фактически уменьшить ассигнования на флот на 150 млн. рублей, которые были признаны израсходованными ранее. Поэтому, хотя в протоколах Совета министров и значится цифра в 1413 млн. рублей, речь фактически шла о сумме в 1263 млн. рублей, которая должна была *«исчерпывать собой»* все расходы по государственной обороне¹⁴⁰. Финансирование этих расходов решено было осуществить за счет введения новых налогов. Половину всех средств должна была дать водка, налог на ведро которой повышался с 8 р. 40 к. до 10 рублей.

В ходе обсуждения, по-видимому по предложению Столыпина, Совет министров признал необходимым создание общего плана в области развития вооруженных сил империи, объединяющего деятельность всех министерств. Но эта рациональная мысль, на реализацию которой решено было *«обратить самое серьезное внимание»*, была предана забвению, так как выработка такого плана потребовала бы значительного времени; кроме того, такой план потребовал бы также *«непосильных для государственного казначейства затрат»*. Само правительство распалось в невозможности сделать что-либо более серьезное в укреплении государственной обороны, чем частичные и малосвязанные с общим подъемом промышленности страны меры.

¹⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 20, д. 42. Особый журнал Совета министров от 24 февраля 1910 г. «О мерах к усовершенствованию государственной обороны и порядке покрытия вызванных сими мерами расходов». Нельзя не обратить внимания на самую слабую сторону этой программы — увеличение крепостями и полную недооценку военным ведомством промышленной мобилизации страны — как казенных, так и частных заводов.

Однако несмотря на стремление правительства уложить расходы на армию и флот в рамки «предельного бюджета», на деле ему пришлось увеличивать их. Происходило это вследствие общего соревнования великих держав в росте вооружения, а также благодаря усилению финансового капитала внутри страны и империалистических устремлений буржуазии и помещиков.

Уже в октябре 1910 г. Совет министров принял дополнительные ассигнования по морскому и военному министерствам¹⁴¹, выдвинутые желанием усилить позиции России на Черном море, т. е. против Турции¹⁴². В следующем году на Черном море были заложены 3 линейных корабля. В 1911 г. была разработана программа усиленного судостроения Балтийского флота. В том же году был разработан генеральный план развития флота до 1930 г. — «Закон об императорском российском флоте»¹⁴³. Программа усиленного судостроения¹⁴⁴ требовала для своей реализации кроме уже истраченных 250 млн. руб. еще 512,6 млн. Эта сумма была сокращена до 502,7 млн. Все же предельный бюджет по морскому ведомству вырос более чем на 50 млн.

Государственная дума в 1912 г. утвердила программу судостроения. В конце 1912 г. Совет министров утвердил распределение заказов на постройку судов по пятилетней программе 1912—1916 гг.¹⁴⁵ Распределение морских заказов на полмиллиарда рублей и перспективы новых миллиардных заказов разжигали аппетиты банковских воротил. Все хотели получить казенные заказы, так как это сулило огромное обогащение. В движение были приведены скрытые силы. Французское правительство в лице Пуанкаре и Министерство иностранных дел России стремились, чтобы не обидели союзную Францию и дали бы заказ французским предприятиям в России и в самой Франции. Германский император Вильгельм II обрабатывал морского министра Григоровича, обещая построить «скоро и хорошо» новейшие типы судов. Сам Григорович как будто поддерживал русские фирмы и англичан. Однако тот же Григорович четко улавливал настроения при дворе и в соответ-

¹⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 20. Особый журнал Совета министров 6 октября 1910 г.

¹⁴² Для Черного моря строились 3 линейных корабля и 9 эскадренных миноносцев.

¹⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 444, лл. 94—112.

¹⁴⁴ По этой программе предусматривалось для Балтийского моря 4 броненосных крейсера, 4 легких крейсера, 36 эскадренных миноносцев, 12 подводных лодок, по 2 легких крейсера для Черного моря и Тихого океана и 6 подводных лодок для Тихого океана.

¹⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 20, д. 60. Особый журнал Совета министров от 4 октября 1912 г.; ф. 1276, оп. 2. 1907 г., д. 444.

ствии с ними 15 сентября 1912 г. в письме в Совет министров высказался за передачу строительства двух легких крейсеров германской фирме Шихау в Эльбинге.

Немцы получили этот заказ, а в дополнение к нему германский филиал Шихау в России — фирма Цизе — получила еще заказ на 9 миноносцев. Характерно, что Совет министров принял решение о передаче немцам части заказов вопреки мнению всех гражданских представителей в Комитете по судостроению. Товарищ министра торговли и промышленности Коновалов доказывал в Совете министров ошибочность этой меры, но безуспешно. Немецкие фирмы получили большие заказы на оборудование, а вместе с ними и авансы. Подавляющее большинство заказов к началу войны 1914 г. не было выполнено. За русские деньги германский флот получил 2 новых легких крейсера, которые вступили в строй¹⁴⁶. Такова была политика правительства и морского министра Григоровича, который в своих мемуарах прикидывается покровителем отечественной промышленности¹⁴⁷.

Что же было сделано реально для перевооружения флота?

По отчетам Государственного контроля, за 1908—1914 гг. (до начала войны) из 754,5 млн. руб. намеченных ассигнований было израсходовано около 302 млн. Перевыполненной оказалась лишь финансовая программа 1907 г., когда было израсходовано 137,3 млн. руб. вместо предполагавшихся 126,7 млн. Программа усиления Черноморского флота 1911 г. в финансовом отношении была реализована на три четверти. Что же касается строительства флота для Балтийского моря, то успели израсходовать около одной пятой ассигнований — 89,2 млн. руб. из намеченных 421 млн. Строительная программа Черного моря по линкорам была закончена в ходе первой мировой войны. За 9 лет, прошедших после Цусимы, несмотря на большую шумиху вокруг флота в Думе и газетах, правительство обеспечило в финансовом отношении лишь 40% намеченных мероприятий в области судостроения. Из огромных средств, поглощенных

¹⁴⁶ В решении Совета министров содержатся позорные слова о том, что передача заказа немецким фирмам «не может возбуждать, по мнению Совета министров, каких-либо опасений с точки зрения нашей государственной безопасности». Между тем, помимо двух легких крейсеров, немецкие фирмы не поставили оборудование на один крейсер и 6 миноносцев для Путиловского завода, паровые турбины для крейсера и 2 миноносцев Русско-Балтийскому заводу, дизеля и оборудование для эсминцев и подводных лодок Невскому заводу и заводу Беккер. Все это нанесло огромный ущерб Балтийскому флоту. Подробно об этом см. в диссертации К. Ф. Шаццлло «Монополистический капитализм в судостроительной промышленности в России» (М., 1958).

¹⁴⁷ Именно по настоянию Григоровича Совет министров еще 17 сентября 1912 г. в принципе решил предоставить заказ на 2 корабля «одному из заграничных заводов», т. е. немецкой фирме Шихау.

Морским министерством (1040 млн. руб.), на новое судостроение было израсходовано менее 30%, а остальные средства пошли на обычные расходы одного из самых рутинных и кастовых ведомств. Таково было положение во флоте.

С перевооружением сухопутной армии и строительством крепостей дело обстояло не лучше. Пока Совет министров обсуждал программу перевооружения, текущие сметы урезывались.

Обыкновенная смета военного ведомства на 1910 г. была сокращена на 30,3 млн. руб.¹⁴⁸ (а по исчислению Министерства финансов — на 31 млн. руб.). Основная часть сокращений приходится на интендантское ведомство, но ассигнования на артиллерию и инженерное оборудование также были урезаны на 6,8 млн. руб. По чрезвычайной смете ассигнования были сокращены на 17 328 тыс. руб. (по исчислению Министерства финансов — на 13 363 тыс.), из них — на 5,6 млн. руб. на оружие, патроны и авиационное имущество.

Смета Военного министерства на 1911 г. была сокращена по обыкновенным расходам на 35 млн. руб., главным образом по интендантскому ведомству в связи с изменением цен на продукты, учетом недокомплекта в строевом составе и экономией, которую военное ведомство могло осуществить. Около 2 млн. руб. сокращений приходилось на артиллерию, инженерное имущество и медикаменты. Чрезвычайная смета Военного министерства была урезана на 48 378 тыс. руб.¹⁴⁹ Военное ведомство не только хотело получить 71,5 млн. руб., которые были определены только что утвержденным планом на десятилетие, но и сверх того 26 748 тыс. руб. на изготовление тяжелой артиллерии и усиление крепостей за счет свободных кредитов по чрезвычайным сметам 1908—1910 гг. Правительство отказало в этих дополнительных ассигнованиях и, кроме того, основную плановую сумму ассигнований (71,5 млн. руб.) сократило почти на 22,9 млн. руб. главным образом за счет сокращения ассигнований на запасы и усовершенствование крепостей. Мотивы сокращения — накопление у Военного министерства значительных неизрасходованных средств от смет предыдущих лет.

На 1912 год обыкновенная смета Военного министерства была сокращена на 9,8 млн. руб., из которых почти 2 млн. руб. приходится на артиллерию. Что касается чрезвычайной сметы военного ведомства на 1912 г., то она была представлена в сумме 94,3 млн. руб., а утверждена в размере 70 млн. Министерство финансов признает сокращение около 7 млн., так как

¹⁴⁸ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, лл. 268—293. Справка № 1 министерства финансов. См. разделы по обыкновенным и чрезвычайным сметам на 1910 г.

¹⁴⁹ По исчислению Министерства финансов, сокращение расходов чрезвычайной сметы достигало лишь 22,9 млн. руб.

после сокращений сметы в ряде инстанций она фигурировала в сумме 77 645 тыс. руб. Основная часть сокращенных средств приходить на ручное оружие, артиллерию и инженерное имущество.

Близорукая бюджетная политика Коковцова находила поддержку правительства во главе со Столыпиным, которое отнюдь не собиралось «баловать» Военное министерство. Реорганизация армии, увеличение флота, пополнение боевых запасов, перевооружение артиллерии, строительство крепостей, по мнению правительства, должны были производиться систематически, но медленными темпами. Правительство рассчитывало, что в его распоряжении будет по крайней мере десять лет, если не более. Поэтому оно решительно отказывалось и от заключения новых займов на нужды обороны,

5 мая 1911 г. Совет министров вновь рассматривал письмо военного министра об увеличении сметы расходов на 1912 г. на 34,5 млн. руб. Больше половины просимых средств предназначалось на проведение новых мероприятий, вызванных главным образом ростом технических средств обороны. Учитывая возможные сокращения расходов по другим статьям, ген. Поливанов, выступавший на заседании Совета министров, требовал прибавки ассигнований в 27,6 млн. руб. и в крайнем случае соглашался на 19 млн. руб. После длительного обсуждения Совет министров согласился прибавить 10 млн. руб., но и эту прибавку было решено поставить в зависимость от сведения государственной росписи на 1912 г.¹⁵⁰

В следующем 1912 г. Совету министров вновь пришлось заниматься сметой Военного министерства на 1913 г., так как разоглася по смете, рассматривавшейся в особом совещании под председательством помощника военного министра, остались неустраненными¹⁵¹. Главным оппонентом Военного министерства, интересы которого защищались помощником военного министра генералом Вернандером, выступил председатель Совета министров и министр финансов Коковцов. По его мнению, смета военного ведомства превышала сумму назначений 1912 г. «более чем на 103 млн. руб., в том числе на 65 млн. руб.— по обыкновенному бюджету и на 38 млн. руб. по чрезвычайному»¹⁵². Учитывая соответствующий рост расходов других ведомств, Коковцов указывал, что проект росписи

¹⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 20, д. 51. Особый журнал Совета министров от 5 мая 1911 г. (копия в ЦГВИА, ф. 46, д. 37).

¹⁵¹ Там же, д. 60. Особый журнал Совета министров от 13 сентября 1912 г.

¹⁵² Там же, д. 54. Фактический расход военного ведомства в 1913 г. превышал расход предыдущего года на 53,2 млн. руб.

был бы тогда сведен с дефицитом около 60 млн. руб., что он считал недопустимым.

Поскольку правительство по политическим соображениям стремилось представить в законодательные учреждения бездефицитный проект росписи, министр финансов и государственный контролер предложили сократить смету военного ведомства на 57—59 млн. руб., т. е. уничтожить предполагаемый дефицит всей росписи за счет снижения ассигнования одному Военному министерству. Обоснованные соображения генерала Вернандера о том, что ряд других ведомств и министерств получает на 1913 г. больший прирост средств, чем военное ведомство, не были приняты во внимание, и Совет министров произвел сокращение ассигнований якобы «без вреда для интересов государственной обороны»¹⁵³, как говорится в журнале Совета министров. Военное министерство запроектировало чрезвычайные расходы на 1913 г. в сумме 108 млн. руб., т. е. значительно больше, чем было установлено планом 1910 г. (71,5 млн. руб.). Совет министров не согласился с военным ведомством. В своей мотивировке он указал, что такой крупный рост чрезвычайных расходов грозит «бюджетному равновесию» и может вызвать «самые серьезные нарекания со стороны законодательных учреждений»¹⁵⁴.

Особенно легко Совет министров пошел на сокращение чрезвычайных кредитов, так как из этих кредитов, отпущенных в предыдущие годы, якобы остались неизрасходованными 88 млн. руб. При обсуждении этого вопроса выяснилось, что медлительность в расходовании отпускаемых средств — результат не только косности и бюрократизма работников военного ведомства, но и слабости развития отечественной промышленности, которая не могла быстро выполнить заказы военного ведомства, а иногда и вообще их принять. Совет министров упрекал военное ведомство за то, что оно, предъявляя свои требования, «исходило преимущественно из соображений своих потребностей, недостаточно считаясь с действительной производительностью отечественной промышленности. Между тем нет сомнений, что частные заводы далеко не в должной мере оборудованы и подготовлены для своевременного выполнения столь значительных заказов. Поэтому неиспользованные в сметном году ассигнования переходили на следующие годы, а частью даже поступили в ресурсы казны или же, с разрешения законодательных учреждений, обращались на иные потребно-

¹⁵³ Смета Военного министерства на 1913 г. была исчислена в сумме 667,7 млн. руб., или на 104,6 млн. руб. больше, чем в 1912 г.

¹⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 20, д. 60. Особый журнал Совета министров с пометой царя от 10 января 1913 г. (копия в ЦГВИА, ф. 46, д. 37).

сти»¹⁵⁵. Казалось бы, из данной констатации надо было сделать вывод о необходимости помощи казенной и частной промышленности, но в этом отношении ровно ничего не было сделано.

Совет министров предложил ограничить чрезвычайные расходы суммой 86—87 млн. руб. После всех сокращений расходы Военного министерства на 1913 г. составили 638,6 млн. руб., или превышали смету текущего года на 75,5 млн. руб. Совет министров считал, что такое увеличение военных расходов в течение одного года он «не может не признать чрезмерным»¹⁵⁶, однако, чтобы не беспокоить разногласиями царя, отказывался от дальнейших сокращений.

В действительности обыкновенная смета на 1913 г. была сокращена на 18,7 млн. руб., в том числе на 5 млн. руб. по артиллерии и инженерному оборудованию. Что касается чрезвычайной сметы, то, по данным Военного министерства, она была сокращена больше чем на 65 млн. руб. Хотя Министерство финансов считало, что эта цифра «не поддается проверке», все же оно определило сумму сокращений в 25 млн. руб. Это сокращение коснулось главным образом ручного оружия и патронов — на 7 млн. руб., крепостных построек, артиллерии и инженерного имущества — на 6,7 млн. руб.

Совет министров отверг требования военного министра и продиктовал ему свои темпы перевооружения армии. Однако менее чем через два месяца Военное министерство без разговоров получило все то, что оно просило ранее, и даже с значительным увеличением. Причина заключалась в обострении положения на Балканах, которое угрожало втянуть в войну Россию. На двух заседаниях — 31 октября и 2 ноября 1912 г.¹⁵⁷ — Совет министров обсуждал требование военного ведомства о сверхсрочном кредите в 66 млн. руб. на усиление боевой готовности армии. Это чрезвычайное ассигнование было связано не с узкопредвостановительными расходами, а имело в виду «исполнение обширных предположений по усилению

---

¹⁵⁵ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, л. 70. Выяснилось, что из отпущенных на крепостное строительство 27 млн. руб. израсходовано лишь 17 млн.; из 49 млн., отпущенных за 1909—1912 гг. на крепостную тяжелую артиллерию, израсходовано лишь 17 млн. и не израсходовано 32 млн. руб. Лидер октябристов А. И. Гучков, выступавший 13 апреля 1912 г. в Гос. думе, указывал на значительные успехи в перевооружении армии, в снабжении ее остроконечной пулей, полевой и осадной артиллерией. Вместе с тем он указывал на медлительность заготовительных операций, особенно тех, которыми руководит Главное артиллерийское управление. Это, говорил Гучков, «больное место военного ведомства». Но и здесь он призывал «некоторое улучшение».

¹⁵⁶ Там же, л. 72 (Курсив наш. — А. С.).

¹⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 20, д. 60. Особый журнал Совета министров от 31 октября и 2 ноября 1912 г., утвержденный царем 30 ноября 1912 г.

материальной части армии и пополнению запасов»¹⁵⁸. Теперь уже Совет министров требовал от Военного министерства осуществить намеченные мероприятия «в наикратчайший срок». В течение одного дня, в перерыве между двумя заседаниями, особое междуведомственное совещание рассмотрело и протемпелевало заявку министерства на 66,8 млн. руб., из которых только 13 млн. руб. входило в смету 1913 г., а 55 млн. руб. отпускались сверх уже утвержденной сметы¹⁵⁹. Значительные средства — около 15 млн. руб. — должны были быть израсходованы за границей на покупку предметов технического снаряжения.

Даже Коковцов согласился не возражать «против безотлагательного отпуска дополнительных сумм». Этот чрезвычайный кредит, на расходование которого до начала мировой войны в распоряжении военного ведомства было около полутора лет, оказал серьезное влияние на мобилизационную готовность армии к войне. Этот кредит подтолкнул темпы реализации программы 1910 г., хотя, конечно, он не мог сколько-нибудь значительно изменить оснащение и снаряжение армии. Бросается в глаза мизерность средств (1 млн. руб.) на техническое оснащение казенных артиллерийских заводов.

Если теперь суммировать сокращения по обыкновенным сметам Военного министерства за 1909—1913 гг., то, по данным Министерства финансов, сумма сокращений равнялась 81,45 млн. руб., из них 23,7 млн. руб. — на расходы по артиллерийской части. Мы должны сказать, что сокращение расходов на артиллерию, проводившееся правительством систематически на протяжении пяти предвоенных лет, объективно приводило к отсталости армии и ее неподготовленности к борьбе с сильным противником. При таком отношении к артиллерии поставленная правительством задача догнать немецкую армию по силе артиллерийского огня пехотного корпуса оставалась лишь благим пожеланием.

Что касается чрезвычайных расходов, то Министерство финансов, опровергая сумму в 162 млн. руб., названную Военным министерством, все же признает сокращения в размере 75 млн. руб., которые в основном приходятся на артиллерию, патроны, ручное оружие и инженерное оборудование. Вместе с сокращениями расходов по обыкновенной смете общая сумма сокращений по этим статьям достигает довольно значительной цифры — 100 млн. руб. Дополнительные 100 млн. на расширение артиллерийских запасов и увеличение мощности ру-

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Точнее — из 53,8 млн. руб., отпущенных Советом министров сверх чрезвычайной сметы 1913 г., расходы в 4,8 млн. отнесены за счет обыкновенной сметы, а около 49 млн. отпущены сверх чрезвычайного кредита.

жейных и патронных заводов могли бы дать значительный эффект и поднять мобилизационную готовность армии к началу первой мировой войны.

Правительство вместе с военным министром несут ответственность за результаты своей же собственной политики. Недостаток средств, испытывавшийся царской Россией, толкал правительство на путь резкой «экономии». Правительство не могло поставить проблему перевооружения армии во всей широте, связать ее с общей экономической мобилизацией страны, с ликвидацией отсталости промышленности в тех отраслях, которые ближе всего связаны с военной техникой — артиллерией, производством винтовок, патронов, взрывчатых веществ и т. д. Правительство не внесло значительных коррективов в представленные планы Военного министерства. Оно их урезывало по мелочам, где только это было можно. Вырождение царского бюрократического правительства пошло еще далее, чем во время русско-японской войны. Уже тогда В. И. Ленин указывал, что царизм оказался не в состоянии обеспечить даже военные потребности страны, поднять боеспособность армии и т. д. Последующее десятилетие это подтвердило еще более яркими фактами.

Царское правительство не находило средств, чтобы поднять мобилизационную норму артиллерийских снарядов на орудие; не располагал царизм и средствами, чтобы реорганизовать военную промышленность. Больше того, существовавшие ружейные заводы накануне войны почти прекратили производство винтовок, так как якобы норма мобилизационного запаса была уже выполнена.

Представители царской бюрократии пытались свалить всю вину на одного Сухомлинова, который-де не мог расходовать деньги, отпускаемые ему, или не мог потребовать денег больше, чем ему предлагали. Действительная картина более сложна. Во-первых, у царского правительства больше денег не было, поэтому оно отпускало их так скупно, хотя Столыпин и Коковцов отнюдь не хуже Сухомлинова и военного ведомства понимали военные потребности страны и задачи повышения боевой силы армии. Во-вторых, военная машина и без того пожирала так много средств, что казалось невозможным отпускать новые сотни миллионов рублей, ибо это опрокидывало бы всю «мудрую» финансовую политику Коковцова, нарушило бы пресловутое бюджетное равновесие, толкало на путь займов. Все обостряющаяся международная обстановка, прежде всего Балканские войны, вынуждали Совет министров идти на некоторые прибавки сверх утвержденного общего плана чрезвычайных средств, немного прибавлять и по обыкновенной смете. Но все эти прибавки не могли коренным образом изменить темпы и характер

реорганизации армии и ее боевой подготовки, так как они не шли за пределы общего плана выполнения намеченных реформ в девятилетний срок. К тому же медлительность и бюрократизм самого Военного министерства, легкомыслие военного министра и нежелание его вникать в детали дела приводили к тому, что значительные кредиты¹⁶⁰ оказывались во-время неиспользованными, а это, в свою очередь, вело к сокращению новых ассигнований.

Однако не медлительность в расходовании средств Военным министерством является коренной причиной недостаточности финансовых ассигнований, а недостаток средств у плохо хозяйничавшего правительства. Обследовавший этот вопрос Варун-Секрет должен был признать, что, по мнению Государственного контроля, «основной причиной неиспользования чрезвычайных кредитов по артиллерийским сметам 1909—1913 гг. надлежит признать неисправность в выполнении заказов, зависевшую, в свою очередь, от неподготовленности заводов, запоздания в их оборудовании, новизны дела в отношении некоторых производств и т. п.»¹⁶⁰. Таким образом, и Варун-Секрет, и Государственный контроль склонны видеть основную причину в общей экономической отсталости страны, в неподготовленности русской промышленности, а не в неумении и нежелании военного ведомства своевременно тратить отпущенные средства. Эти данные подтверждаются и статистическими расчетами. Они показывают, что к 1911 г. военное ведомство израсходовало около 50% отпущенных средств, около 33% были связаны со сделанными уже заказами и около 16% кредитов остались неизрасходованными. К 1 января 1912 г. положение улучшилось — израсходовано было свыше 60%, а неизрасходованные суммы снизились до размера менее 1%; к 1 января 1913 г. процент израсходованных кредитов еще более повысился, а процент кредитов, связанных с сделанными распоряжениями, снизился. Свободный остаток составлял около 1%¹⁶¹.

Приведенный нами фактический материал подтверждает ту мысль, что не только генерал Сухомлинов (при всей ничтожности и непривлекательности этой фигуры) несет ответственность за неподготовленность русской армии к войне. Эта ответственность в равной мере должна быть отнесена ко всему царскому правительству в целом во главе со Столыпиным и Кокорцовым. Они определяли общие контуры финансовой политики, политики бездефицитного бюджета, систематически урезывали военные ассигнования, что не могло не тормозить темпов реорганизации армии и не снижать ее военно-технической готовности к войне.

¹⁶⁰ ЦГВИА, ф. 46, д. 37. Доклад по вопросу о сокращении кредитов.

¹⁶¹ ЦГВИА. Канцелярия военного министра, 1915 г., д. 379, л. 165.

Несмотря на промышленный подъем и общий рост бюджета, в распоряжении правительства были слишком ограниченные средства, чтобы можно было коренным образом и быстро разрешить основные вопросы поднятия боеспособности армии¹⁶².

Рассмотрим, какое значение для военного ведомства и вообще для обороны страны имели сокращения военных кредитов, проводившиеся разными инстанциями, о чем так много писали Сухомлинов и его соратники. Исследованием этого вопроса занималась Верховная следственная комиссия, член которой Варун-Секрет представил специальный доклад «По вопросу о сокращении кредитов, испрашивавшихся Военным министерством на пополнение запасов за 1909—1913 гг.»¹⁶³. Чтобы яснее представить всю картину сокращений кредитов различными инстанциями и оценить их значение, приведем данные «Ведомости сокращений» как по обыкновенным, так и по чрезвычайным сметам Военного министерства, представленной последней в Верховную комиссию¹⁶⁴.

По данным этой ведомости выясняется, что за пятилетие по обыкновенным сметам Военного министерства сокращения составили 247,9 млн. руб., из которых 66,5 млн. были сокращения на совещаниях из «младших чинов». Это, так сказать, первая инстанция, которая рассматривала бюджет военного ведомства. Еще больше урезывались сметы в междуведомственном совещании под председательством помощника военного министра. В этой инстанции за пять лет сокращено 127,8 млн. руб. Именно в этой инстанции финансирование армии приводили в «соответствие» с общей финансовой линией правительства. Но так как часто помощник военного министра все же оставался при своем мнении, отличном от мнения представителей других ведомств, то окончательно смета очищалась от всяких «излишков» в Совете министров. Совет министров еще сократил обыкновенную смету на 45,5 млн. руб. В «законодательных учреждениях», т. е. в Государственной думе

---

¹⁶² В связи со строительством стратегических железных дорог Кокцов заключил во Франции, под гарантию правительства, заем в размере 500 млн. франков ежегодно в течение пяти лет. Это соглашение было достигнуто в конце 1913 г. и входило в силу с 1914 г. Понятно, что оно не успело оказать практического влияния на строительство дорог (см. об этом «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», М., 1932; В. Н. Кокцов в. Указ, соч., т. II, стр. 133).

¹⁶³ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, лл. 1—16. Кроме доклада Варун-Секрета в деле собрано много ценного материала, в том числе ведомости сокращений смет Военного министерства, а также справки Министерства финансов по этому же вопросу.

¹⁶⁴ Там же, лл. 18—19.

и Государственным совете, за пятилетие она была сокращена на 8 млн. руб.¹⁶⁵

Значительный прирост обыкновенной сметы приходится на 1909 г. (48,8 млн. руб.) и на 1913 г. (почти 60 млн. руб.), а в 1910—1912 гг. обыкновенная смета Военного министерства утверждалась почти на уровне предыдущих лет. В 1913 г. вновь произошел значительный прирост, что было связано с общей политической конъюнктурой.

Все же, несмотря на политику урезывания, армия поглощала огромные средства. Только по обыкновенному бюджету за эти годы было отпущено почти 2,5 млрд. руб. Общее количество сокращений этой сметы — 240 млн. руб. — не достигает и 10% отпущенных средств. А так как правительство все же разрешило и по обыкновенной смете дополнительный расход в 64 млн. руб., то удельный вес сокращений даже по справке военного ведомства падает до 184 млн. руб., или до 7%. Сокращение обыкновенной сметы не могло сказаться сколько-нибудь значительно на боевой готовности армии.

По чрезвычайной смете Военного министерства различными инстанциями было сокращено 175,8 млн. руб., из них междуведомственным совещанием и Советом министров — свыше 70 млн. руб. Характерно, что начиная с 1909 по 1912 г. фактические назначения по росписи чрезвычайных расходов систематически отстают от утвержденных самим правительством плановых ассигнований. Этот разрыв был особенно значителен в 1911 г., когда вместо 71,5 млн. руб. было отпущено лишь 48,85 млн. руб., и в 1910 г., когда вместо 63,3 млн. руб. ведомство получило 50,2 млн. руб. Сокращения ассигнований имели тяжелые последствия для армии, так как лишили ее возможности заказать необходимое снаряжение и развернуть деятельность казенных военных заводов. Правда, в связи с Балканскими войнами правительство разрешило военному ведомству большой сверхсметный кредит. Кроме того, за пятилетие Военное министерство получило сверхсметных отпусков к чрезвычайной смете на 69 млн. руб. На эту сумму фактически должен быть уменьшен размер сокращений по чрезвычайной смете. Все же сокращения ассигнований по чрезвычайной смете, даже сравнительно с урезанной правительством по финансовым соображениям военной программой, конечно, не могли не отразиться отрицательно на военно-техническом оснащении армии перед войной. Каких видов оружия и военного снабжения это касалось, показывают следующие данные.

---

¹⁶⁵ В 1909 и 1913 гг. в этой инстанции ассигнования увеличивались, а за 1910—1912 гг. сокращались, в общем итоге сокращение составляет немного более 8 млн. руб.

Таблица 3

Наиболее крупные сокращения чрезвычайных кредитов на пополнение запасов и усовершенствование обороны за 1909—1913 гг. (тыс. руб.) *

Предмет расхода	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Полевая артиллерия	—	2000	1973	—	1419
Тяжелая гаубичная артиллерия	—	—	21656	1250	649
Крепостная артиллерия	—	—	607	2000	25425
Инженерное имущество	—	820	4031	1995	8473
Воздухоплавательное имуще- ство	—	—	2982	770	3228
Постройка крепостей	—	—	2446	5922	2000
Инженерное имущество для крепостей	—	—	—	2612	4576
Винтовочные патроны и ручное оружие	—	2017	2948	2312	9080
Полевое, железнодорожное, ав- томобильное имущество и санпо- езда	—	—	1313	1276	2930
Продовольственные запасы . .	3342	1714	6048	2795	976
Вещевые запасы	—	5114	4333	—	3984

* ЦГВИА, ф. 29, д. 379, 1915 г., лл. 126—128. Со сведениями для верховной следственной комиссии.

Как видно из приведенных данных, больше всего пострадали от этих сокращений различные виды артиллерии — крепостная, гаубичная и полевая; на их долю приходится 67 млн. руб., затем идут инженерное имущество и авиация — около 15,3 млн. руб.; очень сильно сокращены ассигнования на ручное оружие и винтовочные патроны — около 16,4 млн. руб. Неудивительно, что мобилизационный запас патронов оказался невыполненным, а в области тяжелой и крепостной артиллерии русская армия оказалась совсем неподготовленной к войне. Это привело к тому, что во время войны русское правительство вынуждено было унижаться перед своими союзниками, выпрашивая у них тяжелую артиллерию.

Правда, если бы правительство и не сократило заявок военного ведомства, это не могло бы коренным образом изменить боеспособность и техническую оснащенность армии, ликвидировать полностью ее отставание в военно-техническом оснащении от передовых армий, особенно в артиллерии, но это позволило бы внести существенный корректив в техническое

оснащение армии в начале мировой войны. Спор между военным ведомством и Министерством финансов, Сухомлиновым и Коковцовым, сводился именно к поправкам и улучшениям, не затрагивая основ боеспособности и технического вооружения армии. Правительством с самого начала дало ясно понять военному ведомству, что из-за слабости финансово-экономического состояния России никакой серьезной большой программы в течение 6—7 лет после русско-японской войны осуществить нельзя. Только в 1910 г. оно вернулось к этому вопросу. Но программа 1910 г. не обеспечивала равенства артиллерийского вооружения с германской армией и вообще намеченная правительством программа не затрагивала прежде всего технической базы армии — казенных заводов, не стимулировала технического перевооружения частной промышленности. Другими словами, армия оставалась без технико-экономического базиса на случай большой европейской войны.

Морское министерство уже в 1911 г. подготовило план усиленного развития флота, который был утвержден в 1912 г., а более значительная программа реорганизации армии была подготовлена только в 1914 г.

Общая сумма действительных сокращений за пятилетие, по расчетам самого Варун-Секрета, составила 173,3 млн. руб., или 7% разрешенных ассигнований ^{165а}.

Что касается сокращений по чрезвычайным кредитам, то здесь приводились разные суммы сокращений. Военный министр говорит о 161,9 млн. руб.; Варун-Секрет называет 70,2 млн. руб., а Министерство финансов определяет сумму сокращений в 75,1 млн. Общий вывод комиссии Варун-Секрета был такой: «Совокупность изложенных соображений приводит к заключению, что сокращение испрашивавшихся Военным министерством за 1909—1913 гг. кредитов не может почитаться обстоятельством, послужившим причиной несвоевременного и недостаточного снабжения армии воинскими припасами» ¹⁶⁶. Действительно, ссылаться на сокращение кредитов как на основную причину неподготовленности армии и недостаточности ее снабжения было бы совершенно неправильно. Сухомлинов и К^о, выдвигая этот аргумент в качестве решающего, допускали грубую натяжку. Эти сокращения играли хотя и существенную, но второстепенную роль. Основное заключалось в общем состоянии народного хозяйства и финансов царской России, в недостаточности средств, чтобы провести огромную и дорогостоящую работу по перестройке

^{165а} Министерство финансов определяет размер сокращений обыкновенных кредитов за пять лет в 145,2 млн. руб., или 5,7% от общей суммы действительных расходов (ЦГВИА, ф. 46, д. 37, лл. 268—293).

¹⁶⁶ ЦГВИА, ф. 46, д. 37, л. 293.

и модернизации армии и флота исключительно за счет внутренних средств страны и в короткий срок. Военная программа 1910 г., рассчитанная на десятилетний срок, и ассигнованные на осуществление этой программы 715 млн. руб. явно не соответствовали росту техники и новым потребностям армии. Это была программа штопанья небольших прорех в оснащении армии. На большее правительство оказалось неспособным в силу объективного положения промышленности и финансовой зависимости от заграницы. Финансирование военного ведомства правительством Столыпина — Коковцова, сопровождавшееся постоянными мелкими урезками уже намеченных ассигнований, в конечном итоге сказалось еще более отрицательно на материальной подготовке русской армии, на материально-техническом оснащении ее, на вооружении армии артиллерией и боевыми запасами, на работе казенной оборонной промышленности.

В какой мере правительству удалось выполнить намеченный и утвержденный план «государственной обороны» с точки зрения финансового обеспечения его, дает представление «Объяснительная записка к ведомости расходов на пополнение запасов и материальной части артиллерии и на усовершенствование обороны государства», представленная Военным министерством в Государственную думу 25 октября 1913 г.¹⁶⁷

Ниже приведены данные как общих ассигнований, так и произведенных за 1908—1913 гг. расходов по отдельным статьям (млн. руб.; см. табл. 4 на стр. 81).

Приведенные в таблице данные показывают, что до 1914 г. на расходы, включая строительство стратегических шоссе, отпущено было немного более 40% ассигнованных средств. Включая же расходы только намеченные на 1914 г., которые до начала войны были реализованы лишь частично, получается немного больше 50% средств, только на приобретение пулеметов были реализованы почти все средства. Финансирование артиллерии и артиллерийских запасов в рамках намеченного плана резко отставало. Также неблагоприятно обстояло дело с ручным оружием и патронами.

Из таблицы 4 ясно, что намеченный правительством очень ограниченный по масштабу план военно-технического снабжения армии финансировался крайне медленно, что сказалось на выполнении намеченных мероприятий по подготовке русской армии к войне. В финансовом отношении план по артиллерии был выполнен менее чем на 40%. Строительство стратегических шоссе фактически не было начато. Обеспече-

---

¹⁶⁷ ЦГВИА, ф. 29, д. 899, лл. 2—4. Ведомость расходов по обороне государства, подписана ген. Лукомским.

Таблица 4

Статьи расхода	Всего ассигновано	Израсходовано за 1908—1913 гг.	Испрашивается на 1914 г.	Сверх того испрашивается
Ручное оружие и боевые припасы (эта статья охватывает все виды ручного оружия и патронов к ним)	111,08	50,30	8,98	4,76
Пулеметы	25,94	23,46	0,752	—
Полевая артиллерия и ее боевые запасы	191,34	71,67	13,40	3,44
Полевое инженерное имущество (в том числе имущество для инженерных войск, воздухоплавательное имущество)	76,42	37,64	13,22	3,98
Продовольственные запасы	35,87	27,60	1,82	0,49
Вещевые запасы	48,68	33,50	0,82	5,23
Госпитальное имущество	4,30	2,70	0,18	—
Медицинские и ветеринарные запасы	6,87	3,57	0,55	—
Обоз	18,23	12,86	2,70	0,96
Оборудование полевых железных дорог	5,13	2,10	1,70	0,13
Оборудование этапных линий (в том числе и груз. автомашины)	10,60	2,73	1,44	1,00
Шоссе (стратегические шоссе на западной границе)	114,00	—	0,05	2,10
Постройка казарм	Сумма ассигнований не указана	—	—	5,20
Инженерные работы в крепостях	140,0	47,85	25,70	1,00
Крепостное имущество	—	6,19	3,98	0,72
Крепостная артиллерия (на 10 лет, в том числе тяжелая артиллерия — 71 млн. руб.)	192,50	54,50	10,00	7,00
Итого	880,96	377,16	85,25	36,00

ние крепостей артиллерией было выполнено менее чем на 30%. Вообще весь план инженерной подготовки театра войны, включая инженерные работы в крепостях, находился в самой начальной стадии исполнения. Цифры официальной таблицы о финансировании важнейших расходов действительно рисуют

очень неприглядную и печальную картину мобилизационной неподготовленности армии.

Она являлась результатом вовсе не одной только злой воли Сухомлинова. Его можно во многом обвинять, но ответственность за военную неподготовленность армии в целом, за систематическое урезывание кредитов, за недостаток средств, за политику бездефицитного бюджета и «финансовое равновесие» несло все правительство в целом. Царский режим тормозил осуществление самых назревших потребностей в военной области. Он не мог создать современные, технически оснащенные армию и флот. Либеральная буржуазия, сосредоточив огонь критики только на личности Сухомлинова, оказывала хорошую услугу царскому строю, ибо маскировала основного виновника. Плохой министр Сухомлинов был сделан «стрелочником» с тем, чтобы поддержать иллюзию, что весь строй не так уж плох, и если его слегка подправить и сменить плохих «стрелочников», то все пойдет хорошо. Царское правительство не могло воспользоваться политической услугой буржуазии. Оно достаточно хорошо понимало, что в позиции критиков не все гладко, много натяжек, поэтому, хотя Сухомлинов и был отстранен, но он защищался от нападков либеральной критики. Очень неохотно правительство пошло на арест Сухомлинова и на следствие, а на предание его суду царь так и не согласился, хотя в конце 1916 г. этого требовал председатель Совета министров Трепов. Царь не уступал и пошел на отставку Трепова, ибо понимал, что суд над Сухомлиновым неизбежно выльется в суд над всем режимом и правительством в целом.

5. ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦАРИЗМА ПЕРЕД ВОЙНОЙ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ. РУССКИЕ ЗОЛОТЫЕ ЗАПАСЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Чтобы правильно оценить финансовое положение России перед войной, надо рассмотреть вопрос о государственном долге несколько более подробно, чем мы это сделали ранее. Государственная задолженность России прогрессивно возрастала, начиная с конца 80-х годов, с финансовых конверсий И. А. Вышнеградского. Сами конверсии являлись фактором роста государственной задолженности¹⁶⁸. При Витте и при Коковцове задолженность росла очень быстро, стабилизировавшись немного лишь в последнее пятилетие перед войной. Рост военных потребностей, строительство флота, неблагопри-

---

¹⁶⁸ А. А. Сидоров. Конверсии внешних займов России в 1888—1890 гг. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 99—126.

ятный для государства платежный баланс, введение золотого обращения и необходимость заботливо охранять устойчивость рубля, многочисленные железнодорожные займы, гарантированные правительством, наконец, «чрезвычайные» события — русско-японская война и революция 1905—1907 гг. — вот основные причины роста государственного долга вне и внутри страны.

Бездефицитный бюджет — это краеугольный камень финансовой политики царской России и устойчивости золотого обращения и курса рубля. Однако золотое обращение имело много подводных камней, о которые могла разбиться вся финансовая система царской России как во время революции 1905—1907 гг., так и позднее, накануне мировой войны. Слабость всей финансовой системы России вытекала, в частности, из отрицательного расчетного баланса, который не мог быть покрыт активным сальдо по торговому балансу.

Исследователи задолженности царской России А. Пасвольский и Г. Моультон определяют так называемые «невидимые» статьи внешнего расхода России в 300 млн. руб. ежегодно за десятилетие 1894—1903 гг., в 400 млн. руб. — в последующее пятилетие и 440 млн. руб. ежегодно в предвоенное пятилетие¹⁶⁹.

За время предвоенного промышленного подъема опасность нарушения золотого обращения уменьшилась, но не отпала совсем. Хотя за эти годы возросло активное сальдо по торговому балансу, но параллельно еще более возросло пассивное сальдо по расчетному балансу. Г. Дементьев определяет активное сальдо торгового баланса за предвоенное пятилетие, 1909—1913 гг., ежегодно в 362 млн. руб., а в одном 1913 г., в связи с ростом импорта и стабилизацией экспорта, — только в 141 млн. руб.¹⁷⁰ Излишков по внешней торговле было абсолютно недостаточно для покрытия всех расчетов государства, промышленности, торговли и частных лиц.

Примерное соотношение между торговым и расчетным балансами указано ниже (млн. руб.; см. стр. 84)¹⁷¹.

За шесть предвоенных лет отрицательное сальдо расчетного баланса достигло 3,5 млрд. руб., «которые были пополнены в большей своей части внешними займами и эмиссиями,

---

¹⁶⁹ А. Пасвольский и Г. Моультон. Русские долги и восстановление России. М., 1925, стр. 35.

¹⁷⁰ Стенографический отчет Экономического совета при Временном правительстве, 1917, № 5, стр. 6.

¹⁷¹ Ф. С. Хрулев. Финансы России и ее промышленность. Пг., 1916, стр. 23. Министерство финансов определяло активное сальдо торгового баланса за отдельные годы в меньших размерах, что означало еще большее увеличение отрицательного сальдо по расчетному балансу.

	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	Итого
Активное сальдо торгового баланса . . .	178,4	581,3	431,4	491,3	391,3	200,4	2274,1
Отрицательное сальдо расчетного баланса	474,7	539,5	549,3	721,5	727,6	473,0	3485,6

всего в сумме 2272 млн. рублей»¹⁷². Внешняя торговля не могла покрыть все платежи по расчетному балансу, а других источников поступления валюты Россия не имела, за исключением, конечно, займов.

В специальном исследовании Т. Энгева «О платежном балансе довоенной России»¹⁷³ установлено, что международные расчеты царской России обеспечивались не только поступлениями от внешней торговли, но и «ростом ее задолженности». Золото притекало в страну, и подвалы государственного банка были им переполнены. Однако вместе с этим рос внешний долг России; этот рост не шел в уровень с ростом золотых ресурсов, а далеко обгонял его; если брать только государственный внешний долг, то и тогда картина останется такой же. В этих условиях благополучие могло быть только видимым, а богатство — «кажущимся»¹⁷⁴.

За 15 лет перед мировой войной (1898—1913 гг.) из 21,9 млрд. руб. активов около 80% всех поступлений было получено за счет экспорта, а остальные средства — за счет государственных займов (2 млрд. руб.) и вложений иностранного капитала в промышленность, торговлю, кредитные учреждения.

Две трети произведенных платежей связаны с получением реальных ценностей — импорт, увеличение золотого запаса и выкуп бумаг железнодорожных обществ, а остальные платежи представляли в основной части «дань», уплачиваемую за границу. Размер этой дани возрастал¹⁷⁵: вместо полученных 4,25 млрд. руб. платежи процентов и дивидендов достигли за полтора десятка лет 5 млрд. руб. и, кроме того, на 400 млн. руб. было выкуплено бумаг частных дорог. Следовательно, только постоянные и значительные вложения иностранных капиталов в различные области хозяйственной деятельности и государ-

¹⁷² С. С. Хрулев. Указ. соч., стр. 17.

¹⁷³ «Вестник финансов», 1928, № 5, стр. 72—84.

¹⁷⁴ Там же, стр. 83.

¹⁷⁵ С 1881 по 1897 г. инвестицию иностранных капиталов в промышленность, частное железнодорожное строительство и государственные займы цитируемый нами выше автор определяет в 1,8 млрд. руб., а выплату за границу процентов и дивидендов — в 2,9 млрд. руб. Кроме того, на 100 млн. руб. было выкуплено ценных бумаг кредитных учреждений (там же, стр. 77).

ственные займы обеспечивали возможность правительству производить международные расчеты и поддерживать равновесие платежного баланса. С другой стороны, эти платежи процентов и дивидендов «обуславливали пассивность расчетных балансов России»¹⁷⁶ и требовали заключения все новых и новых государственных займов и вложений иностранных капиталов в промышленность. Экономика страны попала в заколдованный круг, из которого можно было вырваться только революционным путем, иначе страна все более и более превращалась в придаток иностранного империализма. Государственный долг России за границей с 1898 по 1914 г. возрос (без гарантированных ценностей) с 2,4 млрд. руб. до 4,6 млрд., т. е. почти вдвое¹⁷⁷. Равновесие расчетного баланса было куплено ценой удвоения заграничного долга России и утроения иностранных инвестиций в промышленность, банки и городское хозяйство.

В работе, выпущенной Министерством финансов перед войной¹⁷⁸ и рассчитанной в первую очередь на членов Государственной думы и Государственного совета, с целью обосновать причины, почему казна вынуждена держать огромные фонды в заграничных банках, подробно выясняются все пассивные статьи в расчетах за границей.

На первом месте стоят платежи по заграничной задолженности, которая лишь по государственным и гарантированным правительством займам превышала 5 млрд. руб., а платежи по этой статье «превышают 250 млн. руб. в год»¹⁷⁹. Далее идут платежи процентов и погашение по частной заграничной задолженности. Сюда относятся городские займы и займы торгово-промышленных предприятий, кредиты торговых фирм и коммерческих банков. Вместе с этими статьями заграничные платежи в золоте превышали 300 млн. руб. в год.

Благодаря значительному вложению иностранных капиталов в промышленность, банки и торговлю значительную сумму представляли дивиденды и торгово-промышленные прибыли, утекавшие ежегодно за границу. Наконец, вследствие слабости морского торгового флота, приходилось прибегать к пользованию иностранными судами, за что уплачивали «за границу крупные суммы по морским фрахтам»¹⁸⁰ и страховку в ино-

¹⁷⁶ Там же, стр. 83.

¹⁷⁷ Там же, стр. 81.

¹⁷⁸ Министерство финансов. Особенная канцелярия по кредитной части. «К вопросу о русском золотом запасе за границей». СПб., 1914.

¹⁷⁹ Там же, стр. 9—10, 76. Энгеев определяет весь государственный внешний долг России к началу войны в сумме около 6 млрд. руб. («Вестник финансов», 1928, № 5, стр. 81).

¹⁸⁰ «К вопросу о русском золотом запасе за границей», стр. 11.

странные страховые общества. Последняя группа платежей — это расходы русских путешественников, достигавшие очень значительных размеров — около 150—200 млн. руб. в год. Все эти платежи были обязательными и покрывались, ввиду отсутствия у русского правительства заграничных ценностей, разницей торгового баланса, который колебался в зависимости от урожая и вывоза хлеба¹⁸¹.

Мы несколько подробнее остановились на этих финансовых явлениях, чтобы оттенить экономическую обусловленность постоянных активных усилий правительства, направленных к изысканию источников для покрытия расчетного дефицита, и необходимости иметь постоянный резервный фонд для платежей. Такое положение хозяйства в условиях капиталистической действительности неизбежно толкало правительство на путь заключения займов, привлечения иностранных капиталов в промышленность, т. е. на путь дальнейшего хозяйственного закабаления страны иностранным капиталом. Без нового привлечения иностранных капиталов правительство быстро сделало бы несостоятельным, и немедленно рухнула бы золотая валюта, имевшая на первый взгляд незыблемый фундамент.

В использованной выше работе Министерства финансов говорится: «Задачи расширения и поддержания политического могущества, а засим и задачи экономического развития страны систематически понуждали и до сих пор понуждают нас обращаться за деньгами к странам более развитой экономической культуры, с избыточным накоплением ссудных и предпринимательских капиталов, с экспортным промышленным производством, с широкой организацией услуг по морской транспортировке и т. п.»¹⁸². Здесь дано экономическое объяснение политики Министерства финансов и правительства. Краеугольным камнем этой политики является дальнейшее привлечение иностранных капиталов. Характерно, что эта политика не вызвала каких-нибудь серьезных возражений со стороны буржуазии и думских кругов. Хотя заграничные займы казны перед войной сократились, иностранный капитал широко притекал в форме железнодорожных займов¹⁸³, а также в промышленность и банки, обеспечивая твердость валюты.

---

¹⁸¹ По данным Министерства финансов, активное сальдо нашего торгового баланса колебалось от 85,6 млн. руб. (1908 г.) до 521,4 млн. руб. (1909 г.) (там же, стр. 15). Эти данные незначительно расходятся с приведенными выше.

¹⁸² «К вопросу о русском золотом запасе за границей», стр. 45. (Курсив наш.— А. С.).

¹⁸³ Министерство финансов определило размер гарантированных железнодорожных займов за 4 года в 1 млрд. руб.

Известный экономист П. Оль отмечал неразрывную связь между устойчивой золотой валютой и ростом внешней задолженности государства. «Поддержание в России золотой валюты в течение 18 лет,— писал он,— стоило ей увеличения внешней задолженности в виде государственных, железнодорожных и городских займов на 4200 млн. руб., и за то же время увеличилось еще внешнюю задолженность привлечением в Россию иностранных капиталов в банковские и торгово-промышленные предприятия на сумму 2100 млн. руб. Итого внешняя задолженность России за 18 лет выросла на 6300 млн. рублей»¹⁸⁴. Таким образом, сохранение золотой валюты дорого обошлось стране, ибо займы заключались и с целью стабилизировать курс рубля на базе золотого обращения. Прочность и устойчивость денежного обращения зависела не только от способности Государственного банка обеспечить беспрепятственный размен кредиток на золото внутри страны, но, как справедливо подчеркивает Министерство финансов, «даже в большей степени,— от доверия к прочности нашей золотой валюты за границей»¹⁸⁵.

Мы отлично знаем, что иностранные биржевики ссужали деньги царскому правительству отнюдь не только в силу доверия к правительству. Они укрепляли золотую валюту из политических расчетов и в надежде использовать многомиллионную русскую армию для достижения своих империалистических целей; наконец, они не упускали из виду высокую сверхприбыль, которую получали в России.

Между финансами и политикой существовала самая тесная связь, а финансовые связи, как отмечало Министерство финансов, «являются в наше время одним из видных факторов, обуславливающих политические соотношения и группировки держав»¹⁸⁶. К сожалению, эту истину, столь ясную для представителей царской бюрократии, до сих пор не могут усвоить некоторые современные историки, пытающиеся ограничить значение и последствия иностранных займов только получением прибыли. Ни один крупный заем русского правительства не обходился без активного политического вмешательства союзного французского правительства. Воспоминания Вите и Коковцова дают много красочных доказательств этому. Публикации русских дипломатических документов показывают, к каким мерам политического воздействия приходилось прибегать, чтобы обеспечить размещение того или другого займа царского правительства. Ни один из крупных займов XX в. не

¹⁸⁴ П. Оль. К обесцениванию кредитного рубля. «Новый экономист», 1917, № 33—34, стр. 5.

¹⁸⁵ «К вопросу о русском золотом запасе за границей», стр. 45.

¹⁸⁶ Там же, стр. 28.

был размещен во Франции без согласия и помощи французского правительства.

Русские займы успешно размещались на парижской, лондонской и иных биржах не только потому, что они приносили держателям большой процент, а банкам, кроме того, специальную прибыль, а еще и потому, что займы отвечали определенным политическим и военно-стратегическим соображениям союзников. Так было и с займами 1906 г., и с русским железнодорожным займом 1913 г.¹⁸⁷ Переговоры о последнем займе велись с французским правительством. Самая мысль о займе для строительства стратегических железных дорог с целью ускорить мобилизацию русской армии родилась в переговорах начальников русского и французского генеральных штабов. Таким образом, русские внешние государственные займы тесно были связаны с подготовкой России к войне и в первую очередь с французскими планами использования вооруженной мощи России в своих интересах.

Один из видных исследователей финансового положения Европы и Америки после империалистической войны, уделивший много внимания вопросу о государственном долге России как довоенном, так и военном, следующими словами характеризует заключение Россией займов на международном рынке: «Кредит, которым Россия пользовалась на мировом рынке, зависел всегда от двух обстоятельств: во-первых, значения России в вопросах международной политики, и, во-вторых, популярности ее войн среди мировых финансовых кругов. При отсутствии этих условий получение кредитов сопряжено было для России с трудностями, и обычно она вынуждена была соглашаться на несколько унизительные для великой державы условия»¹⁸⁸.

«Унизительные условия», о которых говорит Фиск, это кабальные условия, на которые соглашалось правительство в поисках денег у иностранных банкиров.

На основании «Ежегодника Министерства финансов за 1906—1916 гг.» получается следующая картина движения государственного долга (млн. руб.; см. табл. 5 на стр. 89).

Приведенные официальные данные показывают, что общая сумма государственного долга увеличилась за 10 лет — с начала 1904 и до 1 января 1914 г. — почти на 2,2 млрд. руб. С каждым годом увеличивалась сумма внешнего долга не только в абсолютных цифрах, но и в процентном отношении. Особен-

¹⁸⁷ История заключения этого займа изложена в публикации документов «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», М., 1922, стр. 581—627.

¹⁸⁸ Г. Фиск. Финансовое положение Европы и Америки после войны. М., 1926, стр. 125.

Таблица 5

Год	Вновь образовано за год	Уплачено за год	Весь гос. долг к концу года *			
			общая сумма	займы		
				внешние	внутренние	железнодорожные
1904	452,96	22,6	7081,0	—	—	—
1905	842,7	83,3	7841,0	—	—	—
1906	1275,0	490,7	8625,5	—	—	—
1907	174,7	74,8	8725,5	2280,9	4742,6	1701,8
1908	376,9	251,7	8850,8	2222,5	4936,9	1691,3
1909	603,0	399,2	9054,6	2742,7	4631,6	1680,3
1910	3,2	27,6	9030,2	2736,0	4625,3	1668,8
1911	3,0	74,6	8957,8	2728,6	4586,9	1642,3
1912	179,6	279,5	8858,0	2695,7	4476,3	1686,0
1913	51,6	85,1	8824,5	2688,2	4464,7	1671,5
1914	1725,2	61,3	10488,5	2794,8	6037,0	1656,5

* Ввиду того, что цифры нами даны округленно, между итогом и отдельными слагаемыми получаются иногда незначительные несовпадения. Некоторые неточности источника нами исправлены с учетом данных за более поздние годы.

но сильно задолженность выросла за 1904—1909 гг. Сумма внутреннего долга, начиная с 1907 г., сократилась до войны почти на 300 млн. руб., а железнодорожный заем почти стабилизировался. По данным Пасвольского и Моультона, в 1899 г. внешний долг составлял 37% общей задолженности правительства, в 1904 г. он поднялся до 46% и к 1 января 1914 г. достиг 48%¹⁸⁹. Соответственно увеличилась и сумма процентов по займам, выплачивавшаяся за границу — с 113,7 до 194 млн. руб.¹⁹⁰

Данные, приведенные Пасвольским и Моультоном, не вполне совпадают с данными официальной русской статистики в части распределения займов между внутренним и внешним рынками, но они близки. В 1909 г. из 8850 млн. руб. государственного долга 4071 млн. приходится на внешние рынки, а к 1914 г.

¹⁸⁹ А. Пасвольский и Г. Моультон. Указ. соч., стр. 22.

¹⁹⁰ Там же, стр. 164. По данным Министерства финансов, она достигла 250 млн. руб. Попутно укажем, что Фиск определяет на 1 января 1914 г. общую сумму государственного долга России в 4541 млн. долл., из них 2947 млн. долл. падают на общегосударственные нужды и 1594 млн. долл. — на постройку железных дорог (указ. соч., стр. 126). Интересны данные о распределении суммы процентов (199,1 млн. руб.) по иностранным займам между странами: Франция получала 62,79%, Германия и Австро-Венгрия — 17,58%, Англия — 7,75%, Голландия — 11,63% (там же).

эта сумма возросла до 4229 млн. из общей суммы долга в 8811 млн. руб.¹⁹¹ Около трети всего государственного долга по тем же данным приходится на долю железнодорожных займов¹⁹² (по официальным данным — значительно меньше).

Из всего состава государственного долга, достигавшего к 1 января 1914 г. за вычетом вкладов на вечные времена 8,5 млрд. руб., свыше двух третей (67,6%) приходилось на займы, выпущенные между 1887 и 1902 гг. Таким образом, подавляющее большинство долга — нового происхождения. Займы прежних времен, т. е. более старые, составляли лишь 6,1%. Займы более молодые, связанные с русско-японской войной и подавлением революции 1905—1907 гг., составляли немного более четверти общей массы государственных займов¹⁹³.

Условия, на которых правительство выпускало займы в XX в., резко ухудшились даже сравнительно с 90-ми годами прошлого века. Средний уровень стоимости займа поднялся в 1904—1909 гг. с 4—4,2% до 5,5%. Значительно снизилась и реализационная цена займа. Все это вместе взятое указывает, что правительство искало денег во что бы то ни стало и заключало новые займы на особенно тяжелых условиях.

В отношении железнодорожных займов Ю. В. Готье приводит самые максимальные цифры. Сумма железнодорожного долга поднялась с 1363 млн. руб. в 1889 г. до 3189,8 млн. к 1 января 1909 г. и сократилась до 3097,8 млн. руб. к 1 января 1914 г.¹⁹⁴ Государственный железнодорожный долг в последнее десятилетие перед мировой войной не увеличивался, но зато быстро росли долги частных железных дорог, гарантированные правительством. Сумма этого долга составляла к 1 августа 1914 г. 2300 млн. руб.¹⁹⁵ На 1 января 1914 г. гарантированный правительством железнодорожный долг составлял лишь 1741,5 млн. руб. За предвоенные месяцы было выпущено

---

¹⁹¹ А. Пасвольский и Г. Моультон. Указ. соч., стр. 22. И. Ф. Гиндин в статье «О величине и характере русского государственного долга» определяет на 1 января 1914 г. цифру внешнего государственного долга в 4300 млн. руб., а внутреннего — в 4512 млн. руб. («История СССР», 1957, № 5, стр. 169).

¹⁹² А. Пасвольский и Г. Моультон. Указ. соч., стр. 42.

¹⁹³ Ю. В. Готье. Публичные займы довоенной России.— «Вестник финансов», 1926, № 5—6, стр. 117.

¹⁹⁴ На чем строятся расчеты Готье, неизвестно. Как видно из дальнейшего, в эту сумму Готье не включал гарантированные правительством долги частных железных дорог. В заключительной таблице приведена цифра в 1741,5 млн. руб., совпадающая с данными Министерства финансов.

¹⁹⁵ В эту сумму входили лишь 104,4 млн. руб. займов, выпущенных до 1890 г. Что касается казенного железнодорожного строительства, то оно велось за счет чрезвычайных средств по бюджету. За 10 лет было израсходовано 1041,2 млн. руб.

много гарантированных займов, остаток которых на 1 января 1915 г. достигал 2298,6 млн. руб.¹⁹⁶

Следующим видом иностранных займов являлся ипотечный долг Дворянского и Крестьянского поземельного банков. Размер этого долга достигал к 1 января 1914 г. довольно значительной суммы — 2205,5 млн. руб. Городские займы также реализовались на 70% за границей. К 1 января 1913 г. всего было выпущено 159 городских займов на значительную сумму в 471,2 млн. руб. Остаток долга на 1 января 1914 г. составлял 444,6 млн. руб.

Итоговая сумма довоенных займов царской России на 1 января 1914 г. выражается в следующих цифрах (млн. руб.)¹⁹⁷:

Займы государственные	8824,5
Гарантированные правительством железнодорожные займы	1741,5
Гарантированные займы Дворянского и Крестьянского банков	2205,5
Займы городов, входивших к 1926 г. в состав СССР*	470,0
<hr/>	
Итого	13 241,5

* Следовательно, займы городов показаны на несколько десятков млн. руб. меньше общей их суммы, так как часть городов, заключавших займы, в 1926 г. не вошла в СССР.

Из этой суммы, по мнению Готье, около половины было реализовано за границей. Таким образом, фактическая задолженность царской России за границей определяется цифрой около 6,5 млрд. руб. В эту сумму не входят инвестиции в промышленность, банки и торговлю, вместе с которыми иностранные вложения увеличатся до 8—8½ млрд. руб. — сумма явно завышенная. Это значительно больше, чем данные Пасвольского и Моультона (4,2 млрд. руб.), но в их подсчеты не

¹⁹⁶ В русской валюте было выпущено гарантированных железнодорожных займов на 720 млн. руб. (29,2%), в русской с паритетом на иностранную — на 414,7 млн. руб. (16,8%) и большая часть (54%), займов (на 1330,2 млн. руб.) — только в иностранной валюте (Ю. В. Готье. Указ. статья, стр. 128). Деление займов царского правительства на политические, коммерческие и смешанные — произвольно.

¹⁹⁷ Ю. В. Готье. Указ. статья, стр. 131. М. С. Атлас считает, что общая сумма выпущенных закладных листов ипотечных банков достигала 5,3 млрд. руб., из них на долю государственных (Дворянского и Крестьянского земельных банков) приходилось около 2,4 млрд. руб. (М. С. Атлас. Указ. соч., стр. 21). Количество ипотечных ценностей за границей не указано.

включены городские займы и другие виды займов, гарантированных правительством¹⁹⁸.

В нашей литературе отсутствуют проверенные статистические данные об общей заграничной довоенной задолженности России. Вопрос о государственной задолженности разрешается проще, и в этом отношении мы имеем больше совпадения во мнениях. И официальные издания Министерства финансов, и различные работы советских ученых, и статья бывшего финансового агента России в Париже А. Рафаловича, отражающая взгляды эмигрантских кругов и бывших чиновников царской России, определяют, что почти половина государственного довоенного долга падала на Россию, а другая половина была размещена за границей¹⁹⁹.

В сборнике Наркомфина «Социальная революция и финансы» также утверждается, что из суммы довоенного долга в 8,6 млрд. руб. «почти половина была помещена за границей»²⁰⁰. Следовательно, абсолютная величина заграничной государственной задолженности достигала около 4,3 млрд. руб. Подавляющая часть долга — около 3 млрд. руб. была размещена во Франции, 500 млн. — в Германии, 430 млн. — в Голландии и 200 млн. — в Англии²⁰¹.

Значительно сложнее с вопросом об инвестициях иностранного капитала в хозяйство страны — в банки, промышленность и торговые предприятия. Довоенные займы Советское правительство в принципе не отвергало, в отличие от военных займов, но требовало компенсации убытков, причиненных иностранной военной интервенцией Советской стране. Со стороны правительства не было официальных заявлений о размере довоенных долгов, но в печати появлялись полуофициальные данные, основанные главным образом на расчетах известного экономиста Оля. Так в 1922 г., видимо в связи с конференцией в Генуе, были изданы материалы «Претензии России

---

¹⁹⁸ «Вестник финансов» (1929, № 5, стр. 83) дает следующий расчет иностранных инвестиций в России на начало 1914 г.: а) инвестиции в промышленность — 2 млрд. руб.; б) в частное ж.-д. строительство — 900 млн. руб.; в) в кредитное хозяйство — 400 млн. руб.; г) государственные займы — 4,6 млрд. руб.

¹⁹⁹ «La dette publique de la Russie». Paris, 1922. В большой статье этого сборника Рафалович (стр. 6—54) подробно излагает, в каких валютах были выпущены русские государственные и гарантированные займы. Действительные платежи по государственному долгу в части несколько больше половины происходили в России, а в меньшей — за границей.

²⁰⁰ Сб. «Социальная революция и финансы» выпущен Наркомфином к II конгрессу Коммунистического Интернационала (М., 1921). Сумма довоенного долга в 8,6 млрд. руб. исчислена на 1913 г., а потому она несколько меньше цифры кануна первой мировой войны — 8825 млн. руб.

²⁰¹ Там же, стр. 66.

к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду²⁰². Несколько позднее известный экономист Н. Н. Любимов выпустил специальную работу, в которой повторил цифровые материалы, изложенные в «Претензиях»²⁰³. В обеих работах приведены тождественные данные о задолженности России без Германии. Германия была выделена, по-видимому, потому, что по Раппальскому соглашению обе стороны отказывались от взаимных финансовых претензий.

Суммарные данные о различных сторонах довоенного долга России в названных выше работах определяются в 5695 млн. руб.²⁰⁴, без Германии. Задолженность Германии определялась в сумме 1075—1100 млн. руб., включая ипотечный долг и займы городов и общественных организаций (150—175 млн. руб.). Получается общая сумма долга в 6770—6795 млн. руб. К этой сумме прибавляются капиталовложения в акционерные и неакционерные предприятия России²⁰⁵, которые определялись в 2012,8 млн. руб. К этим суммам следует прибавить около одного миллиарда рублей на капиталовложения в неакционерные предприятия. Получается итоговая огромная сумма около 9,8 млрд. руб.

В указанных нами выше источниках, опубликованных к Генуэзской конференции, называется цифра 9650 млн. руб. (без Германии), но в нее включалась довольно значительная сумма просроченных за 4 года процентов (1020 млн. руб.) и погашение как по государственному, так по городским ипотечным и гарантированным железнодорожным займам. Нам кажется, что приведенные выше цифры определяют размер иностранных претензий несколько завышенно; это касается как иностранных вложений в акционерную, так и особенно в неакционерную промышленность²⁰⁶.

²⁰² «Les reclamations de la Russie aux Etats responsables de l'intervention et du blocus», vol. IV. Geneve, 1922. На русском языке материалы французской брошюры включены в том II документов «Внешняя политика СССР 1917—1944 гг.» М., 1944, стр. 349—355.

²⁰³ Н. Н. Любимов. Баланс взаимных требований Союза ССР и держав согласия. М., 1924.

²⁰⁴ Эта цифра слагалась из 4,2 млрд. руб. государственного долга, размещенного за границей, 970 млн. руб. железнодорожных гарантированных долгов, 340 млн. руб. займов городов и 180 млн. руб. облигационных займов земельных банков.

²⁰⁵ Оль определял общую сумму иностранных капиталовложений в хозяйство России в 2012,8 млн. руб., а затем поднял ее до 2243 млн. руб. (вместе с Германией и Австро-Венгрией). Претензии по капиталам в неакционерной форме были намечены в размере 50% акционерных.

²⁰⁶ По-видимому, либеральный подход к исчислению иностранных капиталовложений объяснялся тем, что сумма контр-претензий Советской России (сумма причиненного ущерба Англией и Францией и другими странами) значительно превосходила сумму претензий к Советской России.

Если учесть все капиталовложения, в том числе и германские, как в промышленность, так и в государственные займы, то итоговая реальная сумма иностранных капиталовложений и кредитов будет колебаться от 9 до 9¼ млрд. руб. Общий итог всех видов иностранных капиталовложений примерно в два раза более суммы государственного долга. Нити финансово-экономической зависимости опутывали экономику страны — промышленность, финансы, кредитные учреждения, железнодорожный транспорт; городские самоуправления — и в более слабой степени — землевладение.

Пасвольский и Моультон приводят следующее распределение по странам довоенных иностранных вложений в России. Основным ее кредитором являлась Франция, щедро снабжавшая царское правительство деньгами, особенно после заключения с Россией военной конвенции и союзного договора. На долю Франции приходилось 80% всего внешнего государственного долга царской России и 32% всех иностранных капиталовложений в промышленность и банки. Маленькая Голландия кредитовала правительство России в полтора раза больше, чем Англия. Последняя более охотно помещала капиталы в промышленность и банки, чем в государственные займы. На долю Англии приходилось 25% промышленных вложений в России. На долю Германии и союзной с ней Австро-Венгрии приходилось около шестой части иностранного долга правительства и 16% промышленных инвестиций; на долю Бельгии — 15% иностранного долга и т. д.

Сумму всех ежегодных платежей России за границу по всем видам государственной задолженности и гарантированным правительством займам Министерство финансов определяло в 250—300 млн. руб., Пасвольский и Моультон — в 336 млн., Энгеев — в 355 млн.²⁰⁷

Основанием для увеличения суммы платежей за границу служит различное исчисление суммы гарантированного правительством долга. Во всяком случае нет оснований не верить данным Министерства финансов, которое определяет платежи по государственным займам в 250 млн. руб., а с учетом задолженности железнодорожных обществ, городских самоуправлений и частных предприятий — свыше 300 млн. руб. в год; менее

---

²⁰⁷ Г. А. Козлов определяет ежегодные платежи иностранному капиталу по займам и прибылям «не менее 800—900 млн. руб.» (Указ. соч., стр. 10). Нам эта сумма кажется преувеличенной, ибо, если вычесть из этой суммы 200 млн. руб. платежей по займам, то остается 600—700 млн. руб. примерно на 2,5 млрд. руб. капиталовложений, т. е. 24—28% чистой прибыли ежегодно. Называя платежи иностранному капиталу «данью», Г. А. Козлов правильно подчеркивает, что платежный баланс России «не мог бы быть сведен без займов и кредитов, получаемых извне».

определенны данные о дивидендах промышленных предприятий, переводившихся за границу. Часть их оставалась в России, а другая переводилась, но эта часть была меньше процентов по займам.

Подводя итог рассмотрению вопроса о росте задолженности царского правительства перед войной, можно сказать, что в предвоенные годы (1910—1913 г.) сумма государственного долга стабилизировалась. Однако из этого факта было бы ошибочно сделать вывод об ослаблении зависимости царской России от заграницы, как это делало Министерство финансов, ибо общая цифра одного государственного долга достигла огромной суммы около 9 млрд. руб., из них примерно 50% составляла заграничная задолженность. Затем значительно увеличилась задолженность по гарантированным железнодорожным и городским займам, выросли капиталовложения в промышленность и кредитные учреждения. Кроме того, правительство закончило переговоры о заключении во Франции железнодорожного займа, сумма которого в ближайшее пятилетие должна была достигнуть 2,5 млрд. франков; в 1914 г. должно было начаться размещение этого займа. Фактическая задолженность России иностранному капиталу была в два раза более одной только государственной внешней задолженности.

Слабые попытки правительства начать досрочную оплату части займов имели лишь демонстративное значение. Правительство не способно было встать на путь здоровой и независимой экономической и финансовой политики, на деле обеспечивающей ослабление зависимости страны от заграницы. Временно отказываясь от заключения новых государственных займов, правительство вынуждено было разместить гарантированные железнодорожные займы.

Основные расходы по реорганизации армии и строительству флота велись за счет внутренних ресурсов. Так как государственный бюджет не в состоянии был обеспечить огромные потребности военной машины, то неминуемо происходила затяжка сроков выполнения самых неотложных мероприятий.

Пассивный расчетный баланс и огромная государственная задолженность России, потребность торговли и промышленности в иностранной валюте, т. е. увеличивавшаяся зависимость политической и хозяйственной жизни страны от стран Западной Европы, вынуждали правительство держать большой запас золота из эмиссионного обеспечения Государственного банка за границей и лишали устойчивости всю денежную систему России.

Чтобы обеспечить международные расчеты, иметь возможность активно воздействовать на мировой денежный рынок с целью охраны курса рубля, оказать в случае нужды помощь

банкам, промышленности и торговле, предохранить золото внутри страны от вывоза за границу, правительство постоянно имело солидный запас золота за границей, хотя заграничные банки начисляли проценты на казенные суммы России на 1—1½ ниже официального учетного курса. Доходы казны за 1908—1913 гг. от помещенного за границей золота равнялись 69,4 млн. руб.²⁰⁸

Однако золото хранилось за границей не ради доходов, которые являлись второстепенным и побочным следствием, а для обеспечения международных расчетов казны и народного хозяйства, для охраны «независимости русского денежного рынка и кредита». Вопрос о больших суммах, хранившихся казной за границей, являлся предметом обсуждения прессы и вызывал разговоры в Государственной думе.

Большая часть золота хранилась во Франции и Германии, объем денежных расчетов с которыми был особенно велик. Счет «Золото за границей» ежегодно пополнялся путем покупки иностранной валюты и векселей и реализации за границей облигаций государственных займов железнодорожных обществ. Количество купленной Министерством финансов валюты колебалось от 122 млн. руб. (1912 г.) до 331,4 млн. руб. (1909 г.) и зависело от размера урожая, а этот фактор не был постоянным. Валюта поступала осенью, во время реализации урожая за границей, а платежи были более или менее постоянной величиной и требовали наличия валюты круглый год. Правительство продавало валюту для потребностей частной промышленности. В последние годы перед мировой войной продажа валюты усилилась и за 1912—1913 гг. она превысила покупку валюты на 97,1 млн. руб., т. е. торговый оборот не дал притока валюты, а требовал средств из запаса Министерства финансов.

Насколько было необходимо иметь солидный счет золотом за границей, показывает другой факт. Осенью 1911 г., вследствие тревожного политического положения, парижские и лондонские банки стали закрывать кредиты иностранным банкам, в том числе и русским. Потребность русских банков в иностранной валюте выросла. Курсу рубля угрожало понижение, свободная наличность банков сокращалась в тот момент, когда нужда в свободных деньгах была особенно велика. Могли произойти кризисные осложнения во всем хозяйстве. «Создавшееся положение причинило бы крупные потери финансовым

---

²⁰⁸ «К вопросу о русском золотом запасе за границей», стр. 35. В названной работе настойчиво проводилась мысль о том, что большие финансовые средства за границей необходимы для охраны металлических запасов страны, для целей «самообороны». В действительности, конечно, это означало слабость русской финансовой системы и большую зависимость ее от международного финансового капитала.

кругам, а также сельскому хозяйству, если бы стеснение в средствах не было предупреждено в самом начале мерами, предпринятыми Министерством финансов для содействия русским банкам»²⁰⁹. Министерство финансов открыло банкам кредиты в иностранной валюте за счет своего заграничного фонда. «Отлив капиталов из России был вследствие этого немедленно остановлен, а курсы валюты вновь сложились в нашу пользу»²¹⁰.

Золотая наличность казны в иностранных банках, конечно, давала возможность Министерству финансов оказывать сильное влияние на денежный рынок и на русские банки. Но это лишь одна сторона дела. Другая, и самая важная, заключалась в том, что правительство обязано было постоянно располагать огромной золотой наличностью, которая ежегодно и систематически уменьшалась, так как покрывала разницу в расчетном балансе. Экономических источников для пополнения этого фонда, за исключением торговли, государственных, железнодорожных, ипотечных займов и притока иностранных капиталов в страну, у правительства не было. Вот почему с каждым годом усиливалась зависимость правительства от западноевропейского капитала.

В последние годы перед мировой войной Комитет финансов ежегодно занимался рассмотрением вопроса о состоянии сумм государственного казначейства у иностранных банкиров. В конце 1909 и начале 1910 г. этот вопрос рассматривался на двух заседаниях Комитета финансов²¹¹ с участием министров финансов и иностранных дел. На счетах у иностранных банкиров заграничная наличность казны и Государственного банка выросла до 539 млн. руб., в то время как годовая потребность в валюте ориентировочно и преуменьшенно определялась в 300 млн. руб.²¹². Тем не менее министр финансов считал необходимым покупать иностранную валюту на случай неурожая, когда Россия должна была бы производить заграничные платежи за счет накопленного золота. Кроме того, в целях «окончательного восстановления нашего кредита» министр финансов считал полезным временно не обращаться к иностранным денежным рынкам за займами.

²⁰⁹ «Ежегодник Министерства финансов» на 1912 г., стр. 188.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Этот вопрос рассматривался Комитетом финансов 28 декабря 1909 г. и 4 января 1910 г. Журнал Комитета финансов утвержден Николаем II 4 февраля 1910 г. (ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 484, лл. 1—10). В журнале подробно изложена точка зрения министра финансов, представление которого в деле отсутствует.

²¹² В 1909 г. наблюдался значительный рост хлебного экспорта. Кроме того, был реализован заграничный запас. Это дало возможность купить для Государственного банка золота в слитках и валюте на 80 млн. руб.

Характерно, что Комитет финансов признал в своем решении неразрывную связь между ростом задолженности России и ростом денежных средств казны у иностранных банкиров. «Комитет финансов,— говорилось в его решении,— признал неизбежным, ввиду большой нашей заграничной задолженности, держать крупные суммы у иностранных банкиров, полагая, однако, при этом, что проистекающий от сего риск в действительности весьма ограниченный»²¹³. Ограниченность риска являлась следствием того, что денежные суммы были распределены между шестью государствами²¹⁴, поэтому на каждое государство приходилось не более одной пятой или одной четверти всех средств, кроме Германии, где находилась «несоответственно более значительная сумма». В связи с этим было признано необходимым перевести из Германии часть средств в другие государства. Так как пресса и депутаты Государственной думы неоднократно ставили вопрос о перезоде хотя бы части заграничной наличности для более производительного использования внутри страны, Комитет финансов, считая это мнение ошибочным, «все же признал желательным перевести до 200 млн. рублей внутрь страны, купив золото в слитках и первоклассные краткосрочные обязательства иностранных государств»²¹⁵.

В 1910—1911 гг. золото в слитках было куплено на 81 млн. руб., т. е. меньше, чем предполагалось, а наличность в германских банках почти в 4 раза превышала наличность в английских банках²¹⁶. Следовательно, в отношении Германии намеченный курс финансовой политики проводился недостаточно последовательно. Кроме того, Министерство финансов считало, что из имевшихся в Германии сумм 70 млн. руб. были предназначены для платежей по военным заказам, а 30 млн. руб. поступали в уплату за покупаемое банкирским домом Мендельсона золота, поэтому золотая наличность в Германии должна была уменьшиться на 100 млн. руб.

²¹³ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 484, лл. 1—10. (Курсив наш.— А. С.).

²¹⁴ Англией, Германией, Голландией, Францией, Соединенными Штатами Америки и Австро-Венгрией.

²¹⁵ Значительную наличность средств за границей Комитет не находил опасным. Предполагалось купить золота на 100 млн. руб. и на 50 млн. рублей фондов. Было признано желательным значительно сократить импортные операции. Комитет признал также полезным усилить количество золотой монеты во внутреннем обращении за счет сокращения кредитов.

²¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 500, лл. 2—46. Записка министра финансов в Комитет финансов «О состоянии русского денежного обращения», 1912 г. Из общей суммы 583 млн. руб. золота за границей во Франции было 245 млн. руб., в Германии 206, в Англии 54, в Голландии 14 и во всех остальных странах также 14 млн. руб. Кроме того, Министерство финансов имело 53 млн. руб. валюты на счетах русских банков.

К началу 1913 г. расчеты России с мировыми денежными рынками стали складываться неблагоприятно, так как положительное сальдо торгового баланса снизилось до 294 млн. руб., т. е. до суммы, по признанию министра финансов, «недостаточной для производства всех платежей»²¹⁷. Потребности казны и железных дорог составили в валюте сверх поступлений от торговли 300 млн. руб.²¹⁸ Наличность Министерства финансов за границей снизилась на 207,9 млн. руб. Однако, если сбалансировать все поступления валюты, в том числе и от железнодорожных займов, то остаток денежных средств за границей вырос более чем на 64 млн. руб.: с 586,9 млн. руб. на 1 января 1912 г. до 651 млн. руб. на 1 января 1913 г. Это составляло свыше 40% от общей золотой наличности Государственного банка. Правда, за этот же год золотая наличность Государственного банка увеличилась на 129 млн. руб. Министр финансов успокаивал членов Комитета финансов заявлениями о том, что в дальнейшем суммы Министерства финансов в иностранной валюте будут постепенно уменьшаться и достигнут «более низкого уровня, чем за ряд предшествующих лет»²¹⁹.

Однако политическое положение было тревожно, поэтому Комитет финансов, обсудивший 1 марта 1913 г.²²⁰ вопрос о заграничных средствах казны, признал желательным производить покупку иностранной валюты вне зависимости от размера сумм, «уже состоявших на счетах Министерства финансов за границую, так как накопление запаса сверх годовой потребности безусловно желательно на случай неблагоприятного хода международных расчетов»²²¹. При нормальных политических условиях размер сумм на счетах иностранных банков был ограничен в 700 млн. руб. Этой суммы хватило бы на покрытие расходов за границей в течение двух лет. Дополнительный приток валюты подлежал переводу в Россию для пополнения запасов золота в Государственном банке. Итак, сумма в 700 млн. руб. была признана нормальным запасом иностранной валюты, «при условии полной ее несвязанности»²²². Было

²¹⁷ Там же, д. 501, лл. 1—28. Докладная записка министра финансов.

²¹⁸ Там же, д. 513, 1913 г., лл. 29—36.

²¹⁹ Там же, лл. 1—6. Записка и. о. министра финансов Барка от 1 марта 1914 г. о суммах Министерства финансов за границей.

²²⁰ Там же, д. 501, лл. 29—36. Журнал Комитета был утвержден царем 9 марта 1913 г.

²²¹ Там же.

²²² Там же. Кроме того, 10 марта 1914 г. в записке Барка в Комитет финансов есть специальная ссылка на решение Комитета финансов от 1 марта 1913 г., когда Комитет остановился «на сумме 700 млн. руб., как на той норме, которой желательно было бы не превышать в течение ближайшего времени» (ЦГИАЛ, ф. 266, оп. 1, д. 6, лл. 152—161).

признано, что суммы, помещенные в заграничные отделения русских банков, а также предоставленные правлениям акционерных банков в России, в случае политических осложнений «едва ли могут быть срочно востребованы без ущерба экономическим интересам страны». Следовательно, если сравнить данное решение с предыдущими, необходимо подчеркнуть два новых момента. Во-первых, была значительно повышена сумма валюты за границей и ее высший лимит установлен в 700 млн. руб.,— сумма, более чем в два раза превышавшая иностранную наличность на 1 января 1909 г. Что касается распределения валюты по странам, то около двух ее третей приходилось на Францию и Англию, и 25—30% — на Германию. Такое распределение валюты не вызывало особой тревоги у Комитета финансов.

Чтобы удерживать золото в стране, было решено поддерживать учетный процент Государственного банка на полпроцента выше ставок Германского рейхсбанка. Это тем более было необходимо, что в последние годы перед войной коммерческие банки России систематически занимались спекулятивной деятельностью с бумажными ценностями. Еще в 1912 г. в операциях банков вырос главным образом не кредит под векселя и товары, т. е. не «тот именно вид кредита, который наиболее непосредственным образом служит увеличению производительных сил страны»²²³, а кредит под процентные бумаги, который Комитет финансов характеризовал как кредит *спекулятивный*. В особенности это касалось крупнейших петербургских банков, которые большую часть годового притока вкладов в сумме 473 млн. руб. использовали на операции с бумажными ценностями²²⁴. Курсы ценных бумаг то повышались, то резко падали, разоряя лиц, втянутых в спекуляцию. Спекулятивная деятельность банков побудила Министерство финансов применить к ним репрессивные меры, которые состояли в повышении учетного процента и в сокращении задолженности частных банков Государственному банку. Эти меры едва ли являлись действенными, ибо задолженность банков сперва резко упала с 483,4 млн. руб. до 235,3 (к 1912 г.), но в начале 1913 г. опять поднялась до 492,7 млн. руб., т. е. еще до более высокого уровня, чем раньше. К марту 1914 г. средства казны, предоставлен-

---

²²³ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 501, лл. 1—28. О состоянии денежного рынка к началу 1913 г.

²²⁴ Там же. Из названной суммы только 60 млн. руб. использованы для учета и на ссуды под товары, а 346 млн. руб.— на операции с частными бумагами. Из общей суммы операций в 2751 млн. руб. почти половина (46%) приходилась на операции с процентными бумагами, в подавляющей массе негарантированными (36%).

ные коммерческим банкам, еще более выросли и достигли огромной суммы в 754,8 млн. руб.²²⁵

Таким образом, спекуляция банков с ценными бумагами, захват ими промышленных предприятий и т. д. велась и на государственные средства.

В начале марта 1913 г. Комитет финансов также отметил в деятельности банков увлечение биржевой спекуляцией. Чтобы активно воздействовать на биржу и противодействовать падению курсов дивидендных бумаг, в октябре 1912 г. был образован синдикат крупнейших петербургских банков с капиталом в 30 млн. руб. Он продолжал свои операции до апреля 1913 г. Однако вторая балканская война вызвала новое падение курсов «на всех европейских биржах и особенно в Берлине, Вене и С. Петербурге» — так характеризовал положение Барк в специальной записке о финансовых и биржевых кризисах. Вновь началось падение цен на бумаги и вновь Министерство финансов «энергично» выступило против понижателей. Повышение курсов наступило с августа 1913 г. Хотя министр финансов и пытался весной 1914 г. уверить членов Комитета финансов и царя, что в России все обстоит более или менее благополучно, что ни в положении промышленности, обеспеченной заказами на ряд лет, ни в условиях денежного рынка «нельзя было усмотреть каких-либо реальных оснований к понижению курсов», однако и непосредственно перед войной положение как европейских, так и петербургских бирж оставалось, по очень эластичной формулировке Барка, «недостаточно устойчивое»²²⁶.

В такой обстановке Комитет финансов вновь рассматривал вопрос о суммах Министерства финансов за границей и об операциях Государственного банка за 1910—1913 гг.²²⁷ Из записки Барка следует, что остаток валюты у Министерства финансов в иностранных банках на 1 января 1914 г. достигал 594,3 млн. руб., но так как из них было уже израсходовано на покупку золота 44 млн. руб., то фактический остаток составлял 550,3 млн. руб., или на 62,5 млн. руб. менее, чем в 1913 г.²²⁸ Кроме того, 14 февраля Государственный банк купил у же-

²²⁵ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 512, лл. 1—20. Журнал Комитета финансов от 14 марта 1914 г. За два последних года эта сумма увеличилась на 231,2 млн. руб.

²²⁶ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 19, д. 95, лл. 1—6. Документ был доложен царю 7 мая 1914 г.

²²⁷ ЦГИАЛ, ф. 266, оп. 1, д. К, лл. 152—161. Копия записки упрощающего Министерством финансов в Комитет финансов; там же, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 512, лл. 1—20. Журнал Комитета финансов от 14 марта 1914 г. Журнал был доложен Николаю II в Ливадии 11 апреля 1914 г.

²²⁸ В цифрах иногда имеется расхождение между данными записки министра и журнала Комитета финансов, но это расхождение невелико. Так, по журналу уменьшение наличности за 1913 г. составило не 62 млн., а 57 млн. руб.

лезнодорожных обществ выручку объединенного займа, вследствие чего наличность иностранной валюты к 1 марта 1914 г. снизилась до 669 млн. руб., а платежи за год предусматривались в сумме около 350 млн. руб.²²⁹ Несмотря на наличие большой суммы за границей, по мнению Комитета, обстановка для финансовых расчетов складывалась не совсем благоприятно, так как обязательства казны по оплате гарантированных займов увеличились, кроме того, только по морскому ведомству иностранные платежи должны были составить около 70 млн. руб. Между тем выручка от новых железнодорожных или государственных займов, по условиям расчета с банкирами, должна была оставаться у них на счетах, «увеличивая, таким образом, наши заграничные суммы».

В ходе обсуждения большое внимание было обращено на выяснение сохранности денежных сумм в случае войны и на финансовую готовность России к войне.

Сравнивая финансовое положение России в марте 1914 г. с положением накануне войны с Японией, граф Витте на заседании Комитета финансов говорил: «В настоящее время в финансовом отношении мы гораздо менее подготовлены к войне, чем десять лет тому назад»²³⁰. Свою точку зрения Витте подробно аргументировал. Он отметил значительный рост золотого фонда — с 903 до 1688 млн. руб., но одновременно и количество кредитных билетов в обращении увеличилось с 578,4 млн. руб. до 1665 млн., «т. е. почти в три раза». При этом часть золотого запаса (163 млн. руб.) находилась за границей в иностранных банках и в отделениях русских банков. Поэтому она не могла быть причислена к фонду обеспечения кредитных билетов, как утверждал статс-секретарь Голубев. Хотя Витте и не разделял целиком это мнение Голубева, но и он приходил к выводу о том, что из сумм золота за границей «во всяком случае должны быть исключены суммы, предоставленные русским банкам». Но при этих условиях находившиеся в обращении кредитные билеты на 17 млн. руб. уже не имели золотого покрытия. Следовательно, при наличии политического кризиса казна могла получить от Государственного банка менее 300 млн. руб. Кроме того, Государственный банк мог оказаться в трудном положении, не имея возможности быстро возвратить деньги по вкладам и текущим счетам, сумма которых достигла

²²⁹ Так, за 1913 г. платежи достигали 341,3 млн. руб., в том числе на оплату государственных и железнодорожных займов — 237,5 млн., на выкуп облигаций 4½-процентного займа 1905 г. — 33,1 млн., на продажу валюты — 28,7 млн., на покупку золота и серебра — 23,5 млн. См. докладную записку управляющего Министерством финансов от 10 марта 1914 г. (ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 512, лл. 1—20).

²³⁰ ЦГИАЛ, ф. 563, д. 512. Журнал Комитета финансов от 14 марта 1914 г.

почти 1,2 млрд. руб.²³¹ Банк не был бы в состоянии быстро реализовать свои активы, так как значительная часть их носила долгосрочный характер (строительство элеваторов, промышленные и подтоварные ссуды и т. д.). Витте указал, что в случае войны при существующем положении дела в Государственном банке «пришлось бы добывать с самого начала средства на ведение войны путем печатного станка». Тогда же по инициативе Витте было решено провести ряд финансовых мероприятий, усиливавших финансовую подготовку России к возможной войне.

В соответствии со своей общей точкой зрения Витте провел постановление Комитета финансов об увеличении золотых запасов России и о сокращении золотой наличности за границей. Хотя максимальный размер заграничного счета был ограничен суммой в 700 млн. руб., но одновременно Комитет финансов признал желательным постепенно и осторожно продолжать перевод наших сумм из-за границы, особенно из заграничных отделений русских банков, внутрь страны; было решено также сократить основные операции Государственного банка, особенно кредиты под процентные бумаги.

Комитет финансов высказался за то, чтобы в мирное время Государственный банк не использовал свое право выпуска кредитных билетов без золотого обращения (300 млн. руб.). Уже не в первый раз принимались решения об усилении выпуска в обращение золотой монеты. На деле же получалось обратное — количество ее в обращении сократилось за последние пять лет на 85 млн. руб., а количество кредитных билетов только за последние 4 года увеличилось почти на 500 млн. руб.

Финансовая подготовка России к войне выражалась в оттягивании золотых запасов внутрь страны для обеспечения золотой валюты, которая, по мнению ее вдохновителя и главного деятеля по введению золотого обращения в России Витте, «составляет наиглавнейшее основание нашей финансово-боевой готовности»²³². Ошибочность этого мнения Витте наиболее ярко сказалась во время войны, ибо золотое обращение просуществовало лишь несколько дней — 27 июля 1914 г. размен кредиток на золото был прекращен.

Никакие другие стороны финансовой подготовки к войне, как-то: источники платежей процентов по займам, предоставление Францией кредитов для оплаты иностранных заказов, покупки материалов, поддержания курса рубля и т. д., не были затронуты. В финансовом отношении правительство совершенно не подготовилось к войне, не выработало никакого финансового

²³¹ Там же.

²³² Там же.

плана, не учло количества средств, необходимых для оплаты иностранных заказов и т. д.

В одном только отношении был сделан практический вывод. Еще 16 марта 1913 г. Коковцов секретным письмом предупредил всех министров и главноуправляющих отдельными ведомствами, чтобы они не рассчитывали на свободную наличность, которая целиком бронировалась за военным ведомством в связи с численным ростом армии на 356 тыс. человек²³³. Эта мера требовала единовременных расходов в сумме 346 млн. руб. и ежегодных — в 91 млн. руб. Но и эти расходы, по мнению Коковцова, «не исчерпывают собой всех новых потребностей обороны».

Таким образом, период бюджетной «экономии» кончался. Царская Россия стала на путь огромного численного расширения своей армии, а не на путь коренного технического ее перевооружения. Но и эта мера оказалась запоздалой, поскольку ее стали осуществлять лишь тогда, когда Европа находилась в преддверии мировой войны.

Граф Витте на заседании Комитета финансов поднял вопрос о возможной конфискации в случае войны русских средств за границей. Вопрос этот казался для многих членов Комитета неясным. Поэтому он долго еще изучался²³⁴. Обратились за консультацией в Министерство иностранных дел — тогда еще слишком считались с нормами международного права. Но и учитывая их, министр иностранных дел Сазонов подтвердил опасения Витте о судьбе денежных сумм казны. Собственно беспокоились не о вкладах во Франции, или Англии, а о государственных вкладах в германских и австрийских банках, где находилось свыше 100 млн. руб. казенных денег. Перевод денег из германских банков едва успели произвести, буквально накануне войны. На 10 июля 1914 г. суммы государственного казначейства на счетах немецких банков еще достигали 54,6 млн. руб. 16 июля чиновник Министерства финансов привез от банка Мендельсона на 20 млн. руб. ценных бумаг. Одновременно правительство усиленным образом реализовало немецкие ценные бумаги и продавало чеки на Берлин. К моменту объявления войны «суммы государственного казначейства в немецких

²³³ ЦГИАЛ, ф. 966, оп. 1, д. 9, лл. 1—3; ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 446, лл. 1—4. В письме отмечался огромный рост военных расходов во Франции и Германии и сообщалось о специальном совещании под председательством царя, на котором было решено увеличить численность армии. Вместе с тем Коковцов считал «затруднительным» введение новых налогов, а заключение новых займов считал «неосуществимым».

²³⁴ В упоминавшейся работе Министерства финансов («К вопросу о русском золотом запасе за границей») вопрос этот был поставлен (гл. VI) и разрешался в самом оптимистическом духе: возможность конфискации средств не казалась основательной (стр. 97).

1063

банках понизились до 0,5 млн. рублей, а в австрийских банках они совершенно отсутствуют»²³⁵. Государственные вклады в Германии в размере 55 млн. руб. удалось изъять и перевести в союзные страны и таким путем сохранить.

* * *

Подведем некоторые итоги нашему изложению.

Накануне мировой войны правительство имело бездефицитный бюджет, большие запасы золота в Государственном банке, золотую валюту, свободный фонд в зарубежных банках, накопленный за последние годы. Эмиссионное обеспечение золотом поднялось с 1 января 1905 г. до 1 января 1914 г. с 1029,4 млн. руб. до 1695,2 млн. Выпущенные в обращение кредитные билеты в сумме 1664,7 млн. руб. (на 1 января 1914 г.) были обеспечены золотом более чем рубль за рубль; учитывая золото за границей, эмиссионное право осталось не использованным на 330,5 млн. руб.²³⁶ Наряду с кредитными билетами в обращении находилось значительное количество золота: 622,4 млн. руб. в 1908 г. и 494,2 млн. руб. в январе 1914 г.²³⁷ Казалось, правительство могло спокойно ожидать развития политического кризиса. Но такое «спокойствие» было иллюзорным. В действительности вся денежная система России находилась в состоянии неустойчивости и была очень мало подготовлена к грядущим военным событиям, особенно к войне европейской и мировой. Несмотря на огромные запасы золота (Россия в этом отношении занимала третье место в мире, впереди Великобритании), денежная система не имела под собой прочного экономического основания²³⁸. Рост золотых запасов являлся продуктом роста внешнего долга, а не следствием производительного накопления и добычи золота²³⁹. Поэтому правы советские авторы, утверждающие, что денежная система царской России «была зависимой», так как базировалась исключительно на иностранных займах и на непрерывном притоке иностранных капиталов в хозяйство. Даже в предвоенные годы рост «свободной наличности» происходил также за счет всякого рода займов.

²³⁵ Архив Министерства финансов СССР. Особенная канцелярия по кредитной части, II отд., 1 ст., д. 1. «О снятии суммы государственного казначейства из германских и австрийских банков». А. Сидоров. Влияние войны на промышленность. «Очерки из истории Октябрьской социалистической революции», т. I. М., 1927

²³⁶ «Наше денежное обращение». Сб. под ред. Л. Н. Юровского. М., 1926, стр. 1—2.

²³⁷ А. Д. Гусаков. Указ. соч., стр. 7.

²³⁸ П. А. Козлов. Указ. соч., стр. 14.

²³⁹ В 1911 г. в России было добыто 52 тонны золота, в 1914 г. — 51,8 тонн. Исключая промышленное потребление, накопления от внутренней добычи должны были оседать в сумме нескольких десятков миллионов рублей ежегодно.

В. И. Ленин блестяще это показал в своей работе «Свободная наличность»²⁴⁰. В этой работе он разоблачил методы финансовой политики правительства крепостников-помещиков. Бюджет и свободная наличность, покоившиеся на займах, на водке и чрезмерной экономии от эксплуатации железных дорог, не могли быть прочными.

Только систематический приток иностранных капиталов в государственные займы, в гарантированные правительством железнодорожные займы, размещение за границей ипотечных закладных листов, приток иностранных капиталов в промышленность, банки и торговлю — обеспечивали текущее экономическое равновесие в расчетном балансе и в денежной системе. Переломным моментом в усилении зависимости царизма от международного империализма были 1904—1909 гг., когда дали себя знать поражение в войне с Японией и революционные события внутри страны.

После этого — в 1910—1914 гг. — *внешняя* форма роста финансовой зависимости несколько изменилась: прекратился открытый рост государственных займов для пополнения дыр в бюджете, но фактически этот рост неудержимо происходил, и царская Россия накануне первой мировой войны была неизмеримо более зависимой страной, чем в начале XX в. Экономика страны и царизм, потрясенный революцией, были теснее и многостороннее связаны с иностранным капиталом. События развивались не в сторону создания самостоятельной национальной системы финансового капитализма России, а в сторону углубления ее зависимости. Однако положение России накануне мировой войны нельзя рассматривать как положение полукOLONиальной страны. Это была экономически отсталая, но великая держава, где царское правительство сохраняло еще свою политическую независимость.

Бюрократическое правительство, оторванное от народа и глубоко враждебное ему, рассматривало финансовую готовность страны в отрыве от общего плана экономической готовности, сводя ее почти исключительно к увеличению золота внутри страны, какой бы ценой это не покупалось. Даже Витте, наиболее опытный и дальновидный представитель господствующего класса и правящей бюрократии, смутно чувствовавший финансовую слабость правительства, не выдвинул ни одного действительно крупного мероприятия, которое могло бы усилить финансы страны на случай войны. Ограничивались меры текущего порядка — и только. Поэтому финансовая слабость России ярко проявилась в первые же дни войны.

---

²⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 563—564.

Глава II

ФИНАНСОВЫЕ ИЗДЕЖКИ ВОЙНЫ. ВНУТРЕННИЕ ИСТОЧНИКИ ПОКРЫТИЯ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ

1. ПЕРВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА. РОСТ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ

Начавшаяся 19 июля 1914 г. первая мировая война внесла коренные изменения во все отрасли хозяйственной жизни России. Особенно резко и быстро реагировали на войну денежное обращение и биржа. Прекратились нормальные финансовые связи русских банков с границей. Курс ценных бумаг полетел вниз. Коммерческий кредит банков их клиентам был нарушен. Спрос на наличные деньги вырос, так как среди населения началась паника. В ряде районов стали испытывать недостаток в деньгах. В Риге, Варшаве, Лодзи и во всем Привислинском крае ощущался острый недостаток в мелких кредитных билетах и разменной монете. Эвакуация контор Государственного банка и казначейств из ряда пограничных городов еще более усилила трудности с деньгами, хотя только за неделю — с 19 по 26 июля 1914 г. — в обращение было выпущено кредитных билетов на 600 млн. руб.¹ Огромные толпы вкладчиков потянулись к банкам и сберегательным кассам, чтобы изъять свои вклады.

Золото и серебро стали быстро исчезать из обращения². Кредитные билеты в огромных количествах стали предъявлять к обмену на золото. Потребовались решительные меры

¹ А. Д. Гусakov. Очерки по истории денежного обращения в России, стр. 20.

² На 1 января 1914 г. в обращении находилось золотой монеты на 494 млн. руб., высокопробного серебра — на 123 млн. руб., низкопробного серебра — на 103 млн. руб. и медной монеты — на 18 млн. руб. Реальная ценность серебра в высокопробной монете составляла около $\frac{2}{3}$ ее номинальной стоимости, а низкопробной — около $\frac{1}{3}$.

со стороны государства, чтобы предотвратить дальнейшее распространение паники и организовать денежное обращение и кредит применительно к военным условиям³.

Был объявлен вексельный мораторий и отсрочены платежи по иностранным векселям; однако банки были обязаны производить выплату по вкладам и текущим счетам. Так как наличная касса в русских банках перед войной была исключительно мала — она составляла лишь 7,5% по отношению к вкладам и текущим счетам⁴, в два раза меньше, чем в английских и французских банках, — то потребовалась помощь Государственного банка⁵. За две недели войны частные банки получили в Государственном банке в кредит полмиллиарда рублей. Это и позволило им на первых порах справиться с положением.

В первые же дни войны перед правительством и финансовым ведомством встал вопрос, где взять средства для финансирования военных расходов, какую вести дальше финансовую политику? Министр финансов П. Барк, Комитет финансов и русское правительство в целом не предвидели размаха и продолжительности войны. Правительство, буржуазия и помещики были уверены в том, что война продлится лишь несколько месяцев. Мобилизация в армию свыше 4 млн. человек показывала все отличие этой войны от русско-японской. Европейский масштаб войны и многомиллионный состав мобилизованной армии потребовали от правительства проведения ряда чрезвычайных финансовых мер, и среди них прежде всего пришлось отказаться от размена кредитных билетов на золото.

23 июля 1914 г. Совет министров обсудил представление министра финансов о временном приостановлении размена кредитных билетов на золото⁶. Одновременно министр финансов просил разрешить Государственному банку дополнительно выпустить кредитных билетов на 1,2 млрд. руб., и производить учет краткосрочных обязательств государственного казначей-

³ Следует иметь в виду, что первые месяцы войны повели к сокращению работы промышленности: к сентябрю 1914 г. было закрыто 502 предприятия и сократили производство 1034 предприятия. В промышленности было уволено до 160 тыс. человек («История гражданской войны», т. I. М., 1935, стр. 29).

⁴ М. И. Боголепов. Война и деньги. В сб. «Вопросы мировой войны», под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915, стр. 407.

⁵ Там же. На 1 июля 1914 г. 47 русских акционерных банков имели собственных капиталов 722 млн. руб., текущих счетов — на 2445 млн. руб. и наличную кассу всего в 220 млн. руб.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1276. Особые журналы Совета министров, 1914 г., д. 2980, лл. 1—2. Характерно, что в том же решении указывалось, что при восстановлении «нормальной жизни» необходимо вернуться к размену кредиток на золото и к покрытию казной долга Государственному банку.

ства «в размере, вызываемом потребностями военного времени». Ввиду остроты положения и «неотложности» этих мер Барк просил осуществить их в чрезвычайном порядке, без предварительного утверждения Государственной думой (статья 87 Основных законов). Совет министров, ссылаясь на исключительные обстоятельства военного времени «и особые экономические условия, создавшиеся на денежных рынках всего мира», утвердил представление министра финансов. В тот же день решение Совета министров было утверждено царем. Это решение дало юридическое основание Министерству финансов производить огромные военные расходы прежде всего за счет выпуска бумажных денег⁷.

Сначала «высочайшим указом» от 23 июля 1914 г., а после обсуждения в Государственной думе и Государственном совете — законом 27 июля 1914 г. был прекращен размен кредитных билетов на золото и расширено эмиссионное право Государственного банка. Государственный банк получил возможность выпустить кредиток без золотого покрытия на 1,5 млрд. руб. Тем самым казна получила источник для финансирования войны. Это был выпуск бумажных денег. Курс кредитного рубля стал принудительным.

Правительство приняло меры, чтобы отлив золота за границу был предотвращен и по линии действующей армии. Соответствующее решение Совета министров состоялось 1 августа, а 2 августа Горемыкин обратился к верховному главнокомандующему вел. кн. Николаю Николаевичу со специальным письмом, в котором просил о том, чтобы все расходы по действующей армии «как в пределах империи, так и за границей производились во все время войны не иначе, как кредитными билетами, а расходы в золоте были ограничены исключительными случаями довершенной необходимости»⁸. На деле это означало, что золотой фонд мог расходоваться только по решению Совета министров и что Ставке нельзя было выдавать военные заказы за границу за счет золотого фонда внутри империи.

Итак, через несколько дней после начала войны, в отличие от опыта русско-японской войны 1904—1905 гг., Россия перешла к бумажно-денежному обращению. Сохранить золотое

⁷ «Положение о полевом управлении войск в военное время» определяло лишь порядок исчисления военных расходов и их истребования от Министерства финансов. В дальнейшем Совет министров значительно расширил категории расходов, покрываемых за счет «военного фонда». Значительные средства отпускались из «военного фонда» Министерству путей сообщения, Министерству внутренних дел («пайки» семьям военнослужащих), буржуазным общественным организациям. За счет «военного фонда» производились также все военные заказы в России и за границей.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 308, 1914 г., л. 1.

обращение было явно непосильной задачей. Всякое промедление в решении этого вопроса угрожало значительной утечкой золота. Расходы на войну с каждым днем увеличивались, и через два-три месяца золотая наличность Государственного банка была бы исчерпана⁹.

Государственные деятели того времени и крупнейшие представители буржуазной экономической науки еще в 1915 г. считали, что переход к бумажным деньгам — вынужденная, но временная мера¹⁰. «Было бы неосновательным пессимизмом, — писал Фридман, — утверждать в настоящее время с уверенностью, что бумажные деньги снова и снова надолго водарятся у нас со всеми их отрицательными сторонами, столь печально отразившимися на развитии народного хозяйства России»¹¹. Печальная действительность с каждым днем убеждала в обратном: расходы на войну росли, количество бумажных денег все увеличивалось, и реальных оснований надеяться на возвращение к золотому обращению становилось все меньше.

Уже первые два месяца войны показали, что расходы в эту войну были совершенно несоизмеримы с расходами русско-японской войны. Только издержки по мобилизации войск оценивались в сумме более 400 млн. руб. и в распоряжение различных ведомств было отпущено свыше 1 млрд. руб. «сверхсметных кредитов»¹². 586,9 млн. руб. достигли одни «бескредитные» расходы 1914 г., оплата которых была перенесена на 1915 г.

Через два месяца войны в распоряжении государственного казначейства оставалось только около 200 млн. руб. неизрасходованных средств. Поэтому в начале октября 1914 г. вновь встал вопрос о новом выпуске 5-процентных обязательств казначейства на 400 млн. руб. Обязательства выпускались на внутреннем рынке на срок 6 месяцев, после чего подлежали

⁹ На 16 июля 1914 г. золота в Государственном банке было на 1744 млн. руб., а на 23 июля — на 1718 млн. руб. За неделю золотая наличность сократилась на 26 млн. руб. (М. И. Боголепов, Указ. статья, стр. 423).

¹⁰ Эти взгляды поддерживали авторы сборника «Вопросы мировой войны» профессора Туган-Барановский, Боголепов, Фридман и др.

¹¹ Сб. «Война и государственное хозяйство России», Пг., 1916, стр. 386.

¹² ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 528, лл. 163—169. Обращение министра финансов Барка в Комитет финансов о предоставлении министру финансов права совершать кредитные операции на внутреннем и английском денежных рынках. Даты на документе нет, но судя по тому, что в нем приводятся данные за 26—29 сентября 1914 г. и говорится, что со времени начала войны прошло немного более 2 месяцев, документ написан около 1 октября 1914 г. До 29 сентября 1914 г. Министерство финансов реализовало на 400 млн. руб. 5-процентных государственных обязательств казначейства и на 300 млн. рублей 4-процентных государственных билетов — «серий».

выкупу или обмену на новые. Барк предполагал использовать и иностранный рынок для размещения этих обязательств, а потому просил разрешения «заменять их обязательствами, снабженными паритетами на иностранную валюту». Однако обязательства за границей не шли. Перепуганные банкиры не только не давали новых кредитов под государственные обязательства, но чинили препятствия в расходовании свободной золотой наличности, принадлежавшей казне и находившейся на счетах иностранных банков. Особые трудности сложились во Франции.

К началу войны (на 20 июля 1914 г.) в этой стране находилось почти 80% всей свободной наличности русского правительства — 431 млн. руб. из 540 млн. В Англии было 78,4 млн. руб. и на все прочие страны приходилось только 30,3 млн. руб.

Несмотря на союзные отношения с Францией, французские банкиры, опираясь на мораториум, фактически лишили Министерство финансов «возможности располагать в желаемых размерах заграничной наличностью». Оно только «с трудом» добилось оплаты «наших государственных и гарантированных займов, на оплаты же других наших расходов и в особенности от перевода сумм в другие государства, французские банки настойчиво отказываются, ссылаясь на мораториум»¹³. Повидимому, за счет средств русского правительства французские банкиры рассчитывали покрыть большую задолженность русских акционерных банков.

Для правильной оценки финансовой и всей экономической политики русского правительства на первом этапе войны необходимо учесть, что оно не очень ориентировалось на заграничный денежный рынок. Согласно решению Совета министров от 23 августа 1914 г., заграничные расходы, без оплаты государственных и гарантированных займов и без заказов морского ведомства (на 31 млн. руб.), исчислялись на ближайшие месяцы всего в 194 млн. руб.¹⁴ Учитывая и другие платежи, министр финансов определял затраты казны до конца года в иностранной валюте в сумме 250 млн руб. Главная часть платежей предстояла в Англии и в Соединенных Штатах Америки, где

¹³ Там же. За 10 дней, с 10 по 20 июля, свободная наличность Министерства финансов за границей сократилась на 126,3 млн. руб. в основном за счет изъятия государственных средств, бывших на счетах германских и австрийских банков, где хранилось 114,1 млн. руб. Были изъяты средства и из отделений немецких банков в Англии. Все эти средства были переведены в союзные страны или в Россию.

¹⁴ Там же. 118 млн. руб. по заказам военного ведомства, 20 млн. руб. для снабжения железных дорог, казенных предприятий и частных заводов металлами, 10 млн. руб. Совету съездов представителей торговли и промышленности и 15 млн. руб. дополнительно военному ведомству.

свободной наличности казна почти не имела¹⁵. Поэтому русский посол в Англии граф Бенкендорф и агент Министерства торговли и промышленности в Лондоне Рутковский сразу же поставили вопрос о высылке золота из России в Лондон.

Следовательно, перед русским правительством сразу встали две задачи: 1) обеспечить финансирование войны за счет внутренних источников, при условии прекращения размена кредиток на золото, и 2) освободить наличность государства в зарубежных банках для текущих расплат, а также найти новые источники для платежей пограничным заказам. Эту вторую задачу мы подробнее рассмотрим несколько позднее.

Что касается бюджета 1914 г., то доходная часть его за военное полугодие резко снизилась. Сравнительно со вторым полугодием 1913 г. правительство недобрало 674,2 млн. руб., а за весь 1914 г. доходы сократились на 519,2 млн. руб.¹⁶ Основной недобор произошел по трем статьям: винной монополии, от уменьшения коммерческого движения на железных дорогах и сокращения таможенных доходов. Вследствие прекращения внешней торговли поступление доходов от таможенных сборов сократилось на 64%, т. е. почти на две трети, доходы от капиталов в IV квартале упали на 41,2%, а общее поступление доходов по бюджету в III квартале уменьшилось на 27,4%, а в IV квартале — на 26,6%¹⁷. Резко сократилось поступление доходов в прифронтовом районе — в Царстве Польском (39,7%), а в центральных районах Европейской России сокращение доходов колебалось от одной четвертой (среднепромышленный район) — до одной третьей (среднечерноземный район). К концу 1914 г. всюду значительно увеличились недосимки.

Сначала на время мобилизации, а потом и на все время войны правительство прекратило торговлю водкой¹⁸. Это нанесло огромный финансовый ущерб бюджету — выпадала одна из самых крупных и «обеспеченных» статей доходов. Надо было изыскать средства для покрытия этого ущерба. Пришлось кое-какие расходные статьи бюджета во время войны сократить. Эти сокращения за вторую половину 1914 г. достигли 331 млн. руб.¹⁹ Однако они не могли восполнить выбыв-

¹⁵ В Англии свободная наличность к этому времени значительно уменьшилась и составила всего около 3 млн. руб.

¹⁶ Г. Деметьев. Государственные расходы и доходы России за время войны..., стр. 9.

¹⁷ И. А. Михайлов. Государственные доходы и расходы России во время войны. Пг., 1917, стр. 34, 36, 64, 67.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, д. 3147, лл. 1—4. Особый журнал Совета министров от 13 сентября 1914 г., утвержденный царем 16 сентября 1914 г.

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 300, лл. 74—77. Совет министров сократил расходы несколько меньше, чем предложил Барк.

шие доходы. Пришлось повысить ряд налоговых пошлин²⁰. Но это не дало средств для покрытия чрезвычайных военных расходов, которые быстро увеличивались с каждым новым месяцем войны. Комитет финансов не смог предвидеть величину расходов на несколько месяцев вперед. Самые максимальные предположения оказывались недостаточными, и требовались дополнительные ассигнования. По сравнению с военными расходами золотые запасы правительства оказались мизерными — всего золотого фонда внутри страны и свободной наличности за границей едва хватало бы до конца 1914 г. Расходы вырастали вместе с ростом численности армии и ростом ее вооружения. Десятки миллиардов рублей, израсходованные на снаряды, орудия, винтовки, обмундирование и продовольствие армии, непроизводительны расстреливались на полях сражений. Сотни миллионов рублей попадали в карманы буржуазии в качестве сверхприбылей. Правительство щедро раздавало военные заказы, а вместе с ними и авансы²¹.

Военные расходы России, вернее расходы, покрытые за счет военного фонда, только за вторую половину 1914 г. были больше всей суммы расходов за все время русско-японской войны. По отчету Государственного контроля, они исчислены в сумме 2540 млн. руб. Сам министр финансов исчислял их в 2,7 млрд. руб. Помимо увеличения численности армии и размаха войны, огромное влияние на рост военных расходов имел технический прогресс, усиление артиллерии, внедрение механизации, рост огневых средств в армии, увеличение расходов артиллерийских снарядов.

Военные расходы и источники их финансирования разрешались помимо Государственной думы, в порядке верховного управления, что вызывало недовольство буржуазии. Эти расходы покрывались из так называемого военного фонда. Кроме того, как обычно, продолжали существовать государственные

²⁰ Повышение налогов подробно освещалось в ряде работ, например в статье Михеева и Гиршфельда «К вопросу о финансовой подготовленности России к войне 1914—1917 гг.» («Вестник финансов», 1928, № 9, стр. 103—110), в работах Михайлова, Дементьева и др.

²¹ Уже на сентябрь 1914 г. потребность фронта в артиллерийских снарядах была определена в 1,5 млн. штук в месяц, а потребность в винтовках — в 100—150 тыс. штук. В сентябре — октябре 1914 г. 16 крупнейших заводов России получили первые заказы на 7,7 млн. 3-х дюймовых шрапнелей, на общую сумму 89 млн. руб. Заводы получили свыше 12 млн. руб. бесплатной дотации на оборудование предприятий. Заводчики получали 65% стоимости заказа в качестве аванса (подробнее об этом — в неопубликованной еще рукописи автора о военной экономике России). Это было начало переключения крупной промышленности для работы «на оборону». Одновременно был сделан заграничный заказ на 4 млн. артиллерийских снарядов. Однако это были только первые и робкие шаги расточительства миллиардов рублей на различного рода военные заказы.

рописи для расходов, якобы не связанных непосредственно с войной²². Каждый год сметы и роспись составлялись так, как будто войны не существовало. Конечно, подобное разделение бюджета на военный и невоенный имело условный характер и по существу являлось неправильным. Оно было придумано для того, чтобы замаскировать действительный размер дефицита и показать, что так называемые обыкновенные расходы правительство сводит без дефицита. Такое разделение бюджета давало царским чиновникам возможность осуществлять всякие махинации. Так, например, при составлении росписи обыкновенных расходов Министерством финансов относило к ним некоторые расходы по военному и морскому ведомствам. В отчетах же об исполнении росписи соответствующие расходы относились на военный фонд. Благодаря этому расходы по обыкновенному бюджету в 1914 г. были снижены на 185 млн. руб., в 1915 г. — на 564,9 млн. руб., в 1916 г. — на 504 млн. руб. С помощью такой махинации по обыкновенному бюджету получалось перевыполнение доходов над расходами²³. Однако всем было ясно, что так называемые обыкновенные расходы представляют лишь незначительную часть расходов на войну, и все дело заключалось в том, чтобы найти источники финансирования огромных военных расходов.

В документах Советского правительства, в которых подводились итоги финансовых расходов царского правительства за время мировой войны²⁴, этого разделения не существует. В них дано сопоставление всех произведенных правительством расходов со всеми доходными поступлениями, кроме выручки от кредитных операций. Разница между расходами и доходами составляет реальный дефицит бюджета. Если недостача покры-

---

²² 13 сентября 1914 г. Совет министров обсуждал вопрос «Об условиях сведения государственной росписи доходов и расходов на 1915 г.». Предполагался дефицит бюджета при обычных источниках доходов в 1 млрд. руб. Новые налоговые мероприятия исчислялись в 535 млн. руб. Дефицит в 500 млн. руб. должен был быть покрыт за счет дальнейшего сокращения расходов и изыскания новых налогов (ЦГИАЛ, ф. 1276. Особый журнал Совета министров от 13 сентября 1914 г., д. 3147).

²³ Б. Ривкин. Финансы и кредит в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., Госфиниздат, 1939, стр. 9; Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве, 1917, № 4, стр. 23. В. П. Дьяченко считает, что в 1915 и 1916 гг. за счет военного фонда было покрыто расходов, не имеющих отношения к войне, на 2,1 млрд. руб. (В. П. Дьяченко. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. стр. 30).

²⁴ «Роспись общегосударственных доходов и расходов РСФСР на январь — июнь 1919 г. с объяснительной запиской народного комиссара финансов». Пг., 1919. Расчет расходов на войну произвел и бюджетный отдел Народного банка (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1462, лл. 15—28).

валась займами, то это устраняло кассовый, но не бюджетный дефицит. Однако вся документация царского правительства проводит строгое различие между расходами за счет «военного фонда», т. е. чисто военными, и расходами по обыкновенному бюджету.

Чтобы еще яснее отделить огромный рост «чисто военных» расходов, сохраним это условное разделение и постараемся выявить величину затрат на войну государственного казначейства по обеим указанным нами статьям — по военным расходам и «обычным» сметам.

По подсчетам Г. Дементьева, ассигнования на расходы, связанные непосредственно с войной, достигли по ведомствам к 1 марта 1917 г. следующих цифр (млн. руб.)²⁵:

Таблица 6

Год и месяц	Министерство				Остальные ведомства	Итого *
	военное	морское	внутренних дел	путей сообщения		
1914 (июль — декабрь)	2 208,3	83,3	200,5	36,7	17,2	2 546,0
1915	7 486,7	406,0	832,9	388,0	261,3	9 374,9
1916	11 395,5	804,6	1 526,3	1 050,3	489,7	15 267,0
1917 (январь — февраль)	2 587,5	183,0	139,1	260,3	104,1	3 274,0
Итого . . .	23 678,0	1476,9	2 698,8	1 735,3	872,3	30 461,9
С начала войны до 1 сентября 1917 г.	30 944,6	2057,9	4 187,5	2 904,4	1 298,3	41 392,7

* Между приведенными здесь данными Г. Дементьева и данными в других его работах имеются незначительные расхождения. Так, за 1914 г. расходы на войну он в другом месте исчислял в 2540 млн. руб., т. е. на 6 млн. менее, а за 1915 г. — на 6 млн. руб. более. В совокупности эти данные балансируются и не сказываются на общих итогах военных расходов (Г. Дементьев. Государственные доходы и расходы России. Пг., 1917, стр. 31).

²⁵ «Красный архив», т. 25, 1927, стр. 25. Положение гос. казначейства за время войны с Германией и Австрией за 1917 г.; Г. Дементьев. Указ. соч., стр. 31; сб. «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.» ЦСУ, 1925, стр. 46—47. В своем выступлении на заседании Экономического совета при Временном правительстве Дементьев называл следующие цифры военных расходов: в 1914 г. — 1655 млн. руб., но к этой сумме следует прибавить 539 млн. на мобилизацию, которые были показаны в отчете Госконтроля как произведенные в 1915 г.; в 1915 г. — 8818,4 млн. руб. в 1916 г. — 14572,8 млн.; в 1917 г. (первое полугодие) — 10 053 млн., итого 35 638,2 млн. руб. Суточный расход поднялся с 25,7 млн. руб. в 1915 г. до

Итак, в круглых цифрах расход царского правительства на войну, помимо «мирных» расходов, достиг громаднейшей цифры в 30,5 млрд. руб., а с учетом расходов Временного правительства до 1 сентября 1917 г. — 41,4 млрд. руб. Проверая этот подсчет Дементьева по архивным данным Совета министров и Комитета финансов и по другим источникам, мы убедились в правильности общих итоговых данных. Конечно, надо иметь в виду, что они не охватывают расходов по так называемым обыкновенным бюджетам. По материалам Комитета финансов, нарастание военных расходов происходило следующим образом²⁶:

По 1 июля 1915 г.	5 865,3 млн. руб.		
» 1 января 1916 г.	10 282,0	»	»
» 23 ноября 1916 г.	25 025,0	»	»

Прибавив еще расходы за последние три с лишним месяца существования царизма, будем иметь ту же сумму расходов — 30,5 млрд. руб.

Г. Дементьев исчислял суточные расходы на войну, для 1915 г. в 25,7 млн. руб.; для 1916 г. — в 41,7 млн. руб. и для 1917 г. в 58,4 млн. руб.²⁷ По расчетам З. С. Каценеленбаума, расходы были немного меньше для 1915 и 1916 гг.²⁸ и при-

41,7 млн., в 1916 г. и до 58,9 млн. в 1917 г. (Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве. 1917, № 5, 26 июля 1917 г., стр. 1—3).

²⁶ Архив Наркомфина, II отд. 1 ст., 1915 г., д. 3; 1916 г., д. 1 и 3, ч. 3; «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I. М., 1927, стр. 43. Цифры военных расходов на 1 января 1916 г. см. в журнале Комитета финансов от 30 января 1916 г. Утверждено Николаем II 15 февраля 1916 г. (ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 530, лл. 3—4). В журнале приведена цифра военных расходов на 1 января 1916 г. в сумме 10 282 млн. руб. Однако, выступая в Гос. думе 16 февраля 1916 г., Барк называл сумму военных расходов в еще большем количестве: «приблизительно 10 588 млн. руб.» Сумму же предстоящих в 1916 г. военных расходов он определял не менее 12 млрд. руб. Но и эта огромная сумма оказалась заниженной (Стенограф. отчет Гос. думы 4-го созыва, сессия 4, 1916 г., засед. № 22 от 16 февраля 1916, стб. 1744—1745).

²⁷ Г. Дементьев. Государственные доходы и расходы России за время войны..., стр. 32.

²⁸ В книге «Война и финансово-экономическое положение России» (М., 1917) З. С. Каценеленбаум определяет расходы 1914 г. в 9,5 млн. руб. в день, в 1915 г. — 24,1 млн. и в 1916 г. — 40 млн. руб. в день. Для 1917 г. называются различные цифры: накануне свержения царизма — 50,6 млн. руб. в день, а в июле — августе 1917 г. — 66,6 млн. Средние данные за 1917 г. будет совпадать с данными Дементьева. Выступая 24 января 1917 г. в бюджетной комиссии IV Гос. думы, Барк приводил заниженные данные о военных кредитах: за 1914 г. — 2172 млн. руб., за 1915 г. — 8299 млн. и за 1916 г. — 14 080 млн. Сумму военных кредитов до 1 января 1917 г. он исчислял в 24,5 млрд. руб. (ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 331, лл. 58—59). Во всеподданнейшем докладе Комитета финан-

мерно равные с расчетами Дементьева для 1917 г. По-видимому, эти расчеты близки к истине, потому что министр финансов определял суточные расходы казначейства в июле — начале августа 1916 г. в 38 млн. руб., а в октябре 1916 г. — уже в 50 млн. руб.²⁹

Конечно, эти суммы имели оперативное значение и не могут претендовать на абсолютную точность. Они скорее всего несколько преувеличены, хотя бы потому, что иностранные займы и кредиты по ним рассматривались израсходованными в связи с выдачей заказов. Между тем расплаты по ним производились много позднее. На миллиарды рублей военные заказы остались незавершенными, а многие материалы не были доставлены. Реальный расход несколько отставал от открытых кредитов, которые всегда превышали произведенные на определенную дату расходы. За 1914—1916 гг. Совет министров открыл кредиты на 27,2 млрд. руб., а израсходовано было немногим больше 25 млрд. руб.³⁰

Имеются и другие расчеты расходов России за время империалистической войны. Так, в «Росписи общегосударственных

Таблица 7

Год	Расходы (включая и обыкновенные)	Доходы (без займов)	Дефицит
1914	4 859	2 961	1 898
1915	11 562 *	3 001	8 561
1916	18 401	4 345	13 756
1917	27 807 **	5 039	22 568
Итого . .	62 129	15 346	46 783

* За исключением оборотных расходов по переучету краткосрочных обязательств государственного казначейства.

** За вычетом 3 млрд. руб. военных кредитов, перенесенных из смет 1917 г. на 1918 г.

сов сумма военных расходов России на 1 января 1916 г. определялась в 10 282 млн. руб. (ЦИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 530, л. 3).

²⁹ Представление Министерства финансов в августе 1916 г. в Совет министров о дополнительном выпуске кредитных билетов (ЦИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 574, лл. 2—5; ф. 563, оп. 2, д. 516, лл. 1—2).

³⁰ В. П. Дьяченко. Указ. соч., стр. 28. Дьяченко определяет суточные расходы на войну в 1914 г. в 10—12 млн. руб., в 1-й половине 1915 г. — в 19 млн. руб., во 2-й половине 1915 г. — в 28 млн. руб.; для 1916 г. соответствующие цифры — 35 и 46 млн. руб. и для 1917 г. — 55 млн. руб. в день.

доходов РСФСР за январь — июнь 1919 г.» приводятся следующие данные (млн. руб.)³¹ (см. табл. 7 на стр. 117).

Из этих данных следует, что общая сумма расходов государства за 1914—1917 гг. составляла 62129 млн. руб. Доходов было получено 15 346 млн. руб., или около 25% всех расходов, а дефицит исчислен в 46 783 млн., что составляет около 75% от общей суммы расходов. Если учесть, что эти расходы охватывают весь 1917 год, то подсчеты эти заслуживают доверия. Они совпадают с подсчетами военных расходов и ежегодных дефицитов, опубликованных в 1921 г. в сборнике Наркомфина к III конгрессу Коммунистического Интернационала «Социальная революция и финансы». Из этих и других расчетов³² следует, что общий дефицит почти совпадает с величиной военных расходов.

А. Д. Гусаков в своей работе «Очерки по денежному обращению России», ссылаясь на «Торгово-промышленную газету», определяет военные расходы с начала войны и до Февральской революции в 28 035 млн. руб.³³ Эта сумма является преуменьшенной более чем на 2 млрд. руб. Наши данные, проверенные по материалам архива и совпадающие в основном с данными Дементьева, более полно отражают сумму военных расходов России.

По материалам Народного банка, т. е. Государственного банка, переименованного после победы Октябрьской социалистической революции³⁴, на расходы военного времени

³¹ «Роспись общегосударственных доходов и расходов РСФСР на январь — июнь 1919 г.». Документ содержит серьезный анализ доходов и расходов России за годы войны.

³² А. Д. Гусаков. (Указ. соч., стр. 19) повторяет расчеты «Росписи» о дефиците царской России в годы войны. Военные расходы исчислены:

в 1915 г.—	8 620	млн. руб.—	Дефицит составил	8 561	млн. руб.
в 1916 г.—	14 473	»	»	13 767	»
в 1917 г.—	22 561	»	»	22 568	»

³³ Там же, стр. 24. По-видимому, он следует за З. С. Канценеленбаумом, который, также основываясь на материалах периодической прессы, определяет военные расходы в 28 млрд. руб.

³⁴ ЦГВИА, Управление ген.-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, ф. 2003, оп. 2, д. 9731, лл. 15—24. О военных расходах России за время с начала войны по 1 апреля 1920 г. Документ не подписан, но имеется карандашная пометка, что это записка Кутлера из комиссии Громана. См. также ф. 2003, оп. 1, д. 1462, лл. 15—23 (документ представляет анализ помесечных расходов на войну до 1 апреля 1918 г.). Между обоими вариантами не имеется существенных различий. В издании Центрального статистического управления «Россия в мировой войне 1914—1918 гг.» (в цифрах), стр. 46—47, опубликованы цифровые данные о военных расходах с подразделением их по ведомствам. Расходы до 1 сентября 1917 г. определены в 41,4 млрд. руб., т. е. значительно меньше данных Народного банка, но если к ним прибавить расходы за сен-

с начала войны и по 1 апреля 1918 г. было ассигновано 54367,2 млн. руб. По годам эти расходы исчислялись так (млн. руб.):

1914 г.	2 546,1
1915 г.	9 374,9
1916 г.	15 267,0
1917 г.	22 734,7
1918 г.	4 444,5

Всего 54 367,2

Три первые цифры годовых расходов, по расчетам Народного банка, совпадают с цифрами Дементьева. Последняя цифра — расход за 1917 г. более точна в расчетах банка, ибо Дементьев давал расходы только по 1 сентября. Если произвести соответствующую поправку — исключить расходы с сентября 1917 г. до конца года, то получим почти совпадающие данные.

Следовательно, имеющиеся в обороте различные статистические данные относительно расходов России на войну дают в основном совпадающие и верные данные. Расчет Народного банка определяет их в 52 млрд. руб. по апрель 1918 г. Правильнее их исчислять до конца 1917 г. — в этом случае мы получим цифру около 48 млрд. руб. «Роспись общегосударственных расходов РСФСР за январь — июнь 1919 г.» определяет все расходы за 1914—1917 гг. в 62 млрд. руб., а за вычетом доходов (без займов) и расходов по обыкновенным сметам дефицит определяется в 46,8 млрд. руб.

Этот дефицит близок к цифре чисто военных расходов, фигурирующей в некоторых статистических сборниках и в работе Дементьева.

Так или иначе, но все приведенные выше данные подчеркивают резкую тенденцию возрастания военных расходов, которые достигли своего максимума в 1917 г. перед свержением Временного правительства.

Приведенная выше цифра в 54,4 млрд. руб. военных расходов складывается из расходов различных ведомств, но основная часть расходов приходится на военное ведомство (38,4 млрд. руб.), морское (3 млрд. руб.) и т. д. В военный фонд отнесены расходы, не имеющие непосредственного отношения к войне, как увеличение заработной платы рабо-

---

тябрь — ноябрь, хотя бы на уровне августа, то итоги будут очень близко совпадать. Б. Ривкин в переизданной в 1957 г. работе «Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции» исчисляет расходы России в 1914—1916 гг. на основе «Росписи общегосударственных расходов РСФСР за январь — июнь 1919 г.» (стр. 10—11).

чим и служащим почтово-телеграфного ведомства, железных дорог и т. д.

Общая сумма военных расходов делится на четыре группы:

	млн. руб.	%
1. Расходы непосредственно на оборону	41 146,3	76,2
2. Расходы, представляющие неизбежное следствие войны (покрытие убытков населения, гособия и т. д.)	7 471,5	13,7
3. Расходы по приспособлению отдельных отраслей хозяйства к нуждам войны — дорожное дело, устранение бедствий, причиненных войной народному хозяйству	2 363,1	4,4
4. Расходы, не имеющие непосредственного отношения к войне (главным образом повышение жалованья служащим по разным ведомствам)	3 085,9	5,7

На основе данных Дементьева, в основном совпадающих с неопубликованными данными Комитета финансов и данными Народного банка, почти 80% всех военных расходов приходится на военное и морское ведомства (33 002,5 млн. руб.) и около 20% (9,4% млрд. руб.) — на все «гражданские» ведомства³⁵.

К военным расходам гражданских ведомств относятся: помощь населению, строительство путей сообщения, заготовка топлива для населения и выдача ссуд предприятиям, работавшим на оборону. Так расширялось понятие «военные расходы». К ним стали относить наиболее важные расходы по развитию железных дорог, на заготовку топлива и развитие промышленности. Среди военных расходов гражданских ведомств наибольшую роль играют пайки солдатским семьям. На них до 1 января 1917 г. было израсходовано почти 2 млрд. руб. Затем идут расходы по помощи беженцам, достигшие за 1914—1917 гг. почти 3/4 млрд. руб. По Министерству путей сообщения военные расходы достигли особенно значительных размеров в 1916 г. За первые полтора года войны расходы на железные дороги составили всего лишь около 400 млн. руб. За 8 месяцев 1917 г. расходы на усиление железных дорог достигают суммы расходов за предыдущие 2½ года войны. К ним относились затраты на приобретение подвижного состава, на строительство новых линий и усиление деятельности уже существующих.

Кроме расходов, вызванных войной, казна совершала так называемые «мирные» расходы по обыкновенным сметам ведомств, которые по-прежнему представлялись на рассмот-

³⁵ Данные включают 8 месяцев 1917 г. Процентное соотношение военных расходов между ведомствами было примерно таким же и ко времени Февральской революции 1917 г. (Г. Дементьев. Государственные расходы и расходы России..., стр. 31).

рение Государственной думы. Таких расходов до Февральской революции 1917 г. было произведено (млн. руб.) ³⁶:

в 1915 г.	2836,6
» 1916 г.	3151,8
за вторую половину 1914 г. и 2 месяца 1917 г.	около 2500

Итого . . . 8488,4

Вместе с военными расходами это дает около 39 млрд. руб., т. е. сумму, превосходящую почти в пять раз весь довоенный государственный долг царского правительства.

Ниже приводим данные о доходах и расходах по обыкновенному бюджету (без займов и военных расходов), покрытых за счет военного фонда (млн. руб.) ³⁷:

Таблица 8

Год	Доходы	Расходы	Соотношение доходов и расходов *
1914	2960,8	3203,5	-242,7
1915	3060,3	2836,6	+223,7
1916	4331,5	3151,8	+1179,7
1917	6410,0	5380,0	+1030,0
Итого			+2190,7

* Знак — обозначает уменьшение, знак + обозначает превышение.

Итак, доходы по «обыкновенным» сметам превысили расходы на 2,2 млрд. руб., которые и пошли на покрытие части военных расходов. Однако кажущееся благополучие государ-

³⁶ «Красный архив», кн. 25, стр. 8—33. Доклад Дементьева «Положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австрией до конца 1917 г.». Более подробно эти вопросы изложены автором в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», 1917, № 36, 37, 39, 41. Сумма расходов за вторую половину 1914 г. и 2 месяца 1917 г. подсчитана мною.

³⁷ Г. Дементьев. Государственные доходы и расходы России..., стр. 29. В «Красном архиве» (т. 25, стр. 24) опубликованы несколько другие данные. Совпадают с названными только доходы за 1914 г. и расходы за 1914—1916 гг., остальные данные не совпадают; это, по-видимому, объясняется предварительным характером данных о доходах за 1915—1917 гг., что впоследствии отразилось на их повышении. По данным, опубликованным в «Красном архиве», превышение доходов над расходами составило только 1,8 млрд. руб.

ственной росписи достигалось благодаря бухгалтерскому приему, смысл которого состоял в том, что сметные расходы по военному ведомству, Морскому министерству и пограничной страже проектировались по довоенному штату, а расходы покрывались из военного фонда по их действительной потребности. Перерасход в сумме 1732 млн. руб. относился за счет военного фонда. Точно так же и оплата процентов по краткосрочным обязательствам в сумме 1224 млн. руб. относилась за счет того же источника. Не будь этих ухищрений, получился бы большой дефицит и в смете невоенных расходов.

Покрывтые «мирных» расходов, т. е. сведения обыкновенной росписи, представляло большие трудности для правительства, так как отпала одна из важнейших статей дохода — винная монополия. Мы уже указывали, что за вторую половину 1914 г., т. е. за первое полугодие войны сравнительно с тем же полугодием предшествующего года или первым полугодием 1914 г., доходы резко сократились. Сокращение доходов началось с первых же дней войны. Обеспокоенное правительство уже 13 сентября 1914 г. обсуждало вопрос «о переустройстве нашего бюджета». Совет министров призывал своих коллег к бережливости и к изысканию новых налоговых поступлений. Под председательством государственного контролера была создана специальная комиссия в составе ряда министров, которая и должна была решить поставленную правительством задачу³⁸. Формально эта задача была решена таким образом, что расходная часть бюджета в 1915 г. была меньше предыдущего года почти на 370 млн. руб., а доходная часть больше предыдущего года на 100 млн. руб.

В 1916 г., несмотря на обесценение денег и рост дороговизны, расходы повысились сравнительно с предыдущим годом всего лишь на 10%, но были несколько ниже расходов 1914 г. Зато доходная часть бюджета выросла более чем на 40%, что указывает на большую активность правительства в повышении существовавших и изыскании новых доходов, несмотря на рост нищеты населения, на наличие миллионов беженцев и эвакуированного населения.

Для заполнения финансовой прорехи в обыкновенном бюджете правительство усилило налоговый пресс на трудящиеся слои населения. Были увеличены ставки действовавших ранее налогов и введены новые, введены пошлины с пассажиров

³⁸ «Совет министров, — гозорилось в решении правительства, — призывает своих сочленов поступиться в данном государственной важности деле ведомственными интересами, преследуя единую общую цель — бездефицитное сведение государственной росписи, как непрременное условие правильного и обеспеченного от возможных потрясений государственного хозяйства» (ЦГИАЛ, ф. 1276, д. 3147, лл. 1—4. Особый журнал Совета министров от 13 сентября 1914 г.).

и грузов, введен специальный налог на хлопок, повышены налоги на сахар, табак, спички и др. Докладчик бюджетной и финансовой комиссий Государственной думы кадет Шингарев указывал в конце первого года войны, что правительство покрывает расходы по обыкновенному бюджету путем «повышения почти всех видов существующих прямых и косвенных налогов, пошлин, регалий»³⁹. Благодаря этим мерам, за первые 8 месяцев 1915 г. поступление доходов увеличилось по 18 параграфам государственной росписи на 260 млн. руб. Наибольшее увеличение дали пошлины и временный налог с пассажиров и грузов, а также с хлопка — 121,9 млн. руб., потом шел сахарный доход — 29,4 млн. руб., а доходы с денежных капиталов дали увеличение всего на 3 млн. руб. По 16 же параграфам поступление доходов уменьшилось на 645,1 млн. руб. Наибольшее сокращение приходилось на доход от вина (469,5 млн. руб.) и таможенный доход (92,4 млн. руб.). Таким образом, общее поступление обыкновенных доходов за 8 месяцев сократилось на 385 млн. руб.⁴⁰ Повышение налогов и введение новых источников обложения дали в 1915 г. более 500 млн. руб., в 1916 г. — 725 млн. руб., а по росписи на 1917 г. предполагалось получить 1075 млн. руб.⁴¹ Правительство иными средствами стало выколачивать тот миллиард, который раньше оно получало от населения по винной монополии.

Министр финансов Барк в докладе Николаю II о проекте росписи на 1917 г. дал очерк развития русского бюджета. Замена «питейного дохода, служившего ранее одним из главных устоев русского бюджета», другими источниками доходов являлась якобы признаком оздоровления бюджета. Барк писал Николаю II, что рост налогов и введение некоторых новых, в том числе подоходного налога, является «способом возможного усовершенствования нашего податного строя на началах уравнительности и справедливости в распределении налогового бремени»⁴². Правительство крепостников-помещиков мало считалось с тем, что главная тяжесть новых и добавочных налогов падала на плечи крестьян, рабочих и мелкой буржуазии. Помещиков и буржуазию самодержавие тщательно оберегало от тягот податного гнета.

Увеличение расходов на войну заставило правительство вновь вернуться к забытому вопросу о подоходном налоге, за-

³⁹ Приложение к стенографическим отчетам Гос. думы 4-го созыва, сессия 4. Вып. 1, 1915, стр. 7.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11, д. 186, лл. 257—268. Статистические сведения о финансовом и экономическом положении на 15 декабря 1915 г. Приложение.

⁴¹ «Красный архив», т. 17, стр. 57. Доклад Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г.

⁴² Там же.

конопроект о введении которого лежал похороненным в архиве Государственной думы с 1907 г.⁴³ Представители либеральной буржуазии требовали в стенах Государственной думы коренной финансовой реформы, основу которой должен был составить подоходный налог. Об этом от имени бюджетной и финансовый комиссии Думы говорил один из лидеров кадетов А. И. Шингарев в конце первого года войны⁴⁴. Под влиянием критики Министерство финансов разрабатывало в 1915 г. проект реформы действующей финансовой системы⁴⁵, одним из звеньев которого, но отнюдь не главным, являлся подоходный налог. Подоходный налог намечалось ввести по всей империи, кроме Финляндии. Он должен был дать всего около 75 млн. руб. ежегодно, тогда как введенные в 1914—1915 гг. новые налоги давали уже свыше 600 млн. руб. Главную часть подоходного налога должны были платить лица с небольшой доходностью — до 1200 руб. в год. Налоговый минимум был очень низок (850 руб.). Максимум обложения — с доходов от 390 тыс. до 400 тыс. руб. — не превосходил 12%⁴⁶. Доходы свыше 400 тыс. рублей облагались в сумме 1250 руб. на каждые 10 000 руб. чистого дохода, т. е. не свыше 12½%. Закон не применялся к доходам царя и царского дома, к дворцовому имуществу, а также к недвижимым имуществам за границей. Что касается обложения прибылей с предприятий, то ставка налога начиналась с 5% и не подымалась выше 11,5% с предприятий, которые давали 20% дивиденда на основной капитал, т. е. налог составлял всего лишь одну девятую чистого дохода. Еще более щедро охранялись законом прибыли сверх 20% — они облагались всего лишь на ½% выше, т. е. обложение не превышало 12%.

Пожалуй, еще более заботливо закон охранял от обложения прибыли землевладельцев. Из обложения исключались все расходы на удобрение, приобретение орудий, на оплату труда служащих, рабочих, по ремонту зданий и т. д. Все эти условия давали возможность землевладельцам укрыть от обложения

⁴³ Вопрос о введении подоходного налога в России поднимался в пре-реформенное время неоднократно. Еще в 1869 г. Министерство финансов командировало за границу М. И. Веселовского для сбора материала о подоходном налоге в иностранных государствах. Веселовский высказался против введения этого налога в России. После русско-турецкой войны Рейтерн поставил вопрос о коренной реформе обложения. В 1880 г. был выработан проект подоходного налога, но Н. Х. Бунге высказался против нового налога. В 1892 г. вновь был выработан проект подоходного налога, но отвергнут Витте якобы из-за трудности его введения в России.

⁴⁴ Приложение к стенографическим отчетам Гос. думы 4-го созыва, сессия 4. Вып. 1, 1915, стр. 6—17.

⁴⁵ «Справка Министерства финансов. К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы». Ноябрь 1915 г.

⁴⁶ Закон о государственном подоходном налоге 6 апреля 1916 г. — СУ, I отд., 1-е полугодие, № 106, ст. 838.

большую часть своих доходов. Подоходный налог можно было назвать таковым с большими оговорками. Он лишь для видимости облагал доходы буржуазии. Между тем Барк называл его в Государственной думе «краеугольным камнем податной реформы, тем прочным фундаментом, на коем должно быть построено более совершенное здание»⁴⁷. В действительности на этом «фундаменте» нельзя было улучшить государственные финансы. Это хорошо понимали правые, и лидер их Марков 2-й, выступая в Думе с демагогической речью, так и охарактеризовал этот закон: «Закон маленький, почти ничтожный, не крупный, но не бесполезный,— так и говорите и не рядитесь в тогу спасителя отечества. Вы из рубля (из ста копеек) полторы копейки передвинули немножко в сторону богатых классов и хорошо сделали, но отсюда еще далеко до великой социальной реформы». По мнению Маркова, этот законопроект подоходного налога «весьма некрупного размера», а потому он не будет иметь никакого реального значения для финансирования войны. Но тут же Марков вдруг внес предложение отложить этот законопроект и принять его только после войны⁴⁸. Наживая сотни миллионов на войне, буржуазия и помещики яростно защищали свои доходы от обложения. Зачем новые, пусть незначительные жертвы на «калтарь отечества», когда есть много миллионов крестьян, рабочих и мелкой буржуазии. Они могут заплатить еще и ту часть, которую законопроект о подоходном налоге предполагал возложить на состоятельные слои.

Буржуазия имела своих адвокатов — «людей науки» — таких, как Фридман, Мукосеев, Туган-Барановский, которые в печати вопили о том, что нельзя облагать буржуазию большими налогами, ибо состоятельные классы России «немногочисленны», а потому с состоятельных слоев ничего не получить. Поэтому придется ввести налоги на малосостоятельные слои — налог на ткани, повысить акциз на чай, сахар и т. д.⁴⁹

В своем проекте реформы действующей налоговой системы Министерство финансов наметило повысить доходы бюджета

⁴⁷ Стенографический отчет Гос. думы 4-го созыва, сессия 4, засед. 19 июля 1915 г., стб. 31—32.

⁴⁸ Там же, засед. 11 августа 1915 г., стб. 641—642. Кн. Святополк-Мирский сетовал в своем выступлении на то, что «состоятельные общественные классы» в России обложены «тяжело», а землевладельцы обложены «не легче, чем на Западе», и во всяком случае, «они обложены у нас тяжелее крестьян». Понятен выкрутас Маркова — отложить законопроект, чтобы не платить и полторы копейки с рубля (там же, стб. 603).

⁴⁹ М. И. Фридман. Финансовая реформа, «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1916, № 8 и 10, стр. 393—394. В своих статьях Фридман выступил апологетом буржуазии, ратуя за то, чтобы целиком переложить все тяготы войны на трудящиеся классы. Не только буржуазия, но и помещики в лице Маркова 2-го, кн. Святополка-Мирского могли быть довольны «либеральной наукой».

на 863,3 млн. руб., из них только 75 млн. руб. за счет введения подоходного налога, а остальные за счет главным образом повышения косвенных налогов или введения новых пошлин и налогов⁵⁰. Однако и 863,3 млн. руб., по мнению Фридмана, являлись незначительными, и он решительно требовал новых налогов на низшие классы, введения монополии на чай, сахар и т. д. По его мнению, только монополии должны дать 600—800 млн. руб. Таким образом, чиновники Министерства финансов оказывались менее решительными сторонниками нового обложения трудовых классов, чем буржуазия и ее идеологические глашатаи — представители либеральной экономической науки.

Налоги дали в 1913 г. около 35% обыкновенных доходных поступлений, в том числе прямые налоги — 7,9%. Согласно же проекту росписи на 1917 г., по заявлению министра финансов, от них «ожидается более половины (52,7%) общего итога государственных доходов»⁵¹. Главная часть этих налогов приходилась на долю косвенных. В мае 1916 г. правительство ввело временный налог на военную сверхприбыль, но применялся он только с 1917 г. Этот налог давал мизерную сумму в 55 млн. руб. в год. Другая важная статья прямого обложения — подоходный налог — должна была дать в 1917 г. 130 млн. руб.⁵² Этим, собственно, и ограничивалось все налоговое «бремя» буржуазии и помещиков. В Западной Европе значительную часть военных сверхприбылей государство отбирало для финансирования войны, в России же правительство оставляло сверхприбыли в широких карманах банкиров и промышленной буржуазии.

Трудящиеся слои населения России истекали кровью, страдали от разорения, нищеты, дороговизны, тяжести налогового обложения, а бюрократ Барк в порыве слепого усердия писал Николаю II «об огромной экономической мощи нашей родины». Он убеждал императора, что новые поступления и доходы

⁵⁰ «К вопросу о преобразовании действующих налогов». В справке Министерства финансов 1915 г. намечались следующие группы доходов: от преобразования прямого обложения (75 млн. руб.) и пошлин — 274,6 млн. руб.; от повышения существующих и введения новых акцизов — 361,2 млн. руб.; от железнодорожного дохода — 177 млн. руб.; от повышения почтово-телеграфного дохода — 275 млн. руб., от повышения пошлин на чай и изменения таможенных правил — 23 млн. руб.

⁵¹ «Красный архив», т. 17, стр. 57—58.

⁵² В специальном докладе для царя «О некоторых мерах по упорядочению народнохозяйственной жизни» Барк особенно подчеркивал необходимость возложить «податное бремя по возможности на все платежеспособное население». Это «по возможности» выражалось в том, что налоговые мероприятия военного времени давали в 1916 г. доход в 800 млн. руб., а проектируемое в 1917 г. обложение буржуазии намечалось в сумме 175 млн. руб. (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 39, д. 193, лл. 137—146). Доклад был прочитан царем 13 сентября 1916 г.

*«покоятся на усилившейся и окрепшей платежеспособности населения»*⁵³. Эта легенда, будто рабочие и крестьяне разбогатели на войне, перековывала и в работы кадетов-экономистов.

Слов нет, буржуазия, помещики и бюрократия, связанная с финансовыми дельцами, «заработали» на войне сотни миллионов рублей. Расплачиваться же приходилось рабочим и крестьянам. Буржуазия в России облагалась в значительно меньших размерах, чем в Англии, Франции и других капиталистических странах.

Указывая на «окрепшую» платежеспособность крестьянина и рабочего, Барк все-таки признавал неизбежность «дефицита по росписи в течение ряда лет после войны». Из населения нельзя было выжать больше, чтобы платить добавочные миллиарды процентов по военным долгам. Поневоле приходилось нажимать на военный фонд, черпая из него средства для оплаты расходов по обыкновенному бюджету.

Доходы от населения сокращались с каждым месяцем войны, а расходы вырастали. В смете на 1917 г. предполагалось получить более 420 млн. руб. таможенных сборов, из которых по крайней мере $\frac{9}{10}$ должна была оплатить казна из военного фонда. Если прежде таможенный доход представлял доход казны, который составлялся из платежей населения, то во время войны налогоплательщиком являлось само государство. Подавляющее большинство импорта непосредственно шло на армию, для промышленности, работавшей на ту же армию, или для казенных заводов. Вот что говорил Шингарев о росте обыкновенных доходов казны: «Ведь вся сумма предприятий, работающих на оборону, настолько велика в настоящее время, что я думаю, что без предварительных подсчетов можно сказать: $\frac{9}{10}$ всех грузов идет предприятиям, работающим на оборону, т. е. *оплачивает их все та же казна*, и среди таких грузов частных, если вот эти лимоны, апельсины и чай выбросить, почти ничего не остается, или весь этот якобы доход казны *оплачен из военного фонда, никакого дохода там нет, а есть лишь уплата таможенных сборов по грузам для обороны из заемных средств. Ну, вы сами понимаете, что это не доход, а лишь пустая цифра бухгалтерского характера*»⁵⁴.

Далее Шингарев с «сожалением» констатирует тот факт, что министр финансов не имел «достаточно мужества» признать этот факт и сказать, что рост таможенных доходов является «в сущности бедствием, а не доходом казны».

⁵³ «Красный архив», т. 17 (Курсив наш.— А. С.). Доклад Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г.

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 331, лл. 6—8. Речь Шингарева в бюджетной комиссии Гос. думы 24 января 1917 г. (Курсив наш.— А. С.)

Однако сетование Шишгарева и его критика политики Барка были лишены практического значения. Он повторил только то, что Барк признавал в своем выступлении в бюджетной комиссии еще в октябре 1915 г.⁵⁵ Тогда Барк заявил, что всем известны источники средств для ведения войны: внутренние и внешние займы, налоги и выпуск бумажных денег. Барку удалось реализовать пожелания Думы увеличить размер внешних займов особенно в Англии, поднять налоги, но тем не менее недопоступление доходов по росписи 1915 г. предвиделось в количестве 350 млн. руб., а в смете 1916 г. даже по обычным расходам предвиделся дефицит в 327,8 млн руб. Барк отрицательно относился к советам думских кругов «безотлагательно» ввести монополии, так как при недостатке сахара, табака, текстильных изделий можно было только дискредитировать идею монополии. Внутренние займы не находили широкого размещения: «они в публику еще не проникли». Что же оставалось делать правительству? Печатать бумажные деньги и повышать налоги. Оно этим усердно занималось. Правда, Барк попытался дать совет буржуазным деятелям — сократить закупки за границей. Обращаясь к членам Думы, среди которых было много членов Особых совещаний, он рекомендовал им «по возможности сократить» заграничные заказы, которые ведут страну «по наклонной плоскости к чрезвычайно тяжелым последствиям». Однако известно было, что этот совет буржуазные деятели также не могли принять, ибо промышленность внутри страны не обеспечивала потребностей войны. Кроме того, крупные представители промышленных кругов стремились урвать возможно больший кусок из иностранных кредитов в пользу той отрасли промышленности и тех предприятий, которые они представляли. Правительство проводило единственно приемлемую политику для представителей буржуазии и помещиков в условиях войны.

Более детальный разбор источников государственных доходов делает в своих работах Г. Дементьев. Сравнивая рост доходов по различным источникам поступления в 1916 г. с 1915 годом, он приходит к выводу, что рост обычных доходов казны происходил не за счет роста национального дохода, а за счет повышения налогов с населения и военного фонда. Казна сама оплачивала расходы, фигурирующие в другой смете как «доходы» казны. «В самом деле, множество промышленных предприятий работает теперь для потребности наших армий и при щедрости ведомств, предоставляющих им заказы, частные предприятия получили высокие прибыли. Доходы железных

⁵⁵ Там же, д. 329, лл. 1—19. Выступление Барка 24 октября 1915 г. в заседании бюджетной комиссии Гос. думы. Выступление очень интересное, Барку пришлось несколько раз отвечать на вопросы членов комиссии.

дорог поднялись тоже главным образом за счет казенных перевозок людей и грузов, преобладающих над частными перевозками. Одинаково это относится и к сбору с пассажиров и грузов. Небывалая в мирное время высота и стремительность роста таможенного дохода объясняется громадным притоком из союзных и нейтральных стран изделий и сырья, необходимых для снабжения наших армий или заводов и фабрик, работающих на армию. Прибыли Государственного банка никогда в мирное время не были так высоки, как во время настоящей войны... Прирост этих прибылей, особенно поражающий своей величиной в последующие годы, когда прибыли банка достигают сотен миллионов рублей, является прямым последствием выпуска казенной краткосрочных обязательств для покрытия военных расходов. *На долю поименованных доходов приходится большая часть общего повышения поступлений — 802 млн. руб. из числа 1146 млн. руб., или 70%.* Но несомненно, что повышающее влияние войны на поступления можно было бы найти и в отношении многих других доходов казны»⁵⁶.

Весь приведенный нами фактический материал о бюджете показывает, что произошли глубокие изменения в хозяйстве страны. Сильно сократился частный оборот и очень выросли налоги. Кроме налогов с населения, выросшие обыкновенные расходы покрывались за счет самой войны, создававшей новые источники «доходов». Этим источником оказывается государственный карман, где хранился «военный фонд». Деньги из него растекались мелкими ручейками. Один из ручейков попадал в другой государственный карман и учитывался в росписи как «рост доходов». Повышение налогов и другие источники по обыкновенной росписи ничего не давали для финансирования войны и военных расходов. Кадет Шингарев вынужден был лицемерно критиковать в Государственной думе финансовую политику правительства. По его словам, министр финансов «считает возможным покрывать их (громадные расходы на войну.— А. С.) лишь за счет чрезвычайных источников и не имеет надежды на то, чтобы обращение к этим источникам могло быть сокращено, хотя бы и в весьма малой степени, изысканием новых источников налогового характера»⁵⁷. От имени бюджетной и финансовой комиссий Шингарев требовал от

⁵⁶ «Вестник финансов промышленности и торговли», 1917, № 37, стр. 308 (Курсив наш.— А. С.). Те же выводы Дементьев повторяет в своем докладе «О положении государственного казначейства во время войны с Германией и Австрией до конца 1917 г.». «Красный архив», т. 25, стр. 8—33.

⁵⁷ Приложение к стенографическим отчетам Гос. думы 4-го созыва, сессия 4. Вып. 1, 1915, стб. 7—13. Доклад А. И. Шингарева «От бюджетной и финансовой комиссий Государственной думы о расширении Государственному банку права выпуска кредитных билетов».

правительства немедленно приступить «к выработке плана финансовых реформ», причем в основу этого плана нужно было положить введение подоходного налога. Мы показали уже выше, что за план выработало правительство и что проектировало получить от подоходного налога. В действительности введение подоходного налога было отсрочено до 1917 г., а Шингарев добивался от правительства более активного заключения «крупных займов» у союзников царской России и внутри страны. К этому сводилась вся критика царского бюджета одного из лидеров кадетов. Под видом выработки финансового плана «при обязательном» участии Государственной думы кадеты стремились целиком передать дело финансирования войны в руки буржуазии.

Быше уже указывалось, что продолжение войны сопровождалось огромным ростом среднесуточных военных расходов. Отчасти это объяснялось обесценением денег и ростом дороговизны. Но в основном и эти явления были неизбежным результатом невиданного роста армий и разворота войны. Англия вступила в мировую войну без сухопутной армии и создала ее к 1916 г. Россия мобилизовала в 1914 г. вместе с кадровым составом 6 538 тыс. человек. За 1915 г. было проведено десять призывов, по которым под ружье было дополнительно поставлено почти 4,5 млн. человек⁵⁸. Количество дивизий, выставленных на западном театре войны союзниками и Германией, увеличилось в 2,5 раза, на восточном фронте русские и австро-германцы в 1917 г. имели в три раза более дивизий, чем в начале войны⁵⁹.

В ходе войны к обеим коалициям присоединились новые союзники. В 1915 г. Болгария примкнула к центральным державам, а Италия — к Антанте, в 1916 г., Румыния, а в 1917 г. США — к странам Антанты. Все это требовало новых военных и экономических усилий. Приходилось мобилизовать не только людей, но и все хозяйственные ресурсы. Наконец, война дала сильный толчок усилению армии артиллерией, танками, авиацией, автомобилями. С каждым новым месяцем войны техника все более и более насыщала армии противников, и война все более становилась войной машин. Параллельно с ростом потребностей в материально-технических средствах, с ростом потребления на нужды войны все большей части национального дохода росли и денежные расходы. В 1917 г. ежедневные расходы России увеличились в четыре-пять

⁵⁸ Н. Е. Носков. Комплектование русской армии в первую мировую империалистическую войну. «Военная мысль», 1940, № 4, стр. 109, 110.

⁵⁹ А. Зайончковский. Мировая война 1914—1918 гг., т. II. М., 1938, Приложение. Таблица количества дивизий на театрах мировой войны.

раз по сравнению с начальным периодом войны и достигли огромной суммы — 58,9 млн. руб.⁶⁰.

Выше уже приводились общие цифры военных расходов России в 1914—1917 гг. Огромная часть этих расходов попадала в кассы коммерческих акционерных банков⁶¹, в карманы крупных военных поставщиков — промышленников и спекулянтов товарами. В. И. Ленин в сентябре 1917 г. считал, что из 50 млн. руб. ежедневных военных расходов «по меньшей мере 5 миллионов *ежедневно*, а вероятнее 10 миллионов и больше, составляют «безгрешные доходы» капиталистов и находящихся в той или иной стачке с ними чиновников»⁶². В. И. Ленин называл огромные прибыли капиталистов казнокрадством, «ибо иначе нельзя назвать это надувание и обдирание народа «по случаю» бедствий войны, «по случаю» гибели сотен тысяч и миллионов людей»⁶³. Об этих прибылях приводилось немало сведений даже в буржуазной прессе. Грабеж и «мародерство капиталистов» (Ленин) еще более усилились после падения царизма, когда буржуазия пришла к власти и стала непосредственно распоряжаться казенными средствами. Этот грабеж государственной казны явился одним из источников экономической разрухи 1917 г.⁶⁴ Неудивительно, что сумма военных расходов катастрофически нарастала с каждым месяцем. Министерство финансов Временного правительства в октябре 1917 г. определяло вероятную сумму выпуска кредитных билетов до конца года в 6 млрд. руб.⁶⁵

Такие громадные расходы, несмотря на помощь союзников, были не по плечу русскому народному хозяйству. Национальный доход России по своей абсолютной и относительной величине был в несколько раз меньше, чем в других странах⁶⁶. Накануне войны 1914 г. на душу населения в Англии приходилось 243 доллара национального дохода, во Франции — 185 долл., в Германии — 146 долл., а в России — всего только 44 долл. А между тем военные расходы России в течение первого года войны шли наравне с расходами Англии и отставали

⁶⁰ «Красный архив», т. 25, стр. 26.

⁶¹ О доходах банков на военных поставках, «гарантийных письмах» и спекуляции товарами говорится ниже.

⁶² В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 316.

⁶³ Там же.

⁶⁴ См. там же, стр. 316. «В результате неизбежно то мародерство капиталистов, которое вызывает всеобщее возмущение народа, и та разруха, которая искусственно капиталистами поддерживается» (стр. 317).

⁶⁵ Б. Ривкин. Указ. соч., изд. 2-е, М., 1957, стр. 33.

⁶⁶ С. Н. Прокопович определял народный доход России в 1913 г. приблизительно в 16,4 млрд. руб. (С. Н. Прокопович. Война и народное хозяйство. М., 1918, стр. 84), Госплан СССР — в 17,1 млрд. руб., что составляло в среднем по 102,2 руб. на душу населения, или в 4 раза меньше, чем в Англии, и примерно в 3 раза меньше, чем в Германии (П. И. Лященко и ко. История народного хозяйства, т. II. М., 1948, стр. 348).

только от Германии. В следующий год Россия по военным расходам стает от Англии, но идет почти вровень с Германией и далеко опережает Францию, в чем можно убедиться из приводимых ниже цифр⁶⁷ ежедневного расхода на войну (млн. долл.):

	Франция	Россия
Август — 31 декабря 1914 г.	8,5	8,6
К 1 января 1915 г.	12,2	13,10
» 1 января 1916 г.	17,6	21,20
» 1 января 1917 г.	21,5	27,80

Если мы примем во внимание тот факт, что все существовавшие налоговые источники, например доходы от имущества и т. д., фактически ничего не давали для финансирования войны, то станет ясно, что проблема изыскания средств на войну была в России особенно острой и встречала большие трудности на пути своего разрешения.

2. ВЫПУСК БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ. РОСТ ДОРОВОИЗНЫ

Рассмотрим источники финансирования войны, т. е. покрытия «военного фонда», за счет которого производились все военные расходы. У правительства было два источника, откуда оно могло брать средства: внутренние ресурсы страны и заграничные займы. Разумеется, для хозяйственной жизни страны, для трудящихся масс населения вовсе не безразлично, в какой мере используются внутренние ресурсы и в какой мере эти расходы покрываются при помощи кредитов союзников или нейтральных государств. Чем больше кредитов получается за границей, тем больше возможностей закупить за границей материалы, продукты и оружие, тем меньше привлекаются материальные ресурсы самой страны.

Хотя заграничные кредиты с каждым годом войны все возрастали, но большую часть средств правительство получало внутри страны. Из 35 млрд. руб., израсходованных на нужды войны до 1 июля 1917 г., от внешних займов было получено 7555 млн. руб., т. е. немного больше 20% от всей суммы военных расходов⁶⁸. Следовательно, около 80% расходов на войну

⁶⁷ Материал о военных расходах Англии, Франции и Германии взят у Эдв. Селигмана («Очерки по теории обложения. Финансовые проблемы военного и послевоенного периода». Пг., 1924). Расходы России определены нами.

⁶⁸ «Красный архив», т. 25, стр. 26. Расчет Дементьева. Так как заграничные кредиты России предоставлялись в основном в фунтах и долларах и так как вне страны рубль был обесценен меньше, чем на внутреннем рынке, то, вероятно, в материальном выражении роль этих кредитов была значительно больше, чем 20%. Но подобных расчетов экономисты не произвели.

изыскивалось внутри страны путем выпуска бумажных денег, учета краткосрочных обязательств казны и различных займов⁶⁹.

В периодической экономической литературе того времени не раз экономисты обсуждали финансовую политику правительства, критиковали ее, давали советы правительству. Буржуазные экономисты Туган-Барановский, Каценеленбаум, Бернацкий и другие уже видели «коренное различие» между финансированием войны займами и налогами. Они считали, что при финансировании войны займами население меньше чувствует тяжесть войны, ибо правительство перекладывает ее на будущие трудовые поколения; в случае же финансирования войны налогами главными плательщиками их являются не трудовые элементы, а «зажиточные классы»⁷⁰. Каценеленбаум писал, будто трудящиеся классы заинтересованы в том, чтобы военные расходы покрывались «добавочными налогами». Выступая на деле в защиту буржуазии, буржуазные экономисты охотно высказывались за финансирование военных расходов не за счет роста обложения доходов буржуазии, а с помощью займов⁷¹. Займы, писал, например, Фридман — «народное дело, как народной стала пышешняя война»⁷². (Эти слова были написаны до свержения царизма). Туган-Барановский в предисловии к сборнику говорит о необходимости сознательно и активно содействовать распространению займов. Следовательно, буржуазно-либеральная, а на деле монархическая наука, восхваляя займы, пыталась укрепить царизм, привлечь более широкие круги населения к финансированию войны при помощи займов. Повышение косвенных налогов считалось нежелательным, так как это сказывалось на росте цен и разрушало народное хозяйство. Признавая возможным повышение прямых налогов, особенно подоходного, Туган-Барановский все же считал, что он не даст сколько-нибудь значительных средств для покрытия военных расходов.

В официозе Министерства финансов — «Вестнике финансов, промышленности и торговли» — особенно охотно пропагандировались займы правительства. В № 11 этого органа за 1916 г.

⁶⁹ В литературе уже отмечалась незначительная роль внешних займов по сравнению с внутренними источниками (И. И. Чубаков. Внутренние и заграничные кредитные операции России в период империалистической войны. «Вестник финансов», 1926, № 5—6, стр. 131—137).

⁷⁰ С. Каценеленбаум. Указ. соч., стр. 25—26.

⁷¹ В сб. «Вопросы мировой войны», вышедшем в 1915 г., этой проблеме посвящено несколько статей, а в 1917 г. под ред. М. И. Туган-Барановского вышел специальный сборник статей «Военные займы», в котором цвет буржуазно-либеральной науки широко пропагандировал займы правительства. Рассчитан был этот сборник на интеллигенцию и буржуазные слои населения.

⁷² Сб. «Военные займы». Пг., 1917, стр. 141.

было помещено сразу три статьи о займах. Рост военных расходов требовал коренной финансовой реформы с целью повысить поступление доходов и изыскать новые источники их поступления. Лишь после того, как при Министерстве финансов были образованы «Особое совещание» и комиссии по реформе прямого обложения и косвенных налогов, этот вопрос стал обсуждаться на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли»⁷³.

Практическая политика Министерства финансов состояла в том, чтобы в первом же году войны полнее использовать все возможные источники получения средств: выпуск бумажных денег, внутренние и внешние займы и повышение налогов. Однако налоги не играли практической роли в финансировании чисто военных издержек — они еле покрывали расходы по обыкновенным сметам. В Англии, где расходы на войны XIX в. покрывались преимущественно за счет налогов и где налоговые поступления в 1916—1917 гг. увеличились в 2,5 раза сравнительно с 1913—1914 гг., около восьмой части расходов (12%) за 1914—1916 гг. были покрыты за счет налогов⁷⁴. В России же, оберегая интересы промышленников, правительство не взяло ни копейки из их огромных сверхприбылей непосредственно на военные издержки. В августе 1914 г. Комитет финансов признал «преждевременным прибегать к повышению налога на доходы от денежных капиталов». После этого до 1916 г. вопрос не пересматривался.

Одним из основных источников финансирования войны был выпуск бумажных денег. База для этого была подготовлена прекращением размена кредиток на золото, расширением эмиссионного права Государственного банка и предоставлением ему права учета краткосрочных обязательств государственного казначейства «в размере, вызываемом потребностями военного времени». После этого правительство широко прибегало к помощи печатного станка.

К марту 1915 г. правительство полностью использовало право на эмиссию 1,5 млрд. руб. кредитных денег. После этого несколько раз расширялось право Государственного банка на выпуск кредитных билетов. 17 марта 1915 г. это право было доведено до 2,5 млрд. руб., а 22 августа 1915 г. — до 3,5 млрд. руб. Примерно через год — 29 августа 1916 г. — пришлось еще прибавить два миллиарда и, наконец, 27 декабря 1916 г. оно было доведено до 6,5 млрд. руб. Таким образом, за 2½ года войны

⁷³ № 14 «Вестника финансов, промышленности и торговли» за 1916 г. (апрель) целиком посвящен вопросам прямого обложения, между тем как положение о подоходном налоге было уже утверждено 6 апреля (ст. ст.) 1916 г.

⁷⁴ Сб. «Военные займы», стр. 123.

количество непокрытых золотом бумажных денег выросло в 21 раз.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство еще шире пользовалось бумажным станком, чем его предшественник. За шесть месяцев — до 7 сентября 1917 г. — эмиссионное право Государственного банка было доведено до 14,5 млрд. руб., т. е. более чем удвоилось. 6 октября 1917 г. министр финансов Бернацкий вновь просил об эмиссии 2 млрд. руб. бумажных денег. Соответственно с расширением права эмиссии увеличивалось количество кредитных денег в обращении и темпы их выпуска. Если перед началом войны кредитных билетов было на 1633 млн. руб., то к 1 января 1917 г. их сумма перевалила уже за 9 млрд. руб., т. е. увеличилась в $5\frac{1}{2}$ раз, а к 1 апреля 1917 г. сумма кредитных билетов в обращении достигла 10 868 млн. руб., или увеличилась на 666% ⁷⁵.

С 1 марта 1917 г. по 1 октября того же года было выпущено кредитных билетов на 7340 млн. руб., в то время как за те же месяцы предыдущего года — только на 1 688 млн. руб. Таким образом, Временное правительство пользовалось бумажным станком в $4\frac{1}{2}$ раза интенсивнее, чем царское правительство в последний год его существования. По расчетам министра финансов Бернацкого, в сентябре 1917 г. кредитных билетов было выпущено около 1,9 млрд. руб., а за последние три месяца существования Временного правительства — «не менее 6 млрд. рублей», в том числе за октябрь — около 2 млрд. руб. ⁷⁶

Исследования экономистов показывают, что более активно бумажные деньги попадали в оборот во второе полугодие операционного года. За второе полугодие 1914 г. количество их выросло на 65,4%, т. е. почти на две трети. За весь 1915 г. количество денег увеличилось примерно на 30%, а за второе полугодие — почти на половину (49,5%). В 1916 г. прирост денег во второй половине происходил почти в два раза быстрее, чем в первой. За 1917 г. количество кредитных денег в обращении удвоилось; за первое полугодие их прирост составил около

⁷⁵ «Денежное обращение и кредит». т. 1. М., изд. Ин-та экономич. исследований Наркомфина, 1922, стр. 12. В цифровых данных относительно количества выпущенных кредитных билетов в обращение у разных авторов и в разных источниках встречаются незначительные расхождения. Например, А. Д. Гусаков приводит цифру в 9103,4 млн. руб. на 1 апреля 1917 г., наряду с приведенной нами цифрой в 10 868 млн. руб., в «Статистическом сборнике» за 1913—1917 гг. дана цифра в 10 980 млн. руб. Последняя цифра определяет сумму кредитных билетов в обращении, за вычетом еще находящихся в кассах Государственного банка.

⁷⁶ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», сб. документов, ч. 2. М., 1957, док. № 559. Представление министра финансов Временному правительству от 6 октября 1917 г. о расширении эмиссионного права Гос. банка на 2 млрд. руб.

43%, а за второе — почти 50% ⁷⁷. По-видимому, это обстоятельство было связано с реализацией урожая, а также с усилением хозяйственно-заготовительных функций военного ведомства — заготовками хлеба, мяса, фуража для армии, закупками лошадей и т. д.

Стихийный и все усиливавшийся рост бумажных денег (на 1 декабря 1917 г. их было в обращении уже около 22,5 млрд. руб. ⁷⁸) свидетельствовал о разрушительных процессах во всей экономике страны, о падении реальной покупательной способности рубля, а также о том, что займы не давали правительству достаточного количества средств.

В частности, внутренние займы являлись слабым и недостаточным источником. Об этом говорил министр финансов 30 января 1916 г. на заседании Комитета финансов ⁷⁹, который разрешил вопрос о новом выпуске бумажных денег. Комитет финансов признал, что якобы «в силу более слабого, чем в других странах, развития внутреннего денежного рынка России... размещение внутренних займов осуществляется сравнительно медленно и большая часть кредитных операций оседает временно на различных счетах Государственного банка, открывающего для облегчения реализации займов крупные кредиты частным банкам».

Из этой констатации делался вывод о необходимости и впредь увеличивать выпуск кредитных билетов под обеспечение краткосрочных обязательств казны. Таким образом, Комитет финансов рассматривал Государственный банк как основной источник финансирования военных расходов казны путем выпуска бумажных денег. Так как количество золота в банке уменьшалось в связи с вывозом его союзникам, а количество бумажных денег увеличивалось, то, естественно, процент золотого обеспечения кредитов снижался. Фактически была уже утрачена возможность выкупа бумажных денег и оплаты их золотом, но правительство настойчиво поддерживало иллюзию возврата к золотому обращению, как только кончится война.

Во время войны регулятором выпуска кредитных билетов стал учет правительством в Государственном банке краткосрочных обязательств казны. Выпуск 4-процентных «серий» прекратился, так как им предпочитали 5-процентные обязательства казны. Правительство признало невозможным установить какое-

⁷⁷ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», сб. документов, ч. 2, док. № 559.

⁷⁸ Там же, док. № 543. Из состояния счетов Государственного банка (док. № 545) видно, что кредитных билетов в обращении, за исключением находившихся в кассах банка, было в октябре 17,3 млрд. руб. и в ноябре — 18,9 млрд. руб.

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1916 г., д. 530, лл. 3—4. Журнал Комитета финансов от 30 января 1916 г., утвержденный царем 15 февраля 1916 г.

либо соотношение между количеством кредитных билетов в обращении и наличным золотым запасом. При прекращении размена кредитных билетов на золото такое соотношение, — конечно, очень низкое, — не имело бы практического значения. Помимо этого, нельзя было определить ни вероятную продолжительность войны, ни размер потребных для ее финансирования средств⁸⁰. Кроме того, ни Комитет финансов, ни правительство не были уверены в том, «что при наблюдаемом интенсивном увеличении заграничных военных заказов, в особенности в Америке и Японии, нам не потребуются еще вывезти золота из запасов Государственного банка»⁸¹. Учитывая также, что постоянные и частые изменения эмиссионного закона «несомненно нежелательны», Комитет финансов на том же заседании принял принципиально важное решение, вытекавшее из факта прекращения размена кредитных билетов на золото, — решение о том, что кредитные билеты в обращении обеспечиваются не только золотом, но и краткосрочными обязательствами казны, которые являются «основанием и причиной их выпуска». Следовательно, количество бумажных денег в обращении не должно было превышать находившихся в Государственном банке учтенных им краткосрочных обязательств казны⁸².

Золотой запас в Государственном банке не фиксировался на определенной сумме. Он мог уменьшаться, но на сумму уменьшения золота должно было увеличиваться в банке количество долговых обязательств казны. Бумажное обращение внутри страны фактически теряло всякую связь с золотом. Правительство могло выпускать кредитные билеты в неограниченном количестве, по усмотрению Комитета финансов. Вместе с тем в глазах широкой массы буржуазии весьма соблазнительной была перспектива возврата к золотому обращению после войны, что обеспечивало ей обогащение. Чтобы поддерживать эту иллюзию, а вместе с ней и покупательную способность рубля, правительство решило хотя бы фиктивно повысить золотое обеспечение рубля по счету «Золото за границей». «Золотая наличность» Государственного банка была в октябре 1915 г. искус-

⁸⁰ Комитет финансов зафиксировал: «При этом пережитое нами время с достаточной убедительностью указало на невозможность сколько-нибудь точного расчета даже на сравнительно ближайшие сроки; но если крайне затруднительно установление суммы необходимого выпуска кредитных билетов на более или менее определенные периоды времени, то еще менее оно возможно на все время войны, так как вероятная ее продолжительность не может быть предвидена даже приблизительно» (там же).

⁸¹ Там же. Первая партия золота в 8 млн. ф. ст. была вывезена в октябре 1914 г., вторая, в 10 млн. фунтов — в декабре 1915 г.

⁸² Точнее: сверх суммы наличного золота плюс 300 млн. руб., не покрытых золотом по эмиссионному закону, и количества краткосрочных обязательств.

7

ственно повышена почти на 2 млрд. руб. по «английскому кредиту». Эти 2 млрд. руб. фигурировали в балансах Государственного банка как «золото за границей». Этим искусственно повышалась золотая наличность банка, под которую он имел возможность выпустить бумажные деньги, не обращаясь к Государственной думе за новым разрешением увеличить эмиссию. Эта операция была рассчитана на обман публики, на несознательность русскго общественного мнения. Истинный характер этой меры был правильно оценен даже людьми, доброжелательно настроенными по отношению к старому строю. Проф. Бернацкий в статье «Денежное обращение и займы» решительно отказывался считать за реальное золотое обеспечение английский кредит⁸³. О каком золотом счете могла идти речь, когда Англия выколачивала золото из России, используя различные формы давления?

Как же появился этот счет на балансе Государственного банка? Эта фиктивная операция была проведена во время поездки министра финансов П. Барка в Лондон осенью 1915 г. Именно тогда английское правительство открыло России специальный счет в 973 млн. долларов. Он и послужил основанием для дополнительного выпуска банковых билетов в России. Этот «кредит» Россия не имела права расходовать на какие-либо потребности ни внутри Англии, ни вне ее. Русское правительство должно было положить в депозит английского казначейства на соответствующую сумму беспроцентные обязательства. Срок расчета наступал не позднее года по заключении мира»⁸⁴.

В отчете Государственного банка за 1916 г. так говорится об этой операции: «Счет сумм золотом за границей возрос в отчетном году на 1494,8 млн. руб., главным образом вследствие зачисления на счета банка в Англии сумм из особого кредита, предоставленного казне в Великобритании в качестве золотого покрытия для выпуска кредитных билетов, а также ввиду поступления в распоряжение банка за границей обязательств великобританского казначейства за отосланное из России золото»⁸⁵. В основном этот счет появился в результате фиктивной

⁸³ Сб. «Военные займы», стр. 87. Далее он писал об уменьшении реальных запасов золота в стране и увеличении кредитных билетов. Поэтому, подчеркивая финансовую солидарность союзников и оправдывая «передачу» русского золота англичанам, Бернацкий все же должен был заявить, что утечка золота за границу не является лишенной «отрицательных сторон» (стр. 88).

⁸⁴ Г. Фиск. Финансовое положение Европы и Америки после войны, стр. 161; «Красный архив», т. 5 (1924 г.), стр. 66.

⁸⁵ «Государственный банк. Отчет за 1916 год», стр. IV. Золото, вывезенное за границу по условиям соглашения с Англией, юридически рассматривалось как временно уступленное и подлежало возврату России, конечно, при условии оплаты предоставленных под это золото кредитов.

сделки между Барком и правительством Великобритании. Английский министр финансов добивался, чтобы и за этот фиктивный счет Россия уплачивала проценты. После споров кредит был признан беспроцентным, в чем Барк видел свою большую заслугу. «Благодаря этому, русская казна избавилась от дополнительного расхода в сумме свыше 100 млн. руб. ежегодно впредь до погашения соответствующих обязательств», — писал Барк. Так появился этот счет «Золото за границей», не имевший ничего общего с действительной кредитной операцией⁸⁶.

Французский министр финансов А. Рибо, прекрасно осведомленный обо всех операциях русского правительства, в довольно комическом виде описывает заключение этой сделки: «Когда г. Барк заключил в 1916 г.⁸⁷ с г. Мак-Кенна (министр финансов Англии. — А. С.) соглашение о кредитах, он объяснил канцлеру казначейства, что Государственный банк России мог бы увеличить выпуск своих банкнот, если бы Великобритания согласилась открыть ему кредит в золоте, который служил бы обеспечением выпускаемых банкнот. Они придумали комбинацию, которая состояла в том, что британское правительство открыло русскому Государственному банку кредит, сбалансированный кредитом на такую же сумму, открытым русским правительством правительству Великобритании, причем ни одно из этих правительств не могло использовать эти кредиты во время войны, а с заключением мира кредиты должны были быть аннулированы. Я спросил в шутку лорда Ридинга⁸⁸, как он в качестве министра юстиции посмотрел бы на подобную сделку, если бы она была заключена между двумя коммерсантами, чтобы помочь одному из них учить векселя. Мак-Кенна принялся так громко хохотать, что я не расслышал ответа лорда Ридинга. Самое пикантное в этой истории, что наши экономисты, как мой блестящий друг и собрат г. Поль Леруа-Болье, который не был посвящен в эту тайну, наблюдая по сводкам Государственного банка России, как с каждой неделей увеличивается его золотое обеспечение, поздравлял Россию с тем, что она сумела увеличить свою золотую наличность»⁸⁹.

⁸⁶ Члены бюджетной комиссии Гос. думы правильно оценили значение данного Англией кредита. На заседании комиссии 24 октября 1915 г., когда Барк выступал с конфиденциальным сообщением о соглашении с союзниками, члены Думы Опочинин и Годнев высказали мнение, что этот заем сделан «на расширение нашего эмиссионного права». Занято на 2 млрд. с тем, чтобы «выпустить еще кредитных билетов на 4 млрд.» (ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, 1915 г., д. 329, лл. 10, 18).

⁸⁷ Рибо ошибается — сделка произведена в октябре 1915 г., а в 1916 г. шли переговоры об увеличении кредита на 1 млрд. руб.

⁸⁸ Он был виднейшим советником казначейства и одновременно министром юстиции.

⁸⁹ A. Ribot. *Lettres à un ami*. Paris, 1924, pp. 97—98.

Разумеется, секрет этой сделки скоро стал известен всему миру, и она не прибавила уважения к финансовым талантам Барка. Между правительствами было проделано то, что в отношениях между обычными гражданами («дружеские векселя») преследовалось по закону.

В то время как золотой запас Государственного банка в России уменьшался, счет золота за границей увеличивался. Так, 6 августа 1916 г. Барк обратился в Совет министров с представлением с новым выпуске кредитных билетов⁹⁰. Из представленной Барком статистической справки видно, что количество золота в России уменьшилось на 54 млн. руб., а счет золота за границей непрерывно увеличивался: с 90 млн. руб. на 16 июня 1915 г. до 646 млн. руб. на 1 января 1916 г. и 1963 млн. руб. на 1 августа того же года. «Источником» этого роста являлся «великобританский кредит» в сумме 1797 млн. руб. За вычетом этой суммы, которой правительство не могло пользоваться для расплаты с поставщиками, на 1 августа 1916 г. реальный запас золота и валюты выражался лишь в сумме 166 млн. руб., в то время как новое соглашение с Великобританией о кредитах не было подписано. Однако и фиктивный счет в сумме 1,8 млрд. руб. казной был уже использован для эмиссионных целей. Под этот счет Государственный банк выпустил кредитные билеты, которые уже были израсходованы казначейством. На 1 августа 1916 г. эмиссионное право банка выражалось всего в 136 млн. руб., а на счете государственного казначейства было всего лишь 200 млн. руб. Всех этих средств могло бы хватить лишь на одну неделю. Поэтому Барк писал в Совет министров, что «в самом ближайшем будущем дальнейшие выпуски кредитных билетов путем расширения эмиссионного права посредством подкреплений золотого счета Государственного банка за границей окажутся невозможными вследствие почти полного использования в настоящее время предоставленных Великобританией для указанной цели кредитов»⁹¹.

Помимо того, предвиделось уменьшение количества золота внутри страны. В связи с этим Государственная дума внесла изменения в эмиссионный закон, установив неприкосновенный золотой запас Государственного банка в монете, слитках и ассигновках в сумме 1400 млн. руб. Эта сумма не могла быть использована правительством ни на какие расходы и обязательства и не подлежала вывозу за пределы империи⁹². Правительство

⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1276, он. 12, д. 574, лл. 2—5.

⁹¹ Там же.

⁹² Стенографический отчет Государственной думы 4-го созыва, сессия 4, засед. 58, от 17 июля 1916 г., стб. 5594. Принятая Думой формула перехода к очередным делам гласила: «Установив неприкосновенность золотого запаса Государственного банка в монете, слитках и ассигновках в размере

должно было согласиться с предложениями Думы, о чем заявил на заседании 17 июля 1916 г. товарищ министра финансов Николаенко (Барк в это время был в Англии, где велись переговоры о новом займе).

Правительство рассчитывалось с Государственным банком путем учета краткосрочных обязательств, приносящих 5% дохода. Эти обязательства правительство стремилось реализовать также за границей, особенно в Англии, Америке и Японии. Постепенно краткосрочные обязательства проникали и на частный рынок внутри страны. Крупные государственные поставки оплачивались в известном проценте этими обязательствами, и чем более была сумма поставок, тем большая доля оплачивалась ими. Поэтому правительство выпустило краткосрочных обязательств значительно больше, чем их находилось в портфеле Государственного банка.

Характер отношений между банком и казной за время войны изменился. До войны Государственный банк, опираясь на средства казны, финансировал ими торговлю и промышленность, а во время войны, мобилизовав частные средства, он финансировал казну. благодаря чему частный оборот стал кредитом казны⁹³.

Все большую часть всех наличных своих средств Государственный банк затрачивал на кредитование казны. С другой стороны, средства казны в распоряжении банка, составлявшие до войны 30% всех его пассивов, сократились до 21,7% в 1914 г., 12% — в 1915 г. и 11,1% в 1916 г.⁹⁴ Затраты банка на кредитование казны выросли с 5,2% среднего баланса в 1914 г. до 47,2% в 1916 г.⁹⁵ Почти половина всех активов банка затрачивалась на кредитование казны. В связи с этим задолженность казны Государственному банку возросла с 3646,5 млн. руб. на 1 января 1916 г. до 8326,1 млн. руб. на 1 января 1917 г., другими словами, в течение 1916 г. задолженность казны банку более чем удвоилась. Эта задолженность еще раз удвоилась за 1917 г. Банк играл также огромную роль и в размещении государственных займов.

Увеличивался и выпуск краткосрочных обязательств. К концу 1915 г. их было учтено на сумму до 6 млрд. руб. В течение 1916 г. банк учел обязательств на 13 175 млн. руб., из

1,4 млрд. руб., Гос. дума обращает внимание министра финансов на настоятельную необходимость принять все меры к увеличению золота, подлежащего его распоряжению, особенно для выполнения обязательств, принятых императорским правительством за границу, причем это золото (сверх 1,4 млрд. руб.— А. С.) разрешается к свободному вывозу».

⁹³ «Труды Комиссии по изучению современной дороговизны», вып. III. Война и русский рубль. Пг., 1915, стр. 10.

⁹⁴ «Государственный банк. Отчет за 1916 год», стр. II.

⁹⁵ Там же.

них 7400 млн. руб.— на замену обязательств, срок которых истек, и на 5775 млн. руб.— для усиления средств казны⁹⁶.

К концу 1916 г. при общей сумме выпуска 5-процентных краткосрочных обязательств на 9775 млн. руб. вне Государственного банка их было размещено приблизительно на 3046 млн. руб., или 31,1%, тогда как к концу 1915 г. из 4 млрд. руб. вне банка было размещено лишь 605 млн. руб., или 15,1%, а к концу 1914 г.—147,8 млн. руб., или 18,3%⁹⁷. На 1 августа 1916 г. частными банками, отдельными лицами и учреждениями было приобретено краткосрочных обязательств на 2373 млн. руб., а к началу февраля 1917 г. эта сумма реализованных на открытом рынке облигаций поднялась до 3311,1 млн. руб. из общей суммы 10787,5 млн. Следовательно, 7476,4 млн. руб. находились в портфеле Государственного банка, являясь основанием выпуска кредитных билетов⁹⁸.

Департамент государственного казначейства разработал особые предложения, которые должны были способствовать усилению платежей казны посредством обязательств. Однако особый циркуляр, по которому были повышены суммы обязательных платежей казны поставщикам обязательствами казначейства, был издан уже после падения царизма, 27 марта 1917 г.⁹⁹

Количество краткосрочных обязательств в активе Государственного банка резко увеличилось при Временном правительстве. Вместо 7,4 млрд. руб. в феврале 1917 г., их количество более чем удвоилось и достигло 15,5 млрд. руб. в ноябре 1917 г., не считая около 5,2 млрд. руб. в частном обращении¹⁰⁰.

В статье «Реформа эмиссии 5-процентных краткосрочных обязательств государственного казначейства» Мукосеев приводит следующие данные о распределении обязательств между

⁹⁶ «Государственный банк. Отчет за 1916 год», стр. IX.

⁹⁷ В. М.-в. Русский денежный рынок в 1916 году. «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 3, стр. 92. По данным отчета Государственного банка за 1916 год, к концу года на свободном рынке было размещено обязательств на 2609 млн. руб., а не на 3046 млн., что составляло не 31%, а около 27% всех обязательств.

⁹⁸ Суммы обязательств взяты из представления Барка в Совет министров в августе 1916 г. (ЦИИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 574, лл. 2—5) и представления Министерства финансов в Совет министров от 14 февраля 1917 г. о расширении платежей казны краткосрочными обязательствами государственного казначейства (ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 100, лл. 115—116).

⁹⁹ З. С. Каценеленбаум. Указ. соч., стр. 38.

¹⁰⁰ «Вестник финансов», 1926, № 5—6, стр. 134; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 545.

Государственным банком и частными державами (%) ¹⁰¹:

	Гос. банк	Прочие помещения
1 января 1915 г.	81,7	18,3
1 » 1916 г.	82,3	17,7
1 » 1917 г.	70,2	29,8
1 марта 1917 г.	71,1	28,9

Таким образом, в частном обороте до 1917 г. находилось около одной шестой, а с 1917 г. немного более четверти выпущенных обязательств казначейства, причем количество их особенно значительно выросло за 1916 г. Частный оборот охотно пользовался ими, но помещал в них средства лишь на короткий срок, большей частью до трех с половиной месяцев.

Краткосрочные обязательства казны совершенно вытеснили из оборота так называемые «серии» или 4-процентные билеты государственного казначейства, принимавшиеся Государственным банком по всем платежам по номиналу. Их было выпущено в 1914—1915 гг. на 850 млн. руб., а потом выпуск был прерван.

Между ростом в обращении кредитных билетов и краткосрочных обязательств казны существовала определенная зависимость, ибо обязательства, помещаемые в банке, являлись средством расплаты казны с банком за выпуск кредитных билетов. Лишь в той мере, в какой они попадали в частный оборот, обязательства казначейства давали дополнительный ресурс казне, сокращая количество бумажных денег в обращении, что, конечно, сказывалось на большей устойчивости покупательной способности рубля.

Рост количества кредитных билетов в обращении и краткосрочных обязательств, а также рост реального дохода правительства от эмиссии бумажных денег происходил следующим образом (млн. руб.) ¹⁰². (см. табл. 9 на стр. 144).

Итак, за июль — декабрь 1914 г. было выпущено кредитных билетов на 1316,2 млн. руб., за 1915 г. — на 2670,2 млн., за 1916 г. — на 3480,6 млн., за январь — февраль 1917 г. — на 767,2 млн., а всего за время войны до Февральской буржуазной революции — на 8234,2 млн. руб. ¹⁰³. За время с 16 июля 1914 г. по 1 августа 1916 г. П. Барк определял сумму ежемесячного выпуска кредитных билетов в 214 млн. руб. В последние месяцы перед революцией их выпуск значительно усилился.

¹⁰¹ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 38. Являясь чиновником министерства финансов, Мукосеев был хорошо информирован.

¹⁰² «Наше денежное обращение». Сб. материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926, стр. 5—9.

¹⁰³ Там же, стр. 9. Бернацкий приводит цифру в 8317 млн. руб.

Таблица 9

	Кредитные билеты в обращении	Золотое обеспе- чение кре- дитных билетов *	Краткосроч- ные обяза- тельства
1 января 1914 г.	1664,7	1695,2	—
1 июля 1914 г.	1630,0	—	—
1 января 1915 г.	2947,0	1732,5	800
1 » 1916 г.	5617,0	2260,4	4000
1 » 1917 г.	9097,0	3617,3 **	9775
1 марта 1917 г.	9950,0	1476,3	Сведений нет

* Золотое обеспечение исчислено по отчету Гос. банка 1916 г., остальные данные — по отчету Гос. банка на 1 января 1917 г., на 1 марта 1917 г., см. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. II, М., 1957, стр. 392.

** В том числе лишь 1477 млн. руб. в России, остальные 2141 млн. руб. — «Золото за границей».

По данным председателя правления Государственного банка Шипова, оглашенным на заседании Экономического совета при Временном правительстве¹⁰⁴, кредитные билеты выпускались с момента объявления войны до 1 января 1915 г. в количестве 238 млн. руб. в месяц, в 1915 г. — по 223 млн., в 1916 г. — по 290 млн., в январе — феврале 1917 г. — по 423 млн., а с 1 марта по конец июня 1917 г. — по 824 млн. С этими данными в основном совпадают данные других источников. При Временном правительстве пять раз расширялось эмиссионное право Государственного банка, каждый раз — на 2 млрд. руб. В последний раз — 6 октября 1917 г. — оно было доведено до 16,5 млрд. руб. Временное правительство выпустило бумажных денег в обращение с марта по 1 ноября 1917 г. на сумму около 9,5 млрд. руб.¹⁰⁵, или столько же, сколько их было в обращении перед Февральской революцией. Кроме бумажных денег больших купюр (в 250 и 1000 рублей), имевших изображение Государственной думы и получивших название «думских», было выпущено на 134,7 млн. руб. разменных марок и казначейских знаков. Все эти факты характеризуют нарастающий развал денежной системы и рост инфляции.

Количество кредитных билетов в обращении накануне Февральской революции увеличилось по сравнению с мирным вре-

¹⁰⁴ Стенографический отчет заседания Экономического совета, 1917, № 6, стр. 10—11.

¹⁰⁵ А. Д. Гусаков приводит цифру в 9533,4 млн. руб. (указ. соч., стр. 38), а Стат. сборник 1913—1917 гг. — в 9646,5 млн. руб.

менем в шесть раз, а вся денежная масса (включая золото и серебро) — в четыре раза. Уже один этот факт не мог не отразиться на росте цен и падении покупательной способности рубля. Покупательная сила рубля на внутреннем рынке накануне Февральской революции составляла около одной четвертой части (27 коп.) довоенной!

За 8 месяцев существования Временного правительства количество бумажных денег увеличилось вдвое, а рубль к 1 ноября 1917 г. обесценился примерно еще в 4 раза и стоил 6—7 копеек¹⁰⁶. Другими словами, обесценение денег шло в два раза быстрее, чем росло их количество. Как правильно отметил Энгеев, после Февральской революции усилилось действие факторов, дезорганизующих денежную систему. Это были факторы и экономические — сокращение товарооборота, падение производительности труда, и политические — отсутствие доверия к Временному правительству и протест масс против его политики.

Выпуск бумажных денег явился для правительства одним из главных источников финансирования войны. В 1915 г. выпуск кредитных билетов позволил покрыть 30% расходов государственного казначейства, в 1916 г. — лишь 24%, за два месяца 1917 г. — 28%, с 1 марта по июль 1917 г. — 42%¹⁰⁷, а в последние месяцы 1917 г. — 78,4%, т. е. более трех четвертей всех расходов. Конечно, правительство не получило реальных ценностей из народного хозяйства на сумму, равную номинальному выпуску кредитных билетов. Реальный доход царской казны в пересчете на золото был значительно меньше, но достигал все же огромной суммы — 5365,9 млн. руб. золотом. Реальный доход казны распределяется по годам следующим образом (млн. руб.)¹⁰⁸:

1914 *	1303,2
1915	2093,5
1916	1718,1
январь-февраль 1917	251,1

Итого . . . 5365,9

* Для 1914 г. имеется в виду лишь вторая половина года.

Временное правительство получило от выпуска бумажных денег реальных ценностей на 1735,6 млн. руб.¹⁰⁹ От выпуска

¹⁰⁶ Сб. «Наше денежное обращение», стр. 11; Б. Ривкин. Указ. соч., стр. 32. Ривкин также подтверждает, что к моменту свержения Временного правительства покупательная способность рубля упала до 6—7 копеек. Бумажно-денежная масса увеличилась при Временном правительстве в шесть раз, а реальный доход от нее был в три раза меньше.

¹⁰⁷ Стенографический отчет заседаний Экономического совета при Временном правительстве, 1917, № 6, стр. 10—11.

¹⁰⁸ Сб. «Наше денежное обращение», стр. 9.

¹⁰⁹ Там же, стр. 11.

бумажных денег царское правительство ежемесячно получало реальных ценностей на 167 млн. руб., а Временное правительство — на 217 млн. руб.

В 1914 г. реальный доход от денежной эмиссии почти совпадал с номинальной суммой выпущенных кредиток. Это указывает на устойчивость покупательной способности рубля; рост товарных цен еще почти незаметен. В 1915 г. реальный доход был почти на 600 млн. руб. меньше номинальной стоимости выпущенных кредитных билетов. Следовательно, цены значительно выросли и рубль обесценился процентов на 20—25¹¹⁰. В 1916 г. реальный доход уже в два раза меньше суммы выпущенных в обращение билетов, а за первые месяцы 1917 г. — уже в три раза.

Выпуск миллиардных сумм бумажных денег при оскудении страны товарами означал рост разорения и нищеты народных масс, дальнейшее серьезное обесценение рубля. С каждым новым месяцем войны, чтобы получить материальных ценностей на реальные рубли, казна должна была все больше и больше выпускать бумажных денег. Отсюда новый рост миллиардов бумажных денег в обращении.

«Этот «танец миллиардов» поистине является пиром во время чумы, — писал А. Гурьев, один из серьезных знатоков русского денежного обращения, — мы утоляем жажду соляным раствором: захлебываемся бумажными деньгами, разбухаем от бумажной водянки, а между тем ощущаем все более и более сильную жажду. Наши выпуски бумажных денег самые большие во всем мире. За исчезновением из оборота металлической монеты и произведенными выпусками бумажных знаков общее количество денег увеличилось во Франции на 100%, в Германии — на 200%, в Англии почти совсем не возросло, а у нас увеличение составляет 600%»¹¹¹.

Разгадка этого явления кроется в сокращении промышленного производства, в огромных материальных потребностях русской армии, в недостаточности иных источников поступления средств, кроме выпуска бумажных денег.

Признаки их обесценения стали обнаруживаться уже в 1915 г., но тогда народное хозяйство еще не было так дезорганизовано, золотое обеспечение было больше, мобилизация не охватывала еще так широко народного хозяйства, и поэтому

¹¹⁰ Н. Н. Любимов в работе «Баланс взаимных требований Союза ССР и держав Согласия» для 1915 г. делает скидку в 20%, для 1916 г. — в 40% и для 1917 г. — в 80%. Поэтому он определяет расходы России на войну в пересчете на золотую валюту (без обыкновенных расходов) в слишком большую сумму — 19,4 млрд. руб.

¹¹¹ А. Гурьев. Опыт анализа и решения финансовой проблемы. «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 39, стр. 365.

на рынке было больше товаров. К осени 1915 г. наблюдался уже значительный подъем товарных цен, но Комитет финансов считал, что возрастание товарных цен не может служить показателем упавшей покупательной силы наших кредитных билетов, так как то же явление, но в меньших размерах, наблюдалось повсеместно. Из этого факта логика обязывала сделать тот вывод, что и другие валюты обесценивались, но царские финансисты при анализе этого явления нарушали самые элементарные положения экономической науки. Обесценение рубля сперва затушевывалось фактом отставания роста цен от роста эмиссии, но потом рост цен стал обгонять рост эмиссии, а это означало, что «темп обесценения бумажно-денежной единицы начинает неуклонно обгонять темп эмиссии»¹¹².

Ниже приводится таблица, которая показывает динамику эмиссии и роста цен на товары (млн. руб.)¹¹³.

Таблица 10

Год	Количество денежных знаков всех видов	Рост обращения денег *	Рост товарных цен *	Соотношение роста товарных цен и денежных знаков **	
1914	1-е полугодие	2 370,0	1,00	1,00	—
	2-е »	2 520,0	1,06	1,01	-1,05
1915	1-е »	3 472,4	1,46	1,15	-1,27
	2-е »	4 724,5	1,99	1,41	-1,41
1916	1-е »	6 157,0	2,59	2,38	-1,08
	2-е »	7 972,0	3,36	3,98	+1,18
1917	1-е »	11 229,0	4,73	7,02	+1,49
	2-е »	19 458,0	8,19	11,71	+1,44

* По сравнению с 1-м полугодием 1914 г., равным 1.

** Знаки + и - показывают, во сколько раз товарные цены росли быстрее или медленнее денежных знаков.

Эти данные показывают, что с начала войны и до середины 1916 г. рост денежной массы происходил быстрее роста цен, а со второй половины 1916 г. рост цен начал обгонять рост денег

¹¹² З. С. Каценеленбаум. Указ. соч., стр. 72.

¹¹³ «Денежное обращение и кредит в России в годы войны и революции 1914—1921 гг.», т. I. М., 1922, стр. 25. Исчисление роста товарных цен для 1916 г. и первой половины 1917 г. мы считаем слишком преувеличенным.

в обращении¹¹⁴. Этот разрыв был уже значителен к 1 января 1917 г. и приводил к противоречию между денежным выражением заработной платы и реальным уровнем жизни рабочих, который неуклонно снижался.

Обесценение рубля происходило в основном под влиянием двух факторов — роста бумажно-денежной массы и сокращения количества обращавшихся на рынке товаров. Последний фактор стал особенно резко проявляться в 1916 г. В то время как количество товаров на рынке катастрофически уменьшалось, все быстрее и быстрее росла бумажная денежная масса. При таких условиях рост товарных цен являлся неизбежным. К концу 1916 г. цены поднялись в 3—4 раза, а в 1917 г. в 7—12 раз. В мае 1916 г. правительство уже «признает» факт падения ценности рубля и объясняет его усиленным выпуском кредитных билетов. Но вместо того, чтобы изменить самую систему финансирования войны, Комитет финансов считал основной задачей поддержание курса рубля на иностранных рынках, что частично и достигалось при помощи средств по английскому кредиту. Быстрый рост цен во второй период войны связан также с расцветом спекуляции, в которой принимали активное участие коммерческие банки.

Имеется много материала, свидетельствующего об увлечении банков спекулятивными операциями. Подтоварные операции развивались в прогрессирующей степени. В связи с ревизией товарных операций Русско-Азиатского банка, инспектор Государственного банка писал: «В то время как на рынках повсеместно наблюдается отсутствие и всеобщий недостаток товаров, в Русско-Азиатском банке количество этих товаров как объектов залога неуклонно увеличивается, невзирая на то, что некоторые товары, как сахар, хлеб и некоторые другие пищевые продукты, составляющие в довоенное время значительный процент, совершенно исчезли». Банк, учитывая конъюнктуру, «охотно стал размещать свои капиталы в товаросудные операции, считая это наиболее выгодным помещением капиталов в данное время». Значительно расширился круг клиентуры банка, «бросившейся скупать и закладывать что попало и где попало, в полной уверенности, что со временем не только будут покрыты увеличенные проценты, комиссионные,

¹¹⁴ Эти же выводы делаются в работе А. Д. Гусакова (указ. соч., стр. 21). На стабилизацию цен в начале войны оказало известное влияние выпадение из обращения золотой валюты, благодаря чему расширился спрос на кредитки со стороны каналов торгово-денежного обращения. Во второй период, как говорится в отчете Государственного банка за 1916 г., произошло резкое сокращение товарообмена, расширились непосредственные расчеты казны с поставщиками, сократилась производственная деятельность промышленности для населения и стали образовываться значительные избытки бумажных денег, не получавших производительного применения.

фрахты, хранение и т. п. расходы, но даже останется от реализации товаров значительная прибыль»¹¹⁵. Банки не только покровительствовали спекулянтам, но и сами занимались спекуляцией хлебом, мясом, сахаром, хлопком и другими товарами, получая колоссальные прибыли. Все это способствовало росту цен и снижению покупательной силы рубля.

Какую же роль сыграла бумажная эмиссия — выпуск кредитных билетов и краткосрочных обязательств в финансировании войны? На этот счет имеются различные и противоречивые мнения. По данным А. Д. Гусакова, эмиссия до Февральской революции покрывала 29% всех расходов¹¹⁶. По другим данным, эмиссия покрывала от 25% (1916 г.) до 73% (1917 г.) бюджетного дефицита¹¹⁷. Так как бюджетный дефицит фактически совпадал с военными расходами, то можно сказать, что от одной четверти до трех четвертей военных расходов покрывала эмиссия. Имеются и другие данные, которые более точно определяют удельный вес эмиссии. Если до 1 сентября 1917 г. военные расходы достигли 38,5 млрд. руб., из которых около 2,6 млрд. были покрыты за счет свободной наличности и остатков по обыкновенному бюджету, то из остальной массы расходов 16,4 млрд. руб. были покрыты за счет краткосрочных обязательств, что составляет примерно 42,6% всех военных расходов, 30% — за счет внутренних займов и 21% — за счет внешних займов¹¹⁸. Только за счет бумажных денег было покрыто около одной трети (34%) всех военных расходов. Следовательно, какие бы неточности в расчетах ни были, можно смело сказать, что выпуск бумажных денег явился для казны самым главным источником финансирования войны. Об этом достаточно определенно говорил Барк на заседании бюджетной ко-

¹¹⁵ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 1, док. № 51. О деятельности банков подробно будет рассказано ниже.

¹¹⁶ Эти данные близки к цифрам, названным Барком 24 января 1917 г. на заседании бюджетной комиссии Государственной думы. По его данным, эмиссия покрывала в 1914 г. почти $\frac{2}{3}$ военных расходов (65,6%), в 1915 г. ее роль падает до $\frac{1}{3}$ (31,2%), а в 1916 г. снижается до $\frac{1}{4}$ (24,7%). За все $2\frac{1}{2}$ года получается в среднем около 30%. Но так как данные Барка примерно на 2,7 млрд. руб. преуменьшают военные расходы, то удельный вес бумажной эмиссии в покрытии этих расходов снижается до 27—28% (ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 331, л. 59).

¹¹⁷ Л. Н. Юровский. На путях к денежной реформе. М., 1924, стр. 13.

¹¹⁸ Мы взяли за основу данные Г. Дементьева. Реальный доход от краткосрочных обязательств был несколько большим, чем от выпуска кредитных билетов, так как часть краткосрочных обязательств, поступавшая в расплату с поставщиками, давала дополнительный доход сверх денежной эмиссии; кроме того, небольшая часть обязательств находилась за границей. По-видимому, удельный вес внешних займов, несмотря на огромные переплаты, также был несколько выше, так как английские займы предоставлялись в более стабильной, «золотой» валюте. Но значительная часть внешних займов была израсходована на платежи процентов.

миссии Думы 24 января 1917 г. Он упрекал Думу в медлительности рассмотрения представлений Министерства финансов об увеличении эмиссионного права Гос. банка и считал новый выпуск бумажных денег главным способом финансирования войны. Он открыто признавал тогда, что внутренние займы «будут оставаться в портфеле частных кредитных учреждений», которые будут закладывать их в Гос. банке, т. е. по существу обменивать на кредитные билеты.

Удельный вес этого источника повысился после Февральской революции¹¹⁹. Это достигалось не только усиленным выпуском бумажек, но и сокращением роли внутренних и особенно внешних займов. Это не значит, конечно, что другие источники — займы внутренние и внешние — не играли существенной роли. Но без выпуска бумажных денег царское правительство вообще не могло бы вести войну. Правительство брало материальные ценности на ведение войны в кредит, под векселя, которые приносили 5-процентный доход, но которые никогда не могли быть оплачены эквивалентно. При Временном правительстве роль бумажных денег увеличилась более чем в два раза, что одновременно показывает сокращение других источников доходов — внутренних и внешних займов.

3. ВНУТРЕННИЕ ВОЕННЫЕ ЗАЙМЫ

Наряду с выпуском бумажных денег правительство в довольно большом масштабе пользовалось и вторым источником финансирования войны — внутренними займами.

Для чего правительство прибегало к военным займам, когда в его распоряжении был денежный станок, который мог без процентов доставлять ему бумажные знаки? Почему правительство предпочитало занимать деньги и платить за это проценты, вместо того, чтобы самому печатать их? Объясняется это тем, что финансирование войны исключительно путем выпуска бумажных денег скоро привело бы к полнейшему обесцене-

¹¹⁹ Министр финансов Временного правительства Бернацкий считал, что до Февральской революции выпуск кредитных билетов покрыл 29,4% всех военных расходов, за 4 месяца после Февральской революции — 44% и в последние 4 месяца — 78,4%. Приведя эти данные, он писал Временному правительству: «Все более значительная часть военных расходов покрывается за последнее время за счет бумажно-денежного источника» (сб «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. 559). И. И. Чубаков («Вестник финансов», 1926, № 5—6) дублирует военные расходы, складывая вместе кредитные билеты и краткосрочные обязательства. Между тем обязательства, служившие обеспечением выпуска бумажных денег (13,6 млрд. руб., а по отчетам Государственного банка 15,5 млрд. руб.), не давали дополнительного дохода. К сумме бумажных денег следует прибавлять лишь то часть обязательств, которая реализовалась за пределами Государственного банка сверх выпуска кредитных билетов.

нию валюты и к дезорганизации всего народного хозяйства. Государство меньше всего было заинтересовано в этом. Выбрасывая миллиарды бумажных рублей в оборот, правительство должно было изыскать средства, чтобы быстро получать их обратно. Таким средством и являются налоги и государственные займы. Военные займы, предоставляя в распоряжение правительства средства, вместе с тем должны были парализовать или ослабить отрицательные последствия выпуска бумажных денег, т. е. стабилизировать покупательную способность рубля. Именно поэтому правительство охотно платит премию за деньги, которыми его ссужают. Эти деньги как бы добровольно исчезают с рынка и не дают на рыночные цены. Это одна сторона дела. Другая заключалась в том, что при помощи внутренних займов правительство получало средства наличными.

До Февральской революции внутри страны было реализовано шесть займов на 8 млрд. руб. номинальных: два из них были 5-процентные, при подписной цене 94 за 100, всего на 1 млрд. руб.; один 5,5-процентный по 99 за 100 на 1 млрд. руб. и три займа 5,5-процентные по 95 за 100 на 6 млрд. руб. Сроки займов были разные: три займа — на 10 лет, два — на 49 лет и один заем — на 81 год. По отношению к долгосрочным займам правительство сохраняло за собой право конверсий и досрочного выкупа¹²⁰.

В годы войны выпуски займов производились в следующие сроки и на следующих условиях (см. табл. 11 на стр. 154—155).

При номинальной сумме займов в 8 млрд. руб. царское правительство фактически могло получить лишь 7650 млрд. руб. — 350 млн. руб. оставалось подписчикам в качестве премии. Так как реализационная цена займов была еще ниже, чем подписная (разница почти в 2% оставалась банкам), то правительство получало значительно меньше указанной выше суммы. Фактически царское правительство выручило от займов всего лишь 7529 млн. руб.¹²¹ Следовательно, потери от займов, не считая «Займа свободы», достигли почти полмиллиарда рублей. От реализации «Займа свободы», который был еще более невыгоден, Временное правительство выручило 4053 млн. руб., а всего внутренние займы дали для финансирования войны 11 582 млн. руб., из них две трети средств получило царское правительство, и одну треть — Временное правительство¹²².

¹²⁰ В. А. Мукосеев. Военные займы России. Сб. «Военные займы», стр. 142—194.

¹²¹ «Вестник финансов», 1926, № 5—6, стр. 134.

¹²² Проблема военных займов освещена в вышедшем в 1928 г. в Лондоне сборнике «Русские государственные финансы во время войны» («Russian public finance during the war». London, 1928). В статье «Кре-

Начав заключение займов со сравнительно скромных сумм — 500 млн. руб., правительство заем 1916 г. уже выпустило на 3 млрд. руб. Это объясняется как ростом государственных потребностей в деньгах, так и наличием большого количества свободных средств. По подсчетам Туган-Барановского, к 10 октября 1916 г. сумма «относительно свободного капитала» достигла 14—15 млрд. руб., а вклады в кредитных учреждениях страны превысили 11 млрд. руб.¹²³. Хотя этот капитал в своей основной части и был уже размещен кредитными учреждениями, все же сумма более свободного капитала (вклады 1916 г.) достигала 4 млрд. руб. Поэтому обилие свободных денег явилось «обстоятельством, крайне благоприятствующим успеху нового займа. Не подлежит сомнению, что русский денежный рынок может дать государству те три миллиарда рублей, которые составляют номинальную сумму нового военного займа», — писал Туган-Барановский. Вклады и текущие счета всех кредитных и денежных учреждений за один лишь 1916 г. возросли, по данным отчета Государственного банка, с 8314,4 млн. руб. до 13 673 млн. руб., или на 5359,1 млн. руб., т. е. на 64%, а остатки вкладов в сберегательных кассах за 1916 г. и 2 месяца 1917 г. выросли на 78,5% (с 2375 млн. до 4028 млн. руб.)¹²⁴.

В 1914 г. был выпущен один заем на сумму в 500 млн. руб., в 1915 г. — три займа на 2,5 млрд. руб. и в 1916 г. — два займа на 5 млрд. руб. Следовательно, до Февральской революции 1917 г. больше половины всех средств (5/8), вырученных от внутренних займов, были получены в 1916 г. Несмотря на необычный для России размер займов, средств, полученных от них, было недостаточно для покрытия военных расходов, поэтому государственное казначейство в 1916 г., «как и в первые

дитные операции» бывший помощник русского финансового агента в Париже П. Н. Апостол уделил значительное внимание военным займам. Рассмотрение внутренних займов (глава II, стр. 251—287) представляет наименьший интерес, ибо здесь повторяются данные русской прессы. Несомненный интерес представляет рассмотрение вопроса об иностранных кредитах России, так как автор использовал некоторые материалы парижского агентства Министерства финансов и пользовался консультацией П. Барка и других лиц, имевших отношение к финансам царской России. Цифра выручки от внутренних военных займов (11 378 млн. руб.), приводимая у Апостола, меньше данных, которые мы приводим, главным образом за счет расхождения цифр выручки по «Займу свободы». Апостол пользовался данными лишь на 2 октября 1917 г. Не давая критической оценки политики и практики размещения внутренних займов царским правительством, Апостол, тем не менее, признает, что первые три займа были размещены главным образом среди банков и что значительные суммы по займам списывались министром финансов в фонд сберегательных касс.

¹²³ М. И. Туган-Барановский. Военные займы в теоретическом освещении. Сб. «Военные займы», стр. 24—25.

¹²⁴ А. Д. Гусakov. Указ. соч., стр. 24—25.

два года войны, вынуждено было широко прибегать к позаймствованию в Государственном банке»¹²⁵, другими словами — выпускать бумажные деньги.

Доходы по займам освобождались от налога. Что касается сроков погашения займов, то правительство переходило от длинных сроков к более коротким (10 лет), так как более охотно держатели подписывались на краткосрочные займы. В отношении первых двух займов со сроками погашения в 49 лет правительство сохранило за собой право конверсии через десять лет после их выпуска, т. е. в 1925 г., а в отношении второго займа 1915 г. со сроком погашения в 81 год — право конверсии с автоматическим понижением процента с 5,5 до 5, начиная с 1921 г., а также досрочный выкуп займа, по желанию держателей, через шесть лет после выпуска, т. е. опять-таки в 1921 г.¹²⁶

В уплату за шестой заем (5¹/₂-процентный заем 1916 г. на 3 млрд. руб.) принимались краткосрочные обязательства казны, благодаря чему достигалось известное превращение краткосрочного займа в долгосрочный. Краткосрочные облигации казны, находившиеся в частном обороте, вследствие выгодыности подписки на заем, переходили в долгосрочную облигационную форму. Подписчик мог вносить плату по займам частями, в рассрочку, срок которой колебался от 60 дней (5-й заем) до 121 (3-й). По подписным листам займов в Государственном банке можно было получить денежную ссуду, размер которой был очень велик и достигал 88% от номинальной суммы закладных листов займа. Синдикат банков, принимавший участие в реализации государственных займов, получал дополнительно комиссионное вознаграждение в размере 1,5 — 2% от цены эмиссионного курса. Если выпускная цена была установлена 95 за 100, то банк получал облигации по 93. За счет этой комиссии коммерческие банки могли делать известную скидку своим крупным подписчикам. Банки также могли закладывать подписные листы займов на несколько иных условиях, чем частная публика. Условия подписки были таковы, что банк, подписавшись на 50 млн. руб., мог получить подписные листы, внося наличными деньгами всего лишь 3230 тыс. руб., или 6,46% от номинальной суммы. Поэтому банки принимали крупное участие в подписке, не напрягая своих денежных средств, так как они получали значительную часть денег при закладе облигаций.

¹²⁵ «Государственный банк. Отчет за 1916 год», стр. I.

¹²⁶ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 530, лл. 8—10. Представление министра финансов в Комитет финансов «О выпуске нового внутреннего займа на 1 млрд. рублей»; д. 522, лл. 4—7. Журнал Комитета финансов от 24 апреля 1915 г. по вопросу о выпуске нового внутреннего займа 1915 г. на 1 млрд. руб.

Внутренние займы

Заем	Дата выпуска	Процент	Фактическая доходность, %
Внутренний 5% заем 1914 г.	3/X 1914 г.	5	5,318
Внутренний 5% заем 1915 г.	6/II 1915 г.	5	5,318
Второй внутренний государственный заем 1915 г. . .	24/IV 1915 г.	До 1/V 1921 г. — 5 1/2%, с 1/V 1921 г. до конца — 5%	5,555
Государственный 5 1/2% военный краткосрочный заем 1915 г.	28/X 1915 г.	5,5	5,789
Государственный 5 1/2% военный краткосрочный заем 1-го выпуска 1916 г. .	26/II 1916 г.	5,5	5,789
Государственный 5 1/2% военный краткосрочный заем, второй выпуск 1916 г.	10/X 1916 г.	5,5	5,789
«Заем свободы» 1917 г. . .	27/III 1917 г.	5	

* Данные о военных займах России, опубликованные в сб. «Военные займы», проведены по «Собранию узаконений» и по «Торгово-промышленной газете».

** «§ 5. Весь заем будет погашен не позже 1936 г. До 1 мая 1927 г. правительство отказывается от права досрочного погашения займа как усиленными, сверх обязательных, тиражами, так или посредством выкупа или конверсии. Держателям облигаций предоставляется 1 декабря 1920 г. право заявить о желании получить нарицательный капитал принадлежащих им облигаций, каковой капитал в сем случае подлежит уплате 1 мая 1921 г. Начиная с 1921 г. погашение будет производиться ежегодными тиражами» (СУ, 1915 г., I отд., № 127, ст. 992).

Таблица 11

военного времени *

Общая сумма, млн. руб.	Подписная цена, % на- рицат. стои- мости	Срок, годы	Примечание
500	94	49	СУ, 1914 г., 1 отд., № 286, ст. 2624
500	94	49	СУ, 1915 г., 1 отд., № 57, ст. 515
1000	99	81 **	СУ, 1915 г., 1 отд., № 127, ст. 992
1000	95	10 ***	СУ, 1915 г., 1 отд., № 315, ст. 2334
2000	95	10	СУ, 1916 г., 1 отд., № 61, ст. 444
3000	95	10	СУ, 1916 г., 1 отд., № 289, ст. 2294
Нарицат. сумма займа предвари- тельно не опреде- лена	85	49 ****	СУ, 1917 г., 1 отд., № 71, ст. 408

*** «§ 7. Держателям 5½% военного краткосрочного займа будет представлено право обменять имеющиеся у них облигации на облигации государственных займов того же или более продолжительных сроков, могущих быть выпущенными внутри империи в течение 1916 г., причем в уплату по новым займам будут приниматься облигации настоящего займа по их выпускной цене» (СУ, 1915 г., отд. 1, № 315, ст. 2334).

**** Облигации погашались в течение 49 лет, начиная с 1922 г., т. е. фактически срок был удлинён до 54 лет («Торгово-промышленная газета», 6 апреля 1917 г.).

Такие льготные условия крупной подписки не способствовали мобилизации средств. Государственным банком до Февральской революции было размещено займов всего на сумму около 4 млрд. руб. (точнее — 3967 млн. руб.), а синдикатом частных банков — на 4033 млн. руб. Задолженность акционерных банков Государственному банку в связи с займами на 1 декабря 1916 г. достигала сумма в 262 млн. руб.¹²⁷

В апреле 1915 г., когда обсуждались условия выпуска нового займа, выяснилось, что выпущенный в феврале 1915 г. полумиллиардный заем, «по указаниям синдиката банков, еще не успел окончательно разместиться» на 10%. Так как синдикат банков взял 300 млн. руб., то это составляло сумму около 30 млн. В новом займе 1915 г. на 1 млрд. рублей доля синдиката коммерческих банков была установлена в 600 млн. руб., по реализационной цене 97% и с получением ими сверх того комиссии в 1½%. Остальную сумму в 400 млн. руб. министр предлагал реализовать «часть посредством зачисления в фонд государственных сберегательных касс» с дополнительной скидкой в 1%, частью же посредством подписки через Государственный банк. Однако и при размещении этой части займа Барк рассчитывал на пенсионные и другие кассы. Банкирам были предоставлены очень льготные условия: давался особый кредит из 5%, а облигации займа принимались в «обеспечение кредитов по цене 90% за 100»¹²⁸. Комитет финансов рассчитывал, что этот заем привлечет «осторожных капиталистов, желающих на всякий случай гарантировать себя возможностью истребования капитала в ближайшее время». Повышение процента с 5 до 5½ рассматривалось как поощрение подписчикам, с целью успешно разместить крупный заем.

После апрельского займа в 1 млрд. руб. в октябре 1915 г. правительство выпустило новый заем на ту же сумму, но на десятилетний срок. Этот заем, по справке министра финансов, был размещен «в населении» на 800 млн. руб. У банков осталось нераспроданными «облигаций последнего займа на сумму 200 с небольшим миллионов рублей, распродаваемый ныне по цене несколько ниже выпускной». Следовательно, по признанию министра финансов, одна пятая часть займа оставалась не реализованной. Министр финансов предложил освободить банки от тяжелого груза, принять оставшуюся нереализованную часть облигаций по той же цене (93 за 100), по которой этот заем был уступлен банкам, но с прибавлением им еще ¼% за расходы, якобы понесенные банками по реализации

¹²⁷ В. А. Мукосеев. Указ. статья. Сб. «Военные займы», стр. 177.

¹²⁸ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1915 г., д. 522, лл. 4—7. По первым двум займам, взяв на 600 млн. руб. облигаций, банки пользовались кредитом в Государственном банке на 48 млн. руб., или на 8% взятой ими суммы.

займа. За это банки должны были разместить нового займа на 1,2 млрд. руб. из общей суммы в 2 млрд. руб. Банкам новый заем уступался по 93%, т. е. с комиссией в 2%. Но этих выгод было им недостаточно. Они требовали теперь уже долгосрочного кредита в Государственном банке.

По мнению министра финансов, банки руководствовались при этом «осторожностью». Но эта «осторожность» распространялась не только на военное время, но и на три года по заключении мира. Следовательно, банки наперед стремились забронировать себя от всяких возможных случайностей и обеспечить себя средствами, да еще по льготному проценту. «Этому условию банки придают также весьма важное значение, главным образом, для успеха займа», — писал Барк в Комитет финансов¹²⁹. По-видимому, все разговоры о подписке среди населения по прежним займам не имели практического значения. Займы размещались среди верхушки городской буржуазии, а сберегательные кассы получали свою часть в принудительном порядке — им ее просто списывали по распоряжению свыше. Новый заем на 2 млрд. руб. (февраль 1916 г.) требовал более широкого круга подписчиков, «чем те, которые до сего времени состояли подписчиками». Впервые упоминается о важности «в политическом отношении» привлечения к подписке на займы рабочих крупных заводов. С этой целью предполагалось отменить налог в 0,4%, который взимал Государственный банк с частных лиц при закладе облигаций или установить ставку учетного процента в 4½%, чтобы банки могли кредитовать клиентов из 5%. Эта мера якобы и должна была привлечь рабочих к займам. На деле же упоминание о рабочих потребовалось, чтобы обеспечить банкирам новую выгоду в 0,4%, что на 1,2 млрд. руб. давало почти 5 млн. руб.

Министр финансов с некоторыми оговорками поддержал домогательства банков и сверх того разрешил вносить им подписные авансы в два срока — 1 марта и 1 мая 1916 г. Заем был выпущен 26 февраля 1916 г. Льготный кредит банкам предполагалось открывать только под заложенные их клиентами облигации займа. Часть займа в 800 млн. руб. продавалась через Государственный банк учреждениям мелкого кредита, а нереализованная — просто помещалась в портфель сберегательных касс. Уже самое распределение займа между коммерческими банками (6/10) и всей остальной системой кредита показывает, что на народ, в широком смысле этого слова, царское правительство не рассчитывало и не могло рассчитывать, что рабочие и широкие крестьянские массы оставались

¹²⁹ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1916 г., д. 530, лл. 11—15. О выпуске нового военного внутреннего займа.

равнодушными к военным займам царского правительства. Эти займы отделяла глубокая пропасть от интересов народа. Поэтому военные займы довольно туго проникали в массы населения. Между тем для государственного казначейства огромное значение имело размещение займов именно среди населения, так как это обеспечивало приток в кассу наличных денег.

Чтобы усилить мобилизацию средств и протолкнуть займы до деревни, Министерство финансов пошло на огромное расширение сберегательных касс. На 1 июля 1914 г. по империи было 8784 кассы, а на 1 октября 1917 г. их число увеличилось до 15 202¹³⁰. Лишь по закону от 23 октября 1915 г. была открыта в сельских местностях 4971 касса. К финансовым операциям были привлечены сельские священники, в приходах которых было открыто 2000 приходских сберегательных касс. При участии касс среди населения было размещено облигаций военных займов на 1412,5 млн. руб., в том числе на 556 млн. руб. «Займа свободы»¹³¹. Среди вкладов сберегательных касс все большую роль приобретали процентные бумаги. Вклады бумагами, составившие с 1911 по 1 января 1915 г. по отношению к наличным деньгам 20%, на 1 января 1916 г. поднялись до 27%, а на 1 января 1917 г. — до 37%. Следовательно, примерно треть всех вкладов в сберегательных кассах — это вклады ценными бумагами, а среди них подавляющая часть приходилась на займы. Однако этот значительный рост ценных бумаг в сберегательных кассах приходится главным образом на городских подписчиков. В цитированной нами редакционной статье «Вестника финансов, промышленности и торговли» констатируется, что размещение займов в деревне шло «крайне туго». Деревня в три раза слабее, чем город, помещала свои сбережения в процентные бумаги. На 1 января 1916 г. удельный вес вкладов ценными бумагами в городе составил 36,4% от вкладов наличными, а в деревне — лишь 11,9%.

Размещение займов при посредстве синдиката банков протекало также не блестяще. Из доли в 600 млн. руб. по 4-му займу, «взятых синдикатом частных банков, осталось неразмещенных ими среди публики около 250 млн. руб.»¹³². А это значит, что заем был размещен только на три четверти, так как номинальная сумма выпуска займа равнялась 1 млрд. руб. Когда приступили к обсуждению условий выпуска последнего займа 1916 г., то частные банки заявили, что считают сумму займа в 3 млрд. руб. «несколько чрезмерной». На том же за-

¹³⁰ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 43, стр. 507—510 (статья «Война и сберегательные кассы»).

¹³¹ Там же.

¹³² Архив Наркомфина, Канцелярия, отд. III, д. 234, ч. 1. 5,5-процентный заем 1916 г.; А. Л. Сидоров. Указ. статья, стр. 49.

седании управляющий Государственным банком и член Комитета финансов Шипов сообщил, что по трем предшествующим займам осталось «неразмещенным в населении... около одного миллиарда рублей»¹³³. И все же министр финансов в официальной переписке оценивал результат подписки как «выдающийся».

Последний заем до Февральской революции был выпущен 10 октября 1916 г. на 3 млрд. руб. К нему серьезно готовилось правительство, мобилизовали общественное мнение, воздействовали на прессию, вели разъяснительную кампанию. Синдикат банков взялся реализовать облигаций на 1800 млн. руб., что составляло действительных около 1682 млн. руб. Что же получило правительство по этому займу? Вместо наличных денег ему принесли краткосрочные обязательства и облигации прежних займов на 1281 млн. руб., 176 млн. наличными, занятыми у того же Государственного банка под заклад облигаций, и только 225 млн. наличными по подписке¹³⁴. Цель явно не достигалась. Вместо денег, которые были нужны государству, собрали старые обязательства. Получилась работа на холостом ходу: бумажки из-под печатного станка уходили в обращение, а обратно привлечь их правительство было не в состоянии. Вместо получения средств, оно конвертировало прежние свои долги на более выгодных для держателей займов условиях.

После реализации займа правительству по-прежнему приходилось выпускать значительное количество бумажных денег. Так, в октябре 1916 г. был выпущен заем на 3 млрд. руб., но к концу января 1917 г. текущий счет государственного казначейства в Государственном банке насчитывал всего лишь 208,7 млн. руб.¹³⁵ 6 февраля 1917 г. Комитет финансов вынужден был вновь принять решение о выпуске краткосрочных обязательств казначейства на 3 млрд. руб., так как «суммы, поступившие по реализации последнего военного краткосрочного займа, почти полностью израсходованы»¹³⁶. Буквально накануне революции Барк предложил выпустить 4-процентный выигрышный заем, так как выпуск обычного займа, «даже при выпуске его по низкой цене и на особо льготных условиях, не привел бы к цели, вызвав лишь падение курса наших бумаг»¹³⁷.

¹³³ Архив Наркомфина, Канцелярия, отд. III, д. 235, ч. 1. О втором военном займе 1916 г.

¹³⁴ Выступление Шипова в бюджетной комиссии Государственной думы 21 февраля 1917 г. ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 331, лл. 113—114.

¹³⁵ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1915 г., д. 516, лл. 1—2.

¹³⁶ Там же, д. 547, лл. 3—8. Постановление Комитета финансов от 6 февраля 1917 г. Имеется резолюция Николая II от 17 февраля 1917 г.

¹³⁷ Там же, д. 549, лл. 9—12.

С финансированием войны внутренними займами правительство блестяще провалилось. Как показывают архивные материалы, военные займы у широких слоев населения не пользовались доверием. На займы подписывались главным образом богатые слои. Владельцы мелких накоплений, городская мелкая буржуазия, крестьяне и рабочие относились к займам отрицательно. Чтобы привлечь к займам магометан, министр внутренних дел Хвостов рекомендовал «предложить магометанскому духовенству преподать необходимые пояснения пастве и содействовать вообще популяризации упомянутых займов»¹³⁸. Но и эти меры не помогли.

«Правительство не пользуется доверием биржи и трудящихся», поэтому займов не берут,— так заявил Шингарев в бюджетной комиссии Государственной думы буквально накануне революции. Шингарев приводил факт исключительной красочности о враждебном отношении рабочих к займам и к царскому строю. Он вздумал популяризировать заем среди рабочих Путиловского завода. «Вот в ноябре месяце я с трудом вырвал время и поехал туда читать о займе, доказывал, что нужно подписаться на заем. Служащие завода в большом количестве и рабочие буквально на каждую мою фразу с разных концов и углов зала — там было тысячи полторы человек — кричали в ответ: «А где наши депутаты?». «Нет» — орут в другом месте,— словом сказать, эта вся аудитория жила политической жизнью и даже протестовала против того, что ей читают о займе»¹³⁹.

Не только рабочие и крестьяне прохладно относились к займам, но и буржуазия не особенно охотно предоставляла свои капиталы в распоряжение правительства. На промышленном учредительстве, продовольственных спекуляциях, игре на курсе рубля она зарабатывала гораздо больше, чем на займах.

Надо сказать, что, например, во Франции каждый новый выпуск займа реализовался по более низкому курсу, чем предшествующие. В конце концов дошли до двух третей номинальной цены займа. Этим соблазняли как крупных, так и мелких собственников накоплений. В России же займы были однотипны, а курс, по которому они реализовались, достаточно высок. Оппозиция русской буржуазии по отношению к царизму также оказывала известное влияние на слабую реализацию займов среди буржуазии. Член Государственной думы Бубликов заявил, например, на заседании бюджетной комиссии в январе

¹³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 331, лл. 78—83. Стенографический отчет заседаний бюджетной комиссии за 1917 г., засед. 24 января 1917 г.

¹³⁹ Там же, л. 78.

1917 г., что биржа «не желает иметь дела с русскими государственными бумагами и не покупает их»¹⁴⁰.

Царское правительство было врагом трудящихся масс нашей страны. Оно вело захватническую несправедливую войну, не пользовавшуюся поддержкой рабочего класса и основных масс крестьянства. Поэтому правительство, сколько об этом ни ратовали социал-шовинисты и буржуазные экономисты, изображавшие войну народной и справедливой, не получало финансовой поддержки от основной массы населения. Рабочие и крестьянская масса населения на заем не подписывались. На заем подписывались буржуазия и другие имущие слои населения и то не из патриотических побуждений, а исходя из коммерческой выгоды.

При всем этом размещенные правительством займы давали известные средства и в какой-то мере противодействовали дальнейшему падению ценности рубля. Займы краткосрочные и долгосрочные и кредитные операции внутри страны являлись важным ресурсом государства. Долгосрочные внутренние займы (без «серий» и краткосрочных обязательств казны) покрывали бюджет 1915 г. на 33,6%, а в 1916 г. — на 30,3%¹⁴¹. Но займы царского правительства не приостановили катастрофического падения ценности рубля, роста бумажных денег и дороговизны. Некоторые экономисты считали, что военными займами мобилизовались лишь деньги, не находившие применения на товарном рынке, положенные в кредитные учреждения. «В общем, можно сказать, что военными займами консолидированы у нас преимущественно, если даже не исключительно, чрезвычайные прибыли, реализованные от войны разными общественными классами, и военная уплата за реквизируемые имущества. Расходных же, «прожиточных» денег населения консолидация вовсе не коснулась. Народные кошельки все разбухали от денежного наплыва, в соответствии с чем натиск на обиходный товарный рынок совершался все с большим и большим повышением цифровых денежных номиналов. Разумеется, результат мог получиться только один — прогрессивное развитие товарной дороговизны и соответственное падение ценности рубля»¹⁴². В этой характеристике есть исправляемые стороны, но основная мысль автора верна. Она заключается в том, что широкие слои народа не хотели подписываться на царские займы, не хотели отказывать себе в самом необходимом — питании, одежде и т. п., которые они и

¹⁴⁰ Там же, л. 83.

¹⁴¹ Б. Ривкин. Указ. соч., 1957, стр. 13. Еще больше снизилась роль «Займа свободы».

¹⁴² А. Гурьев. Указ. статья. «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 40, стр. 397.

без займов удовлетворяли только частично. Займы не могли мобилизовать денежные накопления деревни и лиц, имевших небольшие сбережения. Займы не поглощали даже военных прибылей. Они служили лишь источником обогащения финансовых монополистов. Поэтому займовая операция, давая известный казначейский эффект, не могла остановить ни выпуска бумажных денег, ни систематического и быстрого их обесценения.

Правительство само признало это незадолго до Февральской революции. 6 февраля 1917 г. министр финансов докладывал Комитету финансов, что «проникновение займов в населении происходит сравнительно медленно, значительная часть их временно оседает в банках, и последний 3-миллиардный заем еще не размещен в публике»¹⁴³. Далее признавался тот факт, что государственные займы «мало распространены» среди рабочих и крестьян. Армия и флот также в очень слабой степени участвовали в подписке на царские займы, что было отмечено 28 марта 1917 г. в письме министра финансов Временного правительства военному и морскому министру Гучкову. Министр финансов жаловался, что при подписке на военные займы 1915 и 1916 гг. «войска и флот приняли весьма незначительное участие, несмотря на сравнительное обилие свободных средств на фронте»¹⁴⁴. «В остальных классах населения,— писал ранее Барк в Комитет финансов,— наблюдается также сдержанное отношение к государственным займам и значительные средства помещаются во вклады и на текущие счета в сберегательные кассы и частные банки». Крупные суммы денег отвлекались на спекуляцию ценными бумагами, что давало большую выгоду спекулянтам, только накопления в сберегательных кассах «полностью обращаются на покупку облигаций военных займов»¹⁴⁵. Капиталы коммерческих банков в очень ограниченной мере участвовали в займах, что признавалось «весьма нежелательным», но все время с этим мирились и поощряли спекулятивную деятельность банков. В заключение министр финансов жаловался, что пропаганда займов «распространяется очень туго среди населения».

Комитет финансов, всегда занятый чисто финансовой стороной дела и остававшийся внешне равнодушным к явлениям внутренней политической жизни, на этот раз вынужден был дать политическую мотивировку инертного отношения населения к займам. «Выслушав объяснения министра финансов и придавая должное значение интенсивному развитию всех

¹⁴³ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 547, лл. 3—8.

¹⁴⁴ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2487, л. 55; Б. Ривкин. Указ. соч., 1957, стр. 46.

¹⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 547, лл. 3—8.

изложенных мероприятий для устойчивости денежного обращения и успеха в деле финансирования войны, — говорилось в решении Комитета, — члены Комитета финансов не нашли возможным скрыть от себя тревогу за наш государственный кредит, в связи с наблюдаемым *внутренним политическим положением*. В этом отношении, по мнению Комитета финансов, нельзя не учесть тесную зависимость успеха государственных кредитных операций *от настроения широких народных масс*. Проявляемая, особенно за последнее время, нервность населения не замедлила отразиться на ходе подписки на последний заем, который, несмотря на принятые Министерством финансов энергичные меры, размещен в публике лишь в сумме 1345 млн. рублей. При таком положении вещей едва ли есть уверенность, что дальнейшие мероприятия финансового ведомства в смысле популяризации займов достигнут желанной цели, если не будет создана более благоприятная почва внутри империи»¹⁴⁶. Такая почва не могла быть создана — царский строй доживал свои последние дни.

Помимо названных выше кредитных операций, Министерство финансов провело осенью 1916 г. реализацию объединенного железнодорожного займа в сумме 350 млн. руб. Идея выпуска этого займа принадлежала двум банковским воротилам — председателю правления Учетного и ссудного банка Я. Утину и председателю правления Международного банка Л. И. Вышнеградскому. Они составили проект выпуска этого займа и подробно разработали всю финансовую сторону. Проект был обсужден и одобрен представителями крупнейших банков Петрограда и в декабре 1915 г. был передан властям. Министерство финансов целиком приняло предложение банков, но так как реализация займа задерживалась, то намеченная в 1915 г. сумма займа была увеличена с 200 до 350 млн. руб.¹⁴⁷

Необходимость выпуска займа вытекала из того, что коммерческие банки проявляли «нежелание» «идти на дальнейшее кредитование железных дорог без обеспечения им дополнительных кредитов в Государственном банке, представление коих в значительных размерах не являлось возможным»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Там же. (Курсив наш.— А. С.). Этот журнал Комитета финансов от 6 февраля 1917 г., утвержденный царем 17 февраля, содержит ценный фактический материал о финансовом положении страны накануне Февральской революции. Несмотря на исключительный характер суждений Комитета, Николай II не обратил на них особого внимания, и дело ограничилось стандартной пометой — «исполнить».

¹⁴⁷ АВГПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», д. 192, лл. 229—232. Кроме копии письма Утина, имеется проект выпуска займа на 81 год из 4½% при выпускной цене 73¼ за 100. Справка содержит данные о котировке железнодорожных бумаг в Лондоне и Париже на 13 мая 1916 г.

¹⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1916 г., д. 527, лл. 39—45. Письмо министра финансов в Комитет финансов о выпуске объединенного железнодорожного

Министр финансов использовал также свободные средства сберегательных касс в сумме 105 млн. руб., которые были предоставлены частным обществам для строительства и улучшения наиболее важных для обороны железнодорожных линий. Выпуск объединенного займа исключал конкуренцию отдельных обществ и давал возможность Министерству финансов использовать средства по усмотрению правительства. Вырученные деньги являлись достаточными только для «неотложных нужд некоторых железных дорог». Разумеется, они не были истрачены в конце 1916 г., но получили определенное целевое назначение. Видимо, успешное осуществление этой операции побудило Министерство финансов накануне Февральской революции поставить вопрос о выпуске нового железнодорожного займа на 500 млн. руб. «для усиления некоторых старых линий и для спешной постройки новых, признанных важными для государственной обороны»¹⁴⁹. Однако, как это видно из журнала Комитета, только примерно одна треть займа должна была пойти на работы по постройке новых и усилению старых линий, а большую часть предполагалось израсходовать на консолидацию краткосрочных долгов железных дорог. Причина такого распределения средств — недостаток металла в стране, который не позволял реализовать всю предполагавшуюся выручку на новое железнодорожное строительство. Сейчас невозможно сказать, был ли предполагаемый заем реализован и сохранялись ли старые условия его выпуска.

* * *

Приведенный материал позволяет прийти к заключению, что классовые противоречия между правительством и народом, отсутствие поддержки этого правительства народными массами находили свое выражение и в сфере чисто финансовой. Никакие тонкости финансовой политики Министерства

займа; д. 545, лл. 2—3. Журнал Комитета финансов от 29 августа 1916 г., утвержденный царем 19 сентября 1916 г. в Ставке. Заем был реализован успешно при участии банков из 4½% на 81 год. Реализационная цена займа была установлена в 73¾ за 100. Подписка на заем была произведена в конце сентября 1916 г. в 14 петербургских банках, 6 московских и одном провинциальном. В займе приняли участие 12 частных железнодорожных обществ, главные из которых — Московско-Виндаво-Рыбинское (83 млн. руб.), Московско-Киевско-Воронежское (40 млн. руб.), Черноморское (38,6 млн. руб.) и др. («Вестник финансов, промышленности и торговли», 1916, № 40).

¹⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 548, лл. 8—11. Журнал Комитета финансов (копия) от 6 февраля 1917 г., утвержденный царем 25 февраля 1917 г. Хотя Тимашев и предлагал повысить процент дохода займа, Комитет утвердил предложение Барка о 4½%. На строительство железных дорог предполагалось истратить лишь 150—170 млн. руб.

финансов и техника финансовых операций его чиновников не могли заменить одного факта — нежелания 160-миллионного населения России отдать свои сбережения государству, выкроить часть средств из своих полуголодных бюджетов на поддержку империалистической войны. Народные массы бойкотировали займы. Потому и провалились займовые операции внутри страны. Их экономический эффект для всей системы денежного обращения был не тот, которого от них ожидали.

Барк предпринял попытку продвинуть русский внутренний заем на иностранные денежные рынки. В связи с этим 28 января 1916 г. он обратился с письмом к министру иностранных дел Сазонову, в котором просил принять меры для самого широкого осведомления о предстоящем двухмиллиардном займе за границей. Отзывы послов не внушали никаких надежд на успех. Бенкендорф сообщил 17/4 февраля 1916 г., что привлечение лондонского рынка к участию во внутреннем займе совершенно невозможно¹⁵⁰, так как английское правительство фактически запретило подписку, объявив ее делом «противным национальным интересам». Из Голландии, Дании, Норвегии поступали неутешительные сведения. Извольски из Парижа сообщил, что размещение подписки на русский займ «представляется невозможным». Он советует начать переговоры о предоставлении русским банкам частного кредита. Из Вашингтона посол рекомендовал подождать с новым займом, чтобы публика «не смешала условий внутреннего и внешнего займа». Барк признал в начале марта 1916 г., что позиция английского правительства лишала Россию «весьма существенного источника поступления иностранной валюты». Единственная страна, где подписка дала некоторую сумму, — была Греция, но и там требовали предъявления облигаций в Афинах, а не в Петербурге. Отправка облигаций была организована через французское посольство.

4. ИНФЛЯЦИЯ И КРИЗИС ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Кроме покрытия расходов внутри страны, перед правительством стояла важнейшая задача — поддержание курса рубля. Спрос на иностранную валюту со стороны промышлен-

¹⁵⁰ АВПР, II департамент, 1—5, «Война», оп. 448, д. 244. Все дело посвящено выпуску 2-милрд. займа 1916 г. и попытке его размещения на зарубежных рынках. 10 марта 1916 г. Барк обратился с письмом к Сазонову, в котором просил его предпринять перед английским правительством шаги «в целях отмены запрета помещения английских капиталов в русские займы» (лл. 19—20). Изменить положение русскому правительству не удалось. Английское правительство пошло по пути увеличения суммы займов, предоставляемых государством.

ников был очень большой, а источники ее получения — самые мизерные. Внешняя торговля резко сократилась, а заказы за границей выросли. Вывоз за вторую половину 1914 г. уменьшился на 78% против соответствующего полугодия 1913 г.¹⁵¹ Отрицательное сальдо торгового баланса за 1914—1916 гг. превысило 3 млрд. руб.¹⁵² Курс рубля стал понижаться. На его колебания оказывали влияние и военные обстоятельства: если улучшалось положение на фронте, курс повышался, если русские армии терпели поражение, курс понижался. Чтобы усилить валютные ресурсы, министр финансов еще в октябре 1914 г. внес предложение о централизации в финансовом ведомстве всей экспортной валюты. По предложению Барка, каждый экспортер должен был отдавать по известной цене всю вырученную от экспорта валюту правительству. Это предложение было провалено, и после этого правительство могло располагать валютой только из заграничных фондов.

К началу 1916 г. падение курса рубля достигло больших размеров. Поэтому при Министерстве финансов организовали «расчетный отдел» для регулирования снабжения валютой. Однако, не располагая достаточными средствами, отдел вскоре потерял контроль над курсом, который по-прежнему стали устанавливать иностранные банки. В мае 1916 г. обесценение рубля по отношению к иностранной валюте достигло таких размеров, что министр финансов Барк заговорил о возможности катастрофического влияния этого обстоятельства на все народное хозяйство. Чтобы стабилизировать курс рубля, были приняты срочные меры: провели контроль над экспортом и установили сдачу валюты правительству, усилили интервенцию за счет заграничных займов, установили контроль сперва за движением счетов иностранцев в русских банках в рублях, потом перешли к контролю над валютными операциями банков и, наконец, был установлен правительственный контроль над деятельностью банков (до осени 1916 г. деятельность банков была, по словам Барка, «непроницаемой» для государства). Наконец, в целях поддержания курса рубля и получения заграничных кредитов, правительство вывезло за границу значительную партию золота на сумму 451,8 млн. руб. (до конца 1916 г.).

Эти мероприятия немного задержали, но не устранили па-

¹⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1915 г., д. 1249, лл. 40—47. Доклад Н. Н. Покровского об условиях развития нашего экспорта.

¹⁵² Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве. 1917, № 5, стр. 6. Г. Деметьев сообщил на этом заседании, что отрицательное сальдо за 1914 г. составило 142 млн. руб., за 1915 г. — 751 млн. руб. и за 1916 г. — 2128 млн. руб. Следовательно, за три года дефицит по внешней торговле выразился в сумме 3021 млн. руб.

дения курса рубля, и к марту 1917 г. рубль по отношению к иностранной валюте наполовину обесценился.

Стоимость рубля в Лондоне в переводе на золото была (коп.)¹⁵³:

Сентябрь 1914 г.	79,0
Октябрь 1915 г.	67,5
Январь 1916 г.	57,5
» 1917 г.	56,0

А на нейтральной шведской бирже курс рубля упал в январе 1915 г. на 11,46%, в январе 1916 г. — на 43,42%, в январе 1917 г. — на 47,81%, а в марте 1917 г. — 50,18%¹⁵⁴.

По данным, приведенным Дементьевым, падение курса рубля было несколько меньше: за 2 года и 8 месяцев войны, с июля 1914 г. по 22 февраля 1917 г., курс рубля понизился на 32% на лондонской бирже и на 25% — на парижской. В июле 1914 г. за 100 фунтов стерлингов надо было платить 1150 руб., а накануне Февральской революции — 1710 руб.; соответственно за 100 русских рублей давали 215 франков и 161. При Временном правительстве падение курса рубля на иностранных биржах приобрело стремительный, прямо можно сказать, катастрофический характер. С марта по сентябрь 1917 г. курс рубля понизился на 45% в Лондоне, на 48% в Париже, на 56—60% в Копенгагене и Стокгольме и на 42% в Нью-Йорке¹⁵⁵. По расчетам советских экономистов, курс рубля к концу 1916 г. упал сильнее, чем курс денежной единицы других воюющих государств, кроме Австро-Венгрии. Сравнимая курс рубля в декабре 1916 г. с декабрем 1914 г. (который принимается за 100), получаем 70, или падение стоимости рубля на 30%. В действительности же рубль обесценился еще больше, так как с июня по декабрь 1914 г. курс рубля упал на 16,8%. «Таким образом, к концу 1916 г., учитывая и это снижение, рубль сохранил только 53,2% своей ценности июня 1914 г., т. е. обесценился почти в два раза»¹⁵⁶.

Дороже, чем на других биржах, рубль стоил в Париже, где царское правительство получало большие кредиты и где военные заказы были невелики.

Сравнивая обесценение рубля на внутреннем рынке с обесценением его в иностранной валюте, получаем интересный

¹⁵³ З. П. Евзлин. Деньги, ч. 2. Л., 1924, стр. 247.

¹⁵⁴ М. И. Фридман. Государственное хозяйство и денежное обращение в России. М., 1919, стр. 20.

¹⁵⁵ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 41, стр. 435—439 (окончание статьи Г. Дементьева «Государственные доходы и расходы России»); сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 544.

¹⁵⁶ А. Д. Гусаков. Указ. соч., стр. 27.

вывод: обесценение рубля внутри страны шло наиболее быстро тогда (1916 г.), когда курс рубля за границей был более или менее стабильным. Больше всего курс рубля снизился за границей за первые полтора года войны, когда падение его покупательной способности на внутреннем рынке шло медленно. В абсолютном размере рубль больше обесценивался по отношению к товарам внутри страны, чем по отношению к иностранной валюте. Это явление делало выгодным спекуляцию на рубле, чем и занимались банки.

Подведем итог финансовой политике правительства.

Основным методом покрытия финансовых расходов страны был выпуск бумажных денег и займов. В результате рубль обесценился, цены возросли, каналы обращения переполнились бумажками. Вклады в кредитные учреждения колоссально выросли. Вот, например, табличка движения вкладов в сберегательных кассах ¹⁵⁷.

	Млн. руб.	Рост за год, %
На 1 января 1914 г.	2034	6,3
» 1915 г.	2236	10
» 1916 г.	3113	35
» 1917 г.	5225,3	68
Октябрь 1917 г.	6904,8	32

За два с половиной года вклады увеличились почти в 2,5 раза. Аналогичную картину имеем и в акционерных банках, где текущие счета выросли к 1 января 1917 г. в 3,5 раза по сравнению с 1914 г. Но рост бумажной массы вовсе не означал роста материальных ценностей страны: последние, напротив, уменьшились, и развал всего хозяйства продолжал нарастать. Чтобы получить из народного хозяйства нужное количество материальных ценностей, правительству приходилось все больше и больше разрушать систему денежного обращения путем все большего выпуска бумажных денег. «Чтобы получить на второй год войны на 45,6% более материальных ценностей, чем в первый, — пишет С. Н. Прокопович, — правительство пошло на увеличение товарных цен на 54%. В третий год войны дальнейшее увеличение на 24,5% количества изъятых материальных ценностей было куплено ростом цен на 63%. Очевидно дальнейшее увеличение общей суммы материальных средств, отдаваемой страной на нужды войны, было бы куплено таким ростом дороговизны и государственных долгов, которые делали сомнительной целесообразность дальнейшего

¹⁵⁷ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 43, стр. 507, 510 (статья «Война и сберегательные кассы»).

роста ассигнований на нужды войны»¹⁵⁸. Знаменательно, что эти слова написаны бывшим министром Временного правительства, сторонником войны до «победного конца».

Влияние военных расходов становится решающим фактором во всех областях денежного обращения, на внутреннем и внешнем рынках, в коммерческой деятельности частных и Государственного банков. Государство принимало меры к мобилизации всех свободных денежных средств. Миллиардные вклады во всех кредитных учреждениях использовались для финансирования войны. Во всей банковской системе страны на первом месте стояли кредитные операции, порожденные войной, тесно связанные с военным хозяйством или непосредственно с казной. Затраты Государственного банка на коммерческие операции сокращались, а затраты на казну росли. Активные операции Государственного банка на 1 января 1914 г. равнялись 1,7% баланса банка, а в конце 1916 г.— 76,6%. Средства казны составляют все меньшую часть пассивов банка. С января 1914 г. по конец 1916 г. доля их сократилась в три раза — с 31,3 до 10,7%. Задолженность казны Государственному банку лишь за один 1916 г. выросла на 4680 млн. руб. и достигла 8326 млн. Кроме выпуска кредитных билетов, банк ссудил казне 1193 млн. руб. за счет вкладов¹⁵⁹. Мы привели уже фактический материал, показывающий роль частных банков в размещении займов. Коммерческие банки ставили себе в первую заслугу помощь правительству в размещении займов «на миллиарды рублей»¹⁶⁰. Кредиты, предоставленные союзниками для поддержания курса рубля и для финансирования промышленности, фактически явились единственным источником получения иностранной валюты.

Наконец, деятельность банков и формально была поставлена под контроль Министерства финансов. Все это показывает, что в области денежного обращения появляются новые черты государственно-капиталистического типа. Подводя итоги состояния денежного рынка в 1916 г., осведомленный автор писал: «Итак, в отчетном году наблюдается чуть ли не полное срастание денежного рынка, коммерческой организации частного банкового кредита с военно-финансовой системой государства»¹⁶¹. Этот вывод автора несомненно правилен.

¹⁵⁸ С. Н. Прокспович. Указ. соч., стр. 133—134.

¹⁵⁹ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 37, стр. 310 (статья «Деятельность Государственного банка в 1916 г.»).

¹⁶⁰ «Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов». Пг., 1918, стр. 40.

¹⁶¹ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 3 (статья «Русский денежный рынок в 1916 г.»).

В результате войны в России установилась бумажная денежная система; все области денежного рынка и кредита находились под контролем государства и были поставлены на службу государству по финансированию войны. Не будет преувеличением сказать, что это было государственно-капиталистическое хозяйство.

Рост дороговизны и государственных расходов вызвал тревогу даже у представителей бюрократии. Чрезвычайно показательна в этом отношении записка члена Комитета финансов Сабурова. Отметив рост количества кредитных билетов в обращении, сокращение золотых запасов Государственного банка и предстоящую отсылку 600 млн. руб. золотом в Англию¹⁶², он писал в августе 1916 г.: «Эту цифру необходимо исключить вовсе из нашего золотого запаса, ибо не подлежит никакому сомнению, что Англия не возвратит нам этого золота и удержит его неизбежно при консолидации нашего огромного долга в форме краткосрочных кредитов»¹⁶³.

Всего до Февральской революции царским правительством было отправлено золота в Англию на 643,2 млн. руб.¹⁶⁴ После выполнения обязательств перед Англией в России осталось бы золота примерно на 1 млрд. руб., что составило бы 10% золотого обеспечения на бумажный рубль, в то время как до войны это обеспечение превышало 100%. Из всех главных воюющих стран только в России золотые запасы Государственного банка так значительно уменьшились. В других странах, например, в Германии, они увеличились. Государственная дума установила сперва неприкосновенный золотой запас в России в 1,4 млрд. руб. Министр финансов Барк настаивал «на совершенной неприемлемости закрепощения золотых запасов Гос. банка» на этом уровне. Постановление Думы было нарушено и золотое обеспечение снизилось. В журнале Ко-

¹⁶² После длительных переговоров и настояний русского правительства Англия согласилась уменьшить количество выслаемого по соглашению 1916 г. золота с 400 млн. руб. до 200 млн., но 200 млн. руб. золотом необходимо было выслать еще по соглашению 1915 г. Следовательно, всего пришлось послать золота только на 400 млн. руб.

¹⁶³ Архив Наркомфина, Особенная канцелярия по кредитной части, II отд., 1 ст., 1916 г., д. 1. Письмо Сабурова Барку от 25 сентября 1916 г. и его «Записка»; А. Л. Сидоров. Указ. статья, стр. 53. К сожалению, несмотря на все попытки, нам не удалось сейчас найти «Записку» Сабурова Барку. Поэтому приходится сослаться на более раннюю свою работу, в которой этот документ был использован. Сохранился журнал Комитета финансов от 29 сентября 1916 г., в котором обсуждались представленные Сабуровым «Соображения о положении нашего денежного обращения» (ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 11, лл. 3—6).

¹⁶⁴ А. П. Погребинский в своих «Очерках по истории финансов» (стр. 237), ссылаясь на подсчеты видных экономистов Ф. Михалевского и Н. Н. Любимова, называет цифру в 567,4 млн. руб. Но в эти подсчеты не вошли 8 млн. ф. ст. золота, «проданного» Англии в 1914 г.

митета финансов от 29 сентября 1916 г. позитивные предложения Сабурова были сведены к следующим основным пунктам. Необходимо привлечь союзников «к более широкому участию в финансировании войны Россией»; путем сокращения частной эмиссии и увеличения процента по внутренним займам добиться более широкого использования внутреннего денежного рынка в финансировании войны; необходимо более бережно расходовать военный фонд на «не чисто военные расходы»; путем увеличения вывоза и сокращения ввоза улучшить торговый баланс России. Все эти мероприятия были неплохи, но осуществить их царское правительство не могло. Оно было бессильно заставить союзников расширить финансовую помощь, которая и в прежнем объеме поддерживалась с трудом путем того же вывоза золота. Абсолютно бесполезно было правительство и в увеличении экспорта. Единственно, что можно было сделать, это уменьшить военные заказы и «прекратить или сократить до минимума» высылку золота за границу. В этом последнем желании Комитет финансов был единодушен, но и в то же время бессилён.

Министр финансов доложил Комитету о заявлении, которое он сделал английскому правительству, «что понижение нашего золотого запаса внутри страны ниже одного миллиарда рублей недопустимо, и посему великобританское правительство не должно рассчитывать на дальнейшую высылку звонкого металла сверх 200 млн. ф. ст., обусловленных новым соглашением». С этим предложением Англия согласилась, но совсем отказаться от высылки золота не удалось. В цитированной уже выше записке Сабуров предлагал обсудить меры, которые могли бы «несколько смягчить пагубные последствия ожидаемого бумажного кризиса... и не идти на экономическую катастрофу с завязанными глазами»¹⁶⁵.

Сабуров ошибался, считая, что катастрофа разразится только в конце войны, в момент перехода к мирным условиям. Через несколько месяцев она уже проявилась целиком, и не только в форме дезорганизации денежного обращения, но и как общий результат развала всего хозяйственного организма страны. Комитет финансов, обсудив записку Сабурова и выслушав объяснения министра финансов, «не признал необходимым принятие каких-либо новых чрезвычайных мер по денежному обращению». Комитет одобрил «решительное заявление» министра финансов в отношении высылки золота и высказал пожелание, чтобы новых высылок золота, «сверх обещанных по настоящее время», правительство не производило.

¹⁶⁵ В журнале это место записки изложено в более «мягкой» редакции: «...и облегчить возврат к правильному денежному обращению». Нет никакого упоминания об экономической катастрофе.

Бумажные деньги и займы вполне, по мнению финансовых мудрецов, обеспечивали потребности казначейства. Всякое предложение об изыскании новых финансовых источников и об изменении формы займов проваливалось. Министерство финансов выступило, например, против монополии правительства на ряд предметов потребления. Однако изменение технических приемов финансирования войны не могло бы спасти положение или даже несколько улучшить его, так как финансовые мероприятия правительства, по оценке финансиста Гурьева, «одинаково обанкротились». Финансовая катастрофа была вызвана не революцией, а империалистической войной. Она наступила уже в 1916 г., а углублялась и расширялась после свержения царизма, при Временном правительстве.

За время войны долг государства колоссально вырос. К 1 января 1914 г. он равнялся 8824,5 млн. руб., а уже к 1 января 1917 г. составлял 33,58 млрд. руб. За два с половиной года войны государственная задолженность увеличилась в четыре раза. Одни проценты по займам должны были поглотить не менее половины довоенного бюджета. Уже царское правительство сделало громадный шаг вперед по пути усиления своей экономической зависимости.

Во время войны проценты платились путем выпуска новых долговых обязательств в России и за границей или путем переучета краткосрочных обязательств казначейства. Это обстоятельство отзывалось на росте долга. Но после войны должен был прийти час расплаты. Для России, для русского рабочего и крестьянина были бы одинаково тяжелы любые последствия империалистической войны. На их плечи легло бы тяжелейшее бремя империалистической кабалы на длинный ряд лет.

Перед Февральской революцией буржуазия не скрывала своих намерений. Она проявляла особый интерес к вопросам финансовой политики правительства. Все чаще и чаще буржуазия «с пристрастием» допрашивала представителей правительства о финансовой политике «мирного» времени, которое наступит после войны. Буржуазия и правительство были единодушны в том, что никакой девальвации валюты производить не следует, что союзники помогут укрепить разрушенную валюту. Уж очень хотелось буржуазии военные миллиарды «бумажных» сверхприбылей реализовать звонкой монетой. Но что значит отказаться от девальвации? Это значит обесценившийся в 8—10 раз бумажный рубль оплатить полноценным рублем за счет рабочих и крестьян. Ни буржуазия, ни самодержавие не дожили до этого «золотого времени».

5. БАНКИ И ПРАВИТЕЛЬСТВО

Рост акционерных банков накануне войны

Промышленный подъем в России накануне первой мировой войны, рост монополий и концентрация производства происходили при активном участии акционерных банков, роль и значение которых во всей экономике страны именно в эти годы неимоверно выросли. Не только в области денежного обращения и кредита, но и в промышленности банки заняли командные позиции. Развитие финансового капитала в стране и образование монополий происходило на базе быстрого и мощного роста внутреннего накопления, однако и при активном участии иностранного капитала, который в XX в. избрал банки особой сферой своих вложений.

За десятилетие до начала первой мировой войны (1904—1913 гг.) в России было размещено ценных бумаг на 6,7 млрд. руб. и за границей — на 3235,7 млн. руб.¹⁶⁶ Это соотношение между русским денежным рынком и заграничным особенно заметно изменилось в пользу России в последнее пятилетие. Банки «индустриализировали психологию капиталистов и этим создали приток капиталов в русскую промышленность»¹⁶⁷, — писали деятели банков.

Другим показателем роста внутреннего накопления в стране являлся значительный приток вкладов во все звенья банковской и кредитной системы. На 1 января 1914 г. они достигали 3646,2 млн. руб., из которых более 70% приходилось на долю акционерных банков (свыше 2,5 млрд. руб.). Эти вклады увеличились за 6 лет на 130%. Историк русских банков отмечает, что такого темпа прироста вкладов «не было почти ни в одной стране»¹⁶⁸. Собственные капиталы акционерных банков достигли суммы 836,5 млн. руб., а вклады и текущие счета превышали 2,5 млрд. руб.¹⁶⁹. На каждый рубль своих капита-

¹⁶⁶ «О желательных изменениях в постановке акционерно-банковского дела в России», изд. Комитета съездов представителей акционерных банков. Пг., 1917, стр. 42; И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М., 1948, стр. 171. Имеются незначительные расхождения в итоговых цифрах.

¹⁶⁷ «О желательных изменениях...», стр. 41—42.

¹⁶⁸ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 173. Эти данные Гиндина сходятся с данными Совета съездов акционерных банков, который также определял прирост вкладов и текущих счетов с 1 января 1909 г. по 1 января 1914 г. в сумме 1316,5 млн. руб., т. е. «свыше 130%» («О желательных изменениях...», стр. 30—31).

¹⁶⁹ «О желательных изменениях...», стр. 30. В данном случае указана цифра всех капиталов банков; их основные капиталы на 1 января 1914 г. составили 581,2 млн. руб. См. С. Ронин. Иностраный капитал и русские банки. М., 1926, стр. 112. Все виды вкладов, кроме казначейских, включая

лов банки имели больше 3 рублей заемных, что увеличивало их экономическую силу.

Перед мировой войной в России было 47 акционерных банков, имевших 744 отделения¹⁷⁰. Кроме того, Государственный банк имел 136 отделений. Еще более разветвленной была сеть обществ взаимного кредита — 1108 точек. Значительно выросла сеть городских банков. В целом сеть кредитных учреждений на периферии за несколько лет удвоилась, что способствовало мобилизации денежных средств. Банки представляли в наиболее яркой форме мощную силу капитала в эпоху империализма.

Процесс концентрации банковского капитала происходил «и у нас в России», писал министр финансов, хотя и не в такой значительной форме, как во Франции и Германии. Несмотря на значительный рост числа отделений, количество банков в России «возросло очень мало», и их рост в основном происходил за счет открытия «новых провинциальных банков, незначительных по своим размерам, или акционирования крупных банкирских домов»¹⁷¹. Что касается крупнейших банков, то их число «не увеличивается, скорее наоборот», — писал министр финансов Барк¹⁷².

Ряд крупных банков образовался из слияния более мелких. Так, из Русско-Китайского и Северного банков образовался крупнейший банк страны Русско-Азиатский, тесно связанный с французским капиталом. Из трех бывших Поляковских банков образовался Соединенный банк в Москве. Характерно, что Министерство финансов воспрепятствовало наметившимся новым слияниям. Тем не менее, благодаря концентрации банковского капитала, еще более значительной, чем концентрация промышленности, решающее значение приобрела небольшая группа привилегированных петербургских банков. 7 крупнейших банков страны имели 52% основных капиталов. Каждый из этих банков располагал свыше 30 млн. руб. основных капиталов. В общем средний капитал одного петербургского банка был свыше чем в два раза больше Московского банка и в 7 раз более капиталов провинциальных банков. Характерно, что удельный вес капиталов всех групп банков, кроме крупнейших, сократился, а капиталы банков-гигантов удвоились

сберегательные кассы, учреждения мелкого кредита Гиндин определяет на 1 января 1914 г. в 5731 млн. руб.

¹⁷⁰ М. С. Атлас. Указ. соч., стр. 13; С. Ронин. Указ. соч., стр. 204.

¹⁷¹ За 10 лет, с 1905 по 1915 г., число банков возросло с 39 по 53, а в предыдущее десятилетие — только на один.

¹⁷² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 344, лл. 13—34. Характеристика развития банков дана Барком в связи с представлением в Совет Министров предложений о расширении правительственного надзора над банками и относится к довоенному времени.

Причем число этих банков (с капиталом свыше 30 млн. руб.) увеличилось с 2 до 7¹⁷³.

Деятельность петербургских банков имела определяющее значение для промышленности. Именно их имел в виду министр финансов, когда писал, что сила крупнейших банков дает им «полное господство» и может делать их «вершителями дела в промышленности и торговле». Это признание министра финансов чрезвычайно знаменательно и является неплохой иллюстрацией к ленинскому положению о силе финансового капитала. Хотя количество провинциальных банков и было велико по численности, но объем их капиталов был невелик, а вклады составляли немного более 9% от общей суммы депозитов акционерных банков.

Громадна была роль Государственного банка, являвшегося самым крупным банком страны. Его сила и мощь в основном заключалась в том, что он распоряжался большими средствами казны, которые составляли три четверти всех пассивов банка (951 млн. руб. из 1283,2 млн. руб.)¹⁷⁴. Деятельность Государственного банка развивалась в двух направлениях: в кредитовании хозяйства, хлебной торговли, металлургии и золотой промышленности и в кредитовании других акционерных банков. Государственный банк все более становился «банком банков». Он очень широко оказывал финансовую поддержку банкам, которая шла так далеко, что И. Ф. Гиндин пришел к выводу о том, что благодаря политике Государственного банка финансовый капитал в лице крупнейших банков еще до первой мировой войны срачивался с государственной властью¹⁷⁵. Кредиты частных банков, полученные в Государственном банке, достигали почти полумиллиарда рублей (488 млн.). Эта сумма не была стабильна и часто изменялась. Накануне войны кредиты Государственного банка частным выросли почти до 755 млн. руб. Хотя Комитет финансов в своих решениях и порицал частные банки за спекуляцию, но отказывался от контроля за расходованием банками полученных от казны средств. Государственные кредиты сильно способствовали спекуляции банков с негарантированными ценностями, объем операций с которыми достигал 1,6 млрд. руб.

Под руководством Государственного банка был организован синдикат банков для борьбы с понижением курса ценных бумаг. Эта сторона деятельности Государственного банка

¹⁷³ М. С. Атлас. Указ. соч., стр. 7. Характеристику акционерных банков России накануне первой мировой войны см. также в цит. книге И. Ф. Гиндина, стр. 153—218.

¹⁷⁴ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 187; М. С. Атлас. Указ. соч., стр. 14—16.

¹⁷⁵ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 195—196, 201.

хорошо раскрыта в журналах Комитета финансов за предвоенные годы, а также в специальной докладной записке министра финансов, посвященной обзору денежных кризисов¹⁷⁶. В трудную минуту Государственный банк приходил на помощь банкам и делал он это не по указке иностранных финансовых воротил, как думал Ронин, а потому, что финансовые потрясения могли повести к хозяйственным трудностям, к гонижению курсов ценных бумаг и к общезкономическому кризису.

Хотя образование монополий в промышленности было подоготовлено ростом концентрации производства, процесс возникновения крупнейших из них проходил при активном и ближайшем участии банков. Господствующим видом промышленной монополии в России был синдикат, сосредоточивавший в своих руках сбыт готовой продукции. Всего в промышленности действовало до 200 монополистических организаций. Накануне войны цены на металл, уголь, нефть были искусственно вздуты, а производство задерживалось, вследствие чего приходилось ввозить уголь и металл из-за границы. Такие синдикаты, как «Продамет», «Продуголь», тресты в судостроительной промышленности и в легкой (табак) возникали при руководящей роли банковского капитала. Банки проводили реорганизацию промышленных предприятий, обеспечивали реализацию новых акций, присваивая себе львиную долю сверхприбылей. В широком масштабе происходило сращивание банковского капитала с промышленностью и подчинение последней финансовому капиталу.

Ведущие позиции заняли в промышленности крупнейшие банки страны: Русско-Азиатский, Петербургский Международный, Азовско-Донской, Русский торгово-промышленный, тесно связанные с международным капиталом. Международный и Азовско-Донской банки были связаны с южной металлургией и отчасти с угольной промышленностью. Русско-Азиатский и тот же Международный банки имели большие вложения капиталов в транспортном машиностроении, машиностроении вообще и в судостроении.

Нефтяная промышленность была связана с большой группой банков. Одни из них (Азовско-Донской, Волжско-Камский) поддерживали Нобеля, другая группа банков во главе с Русско-Азиатским и Международным создали «Русскую генеральную нефтяную корпорацию», а третья группа банков была связана с Англо-Голландским концерном «Шелл» (Сибирский банк и др).

¹⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 19, д. 95, лл. 1—6. О финансовых и биржевых кризисах; ф. 563, оп. 2, д. 501. Доклад министра финансов о состоянии денежного рынка к началу 1913 г.; ф. 563, оп. 2, д. 512, лл. 1—20. Журнал Комитета финансов от 14 марта 1914 г.

Промышленность в Польше и Прибалтике находилась под контролем местных банков с сильным участием немецких капиталов. При активной роли банков были монополизированы такие отрасли промышленности, как сахарная, табачная, стекольная, цементная.

Текстильная промышленность оставалась вне влияния крупнейших петербургских банков, будучи связана с местными и московскими банками.

Конечно, были отдельные случаи другого рода, когда промышленники и торговцы подчиняли себе отдельные банки, но общая закономерность была иной — банковский капитал доминировал и ему принадлежала руководящая роль в развитии крупной промышленности, в частности судостроения и военной промышленности. Так, пять крупнейших банков страны были предоставлены в 220 промышленных, транспортных и иных предприятиях страны¹⁷⁷. Директоры крупнейших банков А. Путилов, А. Вышнеградский, Я. Утин и другие представляли и председательствовали иногда в десятках крупнейших правлений промышленных обществ. Такой колоритной фигурой являлся А. И. Путилов — директор правления Московско-Казанской ж. д., Общества Путиловских заводов и еще десятков других крупнейших предприятий.

Характерной чертой русской банковской системы является не только ее тесное переплетение с правительственным аппаратом (личная уния), на который некоторые магнаты финансового капитала брюзжали, но и сильная зависимость ее от иностранного капитала. Иностраный капитал начал с притока в промышленность, но в XX в., в эпоху империализма, произошло большое вложение иностранных капиталов в банки. Из этого факта ряд историков и экономистов — Крицман, Ваннаг, Ронин — делали неправильные выводы, сводящиеся на деле к отрицанию национальной системы финансового капитала в России. Они превращали финансовый капитал России и всю систему империализма в России в придаток империалистических систем крупнейших стран Западной Европы. М. Н. Покровский оценил эти взгляды как крупнейшее достижение марксистской науки. По мнению, например, С. Ронина, европейский финансовый капитал «прочно овладел русской банковской системой»¹⁷⁸, и Министерство финансов не только не

¹⁷⁷ И. Ф. Гиндин. Указ. соч., стр. 360. Эти банки следующие: Русско-Азиатской, Петербургский Международный, Азовско-Донской, Русский для внешней торговли и Русский Торгово-промышленный.

¹⁷⁸ С. Ронин. Указ. соч., стр. 106 и 93. Основанием крайних выводов Ронину служили расчеты Оля и его собственные об удельном весе иностранных капиталов в банках. Эти расчеты повторены М. С. Атлас в ее книге, но без крайних выводов С. Ронина. На 680 млн. руб. основных капиталов на 1 января 1917 г. иностранных было 237,2 млн. руб. или 34,9%

противодействовало подчинению русских банков иностранному капиталу, «но, наоборот, всемерно этому содействовало»¹⁷⁹. Чем же оно содействовало? Оказывается тем, что давало русским банкам фактическую, а иногда и формальную гарантию при получении кредита за границей или внутри страны.

Преувеличение степени зависимости русского финансового капитала и банковской системы от заграницы является столь же опасным, как и недооценка этой зависимости. Такие экономисты, как Л. Я. Эвентов¹⁸⁰ или И. Ф. Гиндин, избежали односторонних преувеличений, свойственных Крицману, Ванату и Ронину, и отбросили их. Вместе с тем Эвентов очень тонко заметил, что теория денационализации иностранных капиталов неверна, так как иностранные денежные биржи в совокупности превосходили по своему значению Петербургскую биржу; с другой стороны, он отметил, что несмотря на рост внутреннего накопления, роль иностранного денежного рынка в отношении промышленных бумаг не сокращалась, а, следовательно, не падала роль иностранного капитала в промышленных предприятиях¹⁸¹. Не снижалась она и в банках и в банковской системе, причем в промышленности преобладающую роль играли франко-англо-бельгийские капиталы. Доля немецких капиталов была также значительна, но она намного уступала доле конкурентов. Так как иностранный капитал в значительной мере действовал в сфере производства, то он оказывал сильное воздействие на экономику страны. Но зависимость русской финансовой системы и царизма не подходит под характеристику полукOLONиальной. Россия включалась В. И. Лениным в число трех первоклассных, но не вполне самостоятельных держав, наряду с Японией и Францией. Иностранные капиталы, вложенные в промышленность и банки, тормозили экономическое развитие страны и помогали царизму сохранить союу власть.

Банковский капитал на службе войны

В период первой мировой войны значение деятельности банков еще более выросло. Этому способствовал значительный рост вкладов, в связи с переполнением каналов обращения бумажными деньгами. За счет огромных прибылей увеличивались и собственные капиталы банков, их запасные ка-

---

от всех основных капиталов банков. 47,6% иностранных вложений принадлежали Франции, 35,7% — Германии, 10,9% — Англии и 4,8% приходилось на долю Бельгии, Австрии и Голландии.

¹⁷⁹ Там же, стр. 10.

¹⁸⁰ Л. Я. Эвентов. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.—Л., 1931, стр. 87 (глава XI. Итоги деятельности иностранного капитала).

¹⁸¹ Там же, стр. 89.

питалы и всякого рода страховые отчисления. Только за один 1916 год основной капитал коммерческих банков увеличился почти на 100 млн. руб. и достиг на 1 января 1917 г. суммы 680 млн. руб.¹⁸² Этот рост капиталов происходил главным образом за счет банков-монополистов. Основной капитал Петроградского Международного банка, например, увеличился за 1916—1917 гг. на 25 млн. руб. Капитал Азовско-Донского банка был увеличен к 1 января 1917 г. на 10 млн. руб. и достиг 60 млн. руб., его запасный капитал увеличился до 30 млн. руб., особый резервный капитал — до 20 млн. руб. Таким образом, собственные капиталы банка достигли 110 млн. руб.¹⁸³ Русско-Азиатский банк на 1 сентября 1916 г. увеличил собственный капитал с 45 до 55 млн. руб., а запасный капитал — с 28,3 до 32 млн. руб.¹⁸⁴ Однако рост собственных капиталов был значительно меньше роста операций банков и прироста вкладов. Вклады Азовско-Донского банка в 1916 г. росли «почти вдвое интенсивнее», чем в предыдущий год. Они увеличились за 1916 г. на 226,6 млн. руб., а общий баланс вырос на 67%. Чистая прибыль Азовско-Донского банка в 1916 г. удвоилась по сравнению с 1915 г. и достигла огромной суммы в 19257 тыс. руб., из которых были распределены лишь 10 млн. руб.¹⁸⁵ Очень характерны источники прибыли банка. Основным источником их явилась чисто спекулятивная деятельность с ценными бумагами, почти непрерывное повышение их цен, что дало банку около 6,8 млн. руб., немного меньше дала комиссионная деятельность банка, также включавшая спекулятивные операции (6,3 млн. руб.). Более скромную цифру дохода банк получил на разнице в процентах от использования вкладов — 2,9 млн. руб. с лишком¹⁸⁶.

Капиталы 8 крупнейших банков составляли на 1 января 1917 г. уже 56% всех основных капиталов коммерческих банков¹⁸⁷. По расчетам М. С. Атлас, депозиты, т. е. вклады

¹⁸² М. С. Атлас. Указ. соч., стр. 32.

¹⁸³ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 1, док. № 41. Доклад правления Азовско-Донского банка общему собранию акционеров. К концу 1916 г. был произведен новый выпуск акций на 19 млн. руб., из которых только 10 млн. руб. были зачислены в складочный капитал, а остальные — в запас. Характерно, что две трети акций (25 586) были размещены в России, а менее одной трети (11 196) — во Франции.

¹⁸⁴ Там же, док. № 51. Из отчета инспектора Государственного банка И. И. Перхоровича, обследовавшего операции Русско-Азиатского банка.

¹⁸⁵ Там же, док. № 41. Доклад правления Азовско-Донского банка.

¹⁸⁶ Там же. По-видимому, высокая доходность Азовско-Донского банка — не исключение. 7 московских банков получили в 1916 г. 30,1 млн. руб. прибыли вместо 14,1 млн. руб. в 1915 г., т. е. более чем удвоили ее, а Союзинский банк получил 314% прибыли по сравнению с 1915 г. (там же, док. № 41; «Социал-демократ», 22 июля 1917 г.).

¹⁸⁷ М. С. Атлас. Указ. соч., стр. 32.

акционерных банков, только за два года войны — с 1 января 1915 г. по 1 января 1917 г. — выросли на 360% и достигли огромной цифры в 6747,5 млн. руб. По признанию самих банковских воротил, средства банков увеличились до Февральской революции на сумму приблизительно в 5800 млн. руб. Это дало возможность банкам развить широкую предпринимательскую деятельность во всех областях экономики. Как признают сами руководители акционерных банков, роль последних в финансировании промышленности значительно выросла и считалась в 1917 г. «основной»¹⁸⁸. Многочисленные примеры предпринимательской деятельности банков в области промышленности приведены в работах М. С. Атлас и И. Ф. Гиндина. Много новых и неизвестных фактов сохранилось в архивах банков. Банки скупали контрольные пакеты промышленных предприятий, а с 1915 г. широко занялись новым промышленным учредительством. Банки приняли самое энергичное участие в размещении промышленных ценных бумаг, в предоставлении предприятиям кредита, в выпуске их акционерного и облигационного капиталов, в долгосрочных ссудах предприятиям. Банки широко применяли практику гарантий казне выдававшихся ею залоговых сумм предприятиям, причем на этом деле загребали огромные барыши, отбирая у предприятий большую часть их военной сверхприбыли, заставляли предприятия положить полученные авансы на текущий счет банка, по которому платили низкий процент, а за выданные в кредит деньги брали высокий процент.

По признанию руководителей Совета съездов акционерных банков, сделанному в 1917 году, уже после Февральской революции «коммерческие банки стоят в самом центре современной хозяйственной жизни, *правильнее сказать, — во главе ее*; они выполняют важную функцию, концентрируя, организуя и направляя денежный капитал туда, где из пассивного он становится активным»¹⁸⁹. В результате новейших изысканий И. Ф. Гиндина и Е. Л. Шепелева установлено, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции год контролем или влиянием банков находились 463 предприятия с акционерным капиталом в 2155 млн. руб. По численности это составляло около одной пятой части акционерных обществ, но капитал этих предприятий составлял 44% капиталов всех акционерных предприятий. Характерно, что почти половина акционерных предприятий (229), на долю которых приходилось $\frac{2}{3}$ акционерных обществ, подконтрольных банкам (1428 млн. руб.), приходилось на долю тяжелой промышленности. Эти

¹⁸⁸ «О желательных изменениях...», стр. 39.

¹⁸⁹ Там же, стр. 50 (Курсив наш. — А. С.).

данные показывают, что излюбленной сферой интересов банков являлись предприятия, наиболее тесно связанные с работой на войну¹⁹⁰.

В легкой промышленности позиция банковского капитала усилилась в сахарной, где почти все рафинадные заводы были подчинены банковской группе Ярошинского, позиции которого были сильны в двух важных банках¹⁹¹, или другим банкам. В области текстильной промышленности банки целиком захватили в свои руки торговлю хлопком. Однако основное внимание они обращали не на новое учредительство, а на расширение старых предприятий, загруженных военными заказами.

Больше всего спекулятивной деятельностью занимался Русско-Азиатский банк, под влиянием которого находилось 163 промышленных предприятий и железнодорожных обществ, с капиталом почти в 1 млрд. руб.¹⁹². Вслед за ними шли Петроградский Международный и Азовско-Донской банки, связанные с 137 предприятиями с капиталами около 870 млн. руб. Но в конечном итоге деятельность банков, приведшая к огромному росту их богатства, была подчинена интересам войны и интересам правительства, которое вело эту войну.

Банки активно участвовали в размещении государственных займов, принимали к оплате краткосрочные обязательства казны, которых на 1 января 1917 г. накопилось в портфеле только петроградских банков более чем на 1,2 млрд. руб. На 1 января 1917 г. портфель собственных ценных бумаг банков и кредиты под бумаги, гарантированные правительством, составили огромную сумму в 2369,4 млн. руб. против 371,2 млн. руб. на 1 января 1914 г., т. е. они выросли более чем в 6 раз¹⁹³. Банки, далее, размещали железнодорожный заем, выдавали кредиты промышленным предприятиям, размер которых колебался от 1,2 до 1,5 млрд. руб., выдавали городам и земствам кредиты на продовольствие, финансировали заграничные покупки, сами пользовались финансовой поддержкой государства в иностранной валюте и т. д. Короче говоря, банки самым активным образом участвовали в организации военного хозяйства страны. При участии и финансовой поддержке банков правительство мобилизовало промышленность, размещало займы, снабжало фронт оружием и продовольствием. Один из виднейших представителей финансовой верхушки и ру-

¹⁹⁰ И. Гиндин и Е. Шепелев. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции.— «Исторические записки», т. 66, стр. 44—46. Табл. 1 и 2.

¹⁹¹ Русский торгово-промышленный и Русский для внешней торговли.

¹⁹² Эти данные включают и железнодорожные предприятия. Правительственные ревизоры говорили о кредитовании банком только 100 промышленных предприятий.

¹⁹³ М. С. Атлас. Указ. соч., стр. 28—29.

ководитель Совета съездов банков — А. И. Вышнеградский считал, что не государственные авансы, а банковский кредит помог промышленникам развить свою работу на оборону, истратить почти 1 млрд. руб. на станки и оборудование, на покупки материалов и т. д. По его словам, «по крайней мере $\frac{3}{4}$ каждого баланса (банка.— А. С.) заполнены кредитами предприятий, работающих прямо или косвенно на оборону, и государственными фондами»¹⁹⁴.

В другой работе Совет съездов акционерных банков заявлял, что акционерные банки дали правительству 9 млрд. руб., что составляло почти 45% всех средств, истраченных на войну (не считая заграничных заказов)¹⁹⁵. Эти данные приведены также в докладе правления Азовско-Донского банка в апреле 1917 г.¹⁹⁶ Следовательно, финансирование военных расходов казны стало главной сферой деятельности банков. Инфляция способствовала отливу капиталов из сферы производства в сферу обращения, в ценные бумаги и спекулятивную торговлю товарами¹⁹⁷.

Банки, как правильно отмечает М. С. Атлас, превратились в одну из самых активных сил, «толкнувших страну к голоду и разрухе». Банки стояли в центре спекулятивной деятельности: они скупали сахар, продовольствие, кожи и продавали эти товары по вздутым ценам. В первый год войны банки продали 21,4 млн. пудов сахара, или свыше одной четверти его производства¹⁹⁸. В 1915—1916 гг. только 4 банка — Петроградский Международный, Русский для внешней торговли, Соединенный и Русский торгово-промышленный — закупили 15,3 млн. пудов сахара¹⁹⁹.

Правительственные инспекторы, ревизовавшие в 1916 г. деятельность банков, отмечали участие последних в спекуляции, в перепродаже товаров, в кредитовании крупных спекулянтов-комиссионеров²⁰⁰. Они же привели много примеров усиления зависимости предприятий от банков. Так, Русско-

¹⁹⁴ «Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. 1 июля 1916 г.— 1 января 1918 г.». Пг., 1918, стр. 56—57.

¹⁹⁵ «О желательных изменениях...», стр. 49.

¹⁹⁶ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 1, док. № 41.

¹⁹⁷ С. Механик. Финансово-кредитные проблемы в период национализации промышленности в СССР. М., Госфиниздат, 1957, стр. 63.

¹⁹⁸ К вопросу о ревизии банков и ликвидации немецкого владения — ЦГИАЛ, ф. 369, оп. 4, д. 2, лл. 222—229. Докладная записка «Общества 1914 года». Общество ставило своей задачей борьбу с немецким засильем, но в шовинистическом порыве оно всюду видело только немецкий капитал.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 1, стр. 110—111. Отчет Перхоровича о деятельности Русско-Азиатского банка.

Азиатский банк кредитовал, по мнению ревизоров, около 100 предприятий, причем размер кредита иногда превышал 20 млн. руб. на одно предприятие. Инспекторы отмечали, что чем больше задолженность банку, «тем глубже, сильнее и разностороннее подчиненность банку»²⁰¹. Часто засилье банка привело к тому, что оставалась лишь «видимость самостоятельного существования, между тем как все назначение, вся задача такого предприятия *всецело служат интересам банка*, для чего предприятие... является ширмой, подставным юридическим лицом банка»²⁰².

Обследование Русского для внешней торговли банка²⁰³ показало связи банка и членов его руководства с промышленными предприятиями, а также его участие в товарных операциях. Банк сам создал ряд синдикатов, которые занимались отдельными предприятиями (Московский металлический завод, Александровский сахарный завод и др.), кроме того, он участвовал в синдикатах, организованных другими банками. Банк занимался комиссионной торговлей и спекуляцией хлопком. Под хлопок банк выдавал многомиллионные ссуды. Московское отделение банка продало в 1915—1916 гг. 5174 вагона хлопка на сумму свыше 50 млн. руб. Банк также занимался комиссионной перепродажей сахарного песка и рафинада, получая огромные прибыли. На продаже только 223 тыс. пудов рафинада банк «заработал» свыше 183,6 тыс. руб. чистой прибыли.

Азовско-Донской коммерческий банк увеличил основной капитал на 10 млн. руб. (к 1 января 1917 г.), или на 20%, а баланс его операций на 1 октября 1916 г. вырос более чем в 2 раза (на 111,2%)²⁰⁴, объем вкладов вырос еще более — на 118%, хотя на эту же дату «складочный и запасный капиталы банка остались на прежнем уровне». В области товарных операций деятельность банка немного увеличилась (на 9%) по сравнению с довоенным периодом, зато его деятельность значительно расширилась в области финансирования и создания торгово-промышленных предприятий.

Сфера интересов банка — довольно широкая. Он занимался камешноугольными копиями, железными дорогами, цементными предприятиями и т. д. Некоторые предприятия (например, Азовская угольная компания и др.) фактически принадлежали

²⁰¹ Там же, стр. 110.

²⁰² Там же. (Курсив наш.— А. С.).

²⁰³ Там же, стр. 114—126. Председатель правления банка Давыдов, члены Совета А. Ю. Добрый и другие являлись одновременно председателями правлений многих обществ, зависимых от банка (там же, стр. 116—117).

²⁰⁴ Там же, стр. 127. Чистая прибыль банка в 1915 г. достигла 9,4 млн. руб против 7,5 млн. руб. в 1914 г.

банку и возглавлялись директором последнего (Б. А. Каменка). В Русском обществе вывозной торговли банку принадлежало 85% акций. Задолженность некоторых предприятий банку превышала их основной капитал. Приведа еще ряд примеров, показывающих влияние банка на железные дороги, сахарные предприятия, акционерное общество «Любсрад», единственным акционером которого являлся Азовско-Донской банк, ревизор банка делает вполне обоснованный вывод о том, что по отношению к некоторым предприятиям «банк является в сущности их полномочным хозяином»²⁰⁵. В сущности деятельность каждого крупного банка подтверждает рост силы банковского капитала, усиление его позиций в промышленности.

О размерах спекулятивной деятельности Азовско-Донского банка с товарами показывает тот факт, что управляющий товарным отделом Московской конторы банка получил за год тантъемы свыше 80 тыс. руб. при годовой прибыли отдела в 530,7 тыс. руб.²⁰⁶

Все виды коммерческого кредита банки использовали для наживы. Они обогащались на размещении государственных займов, на кредитовании промышленности и новом учредительстве, на посреднических операциях и выдаче гарантийных писем. Так как последняя операция затрагивала собственно карман казны и сказывалась на выполнении предприятиями военных поставок, под которые выдавались авансы в размере от одной до двух третей суммы заказа, то прежде всего Министерство финансов обратило внимание на эту область деятельности банков. Особенная канцелярия по кредитной части произвела обследование деятельности банков в части выдачи поручительских писем по авансам поставщикам и подрядчикам. Ревизия показала, что в этом деле банки допускали полный произвол и грабеж предприятий, вынужденных обращаться к ним за поддержкой. В правительственном документе мягко говорится, «что *многими* кредитными учреждениями дело это ведется не вполне соответственно сущности самой операции и на условиях, кои не могут быть признаны нормальными»²⁰⁷. В чем же заключались нарушения банков? Оказывается, они не проводили «должной границы» между собственно выдачей гарантий и кредитованием этих же лиц и предприятий.

²⁰⁵ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 1, стр. 137.

²⁰⁶ Там же, стр. 145.

²⁰⁷ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 49, лл. 1—4. Циркулярное письмо Особенной канцелярии по кредитной части правлениям акционерных коммерческих банков от 5 января 1916 г. Размер гарантий банков был ограничен $\frac{2}{3}$ их собственных капиталов. Гарантийные операции велись, по признанию Министерства финансов, «далеко небезупречно».

Министерство финансов считало вполне законным взимание вознаграждения за риск, которому банк подвергается при выдаче гарантийного письма. Но оно настаивало на том, чтобы банки не стесняли свободы поставщиков пользоваться тем авансом, который они получали от казны; поставщик, получивший аванс, должен иметь возможность использовать его по своему усмотрению. В действительности же этого, конечно, не было.

Как установило Министерство финансов, «некоторые банки, занося авансовые суммы на особый счет, блокируют их и открывают получившим авансы предприятиям кредит, обеспечением коего служат, между прочим, означенные заблокированные суммы»²⁰⁸. Как правило, полученный предприятием аванс вносился в банк и за него банк платил небольшой процент (текущий счет), а вкладчику выдавал деньги — открывал кредит, за которые платился повышенный процент. Или, как признавала Особенная канцелярия по кредитной части, «клиент уплачивает известный процент за пользование в сущности *своими же деньгами*, что влечет за собой значительное удорожание заказа или поставки и в конечном результате ложится на средства государственного казначейства»²⁰⁹. Самый же аванс превращается в банковый вклад, который клиент принудительно обязан делать. Таков был произвол банков, с которыми поставщики вынуждены были мириться, стараясь переложить на государственный карман все указанные переплаты. Операциями с гарантийными письмами, по заявлению Вышнеградского, занимались не все банки, но не менее половины, «а, может быть, и $\frac{2}{3}$ общего количества всех банков»²¹⁰. Сумма этих операций летом 1916 г. определялась в 300 млн. руб.²¹¹

Гарантийные письма оказались очень удобным способом наживы за счет грабежа государственной казны, фактически не требовавшим от банков никаких средств. Многие банки, не используя все предоставленные возможности, перепродавали свою долю гарантий другим, более сильным банкам, получая с них вознаграждение. Из протоколов Русско-Азиатского банка видно, что он скупал право гарантии у других банков. Уже 6 ноября 1914 г. правление Русско-Азиатского банка постановило взять у Соединенного банка гарантий на 20 млн. руб., уплачивая ему комиссию в размере $\frac{3}{4}\%$ ²¹². Подобные случаи на протяжении 1914—1915 гг. имели место и в других банках.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ «Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов», стр. 57 (из речи Вышнеградского на III съезде коммерческих банков).

²¹¹ Там же.

²¹² ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, 1914—1917 гг., д. 19, лл. 1—3.

13 ноября 1914 г. правление того же Русско-Азиатского банка взяло на 2 млн. руб. гарантийных писем от Петроградского торгового банка, уплачивая ему комиссию в размере от $\frac{5}{8}$ до 1%. Одновременно было взято более чем на 2,5 млн. руб. гарантийных писем у Ростовского-на-Дону купеческого банка, также с комиссионным вознаграждением. Иногда Русско-Азиатский банк выдавал гарантии «в половине» с другими, например, с Частным банком, делясь с ним комиссионным вознаграждением, но иногда все задаточные деньги поступали целиком Русско-Азиатскому банку²¹³.

Чиновник Государственного банка, обследовавший деятельность Русско-Азиатского банка, пришел к выводу, что эта «безденежная» операция «в то же время представляется для банка «хлебной» операцией, давая от 4 до 6% годовых, иногда даже со взиманием процентов за год вперед»²¹⁴. Тот же банк только за первый год войны выдал таких гарантий на 48 млн. руб.²¹⁵, а к 1 сентября 1916 г. таких гарантий оставалось на 25,2 млн. руб. В том же документе приводятся данные о том, что за счет других банков Русско-Азиатский банк выдал гарантий на сумму 38 млн. руб., причем ими пользовались крупнейшие предприятия Петрограда.

Знакомство с протоколами банка показывает, что вознаграждение за гарантию банк брал различное, но не менее 2% годовых с суммы гарантии за год вперед. Другим предприятиям гарантия стоила 3 и даже 4%. Точно также различен был и процент, который банк выплачивал за задаточные деньги, поступавшие на счет банка. Очень дорого банк брал за гарантию с таких предприятий, как об-во «Вестингауз» (обычно 4%), Путиловский завод (4%), Русско-Балтийский завод, Невский судостроительный, Русское общество для изготовления снарядов (обычно $3\frac{1}{2}\%$) и др. По-видимому, чем сильнее была зависимость предприятия от банка, тем бесцеремоннее и грубее поступал банк, снимая в свою пользу большую часть сверхприбылей и распоряжаясь задаточными деньгами за очень низкий процент. Следовательно, гарантии являлись не только средством наживы банка, но и важнейшим орудием подчинения предприятий своему влиянию. Особенно это относится к предприятиям, которые, находясь в финансовой зависимости от банка, регулярно пользовались гарантиями у этого же банка. Такие предприятия должны были мириться с

²¹³ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, 1914—1917 гг., д. 17, лл. 22—24. По протоколу правления от 19 февраля 1915 г. проходит несколько случаев выдачи гарантийных писем.

²¹⁴ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 1, стр. 109.

²¹⁵ Там же, стр. 108.

любым произволом банков. Министерство финансов угрожало банкам, которые будут продолжать подобную практику блокирования авансов, лишить их права впредь выдавать поручительства ²¹⁶.

Ревизия установила также «некоторые нежелательные явления» в вопросе вознаграждения, которые банки получали за поручительства. Установлено, что «некоторые банки» взимали четыре вида вознаграждения, из которых законной являлась лишь комиссия за выдачу гарантии и расходы по контролю за деятельностью поставщика. Помимо этих видов вознаграждений, банки часто получали процентное отчисление с чистой прибыли и комиссию с суммы оборота.

Изобретательность банков была достаточно хитроумной, чтобы большую часть прибыли поставщика, которую он получал на казенных поставках, оставить в карманах банков. Министерство финансов решило встать здесь на путь регламентации деятельности банков, признав законным вознаграждением комиссию с суммы фактически полученного аванса с момента действительного получения аванса, а не со времени соглашения банка с поставщиком, как обычно делалось. Остальные платежи банкам были признаны «необоснованными» ²¹⁷. Банки вынуждены были подчиниться этой директиве,

²¹⁵ В своем представлении в Совет министров 25 апреля 1916 г. «О расширении правительственного надзора над акционерными банками» министр финансов П. Барк вновь вынужден был рассмотреть вопрос о гарантийных операциях банков, практика которых опять получила вежливое осуждение. «Опыт показывает,— писал Барк,— что эти операции ведутся некоторыми из банков далеко небезупречно и в конечном результате приводят к удорожанию стоимости и к задержке в исполнении казенных заказов, из коих весьма большая часть имеет непосредственное отношение к государственной обороне... В некоторых случаях, однако, банки перешли границы (во взимании вознаграждения.— А. С.) и с одной стороны стали взимать значительное вознаграждение за свои услуги по гарантии, с другой — блокировали авансовые суммы на особом счету, кредитую под высокий процент из этих денег поставщиков казны. Вследствие этого поставщики казны должны были увеличить цены на суммы этих накладных и ничем не оправдываемых издержек, а банки получили возможность расширить за счет казны, беспроцентно или из очень низкого процента свои оборотные средства. Такое направление в производстве гарантийных операций не соответствует, конечно, государственным интересам, а равно и интересам промышленных предприятий, пользующихся авансами» (ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 344, лл. 19—34).

²¹⁷ В качестве обязательной директивы банкам предлагалось: «На основании приведенных соображений и в целях возможной ясности и простоты в расчетах по вознаграждению банков за выдачу поручительских писем было бы весьма желательно, чтобы впредь все вознаграждение банков числялось по двум отдельным категориям: 1) комиссионное вознаграждение в годовых процентах с суммы поручительства и 2) стоимость контрольных расходов соответственно действительной потребности в том для каждого отдельного случая» (ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, 1916 г., д. 49, лл. 1—4).

которая несколько ограничивала их аппетиты. 10 ноября 1916 г. Русско-Азиатский банк прислал в Особенную канцелярию по кредитной части список гарантийных писем, выданных с 1 января 1916 г. по июль месяц того же года. Общая сумма этих гарантийных писем сравнительно невелика — 10 млн. руб., преобладало комиссионное вознаграждение из 4 % годовых, а в некоторых случаях — 2¹/₂ % за три месяца гарантии ²¹⁸.

По-видимому, вмешательство Министерства финансов не дало ощутимых результатов, так как 25 апреля 1916 г. министерство вынуждено было внести в Совет министров представление «О расширении правительственного надзора над акционерными коммерческими банками» ²¹⁹. В представлении настойчиво проводится мысль о значительных связях деятельности банков с эмиссиями Государственного банка, а потому об «общегосударственном» значении деятельности банков и необходимости строгой охраны капиталов публики, которыми распоряжаются банки. Из этого делался вывод, что якобы невозможно одинаковое отношение государства к торгово-промышленным предприятиям и кредитным учреждениям; последние нуждаются в большей регламентации, в частности и потому, что, «сосредоточивая огромные капиталы, кредитные учреждения могут влиять в значительной степени на все экономические отношения страны, а, в частности, с особой силой на род и развитие торгово-промышленной жизни» ²²⁰. Больше того, записка министра финансов отмечает огромную силу капитала банков, которая может переходить «за границы чисто хозяйственной жизни и приобретать вес и в политическом отношении». Точка зрения министра финансов такова, что если бы банки не получали противодействия, то они могли бы стать «вершителями дела» не только в промышленности и торговле, но и в политической жизни страны.

Это откровенное признание Барка о силе банковского капитала не только в чисто экономической области, но и в решении политических вопросов, очень знаменательно. Правда, каких-либо конкретных фактов из опыта России, подтверждающих его мысль, Барк не привел, но его вывод — правильный и является иллюстрацией к мысли В. И. Ленина об усилении роли банковского капитала в России. «...Слияние банкового и

²¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, 1916 г., д. 49, лл. 6—7.

²¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 344, лл. 19—34. Это очень большой документ, содержащий, в частности, обширный фактический материал о деятельности коммерческих банков в России с 1895 по 1915 г., а также обзор законодательных мер по надзору за деятельностью русских коммерческих банков.

²²⁰ Там же.

промышленного капитала, в связи с образованием капиталистических монополий, сделало и в России громадные шаги вперед,— писал В. И. Ленин.

Финансовый капитал, концентрированный в немногих руках и пользующийся фактической монополией, берет громадную и все возрастающую прибыль от учредительства, от выпуска фондовых бумаг, от государственных займов и т. п., закрепляя господство финансовой олигархии, облагая все общество данью монополистам»²²¹. В другом месте В. И. Ленин указывает, что главные прибыли попадают в карманы «гениям» финансовых проделок, спекулянтам²²².

В. И. Ленин пользовался в основном фактическим материалом довоенного времени. Но он с гениальной прозорливостью отметил и новые черты, характеризующие роль финансового капитала во время войны. Особенно подробно В. И. Ленин анализировал роль финансового капитала и русских банков в 1917 г. при Временном правительстве. Труд В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»²²³ представляет блестящее обобщение разрушительной деятельности российских банков во время первой мировой войны, обвинительный акт против организаторов хозяйственной разрухи. В. И. Ленин показал, что нельзя сделать ни одного шага по пути демократизации общественного строя без национализации банков.

Характерно, что в записке Барка отражены новые моменты монополистической деятельности банков, появившиеся еще до войны и особо развившиеся во время войны.

Учет векселей перестал составлять главную сторону деятельности банков. Быстро развились новые виды их деятельности, больше привлекающие внимание банков,— это товарные кредиты, комиссионная покупка и продажа товаров. Далее отмечаются еще две стороны деятельности банков — это их участие в спекуляции с биржевыми ценностями, что совершенно изменило «первоначальный характер операций ссуд под бумаги», и финансирование промышленных предприятий. В записке дается столь красочная характеристика деятельности банков, ставших центром сосредоточения финансового капитала, что полезно ее привести: «Банки и их кредит — в виде онкольных и корреспондентских счетов — стали орудием биржевой спекуляции и игры публики. Имея по уставу право по-

²²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 220.

²²² См. там же, стр. 195.

²²³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 295—339. Значительный новый фактический материал о возросшей роли финансового капитала в годы первой мировой войны содержится статья И. Ф. Гиндина и Е. Л. Шелелева «Банковские монополии в России» («Исторические записки», т. 66, стр. 20—95).

купать дивидендные ценности, банки могут сами непосредственно участвовать в спекуляции. Все это создавало такие условия, при которых биржевая игра привлекала капиталы и глубоко проникла в публику, приводя к искусственному взвинчиванию цен и к самому опасному ажиотажу. Бывшие недавно кризисы и депрессии, поколебавшие рынок и вызвавшие огромные потери публики, слишком свежи в памяти, чтобы стоило о них распространяться»²²⁴. К этому, пожалуй, следует только добавить, что Комитет финансов в предвоенные годы сам отмечал огромный рост спекуляции банков с дивидендными бумагами, против которой ничего не предпринял.

Далее в записке Барка отмечалось сращивание банковского капитала с промышленностью, как новое и характерное явление практики банков: «Также, наконец, в последние сравнительно годы в банках стала развиваться новая форма операций с бумагами, наиболее привлекающая внимание банковских сфер, это *финансирование предприятий, в виде образования их основных капиталов* и услуг банков по размещению акций, именно то, что называется банковской эмиссией. Вследствие этой операции, *составляющей в настоящее время один из главных нервов банковской деятельности*, банки принимают участие в промышленных делах, насаждая новые предприятия и покровительствуя некоторым отраслям промышленности. Почти всякое новое предприятие имеет своего патрона, в лице одного из банков. Выражение «деловой банк» приобрело полное признание в современной терминологии»²²⁵. Деятельность банков в кредитовании промышленности «принимает форму захвата», с повышением цен и ухудшением качества изделий. Подчеркивая полезную сторону деятельности банков в кредитовании промышленности, министр финансов должен был признать, что дальнейшее увлечение банков промышленными делами «становится одинаково опасным для обеих сторон — для банков, которые могут затратить средства вкладчиков и предприятий», и для последних, которые подпадут «под ту, не раз наблюдавшуюся банковую опеку, когда вместо помощи и содействия кредитное учреждение начинает беспощадную эксплуатацию предприятия, при которой последнее совершенно обессиливает и теряет всякую возможность из-за хищнического хозяйства к дальнейшему развитию, расширению и укреплению своего финансового положения». Барк говорит об этом как о возможных последствиях, к которым может привести сила банкового капитала, а надо было сказать, что уже в таком положении оказался ряд крупнейших предприятий страны,

²²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 344, лл. 19—34.

²²⁵ Там же (Курсив наш.— А. С.).

в том числе Путиловский завод, завод «Беккер» и другие, получившие на сотни миллионов рублей военных заказов и десятки миллионов, если не сотни миллионов рублей авансов, перекочевавших из предприятий в кассы банков. Кассы многих гигантских предприятий, ограбленных банками, были пусты, и чтобы не остановить работу предприятий, правительство вынуждено было провести их секвестр и назначить казенное управление.

Мы подробно остановились на этой характеристике новой роли банков в России потому, что она фактически является лишь иллюстрацией к ленинской теории империализма — банковый капитал срачивался с промышленным и господствовал над промышленным. Этот процесс вел к образованию монополий в России, к слиянию промышленного капитала с финансовым, причем центрами важнейших монополий становились сами банки. Этот процесс, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, сделал огромные успехи в России.

Валовая прибыль коммерческих банков за 1915 и 1916 гг. достигла огромной суммы в 435 млн. руб.²²⁶. Прибыли крупнейших банков увеличивались значительно быстрее, чем росли их общие обороты. По расчетам В. Зива²²⁷, обороты 8 крупных петроградских банков увеличились за 1916 год на 49,4%; за это же время валовая прибыль тех же банков увеличилась на 69,3%, достигнув 174,58 млн. руб. против 103,1 млн. руб. в 1915 г. Чистая прибыль тех же банков возросла на 105%, т. е. удвоилась, поднявшись с 47,94 млн. руб. до 98,39 млн. руб. Больше всего прибыль выросла от продажи и покупки процентных бумаг — более чем в 12 раз за один год, что указывает на огромный рост спекуляции бумагами.

Деятельность банковских монополий одновременно все теснее переплеталась с обслуживанием государства, с участием в разрешении вопросов финансирования войны, за что приходилось дорого платить из военного фонда, способствуя наживе банков.

Министерство финансов рассмотрело и ряд других сторон деятельности банков, в частности их товарные операции. Несмотря на стремление оправдать банки в их товарных операциях и защитить их от критики общественности, министерство вынуждено было признать, что при выдаче подтоварных ссуд до 80% стоимости товара кредит под товар легко превращается «в покупку этого последнего». Далее, во время войны усили-

²²⁶ *Торгово-промышленная газета», 15 августа 1917 г. «Деятельность коммерческих банков во время войны».

²²⁷ Там же, 27 мая 1917 г. В. Зив. Война и русские банки. У Зива речь идет о 8 петроградских банках (Азово-Донской, Русский для внешней торговли, Международный, Волжско-Камский, Сибирский, Частный, Учетный, Русский торгово-промышленный).

лись нарекания, что банки скрывают товарные запасы, чтобы потом продать их по высоким ценам. Подобные указания, говорилось в записке министра финансов, «делаются повсюду: в обществе, прессе и в законодательных учреждениях». Министр финансов не мог категорически отвергать, что «банки не допускают злоупотреблений и не совершают сделок за свой счет», но считал, что приводимые доводы якобы не доказывают торговли банков за собственный счет. В лице Барка банки имели хорошего и опытного защитника перед правительством.

Банки также принимали участие в спекуляции валютой. Организация особого расчетного отдела при Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов не достигла своей цели, так как далеко не вся экспортная валюта сдавалась Министерству финансов, а часть ее продавалась на сторону, тем лицам, которые не могли получить ее в России. При участии банков проводилась продажа рублей за границей. Этого рода операции — перевод рублей за границу и продажа их там, как признавал Барк, «не могут быть сделаны без посредства банков, и таковым уже сообщено о совершенно отрицательном отношении министра (финансов.— А. С.) к означенным операциям». Несмотря на всякие оговорки министерства, шефствовавшего над банками, и стремление смягчить их грехи, все же оно признавало многообразие форм, в которых деятельность банков не соответствовала не только интересам широких масс частных потребителей, о чем мало кто заботился, но и государственного казначейства. Необходимость известного обуздания деятельности банков была столь убедительна, что министр финансов не мог отказаться и от идеи обследования при помощи чиновников своего министерства деятельности акционерных банков как в целом, так и по отдельным видам. Барк просил Совет министров дать ему право налагать известные репрессии на работников банков, виновных в нарушениях закона. Собственно предполагалась единственная репрессия — устранение виновных лиц со службы в банках. Это касалось как наемных лиц, так и занимавших выборные должности. Наложение денежных штрафов было признано нецелесообразным, так как этот штраф платился бы из средств банков и перекладывался бы на акционеров.

Решение о расширении правительственного контроля над акционерными банками правительство приняло только спустя почти полгода — 10 октября 1916 г.²²⁸ Министр финансов получил право, в случае нарушения банками законов по гарантийным, товарным, валютным операциям и по отношению к неприятельским подданным и учреждениям, наложить адми-

²²⁸ СУ, 1916 г., № 295, ст. 2326.

нистративные репрессии. В виде временной меры, вызванной военными обстоятельствами, на срок до одного года со дня ратификации мирного договора министру финансов было предоставлено право «принимать надлежащие меры» к проверке деятельности коммерческих банков в части операций с иностранными учреждениями и подданными, а также товарных, гарантийных и валютных операций (статьи 184 и 185 устава о банках). Министру финансов были предоставлены широкие полномочия воспользоваться этим правом, от него зависело также толкование вопроса о применении этих мер на практике.

Это решение правительства вызвало острое недовольство банковских воротил. По мнению Совета съездов акционерных банков, круг их операций «так широк и так в сущности неопределен, что любая операция банков может быть при желании и с маленькой натяжкой подведена под одну из вышеперечисленных четырех категорий банковских сделок»²²⁹. Банковские воротилы расценивали закон 10 октября 1916 г. как проявление политики недоверия.

По нашему мнению, речь шла о более значительной мере, чем о расширении сферы чиновничьего произвола. Устанавливался правительственный контроль над деятельностью банков в тех областях, которые являлись наиболее доходными статьями и охватывали решающие сферы банковской деятельности. Фактически речь шла о новых шагах в сторону государственного капитализма, причем, как и ранее, главенствующая роль сохранялась за помещичьим государством.

Когда закон был издан и надо было его проводить в жизнь, в Комитете финансов наметились разногласия. Министр финансов находил желательным, чтобы обследование деятельности кредитных банков было поставлено «под ближайшее наблюдение Комитета финансов»²³⁰. Но это предложение встретило решительное возражение со стороны председателя Комитета финансов Сабурова²³¹ и двух его членов, которые предложили отклонить это предложение министра финансов как якобы неконституционное, ибо Комитет финансов является « совеща-

²²⁹ «О желательных изменениях...», стр. 19. Одним из коренных требований банков после Февральской революции 1917 г. являлось требование свободы в финансировании промышленности. Они добивались права «финансировать промышленность во всех возможных экономически и по условиям банковского дела и техники допустимых формах». Естественно, что банковские воротилы добивались изменения правового положения банков и отмены всякого рода регламентации (там же, стр. 73—74).

²³⁰ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 539. Журнал Комитета финансов от 24 октября 1916 г., утвержденный царем 18 ноября 1916 г.

²³¹ Сабуров стал председателем Комитета финансов после смерти С. Ю. Витте.

ным органом и не располагал распорядительными функциями. Однако четыре члена Комитета финансов (в том числе министр финансов) считали, что, исходя из необходимости согласовать деятельность Министерства финансов «с общими основаниями финансовой политики», правила 10 октября 1916 г. могут быть осуществлены с наибольшим успехом, если Комитет финансов будет время от времени подвергать проверке деятельность министра финансов, «заслушивать доклады и осуществлять наблюдение за деятельностью министра финансов по надзору за банками»²³². Это мнение, представленное большинством членов Комитета, было утверждено царем.

Таким образом, вопрос о правительственном контроле над банками дебатировался фактически до конца 1916 г. Практическое значение принятого решения заключалось в том, что всякий шаг в его осуществлении означал усиление власти государства, надзора и контроля над банками со стороны помещицкой власти, что неизбежно вело к росту государственного капитализма, к дальнейшему сращиванию и переплетению интересов банков и государственной власти помещиков.

Проведенные ревизии банков, часть материалов которых недавно опубликована²³³, дали Министерству финансов еще больше материала о спекулятивной деятельности банков и всякого рода нарушениях с их стороны правительственных распоряжений. Так выглядела деятельность банков накануне Февральской революции.

В литературе высказывались мнения об усилении зависимости русских банков от иностранного капитала за время войны. Однако это положение недостаточно аргументировано фактами. Едва ли можно решать этот вопрос только по одному показателю — происшедшему за время войны увеличению на 50 млн. руб. иностранных капиталов среди основных капиталов банков, которые также значительно выросли. В еще большей мере выросли всякого рода запасные и страховые капиталы банков. Важно также учесть огромный рост операций банков внутри страны, а также финансовые связи коммерческих банков с границей во время войны. Эти связи, конечно, были ослаблены, а с германскими банками и владельцами акций банков австро-германской коалиции — можно сказать, подорваны. Банки с германскими капиталами в значительной мере эмансипировались от старых связей. Они должны были приспособляться к новым условиям войны. С другой стороны, сократился объем экспорта из России, а, следовательно,

²³² ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 539, лл. 1—4.

²³³ Сб. «Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 1.

и количество поступавшей валюты. Правда, выросли казенные заказы за границей, но они реализовались помимо каналов коммерческих банков через созданные за границей правительственные закупочные организации. Увеличились закупки частной промышленности, в особенности предприятий, получивших военные заказы. Но у предприятий и коммерческих банков не было валюты. Эти закупки осуществлялись за счет валюты, отпускавшейся Особым совещанием по обороне из иностранных займов. Помимо прочего, остро встал вопрос о ликвидации заграничной задолженности акционерных банков и частной промышленности.

Ликвидация заграничной задолженности банков при помощи правительства

О размере задолженности банков за границей еще во время войны высказывались различные предположения. Так, З. С. Каценеленбаум определял ее в сумме «около 200 миллионов рублей»²³⁴. Сами банки вначале определяли ее в 300 млн. руб. В действительности эта задолженность оказалась несколько больше суммы, названной Каценеленбаумом, но меньше 300 млн. руб. 25 банков России перед войной были должны за границей 491,7 млн. руб., но одновременно им причиталось получить от заграничных клиентов валюты на сумму около 258,5 млн. руб. Эти данные были собраны Министерством финансов в октябре — ноябре 1914 г. у самих банков и касались только долгов банков во Франции и Англии.

Таким образом, чистый дефицит банков достигал 233,2 млн. руб. Эта цифра характеризует только банковскую задолженность, без долгов промышленных и торговых фирм, вместе с которыми задолженность России увеличивалась, по видимому, вдвое. Это предположение основано на некоторых заявлениях Министерства финансов. Так, для расчета с французами потребовалась сумма в 500 млн. франков, а задолженность англичанам определялась в 140 млн. руб. по линии банков и примерно в ту же сумму по линии торговли и промышленности.

Финансовое положение различных банков было далеко не одинаково. Одни банки имели большой дефицит, другие же покрывали свои долги за счет поступлений валюты. Так, крупнейший в стране Русско-Азиатский банк имел задолженность около 112 млн. руб., но она с избытком покрывалась валютой, причитающейся от клиентов. Гораздо хуже было положение у Петроградского Международного банка, задолженность

²³⁴ «Труды Комиссии по изучению современной дороговизны», вып. III, стр. 30.

Таблица 12

Сводка задолженности и наличности иностранной валюты у русских банков к началу мировой войны (руб.) *

Банк	Чистая задолженность банков	Валюта, причитающаяся от клиентов и по срочным сделкам
Русско-Азиатский, правление	39 811 021	8 160 787
» Париж	53 866 125	10 881 000
» Лондон	17 995 761	5 821 091
Петроградский Международный, правление	6 330 621	1 178 587
» Париж	27 601 875	15 554 550
Русский торгово-промышленный, правление	51 995 486	19 628 118
» Париж	16 967 232	9 582 741
» Лондон	8 595 013	8 027 563
Русский для внешней торговли, правление	3 009 223	2 308 159
» Париж	8 887 500	8 887 500
» Лондон	12 777 082	12 777 082
Азовско-Донской	32 731 447	4 804 894
Волжско-Камский	597 637	282 075
Петроградский учетный и ссудный	2 189 300	488 601
Петроградский торговый	9 676 112	5 786 775
Петроградский частный	26 430 375	938 325
Сибирский торговый	9 064 722	1 795 143
Русско-Французский	1 001 349	—
Русско-Английский	2 681 251	739 433
Юнкер и К°, Петроград	19 337 803	19 679 742
» Москва	52 824 760	32 254 913
Московский купеческий	7 817 538	8 462 588
Московский торговый	10 006 440	9 190 425
Соединенный	16 520 059	3 738 128
Московский банк	31 135 612	30 412 466
Московский учетный	5 445 150	5 773 875
Московский частный	6 096 749	1 191 372
Коммерческий банк в Варшаве	1 734 758	9 226 875
Западный банк в Варшаве	8 317 354	—
Ляндау и К°	375 000	—
Натансон и С-ья	309 375	—
Московское купеческое об-во взаимного кредита	375 000	—
Лионский кредит, Петроград	375 000	29 868 750
Итого	491 684 456	258 441 558

* ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 528, л. 80. Сводка была составлена в Министерстве финансов и представлена министром П. Барком в Комитет финансов, в связи с обсуждением в нем вопроса о покрытии задолженности частных банков французским банкам. На заседании Комитета 28 октября 1914 г. эти данные еще не фигурировали: Барк представил их примерно на месяц позднее.

которого в два раза была более причитавшихся сумм валюты (34 млн. руб. и 17 млн. руб.). Очень большая задолженность была у Азовско-Донского банка (дефицит — около 28 млн. руб.), у Русского торгово-промышленного банка (дефицит — свыше 40 млн. руб.). Несколько провинциальных банков и Московское общество взаимного кредита имели только долги и никаких получений от клиентов.

Каким образом банки покрывали свою задолженность и вели расчеты со своими заграничными должниками — вопрос мало изученный. Во всяком случае этот вопрос в первые месяцы войны представлял значительную заботу Министерства финансов и самих банков. Русское правительство отказалось оплатить задолженность частных банков за счет своей золотой наличности за границей. Французские банки, по мнению Каценеленбаума, «едва ли оказались слишком требовательными по отношению к своим русским корреспондентам»²³⁵. Однако французские банки оказались предприимчивее и требовательнее, чем предполагали в России. Ссылаясь на объявленный русским правительством мораториум, они заморозили всю наличность русского правительства, которая была почти в два раза больше задолженности банков. За счет средств русской казны французские банки добивались покрытия долгов коммерческих банков. Комитету финансов пришлось специально и неоднократно обсуждать вопрос об оказании банкам и промышленности содействия в урегулировании их заграничных расчетов.

Банки первоначально представили в Комитет завышенные данные о своей задолженности английским и французским банкам, определяя ее в 300 млн. руб. Задолженность промышленности не могла быть подсчитана сколько-нибудь точно. Председатель Московского биржевого комитета исчислял ее «не менее чем в 400 млн. рублей». Эта цифра считалась Комитетом явно завышенной²³⁶. 28 октября 1914 г. состоялось рассмотрение этого вопроса в Комитете финансов.

В решении Комитета выражена правительственная точка зрения по вопросу о расчетах русских банков с их заграничными кредиторами. Комитет считал недопустимым употребление «на ликвидацию означенных частных обязательств, и притом в столь крупных цифрах, имеющейся у нас казенной валюты или заключения для сего внешних займов»²³⁷. С другой стороны,

²³⁵ «Труды Комиссии по изучению современной дороговизны», вып. III. М., стр. 30.

²³⁶ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 507, лл. 1—4. Журнал Комитета финансов от 28 октября 1914 г., утвержденный Николаем II 7 ноября 1914 г.

²³⁷ Там же. Французское правительство настойчиво добивалось зачета долгов отделений русских банков за границей «за счет сумм казны, находящихся на счетах у этих последних»; АВПР, ф. II департамент, 1—5. «Война», 1914—1915 гг., д. 284, лл. 22—23, 27—28. Переписка Барка с ми-

правительство не могло стоять в стороне от разрешения данного вопроса, неурегулированность которого тормозила развитие торговых отношений между странами, мешала размещению военных заказов и закупок. Кроме того, правительство опасалось, что в связи с прекращением срока моратория, объявленного во Франции и Англии, русские банки и промышленные фирмы окажутся несостоятельными в оплате своих обязательств, а это повлечет реализацию по низким ценам выданных в обеспечение кредитов ценных бумаг. Витте в Комитете финансов заявил, что несостоятельность «одного из крупных частных учреждений повлечет за собой несостоятельность других с ним связанных». Правительство также боялось вздорожания иностранной валюты и падения курса рубля. Поэтому было признано полезным урегулирование вопроса «официальным путем», через Министерство иностранных дел, которое должно было особенно подчеркнуть английскому и французскому правительствам, что союзные отношения должны побуждать их к устранению экономических замешательств, которые могут ослабить силы России в борьбе «с общим врагом». Правительство выступило в роли своеобразного гаранта банков, признавая их «вполне кредитоспособными, обладающими достаточными наличными средствами, но не могущими по условиям военного времени найти иностранную валюту». Комитет финансов совершенно правильно решил, что без гарантии русского правительства Французский и Английский банки «едва ли согласятся сделать это», т. е. предоставить кредит для покрытия задолженности частных банков. Но правительство должно было предоставлять гарантию лишь при проверке Министерством финансов «каждой сделки и при внесении в Государственный банк на соответствующую сумму рублей».

Кратко суммируя вышеизложенное, Комитет финансов решил:

1. Поручить Министерству финансов войти дипломатическим путем в соглашение с иностранными правительствами и их центральными банками;

нистром иностранных дел Сазоновым в августе 1914 г. Письма 17 и 21 августа 1914 г. «Следовало бы компенсировать теперь же вклады казны за должностью русских банков во Франции,— телеграфировал 27/14 августа 1914 г. Извольский в Петербург,— и притом не только парижских их отделений, но и вообще главнейших русских банковых учреждений. Это равносильно перенесению в Россию этих вкладов и оградило бы их от опасности конфискации немцами (в то время Париж находился под угрозой занятия немецкими войсками.— А. С.). В то же время такая мера благоприятно отозвалась бы на нашем кредите или прекратила бы пререкания между французскими и русскими банками о применении мораториума». Одновременно Извольский считал возможным вытребовать до 25% остальных средств русских вкладов и при помощи Французского банка производить уплату купонов по займам (там же, л. 19).

2. Просить эти правительства побудить свои частные банки к отсрочке платежей русских банков и торгово-промышленных фирм или к временному расчету с ними по фиксированному курсу в русской валюте;

3. Просить о предоставлении Английским и Французским банками кредитов под гарантию русского правительства для расчетов с русскими кредитными и торговыми учреждениями; этот кредит должен был предоставляться под обеспечение, предоставляемое банками Министерству финансов, которое признает его достаточным;

4. Министерство иностранных дел должно было оказать Министерству финансов «энергичное содействие»²³⁸.

Таким образом, царское правительство взяло на себя заботы не только о довоенных расчетах банков, но и о предоставлении им дальнейших кредитов. Это влекло за собой усиление внимания и правительственного вмешательства в работу банков.

Во исполнение принятого решения министр финансов активно взялся за урегулирование вопроса с долгами русских банков и торгово-промышленных фирм. Он встретил полную поддержку со стороны Министерства иностранных дел. В начале декабря 1914 г. в общем выяснилось положительное отношение французского правительства к предложениям русской стороны. Барк сообщал Комитету финансов, что «по-видимому, французский банк (Banque de France) не встретил бы препятствий к открытию кредитов на общую сумму до 500 млн. франков»²³⁹. Эта сумма приблизительно соответствовала задолженности русских банков, исчисленной на основании данных, представленных русскими банками. 5 декабря 1914 г. Барк писал министру иностранных дел С. Д. Сазонову, что «ныне должно быть подписано соглашение с французским банком о 500-миллионном авансе (франков.— А. С.) для ликвидации заграничной задолженности наших банков»²⁴⁰. Однако надежда Барка, что соглашение будет подписано «ныне», т. е. 5 декабря, не оправдалась. Переговоры затянулись, и только 25 декабря русский

²³⁸ Основные пункты решения Комитета финансов от 28 октября 1914 г. Барк повторил позднее в своем представлении в Комитет финансов «По вопросу о расчетах в иностранной валюте в связи с военным временем» (ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 528, лл. 67—76). Как раз к этому документу и была приложена справка о задолженности русских банков за границей. Даты на этом документе нет, но, судя по его содержанию и по сообщению о том, что сделано министром финансов для реализации предыдущего решения, утвержденного царем 7 ноября 1914 г., документ относится к концу ноября 1914 г.

²³⁹ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 528, лл. 67—76. Копия представления министра финансов в Комитет финансов (без даты).

²⁴⁰ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1915 гг., д. 284. Подлинник письма Барка Сазонову от 5 декабря 1914 г., № 694.

посол в Париже Извольский сообщил из Парижа о том, что состоялось «удовлетворяющее обе стороны решение французского правительства». Это решение было рассмотрено в Комитете финансов 30 декабря 1914 г. и получило его одобрение²⁴¹.

На каких же условиях Французский банк предоставил кредит? Французский банк открывал русскому Государственному банку кредит не свыше 500 млн. франков. Эта сумма могла быть израсходована во франках на покрытие краткосрочных долгов и обязательств, заключенных русскими банками и промышленными учреждениями на французском денежном рынке. В эту сумму включалась задолженность русских кредитных учреждений Французскому банку по траттам и по другим коммерческим операциям. Французский банк не начислял на этот кредит каких-либо процентов и не получал комиссии. Против суммы, выданной французским правительством во франках, Государственный банк России открывал кредит Французскому банку в золотых рублях, из расчета один рубль = 2,666 франков. Российское правительство гарантировало своевременность оплаты Государственным банком авансированных сумм, о чем Извольский должен был сделать специальное заявление. Французский банк имел право по истечении года по окончании войны потребовать оплаты предоставленного кредита. По усмотрению Государственного банка эта оплата совершалась во франках или золотом в натуре. Французская сторона сочла, кроме того, необходимым оговорить в соглашении, что при осуществлении кредита она не будет предоставлять русскому правительству какие-либо авансы «для оплаты купонов по нашим займам», о чем Министерством финансов вело переговоры, в связи с задержками французскими частными банками (из-за мораториума) выплат по вкладам царского правительства. Это требование, преследовавшее задачу выкачать из России золото в натуре, и явилось, по-видимому, причиной задержки с подписанием соглашения. Позднее французы должны были снять это требование.

Комитет финансов согласился с тем, чтобы правительство России гарантировало соглашение Государственного банка с Французским банком, но и русское правительство требовало, чтобы французские банки и правительство фактически прекратили действие мораториума на вклады русского правительства и Государственного банка в частных французских банках и в отделениях русских банков во Франции. Оно требовало от французского правительства гарантии, что частные французские банки будут беспрепятственно выполнять распоряжения

²⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1914—1917 гг., д. 1168, лл. 24—28. Журнал Комитета финансов от 30 декабря 1914 г., утвержденный Николаем II 2 января 1915 г.

русского правительства о расходовании своих вкладов, в том числе и за пределами Франции, «так как только при этом условии, обеспечивающем свободное распоряжение нашими суммами для оплаты наших обязательств, мы могли бы спокойно обещать на будущее время не прибегать к авансам Banque de France»²⁴². Спорный вопрос также получил решение, устраивавшее русское правительство. Достигнутое с Францией соглашение было выгодно для русского правительства в том отношении, что весь риск, в связи с возможным понижением курса франка, ложился на Францию, так как русское правительство могло избрать наиболее выгодный для себя способ расплаты: оно могло уплатить золотом, а могло и купить франки на всю сумму долга (500 млн. франков) по более низкому курсу и уплатить франками.

Министерство финансов и Государственный банк отпускали валюту русским банкам после рассмотрения подлежащих оплате сделок. За отпускаемые франки банки платили «фиксированный повышенный курс» в рублях наличными деньгами. Банки могли в определенный срок вернуть франки и получить свои рубли по тому же курсу, по которому они получили франки. Следовательно, русское правительство гарантировало не долги частных фирм, а их оплату во французской валюте, страхуя себя от возможных потерь на курсе²⁴³.

С английским правительством дело обстояло не так просто, как с французским. Правда, некоторые русские банки получили кредит от Английского банка в 2 млн. ф. ст.²⁴⁴ Но англий-

²⁴² Там же. Французские банки согласились не применять больше мораториума, а те банки, которые не могли произвести оплат по требованию русского правительства, получали авансы от французского правительства. Спорный вопрос, перепска по которому тянулась почти пять месяцев, был к концу декабря 1914 г. решен без формальной отмены мораториума.

²⁴³ Окончательное соглашение по этому вопросу было подписано в Париже 2 февраля (н. ст.) 1915 г. Со стороны России его подписал агент Министерства финансов А. Рафалович, уполномоченный на это 20 января (н. ст.) 1915 г. министром финансов П. Барком, а со стороны Франции — управляющий Французским банком Ж. Паллен, получивший полномочия своего правительства еще 10 декабря 1914 г. (АВПР, ф. 11 департамент, 1—5, «Война», д. 192, лл. 247—248). Текст соглашения состоит из 7 пунктов. Во исполнение пункта 7 соглашения были подписаны «Дополнительные правила» («Le règlement annexé»), определявшие технический порядок выполнения заключенного соглашения. В них особенно подчеркивалось, что Французский банк будет действовать только по инструкции и по поручению Государственного банка России. В этом же соглашении был определен и курс франка, а равно было установлено, что с момента, когда Французский банк потребует уплаты сальдо, русская сторона будет выплачивать проценты, равные учетной ставке Французского банка плюс еще 2%.

²⁴⁴ Русский для внешней торговли, Русско-Азиатский и Торгово-промышленный банки получили кредит более чем в 2 млн. ф. ст. См. представление Барка «По вопросу о расчетах в иностранной валюте в связи с военным временем» (ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 528, лл. 67—76).

ское правительство требовало высылки золота, соглашаясь учесть краткосрочные обязательства «на сумму, в полтора раза превышающую стоимость золота. Всякие иные основания операции признаны английским правительством неприемлемыми»²⁴⁵. Из первого кредита в 20 млн. ф. ст., заключенного в Англии в октябре 1914 г. и связанного с высылкой золота в количестве 8 млн. ф. ст., русское правительство обязано было покрыть часть долгов банков и промышленников. Но дальнейшая переписка с Лондоном показывает, что фактически ничего в этом отношении не было сделано. Когда Комитет финансов обсуждал 30 декабря 1914 г. соглашение с Французским банком, о ликвидации задолженности в Англии еще ничего определенного не было известно.

По-видимому, этот вопрос получил свое разрешение в январе 1915 г., в связи с заключенным во время встречи трех министров финансов соглашением о предоставлении России долгосрочных кредитов. Из этих кредитов Министерство финансов ежемесячно выделяло довольно значительные средства для нужд частной промышленности, работавшей на оборону, а также для банков.

Что касается последующих лет войны, то нет оснований считать, что иностранные банки открыли широкий кредит русским банкам. Задолженность последних во все годы войны оставалась примерно на уровне начала войны. Об этом говорят данные, подготовленные к переговорам с союзниками в Петрограде и относящиеся или к самому концу 1916 г., или к январю 1917 г. По этим данным сумма заграничной задолженности русских банков определяется кругло в 334 млн. руб.²⁴⁶ Из этой суммы 188,4 млн. руб. приходится на Париж, а 142,8 млн. руб. — на Лондон. Остальная задолженность в ряде стран выражалась в очень небольшой сумме — 2,8 млн. руб.

Внутренняя механика отношений русских банков с банками Англии и Франции за время войны не изучена экономистами, поэтому историкам остается только строить известные предположения на основе тех фактов, которые встречаются в архивах, но не являются исчерпывающими.

* * *

Все предыдущее изложение показывает, что банки представляли важнейшее звено в экономической жизни России. Их

²⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 528, лл. 67—76.

²⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1168, лл. 35—37. По-видимому, эта цифра представляет чистый пассив русских банков, а, возможно, сумму кредита, против которой банки имели и определенные счета иностранной валюты; в этом случае пассив должен быть меньше.

значение в экономической жизни еще более выросло за годы войны. Хотя между правительством и банковскими воротилами были известные споры в связи с отсталостью правового положения банков, но в целом правительство и банки работали согласованно. Банки ревностно помогали правительству организовать военную экономику, финансировать промышленность, размещать займы, учитывать и размещать краткосрочные обязательства казначейства. Эта деятельность привела к обогащению банков, к росту дороговизны и нищеты масс. Лидеры банковского капитала не проявляли политической оппозиции даже в той мере, в какой она проявлялась со стороны военно-промышленных комитетов. Банковская аристократия не входила в состав Особых совещаний по обороне и других, но она была тесно связана с Министерством финансов, с которым личная уния еще более усилилась²⁴⁷.

Банки использовали войну для наживы, для дальнейшего подчинения промышленности. Но они развивали свою деятельность под эгидой правительства, вместе с которым они строили военное хозяйство. Когда притязания банковского капитала становились слишком бесцеремонными и вызывали недовольство других прослоек буржуазии, правительство угрожало банкам контролем, который был не строгим, а дружественным. Да и к этой мере правительство прибегло только в конце 1916 г. Ревизии Министерства финансов до этого носили чисто осведомительный характер.

За время войны происходило дальнейшее сращивание правительственной власти и финансовых воротил. Политическая власть оставалась у помещичьей бюрократии, которая держала в своих руках Валютную комиссию при Особом совещании по обороне и Особенную канцелярию по кредитной части. Но военный фонд являлся источником огромных доходов банковского капитала. Под гарантию правительства и при его контроле развивались во время войны финансово-экономические связи русских банков с их партнерами за границей. Эти связи использовались в целях ведения войны и ее обслуживания. Поэтому сращивание банков с государственным аппаратом сделало новый шаг вперед. Конкретный материал показывает, что неправ был Н. Ванга и некоторые его сторонники, исключавшие возможность подобного сращивания на том основании, что классовая основа царизма была помещичья, полукрепостническая. Дело в том, что отмеченный процесс являлся результатом роста капитализма и финансового капитала и эволюции царизма в сторону буржуазной монархии.

---

²⁴⁷ Директор кредитной канцелярии Министерства финансов Л. Ф. Давыдов, например, занял пост директора Русского для внешней торговли банка, а управляющий Государственным банком А. В. Коншин стал председателем правления Русского торгово-промышленного банка (М. С. А. т. а с. Указ. соч., стр. 35).

Глава III

ПЕРВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ О КРЕДИТАХ С ФРАНЦИЕЙ И АНГЛИЕЙ. ФИНАНСОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ РОССИИ ОТ СОЮЗНИКОВ

1. БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ СРЕДСТВ КАЗНЫ ВО ФРАНЦУЗСКИХ БАНКАХ

Накануне первой мировой войны царское правительство не заключило каких-либо экономических и финансовых соглашений со своими союзниками — Францией и Англией — о помощи России на случай войны с Германией и Австро-Венгрией. Особенно необходимо было такое соглашение с Францией, с которой у России на протяжении четверти века наблюдалось особенно тесное политическое, военное и финансовое сотрудничество.

Уже русско-японская война показала финансовую слабость царского правительства и необходимость иностранных займов. Тогда царское правительство получало займы как от Франции, так и от Германии. После войны французские империалисты не жалели средств на подавление царизмом революции, на покрытие издержек войны. После поражения революции царское правительство широко использовало французский денежный рынок на пополнение финансовых прорех в бюджете (до 1909 г.). Непосредственно перед первой мировой войной (ноябрь 1913 г.) было заключено соглашение с Францией о финансировании строительства стратегических железных дорог, которые позволили бы ускорить мобилизацию русской армии и ее переброску к границе для наступления против Германии¹.

Неизбежность европейской войны совершенно ясно выри-

¹ «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», М., 1932, стр. 607—627 (отчет Коковцова) и 695—720 (протоколы совещаний начальников генштабов русской и французской армий).

совывалась по крайней мере со времени Балканских войн, т. е. за полтора-два года до событий, непосредственно за которыми началась первая мировая война.

Военные специалисты довольно правильно оценивали распределение сил в предстоящей войне и принимали необходимые меры к укреплению военного сотрудничества между русскими и французскими вооруженными силами. Одновременно царское правительство осуществило ряд мер (правда, далеко недостаточных) по линии усиления армии вооружением, а также ускорения строительства морского флота. Меры, связанные с бюджетом, мы рассмотрели выше. Однако все они носили узко военный характер и совершенно не затрагивали вопросов экономической подготовки страны в целом к войне.

Соглашение России с Францией носило односторонний военно-стратегический характер. Русская армия использовалась в качестве резерва западного империализма. Она должна была возможно скорее перейти в наступление против Германии, чтобы облегчить военное положение своей союзницы. Военное командование русской армии шло на поводу у французского генерального штаба, утрачивало свободу маневрирования своей армией, обязавшись сосредоточить 800 тыс. человек против Германии и перейти в наступление спустя 15 дней после объявления мобилизации. Военные договоры определили подчиненный характер поведения русской армии в начале войны, не разрешая вопросов хозяйственного сотрудничества.

Не имея сколько-нибудь правильного представления о действительных масштабах и продолжительности надвигавшейся войны, русское правительство легкомысленно относилось к финансовым и экономическим вопросам. Оно даже не оговорило права правительства свободно распоряжаться своей наличностью во французских банках и не предусмотрело мер к урегулированию взаимных расчетов между русскими и французскими банками. Да и кто в составе правительства мог подняться до такого уровня, чтобы своевременно предвидеть и поставить эти вопросы? Назначенный после отставки В. Н. Кокцова в январе 1914 г. председателем Совета министров И. Л. Горемыкин уже давно потерял способность ориентироваться в политической обстановке. Это был неумный старец, известный своими реакционными взглядами, слепой преданностью трону, ненавидевший Государственную думу и буржуазных либералов. Он должен был проводить и он с тупым упорством проводил политику, угодную трону и самым правым элементам дворянства. Вновь назначенный, после ухода В. Н. Кокцова, министр финансов П. Барк был новым человеком среди правящей бюрократии, выскочкой из банковских воротил, заинтересованный прежде всего в том, чтобы

сделать карьеру. Военный министр Сухомлинов не занимался как следует своим министерством, будучи поглощен придворными интригами. В составе правительства не оказалось ни одного сколько-нибудь крупного государственного деятеля, способного выйти за рамки чисто военных вопросов и поставить общую проблему проведения всесторонней подготовки страны к надвигавшейся войне.

Начавшаяся война во всю ширь поставила перед правительством вопрос о необходимости иностранных заказов, об источниках их финансирования, о валюте, о платежах процентов и т. д. То был не узкофинансовый вопрос, а сложный комплекс хозяйственных и военных проблем, неразрывно связанных с экономической отсталостью России. Правительству приходилось сначала осторожно, под давлением текущих и неотложных нужд, ставить перед союзниками вопрос о предоставлении валюты, о размещении новых займов. В ходе войны союзники неизбежно должны были в значительной мере принять на себя финансирование правительства России, ибо заграничная наличность России при громадных нуждах и масштабах войны оказалась не столь велика, как об этом думали ранее. Вполне достаточная на полтора-два года для платежей мирного времени, она не могла обеспечить расходов по военным заказам на длительный срок. Союзники оказывали довольно сильное сопротивление настойчивым требованиям царского правительства о предоставлении кредитов, а когда соглашались, то предъявляли такие условия, которые иначе как кабальными не называли и сами министры царского правительства.

Размеры потребных русскому правительству иностранных кредитов не ограничивались стоимостью заказов, размещенных у союзников, а были значительно больше. Надо было платить проценты по государственным займам, оплачивать заказы русского правительства в Америке и Японии, отпускать средства для покрытия коммерческой задолженности и для поддержания курса рубля. Кроме того, правительству пришлось взять на себя урегулирование иностранной задолженности акционерных банков, долгов частной промышленности и т. д. Поэтому финансовые отношения России с союзниками приняли чрезвычайно сложный характер. Объявленный французским правительством мораториум, распространенный и на вклады союзной России, фактически оставил царское правительство без всяких средств, особенно для платежей в Соединенных Штатах Америки, Англии и Японии. Другая особенность этих взаимоотношений заключалась в том, что, согласившись первоначально открыть русскому правительству незначительный кредит, Англия требовала высылки золота,

которое правительство должно было отправлять по ее указанию в Англию или Америку.

Накануне империалистической войны Россия имела за границей свободную наличность в сумме 666,3 млн. руб., которая распределялась по отдельным странам следующим образом² (млн. руб.):

Франция	463,0
Англия	80,9
Германия	110,9
Австро-Венгрия	3,2
Прочие страны	8,3
<hr/>	
Всего	666,3

Вслед за предъявлением Австро-Венгрией ультиматума Сербии Министерство финансов России изъяло всю наличность из Германии, а также из отделений германских банков в других странах и перевело подавляющую часть этих сумм в Россию. 20 июля 1914 г. об этом докладывал министр финансов Комитету финансов. Таким образом, суммы Министерства финансов за границей уменьшились на 126 млн. руб. и составляли лишь 540 млн. руб.³, в том числе во Франции — 431,3, в Англии — 78,4 и в прочих странах — 30,3 млн. руб. Следовательно, уменьшение средств произошло главным образом за счет Германии и Франции.

Примерно через месяц после начала войны (на 23 августа 1914 г.) текущие платежи России за границей определялись в 194 млн. руб., однако в эту сумму не входили платежи по займам, срок которых наступал 1 сентября. Министр финансов предположительно определял потребность России в валюте за границей до конца года в 250 млн. руб.

Если говорить о годовой потребности в валюте, то ее точно определить было невозможно. Все зависело от размера военных заказов, которые правительство захотело бы разместить за границей. Известны были размеры платежей за границей по государственным и гарантированным займам, сумма которых в 1913 г. достигала 175,5 млн. руб.⁴ Все же золотая наличность России за границей была достаточно велика, чтобы свободно справиться с предстоящими платежами и удовлетворить очень ограниченные в первые месяцы войны запросы военного

² ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 528, лл. 163—169. Данные Министерства финансов на 10 июля 1914 г.

³ Там же.

⁴ Там же, лл. 135—149. Документ дает расчет на 20 октября 1914 г., т. е. через 3 месяца после начала войны. На эту дату на счетах Государственного банка во Франции находилось 374,2 млн. руб.

ведомства. Для потребностей казны, как они тогда представлялись, валюты могло хватить на полтора года. Но ни Барк, ни экономисты не предвидели настоящей величины расходов, которых потребует война, а они колоссально выросли. Барк жестоко ошибался, когда заявлял на заседании Комитета финансов 20 июля 1914 г., что «мы с учетом военных расходов обеспечены для заграничных платежей более чем на год»⁵. В начале октября 1914 г. Барк определял потребность в иностранной валюте на 3 месяца, т. е. до 1 января 1915 г., в 250 млн. руб., а у правительства, за исключением омертвленных мораторием сумм во Франции, которыми пользоваться было нельзя, к 1 октября свободные суммы в фунтах стерлингов составляли лишь 2,9 млн. руб.⁶ Вскоре жизнь показала, что расчеты Барка были ошибочны и что для заграничных платежей на один год нужны миллиарды. Вот почему потребовались высылка за границу наличного золота и заключение специальных договоров с союзниками.

После объявления войны французское правительство, как уже указывалось, объявило мораторий и банки прекратили выплаты по вкладам. Под действие моратория попали и русские правительственные вклады во французских банках. Царское правительство неожиданно оказалось в трудном положении. Оно не могло оплатить первые военные заказы за границей, утвержденные Советом министров 23 августа 1914 г. в сумме 118,8 млн. руб. Между военным министром и министром финансов завязалась длительная переписка. Незначительное (на 12 млн. руб.) увеличение намеченной суммы для нужд частной промышленности, исполнявшей военные заказы, вызвало протест со стороны министра финансов⁷. Конечно, разместить за границей военные заказы русского правительства было легко, но их следовало оплатить золотом, вывозимым из России. Так, японское правительство охотно соглашалось доставить все необходимые предметы военному ведомству через японскую фирму «Мицуи», с доставкой их во Владивосток, но оплатить эту поставку министр финансов не мог, так как французские и английские банки не переводили средств, а правительство, по настоянию министра финансов, приняло решение о запрещении вывоза золота из России. Комитет финансов также решительно

⁵ Архив Наркомфина СССР, ф. Особенная канцелярия по кредитной части, II отд., I стол, д. 2, Всеподданнейший доклад Барка от 23 июля 1914 г. о постановлениях Комитета финансов 20 июля 1914 г.; А. Л. Сидоров. Война и финансовая политика правительства. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I. М., 1927, стр. 55. К сожалению, этого документа, как и некоторых других, в настоящее время в архивах не оказалось.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 528, лл. 163—169.

⁷ Там же, ф. 1276, оп. 10, д. 308, лл. 37—40. Письмо министра финансов военному министру Сухомлинову от 14 октября 1914 г.

возражал против отправки золота из России, и его мнение получило 10 октября 1914 г. санкцию царя. Сообщая об этом Сухомлинову, Барк настоятельно рекомендовал сократить заказы в Японии и вообще отказаться от размещения интендантских заказов на иностранных рынках.

Через день, 16 октября, Сухомлинов прислал подробный ответ⁸. Он указывал, что война вносит иногда серьезные изменения в расчеты и справедливо возмущался тем, что «военное ведомство остается необеспеченным валютой для заграничных расплат».

Бюрократические пререкания между двумя ведомствами заняли месяца три. Совет министров, который рассматривал вопрос о военных заказах за границей 21 и 24 октября 1914 г., не занял определенной позиции. Он удовольствовался заявлениями министра финансов, что будут приняты все необходимые меры для предоставления военному ведомству необходимой валюты, и заявлениями военного министра, который обещал ограничить заказы за границей и шире использовать отечественный рынок. Между тем с каждой неделей войны потребности военного ведомства росли, все глубже вскрывалась военная и экономическая неподготовленность России к войне, все больше было необходимо заказывать за границей.

С большими трудностями Барк справился с оплатами по первым заграничным заказам. Но это было только начало, а количество заказов, особенно в США, нарастало в огромной степени. 21 ноября 1914 г. Барк писал уже о новых заказах на 128,5 млн. руб., из которых 57,5 млн. руб. требовалось в ближайшее время, а 23,4 млн. руб. необходимо было внести немедленно нью-йоркским банкам⁹.

Приведенные выше факты указывают, между прочим, на несогласованность действий двух важнейших ведомств — военного и финансов — и на отсутствие объединяющей роли Совета министров. Между тем англичане уже потребовали от царского правительства объединения всех заказов России в Англии в Англо-Русском комитете.

На несогласованность заказов отдельных ведомств неоднократно доносил из Лондона в своих телеграммах и посол Бенкендорф, а в конце октября 1914 г. министр иностранных дел Сазонов уже вынужден был информировать о них председателя Совета министров Горемыкина¹⁰. Но дело, конечно, не ограничивалось только несогласованностью двух бюрократи-

⁸ Там же, лл. 41—44. Письмо Сухомлинова Барку от 16 октября 1914 г.

⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 308, лл. 59—60. Письмо Барка военному министру от 21 ноября 1914 г.

¹⁰ Там же, лл. 46—47. Секретное письмо Сазонова Горемыкину от 25 октября 1914 г. с двумя приложениями.

ческих ведомств. Потребности русской армии непрерывно росли в связи с ходом войны, опровергая мнения специалистов о том, что можно воевать за счет запасов мирного времени. Под напором все выроставших запросов Ставки на винтовки и снаряды Военное министерство пыталось что-то сделать для их реализации, но тут же сталкивалось с промышленной и финансовой отсталостью России и с отсутствием свободной валюты за границей.

Натолкнувшись на трудности с использованием рынка Японии и Англии, военное ведомство, как сообщал Сухомлинов председателю Совета министров, «было принуждено обратиться в отношении сих предметов к американскому рынку. Вместе с тем за самое последнее время была установлена безусловная необходимость срочного изготовления большого количества винтовок и патронов, каковые предметы при современных условиях могли быть заготовлены исключительно в Америке». В связи с этим потребность в американской валюте выросла в 10 раз — с 12,5 до 128,5 млн. руб. Так как министр финансов не мог быстро собрать необходимой валюты, то Сухомлинов настаивал перед Советом министров «на сосредоточении в названной стране золота из запасов государственного казначейства, ибо весь предшествующий ход событий создал... твердое убеждение, что в случае непринятия указанной меры удовлетворение всех потребностей армии в самых необходимых для ведения войны предметах явится необеспеченным»¹¹. Уже в ноябре 1914 г. выявилась необходимость платежей в Америке в сумме 151,5 млн. руб.¹²

Эта переписка показывает, что военное ведомство стремилось значительно шире использовать иностранный рынок для пополнения вопиющих нехваток в боевом снабжении армии, но острый недостаток валюты пресекал эти возможности. Фактически первые шесть месяцев войны были целиком потеряны для серьезных заказов за границей из-за недостатка валюты.

Это была серьезная ошибка правительства, за которую пришлось тяжело расплачиваться русской армии в 1915 г. Мобилизационных запасов хватило не на год, а всего на 4 месяца войны, и в декабре 1914 г. «наша армия стала ощущать острый недостаток в боевом снаряжении»¹³, как писал крупнейший знаток военно-технического дела ген. Маниковский. При военно-технической и экономической отсталости России существовала объективная необходимость использования иностранных

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, д. 308, лл. 59—63. Письмо Сухомлинова Горемыкану от 24 ноября 1914 г.

¹² Там же, лл. 61—63.

¹³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, лл. 1—12. Доклад начальника ГАУ ген. Маниковского.

рынков, особенно в заказах пороха и взрывчатых веществ. Чтобы усилить промышленное производство внутри страны, необходимо было закупить большое количество станков и металлов. Однако наиболее благоприятное время, когда оборудование и металлы имелись на рынке, а цены на них еще не успели резко подскочить, было упущено.

Помимо потребностей военного ведомства, иностранная валюта требовалась для частной промышленности и торговли. 25 ноября 1914 г. в Министерстве торговли и промышленности было проведено специальное совещание для определения размеров потребности «отечественной промышленности и торговли в иностранной валюте»¹⁴. В совещании приняли широкое участие представители крупнейших организаций буржуазии — Совета съездов представителей промышленности и торговли, «Фабрикантов и заводчиков Московского и Петроградского районов», биржевых комитетов, представители Русско-Английской и Русско-Французской торговых палат. Потребность в валюте на ближайшее полугодие совещание определило в 382 млн. руб., что приблизительно совпадало с расчетами Совета съездов представителей промышленности и торговли¹⁵. На деле же разрешено было из 20-миллионного фонда Отдела промышленности выдать всего 16 млн. руб., из которых почти половину (7,5 млн. руб.) получил Русско-Азиатский банк. Почти треть исчисленной суммы приходилась на сырье для текстильной промышленности — хлопок, шерсть, шелк, вторая треть — на машины, металлы и металлические изделия, краски и дубильные вещества. По сравнению с потребностями отпущенная сумма была столь мизерна, что исчисления совещания носили чисто теоретический характер.

Совет министров, который решал спор между военным министром и министром финансов, согласился с доводами министра финансов «о нежелательности, при существующих условиях, производства соответствующей расплаты за счет имеющейся в распоряжении правительства золотой наличности и вывоза, с этой целью, потребного количества золота из пределов империи»¹⁶. Совет министров уполномочил министра финансов войти в переговоры с Морганом, который, по словам Барка, сделал предложение взять на себя расплату по русским поставкам.

Все возраставшие потребности России в заграничных заказах ставили перед министром финансов новые финансовые за-

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 401, лл. 89—98. В журнале совещания приведены расчеты по отдельным видам товаров. Исчисление велось и в рублях и в весовом количестве.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, ф. 1276, оп. 10, д. 308, л. 72.

дачи, разрешение которых упиралось в русско-французские и русско-английские финансовые отношения. Если бы русское правительство могло свободно распоряжаться своими вкладами во французских банках, оно легко избежало бы этих трудностей, по крайней мере в первые месяцы войны. Но финансовые отношения России с Францией сложились очень неудачно. Французские банки отказались платить по вкладам русского правительства, а сами требовали уплаты долгов русских акционерных банков¹⁷. Кроме того, русское правительство было серьезно озабочено уплатой процентов французским держателям русских государственных займов.

Очень неблагоприятно сложились и русско-английские финансовые отношения. Россия была должна английским банкам и промышленным фирмам 140—150 млн. руб. Этот долг русские банки и казна покрыть не могли. Небольшая свободная наличность в английских банках была израсходована, количество заказов увеличивалось с каждой неделей. Расходы росли, а новых поступлений валюты не было. Вот почему в первые месяцы войны внимание министра финансов было приковано к проблеме снятия моратория с сумм царского правительства во Франции. Барк настойчиво боролся за право русского правительства распоряжаться своей свободной наличностью, которую с таким трудом удалось сколотить путем заграничных займов и на которую возлагалось столько надежд.

В эту борьбу активно включилось и Министерство иностранных дел, так как вопрос о валюте сразу принял государственно важный характер. С начала войны и по декабрь 1914 г. министр финансов Барк двадцать один раз обращался с личными письмами к министру иностранных дел Сазонову по поводу снятия мораториума со средств казны во Франции и расчетов с французскими банками, из них шесть раз только за один август 1914 г. Письма Барка являлись основой дипломатической переписки Министерства иностранных дел с русским послом во Франции Извольским, который официально поставил вопрос об урегулировании финансовых отношений перед французским правительством. Кроме того, вопрос о снятии мораториума со средств казны во французских банках и о расчете по задолженности русских банков французским несколько раз рассматривался в Комитете финансов. Помимо каналов Министерства иностранных дел, Барк сносился и непосредственно со своим представителем в Париже Рафаловичем, который должен был помогать послу Извольскому.

Барк просил Сазонова о содействии Министерству финансов в «незамедлительном урегулировании» вопроса об оплате

---

¹⁷ Эти вопросы подробнее рассмотрены в предыдущей главе.

французскими банками — корреспондентами Министерства финансов купонов русских займов и тиражных облигаций¹⁸.

Министр финансов царского правительства начинал с мер, касавшихся интересов французских граждан, а не с требования, чтобы русское правительство могло свободно распоряжаться всеми своими средствами. Через неделю, 9 августа, Барк вновь просит Сазонова дать указания послу Извольскому в Париже «настоять перед банками и французским правительством на необходимости скорейшего разрешения сих вопросов и организовать *без всяких промедлений* оплату наших займов в обоюдных интересах как русского правительства, так и французских держателей»¹⁹.

У Барка первоначально сложилось представление, будто французское правительство склонно исключить наличность русского правительства из действия моратория. В дальнейшем, однако, выяснилось, что французское правительство не желало в этом важнейшем для финансов России вопросе пойти ей навстречу. Все же необходимо было найти какой-то выход, и французское правительство предложило следующий план. Русский Государственный банк открывает кредит в 200 млн. франков Французскому банку (*Banque de France*), который «принимает на себя обязательство обеспечить при посредстве финансовых учреждений уплату наших купонов после первого сентября». Взаимное урегулирование расчетов между Государственным банком России и Французским банком откладывалось на время после окончания военных действий²⁰.

Это предложение давало возможность урегулировать первые платежи по государственным займам России, но принципиально оно было неприемлемо для великой державы, располагавшей значительными свободными средствами в банках союзной страны. Принять это предложение означало отказаться от своих же денег, которые находились у французских банкиров. И все же Сазонов известил своего посла о согласии министра финансов на предложенную французами комбинацию²¹. Последняя, однако, не была осуществлена, ибо соглашаясь в принципе на такое урегулирование текущих платежей, Барк одновременно подчеркивал свое несогласие «с той точкой зрения, что мораторий должен быть распространен полностью на суммы Министерства финансов во французских

¹⁸ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1915 гг., д. 284, лл. 7—8. Письмо Барка Сазонову от 3 августа 1914 г.

¹⁹ Там же, лл. 9—10. Письмо Барка Сазонову от 9 августа 1914 г. (Курсив наш. — А. С.).

²⁰ Там же, л. 11. Секретная телеграмма Извольского от 23/10 августа 1914 г.

²¹ Там же, л. 15. Копия телеграммы Сазонова от 26/13 августа 1914 г.

банках»²². Следовательно, предложенная французами операция по оплате купонов должна была явиться дополнительным кредитом и не только для оплаты платежей по займам, но и для оплаты других расходов русского правительства. Барк рассматривал предложение французов не как самостоятельную, но дополнительную финансовую операцию, и потому краткая телеграмма Сазонова о согласии Барка на предложение французов могла породить нежелательные осложнения.

Барк предложил другой план урегулирования платежей по займам во Франции. По этому плану французские банки, имевшие вклады Министерства финансов, должны были делать ежемесячные отчисления, за счет которых образуется особый фонд для оплаты платежей по займам. Барк был настроен весьма решительно в пользу этого плана и поэтому настаивал перед Сазоновым, чтобы французское правительство оказало «воздействие» на свои кредитные учреждения. Барк считал, что только в том случае, когда отдельные французские банки оказались бы не в состоянии делать такие взносы, «наступало бы место для пополнения этих сумм вышеуказанным кредитованием Banque de France Государственным банком»²³. Следовательно, точка зрения русского правительства сводилась к тому, чтобы платежи по русским займам платились за счет русской наличности и дополнительно к ней использовалось бы соглашение банков обеих стран о кредите в 200 млн. франков.

Непримиримость позиции французских банков преследовала вполне определенную цель — вынудить русское правительство дать согласие покрыть его вкладами задолженность русских частных акционерных банков французским банкам, размер которой был довольно значителен — свыше 500 млн. франков. К точке зрения французских банков фактически примкнули представитель Министерства финансов в Париже (финансовый агент) А. Рафалович и сам посол А. Извольский, которому надоело возиться со столь трудными разрешаемыми финансовыми делами. Одновременно Извольский считал возможным вытребовать до 25% остальных средств русских вкладов и при помощи Французского банка производить уплату купонов по займам²⁴.

---

²² АВПР, ф. II департамент, 1—5. «Война», 1914—1915 г., д. 284, лл. 13—14. Письмо Барка от 13 августа 1914 г. Эта точка зрения Барка была передана в Париж телеграммой товарища министра иностранных дел Нератова от 13 августа (лл. 16—17).

²³ Там же, лл. 13—14. Письмо Барка Сазонову от 13 августа 1914 г. Эта же точка зрения полностью отражена в директивной телеграмме Нератова русскому послу.

²⁴ Там же, л. 19. Секретная телеграмма Извольского от 27/14 августа 1914 г.

Эта комбинация справедливо встретила отрицательное отношение в России, ибо она лишала Министерство финансов единственно реального источника валюты за границей. Барк обратился с новым письмом к Сазонову, в котором категорически отверг предложение Извольского, как «неприемлемое»²⁵. Валюта могла потребоваться самому правительству как для платежей по внешним займам, так и «на расходы ведомств, связанных с войной». В связи же с опасностями потери средств при неблагоприятном для французов обороте военных событий на фронте и оставлении ими Парижа Барк предложил фиктивно перевести всю наличность правительства в Париже «на счета одного или нескольких английских банков с тем, чтобы со счетов этих последних французские банки списывали средства лишь по мере действительной необходимости»²⁶. Если бы и этот проект не обеспечивал сохранности средств, Барк предложил привлечь к посредничеству между русской казной и французскими банками «несколько перво-классных американских банков».

Предложения Барка о переводе средств казны на счета других иностранных банков были обсуждены послом вместе с представителями французских банков и отвергнуты. Фиктивный перевод средств в английские банки был бы легко обнужен немцами, а американцы на перевод не соглашались в связи с нейтралитетом.

По-видимому, Извольский преувеличивал опасность потери вкладов русского правительства, ибо французские банки могли выехать в провинцию или скрыть свои книги. В то время французские банки действительно эвакуировались из Парижа и увозили свои книги, а ход военных событий стал благоприятен для французов. Тем не менее Министерство финансов России дало указание о вывозе в безопасное место во Франции процентных бумаг казны на сумму 20,6 млн. руб.

Одновременно Барк снял свое предложение об образовании французскими банками особого фонда для оплаты процентов по долгам и вновь присоединился к предложениям

---

²⁵ Там же, лл. 22—23. Письмо Барка от 16 августа 1914 г. 17 августа содержание письма было сообщено Извольскому, которому было предложено обсудить вопрос с французскими банкирами (л. 21). Однако в телеграмме Сазонова послу упор был сделан на предложение Барка о переводе средств казны в английские или американские банки. Коренной же вопрос о том, что эти средства необходимы России на военные нужды, в телеграмме затушеван.

²⁶ Там же. Как следует из другого письма Барка, перевод средств в Англию или американские банки являлся лишь бухгалтерским приемом в целях их сохранности (там же, лл. 27—28. Письмо Барка от 21 августа 1914 г.).

Французского банка об оплате им купонов и облигаций за счет особого кредита в 200 млн. франков²⁷. Однако и на этот раз Барк стремился к тому, чтобы финансовое ведомство России сохраняло право распоряжаться своими средствами и для других надобностей, равно как и 200-миллионный кредит должен был расходоваться не только для выплаты процентов по долгам, но и для других расходов — на содержание посольства, для оплаты займов городов, помощи русским гражданам и т. д. Изложенная Барком оговорка о добавочных платежах, кроме оплаты займов, касалась лишь небольшой части кредита «по сравнению с общей суммой платежей по займам»²⁸.

Французы согласились на предложение Барка, но просили установить предельную сумму этих дополнительных платежей, которые действительно представляли незначительную величину. За вычетом платежей по займам, включая и муниципальным, в совокупности достигавших суммы около 130 млн. франков, и оплаты военных заказов во Франции (около 25 млн. франков), оставалось еще около 50 млн. франков²⁹, которыми Барку хотелось распорядиться для оплаты военных заказов в Англии и Америке. Именно на эти две страны приходилась «преобладающая часть» военных расходов России. Поэтому Барк колебался дать согласие на французские предложения. Он понимал, что, согласившись на это частичное разрешение вопроса об урегулировании платежей французским держателям русских ценностей, русское правительство фактически лишается возможности использовать свои «огромные суммы» для платежей по обязательствам России в других странах. Руководствуясь этими соображениями, Барк считал «безусловно необходимым настаивать на том, чтобы независимо от фонда или кредита Banque de France за гарантией Государственного банка для оплаты наших государственных, гарантированных и муниципальных займов, французские банки, у которых находятся наши суммы, выплачивали бы наши переводы по заказам как в самой Франции, так и в Англии и Америке, или же таковую оплату принял на себя Banque de France за нашей гарантией»³⁰. Только при этом непреклонном условии Барк соглашался на предложенную французами комбинацию.

²⁷ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1915 гг., д. 284, лл. 29—30, 31, 34. Письмо Барка Сазонову от 27 августа 1914 г. и телеграммы МИД в Бордо.

²⁸ Там же, лл. 32—33. Письмо Барка от 7 сентября 1914 г.

²⁹ Суммы были названы в письме Барка Сазонову от 28 сентября 1914 г. (там же, лл. 38—39).

³⁰ Там же, лл. 38—39. Письмо Барка Сазонову от 28 сентября 1914 г.

Итак, прошло уже около двух месяцев в бесплодной дипломатической переписке. За это время вопрос о ликвидации задолженности русских акционерных банков французским оставался также еще нерешенным; зато и суммы русского правительства оставались в основном замороженными.

К началу октября 1914 г. русское правительство имело на счетах французских банков 737 млн. франков³¹, и в то же время русское правительство должно было вывозить золото из страны для оплаты военных заказов.

5 октября 1914 г. состоялось заседание Комитета финансов, обсуждавшее вопрос об учете в Англии краткосрочных обязательств и вывозе золота на 80 млн. руб. Комитет, выражавший в финансовых вопросах мнение правительства в целом, обратил внимание на ненормальность финансовых отношений с Францией. По его мнению, «представляется совершенно недопустимым» распространять мораторий на правительственные средства союзной с Францией державы, нуждающейся в этих средствах в интересах совместного ведения войны. Комитет финансов уполномочил Барка войти в сношение с министром иностранных дел «на предмет дипломатического представления французскому правительству об освобождении наших сумм во французских банках от действия моратория и возможности беспрепятственного распоряжения *и перевода их в другие страны, в особенности в Америку*, для оплаты наших заказов»³².

Как видно из переписки Министерства иностранных дел с Извольским в Париже, посол выполнил это поручение³³. 23/10 октября 1914 г. он сообщил о своих переговорах с французским министром иностранных дел Делькассе. Последний подтвердил готовность Французского банка открыть русскому правительству кредит в 200 млн. франков, который можно использовать как на оплату купонов, «так и на всякие другие надобности». Таким образом, удовлетворялось одно из существенных пожеланий русского министра финансов. Кроме того, от действия моратория освобождалось около 200 млн.

³¹ Там же, лл. 42—43. Письмо Барка Сазонову от 5 октября 1914 г. Из этой суммы 404 млн. франков оставались совершенно свободными, а остальные 333 млн. франков либо были переведены на специальные счета, либо являлись срочными вкладами.

³² Там же, лл. 46—47. Письмо Барка Сазонову от 6 октября 1914 г. (Курсив наш.— А. С.).

³³ Там же. Телеграмма Сазонова Извольскому от 8 октября 1914 г., составленная на основе письма Барка Сазонову от того же числа. Текст телеграммы напечатан в приложении «Международных отношений в эпоху империализма», т. VI, ч. 2, стр. 371—372. Это один из немногих документов, по-видимому, случайно включенных в том, ибо о переписке Барка с Сазоновым в этой публикации даже не упоминается.

франков. Следовательно, в распоряжении русского правительства могло оказаться около 400 млн. франков³⁴. Правда, ответ Делькассе Извольскому носил частный характер и еще не являлся официальным ответом французского правительства. Кроме того, в нем не было сказано ни слова о возможности перевода русских вкладов за пределы Франции. Между тем именно этого особенно добивался Барк в своем письме к Сазонову 8 октября³⁵. Он просил его «особенно настаивать» при переговорах с французским правительством, чтобы французские банки «без ссылки на мораторий исполняли бы приказы Министерства финансов о переводе сумм в Америку для платежей по срочным заказам морского и военного министерств». Речь шла о срочном переводе в Соединенные Штаты Америки в текущем месяце небольшой сравнительно суммы в 36 млн. франков.

24/11 октября 1914 г. Извольский сообщил официальный ответ французского правительства. Оно обещало воздействовать на французские банки, «дабы последние «не прятались» по отношению к нам (т. е. России.— А. С.) за мораторий»³⁶. Оно обещало также в ближайшем будущем совершенно отменить мораторий. Одновременно французское правительство подтверждало готовность Французского банка открыть русскому правительству кредит, взамен такого же кредита со стороны Государственного банка России. Но если ранее выражалась готовность произвести взаимные расчеты между банками по окончании военных действий, то теперь французское правительство указывало уже русскому на необходимость резервировать из сумм, связанных мораторием, «достаточный фонд» для возмещения Французскому банку открытого аванса. Другими словами, кредит в 200 млн. франков открывался не дополнительно к наличности правительства, а за счет этой наличности. Вопрос же о возможности платежей за пределами Франции совершенно обходился. Фактически Извольский ничего не добился.

Тем временем французское правительство продлило мораторий до 1 декабря 1914 г., разрешив выплачивать по текущим

³⁴ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1915 гг., д. 284, л. 55. Секретная телеграмма Извольского от 23/10 октября 1914 г.

³⁵ Там же, лл. 50—51.

³⁶ Там же, л. 56. Копия секретной телеграммы Извольского из Бордо от 24/11 октября 1914 г. Эта телеграмма, как и другие, была переслана Барку. Как показывает телеграмма Извольского от 23/10 октября 1914 г., он в своих переговорах с французами добивался лишь права русского правительства распоряжаться не всеми своими наличными средствами, а только суммами, которые «освобождаются в силу моратория, что, конечно, сводило на нет настойчивые усилия Барка.

счетам 40—50%³⁷. Одновременно кредиторы получили право требовать с 1 декабря уплаты всех долговых обязательств. В связи с большой задолженностью русских акционерных банков, это не обещало Министерству финансов ничего приятного.

Кроме большой банковской задолженности России, потребность в валюте, в связи с ввозом товаров, была определена комиссией при Министерстве торговли и промышленности в сумме около 350 млн. руб.³⁸ Большая часть этих денег должна была быть израсходована в Англии в ближайшее полугодие и оплачена в фунтах. В Соединенные Штаты Америки уже было переведено около 40 млн. руб. и предстояло еще уплатить до конца 1914 г. в счет размещенных заказов в 100 млн. руб. «не менее 70 млн. руб.». В Японии платежи определялись в сумме 38 млн. руб. Всех этих платежей уже не могла покрыть свободная наличность во Франции. Необходимо было изыскивать новые источники.

2. СОГЛАШЕНИЕ С ФРАНЦУЗСКИМ БАНКОМ

Вопрос о соглашении с Французским банком относительно кредита в 200 млн. франков с течением времени потерял свою остроту, так как освобождавшиеся постепенно во французских банках суммы оказались достаточными для платежей по купонам займов, и эта оплата, по словам министра финансов, проводилась «по-видимому, без замедлений». Поэтому переговоры с французским правительством о кредите в 200 млн. франков не были завершены. Основное внимание было сосредоточено на двух вопросах: на ликвидации задолженности русских банков³⁹ и на освобождении всех сумм русского правительства во Франции. Прошло уже почти 4 месяца, как этот вопрос был поставлен перед французским правительством, а его разрешение не подвинулось вперед ни на шаг. Не помогали ни дипломатиче-

³⁷ Там же, л. 60. Секретная телеграмма Извольского из Бордо от 30/17 октября 1914 г.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 528, лл. 67—76. Письмо Барка в Комитет финансов, по-видимому, от 5 октября 1914 г. В этом документе Барк приводит цифры как сделанных в разных странах заказов, так и предстоящих заказов и платежей до конца 1914 г.

³⁹ Со стороны русских банков для переговоров по этому вопросу в Париж был послан директор Международного банка А. Вышнеградский. Агент Министерства финансов Рафалович подготовил основы соглашения об открытии Французским банком кредита на сумму до 500 млн. франков. Об этом Барк сообщил Сазонову еще 21 ноября 1914 г. Одновременно французское правительство предложило России заключить договор на поставку во Францию 30 млн. пудов пшеницы и 6 млн. пудов сахарного песку. 21 ноября 1914 г. состоялось особое решение Совета министров, разрешавшее министру иностранных дел заключить с французским правительством соглашение на поставку продовольствия.

ские представления, ни решения Комитета финансов, признававшего недопустимым распространение моратория на средства русской казны.

В конце ноября 1914 г. Барк вновь просил Сазонова принять «самые энергичные меры к освобождению сумм нашего правительства». Сазонов должен был указать французскому правительству, что стеснение в распоряжении суммами правительства во Франции отрицательно скажется «на своевременном изготовлении предметов военной обороны, а следовательно, и на успешном ведении войны»⁴⁰.

Итак, бесчисленные обращения Барка через Министерство иностранных дел с «покорными просьбами» к французскому правительству об освобождении средств казны от моратория оказались совершенно безрезультатными. Русское правительство не нашло должных политических, юридических и военных аргументов, чтобы заставить Францию посчитаться с законными требованиями своей союзницы и без проволочки их осуществить. После четырехмесячной переписки Барк вновь и вновь должен был убеждать Сазонова, а через его ведомство и французское правительство, как важно для русского правительства распоряжаться своими средствами для оплаты заказов в Америке. Этот конкретный вопрос в отношениях между двумя союзниками ярко показывает, как складывались отношения между должником и займодавцем, между Россией и Францией.

Между тем Извольский настойчиво требовал в своих сообщениях из Парижа⁴¹, во-первых, отказа русского правительства от формального освобождения сумм казны от моратория, так как это «было бы крайне неприятно французскому правительству и могло бы поставить его в затруднительное положение по отношению к другим правительствам, имеющим вклады во Франции», а, во-вторых, — скорейшего подписания соглашения с Францией по вопросу о банковских расчетах.

Проект такого соглашения был выработан при участии агента Министерства финансов Рафаловича и управляющего Французским банком Паллена. Проект предусматривал следующие моменты. Французский банк открывает русскому правительству для покрытия долгов частных банков аванс в сумме до 500 млн. франков. Взамен Государственный банк открывает соответствующий счет Французскому банку, считая 1 рубль за

⁴⁰ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1915 г., д. 284, лл. 78—79. Письмо Барка Сазонову от 27 ноября 1914 г. В этом же письме Барк сообщал Сазонову об отказе двух французских банков перевести в Америку 40 млн. франков, несмотря на приказ русского правительства.

⁴¹ Там же, лл. 83—84, 88—89. Телеграммы Извольского от 19/6 декабря 1914 г. и 22/9 декабря 1914 г.

2,66 франка. При внесении частными банками рублей в Государственный банк они получали контрвалюту и по распоряжению Министерства финансов могли покрыть свою задолженность. Но проект соглашения во французской редакции содержал одну статью — обещание Государственного банка России в будущем не прибегать к авансам Французского банка для оплаты купонов по займам. Эта статья вызвала возражения и Извольского и Министерства финансов России⁴². В своей телеграмме от 19/6 декабря Извольский заверял русское правительство, что подписание соглашения о финансовых расчетах с банками позволит России «потом и полностью получить, несмотря на формальное продление моратория, наши вклады».

В связи с настояниями Извольского, 9 декабря Барк сообщил Сазонову о своей готовности пойти навстречу французскому правительству и «не настаивать» на официальном изъятии наличности Министерства финансов от действия моратория, в обмен на обязательство своих французских корреспондентов, подкрепленное согласием французского правительства, на деле «не применять мораторий к суммам Министерства финансов»⁴³. Но французское правительство меньше всего было заинтересовано в том, чтобы русское золото уплыло из Франции в Соединенные Штаты. Между тем соображения о необходимости срочных платежей в Америке все чаще стали появляться в мотивировках министра финансов. Возможность своевременно производить платежи в Америке «за счет сумм казны во Франции является для финансового ведомства *главнейшей заботой настоящего времени*»⁴⁴, — писал Барк. Несмотря на убедительность аргументов министра финансов России, пытавшегося связать вопрос о распоряжении наличностью во Франции с состоянием вооружения русской армии и необходимостью разместить большие заказы в Америке, французов эти соображения мало трогали. Тогда Барк стал тянуть с заключением соглашения с французскими банками для ликвидации задолженности русских банков.

22/9 декабря 1914 г. Сазонов послал русскому послу четкую директиву, в которой еще раз подчеркнул необходимость письменных обязательств французских банков, подтвержденных французским правительством, не применять мораторий к сум-

⁴² Этот пункт был в дальнейшем снят Палленом и не вошел в соглашение Государственного и Французского банков.

⁴³ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1915 гг., д. 284, л. 89. Письмо Барка Сазонову от 9 декабря 1914 г. Это одно из интересных писем Барка, которое показывает, что французские банки по-прежнему отказывались производить выплаты за пределами страны. «Случаи отказа в выплате продолжают иметь место и поныне», — писал Барк.

⁴⁴ Там же, л. 90. (Курсив наш.— А. С.).

мам Министерства финансов. «Министр финансов, — говорилось в директиве, — еще раз обращает серьезное внимание на чрезвычайную важность для нас вопроса о фактическом освобождении всех сумм Министерства финансов во Франции ввиду предстоящих весьма крупных заказов военного ведомства в Америке, своевременное исполнение коих *может повлиять на самый ход военных событий*. При таких условиях уверенность в возможности своевременного производства платежей в Америке за счет сумм казны во Франции является для финансового ведомства *главнейшею заботою настоящего времени*»⁴⁵. Как следует из дальнейшей переписки, Барк имел в виду не устные заявления, а письменные обязательства банков, гарантирующие полную уверенность Министерства финансов в том, что его приказы о переводе средств казны в другие страны будут исполняться «незамедлительно и в полном объеме»⁴⁶. При выполнении французской стороной этого условия, конечно, не требовалось формальной отмены моратория, срок которого французское правительство продлило до 1 марта 1915 г.

Постепенно ряд французских банков заявил о своей готовности отказаться от применения моратория к вкладам русского казначейства. К числу таких банков относились — Лионский кредит, Национальная учетная контора, Банк Парижского союза и др.⁴⁷ Ввиду того, что некоторые банки по состоянию своих счетов не были в состоянии производить уплаты по приказам русского правительства, само «французское правительство согласилось авансировать... просимые суммы»⁴⁸.

При таком обороте дела Извольский уже сообщал о своей готовности отказаться от требования письменных обязательств со стороны банков. Таким образом, только 5 месяцев спустя после начала войны вопрос о вкладах русского правительства был «окончательно и вполне благополучно разрешен», как писал Извольский⁴⁹. После такого «благоприятного», по оценке министра финансов, оборота дела Барк сообщил о своем согласии получить разрешение Комитета финансов на заключение

⁴⁵ АВПР, ф. 11 департамент, 1—5, «Война», 1914—1915 гг., д. 284, л. 90. Телеграмма Сазонова. (Курсив наш. — А. С.).

⁴⁶ Там же, л. 93. Письмо Барка Сазонову от 12 декабря 1914 г.

⁴⁷ Там же, л. 103. Письмо Барка Сазонову от 23 декабря 1914 г. В письме названы банки, готовые отказаться от моратория, а также банки, где хранились «довольно крупные суммы» казны, но не давшие еще такого согласия. К таким банкам относились Парижско-Нидерландский, Госкье и Готтингер, Сосизэтэ Женераль.

⁴⁸ Там же, л. 112. Письмо Барка от 29 декабря 1914 г. Еще 25 декабря 1914 г. (7 января 1915 г.) Извольский телеграфно подтвердил согласие французского правительства авансировать «за их счет недостающие суммы» (л. 105).

⁴⁹ Там же, л. 105. Телеграмма Извольского от 25 декабря 1914 г. (7 января 1915 г.).

соглашения с Французским банком, которое исчерпывающим образом разрешало вопрос об оплате задолженности русских банков.

Пока шла длительная переписка между Петербургом и Парижем, вклады русского правительства во Франции значительно растаяли. Свободная наличность к концу декабря 1914 г. сократилась до 300 млн. франков⁵⁰, т. е. почти до одной четверти по сравнению с началом войны.

Барк сдержал свое обещание. 30 декабря 1914 г. Комитет финансов, рассмотрев представление министра финансов о заключении соглашения с Французским банком, одобрил его⁵¹. Соглашение сводилось к тому, что Французский банк открывал Государственному банку России кредит в сумме до 500 млн. франков. Государственный банк имел право использовать его для удовлетворения требований на валюту со стороны русских акционерных банков и торгово-промышленных фирм, «желающих погасить долги, сделанные до войны на французском рынке»⁵². С другой стороны, Государственный банк открывал кредит Французскому банку на ту же сумму в золотых рублях. Взаимный расчет между обоими банками должен был производиться через год после окончания войны. Государственный банк мог оплатить свой долг в золоте или во франках, по своему усмотрению. Соглашение между банками было гарантировано русским правительством, поэтому оно, кроме подписей Паллена и Рафаловича, было скреплено подписью русского посла Извольского⁵³.

Подписанное соглашение имело, конечно, большое значение для французских и русских банков — оно расчистило почву для дальнейшего сотрудничества между банками двух союзных стран, способствовало активизации финансовой деятельности русских банков и в то же время, несомненно, укрепило позиции французского капитала в банковской системе России. Решающая роль в заключении этого соглашения принадлежала русскому правительству, которое взяло на себя представительство интересов банковского капитала. Но что получило само правительство от этого соглашения? На его долю осталась лишь не-

⁵⁰ Там же, л. 102: Телеграмма Извольского от 20 декабря 1914 г. (2 января 1915 г.).

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1914—1917 гг. д. 1168, лл. 24—28. Журнал Комитета финансов, утвержденный царем 2 января 1915 г. В журнале Комитета ясно отражены разногласия сторон в ходе переговоров. В частности, как отмечено в журнале, Французский банк снял свое требование, чтобы русское правительство отказалось впредь обращаться к Французскому банку с требованием оплаты купонов по русским займам.

⁵² Там же.

⁵³ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1915 гг., д. 284, л. 139. Телеграмма Нератова от 3 января 1915 г.

большая часть вкладов. В ходе переговоров русское правительство проявляло недостаточную требовательность к своей союзнице в части защиты своих собственных вкладов. Французское правительство и банки, хотя и не добились компенсации банковской задолженности за счет средств русского казначейства, но, связав две различные проблемы, сумели почти на полгода оттянуть решение вопроса о фактическом использовании свободной наличности русского правительства. За это время большая часть этой наличности осталась во Франции для платежей по займам. Свободные средства за границей фактически очень мало дали казне для использования английского и американского рынков. За первые пять месяцев войны русское правительство не только не получило ни копейки кредитов от союзной Франции, чем был нанесен безусловный ущерб вооружению армии, но вынуждено было вести дипломатическую борьбу за право использовать свои собственные капиталы для повышения боеспособности армии, которая приносила в интересах своей союзницы серьезные жертвы на фронте. Союзная Франция так прижала русское правительство в самом начале войны, что ему сразу же пришлось искать кредиты в Англии и покупать эти кредиты дорогой ценой — путем вывоза части своего золотого запаса. Правительство дорого заплатило за соглашение, весьма выгодное для французских банков, и очень мало получило для себя.

3. ПЕРВЫЙ КРЕДИТ В АНГЛИИ. ВЫСЛКА ЗОЛОТА

Война внесла серьезные изменения в финансовые отношения России с другими странами и прежде всего с Англией. Уже первые месяцы войны показали, что серьезным кредитором России может быть лишь Англия, являвшаяся главной экономической и финансовой силой коалиции. Промышленные ресурсы Франции, выставившей огромную армию и потерявшей часть своей территории, были ограничены. Англия являлась более богатой и экономически более мощной страной. На деле она была главой Антанты, ее экономика не пострадала в начале войны и неудивительно, что Англия стала банкиром союзников.

Военные кредиты союзники использовали в целях давления на русское правительство, понуждая его к более активным военным операциям. Размер военных кредитов России находился в прямой зависимости от характера и масштаба военных усилий царской армии. «В те периоды, — говорил хорошо осведомленный в иностранных кредитах директор Кредитной канцелярии фон Замен, — когда наши военные задачи представляются крупными, когда наша роль в общем ходе войны увеличивается, конечно, увеличивается и финансовая помощь союзников.

И обратно, в минуты сокращения военных операций и малого военного значения их сокращаются те средства, которыми мы располагаем»⁵⁴.

Русской буржуазии, особенно в первый год войны, казалось, что правительство недостаточно широко и умело использует финансовые ресурсы своих богатых союзников. Как раз на это обстоятельство указывал кадет Шингарев, выступавший в годовщину войны с докладом бюджетной и финансовой комиссий IV Государственной думы. Несмотря на то, что за год войны на внешних рынках была получена сумма в 1399,1 млн. руб.⁵⁵, Шингарев говорил: «Наши союзнические отношения с могущественнейшими в финансовом и экономическом отношении державами мира, Англией и Францией, открывали, казалось бы, большую к этому возможность, так как нельзя предполагать, чтобы правительства этих держав не проявили *самого горячего рвения* в деле оказания финансовой помощи России, в то время как эта последняя в полной мере и с величайшими жертвами осуществляет свои союзнические обязательства на поле брани»⁵⁶.

Представитель российской империалистической буржуазии необоснованно предполагал, что союзники «при существующей искренности» их отношений к России «окажут всякое содействие России в той области, в которой она является относительно менее сильной, чем ее союзники, а именно в области финансов»⁵⁷. То был ошибочный расчет. Союзники стремились заплатить за кровь русских солдат возможно дешевле. Рассмотрение действительного хода финансовых отношений царского правительства с союзниками покажет, какие трудности надо было преодолеть, чтобы добиться расширения кредитов.

Уже 5 сентября (23 августа) 1914 г. между русским, английским и французским правительствами было заключено соглашение «о незаключении сепаратного мира в настоящей войне»⁵⁸. После укрепления политических отношений с Англией Министерство финансов России обратилось к Английскому банку с предложением о предоставлении кредита русскому правительству в 15 млн. ф. ст., соответственно гарантированных зо-

⁵⁴ Стенографический отчет заседания Экономического совета при Временном правительстве, 1917, № 6, стр. 5. Эта характеристика была сделана фон Заменом 3 августа 1917 г., т. е. после провала июньского наступления 1917 г., и относится прежде всего к финансовому положению правительства Керенского, но она также справедлива и по отношению к царскому правительству.

⁵⁵ Приложение к стенографическим отчетам Гос. думы 4-го созыва, сессия № Вып. 1, 1915 г., стр. 8.

⁵⁶ Там же, стр. 7. (Курсив наш.— А. С.)

⁵⁷ Там же, стр. 9.

⁵⁸ МО, серия III, т. VI, ч. 1, док. № 220.

лотым кредитом Государственного банка России⁵⁹. Потом выяснилось желание группы английских финансистов открыть России кредит в размере 15—20 млн. ф. ст. под учет краткосрочных обязательств казны. Эта комбинация казалась Министерству финансов более выгодной, и Сазонов поручил русскому послу в Лондоне Бенкендорфу выяснить точку зрения английского правительства, которое «быть может, не откажет в своей сочувственной поддержке»⁶⁰ этой операции. Английский банк, ссылаясь на ограниченность своего золотого запаса, ответил отказом открыть «новые кредиты» Государственному банку России. Английское же правительство, в результате проведенных Бенкендорфом частных переговоров, соглашалось оказать России кредит в 15—20 млн. ф. ст., но выставило несколько условий. Оно прямо заявило, что выпуск русского займа на частном рынке «является невозможным без содействия правительства его величества». Директор банка «Братья Беринг и К^о» лорд Ревелсток, с которым вел переговоры Бенкендорф, предложил заключить соглашение между английским и русским правительством на следующих условиях: русское правительство высылает в Лондон золота на 7,5—10 млн. ф. ст., т. е. половину необходимой России суммы; вторую половину суммы Англия кредитует под казначейские обязательства, которые гарантируются выделением в Петрограде соответствующих сумм в золоте, «поставленных в распоряжение английского правительства»⁶¹.

Не надо быть глубоким экономистом, чтобы оценить английское предложение. В обмен за незначительный кредит англичане требовали, кроме краткосрочных обязательств казны, еще чистое золото рубль за рубль,— половину с доставкой в Лондон, а вторую половину в Петрограде. Но ясно, что своим золотом русское правительство могло рассчитывать за границей и без английских кредитов.

Вопрос об этой кредитной операции в Англии неслыханно затянулся, так как Министерство финансов не соглашалось на английские условия, совершенно справедливо находя их неприемлемыми. Дело дошло до создания специальной комиссии и официального обсуждения английским правительством условий этой сделки.

Англичане соглашались разместить обязательства казначейства на сумму не свыше 15 млн. ф. ст. при условии, что русское правительство вышлет золото на половину этой суммы и ис-

⁵⁹ МО, серия III, т. VI, ч. I, док. № 234. Телеграмма Сазонова русскому послу в Лондоне Бенкендорфу от 9 сентября (27 августа) 1914 г.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, док. № 246. Телеграмма Бенкендорфа от 11 сентября (29 августа) 1914 г.

пользует 50% полученных средств в Англии на нужды частной промышленности и торговли России. Министерство же финансов соглашалось на высылку золота на 5 млн. ф. ст. и на размещение обязательств казначейства на 15 млн. фунтов⁶². Таким образом, золото составило бы одну четвертую часть полученной суммы.

Русское правительство пыталось, во-первых, уменьшить на 30 млн. руб. сумму высылаемого золота и, во-вторых, снизить расходы на нужды частной промышленности до 40%, оговорив, впрочем, что эти средства не будут зачтены в погашение прежних долгов промышленных и торговых фирм. Наконец, Министерство финансов считало, что англичане должны были принять золото в Архангельске и, следовательно, риск перевозки должен был быть отнесен за их счет, хотя часть расходов по перевозке русское правительство соглашалось принять на себя.

Вся последующая переписка Бенкендорфа с МИД пронизана восторженностью перед благородством английского правительства, которое желало «быть нам особенно приятным и полезным». Исходя из этих чувств, оно якобы отказалось от выгод и предоставило нам важное «преимущество», распространить которое на более крупную операцию России посол считал «делом очень нелегким». Так воспринималась русским послом позиция английского правительства, которое отлично отдавало себе отчет не только в финансовых, но и в военно-политических последствиях предполагаемой сделки.

Чтобы не оставалось никаких сомнений в позиции английского правительства относительно условий предполагаемой сделки, английский министр иностранных дел Грей 26/13 сентября 1914 г. прислал Сазонову официальный меморандум, в котором были изложены условия готовившейся финансовой операции⁶³. В этом меморандуме английское правительство прямо предупреждало, что выпуск на лондонском рынке русского государственного займа «будет невозможен без содействия правительства его величества». Оно соглашалось открыть кредит русскому правительству в 20 млн. ф. ст., но потребовало высылки в Англию золота на 8 млн. ф. ст., а на остальные 12 млн. ф. ст. английское правительство соглашалось учитывать краткосрочные обязательства русского казначейства сроком на один год с момента учета. Кроме того, английское правительство определяло условия расходования предоставленно-

⁶² Там же, стр. 295—297. Телеграмма Бенкендорфа от 23/10 сентября 1914 г. и примечание о ходе переговоров.

⁶³ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 43—44. Машинописная копия английского меморандума. О получении официальной ноты английского правительства сообщал и Бенкендорф 27/14 сентября 1914 г. (МО, серия III, т. VI, ч. I, док. № 323).

го кредита: 8 млн. ф. ст. предназначались для расчетов русских коммерсантов и промышленников с английскими кредиторами, а 12 млн. ф. ст. оставались в распоряжении правительства для всех остальных нужд — для оплаты купонов по займам и другим внешним обязательствам правительства, а также для финансирования закупок и заказов на английском рынке. Из этой части кредита русское правительство не имело права употребить «какой бы то ни было части кредита для перевода денег в Россию или на финансирование русских покупок вне Соединенного Королевства». Следовательно, русское правительство не могло оплатить своих заказов за счет английского кредита в США или в Японии.

В своем меморандуме английское правительство предусмотрело и такие детали, как условие произвести пересылку золота в Англию за счет русского правительства, с правом льготной страховки его, и предоставление морской охраны Англией.

Следовательно, если исключить 8 млн. ф. ст., целиком покрываемых русским золотом, сумма кредита сокращалась фактически до 12 млн. фунтов, из которых 8 млн. ф. ст. шло на покрытие старой задолженности. Чтобы произвести новые платежи в количестве 4 млн. фунтов, русское правительство должно было вывозить золото на сумму в два раза большую.

Русское правительство принимало английские условия с рядом существенных оговорок. Его позиция достаточно полно изложена в телеграмме Сазонова Бенкендорфу от 2 октября (19 сентября) 1914 г.⁶⁴, а несколько позднее — в докладной записке министра финансов в Комитет финансов⁶⁵. Сазонов сообщал Бенкендорфу, что Государственный банк России готов гарантировать суммы, которые «были бы даны в заем России для платежей в Англии». Сверх этой гарантии Министерство финансов готово было открыть в Петербурге депозит в золоте на имя английского правительства, но вывезти его из России можно было бы только после войны, в связи с урегулированием послевоенных расчетов.

В этом пункте были весьма существенные расхождения между обеими сторонами, и здесь английское правительство не уступало. Оно требовало реального золота с доставкой в Лондон. Уступая англичанам, Министерство финансов соглашалось на вывоз золота, но настаивало на уменьшении суммы до

⁶⁴ АВГР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 20—21. Машинописная копия. Этот текст воспроизведен в МО, серия III, т. VI, ч. 1, док. № 347, стр. 348—350.

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 528, лл. 163—169. Записка П. Барка в Комитет финансов «О предоставлении министру финансов права совершать кредитные операции на внутреннем рынке и в Англии». Записка не датирована, но она написана в начале октября (возможно 5 октября 1914 г.) и содержит фактический материал по 29 сентября 1914 г.

5 млн. ф. ст. и учете обязательств в количестве 15 млн. фунтов. Сазонов подчеркивал, что уменьшение золотого запаса представляет большую жертву со стороны России. Все остальные расходы имели меньше значения, за исключением, пожалуй, вопроса о риске перевозки, который должен был быть отнесен за счет Англии, тем более, что доставка золота происходила на английских военных кораблях.

Что касается порядка расходования кредита, то русская сторона вполне соглашалась на расходование 40% кредита для нужд торговли и промышленности, но за этим внешним согласием ясно выступает совершенно понятное стремление возможно меньшую часть этой суммы израсходовать на покрытие старой задолженности и возможно большую часть — на оплату новых заказов. Зато англичане стремились прежде всего покрыть часть русской задолженности, которая достигала уже суммы около 140 млн. руб.

Самый тон телеграммы Сазонова свидетельствовал не об упорном сопротивлении нажиму союзника, а скорее о слабой надежде на его снисходительность. В ходе дальнейших переговоров Министерство финансов «настаивало главным образом на уменьшении суммы требуемого золота и на невысылке его в Лондон, а зачислении здесь в Петрограде в распоряжение английского посла, а также на нерегламентировании назначения имеющейся получиться в Англии нашей золотой наличности. Великобританское правительство, однако, настаивало на прежних условиях», которые в конечном итоге были санкционированы Комитетом финансов⁶⁶. И в главном и в мелочах русское правительство приняло английские условия. Конечно, по одной сделке и на сравнительно небольшую сумму нельзя делать общих выводов об отношениях между двумя странами, но в данном случае мы имеем дело с типичным явлением, по образу и подобию которого англичане предлагали царскому правительству строить финансовые отношения и в дальнейшем⁶⁷.

Первоначальная позиция русского правительства в этом вопросе больше всех разочаровала русского посла в Лондоне, который воспринимал высылку золота в Англию не как его вынужденную уступку англичанам, а как создание «свободного депозита», золотого резерва «для нового кредита

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1914 г., д. 528, лл. 163—169.

⁶⁷ Там же. Недаром Барк сообщал Комитету финансов: «Министерство финансов было поставлено в известность, что в случае необходимости произвести в Лондоне новые дополнительные краткосрочные кредитные операции, таковые могли бы быть допущены на тех же основаниях, т. е. при условии сохранения вышеуказанного соотношения между суммой выпускаемых бонов и посылаемого золота, а также отчисления 40% на нужды торговли и промышленности».

императорскому правительству»⁶⁸. Бенкендорф был несогласен с Барком и пытался объяснить дело каким-то «недоразумением», в основе которого лежало нежелание министра финансов отнести риск по перевозке за счет России и взять на себя целиком транспортные расходы. Бенкендорф находился под влиянием ложной идеи, что последнее предложение англичан «не имеет ничего общего с прежним»⁶⁹, что русское золото, доставленное в Лондон, «должно быть поставлено в распоряжение русского правительства» и оставалось бы русским. Он сообщал, что, получив ответ Сазонова, «английское правительство очень сильно разочаровано. Оно действительно надеялось оказать нам исключительно крупную услугу». В тот же день он послал вторую телеграмму, в которой стремился всячески смягчить расходы, ограничить их сферой чисто финансовых отношений и выражал надежду, что переговоры могут быть возобновлены⁷⁰.

В ответ на русское предложение английское правительство решительно отказалось пойти на уступки. Финансовый комитет английского правительства, возглавлявшийся Ллойд-Джорджем, прислал министру финансов России телеграмму, в которой «сожалел», что Барк не одобрил предложения английского правительства, благоприятные «в общих интересах России и Англии»⁷¹.

В это время (в конце октября 1914 г.) русский рубль упал в цене на 14%: вместо 9,4 руб. за фунт стали платить 11 руб.⁷² Ввиду предстоявших больших платежей английским промышленникам со стороны русской казны и частных промышленников по военным заказам и покупкам курс еще более должен был снизиться. Поэтому срочно нужна была английская валюта, и русское правительство вынуждено было уступить.

9 октября 1914 г. Николай II подписал указ о выпуске обязательств казначейства на английском рынке⁷³. 30/17 октября 1914 г. в Лондоне было подписано соглашение с банковской конторой «Братья Беринг и К^о» об учете краткосрочных обязательств русского казначейства в сумме 12 млн. ф. ст. От имени русского правительства соглашение подписал Бенкендорф и от имени банка — его директор лорд Ревелсток⁷⁴, принимавший

⁶⁸ МО, серия III, т. VI, ч. 1, док. № 356. Телеграмма Бенкендорфа Сазонову от 4 октября (21 сентября) 1914 г.

⁶⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 28. Телеграмма от 6 октября (23 сентября) 1914 г. Гектографированная копия. Телеграмма опубликована в МО, серия III, т. VI, ч. 1, док. № 365.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ МО, серия III, т. VI, ч. 1, док. № 369.

⁷² L. Petit. Histoire des finances extérieures de la France pendant la guerre 1914—1919. Paris, 1929, p. 184.

⁷³ СУ, 9 октября 1914 г., № 274.

⁷⁴ МО, серия III, т. VI, ч. 1, док. № 429.

самое активное участие в переговорах. Фирма Беринг учитывала обязательства без комиссии и куртажа, а учетный процент был равен тому, по которому получало кредит английское правительство; по истечении срока, через год, русское правительство имело право возобновить обязательства, т. е. продлить кредит. Сделка вступала в силу с 1 октября (н. ст.) 1914 г. Однако полученным кредитом министр финансов имел право распоряжаться только на лондонском рынке и в тех стеснительных рамках, о которых мы говорили выше⁷⁵.

В соглашении совершенно не упоминается о золоте, очевидно, потому, что еще до подписания соглашения золото было отправлено в Лондон, будучи фактически продано английскому правительству. Еще 14/1 октября 1914 г. английское посольство в Петрограде известило русское правительство, что 17/4 октября в Архангельск на крейсере «Дрэк» прибывает адмирал Грант, уполномоченный принять золото для перевозки в Англию⁷⁶.

Отправка золота в Англию на сумму 75,3 млн. руб. (8 млн. ф. ст.) была проведена в обстановке исключительной тайны в октябре 1914 г. Английский крейсер «Дрэк» и военный транспорт «Манута» остановились в море на расстоянии 50 верст от Архангельска. Золото туда доставлялось ночью. «Несмотря на это, немцы оказались осведомленными об этом, и суда эти на обратном пути в Англию подверглись атаке немецких подводных лодок»⁷⁷. Все же золото благополучно доставили в Ливерпуль 29 октября (н. ст.), и хотя это было еще золото русского правительства, ни посол, ни финансовый агент Рутковский не интересовались его дальнейшей отправкой. Сопровождавший партию золота чиновник Тимковский вынужден был обратиться за содействием к адмиралу Гранту, у которого попросил организовать «прямую доставку золота в Английский банк специальным поездом с военной охраной»⁷⁸. После этой операции золото, по требованию английского правительства, стали отправлять по железной дороге до Владивостока, а оттуда на японских крейсерах до Ванкувера (Канада).

Отправка золота произвела неблагоприятное впечатление на государственных деятелей России и в думских кругах. В то время как все государства стягивали золотые резервы, «мы вынуждены его выпустить, и притом на значительную сумму для

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 40. Машинписная копия.

⁷⁷ Г. Фиск. Финансовое положение Европы и Америки после войны, стр. 156.

⁷⁸ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 29. Телеграмма Тимковского от 29/16 октября 1914 г.

оплаты за границей военных заказов на надобности войны»⁷⁹, — писал министр иностранных дел русскому послу в Париже Извольскому. Недаром все настойчивые попытки Бенкендорфа добиться награды лорда Ревелстока орденом «Белого орла» потерпели неудачу. Бенкендорфу было весьма прохладно сообщено, что такая награда представлялась бы для правительства неудобной. Тем не менее посол продолжал свои настояния и в конце концов был уполномочен выразить «благодарность» ряду лиц, содействовавших заключению сделки⁸⁰.

При оценке описанной финансовой операции необходимо учитывать, что ее заключение произошло накануне дальнейшего расширения войны. На стороне центральных держав вступила в войну Турция, что еще более затруднило России связи с ее союзниками, расширило фронт войны и увеличило военные расходы России. Неудивительно поэтому, что едва было подписано соглашение, как русское правительство заявило, что кредит этот «недостаточен»⁸¹. Фактически русское правительство получило, за вычетом страховых платежей, финансовых пошлин и других расходов, возмещенных банком Берингов по этой операции, около 190 млн. руб., из которых 50 млн. руб. уже были израсходованы на военные заказы и покупки, а также на снабжение стерлингами русских заводов, изготовлявших различные предметы военной обороны⁸². Оставалось всего 140 млн. руб. Между тем, по расчетам Барка, для расплаты с английскими кредиторами не хватало 8 млн. ф. ст., так как 8 ноября 1914 г. долги русских банков Англии превысили 140 млн. руб. и «не менее крупную сумму составит задолженность нашей промышленности»⁸³. По заказам же для нужд обороны к ноябрю 1914 г. было уплачено около 125 млн. руб. и предстояло еще уплатить в 1914 и 1915 гг. около 300 млн. руб.

По мнению русского правительства, заключенное соглашение о кредите не давало возможности выделить «сколько-ни-

⁷⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 284, л. 52. Телеграмма Сазонова от 8 октября 1914 г.

⁸⁰ МО, серия III, т. VI, ч. 2, док. № 502. Телеграмма Бенкендорфа от 12 ноября (30 октября) 1914 г. В архивном документе ошибочно стоит дата 14 ноября 1914 г.

⁸¹ L. Petit. Op. cit., p. 184.

⁸² АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 59—60. Телеграмма Сазонова в русское посольство в Лондоне от 23/10 ноября 1914 г. Машинописная копия. В делах имеется и проект этой телеграммы Сазонова (там же, л. 58 об.). Телеграмма отправлена на основе письма Барка Сазонову от 8 ноября 1914 г. В примечании к док. № 609 (МО, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 174—175) приведено лишь очень краткое изложение этой телеграммы Сазонова.

⁸³ Архив Наркомфина СССР, Особенная канцелярия по кредитной части, II отд., 1 ст., д. 52. Письмо Барка Сазонову от 8 ноября 1914 г. См. А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 56.

будь значительные суммы банкам и русской промышленности» для ликвидации их довоенных обязательств. Ссылаясь на решение Комитета финансов, Сазонов предложил послу обратиться к английскому правительству за помощью в виде распространения на русские учреждения льгот по расчетам, вытекающих из мораториума, или же путем выделения специального кредита Английским банком. Сазонов сообщал, что русские банки и промышленные предприятия не могут в условиях войны найти иностранную валюту для расплаты. Поэтому русское правительство просило о предоставлении валюты в стерлингах, против вклада Государственного банка в рублях, по курсу примерно 10 руб. за фунт. Эта валюта пошла бы, после проверки Министерством финансов каждой операции и представленных гарантий, на уплату долгов банков и промышленных предприятий⁸⁴.

Русское правительство выступало за ликвидацию довоенных долгов за счет других источников, но не за счет валюты, полученной по займу. Оно соглашалось рассмотреть и всякое другое предложение англичан. Одновременно русское правительство вынуждено было поднять вопрос о заключении финансовой операции на более широкой основе. Посол в Англии должен был «настаивать на абсолютной необходимости взаимной помощи в финансовой и экономической сферах, чтобы избежать всяких потрясений, могущих уменьшить обоюдные силы»⁸⁵.

Однако аргументы, изложенные Сазоновым в телеграмме Бенкендорфу, не оказали на англичан никакого воздействия. Бенкендорф 6 декабря (23 ноября) 1914 г. сообщил Сазонову о неудаче предпринятых им шагов⁸⁶. По мнению англичан, Россия имела золотой запас в 155 млн. фунтов, а вся система английского денежного обращения и кредита держалась на «ограниченной золотой основе» в 85 млн. фунтов, поэтому для предоставления России новых кредитов необходим «новый золотой резерв», в той же пропорции, которая существует между золотым запасом Английского банка и количеством банкнот в обращении, т. е., по-видимому, в отношении 2 : 5. Следовательно, английское правительство в принципе не отказывало в кредите, но требовало, как и в первой операции, высылки золота, отвергая все соображения Сазонова об «опасности потрясений» и «уменьшении силы коалиции». Фактически игнорировалась связь между военными усилиями России и финансовой

⁸⁴ Учреждения, получившие фунты или гарантии правительства, спустя год после войны должны были их возместить. Фактически русское правительство пыталось и с англичанами разрешить вопрос примерно на той же основе, на которой подготавливалось соглашение с Францией.

⁸⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 59—60.

⁸⁶ МО, серия III, т. VI, ч. 2, док. № 609.

стороной войны, которая рассматривалась как отдельная и самостоятельная область сотрудничества. Характерно, что Бенкендорф очень хорошо усвоил английскую точку зрения и считал ее безупречной. Он подробно информировал свое правительство о том, в какое трудное положение попадет Англия, если откроет России кредит без золотого резерва.

Накануне получения этого ответа посла Сазонов сам подробно писал Бенкендорфу о трудном финансовом положении России и конкретизировал идею финансовой помощи со стороны Англии⁸⁷. Положение было таково: 8 млн. фунтов посланного золота были уже «полностью израсходованы», а из 12 млн. фунтов обязательств русского казначейства 6 млн. фунтов были уже учтены, а остальные 6 млн. будут израсходованы в ближайшее время, и их не хватит для покрытия счетов, которые достигали уже 10 млн. фунтов. Учитывая все это, Сазонов выдвинул идею заключения в Англии долгосрочного займа, гарантией которого должно явиться «успешное ведение войны». Посол должен был выявить принципиальное отношение великобританского правительства к этой идее.

Это общее указание Бенкендорфу было конкретизировано в меморандуме от 15/2 декабря 1914 г., врученном английскому послу⁸⁸. В нем подробно было развито предложение о заключении русским правительством в Англии долгосрочного займа. «Русское правительство желает пользоваться своим собственным кредитом, не затрудняя английское правительство новыми просьбами о кредите», — говорилось в меморандуме. Русское правительство рассчитывало на доверие английского денежного рынка к эмиссиям русских бумаг, особенно в условиях войны при «общности интересов обеих наций». Сумма займа определялась в 100 млн. фунтов. Здесь же излагались важнейшие статьи предполагаемых расходов. На первое место ставились расходы военного и морского ведомств, которые определялись в 15—20 млн. фунтов; затем шли платежи по гарантированным государством и городским займам — 5 млн. фунтов (на 2 года); расходы промышленности для обеспечения регулярной работы фабрик и заводов (закупка сырья) определялись приблизительно

⁸⁷ МО, серия III, т. VI, ч. 2, док. № 604. Телеграмма Сазонова Бенкендорфу.

⁸⁸ Копию текста этого меморандума мы не нашли, но основные пункты его были повторены Барком в телеграмме в русское посольство в Лондоне для Рутковского (АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 108. Машинописная копия без даты, по-видимому, 15/2 декабря 1914 г., так как в первой фразе говорится: «я только что вручил английскому послу в Петрограде меморандум»). Кроме того, о русской точке зрения можно судить по телеграмме Бенкендорфа от 6 декабря (23 ноября) 1914 г., в которой подробно изложены основные пункты русских предложений (МО, серия III, т. VI, ч. 2, док. № 609).

но в 30 млн. фунтов; для ликвидации прежних долгов банков и промышленности предназначалось около 30 млн. фунтов; остальные средства предназначались для оплаты заказов в других странах, особенно в США, хотя предполагалось, что правительство воспользуется «в большей или меньшей степени» кредитом в самих США.

Не дожидаясь еще конца переговоров о займе, русское правительство выражало желание учесть краткосрочные обязательства у английских банкиров, которые будут размещать заем, или у Английского банка. Следовательно, русское правительство хотело достать деньги в Англии без вывоза золота и без государственной гарантии английского правительства, причем в значительно большем количестве, чем было получено по первой финансовой операции.

Уже на следующий день Рутковский сообщил, что размещение займа на 100 млн. ф. ст. без гарантии английского правительства невозможно, и что английское правительство согласно на учет обязательств русского казначейства на 40 млн. фунтов для оплаты расходов по военным заказам в Англии и займам. Для уплаты кредитов вне Англии русское правительство должно выслать золото в пропорции $\frac{2}{5}$ от суммы таких платежей. Расходы же внутри королевства не требовали высылки золота⁸⁹. Английское правительство проявило большую готовность практически разрешить вопрос о новых кредитах, чем французское в разрешении вопроса о распоряжении русским правительством своими собственными деньгами.

Не довольствуясь обменом мнений через посольство, английское правительство решило выявить свою точку зрения в документе, который явился бы официальным ответом на меморандум Барка. 22/9 декабря русское правительство получило «Памятную записку»⁹⁰, в которой была изложена точка зрения английского правительства на финансирование России. Английское правительство заверяло, что самым тщательным образом рассмотрело нужды России и что оно «желает сделать все», что в его силах, чтобы помочь русскому правительству. Английское правительство не возражало «против самостоятельного выступления российского правительства на английском рынке» и даже обещало без колебаний выразить свое одобрение «любим его усилиям в этом направлении».

Однако за внешним согласием с точкой зрения партнера следовали другие аргументы, которые начисто отвергали русский план и намечали противоположное решение проблемы.

⁸⁹ МО, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 176. Телеграмма Рутковского не напечатана целиком и дана только в кратком изложении.

⁹⁰ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 118—120. Машинописная копия с пометой «Спешное».

Прежде всего заявлялось, что русское правительство сможет получить очень немного денег, если будет выступать самостоятельно, да и то при поддержке английского правительства. Отсюда, естественно, вытекало, что русское правительство могло получить «суммы требующегося размера» только путем займа у английского правительства, которое само обратится к английскому денежному рынку. В противовес русскому предложению английское правительство заявило о готовности обсудить вопрос о предоставлении России займа в сумме не свыше 40 млн. ф. ст. на следующих условиях:

1. Заем должен быть обеспечен 12-месячными обязательствами государственного казначейства, как это имело место в предшествующих займах, с последующей их оплатой золотом в Лондоне.

2. 50% займа (20 млн. ф. ст.), т. е. сумма, упомянутая в предложении русского правительства, расходуется на оплату платежей по закупкам, сделанным только в Соединенном королевстве, остальные средства могут расходоваться и вне Англии.

3. В случае использования кредита для оплаты заказов вне Соединенного королевства, русское правительство высылает в Англию золото в размере $\frac{2}{5}$ требуемой суммы; это золото продается Английскому банку.

4. Облигации будут учитываться из 5% для суммы в полтора раза больше высланного золота и из 6% для остальных. По истечении срока займа он возобновляется на 1 год.

Следовательно, и по этому займу русское правительство, если бы оно захотело использовать кредит в 20 млн. ф. ст. для расплаты вне Англии, должно было бы вновь вывезти золота на 8 млн. фунтов. Кроме того, Англия стремилась повысить ставку учетного процента.

Предложенные условия не удовлетворяли Министерство финансов ни в отношении общей суммы займа, ни особенно в отношении порядка расплаты вне Соединенного королевства.

Через несколько дней последовало новое разъяснение английской позиции⁹¹. В сумму 40 млн. фунтов включалось и золото, которое должно быть выслано из России. Таким образом, если платежи по закупкам вне Соединенного королевства достигали 20 млн. фунтов, то золото высылалось на 8 млн. фунтов, а билеты казначейства учитывались на 32 млн. фунтов. Подтверждалось, что суммой сбереженного золота русское правительство «сможет вполне свободно распоряжаться по своему усмотрению». В записке говорилось о просьбе Грея «отправить золото незамедлительно».

⁹¹ АВГПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 122. Памятная записка от 31/18 декабря 1914 г., излагающая основное содержание телеграммы Грея.

Накануне рождественских праздников Комитет финансов вынужден был в спешке обсудить вопрос о финансовой операции в Англии. Несмотря на праздник, решение Комитета финансов было доложено Николаю II 26 декабря и утверждено им⁹². Однако принятое Комитетом финансов решение не совпало с английскими условиями. Изложив Комитету финансов английские требования, Барк дал им такое освещение, будто правительство сможет получить английский кредит, не вывозя золото, если расходы в Америке будут уплачены не за счет английского кредита. Он информировал Комитет о том, что Министерство финансов и военное ведомство ведут переговоры с американскими банкирами и поставщиками военного ведомства «о предоставлении нам кредита по военным заказам и поставкам». Барк ошибочно рассчитывал, что при помощи американских кредитов ему удастся освободиться от платежей вне Соединенного королевства, и, следовательно, «пока отпадает вопрос о высылке золота, поставленного английским правительством как неперемное условие лишь по отношению к сумме, переводимой из Англии за границу»⁹³. Другими словами, Барк полагал, что можно будет учесть краткосрочных обязательств на 32 млн. ф. ст. и воспользоваться ими для платежей внутри Англии, не вывозя золота на 80 млн. руб. В этом духе он и

⁹² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1914—1917 гг., д. 1168, лл. 59—64. Журнал Комитета финансов от 23 декабря 1914 г. В журнале очень точно указаны выдвинутые Англией условия, на основе которых должна была быть реализована краткосрочная финансовая операция. См. также МО, серия III, т. VI, ч. 2, стр. 299.

⁹³ Там же. 13 декабря 1914 г. Военный совет утвердил договор с представителем канадского «поставочного комитета» полковником Д. В. Аллисоном о производстве и поставке в кредит 3-дюймовых патронов и шрапнелей на сумму 31,4 млн. долларов. Один из английских или американских банков гарантировал закладные деньги в 1,5 млн. руб., а русское правительство вносило векселями 35% от всей суммы подряда в один из английских или американских банков. Русское правительство выписало векселя в долларах, и их должен был передать заказчику в Лондоне военный агент. Министерство финансов считало, что этот заказ и способ расчета не «затрагивает английского денежного рынка», а потому и не вызовет возражений с его стороны. Однако эта сделка с канадскими поставщиками вызвала протесты со стороны Англии, поддержанные Бенкендорфом и Рутковским. Последние считали, что эта операция «противоречит соглашению нашего правительства с английским, согласно которому все заказы должны производиться при посредстве Русско-Английского комитета в Лондоне» (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1914—1917 гг., д. 1168, лл. 102—105). Эта крупная сделка с канадцами и переговоры с некоторыми американскими банками и послужили основанием для послешного заключения Барка о том, что английская валюта не потребуется для платежей в США. С другой стороны, «дело» Аллисона послужило основанием длительной дипломатической переписки русского МИД с посольством в Англии, в ходе которой Бенкендорф старался осветить дело так, будто русское правительство только теряет от этой сделки (МО, серия III, т. VI, ч. 2, док. № 754, стр. 351—354).

заявил на заседании Комитета финансов: «Для платежей в Англии высылка золота не требуется».

По рекомендации Барка Комитет финансов признал предложенную Англией операцию «приемлемой», но с «небольшой» оговоркой, «в том смысле, что поскольку учет бонов будет производиться для платежей в Англии, высылка золота не требуется». Вопрос о золоте оставался открытым и должен был быть обсужден лишь тогда, когда «окажется необходимым произвести платежи вне Англии и в зависимости от сумм таковых платежей». Такое решение не удовлетворило англичан, и вопрос фактически остался не разрешенным, подвергаясь дальнейшему обсуждению в дипломатической переписке. Не желая рисковать своим золотом, русское правительство предпочитало получить 40 млн. фунтов для кредита внутри Англии, а английское правительство в вопросе о золоте стояло на своем. Русское правительство как бы разъединяло одну операцию на две части — принимало английские кредиты и откладывало решение вопроса о золоте, а английское правительство соглашалось открыть кредит при непременно условии, что его половина пойдет на оплату внутри страны, а вторая половина будет немедленно перестрахована высылкой золота. Этот различный подход к делу и повлек задержку в решении вопроса и дальнейшую переписку.

15/2 января 1915 г. Барку в Петербурге и Бенкендорфу в Лондоне была вручена идентичная памятная записка, в которой говорилось, что английское правительство придерживается суммы и условий займа русскому правительству, изложенных в записке, врученной английским посольством 19/6 декабря 1914 г., и в телеграмме Грея 31/18 декабря 1914 г.⁹⁴

В документе говорится о том, что если до предстоящего совещания трех министров финансов русское правительство сочтет желательным заключить неотложные контракты на поставку военного снаряжения в счет займа в 20 млн. фунтов, то оно сможет это сделать, учитывая краткосрочные обязательства в Английском банке. Вместе с тем английская сторона соглашалась на некоторую отсрочку с присылкой золота Английскому банку в счет этих договоров до того времени, когда русское правительство будет заключать договоры на поставки вне Соединенного королевства⁹⁵. Вместе с тем Ллойд-Джордж разъяс-

⁹⁴ АВПр, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 128 и 136. Памятная записка британского правительства от 15/2 января 1915 г. Записка была вручена министру финансов и от него копия поступила к министру иностранных дел.

⁹⁵ Этой же теме посвящены телеграммы Бенкендорфа Сазонову от 13 января 1915 г. (31 декабря 1914 г.) (МО, серия III, т. VI, ч. 2, док. № 103) и от 14/1 января 1915 г. (там же, т. VII, ч. 1, док. № 3).

нял, что Канада и колонии должны рассматриваться как территории вне Соединенного королевства, т. е. что на них льготы по военным заказам не распространяются. Следовательно, пока обещана была ссуда, с условием непрямого вывоза золота, против чего восставали и Комитет финансов, и министр Барк.

По-видимому, английскому правительству стало ясно, что кризис вооружения и боевого снабжения в русской армии очень глубок и не следует задерживать размещение правительственных заказов России; с другой стороны, оно считало требование о высылке золота принятым.

Вопрос о финансах становился все острее и запутаннее. Требования со стороны России возрастали, причем и Франция также обращалась к английскому денежному рынку. В то же время перед русским Министерством финансов возникла необходимость финансирования Сербии и Бельгии, а оно само не имело иностранной валюты. В этой обстановке Англия нашла «своевременным и полезным созвать в Лондоне представителей России, Франции и Англии, чтобы обсудить, каким способом союзные правительства могли бы обеспечить для себя финансовые средства для ведения войны»⁹⁶. Сообщая о предстоящей конференции министров финансов Великобритании, России и Франции, Бенкендорф и Рутковский торопили русское правительство с решением вопроса о займе в 40 млн. ф. ст. еще до начала конференции. Бенкендорф предупредил министра иностранных дел Сазонова о жесткой линии англичан в вопросе о золоте. Не следует «надеяться на то, — писал он, — чтобы английское правительство согласилось внести изменения в свои предложения». Барк, хотя в принципе и соглашался на английские условия, но в расчете на американские кредиты затягивал оформление сделок и не давал Рутковскому указаний продолжать переговоры и подписать соглашение. Так оно и не было подписано до приезда Барка в Лондон.

Следовательно, до конца 1914 г., когда на военные расходы Россией было израсходовано свыше 2,7 млрд. руб., в том числе почти целиком была израсходована и золотая наличность за границей в размере около полумиллиарда рублей, Россия реально получила от «банкира мира» Англии всего лишь 120 млн. руб., за которые на 80 млн. руб. было вывезено золота. Была, правда, достигнута договоренность о дальнейшей ссуде в 200 млн. руб. (20 млн. фунтов), но ее расходование началось лишь в 1915 г.

Кредит не распространялся на платежи по торговле, а предназначался исключительно на заказы правительства для действующей армии.

⁹⁶ МО, серия III, т. VII, ч. 2, док. № 714. Телеграмма Бенкендорфа от 31/18 декабря 1914 г.

Что касается условий первого займа в Англии, то самой отрицательной его стороной было желание англичан связать кредиты России с высылкой золота, что вызвало длительные переговоры. Английское правительство относилось к этой сделке как к обычной коммерческой операции, недооценивая значение быстро и доброжелательного разрешения финансовых проблем в деле укрепления боевой мощи своего союзника, который уже за первые полгода войны понес огромные жертвы. Правительство же России не смогло настоять на более льготных условиях кредита и более широком его масштабе.

С самого начала войны русское правительство оказывалось целиком в финансовой зависимости от своих союзников — Франции и Англии, но роль банкира России, в связи с необходимостью массовых закупок в США и Англии, переходит от Франции к Англии.

В самом конце 1914 г. (постановление Комитета финансов от 30 декабря) было достигнуто окончательное соглашение с Французским банком, который открывал кредит в 500 млн. франков Государственному банку «для удовлетворения требования на валюту со стороны русских банков и торговопромышленных фирм» и для погашения процентов по довоенным долгам русского правительства. Этот кредит не давал правительству никаких новых средств на размещение военных заказов в Америке и Японии. Такие средства могла дать только Англия, переговоры с которой натолкнулись на вопрос о вывозе Россией золота.

4. СОГЛАШЕНИЕ ТРЕХ МИНИСТРОВ ФИНАНСОВ — РОССИИ, ФРАНЦИИ И АНГЛИИ В ПАРИЖЕ (20—23 ЯНВАРЯ 1915 г.)

Инициатива созыва совещания министров финансов Тройственного соглашения принадлежала Англии. 19 декабря 1914 г. великобританское посольство, по поручению своего правительства, обратилось в Министерство иностранных дел России с предложением созвать совещание министров финансов «для совместного обсуждения различных неотложных финансовых вопросов, связанных с дальнейшим ведением войны и необходимостью оказания помощи другим, кроме Франции и Англии, союзным с нами странам»⁹⁷. Так уже в самом предложении о совещании Россия попала в число «других» стран, которым необходима была помощь. На случай невозможности прибытия министра финансов России, великобританское правительство

⁹⁷ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 222, л. 4. Письмо Сазонова Барку от 22 декабря 1914 г.

просило о командировании вместо Барка «особо доверенное лицо императорского правительства». Передавая текст приглашения Барку, Сазонов сделал приписку: «Мне крайне не хотелось бы допустить подобной невозможности».

В начале января 1915 г. поступила телеграмма Извольского из Парижа с извещением, что Делькассе сообщил ему о том, что «французское правительство предлагает ему (Барку.— А. С.) и состоящим при нем лицам быть его гостями»⁹⁸. Телеграмма определяла место встречи (Париж) и сообщала, что приедет «канцлер шахматной доски» Ллойд-Джордж.

Перед поездкой на конференцию Барку следовало тщательно разобраться в состоянии военных заказов за границей и в размере необходимых средств для их размещения. Вообще, с заграничными заказами возникло много «недоразумений». По соглашению между русским и английским правительствами был организован Англо-Русский комитет, который сосредоточил в своих руках размещение заказов по линии государственной обороны.

Вопрос о централизации военных заказов России и контроле над ними со стороны английского правительства представлялся «для английского правительства настолько серьезным,— писал Барк председателю Совета министров,— что заключение соответствующего соглашения между английским и русским правительствами ставилось главным условием обеспечения со стороны Англии России нужными ей кредитами»⁹⁹. Поэтому финансовое соглашение о кредитах было дополнено соглашением о заказах. Не вдаваясь в историю организации этого органа и имевшую место переписку между правительствами, отметим, что комитет был организован в сентябре 1914 г. Его председателем потом стал вел. кн. Михаил Михайлович. Представители английского правительства в Англо-Русский комитет не входили. На деле комитет являлся не более как комиссией по заказам, придатком созданного англичанами центрального учреждения по снабжению под названием «Comission internationale de Revitaillement».

Русский комитет, особенно в начале своего существования, не мог практически централизовать и объединить распределение заказов. Различные ведомства России обходили комитет, что вызывало известные трения, которые явились предметом дипломатической переписки между русским послом в Лондоне и министром иностранных дел. Англичане толковали соглашение о централизации заказов расширительно, требуя утвержде-

⁹⁸ Там же, л. 10. Гектографированная копия секретной телеграммы Извольского от 19/6 января 1915 г.

⁹⁹ АВГР, ф. Экономический департамент, 1-е дел-во, д. 105, лл. 192—196. Письмо Барка Горемыкину от 9 октября 1915 г.

ния комитетом всех без исключения военных заказов России, а русский военный министр Сухомлинов считал, что согласовывать следует лишь те заказы, которые оплачиваются за счет английских кредитов. Чем ближе была конференция, тем настойчивее Бенкендорф и Рутковский телеграфировали о протестах английского правительства против сделки военного ведомства России с полковником Мэки, представителем канадского полковника Аллисона¹⁰⁰. В целях ускорения выполнения заказа на 3-дюймовые патроны группа Аллисона намеревалась часть его разместить в Англии¹⁰¹. Русское правительство рассчитывалось за заказ векселями, выписанными в долларах крупными купюрами, что исключало возможность их обращения на английском денежном рынке. Министерство финансов России одобрило эту сделку, но англичане расценили ее как нарушение соглашения о заказах, а на поводу у них пошли Бенкендорф и Рутковский, также считавшие эту операцию нарушением соглашения с Англией, которая как в деле финансирования России, так и «в деле снабжения нас вооружением будет продолжать неизбежно играть главную роль»¹⁰². Дело дошло до того, что Бенкендорф отказывался подписать в Лондоне векселя русского правительства, выданные на имя Аллисона и подлежащие вручению в Лондоне¹⁰³.

В конце концов «дело» Аллисона, кстати рекомендованного английским генералом при великобританском посольстве Вильямсом, было урегулировано. Все заказы были перенесены в Канаду и США, где и должны были быть вручены краткосрочные обязательства русского правительства.

3 января 1915 г. Барк собрал бюрократическую верхушку министерств финансов, военного и морского на совещание по вопросу о военных заказах за границей. На этом совещании он пытался и расстройство кредитной операции в Лондоне на сумму 40 млн. ф. ст., вызванное, как известно, нежеланием самого Барка высылать золото, объяснить отступлением от соглашения о деятельности Англо-Русского комитета¹⁰⁴. В виде уступки англичанам было решено направить в Комиссию по

¹⁰⁰ МО, серия III, т. VII, ч. 1, док. 21, 22, стр. 29—31. Телеграмма Бенкендорфа от 16/3 января 1915 г.

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1914—1917 гг., д. 1168, лл. 102—105 (справка о заказе) и 109—110 (журнал совещания о военных заказах под председательством Барка).

¹⁰² МО, серия III, т. VII, ч. 1, док. 21.

¹⁰³ «Подписание векселей в Лондоне Рутковским, Ермоловым и мною,— телеграфировал Бенкендорф,— не представляло бы никакого преимущества, как известное осложнение было бы лишь невыгодно и компрометировало бы как посла, так и комитет» (там же, док. № 22).

¹⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1914—1917 гг., д. 1168, лл. 109—110. Журнал совещания о военных заказах.

1166

снабжению «особоуполномоченного» представителя русского правительства в качестве члена Англо-Русского комитета. Все без исключения военные заказы в Англии совещание решило на будущее время производить «с ведома Русско-Английского комитета и нашего посла». Этот порядок размещения заказов в Англии распространялся не только на правительственные заказы, но и на заказы частных заводов¹⁰⁵. Что касается новых военных заказов в США, где Россия имела валюты всего на 50 млн. руб., военным учреждениям рекомендовалось «всемерно озаботиться о том, чтобы расплата производилась краткосрочными обязательствами» казначейства, т. е. в кредит, а не путем перевода средств из Англии, поскольку это требовало высылки из России золота, «что является крайне нежелательным».

Совещание установило, что возможное расширение заказов России за границей зависело от расширения кредитов в Англии и США. В одном случае этот кредит определялся гарантией английского правительства, в другом — доверием частных банков и предприятий.

Рассмотрением вопроса о заказах и ограничилась подготовка Барка к встрече со своими коллегами.

Конференция трех министров финансов — Рибо, Ллойд-Джорджа и Барка — состоялась в Париже с 20 по 23 января 1915 г. (ст. ст.). На конференции также присутствовали управляющий Английским банком лорд Кенлифф, управляющий Французским банком Паллен и его заместители Хем и Сержан. От французских банков присутствовал Октав Омбер. С русской стороны при обсуждении вопроса о сосредоточении поставок в США в руках Моргана присутствовал военный атташе во Франции полковник Игнатъев.

На конференции обсуждались следующие вопросы: 1) о порядке изыскания средств, нужных для военных расходов; 2) об оказании финансовой помощи дружественным нейтральным государствам; 3) о расчете по военным заказам в нейтральных странах и Англии; 4) о сохранении золотых запасов России, Франции и Великобритании.

Для России наиболее существенной необходимостью было добиться получения нового кредита на 1915 г., изменения условий кредита в Англии, в основу которого был положен принцип высылки золота, заключения соглашений с союзниками

¹⁰⁵ Хотя в США также существовал русский комитет, совещание специально отметило, что он «не может иметь того значения, как английский», ввиду заинтересованности английского правительства в распределении заказов, в то время как в Америке «правительство стоит от этого в стороне».

о поставке им хлеба с целью оживления внешней торговли и улучшения курса рубля¹⁰⁶.

Потребности России в иностранных кредитах на ближайший год войны Барк определил, по его словам, «с запасом» в сумме 100 млн. ф. ст., из которых 70 млн. предназначались на платежи по военным заказам, а 30 млн. ф.— на платежи по займам. Фактические потребности на год в это время определялись в 861 млн. руб. (589 млн. руб. на военные заказы и 272 млн. руб. на оплату займов). «Запрос» достигал 140 млн. руб. Однако кредиты, которых Барк потребовал у союзников, составляли всего одну шестую часть предполагававшихся в 1915 г. расходов (1 млрд. руб. из 6 млрд. общей суммы расходов)¹⁰⁷. Барк рассчитывал получить кредиты непосредственно от Англии и Франции, так как получение такой большой суммы путем самостоятельной финансовой операции русской казны на частных денежных рынках во Франции и в Англии представлялось и Барку невозможным.

Барк предполагал отстоять на совещании новый принцип предоставления кредитов России без высылки золота, так как «мы не можем допустить,— писал Барк,— чтобы открытие нам за границей кредитов ставилось в причинную связь с высылкой золота и обуславливалось непременною доставкой звонкого металла: наша кредитоспособность вне всяких сомнений, и по-сему такая постановка дела представляется для меня совершенно неприемлемой»¹⁰⁸. В дальнейшем, однако, русское правительство неоднократно было вынуждено высылать золото за границу.

---

¹⁰⁶ «Красный архив», т. 5, 1924 г., стр. 50—63. Докладная записка П. Л. Барка об итогах этого совещания. Оригинал хранится в ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1915 г., д. 1300, лл. 1—16. На подлиннике документа, опубликованного Б. А. Романовым в «Красном архиве», нет подписи П. Барка и отсутствует дата. Однако перепечатанный на машинке текст документа проредактирован министром финансов, и на некоторых страницах им сделаны существенные исправления. Подпись под документом («министр финансов») сделана той же рукой, что и редакционные исправления, т. е. рукой Барка. Я согласен с Б. А. Романовым и редакцией «Красного архива», рассматривавших этот документ как доклад министра финансов Барка.

¹⁰⁷ МО, серия III, т. VII, ч. 1, док. № 119. Телеграмма Извольского от 2 февраля (20 января) 1915 г., в которой Барк сообщал Горемыкину о первом дне заседаний конференции. Конечно, расчеты Барка оказались недостаточными, так как масштаб войны и военные расходы быстро возрастали. К тому же царское правительство недооценило действительного масштаба кризиса вооружения. Самое тяжелое в военных неудачах было еще впереди. В телеграмме Барк особенно подчеркивал свой категорический отказ высылать золото и необходимость сохранять его запасы. При этих условиях было трудно «найти формулу такого единения наших интересов, чтобы мы получили надлежащие кредиты за границей, не ослабляя наших золотых запасов».

¹⁰⁸ «Красный архив», т. 5, стр. 52.

Французский автор так излагает претензии России, выраженные Барком: «Россия требовала немедленной помощи от союзников. Закрытие Дарданелл прекратило экспорт хлеба, а это был для нее главный источник внешних кредитов. Рубль значительно пал, и Россия не могла платить за границу. Англия и Франция помогли ей в 1914 г. Барк считал, что в 1915 г. ему понадобятся 100 млн. ливров для уплаты по долгам и закупок за границей. Так как эта сумма казалась очень большой для казначейств Франции и Англии, он просил выпустить русский заем в Париже и Лондоне. Рибо не считал возможным выпустить долгосрочный заем ввиду вторжения неприятеля в наши самые богатые области. Он рассчитывал поместить краткосрочные обязательства для собственных нужд и не мог позволить, чтобы наш союзник произвел операцию, которой он сам не мог произвести для французского государства. Он мог помочь России только из средств казначейства. Хотя Англия была богаче Франции, хотя мобилизация не потрясла ее так, как Францию (обязательная военная служба была введена только в июне 1916 г.), хотя она не терпела вторжения неприятеля, однако Ллойд-Джордж заявил, что свою помощь он окажет в размере, равном французской помощи. Он требовал равного распределения кредита между обеими странами»¹⁰⁹.

Итак, требование Барка получить деньги в порядке долгосрочного кредита было отвергнуто Францией. Ллойд-Джордж ограничил свое согласие оказать кредит России в размере, равном помощи Франции, рядом оговорок. Первоначально он пытался включить в сумму 100 млн. ф. ст. ранее отпущенную России ссуду в 32 млн. ф. ст., но эта атака легко была отбита Барком.

Тогда английский министр финансов уже без прежнего упорства согласился отпустить России требуемый кредит в порядке краткосрочной ссуды, и только при условии высылки Россией и Францией золота Английскому банку.

В своем докладе о конференции Барк очень подробно описывал состояние английских финансов и те трудности, с которыми встретился Английский банк в связи с военными расходами и неудачей английского займа на 350 млн. ф. ст., из которых $\frac{3}{7}$, т. е. 150 млн. ф. ст., остались неразмещенными. Делалось это, по-видимому, для того, чтобы обосновать необходимость посылки Россией золота. Уже телеграмма Извольского о первом дне конференции содержала грустное признание того факта, что золото надо будет вывозить. «Очень трудно будет найти формулу такого единения наших интересов,— телеграфировал Извольский,— чтобы мы получили надлежащие кредиты

¹⁰⁹ L. Petit. Op. cit., p. 190—191.

за границей, не ослабляя наших золотых запасов»¹¹⁰. В своем докладе Барк пытался подсластить пилюлю и обосновать эту высылку реальной опасностью отлива золота из Англии, когда Россия и Франция (не только Россия — подчеркивал Барк) должны будут прийти на помощь союзнице. Отвергая на словах принцип высылки золота за кредиты России, Барк фактически его признавал. Когда же на следующий день Ллойд-Джордж принес соответствующие расчеты и проект соглашения, Барк должен был признать, что это заседание «было самым тяжелым», так как по вопросу о золоте «выяснилось полное разномыслие трех министров финансов».

Соглашение было достигнуто не сразу, и дискуссия продолжалась. Англия требовала, чтобы Россия и Франция помогли Английскому банку своей золотой наличностью. Английская делегация предложила поддерживать в будущем золотую наличность трех государственных банков в одной и той же пропорции.

К моменту конференции Французский банк имел золотую наличность в 168 млн. фунтов, Государственный банк России — 150 млн. фунтов и Английский — 90 млн. фунтов. Все новые поступления золота должны были образовать общий фонд, которым союзники пользовались бы для оплаты своих закупок за границей. В случае недостаточности этого фонда он должен был покрываться из имеющейся наличности золота в банках, «пропорционально сумме наличности данной страны». Убыль золота в Английском банке должна была делиться на три части и две из них должны были пополнять Россия и Франция.

Предложенный англичанами план встретил возражение со стороны французов. Франция, указывали ее представители, не имела Трансвааля, откуда, как Англия, она могла бы ежегодно выкачивать 40—50 млн. фунтов золота. Во Франции и России существовал принудительный курс. Золотая наличность в банках как бы связывала кредитные билеты с этой наличностью, которая представляла в глазах широких масс буржуазии огромное значение и являлась гарантией внутреннего и внешнего кредита правительства. Поэтому, как сообщал Барк, Рибо решительно отказывался высылать золото за пределы Франции, так как он не хотел, чтобы в связи с вывозом золота «основы государственного кредита подвергались потрясениям».

Рибо, с своей стороны, предложил выпустить общий заем союзников, за счет которого можно было бы оплачивать военные заказы. Но Ллойд-Джордж и лорд Кенлифф выступили против этого предложения. Рибо стал настаивать на коллек-

¹¹⁰ МО, серия III, т. VII, ч. 1, док. № 119, стр. 160. (Курсив наш.— А. С.).

тивном займе в пользу малых стран, что преследовало задачу главным образом повлиять на балканские страны в пользу Антанты. Но англичане прежде всего хотели разрешить вопрос о золоте в свою пользу. Во время неофициального свидания Барка с Ллойд-Джорджем последний сказал ему, что «помощь золотом в минуту реальной опасности является для него краеугольным камнем соглашения и что он готов уехать ни с чем, если французы на это не пойдут»¹¹¹.

Барк должен был балансировать между французами и англичанами, но склонялся в сторону англичан, так как понимал, что только они могут предоставить русскому правительству необходимые кредиты. Поэтому он согласился «в случае реальной опасности» оказать англичанам помощь золотом, но с условием, что конференция установит размер этой помощи и что золото не будет продано Английскому банку, а будет передано ему «в виде временной ссуды» с возвратом. Отчет Барка показывает, что французы более упорно сопротивлялись английскому напору, а Барк своей компромиссной позицией толкал и их на путь уступок.

Присутствовавший на совещании директор Английского банка лорд Кенлифф очень немногословно, но выразительно вывил английскую точку зрения по спорному вопросу о высылке золота за кредиты. Он выступил после директора Французского банка Паллена, произнесшего длинную речь. Лорд Кенлифф «медленно поднялся со стула и, вздохнув несколько раз, заметил: «Мы не намерены выпускать из своих рук наше золото», затем он вновь опустился на свое место»¹¹².

В общем английская точка зрения сводилась к тому, чтобы было соотношение «между кредитами, которые Англия предоставит своим союзникам, и сохранением английского золотого запаса на надлежащем уровне». В случае снижения золотого запаса союзники обязаны были его пополнять. «Эти аргументы были с большим убеждением и силой выдвинуты канцлером казначейства во время второй и третьей конференций с участием Барка, и русский министр финансов вполне согласился с ними. Если рассматривать проблему независимо от общего политического, военного и экономического положения в России, то не было бы никаких оснований ставить под вопрос справедливость требования, чтобы Россия доставляла свое золото для операций, предпринятых британским правительством на американском рынке в интересах союзников, включая Рос-

¹¹¹ L. Petit. Op. cit., p. 54.

¹¹² Д. Ллойд-Джордж. Военные мемуары, тт. I—II. М., 1934, стр. 103. В мемуарах Ллойд-Джорджа очень мало материала о финансовых соглашениях союзников.

сию»¹¹³. Эти слова, с которыми нельзя согласиться, так как нельзя финансовую проблему отделять от военных усилий страны, принадлежат адвокату английской политики, знакомому с проблемой кредитных операций России за границей не только по книгам.

Финансовое положение Франции и Англии было вполне устойчиво. Оба эти государства располагали огромными финансовыми ресурсами. 15 февраля 1915 г. Ллойд-Джордж, выступая в парламенте по вопросу о финансовом положении, сказал: «За счет одних только своих капиталовложений за границей Франция могла бы финансировать войну два — три года, а Великобритания — целых пять. Сейчас для нужд войны они используют лишь треть своих средств, и задача заключается в том, чтобы мобилизовать остальные две трети. Россия же чрезвычайно богата своими естественными ресурсами, но она не обладает достаточным капиталом для того, чтобы их развивать»¹¹⁴.

Союзники выделяли России новый кредит в 1 млрд. руб. Это им тем легче было сделать, что в большей своей части кредит расходовался внутри Англии и Франции и, следовательно, им не требовалось переводить валюту за границу. Барк менее, чем кто-либо, мог рассматривать вывоз золота из России независимо от внутреннего экономического и политического положения страны. 1,5 млрд. руб. золотой наличности являлись последним экономическим ресурсом правительства, который мог быть использован для свободной расплаты по заказам в нейтральных странах.

Война затягивалась, расходы увеличивались, жертвы России несла больше, чем союзники. Чуть ли не одновременно с работой конференции русская армия отступала, и в Августовских лесах погиб один из корпусов армии Сиверса. Союзники обязаны были сделать много больше для сохранения боеспособности России и, как показывает выступление Ллойд-Джорджа в парламенте, они могли это сделать. Между тем Англия и Франция подходили к этой проблеме узкоэгоистически, как к обычной коммерческой сделке, стараясь не поступиться ни одним шиллингом, ни одним франком в пользу своего союзника. Именно из такой постановки вопроса и вытекала проблема вывоза золота из России.

¹¹³ Статья заместителя финансового агента России в Париже П. Апостола «Кредитные операции» в сб. «Russian public Finance during the War», p. 304. Ser. «For the Carnegie endowment for international peace. Division of economic and history», 1928. Главный редактор серии — James T. Shotwell, главный редактор русского отдела — П. Виноградов, а его заместитель — М. Флоринский.

¹¹⁴ «Parliamentary Debats (official report)». Fifth serie, vol. XIX. House of Commons. Second volume of session 1914—1915, p. 910—911.

После долгой дискуссии, которая не обещала хорошего конца, первым уступил Барк. Он пошел на компромисс и предложил такой выход: в случае, если золотые запасы Английского банка уменьшатся более чем на 10 млн. фунтов, т. е. упадут ниже 80 млн. фунтов, то в минуту «реальной опасности» союзники (Франция и Россия) приходят «на помощь» англичанам своими золотыми запасами. За это предложение Барка ухватился Ллойд-Джордж, и совместно с ним повел наступление на Рибо. В этом им помогал и член совета Французского банка Эдуард Ротшильд.

Первоначально Ллойд-Джордж предложил в случае уменьшения запасов золота в Английском банке разделить убыль на три части с тем, чтобы Государственный банк России и Французский банк внесли свою часть золота. Но это механическое объединение, «обезличка» золотых запасов союзников не было поддержано Барком. Он «настаивал на всех трех конференциях, где присутствовали он и канцлер казначейства, чтобы эта поддержка оказывалась на следующих двух условиях: во-первых, она должна носить характер займа, подлежащего возвращению в определенный срок; во-вторых, она должна быть совершенно независима от кредитов, которые Англия предоставит России, другими словами, эти кредиты не должны определяться суммами золота, данного Россией»¹¹⁵.

Ллойд-Джордж пошел на формальную уступку Барку. Для него было важно получить реальное золото, а какими мотивами сопровождалась высылка золота, играло второстепенную роль. Было договорено, что помощь золотом Английскому банку будет оказана лишь в том случае, если его золотая наличность сократится в ближайшие шесть месяцев более чем на 10 млн. ф. ст. (100 млн. руб.), включая 20 млн. фунтов специального гарантийного запаса, и будет ниже 80 млн. ф. ст.; тогда два другие банка пополнят запас золота в пределах до 6 млн. ф. ст. каждый. Это золото не считалось проданным англичанам: оно отпускалось взаймы и подлежало возврату через год по окончании войны. Это давало формальное право числить указанное золото в балансе Государственного банка и выпускать под него бумажные деньги¹¹⁶.

Однако уже после третьего заседания конференции, когда принципиальная договоренность о кредитах России была достигнута и в прессе было опубликовано согласованное сообщение о том, «что три союзные державы решились объединить как финансовые, так и военные свои средства для продолжения

¹¹⁵ П. Апостол. Указ. статья, стр. 304.

¹¹⁶ МО, серия III, т. VII, ч. 1, док. № 137. Телеграмма Извольского от 5 февраля [23 января] 1915 г. Телеграмма содержит «доверительное объяснение» Барка председателю Совета министров.

войны до окончательной победы»¹¹⁷, когда было условлено, что авансы, выданные союзным странам, выступающим на стороне Тройственного соглашения, распределяются Англией, Францией и Россией в равных долях, дело едва не погибло из-за позиции Рибо, который составлял проект соглашения трех министров. В разосланном им проекте соглашения заявка Барка о потребности России в иностранной валюте в размере 100 млн. фунтов получила отражение, но в отношении способов реализации этой валюты в Париже и Лондоне было только указано, что этот вопрос «подлежит дальнейшему соглашению между отдельными правительствами». Такая редакция «соглашения» оставляла Россию совсем без денег и сводила к нулю значение конференции министров финансов. Барк был прав, когда заявил Ллойд-Джорджу, что «все дело придется начинать с начала, так как капитальный для меня вопрос остается для Рибо неясным».

В результате дополнительного обсуждения, в ходе которого Ллойд-Джордж поддержал Барка, Рибо согласился с текстом, предложенным Барком. Этот текст вошел в общее соглашение, подписанное министрами финансов 5 февраля (23 января) 1915 г.¹¹⁸.

Как уже указывалось, потребность России в иностранных кредитах для оплаты платежей по займам и заказам была определена на 1915 г. в 100 млн. ф. ст. Этот кредит представлялся в равной доле английским и французским правительствами. До реализации русских займов, которые должны были быть выпущены на английском и французском денежных рынках при содействии английского и французского правительств, оба правительства отпускали русскому правительству аванс в сумме 25 млн. ф. ст. (625 млн. франков) каждое, причем эти авансы должны были быть покрыты выручкой от займа. Пока что сумма в 100 млн. фунтов была признана теоретически, ибо, чтобы ее получить, необходимо было разместить займы. До этого русское правительство реально получало 50% своей заявки. Информировав председателя Совета министров о заключенном соглашении, Барк особенно подчеркивал, что кредиты предоставляются «без всякой посылки золота»¹¹⁹. Однако вслед за столь категорическим заявлением следовали слова, которые сводили его на нет: «Только в случае усиленного наплыва в Английский банк требований на золото предусматривается посылка золота, но в ограниченном размере, и во всяком случае совместно с Французским банком. Этот вопрос был решен с большими за-

¹¹⁷ «Красный архив», т. 5, стр. 55; ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1915 г., л. 1300, лл. 7 об.—8.

¹¹⁸ Полный текст соглашения опубликован в МО, серия III, т. VII ч. 1, док. № 135, стр. 181—184.

¹¹⁹ Там же, док. № 137.

труднениями». Последняя фраза должна была успокоить главу правительства и окончательно убедить его в том, что Барк хорошо потрудились, отстаивая интересы правительства. На самом деле содержание соответствующей статьи соглашения вовсе не было так невинно, как это изображал Барк. Речь шла о посылке настоящего золота при определенных условиях, которые сами англичане могли создать, способствуя утечке золота из Английского банка и получая вместо него русское и французское золото.

В опубликованном в печати официальном извещении о конференции не вполне точно передавался смысл достигнутых решений. Фактически финансовая солидарность декларировалась лишь на бумаге. Объединение хозяйственных усилий трех стран касалось только следующих вопросов: 1) централизации военных заказов в США и платежей по ним (позднее это привело к полному контролю англичан над военными заказами России); 2) равной ответственности трех стран за финансовую помощь своим союзникам — Бельгии, Сербии, Черногории и даже Румынии (которая являлась формально нейтральной, но предполагалось, что она вступит в ближайшее время в войну на стороне Антанты); 3) равной ответственности Англии и Франции за кредиты России в размере по 25 млн. ф. ст. (625 млн. франков)¹²⁰.

Что касается помощи малым союзным государствам, то конференция утвердила выданные им авансы в следующем размере: Бельгии 500 млн. франков¹²¹, которые выдавались Францией и Англией равными долями; Греции — 20 млн. франков (Франция) и 1810 тыс. ф. ст. (Англия); Сербии — 90 млн. франков (Франция), 900 тыс. ф. ст. (Англия) и 110 млн. франков, авансированных совместно тремя союзниками; Черногории — 500 тыс. франков (Франция) и Румынии — 5 млн. ф. ст. (Англия). Эти авансы должны были быть покрыты тремя государствами или собственными средствами, или от «реализации займа, имеющего быть своевременно выпущенным от имени трех держав». Новые авансы союзным государствам Англия, Франция и Россия должны были выдать из собственных

¹²⁰ L. Petit. Op. cit., p. 760—761. Кроме соглашения, Барк и Рибо обменялись письмами, в которых зафиксированы основные пункты соглашения (МО, серия III, т. VII, ч. 1 док. 148. Письмо Барка Рибо от 6 февраля (24 января) 1915 г.).

¹²¹ На ближайшие шесть месяцев кредиты Бельгии были исчислены в 300 млн. руб., из них на долю России приходилось 100 млн. руб., т. е. по 17 млн. руб. в месяц. Русскую долю должна была выплачивать Франция. «Я счёл невозможным, — сообщал Барк председателю Совета министров, — уклониться от необходимости приходить на помощь нуждам Бельгии, но в моем письме к Рибо я точно оговорил, что нас не касается вопрос о денежном курсе. Мы можем дать аванс только в рублях» (МО, серия III, т. VII, ч. 1, док. № 137).

средств. Общая сумма обязательств, взятых Россией, составляла около 20 млн. руб. в месяц; большая их часть падала на кредиты Бельгии. Аванс по этим кредитам Барк обязался выдавать только в рублях, т. е. без превращения кредита в иностранную валюту, причем курс рубля был установлен в 2,666 франка. Барку удалось добиться заявления Рибо о покрытии кредитов союзным государствам английским и французским правительствами за счет займа, который будет реализован по окончании войны, от имени трех великих держав Антанты.

Соглашения в Париже послужили основанием для дальнейших ассигнований Бельгии, треть которых производилась за счет России. По-видимому, в течение 1915 г. были произведены три выдачи аванса по 500 млн. франков каждый. Уже 18/5 февраля 1915 г. французское посольство в Петрограде обратилось в Министерство иностранных дел с запиской о выдаче правительству Бельгии аванса в 500 млн. франков. Сазонов обратился к председателю Совета министров Горемыкину с просьбой сообщить мнение правительства «по возбудившему в записке вопросу»¹²². 10 февраля 1915 г. Совет министров согласился с предложением Франции. 20 августа 1915 г. вновь поступили записки французского и британского посольств относительно нового аванса Бельгии в 500 млн. франков¹²³. На этот раз ответил Барк¹²⁴, который сообщил, что с его стороны «не имеется возражений против участия России в предполагаемом авансе, в одной трети его части, с тем, что упдающая на долю России сумма была выплачена французским и британским правительствами, за наш счет, на основаниях, установленных парижской конференцией министров финансов»¹²⁵. В январе 1916 г. последовало новое представление союзников об авансе Бельгии в 500 млн. франков и согласие Барка¹²⁶. Следовательно, долг России союзникам за один 1915 год увеличился на 500 млн. франков только за счет финансовой помощи Бельгии. Однако, сколько действительно было открыто кредитов и в какой мере они были израсходованы Бельгией и балканскими государствами, русское правительство не знало. Это и побудило дирек-

¹²² АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 222, лл. 25—26. Текст записки и копия сопроводительного письма Сазонова Горемыкину от 6 февраля 1915 г.

¹²³ Там же, лл. 61—62.

¹²⁴ Там же, л. 64. Письмо Барка Сазонову от 25 августа 1915 г.

¹²⁵ По-видимому, поскольку эти «основания» были одобрены в свое время русским правительством, отпала необходимость в особом разрешении Совета министров, и Барк разрешил этот вопрос своей властью.

¹²⁶ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 222, лл. 77—78. Копия представления и письмо Барка Сазонову от 30 января 1916 г.

тора Особенной канцелярии по кредитной части Никифорова обратиться в Министерство иностранных дел с просьбой, чтобы оно затребовало от французского и английского правительства выписки из счетов за первый год действия финансового соглашения¹²⁷. Английское правительство представило необходимые сведения на 31 марта 1916 г., причем английское правительство начислило на русское правительство и проценты (3%), кроме сумм по румынскому и второму греческому займам¹²⁸.

В других пунктах соглашение предусматривало обязательство русского правительства облегчить «всеми возможными способами вывоз пшеницы и других продуктов, в которых могут нуждаться союзные страны». Барк в своем докладе уделил этому вопросу много внимания. Он особенно рассчитывал на усиление экспорта через Владивосток и Дальний, а также через Швецию.

Французов очень интересовали обязательства России по снабжению союзников зерном, лесом, спиртом. Однако практически Россия не имела возможности полностью выполнить их. Предполагалось, что русское правительство будет производить закупки продовольствия и других предметов экспорта на свои средства, а вырученные за поставки деньги будут вноситься в счет погашения кредитов, отпущенных России Францией. О погашении кредита за счет поставок зерна и других товаров достаточно много говорилось и в письме Барка к Рибо, написанном на другой день после подписания общего соглашения¹²⁹. В 1916 г. Рибо просил Барка подтвердить, что «поставки зерна и леса, которые не могли состояться в течение войны, будут выполнены после открытия Дарданелл. Г-н Барк отказался это сделать, ссылаясь на то, что после войны русское правительство само будет нуждаться в этих ресурсах»¹³⁰. Рибо энергично протестовал против заявления Барка. Он весьма неделикатно напомнил Барку о том, что перед войной русское правительство истратило в Германии значительную часть средств, полученных во Франции. Рибо угрожал Барку отказать в новых кредитах, если Россия «не предоставит нам взамен экономические компенсации»¹³¹. Однако во время войны эту угрозу нелегко было осуществить.

¹²⁷ Там же, лл. 80—81.

¹²⁸ Там же, л. 86. Копия письма Нольде Никифорову. В дальнейшем размер кредитов Бельгии несколько увеличился.

¹²⁹ МО, серия III, т. VII, ч. 1, док. № 148, стр. 197—198. Ответное письмо Рибо не напечатано, но в примечании к письму Барка сказано, что Рибо выразил согласие со всеми пунктами письма Барка и повторил его заключительную часть.

¹³⁰ A. Ribot. Lettres à mon amie. Paris, 1924, p. 88.

¹³¹ L. Petit. Op. cit., p. 61—62.

Французский автор истории финансов Франции Л. Пети, заведомо греша против объективности, также обвинил Россию в неблагодарности и невыполнении своих обязательств перед союзницей по поставке хлеба, спирта и т. д. «Франция, — пишет Л. Пети, — точно выполняла свои обязательства, но Россия — нет. Пункт, по которому мы должны были получить товары в счет оплаты части наших займов, остался мертвой буквой»¹³². Это заявление не соответствует действительности, ибо, по данным самого Пети, Россия, несмотря на тяжелое экономическое положение, отправила во Францию в 1915—1916 гг. 3 млн. центнеров хлеба, т. е. не менее того, сколько вывозилось в 1913—1914 гг.; вывоз спирта из России за 1916—1917 гг. составил 320 тыс. гектолитров¹³³. За 1914—1917 гг. Франция экспортировала в Россию товаров на 1480 млн. франков, а получила из России на 771 млн. франков¹³⁴. Следовательно, лишь 709 млн. франков, или менее 50% всех поставок, не были покрыты русскими товарами. Следует также учитывать, что кредиты, предоставленные Францией России, шли не на производительные цели, а на покрытие процентов по займам, на субсидии странам, воевавшим вместе с Францией, и на военные поставки¹³⁵. Русский народ может предъявить счет Франции не только за поставленные товары, но и за военные услуги, за кровь миллионов его сынов, погибших за интересы французской буржуазии.

Заклучив соглашение в Париже, Барк уехал на два дня в Лондон. Эта поездка была предпринята по настоянию Сазонова и преследовала общие задачи укрепления связей между двумя правительствами. Впечатление Барка от встреч с английскими государственными деятелями было положительным. Его покорила английская деловитость и «полная готовность оказать нам посильное содействие». За короткое пребывание в Лондоне Барк договорился о выпуске бонов русского казначейства на 10 млн. ф. ст. «на исключительно выгодных условиях»: боны учитывались по паритету из 5%, а все остальные расходы, связанные с учетом, печатанием, вознаграждением банкиров Берингов, составляли менее 1%¹³⁶. Английский банк сделал попытку создать рынок для русских государственных бумаг; по-

¹³² L. Petit. Op. cit., p. 61.

¹³³ Ibid., p. 21, 31.

¹³⁴ Ibid., p. 693, приложение.

¹³⁵ По французским данным, приведенным в книге Пети, военный долг России вместе с процентами исчислялся к концу 1918 г. в 3530 млн. франков (основной долг — в 3240 млн. франков), из которых 1580 млн. франков, т. е. почти 50%, были израсходованы для оплаты процентов по займам и 1140 млн. для оплаты материалов и заказов, сделанных русскими миссиями (p. 164).

¹³⁶ «Красный архив», т. 5, стр. 62.

видимому, эта попытка была удачна, так как 15/2 февраля 1915 г. Бенкендорф передавал своему правительству сообщение лорда Ревелстока о том, что вся сумма «была подписана публикой»¹³⁷. Еще через несколько дней Бенкендорф сообщал о положительном отношении кругов Сити к русским бумагам, а 16/3 февраля 1915 г. английское посольство официально известило русское правительство памятной запиской о том, что на полдень 2 февраля билеты государственного казначейства были размещены более чем на 12 млн. ф. ст. «Результат, — говорилось в записке, — полностью удовлетворителен»¹³⁸.

Встреча Барка с лордом Китченером была посвящена вопросу о военных поставках. Китченер сам предложил себя в коммиссионеры русского правительства по заказам в США¹³⁹.

Заключенное Барком финансовое соглашение впервые дало в руки русского правительства значительные средства для производства военных заказов в Англии, США и в других странах. Еще во время своего пребывания во Франции Барк использовал 71 млн. франков для оплаты военных заказов¹⁴⁰. Однако никакого общего плана изыскания средств на финансирование войны не было выработано. Было достигнуто лишь частное соглашение, которое уже через несколько месяцев пришлось пересматривать, дополнять и вновь просить еще больше средств. Проблема финансирования войны союзниками и их более тесного экономического сотрудничества не была решена. Каждое государство в дальнейшем должно было само изыскивать финансовые ресурсы. «Финансовая солидарность» союзников была лишь декларирована.

Русское правительство уже 26 января 1915 г. сообщило Барку, что оно одобрило подписанное финансовое соглашение, но делало ряд дополнительных запросов, пытаясь уточнить некоторые важные вопросы: включаются ли полученные авансы в общую сумму нового кредита, откроет ли Английский банк Государственному банку кредит в том случае, если будет отправлено золото в количестве 6 млн. ф. ст., и т. д.¹⁴¹. На все эти вопросы Барк дал успокаивающие ответы.

¹³⁷ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., л. 192, л. 143; л. 141. Телеграмма Бенкендорфа от 10 февраля (28 января) 1915 г., л. 146. Телеграмма Бенкендорфа от 17/4 февраля 1915 г.

¹³⁸ Там же, л. 142.

¹³⁹ Речь шла о передаче русских заказов Моргану. Военный атташе России во Франции полковник Игнатъев, присутствовавший во время этих переговоров Барка с Китченером, высказывался против монополизации заказов в руках Моргану (МО, серия III, т. VII, ч. 1, док. № 188. Телеграмма Игнатъева и Извольского от 13 февраля (31 января) 1915 г.).

¹⁴⁰ Там же, док. № 189. Письмо Барка Рибо от 13 февраля (31 января) 1915 г.

¹⁴¹ Там же, стр. 219—220. Примечания и телеграмма Извольского от

Тем не менее в публичном выступлении Сазонова 27 января 1915 г. в Государственной думе прозвучала довольно сдержанная оценка заключенного соглашения. Он подчеркнул лишь расширение взаимодействия с союзниками в связи с новым финансово-экономическим соглашением, значение которого «для усиленного завершения предстоящих нам сложных задач не ускользнет, конечно, от вашего внимания»¹⁴². Кадетская «Речь» на второй же день после подписания соглашения сообщила, что банковские и финансовые круги России встретили соглашение «с большой радостью»¹⁴³.

Финансисты надеялись, что соглашение поможет установить твердый курс на иностранную валюту и освободить их от значительных переplat при покупке валюты. Большое значение придавалось возможности расширить вывоз из России хлеба и других продуктов сельского хозяйства. Решению конференции выпустить заем от имени трех правительств придавалось только «моральное» значение. Объединение же союзниками своих финансовых ресурсов правильно понималось лишь как кредитование «не великих» держав. «Торгово-промышленная газета» ограничилась передачей только положительных отзывов о соглашении английских газет, не дав своих оценок и комментариев¹⁴⁴.

По возвращении в Россию 4 марта 1915 г. Барк доложил Комитету финансов «о существе и условиях» подписанного в Париже соглашения «Об объединении финансовых ресурсов трех союзных держав и их взаимной поддержке в борьбе с общим врагом»¹⁴⁵. Так высокаторжественно было названо в журнале Комитета финансов долговое обязательство царского правительства своим союзникам. В журнале были подробно изложены важнейшие пункты финансового соглашения, причем было особо подчеркнута значение пункта, определявшего размер и условия нового кредита в сумме 100 млн. ф. ст.

Выслушав объяснения Барка, Комитет «высказал *полное одобрение* достигнутому в Париже соглашению, результаты

10 февраля (28 января) 1915 г. Барк сообщил, что в Англии договорено о кредитах в размере 82 млн. ф. ст., из них 12 и 20 млн. фунтов были получены ранее и 50 млн. фунтов — вновь; что кредит во Франции в 500 млн. франков для ликвидации задолженности банков не входит в сумму новых кредитов и что общая сумма кредитов во Франции составляет 1750 млн. франков.

¹⁴² Стенографический отчет Гос. думы 4-го созыва, сессия III, засед. 1. стб. 16.

¹⁴³ «Речь» от 24 января 1915 г.

¹⁴⁴ «Торгово-промышленная газета», от 28 января 1915 г.

¹⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1915 г., д. 516, лл. 2—3 об. Журнал Комитета финансов, утвержденный царем 13 марта 1915 г. Проект решения был написан самим Барком на двух четвертинках бумаги и давал самое благоприятное освещение соглашения.

кого не только значительно подкрепляют ресурсы на ведение войны, но и на продолжительный срок обеспечивают нашу потребность в иностранной валюте, причем и условия предложенных союзными государствами авансов в счет будущего займа представляются вполне благоприятными»¹⁴⁶. В журнале зафиксировано, что из английского кредита, предоставленного в конце декабря 1914 г. в количестве 40 млн. фунтов, 30 млн. фунтов уже было израсходовано. Следовательно, правительство реально располагало в Англии суммой в 35 млн. фунтов (25 млн. аванса плюс 10 млн. неизрасходованного кредита). Это была довольно значительная сумма, давшая правительству известную передышку, но, конечно, не обеспечивавшая его на длительный срок.

Довольно большое внимание результатам конференции уделяла английская и французская печать. В английском парламенте 15 февраля 1915 г. Ллойд-Джордж выступил с сообщением о финансовом соглашении между Великобританией, Францией и Россией. Это сообщение вызвало оживленную дискуссию, но в общем и в прессе и в парламенте выражали удовлетворение соглашением.

В «Temps» от 6 февраля 1915 г. было помещено официальное сообщение под заголовком «Солидарность союзников. Финансовая Антанта». В том же номере было напечатано интервью Барка о соглашении с Французским банком. В следующем номере, от 7 февраля, была помещена передовая — «Финансовая Антанта». Результаты конференции с точки зрения создания условий для победы над врагом оценивались в передовой очень высоко. «Результаты парижской конференции, — писал французский официоз, — равносильны большой победе с точки зрения конечной цели борьбы». 8 и 9 февраля «Temps» напечатала отклики английской и русской печати, в том числе и слова Ллойд-Джорджа, заявившего сотруднику «Daily Telegraph»: «Все союзники весьма удовлетворены соглашениями. Повторяю, все, действительно все, а не только Англия».

Между тем в парламенте и в прессе два вопроса особенно близко задевали круги финансовых дельцов — это идея общего займа союзников и настойчивое требование высылки золота союзниками под английские кредиты. Поскольку вопрос об общем займе был решен отрицательно, это предопределяло положительное отношение к соглашению английской финансовой буржуазии. Деловые круги английского рынка «боятся общего займа для индивидуальных нужд союзников», — писала «Financial Times». Комментируя речь Ллойд-Джорджа в парламенте и отклики на нее английской печати, «Temps» писала:

¹⁴⁶ Там же. (Курсив наш. — А. С.).

«Ясно, что обсуждалось предложение о большом общем займе и что оно было отвергнуто по соображениям, которые нам кажутся убедительными. Такой заем представляется желательным, но вместе с тем *малонеобходимым и неосуществимым*» (курсив наш.— А. С.). Как видно, английская буржуазия меньше всего собиралась жертвовать своими интересами в пользу союзников.

Выступавшие по сообщению Ллойд-Джорджа депутаты парламента Уайттэккер, Робинсон, Чемберлен, Мэлон единодушно отрицательно высказывались против общего займа. Уайттэккер подчеркнул, что правительство консультировалось с Сити. Для Англии, заявил Уайттэккер, выгоднее с финансовой точки зрения помочь вооружением 3—5 миллионам человек России, чем воевать самой.

В «Economist» от 20 и 27 февраля 1915 г. были помещены статьи: «Сообщение г. Ллойд-Джорджа о союзнических финансах» и «Война и прения о военных финансах». В обеих статьях выражалось удовлетворение тем, что не будет общего займа. Статья от 20 февраля считает «неприемлемыми» рассуждения о том, что англичане и французы должны больше платить, чем русские, и что якобы Россия ожидает от войны много, а Великобритания — мало. Во второй статье требуется покончить с «поклонением золотому тельцу». Россия и Франция, писал «Economist», должны вывозить золото в Англию для укрепления английского кредита. Позднее, в 1916 г. эту мысль особенно ярко выразил Брайс в прениях по бюджету в палате общин. Его выступление очень ярко отражает английскую точку зрения по вопросу о золоте. Для Брайса кажется поразительным тот факт, что два союзника накаплиют золото, когда Англия их финансирует. «Франция и Россия имеют по 200 млн. фунтов золота. Зачем оно им? Они говорят: для поддержания своего кредита после войны, но в настоящее время их кредит поддерживается не ими самими, а нами, потому что платим мы. Почему же им не дать нам часть этого золота в беде? Я нахожу чудовищным такое положение, когда мы финансируем страны, две из которых накапливают золото, не оказывая нам никакой помощи при нашей крайней нужде в золоте. Я хочу, чтобы канцлер казначейства внушил этим странам необходимость сделать это»¹⁴⁷.

Речь Брайса ничем принципиально не отличается от позиции Ллойд-Джорджа и Мак-Кенна. Может быть, не столь грубо, но столь же настойчиво и решительно они проводили английскую линию, и Россия вынуждена была сдать свои позиции.

Соглашение трех министров закрепило руководящее поло-

¹⁴⁷ «Parliamentary Debats (official report)» Fifth serie, vol. LXXXV. House of Commons. Sixth volume of session 1916, p. 1510—1511.

жение Англии в финансировании России и Франции. Настроение деловых кругов Англии было достаточно ясно выражено, и Ллойд-Джордж это понимал. Заправила Сити требовали золота от союзников и отказывались от единого финансового фронта. Им не хотелось брать на себя большие финансовые тяготы. Такая ограниченность в финансовых вопросах несомненно задерживала размещение русских заказов за границей и снабжение русской армии боеприпасами и вооружением.

5. РОСТ ВОЕННЫХ ЗАКАЗОВ. ФИНАНСОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В СЕНТЯБРЕ 1915 г. С АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ

Военная неподготовленность России и рост военных заказов

1915 год ознаменовался крупнейшими военными поражениями русской армии, потрясшими царское самодержавие и приведшими к хозяйственному кризису, резкому изменению в общественном настроении и подъему революционного движения. Неудачи начались с австрийского фронта, где в мае 1915 г. германо-австрийские войска прорвали фронт и заставили русскую армию очистить Галицию. Затем началось наступление на немецком фронте. Германское командование твердо решило вывести Россию из войны и склонить ее к сепаратному миру.

Все лето происходили ожесточенные бои, в результате которых почти безоружная русская армия несла большие потери и отступала с территории Польши. Русские войска не могли оказать решительного сопротивления прежде всего из-за недостатка вооружения и боеприпасов. Для возмещения людских потерь на фронте было мобилизовано свыше 5 млн. человек. Союзники не оказали серьезной помощи вооружением, хотя, по признанию Ллойд-Джорджа, имели возможность сделать это.

Нехватка вооружения чувствовалась еще во время военных действий 1914 г., но только к концу года стала ясной глубина кризиса вооружения русской армии¹⁴⁸. К этому времени (декабрь 1914 г.— начало 1915 г.) относится переписка дипломатической канцелярии Ставки с министром иностранных дел Сазоновым о необходимости побудить союзников оказать помощь русской армии вооружением¹⁴⁹. В частности начальник дипломатической канцелярии Базили сообщал Сазонову, что генера-

¹⁴⁸ А. Л. Сидоров. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 годах. «Исторический журнал», 1944, № 10—11, стр. 37—57.

¹⁴⁹ «Красный архив», т. 1 (26), 1928, стр. 30—37.

лы Янушкевич (начальник штаба верховного главнокомандующего) и Данилов (начальник оперативного отдела — генерал-квартирмейстер Ставки) «сочувственно отнеслись к мысли использовать обращение лорда Китченера» к русскому правительству¹⁵⁰, чтобы указать на необходимость с точки зрения общих интересов союзников снабжать Россию боевыми припасами¹⁵¹.

Инициатива Ставки имела практические последствия. 15 января (н. ст.) 1915 г. английское правительство заключило соглашение с американским банкирским домом Моргана, которому поручило производить в США все закупки для Англии. Этой же фирме Китченер выдал значительные заказы для русской армии, расплаты по которым велись за счет предоставленного Англией России кредита. Заказы были прежде всего артиллерийские снаряды и винтовки.

Однако эти заказы, не будучи в большей части выполнены вовремя, запоздали и не оказали летом 1915 г. реальной помощи русской армии.

Летом 1915 г. началась лихорадочная работа по спешной мобилизации промышленности. Правительство и буржуазия соревновались в деле создания военного хозяйства страны, но руководящая роль осталась за правительством. Несмотря на конфликт между правительством и Думой, буржуазия сотрудничала с правительством. Это сотрудничество приносило огромные барыши по военным заказам. Усилилось влияние буржуазии на решение всех экономических вопросов, связанных с войной.

Но одновременно с попыткой мобилизовать хозяйство и более широко использовать внутренние ресурсы, правительство вынуждено было обращаться к рынкам США, Японии, а также союзных стран, которым выдавались огромные заказы на оружие, взрывчатые вещества, автомобили, моторы, станки, предметы технического снабжения.

Острее всего сказывалась неподготовленность армии по части артиллерийского снабжения¹⁵². Но и с интендантским снабжением правительство и промышленность не справлялись. Так,

---

¹⁵⁰ Обращение английского военного министра лорда Китченера было вручено русскому правительству 22/9 декабря 1914 г. В обращении Китченер, обеспокоенный слухами о предстоящем переходе русской армии в оборонительное положение, просил прислать ему «личное и секретное извещение об общем плане русского Генерального штаба».

¹⁵¹ «Красный архив», т. 1 (26), стр. 30—31.

¹⁵² По мнению генерала Маниковского, видного специалиста в области артиллерии, в тех условиях огромные закупки пороха, взрывчатых веществ, станков и металлов «были действительно неизбежны» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 3, д. 119, лл. 1—12. Доклад начальника ГАУ Маниковского).

Совет министров в марте 1915 г. установил, что годовая потребность армии в сапогах увеличилась сравнительно с мирным временем в 18 раз и определялась в 30 млн. пар; годовая потребность конского состава армии в подковах определялась в 48 млн. штук; требовалось также 10 млн. комплектов теплой одежды¹⁵³. Несмотря на активное участие буржуазии в выполнении заказов на сапоги и подковы, пришлось производить большие закупки в США кожевенного сырья и сапог и размещать там большие заказы на подковы. Резко подскочили в 1915 г. заказы на автомобили, моторы, винтовки и другие виды оружия¹⁵⁴.

По финансовому соглашению в сентябре 1915 г. России с Англией, о котором речь будет впереди, России был открыт ежемесячный кредит в 25 млн. ф. ст., из которых $\frac{4}{5}$ кредита в размере «20 $\frac{1}{2}$ миллионов предназначалось на старые, *данные до 1 октября 1915 г. заказы*, остальные же 4 $\frac{1}{2}$ миллиона имели целью обеспечить дальнейшие наши на иностранных рынках заготовления. Таким образом, на старые заказы за время действия соглашения исчислялось 246 млн. фунтов стерлингов, на новые же — всего 54 млн. фунтов стерлингов»¹⁵⁵. В августе 1915 г. заграничные заказы России (без частной промышленности) достигали огромной цифры — около 2,6 млрд. руб. Вместе с частной промышленностью было необходимо уплатить за границу 2,8 млрд. руб. Это официальные цифры — и скорее уменьшенные, так как они не включают заказов, сделанных банками. Эти данные фигурировали на заседаниях Комитета финансов перед поездкой Барка за границу на новую встречу министров финансов для заключения финансового соглашения¹⁵⁶.

Как показал весь дальнейший ход событий, соотношение между суммой старых и новых заказов не вполне соответствовало потребностям России. Сумма, ассигнованная на новые заказы, была примерно в два раза ниже действительных минимальных потребностей, а ассигнования на старые заказы систематически не использовались, и вовсе не потому, что были исчислены слишком завышенно, а потому, что заказчики систе-

¹⁵³ ЦГИАЛ, ф. 1276, 1914 г., д. 3701, лл. 1—9. Особый журнал Совета министров «О некоторых мерах по снабжению действующей армии».

¹⁵⁴ Подробнее об этом см. А. Сидоров. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг. «Исторические записки», т. 15. М., 1945, стр. 128—179.

¹⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 1276, д. 5153, лл. 1—8. Особый журнал Совета министров от 18 марта 1916 г., утвержденный царем 4 апреля 1916 г. (Курсив наш. — А. С.).

¹⁵⁶ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, стр. 230. Журнал Комитета финансов от 23 августа (5 сентября) 1915 г.

матически запаздывали, вследствие чего суммы платежей переносились на более поздние сроки.

Таким образом, новый кредит представлялся в основном для оплаты заказов, уже произведенных в 1915 г. Авансы, установленные для России Францией и Англией в январе 1915 г. по 25 млн. ф. ст. на целый год, в действительности равнялись норме месячного кредита осенью 1915 г. Весной 1915 г. царское правительство старалось очень экономно тратить деньги на снаряды. На это обратило внимание английское правительство, и финансового агента России Рутковского спросили: «Быть может, императорское правительство не решается делать новые заказы за границей ввиду ограниченности кредитов, которыми оно располагает там в данное время?»¹⁵⁷. Эта временная задержка в выдаче больших заказов продолжалась до организации Особого совещания по артиллерийскому снабжению в мае 1915 г., когда началось отступление русских войск из-за недостатка артиллерийских снарядов, винтовок и патронов.

В ответ на обращение Рутковского к министру финансов за инструкциями поступил ясный ответ — увеличение английского кредита необходимо. Но английское правительство требовало золота от союзников. Воевать русские должны были не только за себя, но помогать и французам, и англичанам, а финансовые тяготы англичане не хотели целиком брать на себя. Более широкое кредитование России казалось для финансовых воротил Сити невыгодным делом. Решение совещания трех министров, не требуя со стороны России вывоза золота немедленно, делало неизбежным выдвижение этого требования в обстановке, которая будет сочтена Англией подходящей.

19/6 июня 1915 г. Сазонов сообщил Бенкендорфу, что кредит по контракту от 1 февраля 1915 г. с братьями Беринг уже исчерпан и что Барк поручил Рутковскому вести с английским правительством переговоры об увеличении кредита. Одновременно Рутковскому поручалось «приступить немедленно к заключению с Берингами нового контракта на учет бонов государственного казначейства в счет аванса английского правительства в 25 млн. ф. стерлингов»¹⁵⁸, т. е. практически реализовать результаты парижского соглашения министров финансов.

---

¹⁵⁷ МО, серия III, т. VII, ч. 2, док. № 727. Телеграмма Бенкендорфа от 10 мая (27 апреля) 1915 г. Кстати, в этом документе Рутковский сообщал, что из 50 млн. ф. ст., реализованных в Лондоне, правительство израсходовало уже 37 млн. фунтов и что остается 13 млн. фунтов, кроме аванса в 25 млн. фунтов. На вопрос представителя английского Министерства финансов, считает ли он достаточным отпущенные кредиты, Рутковский обратился за инструкциями к министру финансов Барку.

¹⁵⁸ Там же, т. VIII, ч. I, док. № 138.

Прошло три дня, и 9 июня на заседании Комитета финансов выяснилось, что английское правительство согласилось выдать в качестве аванса не 25 млн. ф. ст., а всю сумму кредита, т. е. 50 млн. Русскому правительству ничего не оставалось делать, как согласиться с достигнутой Рутковским договоренностью и практически ее реализовать. 23/10 июля 1915 г. Бенкендорф сообщил, что Рутковский получил второй аванс в 25 млн. фунтов. Однако этот аванс выдавали на условиях, которые должны были быть выработаны по приезду в Лондон министра финансов совместно с английскими финансистами¹⁵⁹. Еще раньше Рутковский предупреждал, что к концу июля из второго аванса в 25 млн. фунтов «почти ничего не останется»¹⁶⁰.

И после получения второго аванса разрыв между полумиллиардным английским «авансом» и произведенными заказами в 2,5 млрд. руб. был слишком велик, чтобы на этом можно было успокоиться. Надо было опять искать новых кредитов на всех рынках мира и прежде всего добиться их от союзников. Одни только заказы английского правительства для России в США исчислялись в 70 млн. фунтов, из которых 65 млн. были представлены Рутковским с ежемесячной разверсткой платежей до конца года¹⁶¹. Рутковский особенно подчеркивал, что в названные им суммы не входят заказы, «непосредственно сделанные за границей петроградскими министерствами, без посредничества английского правительства»¹⁶². Несколько преувеличивая стоимость предстоящего заказа, он сообщил о сделке, которая должна была быть совершена в ближайшие дни на сумму 200 млн. долларов (12 млн. шрапнелей), по которой необходимо было внести аванс в размере 25%.

Сообщая обо всех этих фактах, Бенкендорф и Рутковский всячески торопили министра финансов с получением новых кредитов, которые было возможно достать только путем незамедлительной доставки русского золота в Лондон¹⁶³.

Нужда в валюте росла очень быстро. Отпущенные за границей по январскому соглашению кредиты были в августе целиком израсходованы, а наличные средства не покрывали и ежемесячной потребности. Барк представил Комитету финансов инте-

¹⁵⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 14.

¹⁶⁰ Там же, лл. 12—13.

¹⁶¹ Там же. Копия телеграммы Бенкендорфа от 30 июня (13 июля) 1915 г. В июле предстояли платежи на 14 764 тыс. фунтов, а в декабре — на 3207 тыс. фунтов.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же, а также л. 17. Телеграмма Бенкендорфа от 20/7 августа 1915 г.; л. 19. Копия телеграммы Бенкендорфа от 2 сентября (20 августа) 1915 г.

ресную справку о наличных ресурсах за границей в августе 1915 г. (млн. руб.)¹⁶⁴.

	Наличные	Кредиты
Англия	21,7	38,0
Франция	32,6	54,0
Америка	20,5	9,7
Голландия	3,5	—

Итого всех ресурсов 180 млн. руб.

Этих средств не хватало для оплаты предстоявших до 1 сентября платежей, так как проценты по займам, потребности промышленности и военные заказы, а также заказы, выданные при посредстве лорда Китченера, достигали 230,5 млн. руб.; кроме того, предстояло уплатить 80 млн. руб. за винтовки, покупаемые в Бразилии, хотя, правда, покупка эта оказалась дутой, и нужда в средствах отпала. В сентябре сумма платежей возросла до 269,3 млн. руб.¹⁶⁵ Эти расходы правительство рассчитывало покрыть с помощью нового английского аванса в 30 млн. ф. ст., по поводу которого велись уже переговоры с Лондоном. Но и на остальные месяцы года расходы определялись примерно в 300 млн. руб. ежемесячно. По предварительным расчетам Министерства финансов, сумма заграничных платежей России должна была к концу года достигнуть 2805 млн. руб.

На заседании Особого совещания по обороне в начале сентября 1915 г. специально рассматривалась ведомость заказов в США. При этом выяснилось, что потребность в валюте по заказам, рассчитанным до середины 1916 г., «определяется в сумме 566 млн. рублей». По заявлению представителя Министерства финансов, на все заграничные заказы уже было израсходовано «свыше одного миллиарда валюты, а на предстоящие и разрешенные уже заказы необходимо будет израсходовать свыше двух миллиардов»¹⁶⁶. Между тем платежи в США оставались неурегулированными, и это требовало достижения соглашения с Англией. Не имея возможности получить в США самостоятельный кредит в таком размере, царское правительство должно было прибегнуть к содействию английского правительства.

¹⁶⁴ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 648. Журнал Комитета финансов от 23 августа 1915 г. Журнал представляет большую ценность, ибо он суммирует переписку с русским послом в Англии и английским правительством за предыдущие месяцы, в связи с проблемой кредитов для России и высылкой из России новой партии золота. Некоторые телеграммы Бенкендорфа, Рутковского и Сазонова включены в текст журнала полностью.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 49. Журнал Особого совещания от 5 сентября 1915 г.

Переговоры о новом займе у союзников. Вопрос о золоте

Опять оставался один путь — заключить новый заем у союзников. 29/16 августа 1915 г. министр финансов Барк обратился с письмом к английскому послу Бьюкенену. В этом письме он извещал посла о невозможности немедленно выехать для переговоров с союзными министрами финансов об отпуске новых кредитов. Вместе с тем он просил посла поддержать его просьбу перед английским правительством об отпуске нового аванса в 30 млн. ф. ст. Этого аванса хватило бы для оплаты счетов «на ближайшее будущее», до решения вопроса в целом на новом совещании трех министров финансов, которое разрешит «все вопросы финансового порядка»¹⁶⁷. Однако англичане не торопились с отпуском аванса. Телеграммы Бенкендорфа и Рутковского были проникнуты безнадежностью. Они считали, что на получение аванса без новой высылки золота нечего и рассчитывать, а Барк просил разъяснить союзникам, что эта стиралка поставит правительство «в очень затруднительное положение»¹⁶⁸.

Безвыходность положения заставила министров финансов и иностранных дел пойти на уступки, и 19 августа (1 сентября) 1915 г. Сазонов телеграфировал в Лондон о согласии «в принципе» министра финансов на доставку золота для платежей в США¹⁶⁹; при этом, однако, не называлась еще сумма золота, которую предстояло уточнить в связи с выяснением суммы предстоящего займа союзников в США.

Но вопрос о вывозе золота должен был разрешить Комитет финансов.

На заседании Комитета 23 августа 1915 г. была оглашена телеграмма Бенкендорфа, как всегда несколько паническая, но достаточно категорически сообщавшая, что даже переговоры с английским правительством об отпуске нового аванса в 30 млн. ф. ст. «невозможны, прежде чем будет дан точный ответ на сделанное английским правительством и принятое французским правительством предложение»¹⁷⁰. Бенкендорф в следующих варажениях предсказывал банкротство русского пра-

¹⁶⁷ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 611.

¹⁶⁸ Там же, док. № 598. Телеграмма Барка Рутковскому от 27/14 августа 1915 г.

¹⁶⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., л. 193, л. 18. Говоря о позиции Комитета финансов, который еще не рассматривал вопроса, Сазонов обнадеживающе писал: «Я предвижу, что Комитет даст свое согласие».

¹⁷⁰ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 648. Журнал Комитета финансов от 23 августа 1915 г.

вительства: «Если это положение продлится, то я не признаю возможным производить срочные платежи»¹⁷¹. Бенкендорф далее указывал на наличие в Англии серьезного финансового кризиса, выход из которого был возможен лишь путем платежей в золоте на американском рынке, или же путем размещения большого займа в США, заключение которого также требовало высылки золота.

Все сообщения Бенкендорфа и Рутковского об отношении английского правительства к финансированию России были Комитетом финансов резюмированы в следующих словах: «Великобританское правительство желает получить формальный ответ на свое предложение об участии России в предлагаемой высылке совместно с Англией и Францией золота в Соединенные Штаты на сумму до 120 млн. фунтов стерлингов, причем доля России в указанной отправке золота в Америку выразилась бы в сумме до 40 000 000 фунтов стерлингов»¹⁷².

Для того чтобы сделать этот вопрос более ясным, необходимо кратко остановиться на Булонском соглашении между английским и французским правительствами.

21—22 августа 1915 г. в Булони состоялась встреча министров финансов Англии и Франции Мак-Кенна и Рибо и управляющих Французским и Английским банками. Было достигнуто соглашение с Французским банком об «авансе каждым из них 40 млн. золотых фунтов стерлингов для отправки в Соединенные Штаты»¹⁷³. Россия на совещании представлена не была. Во исполнение Булонского совещания англичане вели в Америке переговоры о заключении большого займа на несколько миллиардов рублей для общих нужд союзников. Предполагалось, что для успешной реализации его требуется высылка золота в Америку в сумме 120 млн. ф. ст., или по 40 млн. фунтов каждым государством. Этот заем должен был явиться источником финансирования русских заказов не только в США, но и во Франции и Англии.

Россия приглашалась также принять участие в этой операции, внося 40 млн. ф. ст. золотом. Как сообщалось в телеграмме Рутковского, выручка от займа должна была быть разделена между союзниками пропорционально высланному каждой страной золоту. Вопрос обсуждался на том же заседании Комитета финансов 23 августа 1915 г., на котором министр финансов доложил упомянутые уже выше многочисленные теле-

¹⁷¹ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 648. Журнал Комитета финансов от 23 августа 1915 г.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же. Текст соглашения в Булонь-сюр-мер, подписанного Мак-Кенна и А. Рибо 22 августа 1915 г., и протокола к нему за подписью Мак-Кенна опубликованы у L. Petit. (Op. cit., pp. 762—764).

граммы Бенкендорфа с требованием высылки Россией золота. Пока Россия не заявила о своей готовности выслать 40 млн. ф. ст. золотом и присоединиться к своим союзникам, английское правительство задерживало решение вопроса об открытии нового аванса в 30 млн. фунтов. Таким образом, политика Барка — Горемыкина завела русское самодержавие в тупик: воевать должны были русские солдаты, а кредиты для ведения войны можно было получить только под золото. Уже через год войны стали сказываться все пагубные последствия этой политики, которую правительство начало проводить с октября 1914 г. Проводники этой политики в Лондоне — Бенкендорф и Ругковский знали в обращении с английскими министрами только один язык — язык унижительных просьб. Зато в депешах Сазонову и Барку они были очень настойчивы в своих советах поскорее посылать золото.

Никакая другая политика им, как и самому правительству, казалась невозможной. Заставляя русских крестьян и рабочих воевать за интересы англо-французских капиталистов, правительство Николая II оказывалось неспособным даже серьезно поставить вопрос о соответствующей финансовой помощи, хотя министры царского правительства очень хорошо понимали, какие цели преследует давление союзников на Россию. На секретном заседании Совета министров 19 августа 1915 г. государственный контролер П. А. Харитонов в следующих словах охарактеризовал позицию союзников: «Значит, с ножом к горлу прижимают нас добрые союзники — или золото давай, или ни гроша не получишь. Дай бог им здоровья, но так приличные люди не поступают»¹⁷⁴.

На этом же секретном заседании Совета министров Кривошеин указывал на некорректность союзников в отношении русского правительства и призывал к мерам дипломатического воздействия на них. «Они, — говорил он, — восхищаются нашими подвигами для спасения союзных фронтов ценою наших собственных поражений, а в деньгах прижимают не хуже любого ростовщика»¹⁷⁵. Однако Барк и Сазонов не склонны были идти на дальнейшее обострение вопроса, а Барк подтвердил мысль министра торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховского, что требование союзников — ультиматум, в случае непринятия которого «мы ни гроша не получим в Америке и с нас за каждое ружье американцы будут требовать платы золотом»¹⁷⁶. Несмотря на протесты отдельных членов кабинета, на признание того, что «приходится идти в хвосте у англичан и

¹⁷⁴ «Архив русской революции», т. 18. Берлин, 1926, стр. 88.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же, стр. 88—89.

французов», Совет министров в принципе согласился на требование о высылке золота.

После принципиального согласия Совета министров на высылку золота и телеграммы Барка, известившего союзников об этом согласии, Комитету финансов осталось лишь практически определить, какую сумму золота следует послать и какую сумму кредита можно требовать. Министр финансов представил Комитету всю документацию — переписку с союзниками, справку о потребных кредитах и свои предложения. Представленные документы и аргументация Барка показали членам Комитета, что другого выхода, кроме как согласиться с требованием англичан, нет, хотя это «согласие» и носило явно вынужденный характер.

Комитет финансов принял предложение Барка о высылке золота на сумму, не превышающую 40 млн. ф. ст., в равной с союзниками доле «при условии получения достаточного кредита, обеспечивающего предстоящие нам платежи»¹⁷⁷. Сумму кредита Комитет финансов, однако, из осторожности не назвал, дав право министру финансов определить ее на Лондонской конференции в соответствии с обстановкой.

26 августа Сазонов телеграфировал Бенкендорфу о принятом Комитетом финансов решении и известил, что через три дня Барк выезжает в Лондон. Согласие России на высылку золота побудило английское правительство срочно открыть просимый Барком кредит, т. е. аванс в сумме, не превышающей 30 млн. ф. ст.¹⁷⁸ для срочных платежей. Правда, делалась оговорка о том, что этот кредит отпускался на срок до «дня приезда Барка в Лондон». В случае платежей в США по заказам, сделанным не через английское военное ведомство, русская сторона должна была представить точные сведения о сроках и размерах таких уплат.

Хотя в начале 1915 г. Англия и Франция обязались финансировать Россию равными долями, на деле английские кредиты имели для царского правительства большее значение, так как они шли не для оплаты процентов по довоенным долгам, как французские кредиты, а главным образом для оплаты заказов на военное снаряжение и оборудование в самой Англии, США и ряде других нейтральных стран. Поэтому когда английский аванс был израсходован, русское правительство опять оказалось в зависимости от английского казначейства, так как иссякший источник валюты нечем было заменить. Кроме того, следует учесть, что 30 апреля 1915 г. Рибо и Ллойд-Джордж договорились о предоставлении Франции значительных креди-

¹⁷⁷ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 648, стр. 231.

¹⁷⁸ Там же, док. № 690. Записка великобританского посла от 11 сентября (29 августа) 1915 г.

тов¹⁷⁹ в общей сумме 62 млн. франков, из которых 50 млн. франков предназначались для платежей в США и Канаде, а французское правительство обязалось продать в Англию значительное количество золота, в размере двух пятых от суммы платежей за границу. Следовательно, Англия становилась кредитором и Франции¹⁸⁰.

Булонское соглашение между Англией и Францией о методах изыскания средств на деле явилось основой сильнейшего давления только на русское правительство, так как по Булонскому соглашению Франция совершенно не вывезла золота. Французское и английское правительства реализовали в США в октябре 1915 г. общий заем в 500 млн. долларов без экспорта золота¹⁸¹.

Кабальный характер финансового соглашения 30/17 сентября 1915 г. с Англией

В сентябре 1915 г. в Лондоне состоялись переговоры Барка с министрами финансов союзников. В результате этих переговоров были подписаны отдельные финансовые соглашения России с Англией и Францией. В отличие от соглашения в январе 1915 г., теперь распределение кредита было установлено не в размере 50% на каждую союзницу, а подавляющую часть средств давала Англия.

Каждое государство открывало России самостоятельный кредит. Первыми начались переговоры с английским министром финансов Мак-Кенна. Они протекали в трудной обстановке и обнаружили серьезные расхождения между заявками Барка и тем, что предлагал Мак-Кенна. Вся необходимая России сумма (300 млн. фунтов) по расчету Барка должна была реализоваться в Англии; во Франции он добивался самостоятельного кредита (сверх 300 млн. ф. ст.) в размере 562,5 млн. руб., или 1,5 млрд. франков. Заявка на кре-

¹⁷⁹ L. Petit. Op. cit., p. 762.

¹⁸⁰ За один год — с 7 мая 1915 по 2 мая 1916 г. — Франция вынуждена была продать и отправить золота в Лондон на сумму 884,6 млн. франков, а всего по 23 мая 1917 г. Франция продала Англии золота на 2,84 млрд. франков; кроме того, в Нью-Йорке и Мадриде было продано золота на 182,9 млн. франков.

¹⁸¹ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 868, стр. 449—450. Во главе французской миссии для заключения займа в США стоял банкир Омбер, а английский — лорд Ридинг. Чистая доля Франции в этом займе — 193 млн. долларов. Кроме того, Франция получила в Нью-Йорке два банковских кредита также без высылки золота, под гарантию французского правительства. Американский заем на некоторое время освободил Францию от английской зависимости по оплате расходов в США, но французские платежи в Англию с апреля 1915 г. достигли 4 млн. фунтов ежемесячно. Рибо добился согласия Мак-Кенна включить эти платежи в счет сумм, открытых по договору 30 апреля 1915 г., «пока они не истощатся» (L. Petit. Op. cit., pp. 75—76, 200—201).

дит для расширения эмиссий Государственного банка была удвоена по сравнению с суммой, называвшейся в Петербурге, и достигла почти 2 млрд. руб.

В ходе переговоров Мак-Кенна еще более последовательно, чем ранее, пытался провести принцип зависимости кредитов России от высылки золота. Новый кредит предоставлялся не на год, как об этом просило русское правительство, а лишь на шесть месяцев; открытие кредита для расширения выпуска Государственным банком кредитных билетов «принципиально отвергалось». Вместо 5 млрд. руб. Барку предлагали всего лишь 1100 млн. руб., «при условии безотлагательной, в течение месяца высылки золота на 400 млн. рублей, которое должно было идти на уплату наших расходов»¹⁸².

Таковы были явно неприемлемые для России условия англичан.

Переговоры явились, по словам Барка, долгими и упорными. Сущность позиции Мак-Кенна в изложении Барка сводилась к следующему: «1) открытие кредита связывалось непосредственно с обязательной высылкой золота; 2) золото должно было идти на покрытие наших заграничных платежей, сокращая на соответственную сумму необходимые кредиты и составляя для нас прямой расход, т. е. утрату желтого металла и соответственное сокращение эмиссионного права государственного банка; 3) открытие кредитов рассчитывалось не более, чем на 6 месяцев; 4) открытие кредита для обеспечения выпуска кредитных билетов принципиально отвергалось»¹⁸³.

Хотя разногласия были большие, но англичане понимали, что предоставление кредитов являлось единственной возможностью сохранить Россию на стороне Антанты. Барк привез убедительные данные о том, что военные заказы за границей в 1915—1916 гг. достигали почти 2,8 млрд. руб. Поэтому требование Барком кредитов в количестве 3 млрд. руб. на год только покрывали реальные заказы. Что же касается кредитов для поддержания денежного обращения в России, то они Англии ничего не стоили, поскольку речь шла о чисто бухгалтерской операции. В отношении же золота Барк приехал с принципи-

¹⁸² «Красный архив», т. 5, стр. 65. Доклад Барка о финансовых соглашениях. Кроме доклада Барка о соглашениях в сентябре 1915 г. с английским и французским министрами финансов в архивах сохранилась значительная документация. Так, посол в Лондоне Бенкендорф секретными телеграммами извещал председателя Совета Министров и управляющего Министерством финансов о главных основаниях подписанного 30/17 сентября 1915 г. соглашения, а потом и весь текст соглашения был передан на русском языке. Были переданы и приложения к соглашению. Сохранились также документы о соглашении с Францией. Все они хранятся в ЦГИАЛ и АВПР. Наиболее важные из них опубликованы в МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 823, 824, 834 и 835.

¹⁸³ «Красный архив», т. 5, стр. 64—65.

альным согласием своего правительства на вывоз 40 млн. ф. ст. Поэтому нам кажется, что Барк несколько преувеличил трудности переговоров, чтобы оттенить перед императором и Советом министров достигнутый успех. По документам невозможно проследить весь ход переговоров и той борьбы, которая происходила. Об этом не сохранилось и свидетельских показаний участников.

Подписанное 30/17 сентября 1915 г. обоими министрами финансов соглашение сводилось к следующему. Английское правительство соглашается отпустить русскому правительству кредиты в сумме 3 млрд. руб. в год на военные нужды, для потребностей промышленности, платежей процентов и т. д. Эти кредиты открываются с 1 октября 1915 г. и заканчиваются в сентябре 1916 г. Отпуск производится ежемесячно долями, в сумме, не превышающей в среднем в месяц 25 млн. ф. ст. В состав отпущенного кредита входили и средства, полученные русским правительством до прибытия в Лондон Барка, за счет кредита в 30 млн. ф. ст., об отпуске которого ходатайствовало русское правительство после исчерпания аванса в 25 млн. ф. ст. Новый кредит открывался под обязательства русского государственного казначейства и обходился русскому правительству на 1% выше нормального учетного процента Английского банка.

Английское правительство отпускало деньги своему союзнику по более высокой ставке, чем остальным своим клиентам. Русское правительство не только не получило льготных условий кредита по сравнению с обычными клиентами Английского банка, но должно было переплачивать сверх существовавшей учетной ставки порядочную сумму — 30 млн. руб. в год.

Но уже в первом пункте соглашения о размере кредита были и некоторые тревожные моменты, на которые Барк не обратил внимания ни правительства, ни царя, — он их просто обошел. Там говорилось, что выполнение Англией обязательств по предоставлению России кредитов в условленном объеме распространялось только на полгода, до апреля 1916 г., а с апреля по сентябрь 1916 г. выполнение соглашения зависело от состояния английского кредита в Америке, «от возможности для английского правительства располагать средствами платежа в Америке, достаточными для покрытия всех тех обязательств различных союзных правительств в Америке, покрытие которых взяло на себя английское правительство»¹⁸⁴. Другими словами, пока твердо гарантировалась сумма ежемесячного кредита в 25 млн. ф. ст. лишь до апреля 1916 г., а потом эта сумма могла быть уменьшена, и могло быть совсем отка-

¹⁸⁴ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 824.

зано в кредите, или, что всего вероятнее, к русскому правительству могли быть предъявлены новые требования и претензии. Поэтому трезвое рассмотрение дела вовсе не позволяло писать о соглашении так оптимистично, как это делал Барк в донесении Совету министров и царю.

Второй важнейший пункт соглашения касается обязательств России в части высылки золота. И в своей телеграмме Совету министров, и в докладе царю Барк старается показать, будто кредиты отпущены России не под золото. «Высылка золота, — писал он, — обусловлена не в соответствии с кредитами, а в виде неопределенной операции и для надобности американского рынка, причем золото посылается в Америку по мере действительной надобности в равных частях с Францией и Англией... В отличие от соглашения с Францией *русское золото дается только на время*. Оно покупается у нас Англией, в обмен на ее обязательства, которые подлежат оплате золотом в течение пяти лет, независимо от того, будут ли к тому времени погашены нами долги или нет. Таким образом, высылка золота не сокращает нашего обеспечения кредитных билетов в золоте, так как оно заменяется английскими обязательствами, подлежащими оплате золотом»¹⁸⁵. Такова была редакция Барка условий достигнутого соглашения. Барк утешает членов правительства, что в будущем это золото можно вернуть и что его вывоз не отразится на эмиссии Государственного банка.

По соглашению русское правительство давало обязательство вывезти золото в количестве 400 млн. руб., однако с оговоркой о том, что до 31 марта 1916 г. к России не будет предъявлено требование вывезти золота свыше 200 млн. руб., а остальные 200 млн. руб. нужно было выслать в течение следующего полугодия. В действительности обязательства, принятые Барком, рисуются не в столь розовом свете. Во втором пункте договора говорится, что английское и французское правительства должны каждое «иметь наготове для вывоза в Америку сумму в 40 млн. фунтов золотом»¹⁸⁶. Такая формулировка сознательно употреблена в целях давления на Россию, с тем, чтобы вопрос о вывозе русского золота был решен окончательно. По форме договора могло казаться, что Барк даже добился некоторого смягчения первоначального категорического требования англичан о вывозе золота на 400 млн. руб. Английское правительство рассрочивало вывоз золота, отказавшись от требования немедленной его поставки. Но осенью 1915 г. уже определенно выяснилось, что русское золото не потребуется для гарантии займа союзников, следовательно, вы-

¹⁸⁵ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 823 (Курсив наш.— А. С.).

¹⁸⁶ Там же, док. № 824.

сылка золота теперь должна была быть проведена без всякой связи с предполагаемым займом, как и английский кредит России отпускался ежемесячно, вне зависимости от предполагаемого займа. Русское золото попросту «покупалось» Англией, а опытные в делах члены Комитета финансов (Сабуров и др.) прямо заявляли на одном из заседаний Комитета, что этого золота Россия больше не получит. Вывоз золота производился по требованию Английского банка, поскольку это им «будет признано необходимым» в связи с его оценкой положения. Затягивать этот вывоз уже было нельзя, так как в распоряжении англичан было орудие давления — прекращение кредитов. Уступка России в кардинальном вопросе о золоте и явилась причиной относительной стоворчивости английского министра финансов.

Далее, Английское правительство согласилось отпустить кредит в 200 млн. ф. ст. для увеличения эмиссии Государственного банка России и стабилизации курса рубля. Этот счет является бухгалтерской фикцией, а не действительной кредитной операцией, так как русское правительство не получало никаких реальных ценностей и не могло расходовать открытого счета. Все дело со стороны англичан ограничивалось простой бухгалтерской записью в книгах без какого-либо привлечения или расходования реальных ценностей. Однако и на этом фиктивном «кредите» они решили заработать и потребовали, чтобы союзник платил «обычный процент», что составляло бы свыше 100 млн. руб. в год. Барку удалось убедить союзника отказаться от требования процентов, и «кредит» этот был сделан бесплатным.

Заключение данной фиктивной сделки дало основание Барку писать правительству и царю, что намеченные русским правительством кредиты англичанами «не только не сокращены, но увеличены на один миллиард рублей для обеспечения выпуска кредитных билетов». Этот «кредит» не имел реального значения и утешаться им крупному финансовому чиновнику по меньшей мере было наивно. Для русского правительства значение этого «кредита» сводилось к тому, что оно освобождалось от выслушивания неприятных речей членов Прогрессивного блока, оппозиционных депутатов Государственной думы, куда надо было лишний раз обращаться с просьбой об увеличении эмиссии Госбанка на 2 млрд. руб. Английский счет временно освобождал Барка от этой неприятной миссии.

В своей принципиальной основе соглашение 30/17 сентября 1915 г. вовсе не было столь благоприятно для России, как это изображали Барк и официальная пресса. Это соглашение — новый этап в финансовом закабалении страны, и иначе его оценивать нельзя.

Усиление финансовой зависимости русского правительства от Англии особенно ярко выступает в связи с рассмотрением условий расходования предоставленных кредитов. Соглашение строжайшим образом регламентирует порядок расходования кредита в интересах английского правительства¹⁸⁷. Русское правительство не имело права пользоваться английским кредитом, хотя бы в какой-либо части, для платежей во Франции и для закупки иностранной валюты с целью продажи ее в России. Американская валюта покупалась «при посредничестве» английского правительства. Кредит предназначался для платежей по размещенным уже заказам в самой Англии, Канаде и Соединенных Штатах Америки. Кроме того, из него разрешалось использовать не свыше 6 млн. фунтов для оплаты исключительно государственных заказов в Японии, для чего на каждый заказ русское правительство выдавало Англии особое удостоверение в том, «что соответствующие предметы требуются для его нужд», а об условиях заказа и оплаты ставилось в известность английское правительство.

Английское правительство строжайшим образом контролировало сроки платежей, предметы поставок и расчеты. Трудно даже признать, что это был кредит великой и суверенной стране, к тому же еще союзной. Для производства платежей по заказам, уже размещенным в странах, не оговоренных в соглашении, требовалось одобрение такого платежа соответствующим английским учреждением. Такие платежи русское правительство могло произвести только в «особых случаях», после изучения контрактов английскими чиновниками и одобрения их английскими учреждениями. Для платежей по новым заказам, заключенным после соглашения, бронировалось ежемесячно менее $\frac{1}{5}$ ежемесячного кредита — 4,5 млн. фунтов, но каждый заказ, каждая поставка могла иметь место только с одобрения русского представителя в Лондоне ген. Гермоннуса и «по совещанию с компетентным должностным лицом, назначенным английским правительством». Лишь платеж процентов по всем видам русского государственного долга или по займам, гарантированным правительством, производился во всех странах без исключения, кроме Франции. Французское правительство должно было само обеспечить интересы держателей бумаг русских займов.

Нельзя, однако, полностью оценить соглашение, не приняв во внимание подписанное одновременно с ним, 30/17 сентября 1915 г., важное соглашение о порядке размещения русских военных заказов¹⁸⁸. Необходимость такого соглашения мотивировалась интересами «лучшего согласования их заказов» и

¹⁸⁷ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 834.

¹⁸⁸ Там же, док. № 834 и 835.

достижением в этом деле экономии. По этому соглашению русское правительство признало, что «все предложения относительно поставок для России» в Великобритании империи и США будут рассматриваться в Лондоне, и без одобрения правительственных «экспертов» не будет подписан ни один контракт. Однако такой «эксперт» — представитель русского правительства — не мог действовать самостоятельно. Он был поставлен под контроль должностных лиц британского правительства и особого комитета, учрежденного лордом Китчером при военном министерстве. Все остальные поставки контролировались другим английским органом — специальной международной комиссией по снабжению (Commission internationale de Ravitaillement), в состав которой Россия должна была назначить компетентного представителя. В действительности получалось, что без согласия названных комитетов Россия не могла выдать за границей ни одного своего заказа, если речь шла о расходовании английского кредита. Таким образом, англичане добились полного контроля не только над расходованием Россией отпущенных Англией кредитов, но и над всеми военными заказами, оплачиваемыми за их счет.

Когда Барк подписывал соглашение с англичанами, он не оценил всех его отрицательных последствий, и того, к каким печальным результатам приведет намеченный порядок размещения заказов русского правительства. Как финансист и банковский деятель, он придавал решающее значение итоговым цифрам кредита. Барк был невысокого мнения об организации в России дела закупок за границей; он знал, что посредники наживаются на поставках миллионы долларов. Поэтому он поверил англичанам, что объединение заказов обеспечит «устранение конкуренции между союзными странами, возможное понижение цен и, наконец, уверенность в изготовлении нужных материалов в обусловленные сроки»¹⁸⁹. Ему казалось, что реорганизация Англо-Русского комитета и усиление сотрудничества с союзником, который несет главную долю финансирования иностранных заказов, поможет улучшить и оздоровить дело иностранных поставок для русского правительства. Поэтому он предложил план реорганизации Англо-Русского комитета, который русским правительством был принят¹⁹⁰. Барк

¹⁸⁹ АВНР, ф. Экономический департамент, 1-е дел-во, д. 105, лл. 192—196. Письмо Барка председателю Совета министров Горемыкину от 9 октября 1915 г. В этом документе Барк подверг довольно жестокой критике организацию и деятельность существовавшего в Лондоне Англо-Русского комитета, практика работы которого показала, что «сосредоточение заказов в нем не получило полного осуществления, равным образом и сама организация комитета вылилась в несколько иной форме».

¹⁹⁰ Председатель комитета назначался военным министром и одновременно являлся представителем в Международной комиссии по снабжению,

указывал, что одновременно с реорганизацией размещения заказов в Лондоне должна быть проведена реорганизация постановки «заграничных заказов и отпуска иностранной валюты в смысле объединения этого дела и здесь в Петрограде»¹⁹¹. Эта реорганизация вылилась в создание при Особом совещании по обороне Комиссии по распределению иностранной валюты. Во главе этой комиссии был назначен ген. Михельсон. Таким образом, учет и распределение иностранной валюты ушли из рук министра финансов и были сосредоточены в военном ведомстве. Министр же финансов должен был по-прежнему изыскивать необходимые средства.

Кроме общего соглашения, Барк достиг еще договоренности с управляющим Английским банком об открытии кредита русским банкам под гарантию русского правительства. Эта мера отвечала интересам русских банков и одновременно преследовала цель поддержания курса рубля. Как видно из сообщения Барка на заседании Совета министров 2 октября 1915 г., обсуждавшего вопрос о финансовом соглашении с Англией, размер финансовой операции с Английским банком достигал суммы около 240 млн. руб. в год¹⁹². Такой кредит давал возможность частным банкам России покрыть свою задолженность английским банкам и произвести еще покупку товаров в кредит. Барк сообщил об этом соглашении с Английским банком Горемыкину телеграммой 21 сентября 1915 г. из Парижа, в которой было приведено письмо лорда Кенлифа, содержащее условия этого соглашения¹⁹³. Письмо Кенлифа намекало только основу соглашения. Русские банки, участвовавшие в соглашении, должны были передать в Государственный банк трехмесячные стерлинговые чеки на английские банки и фирмы, участвовавшие в соглашении. Пересланные Госбанком в Англию, эти чеки должны были быть завизированы Английским банком, который должен их рассматривать «как английские банковские обязательства с целью дисконта». Русские казначейские обязательства должны были быть оплачены в течение года после окончания войны; комиссионные оплачивались в размере 0,5% ко времени учета обязательств. Размер операции и ее детальные условия длительное время разрабатывались.

а член комитета от Военного министерства являлся представителем русского правительства в учрежденном Китченером при британском военном министерстве комитете. Все суммы по заказам переводились в распоряжение комитета.

¹⁹¹ АВПР, ф. Экономический департамент, 1-е дел-во, д. 105, лл. 192—196.

¹⁹² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 191—192.

¹⁹³ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 41—42. Гектографированная копия секретной телеграммы Извольского от 4 октября (21 сентября) 1915 г.

Французский кредит
(4 октября — 21 сентября 1915 г.)

Русско-французские финансовые отношения развивались на базе решений трех министров финансов, принятых в начале 1915 г. До новой встречи министров финансов Барка и Рибо мы не видим в финансовых отношениях той напряженной дипломатической борьбы между обоими правительствами, которая наблюдалась в отношениях между Россией и Англией. Это объясняется тем, что русское правительство ошибочно не считало Францию крупным финансовым источником для покрытия своих военных расходов по заказам в других странах. Кроме того, французское правительство открывало новые кредиты в значительной мере для уплаты процентов по долгам и поэтому предлагало относительно более выгодные условия, чем английское правительство. «Французское правительство предоставило в распоряжение российского казначейства трехмесячные казначейские бонны, подлежащие оплате (обмену) в течение одного года по заключении мира. Эти обязательства французского казначейства учитывались Французским банком из 5% на сумму в среднем на 24 млн. долларов в месяц. Вследствие умеренного процента и отсутствия комиссии Французскому банку Россия получила у Франции самые благоприятные условия для своих иностранных займов, если не считать кредитов, открытых ей Северо-Американскими Соединенными Штатами после вступления последних в войну»¹⁹⁴. Роль французского денежного рынка в кредитовании России на 1916 г. не превышала 20% средств, отпущенных Англией (562,5 млн. руб. и 3000 млн. руб.).

Уезжая на совещание министров финансов, Барк повысил сумму необходимых России французских кредитов с 531,7 до 562,5 млн. руб., или до 1,5 млрд. франков на год¹⁹⁵. Новые переговоры Барка с Рибо о кредитах протекали в спокойной обстановке. Вопрос о вывозе русского золота для подкрепления французских финансов не ставился. Рибо не проверял и не осматривал расчетов Барка в отношении количества потребной валюты. Переговоры закончились соглашением, подписанным обоими министрами в Париже 21 сентября (4 октября) 1915 г.¹⁹⁶ К этому основному документу было сделано приложение, в котором в осторожной форме Барк давал обещание принять ряд мер к охране интересов французов — держателей

¹⁹⁴ Г. Ф и с к. Указ. соч., стр. 165.

¹⁹⁵ «Красный архив», т. 5, стр. 64.

¹⁹⁶ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 852 (текст соглашения) и приложение к док. № 853; L. Petit. Op. cit., pp. 706—707; La dette publique de la Russie, pp. 42—43.

русских ценностей, утративших их в связи с войной, и к развитию торговых операций, в частности по усилению экспорта в Россию французских вин уже во время войны ¹⁹⁷.

Перейдем к самому соглашению. Рибо не принял на себя обязательства немедленно финансировать Россию на год вперед в размере 1,5 млрд. франков, мотивируя это напряженностью платежных обязательств Франции. Он высказался за открытие ежемесячных кредитов в сумме не свыше 125 млн. франков, что предоставляло значительное повышение против 75 млн. франков, получавшихся ранее. Русское правительство должно было ежемесячно получать беспроцентные бонны французского казначейства и учитывать их во Французском банке. Соглашение предопределяло использование кредита только во Франции и только для двух видов платежей: «а) процентов и погашения займов, выпущенных или гарантированных российским правительством; б) покупок или заказов российским правительством снарядов и военного снабжения во Франции» ¹⁹⁸. Исходя якобы из интересов России, а на самом деле из желания обеспечить наиболее выгодные цены и устранить конкуренцию, соглашение требует, чтобы русские военные закупки и заказы согласовывались с военным министерством Франции.

В связи с закупкой французским правительством в России хлеба, спирта, зерна и леса Барк дал согласие оплачивать все эти покупки в рублях, за счет французского правительства. Оплаченная сумма должна была быть переведена во Францию по курсу, который будет существовать спустя год после окончания войны, и списана с суммы предоставленных Францией России кредитов. Таковы главные пункты русско-французского соглашения.

У Рибо мы находим лишь несколько строк, относящихся к данному соглашению. «Мы были менее щедры, — пишет он, — в отношении России (чем в отношении Бельгии), которую мы так широко кредитовали до войны. Было условлено, что Россия будет платить проценты по учетным ставкам Французского банка. Мы передали русскому правительству беспроцентные бонны казначейства, которые оно учитывало во Французском банке. Так возник счет, фигурировавший в списке этого учреждения. Со своей стороны Россия в погашение наших кредитов обязалась снабжать нас зерном и лесом по цене, которую платит русское правительство» ¹⁹⁹.

¹⁹⁷ МО, серия III, т. VIII, ч. 2, док. № 853.

¹⁹⁸ Там же, док. № 852. Из документов видно, что Барк просил Рибо распространить действие соглашения также на оплату процентов по русским муниципальным займам, на что, видимо, Рибо дал предварительное согласие. Сумма этих платежей достигала 20 млн. франков в год (док. № 849).

¹⁹⁹ A. Ribot. Op. cit., p. 87.

Общий ежемесячный кредит, полученный Россией в конце 1915 г. у союзников — французов и англичан — достигает большой суммы — около 300 млн. руб. в месяц. Барк получил также согласие Английского банка «возобновить» обязательства государственного казначейства на 100 млн. руб., так как срок этих обязательств, реализованных в начале 1915 г., истек в феврале 1916 г. Вновь полученные кредиты дали возможность русскому правительству уплачивать проценты по долгам, рассчитаться по размещенным заказам, делать новые заказы за границей, а также закупать оборудование, сырье и боевое снаряжение.

Заключенные Барком финансовые соглашения с англичанами и французами встретили благоприятное отношение со стороны буржуазной прессы, в которую просочились некоторые сведения, далеко, впрочем, не полные. Так, «Торгово-промышленная газета» сообщала о выработке русским и великобританским правительствами «программы совместных действий»²⁰⁰. Через несколько дней было напечатано официальное коммюнике о соглашении Барка с Рибо и о полном согласии по всем обсуждавшимся вопросам²⁰¹. В благоприятных тонах сообщалось о ходе обсуждения вопроса об урегулировании русского коммерческого кредита²⁰². Заслуживает особого внимания выступление крупного знатока проблем денежного обращения и кредита М. И. Боголепова, который напечатал большую статью, посвященную новому финансовому соглашению²⁰³. Отметив особую невыгодность финансового положения России в расчетной системе вследствие почти полного прекращения вывоза, Боголепов считал, что заключенные соглашения «выводят нашу страну из этих затруднений». Соглашения создали базу для урегулирования всех сложных и запутанных расчетов. Автор подчеркивал особую роль Англии на мировом денежном рынке и необходимость укрепления вексельного курса фунта стерлингов путем вывоза золота из России. «Россия», писал Боголепов, «должна помочь своим золотом союзным правительствам в деле укрепления вексельных курсов».

На деле Боголепов выступил в роли апологета финансовой политики царизма. Он считал, что финансовые нужды России «на долгое время обеспечены», и политика «война до победы» получила финансовое обеспечение. Вопреки истине и фактам, Боголепов утверждал, что в размещении заказов «Россия сохраняет за собой полную автономию».

В тоне полного единомыслия между союзниками выступило

²⁰⁰ «Торгово-промышленная газета», от 20 сентября 1915 г.

²⁰¹ Там же, от 24 сентября 1915 г.

²⁰² Там же, от 25 сентября 1915 г.

²⁰³ Там же, от 3 октября 1915 г.

«Новое время», подчеркнувшее, однако, что в интересах «справедливости» необходимо найти средства для поддержания «нашей валюты»²⁰⁴.

В фельетоне Altus'a «Утро России» метко подметило «попрошайничество», на которое был обречен Барк. Самолюбие оппозиционной буржуазии было задето «той даннической ролью, которую ему (министру финансов.— А. С.) приходится играть в лагере друзей». По мнению органа московской буржуазии, представитель России должен не «ждать и вымаливать», а сказать какие-то другие слова²⁰⁵. Какие эти слова — газета не назвала. В действительности ни у царских министров, ни у буржуазии не было «решительных слов». Ни буржуазия, ни помещики не могли занять никакой особой позиции перед союзниками. Они могли только лакейски выпрашивать ту или иную подачку, расплачиваясь новыми жертвами миллионов солдат. Они вели политику закабаления страны.

Возвратившись в Россию, Барк доложил о результатах заключенного соглашения в ряде высших правительственных учреждений.

30 сентября 1915 г. управляющий делами Особого совещания по обороне генерал-лейтенант Бабилов ознакомил членов совещания с заключенными с Англией и Францией соглашениями. Членов совещания особенно интересовал вопрос о порядке оплаты заказов в США: может ли Россия самостоятельно делать заказы в Соединенных Штатах? Выступивший на заседании Особого совещания А. И. Гучков выразил справедливое общее мнение, что «соглашение вселяет тревогу ввиду того, что наши союзники получают слишком широкое право контроля над нашими заказами за границей»²⁰⁶. Поэтому он обратил особое внимание на необходимость изменения состава Англо-Русского комитета в Лондоне. М. В. Родзянко предложил примириться с «тяжестью обязательств», налагаемых соглашением, так как «оно есть совершившийся факт», но поддержал предложение Гучкова изменить состав Англо-Русского комитета, куда должны войти лица, «кои могли бы явиться действительными защитниками наших интересов»²⁰⁷.

На заседании Особого совещания 3 октября 1915 г. выступил с объяснениями министр финансов Барк²⁰⁸. Общий тон его холопской речи сводился к тому, чтобы подчеркнуть выгоды России от заключенного соглашения. В частности, в интер-

²⁰⁴ «Новое время», от 25 сентября 1915 г.

²⁰⁵ «Утро России», от 19 сентября 1915 г.

²⁰⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 54. Журнал Особого совещания от 30 сентября 1915 г. (Курсив наш.— А. С.).

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же. Журнал Особого совещания, от 3 октября 1915 г.

претации Барка обсуждение русских заказов английским правительством якобы введено «не для контроля наших зарубежных заказов по существу», а в интересах предохранения России и Англии «от непроизводительных платежей»²⁰⁹. Он отпел какую бы то ни было «подозрительность» в отношении англичан, которые, как союзники, «заслуживают, казалось бы, большого доверия». Барк согласился с предложением организовать Англо-Русский комитет на новых началах, так как существование его в нынешнем виде «есть чистая фикция». Все же разъяснения Барка не рассеяли полностью сомнений представителей буржуазии в Особом совещании.

2 октября 1915 г. Совет министров слушал устный доклад Барка²¹⁰. Председатель Совета и, по-видимому, члены его уже были хорошо информированы о существовании дела, так как тексты соглашений с английским и французским министрами были своевременно сообщены Горемыкину. Никто из членов Совета не выразил сомнений в целесообразности соглашений, никто не поправил Барка, когда тот сообщил, что сумма кредитов якобы достигает 5,5 млрд. руб. (он включил в эту сумму и 2 млрд. руб. по фиктивному кредиту на поддержание курса рубля), поэтому представление министра финансов было одобрено.

6 октября 1915 г. соглашение с английским и французским правительствами рассматривал Комитет финансов²¹¹. Это было обсуждение в кругу крупнейших специалистов в области кредита и денежного обращения. Самый журнал комитета отличается от краткого и пустого журнала Совета министров. В журнале отражены все основные пункты соглашений, в том числе и обязательства России по вывозу золота в Англию, по 200 млн. руб. в первое и второе полугодия 1916 г. Барк специально остановился на наиболее важных и новых вопросах — об Англо-Русском комитете и организации заказов за границей. Обосновывая заключенные соглашения и те уступки, на которые он пошел, Барк говорил: «Страна, производящая запасы угля в столь крупных размерах, в особенности вне ее пределов, должна быть предварительно осведомлена о размерах и месте предстоящих ей платежей».

Далее Барк остановился на разделении английских кредитов на два периода по полугодиям, в соответствии с которыми был расчленен и вывоз русского золота. Вместе с тем

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 191—192. Особый журнал Совета министров от 2 октября 1915 г., утвержденный Николаем II 23 октября 1915 г.

²¹¹ Там же, лл. 167—170.

Барк пытался убедить членов комитета, что золото отдавалось «на ссудных основаниях», а потому могло быть оставлено на балансе Государственного банка как золото за границей. Это более чем сомнительное утверждение министра никем не было опровергнуто, да и едва ли кто-нибудь из членов Комитета финансов хотел давать лишний повод для нападков оппозиции из Прогрессивного блока.

По мнению Комитета финансов, заключенные соглашения «не только вполне обеспечивают нам заграничные ресурсы, необходимые для планомерного ведения войны в течение целого года, но вместе им достигнуто и обеспечение кредитных билетов, подлежащих выпуску в связи с внутренними военными расходами»²¹².

Таким образом, миссия Барка во всех инстанциях была встречена как крупная победа на экономическо-финансовом фронте, которая укрепит положение правительства и армии. Несколько позже она получила одобрение и со стороны кадетской партии. Главный оратор этой партии по вопросам бюджета Шингарев заявил с трибуны Государственной думы, что в сентябре 1915 г. в тех условиях, когда Совет министров послал Барку в спину роспуск Государственной думы, министр финансов «не смог ничего лучшего сделать»²¹³. Все же Барка слегка побранили за открытие Английским банком «золотого» счета, который не представлял реальное золото; Шингарев увидел в этой сделке обход законодательных учреждений и призывал Барка к осторожности в этом деле. Вся речь Шингарева была проникнута надеждой на богатых союзников и на их финансовую поддержку. Выразив полное удовлетворение суммой полученного кредита, Шингарев остался не совсем доволен условиями, на которых он был получен. Эти условия, говорил он, «быть может, требовали большего внимания и большего обеспечения свободы наших действий»²¹⁴. По мнению Шингарева, заключенное соглашение представляло всего лишь «некоторое неудобство» для военных заказов. Критическая часть Шингарева была настолько умеренной, что к его мыслям присоединился крайне правый Марков 2-й, также ратовавший за необходимость всемерного расширения финансовой помощи со стороны союзников²¹⁵.

²¹² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 191—192.

²¹³ Стенографические отчеты Гос. думы 4-го созыва, сессия IV, засед. 22, 16 февраля 1916 г., стб. 1763—1764. Так как Дума была распущена 3 сентября 1915 г., то Шингарев выступил по вопросу о финансовом соглашении с большим опозданием, в феврале 1916 г., в речи о росписи доходов и расходов на 1916 г.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же, стб. 1959, выступление Маркова 2-го 19 февраля 1916 г.

Представители бюрократической правящей верхушки не видели слабых сторон в принятых русским правительством финансовых обязательствах, не видели того, что они ведут Россию к потере самостоятельности, налагают новые тяжелейшие обязательства, что действительным хозяином отпущенных кредитов является английское правительство, которое и будет ими распоряжаться в интересах своей политики. Действительность показала всю ошибочность и необоснованность оптимистических оценок Барка. Вскоре сам он и еще более — военное ведомство стали пожирать горькие плоды посеянного.

В связи с ухудшением военного положения России, ростом неустойчивости русского правительства, подъемом революционного и буржуазно-либерального движения английскому правительству удавалось еще более ухудшить условия, на которых предоставлялся России кредит. Это было не соглашение между двумя равными партнерами. Сильный диктовал свою волю слабому, ставя его на колени и накидывая петлю на шею. Даже лидеры буржуазии и старые, прожженные бюрократы, царедворцы и преданные слуги царизма тихо ворчали, позволяя себе откровенно высказаться лишь в узком кругу Совета министров или Комитета финансов. Свое действительное отношение к союзннику они прятали даже от членов Государственной думы.

Соглашение 30/17 сентября 1915 г. с Англией, хотя и давало в руки правительства и буржуазии большие средства для размещения новых заказов и покупки иностранных товаров, необходимых для военного производства, в действительности лишило царское правительство его суверенитета в использовании предоставленного кредита и делало его придатком английского империализма.

Антинародная политика русского царизма, поддерживаемая помещиками и буржуазией, политика продолжения империалистической войны вела страну к катастрофе. Только рабочий класс России, возглавляемый партией Ленина, выступил против империалистической войны, против царизма, против затем буржуазии организовать военно-промышленные комитеты. Большевики являлись борцами за суверенитет народов нашей страны, врагами порабощения России англо-французским империализмом.

Глава IV

СОГЛАШЕНИЯ 1916 г. УСИЛЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ РОССИИ ОТ СОЮЗНИКОВ

1. КОМИССИЯ ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ВАЛЮТЫ

Одним из первых шагов по выполнению финансового соглашения с Англией явилась организация Комиссии по распределению валюты, создание которой должно было объединить усилия всех правительственных учреждений и частных организаций России, размещавших иностранные заказы и производивших закупки для нужд войны. В первом пункте «Временного положения» о комиссии говорилось, что она образуется при Военном министерстве «для расчетов в иностранной валюте по заграничным заказам, связанным с государственной обороной, а равно для содействия вывоза из-за границы заказанных для этой надобности предметов и материалов...»¹. Комиссия должна была рассматривать заявки всех государственных ведомств, общественных организаций и частных лиц, подтвержденных удостоверениями о том, что заказы нужны для «государственной обороны». Выдача валюты должна была производиться с учетом «срочности заказов» и имеющейся в распоряжении комиссии валюты.

Большое значение имел последний, девятый пункт Положения, гласивший, что валюта предоставлялась всем без исключения учреждениям и отдельным лицам лишь «по получении одобрения заказа (покупки) от Англо-Русского комитета в Лондоне». Это было очень существенным ограничением для претендентов на валюту. Англо-Русский комитет и английские учреждения сперва должны были признать необходимость того или другого заказа и лишь после этого комиссия имела возможность выделить для него валюту. Конечно, такой поря-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. I, 1915 г., д. 2, л. 3—3 об. Временное положение было утверждено военным министром Поливановым 26 октября 1915 г.

док замедлял решение вопросов, но одновременно он обеспечивал более рациональное использование валюты, которая, как правило, отпускалась теми же англичанами.

Комиссия являлась органом Особого совещания по обороне и должна была обеспечить осуществление его политики. В комиссию входило 8 представителей Военного министерства, два представителя Министерства финансов² и по одному — от министерств путей сообщения, торговли и промышленности и иностранных дел. В комиссии была представлена и буржуазная «общественность»: Центральный и Московский областной военно-промышленные комитеты, Земский и Городской союзы, Совет съездов представителей промышленности и торговли. Комиссия была громоздкой, и нередко были случаи, когда на ее заседаниях присутствовало по 30 и более человек.

Комиссия только распределяла имеющуюся иностранную валюту и должна была содействовать быстрой доставке купленных за границей материалов.

Одновременно с утверждением «Временного положения» о Комиссии по распределению валюты военный министр утвердил также временные «Правила о порядке испрошения» согласия Англо-Русского комитета в Лондоне на заграничные заказы³. Эти правила регламентировали порядок размещения заграничных заказов как ведомствами, так и общественными организациями и частными лицами.

По этим правилам все ведомства и общественные организации могли заключать договоры только после рассмотрения и одобрения их Англо-Русским комитетом и «по возможности» через него. Как уже указывалось, валюта выдавалась лишь после одобрения предполагаемых сделок со стороны Англо-Русского комитета.

Что касается частных предприятий и лиц, то для получения ими валюты был установлен еще более сложный порядок. Они подавали заявление о предполагаемых заказах и закупках за границей в Министерство торговли и промышленности и одновременно в Комиссию по распределению валюты. Сношения с Англо-Русским комитетом осуществлялись Министерством торговли и промышленности, и только по согласованию с комитетом разрешался вопрос о валюте. Если добавить к этому, что ведомства и общественные организации все сношения с Англо-Русским комитетом осуществляли через Главное управление генерального штаба, то можно себе представить, какая сложная бюрократическая система была создана для получения валюты и размещения заказов. Эта система

² По одному от Особенной канцелярии по кредитной части и государственного казначейства.

³ ЦГВИА, ф. 200, оп. 1, д. 778, лл. 96—97.

заставляла заказчиков подавать свои заявки с большим запросом, чтобы вновь не проходить все мытарства.

Первое заседание Комиссии по распределению валюты состоялось 21 октября 1915 г. На этом же заседании многие признали, что установленный временными правилами порядок является чрезмерно громоздким и сложным, вследствие чего «следует опасаться, что он вызовет затруднения в помещении заказов на зарубежных рынках»⁴. Эти опасения были совершенно справедливы, но никакие сетования членов комиссии не могли уже изменить заключенное с англичанами соглашение, строго регламентировавшее порядок выдачи заказов и их финансирование.

На первом же заседании было принято важное решение о том, что все требования на валюту, связанные с удовлетворением государственных потребностей, — платежи по долгу, содержание дипломатических, военных, морских и торговых работников — не подлежали обсуждению. Председатель комиссии единолично давал соответствующее разрешение на выдачу валюты; о них лишь докладывалось на ближайшем заседании комиссии. Следовательно, для реального распределения у комиссии оставалось меньше ежемесячных поступлений по кредитам⁵.

Комиссия начала свою работу с распределения средств на ноябрь 1915 г. На первом же заседании было отпущено валюты на 45,4 млн. франков и 910 тыс. ф. ст. На втором заседании (27 октября 1915 г.) значительные средства были отпущены Центральному военно-промышленному комитету (108,8 тыс. ф. ст.) и Министерству торговли и промышленности на оборудование Архангельского и Владивостокского портов. Большое значение имели отпущенные Министерству путей сообщения средства на закупку оборудования для железнодорожного транспорта в сумме 2775 тыс. долл. После проведенных частичных распределений выяснилось, что от ноябрьского кредита оставалось 18 млн. ф. ст., между тем как заявки на валюту со стороны Военного и Морского министерств составляли 261 млн. руб.⁶ Чтобы выйти из положения, председатель

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1915 г., д. 3, л. 1. В архиве сохранились подлинные журналы комиссии и их копии, а также большой фонд материалов — заявки ведомств, предприятий, переписка с Министерством финансов, с Лондоном и т. д., дающие драгоценный материал по экономической истории России.

⁵ На первых же заседаниях было фактически изъято из распределения 1,5 млн. ф. ст. на расходы по учету и 2 млн. ф. ст. Кредитной канцелярии для нужд частной промышленности. Это распределение средств для нужд частной промышленности через Министерство финансов практиковалось только вначале и вскоре перешло к валютной комиссии.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1915 г., д. 3, лл. 5—8.

предложил урезать на одну треть все заявки этих министерств и отпустить им валюты на 173,9 млн. руб., а из остатка удовлетворить потребности Земского и Городского союзов в валюте на закупку автомобилей и оружейных станков. На следующем заседании (4 ноября 1915 г.) количество валюты для военного и морского ведомств было уменьшено (в порядке уточнения) до 167,7 млн. руб.⁷ Значительные ассигнования были сделаны для платежей в Америке (в виде аванса) за порох заводу Дюпон, а именно 7 312 500 долларов, что составляло 50% от суммы всего заказа. Комитет отпустил также 5 млн. руб. валюты Министерству торговли и промышленности на расходы, «не подлежащие оглашению».

Особое совещание по обороне выделило кредит Центральному военно-промышленному комитету в 30 млн. руб. на снабжение заводов металлами заграничного происхождения. Не довольствуясь этим, комитет просил отпустить еще на ближайшие 6 месяцев в виде оборотного капитала на покупку металлов по 1 млн. ф. ст. ежемесячно. Хотя в отпуске миллиона фунтов и было отказано, но аванс все же выдали в размере не менее 100 тыс. фунтов; аванс этот пополнялся по мере его расходования⁸.

20 ноября 1915 г. Комиссия по распределению валюты подвела итог своей деятельности за первый месяц. Выяснилось, что из 215 млн. руб., подлежавших распределению, было выдано валюты на 175,1 млн. руб., и образовался остаток в 39,9 млн. руб.⁹, который спешно уменьшили за счет выдачи 10 млн. руб. частной промышленности, а чистый остаток почти в 30 млн. руб. был перенесен на декабрь месяц. Вообще, начиная с ноября 1915 г., наблюдается такое явление, когда комиссия из месяца в месяц не распределяет всех своих кредитов, и остаток неиспользованной валюты быстро растет. В конце декабря 1915 г. этот остаток валюты достиг уже 122,1 млн. руб., а остаток на февраль 1916 г., также поступивший в распределение, равнялся 201,7 млн. руб.¹⁰ В феврале было решено выделить для частной промышленности уже не 30, а 60 млн. руб.¹¹ и образовать резерв в 20 млн. руб., но даже при этом предвиделся остаток кредитов в 78,3 млн. руб.

⁷ Там же, л. II. Однако из этой суммы военное ведомство не израсходовало за ноябрь 40 млн. руб., т. е. около четвертой части отпущенных денег.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 3, л. 16.

⁹ Там же, д. 70, л. 19.

¹⁰ Там же.

¹¹ Еще 15 декабря 1915 г. Комиссия по распределению валюты рассматривала вопрос о том, чтобы передать в комиссию рассмотрение заявок частной промышленности на валюту, изъяв это дело из Министерства финансов. Это предложение не собрало большинства голосов. Тогда председатель комиссии ген. Михельсон внес его на рассмотрение Особого

Комиссия увеличивала отчисления на нужды частной промышленности, образовывала специальный резерв в 10 млн. долл. для срочной оплаты заказов в Америке и все же не могла полностью использовать английский кредит. В феврале 1916 г. поступила в распределение огромная сумма — 451,7 млн. руб. Неудивительно, что в конце месяца образовался остаток в 187,2 млн. руб., который за март еще более увеличился и достиг суммы в 281 252 тыс. руб.¹² Такое же положение наблюдалось в марте и во все последующие месяцы 1916 г. Из помесячной таблицы общего счета иностранной валюты видно, что максимальное потребление валюты приходилось на ноябрь 1915 г. — 170 млн. руб. и ноябрь 1916 г. — около 168,7 млн. руб.; ниже всего потребление валюты было в июле и августе 1916 г. — 77,3 и 45,8 млн. руб.¹³ Ежемесячные колебания были очень резки, но в среднем потребление валюты было низким. Значительная часть средств, предоставленных по займу, оставалась неиспользованной на всем протяжении 1916 г. Что касается 1917 г., то только в марте количество полученной валюты поднялось до 92 млн. руб., к июню эта цифра упала до 38 млн. руб., а в июле — августе — до 10 млн. руб. и вновь повысилась в августе — сентябре 1917 г., когда союзники сделали судорожное усилие спасти антинародный режим Керенского¹⁴. Характерно, что к концу 1916 г. оказалось невыданной валюты на 1 251 110 тыс. руб., т. е. на сумму, превосходящую пятимесячную норму английского кредита¹⁵. В дальнейшем эта сумма возросла еще больше и держалась почти на уровне 1,5 млрд. руб. (1490 млн. руб. в июне 1917 г.).

Разумеется, вести точный учет неиспользованных кредитов было необходимо, но прибавлять эти остатки к суммам, подлежащим распределению в следующие месяцы, как это делала комиссия в первые месяцы своей деятельности, нельзя было. Против такой практики протестовала Англия, рассматривавшая ежемесячный кредит в 25 млн. ф. ст. как максимальный. Да и сама практика распределения кредитов, когда из месяца в месяц накапливался значительный неиспользованный оста-

---

совещания по обороне, которое одобрило проект, и комиссия стала распределять всю валюту. За Кредитной канцелярией остались лишь ассигнования по учету — 15 млн. руб. в месяц, а позднее прибавилось еще 20 млн. руб. в месяц (2 млн. ф. ст.) на урегулирование курса рубля (ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 3, лл. 41—42. Журнал комиссии от 15 декабря 1915 г. и д. 70, л. 2).

¹² Там же, д. 70, лл. 37—44, 62—63.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1918 г., д. 196, лл. 6—8. Общий счет иностранной валюты, выданной по талонам комиссии с 1 ноября 1915 г. по 1 января 1918 г. (н. ст.) из английского кредита.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, 1915 г., д. 6, л. 31.

ток, указывает на серьезный недостаток в исчислении кредитов, на котором мы подробнее остановимся в дальнейшем изложении.

По другим статистическим данным, совпадающим в основном с предыдущим источником, получают следующие итоги счета иностранной валюты, выданной по талонам комиссии с 1 ноября 1915 г. по 1 октября 1916 г. (н. ст.)¹⁶.

	Выдано по талонам валютной комиссии	Не использо- вано и возвра- щено обратно
Рубли	1 229 316 450	34 406 259
Доллары	233 311 683	5 364 119
Иены	81 834 738	322 714
Кроны	32 008 913	949 814
Франки	43 736 664	3 780 519
Гульдены	33 709 803	687 575
Фунты стерлингов	48 830 109	2 058 340
Рубли в разной валюте	123 560 967	139 744

Эта таблица интересна в том отношении, что она указывает на неиспользование уже отпущенной валюты и возвращение уже полученных в комиссии талонов, хотя, правда, процент неиспользованной валюты был невелик¹⁷.

Чем же объяснить, что валюта, полученная с большим трудом и большими жертвами (вывоз золота), оставалась в большом количестве неиспользованной?

Основная масса неиспользованной валюты приходилась за счет закупок и заказов самой казны, так как ассигнования на частную промышленность занимали второстепенное место. Трудности с английской валютой сводились в основном к ограниченной возможности использования английского кредита. Этих трудностей не было с французскими кредитами, которые расходовались во Франции, причем большая часть платежей приходилась на уплату процентов по прежним займам и учет настоящих займов. Так, из расходов с ноября 1915 г. по сентябрь 1916 г. в сумме 1 082 214 тыс. франков почти 60% их приходилось на платежи Министерства финансов, платежи Военного и Морского министерств и различных ведомств (немного более 400 млн. франков), а платежи общественных организаций и частной промышленности вместе составляли всего лишь 21 791 тыс. франков¹⁸.

¹⁶ Там же, д. 475. Справка о состоянии кредитов по заграничным займам. Нами опущены копейки, центы и пр.

¹⁷ Там же, д. 7, лл. 13—14 или д. 115, л. 5. Ведомость выдачи валюты с 1 октября 1915 г. по 1 октября 1916 г.

¹⁸ Там же.

В отчете о годичной деятельности Комиссии по распределению валюты ген. Михельсон указывал, что из французского займа в 562 млн. руб. (1500 млн. франков) значительная его часть (243 млн. руб.) пошла на оплату по старым государственным долгам и учет самого займа, что составляет свыше 43% от общей суммы займа. Кроме того, значительная часть платежей приходилась самому французскому правительству, а не частным фирмам. «Правительство же не торопит нас с уплатой, ибо для него во многих отношениях выгоднее и проще отложить расчеты до конца войны, когда все цены за поставленный нам военный материал выяснятся в более определенной форме»¹⁹.

При рассмотрении вопроса об английской валюте возникает, естественно, предположение о том, что русское правительство получило слишком большой кредит, с избытком покрывавший его потребности, а потому неиспользованные средства являлись излишком. Однако это предположение должно в известной мере отпасть, ибо часть займа, отпущенная на новые заказы (54 млн. ф. ст.), была использована к весне 1916 г. с большим избытком; потребовался дополнительный кредит, предоставленный английским правительством в 13,5 млн. ф. ст., который к апрелю — маю 1916 г. был также израсходован. Но эта часть кредита составляла только немного больше четвертой части всего кредита. Основная его часть в 20,5 млн. ф. ст. в месяц (около 80%) предназначалась для уплаты по старым заказам, размещенным русским правительством, а также английским правительством через лорда Китченера и Моргана²⁰. Помощник военного министра ген. Фролов указывал в письме к министру финансов Барку, что общее количество заказов на американском рынке (по-видимому, без заказов Китченера) достигало 1316 млн. руб.²¹

Все же в исчислении «старых заказов» (т. е. заказов, размещенных до 1 октября 1915 г.), оплата которых должна была производиться за счет английского кредита, Военное министерство, по-видимому, допустило значительное завышение своих расчетов, ибо в дальнейшем все избытки валюты образовались именно по этой графе, и настойчивые усилия министра финансов были направлены на то, чтобы за счет экономии в этих рас-

---

¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1917 г., д. 169, лл. 41—46. Протокол № 55 заседания Комиссии по распределению валюты от 18 ноября 1916 г. На этом заседании ген. Михельсон дал обзор годичной деятельности комиссии.

²⁰ Сумма этих заказов превышала 75 млн. ф. ст. Заказано было 12 млн. снарядов, 2,3 млн. винтовок, 1 млрд. патронов и другие материалы (ЦГВИА, ф. 2080, оп. 1, д. 778, лл. 159—160. Копия ноты английского правительства).

²¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, 1916 г., д. 2018, л. 27.

ходах расширить новые заказы и закупки для военной и частной промышленности, выделить свободный кредит и т. д. Усилия Комиссии по распределению валюты были направлены на то, чтобы на всю сумму неиспользованной валюты размещать новые заказы, но на это не последовало согласия Англии, и Министерство финансов «указывало уже с апреля сего года (1916 г.— А. С.) на то, что кредиты по первому займу все исчерпаны»²², хотя значительная часть средств реально не была израсходована.

По-видимому, одной из причин образования больших остатков валюты по старым заказам было также неаккуратное выполнение заказов, большие запоздания в сроках поставок, вследствие чего отодвигались и сроки платежей. Такие задержки в сроках уплаты, по расчетам ген. Гермониуса, исчислялись около 1 млрд. руб.²³ Эти два обстоятельства — завышение стоимости старых заказов, допущенное Военным министерством России, и неаккуратное их выполнение союзниками — сыграли решающую роль в создании излишков валюты, которой Россия не могла воспользоваться.

Намеченная на новые заказы сумма в 54 млн. фунтов оказалась действительно очень небольшой сравнительно с потребностями, и в этом состояла одна из слабых сторон соглашения. При заключении соглашения Барк рассчитывал, что неиспользованная часть кредита по старым заказам легко может быть употреблена на новые заказы. В таком духе он и выступал перед Особым совещанием по обороне и в переписке с английским правительством. Но на деле этого не произошло. Кроме того, по финансовому соглашению было выделено очень мало средств на платежи в Японии, в то время как японский рынок необходимо было использовать в большей мере. На заседании Комиссии по распределению валюты в феврале 1916 г. выяснилось, что сумма платежей в Японии по контрактам, заключенным до 1 октября 1915 г., составляла 107 млн. иен, а по акциям, произведенным или намеченным после этого срока, — 70 млн. иен. Таким образом, общая сумма платежей достигала примерно 178 млн. иен²⁴. Для производства же платежей комиссия располагала лишь английским кредитом в 6 млн.

²² ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 169, лл. 41—46. Журнал 56-го заседания Комиссии по распределению валюты от 18 ноября 1916 г. В этом журнале указывалось, что в распоряжение Министерства финансов за год было отчислено «свободного кредита» 240 млн., заплачено по займам 70 млн. и за учет отчислено 180 млн. — всего 490 млн. руб., т. е. около одной шестой части всего английского кредита в 3 млрд. руб.

²³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1405, лл. 41—47.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 70, лл. 27—29. Журнал комиссии от 8 февраля 1916 г.

ф. ст.²⁵ и 35 млн. иен, полученными от займа в Японии. Следовательно, валюты не хватало для оплаты уже произведенных сравнительно небольших заказов. Комиссия имела месячный план оплат (до 1 октября 1916 г.) в сумме 121 млн. иен. Так как с каждым месяцем использование японского рынка возрастало, то недостаток валюты для оплаты закупок и заказов с каждой неделей становился все острее. Осенью 1916 г. сумма заказов в Японии на металлы и предметы артиллерийского снабжения исчислялась в 300 млн. иен, а, учитывая невыплаченную сумму в 40 млн. иен, потребность в валюте определялась уже в 340 млн. иен²⁶. Как показывает письмо Барка военному министру Шуваеву от 20 сентября 1916 г., эта цифра являлась сильно завышенной, но все же наличная валюта не покрывала сумму платежей в Японии. В связи с этим русское правительство добивалось увеличения в Англии кредитов для платежей Японии.

По-видимому, и русское правительство и англичане рассчитывали закончить войну значительно быстрее, поэтому недооценивали важность ассигновок на новые заказы. Кроме того, возникли новые потребности (поддержание валюты), которые русское правительство хотело удовлетворить за счет тех же кредитов. Надо принять еще во внимание потребности частной промышленности, которые при заключении соглашения должным образом не были приняты в расчет. Однако стремление русского правительства удовлетворить все эти потребности за счет английского кредита встретилось с непримиримой позицией английского казначейства и Английского банка.

Американский рынок, приобретший решающее значение для снабжения России, был поставлен под контроль Лондона. Как уже указывалось, заказы, размещавшиеся в США, должны были получить одобрение Лондона, и лишь после этого комиссия ген. Михельсона могла отпустить валюту. Эти бюрократические надстройки мешали живому делу, переписка часто шифрованными телеграммами приводила к задержкам, к непониманию, к потере времени и к огромным переплатам. Сейчас же после заключения финансового соглашения ген. Гермониус, игравший решающую роль в Англо-Русском комитете, высказался за освобождение от контроля Лондона военных заказов, которыми занимался в США ген. Сапожников²⁷, но ничего не добился, хотя Китченер и согласился с его доводами.

²⁵ В журнале комиссии ошибочно названа цифра в 12 млн. ф. ст., Комиссия ошибочно считала, что помимо уже отпущенных 6 млн. Англия отпустит еще такую же сумму.

²⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, лл. 230—231. Перевод ноты от 20 сентября 1916 г., врученной японскому послу Мотоно.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 18. Телеграмма Гермониуса от 14(15) октября 1915 г.

Старые заказы, сделанные до 1 октября 1915 г., как будто не подлежали контролю Англии, но вскоре и они были взяты на учет. Из-за этого отдельные фирмы получали деньги с опозданием на 6 недель и более. С фирмой Вигмор, например, рассчитались только через 5 месяцев после сдачи ею автомобилей. Военно-техническому управлению Военного министерства²⁸. Все это не позволяло русской стороне эффективно использовать финансовое соглашение.

Все эти обстоятельства выдвинули необходимость привести в систему и строго учесть сделанные ранее миллиардные заказы, тем более, что их размещали различные организации, без единого плана. Представители ведомств за границей и центральные учреждения в столице стремились как можно скорее, не останавливаясь перед ценой, выдать заказы, часто используя для этого сомнительных посредников. Выдача заказов через частных посредников не только вела к большим переплатам, но и к задержкам в исполнении, так как многие посредники за вознаграждение уступали заказы другим лицам или образовывали промышленные группы для выполнения заказов уже после заключения контрактов. Военное ведомство и Министерство финансов разобрались во всей этой неразберихе только несколько месяцев спустя после заключения финансового соглашения с Англией.

Для учета сделанных ранее миллиардных заказов в Лондон был командирован вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части фон Замен. Пока эти вопросы не выяснились, англичане задерживали платежи. В то время как Комиссия по распределению валюты в Петрограде занималась ежемесячным распределением английских кредитов, в Лондоне еще в декабре 1915 г. собирали все сведения о размере произведенных ранее русских заказов. По-видимому, эти сведения расходились с первоначальными расчетами²⁹.

В конце 1915 г. адмирал Русин передал в Петроград о том, в каком порядке и на какие виды расходов англичане открывали кредиты русскому правительству. Эти данные раскрывают английскую точку зрения на взятые английским правительством финансовые обязательства. Английское правительство согласилось открыть месячные платежи: 1) по заготовкам английского правительства для России; 2) по заключенным ранее контрактам; 3) по займам; 4) на содержание заграничных

²⁸ Там же, ф. 560, 1917 г., д. 1405, лл. 41—47. Объяснительная записка к проекту нового договора.

²⁹ Так, в докладе ген. Михельсона о годичной деятельности Комиссии указывалось, что за время с 1 октября 1915 г. по 1 октября 1916 г. выдано валюты на 302 млн. руб. по «отдельным, заранее не заявленным требованиям», и на 123 млн. руб. на заказы, «данные помимо валютной комиссии» (ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1917 г., д. 169, лл. 41—46).

представителей; 5) по частным заказам, за исключением металлов и машин; 6) за металл для казны и частной промышленности; 7) за машины и станки для казенных и частных заводов; 8) за фрахты в тех случаях, когда расходы по перевозке не включались в контрактную цену; 9) за медикаменты «по заказам всех учреждений». За исключением первого пункта, валютная комиссия должна была по всем остальным восьми пунктам представлять свои заявки в Лондон за месяц вперед, причем «все вышеперечисленные пункты должны быть показываемы каждый в отдельности»³⁰.

Английское правительство разработало бюрократическую систему учета расходов, которая могла появиться на свет только потому, что в основе договора не лежал принцип равноправия сторон. Английские учреждения требовали огромный список достаточно точных сведений о том, какие платежи были произведены комитетом Китченера, распоряжением Англо-Русского комитета и ген. Сапожниковым, производившим закупки в Америке, в то время как валютная комиссия, да и другие русские правительственные учреждения не располагали этими данными³¹. Валютная комиссия пыталась собрать все необходимые сведения, наказав, чтобы на «будущее время никаких платежей без предварительного сношения с валютной комиссией не делалось». Одновременно Лондон извещался о том, что приказы Особенной канцелярии по кредитной части о платежах³² считались уже принятыми валютной комиссией; Лондон предупреждался, что эти приказы валютной комиссии не следовало смешивать с запросами отдельных ведомств и организаций о согласии Англии на прием заказа и его оплату, которые посылались в Лондон еще «до рассмотрения этих вопросов валютной комиссией».

20 ноября 1915 г. помощник военного министра ген. Лукомский известил ген. Гермониуса в Лондоне о порядке прохождения заказов³³: все ведомства направляют в Лондон предположения о заказах, которые там обсуждаются совместно с

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1915 г., д. 18, л. 53. Адмирал Русин осенью 1915 г. возглавлял особую комиссию для размещения заказов в Англии и Франции. О его поездке см. мою публикацию в «Историческом архиве», т. IV. М.—Л., 1949, стр. 351—387. Отчет адм. Русина представляет ценный документ по истории экономических связей России с Англией в годы первой мировой войны.

³¹ Там же, л. 34. Телеграмма от 18 ноября 1915 г., посланная Михельсоном в Лондон.

³² Талоны валютной комиссии на выделенную валюту направлялись в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов, которая их реализовала. Однако это было сложным делом, так как приказ кредитной канцелярии об оплате заказа, например, в США проходил в Англии и США через пять инстанций.

³³ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1915 г., д. 18, л. 36. (Курсив наш.— А. С.).

английским полковником Эллершоу; принятые решения о приемлемости сроков и цены или несогласие английского правительства на производство заказа сообщаются в Россию соответствующему учреждению, и только после этого вопрос рассматривается в валютной комиссии «*выясняет самую возможность осуществления заказа*»; Англо-Русский комитет в Лондоне не уполномочен удовлетворять требования на валюту.

Такая сложная, бюрократическая система контроля, которая способна была запутать дело и вела к длительной проволочке и задержкам, являлась следствием того, что Барк пошел на слишком большие уступки англичанам. Эти уступки носили не технический характер, как думалось Барку, — они лишали страну свободы рук даже в вопросе использования уже отпущенных кредитов и поставили кредиты под повседневный мелочный контроль Англии. Этот контроль задерживал размещение заказов и вел к большим переплатам, ибо цены на мировом рынке непрерывно повышались. При ином отношении — при выделении кредитов в полное распоряжение русского правительства для оплаты как старых, так и новых заказов — этой длительной и запутанной системы учета и контроля, в которой решающее слово оставалось за английскими чиновниками, не было бы.

Ниже приведена лишь часть материала, дающая известное представление о том, в какие условия была поставлена русская сторона при пользовании кредитом. Помимо изложенных выше, вскоре появились и другие ограничения, с которыми встретилось Министерство финансов при использовании кредитов, что повлекло за собой длительную переписку с английским правительством, а внутри страны усилило недовольство политикой правительства со стороны буржуазии.

2. АНГЛО-РУССКИЕ ТРЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СОГЛАШЕНИЯ О КРЕДИТАХ

Для самого Министерства финансов выяснилась необходимость иметь свободные средства, которыми русское правительство могло бы пользоваться для нужд частной торговли и промышленности и для поддержания курса рубля, который продолжал понижаться. Однако соглашение лишало русское правительство права использовать для этих целей хотя бы один рубль из предоставленных кредитов. Кроме того, Английский банк не выполнил своего обещания Барку о создании особых (акцентных) кредитов для нужд частного рынка России в английской валюте. В связи с этим министр финансов 2 ноября (20 октября) 1915 г. обратился к английскому послу Бьюкену с нотой, в которой просил английское правительство ускорить решение вопроса об акцентном кредите или разрешить

в рамках финансового соглашения пользоваться совершенно свободными кредитами, «т. е. кредитами, по которым не нужно было бы давать подробных сведений, на примерную сумму в 2 млн. фунтов стерлингов в месяц, дабы иметь возможность предоставлять валюту вольному рынку»³⁴. Создалось такое положение, при котором «вольный рынок» не снабжался в необходимых размерах «бумагами на Англию». Это обстоятельство Барк и считал основной причиной того, что за две последние недели фунт стерлингов подскочил до 15,1 руб.³⁵ Барк признал финансовое ведомство России бессильным «воспрепятствовать» этому ненормальному положению. Просьба о «свободном кредите» не требовала увеличения общей суммы кредитов, она предполагала лишь несколько иной порядок в расходовании уже отпущенных кредитов. Кроме того, Барк поручил добиться соглашения английского казначейства израсходовать на новые заказы не только фиксированные 4,5 млн. ф. ст. в месяц, но и «возможную экономию от прежних заказов и расходов по займам»³⁶.

В просьбе увеличить кредиты на военные заказы Мак-Кенна отказал³⁷. Он согласился лишь, чтобы общая сумма, фиксированная на новые заказы, использовалась более свободно и чтобы суммы, не использованные в первые месяцы, «могли переноситься на следующий месяц». Вместе с тем Бенкендорф подчеркнул, что Мак-Кенна «окончательно отказывается» увеличить ассигнования на новые кредиты за счет неиспользованных старых. Судя по дипломатической переписке, Бенкендорф и не прилагал особых усилий отстоять важные пожелания своего правительства перед английским. Это облегчало англичанам возможность отклонять пожелания русского правительства. Только через шесть недель английский посол ответил на просьбу Барка о выделении 2 млн. ф. ст. в месяц в качестве свободного кредита. Этот ответ был отрицательным.

Англичане увидели в просьбе Барка нарушение одного «из основных принципов, на которых основано последнее соглашение»³⁸. В памятной записке английского посольства по этому

³⁴ МО, серия III, т. IX, док. № 133.

³⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 211—212. Копия письма Барка Сазонову от 16/3 ноября 1915 г.

³⁶ МО, серия III, т. IX, док. № 303. Телеграмма Бенкендорфа Сазонову от 22/9 ноября 1915 г., № 795.

³⁷ Характерно, что, сообщая о точке зрения английского правительства, Бенкендорф был исключительно озабочен тем, чтобы выполнение просьбы Барка не отозвалось неудовлетворительно на курсе английской валюты. Забота об английских интересах у Бенкендорфа очень часто стоит на первом плане. Он, в частности, предлагал усилить русские заказы в Англии за счет сокращения заказов в Соединенных Штатах Америки.

³⁸ МО, серия III, т. IX, док. № 342. Памятная записка английского посольства от 25/12 ноября 1915 г. Сазонову.

вопросу в довольно грубой форме были перечислены различные виды оплат, которые производило английское правительство. Далее было указано на то обстоятельство, что, оказывая финансовую помощь России, английское правительство взяло на себя «тяжелое финансовое бремя», а поспеу на нужды торговли и частных промышленников в иностранной валюте «не должно быть прибавлено сверх сего».

Барк 18 ноября 1915 г. ответил на полученный английский отказ памятной запиской³⁹, посланной через Сазонова. В ней развивались следующие мысли. Обращаясь с просьбой о кредите в 2 млн. ф. ст. в месяц «для нужд свободного рынка», правительство выступало не с защитой интересов частных лиц и частной промышленности, а пыталось разрешить задачу правительственной важности: «оно старалось получить средства для контролирования рынка иностранной валюты и помешать, по возможности, обесцениванию рубля». Эта задача очень важна, так как фунт стерлингов снизился только на 4,3%, а рубль — на 50%. Поэтому дальнейшее обесценивание рубля приведет «к исключительно тяжелым последствиям внутри страны» и даже, как указывал Барк, «нарушит свободу действий императорского правительства, что не может быть безразличным союзникам». Вторая мысль ответа заключалась в том, что просьба Барка о кредите в 2 млн. ф. ст. ни в коем случае не означала отпущения дополнительных средств к установленной соглашением сумме займа. Упомянув об ограничениях в использовании кредита, Барк настойчиво подчеркивает мысль о том, что «русское правительство должно было бы иметь возможность предоставить иногда фунты стерлингов *без предварительного сообщения* обусловленных пояснений в целях предотвращения колебаний рубля в случае срочности урегулирования курса».

В разгаре этой переписки, которая совсем не внесла ясности в вопрос о свободной валюте, но внесла «некоторое раздражение» в настроение английских сфер, особенно по отношению к агентам русского правительства в США, так как они якобы чинили препятствия размещению англичанами русских заказов в США⁴⁰, в дело вмешался военный министр ген. Поливанов⁴¹.

Получая копии телеграмм Бенкендорфа, он правильно оценил их как несогласие англичан на увеличение суммы на новые

³⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 220. (Курсив наш.— А. С.).

⁴⁰ Там же, лл. 225—226. Телеграмма Рутковского министру финансов, № 18035, без даты, но, по-видимому, не позднее 23 ноября 1915 г. В телеграмме Рутковский передавал настроения английских руководящих кругов, требовавших более целесообразного использования средств в США.

⁴¹ МО, серия III, т. IX, док. № 360. Письмо Поливанова Барку от 13/26 ноября 1915 г.

заказы. Поливанов указывал, что суммы в 4,5 млн. фунтов «совершенно недостаточно» и просил Барка изыскать дополнительные средства путем соглашения с американской компанией Моргана. Поливанов сообщил также, что распределение валюты, начатое валютной комиссией, ведется, «не считаясь с тем, на какие заказы она предназначена — на новые или на старые», лишь бы не выходить за пределы 20 млн. фунтов, считая, что 5 млн. фунтов находятся в распоряжении кредитной канцелярии.

Ответ Барка на письмо Поливанова не внес никакой ясности. Ссылаясь на свои переговоры с Мак-Кенна и на возможность экстренных расходов, не предусмотренных ни новыми, ни старыми заказами, Барк заверил Поливанова в том, что он считает «необходимым настаивать на возможности затрат на новые заказы сумм, оставшихся неиспользованными по старым заказам»⁴².

Это заверение Барка не имело под собой никаких юридических оснований и являлось несколько легкомысленным шагом, вытекавшим, по-видимому, из пренебрежения к букве заключенных соглашений и слишком оптимистической оценки понимания англичанами нужд России. Конечно, Барк и Поливанов отлично понимали, что новых кредитов в размере 54 млн. ф. ст. не хватит на важнейшие заказы для русской армии и военной промышленности. Незадолго до этого Поливанов подписал ведомость необходимых заказов до 1 января 1917 г., которую увезла в Англию военная миссия адмирала Русина. В составе этих заказов числилось: 2700 орудий, в том числе свыше 300 осадных гаубиц, 1 млн. винтовок, 1 млн. пистолетов, огромное количество винтовочных патронов, свыше 5 млн. снарядов, 1,5 тыс. тракторов, 10 тыс. грузовых машин, 15 тыс. мотоциклов, 110 тыс. штук шин для автотранспорта, 3 млн. пар сапог и башмаков, 360 тыс. пудов подошвенной кожи, 28 млн. ярдов сукна, 8,5 млн. пудов колючей проволоки, 300 тыс. верст телефонного кабеля, 20 тыс. телефонных аппаратов и т. д.⁴³ Хотя заявка и не была оформлена в ценностном выражении, но было ясно, что речь шла о миллиардных новых заказах, которые далеко превышали объем заказов, предусмотренных русско-английским финансовым соглашением. Поэтому понятно, что использование валюты по старым заказам, часть которых по разным причинам была снята, в значительной мере расширяла возможности размещения новых заказов и освобождала Барка от поисков новых финансовых источников. Вообще говоря, так

⁴² МО, серия III, т. IX, док. № 388. Письмо Барка от 30/17 ноября 1915 г.

⁴³ А. Л. Сидоров. Отношения России с союзниками во время первой мировой войны. «Исторические записки», т. 15. М., 1945, стр. 155—164; «Исторический архив», т. IV, стр. 351—387.

и должно было быть между добрыми союзниками. Англия асигновала сумму ежемесячного кредита в 25 млн. ф. ст., которую она могла ссудить русскому правительству. Правительство России просило сохранить эту сумму, но дать ему право более свободно обращаться с расходованием средств. Однако действительность показала, решительное расхождение точек зрения. Русскому командованию и министру финансов прежде всего пришлось обеспечить реальную возможность израсходовать 54 млн. ф. ст. на новые заказы, так как англичане педантично требовали ежемесячных расходов точно в пределах обусловленной суммы, лишая возможности переносить неизрасходованные остатки кредитов с месяца на месяц.

Потребовалось много времени, чтобы англичане признали право русского правительства использовать неизрасходованные суммы в следующие месяцы. Сейчас же речь шла о большем — об использовании неизрасходованных остатков по старым заказам для производства новых заказов. Отвечая Поливанову, Барк признал, что полученный им кредит превышал на 357 млн. руб. заявки ведомств. Следовательно, известный остаток по старым кредитам должен быть, но этот остаток, как мы показали выше, в 1916 г. более чем в три раза превосходил «превышения» в неисчисленных ведомств. Но самое главное, разумеется, было в различии точек зрения англичан и русских на самые основы соглашения.

В английской памятной записке⁴⁴ сумма в 25 млн. ф. ст. месячных кредитов оценивается как максимальная. Английское правительство ожидало, что и «меньшая сумма окажется достаточной». Поэтому министр финансов Англии принимал все меры к тому, чтобы русское правительство уложилось в возможно меньшую сумму. Он хотел, чтобы русская дружба и русские жертвы стоили Англии возможно дешевле.

В объяснениях же Поливанову Барк определяет сумму годового кредита России «не менее 300 млн. ф. стерлингов»⁴⁵ и предлагает «настаивать» на использовании сумм от старых заказов. Таким образом, Барк дал надежду военному ведомству, что можно будет расходовать больше средств. Но одно дело «настаивать», что означало вести переговоры с английским правительством, а другое дело иметь реальное право расходовать кредиты по своему усмотрению. Барк очень хорошо знал, что без согласия англичан больше обусловленной в соглашении суммы в 4,5 млн. ф. ст. в месяц расходовать было нельзя. Барк советовал военному ведомству «убедить английское

⁴⁴ МОР, серия III, т. IX, док. № 342. Памятная записка английского посольства в Петрограде от 25/12 ноября 1915 г.

⁴⁵ Там же, док. № 388. Письмо Барка Поливанову от 30/17 ноября 1915 г., № 814.

правительство» в том, что заказы, превышающие отпускную сумму в 54 млн. ф. ст., безусловно необходимы «для доведения войны до благоприятного конца»⁴⁶. Однако и Барк не надеялся на быстрое разрешение вопроса англичанами, поэтому предложил обсудить вопрос о новых кредитах в Совете министров.

Не рассчитывая на получение новых средств в Америке, в частности у Моргана, Барк предлагал максимально сжать заграничные заказы, ограничившись «крайне необходимым, не могущим быть ни в коем случае полученным в России, все же остальное должно быть заказываемо внутри империи»⁴⁷. Барк предлагал усилить внутренние заказы, не останавливаясь перед более дорогими ценами, так как увеличение заграничных заказов может оказаться «бедственным для всего народного хозяйства»⁴⁸. В данном случае министр финансов имел в виду большие платежи после войны, для выполнения которых пришлось бы форсировать экспорт и сокращать внутреннее потребление.

Таким образом, позиция министра финансов была противоречива и неясна. С одной стороны, он боялся развития внешних заказов, предвидя губительные последствия этой политики, а с другой стороны, он ориентировал военного министра на увеличение заказов и заверял его, что им в этом отношении приняты шаги. И действительно, Барк продолжал добиваться, чтобы средства, не использованные по другим статьям, были обращены на новые заказы. В памятной записке, переданной 1 декабря (18 ноября) 1915 г. английскому послу в Петрограде Бьюкенену, Барк мобилизует все аргументы в пользу увеличения кредитов на новые заказы, ибо «не подлежит сомнению», писал он, что потребности обороны требуют больших сумм, которые он предлагал отпустить за счет остатков по другим статьям английского кредита.

Пожалуй, впервые в памятной записке Барка, переданной английскому послу 18 ноября 1915 г., прозвучали более твердые ноты, чем ранее. Он констатирует признание английского правительства, что в отношении новых кредитов оно будет учитывать не месячные, а годовые издержки. Отметив, что в отношении старых заказов английское правительство не желает руководствоваться тем же принципом, Барк заявил, что такое отношение «не соответствует смыслу соглашения от 30/17 сентября 1915 года»⁴⁹. Разделение заказов на новые и старые

⁴⁶ МО, серия III, т. IX, док. № 360. Письмо Поливанова Барку от 26/13 ноября 1915 г.; док. № 388. Ответное письмо Барка Поливанову от 30/17 ноября 1915 г.

⁴⁷ Там же, док. № 388.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, док. № 389.

было сделано более для того, чтобы последние явились предметом «детального рассмотрения в специальном приложении, чем для того, чтобы определить максимум, который ни в коем случае не может быть превзойден»⁵⁰. Таким образом, Барк встал на позицию качественного равенства как старых, так и новых заказов, что позднее вызвало опровержение Мак-Кенна. Очень важно открытое признание Барком того факта, что на новые заказы требуются суммы, «превышающие упомянутые 54 000 000 ф. стерлингов», а кредиты по старым заказам не будут израсходованы. Записка заканчивалась следующими словами: «...Представляется совершенно справедливым, чтобы российское правительство получило возможность использовать указанную сумму на оплату по новым заказам, при условии, конечно, соблюдения принципов, изложенных в приложении к соглашению от 30/17 сентября 1915 года». В данном случае признавался весь порядок размещения и контроля за новыми заказами, который был установлен этим соглашением⁵¹. Аргументы Барка от существа дела, а не от буквы соглашения были более убедительны.

Мы видим, какая масса практических трудностей возникла, когда речь шла о реализации слабой стороной (Россией) отпущенных больших средств. Разрешением кардинального финансового вопроса пришлось заняться даже начальнику Морского генерального штаба адмиралу Русину. Во время пребывания в Англии он в сопровождении фон Замена 3 декабря (н. ст.) 1915 г. посетил канцлера казначейства Мак-Кенна и вел с ним переговоры об увеличении суммы кредитов на новые заказы за счет экономии по другим статьям. Мак-Кенна ответил Русину, что ограничение новых заказов было проведено по английским правительством «по весьма веским соображениям», суть которых заключалась в том, что авансы по заказам (не менее 25%) и крупные платежи в США ложатся весьма бременем на английское казначейство. Поэтому Мак-Кенна вежливо, но твердо отказал в просьбе. «Канцлер казначейства, — доносил Русин, — затрудняется согласиться с пожеланиями русского правительства об увеличении кредита на новые заказы, даже при условии, что по старым договорам будут достигнуты сбережения»⁵².

Адмирал Русин вел в дальнейшем разговор в совсем другом тоне, чем русский посол, англофил Бенкендорф. Русин от-

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Записка Барка была поддержана Сазоновым, который просил Бьюкенена настаивать перед английским правительством на удовлетворении просьб Барка.

⁵² Там же, док. № 454. Копия отчета Русина морскому министру о посещении Мак-Кенна от 6 декабря (23 ноября) 1915 г.

ветил Мак-Кенна, что его заявление «едва ли соответствовало бы характеру отношений союзных государств, если бы установленная по взаимному согласию программа заказов встретила препятствия из-за формального применения конвенции 30/17 сентября»⁵³. Он настаивал, чтобы Россия пользовалась кредитом в Англии в пределах отпущенных средств «в мере действительной необходимости». В конце беседы адмирал Русин получил согласие Мак-Кенна пересмотреть вопрос о заказах и увеличить кредит на них, если ему будет доказана недостаточность суммы в 4,5 млн. ф. ст. и наличие экономии по другим статьям. Однако и здесь он прибавил, что увеличение суммы платежей в США должно быть меньше образовавшейся экономии по старым платежам.

Это «полусогласие» Мак-Кенна, данное в самом начале декабря 1915 г., английское правительство не торопилось реализовать. Только 28/15 декабря 1915 г. на имя Барка поступила нота Бьюкенена, в которой он извещал о согласии Эдуарда Грея и английского правительства не слишком строго толковать сентябрьское соглашение и готовность английского правительства «в примирительном духе рассматривать возможность известной свободы в отношении контрактов, которые устарели, или от которых отказались»⁵⁴.

Однако переходя к практической стороне дела, английское правительство предпочло не принимать окончательного решения до выяснения английскими «подлежащими властями» списка старых заказов и получения точного представления о новых потребностях России на следующий год. Следовательно, вопрос был передан на усмотрение английского военного ведомства, и только в случае его благоприятного решения можно было надеяться на успех дела. Английское правительство не признало в принципе за русским правительством права свободно использовать всю сумму кредита в 25 млн. ф. ст. Вместе с тем нота Грея извещала о том, что окончена подготовка конвенции с Английским банком об открытии кредитов русским кредитным учреждениям, а потому английское правительство отказывалось оказать прямую финансовую помощь для поддержания курса рубля. Новая уступка англичан являлась, как правильно писал Поливанов Барку, согласием «только в принципе увеличить кредит на новые заказы для Англии и Америки»⁵⁵. Но, во-первых, этот принцип пока не получил никакого практического осуществления и, во-вторых, не распространялся на русские заказы в других странах.

⁵³ МО, серия III, т. IX, док. № 454.

⁵⁴ Там же, док. № 645. (Курсив наш.— А. С.).

⁵⁵ Там же, док. № 674, стр. 714—716. Письмо военного министра министру финансов Барку от 31/18 декабря 1915 г.

Между тем по договоренности на конференции в Шантильи (декабрь 1915 г.) русские армии обязаны были готовиться к наступлению. В 1916 г. Россия готовилась к большой кампании, и необходимо было устранить вопиющий недостаток в вооружении и боеприпасах. В связи с этим русское правительство расширило свои заказы в Японии, Швейцарии и скандинавских странах. Все эти мероприятия нуждались в финансовом обеспечении. Однако финансовым соглашением и новым извещением Грея предусматривались платежи лишь в Англии и США, и лишь в пределах 6 млн. ф. ст. — в Японии.

Обо всем этом Поливанов, видимо, впервые узнал лишь из телеграммы агента Министерства финансов в Лондоне Рутковского и был возмущен и Барком, и англичанами. Барк всегда необоснованно держался оптимистической точки зрения в толковании заключенного соглашения. В ответ на высказывавшиеся сомнения он обещал, что «конечно, мы не встретим затруднений в получении валюты на новые заказы», если не выйдем из общей суммы кредита в 300 млн. фунтов. На деле получалось обратное. Поливанов вспомнил оптимизм Барка и подчеркнул всю несостоятельность его точки зрения. Военный министр со всей решительностью заявил, что английское правительство «ставит нас в совершенно невозможное положение по отношению к нашим заказам в Италии, Швеции, Норвегии, Швейцарии и Японии. *Оказывается, что для расплат в этих странах по новым заказам мы не можем рассчитывать на валюту, предоставляемую нам Англией.* Особенно трудное положение создается по отношению к Японии, которая является в высшей степени добросовестным и аккуратным поставщиком и потому не может не рассчитывать на то, что Россия также добросовестно будет расплачиваться по заказам в Японии»⁵⁶.

Военный министр особенно указывал на большие потребности валюты для Японии, где военные заказы достигли крупного масштаба. 30/17 января 1916 г. Поливанов в письме к министру иностранных дел сообщал, что потребность в валюте только по старым, уже размещенным в Японии заказам, «не считая предстоящих платежей по новым заказам, определяется в сумме около 94 млн. иен»⁵⁷.

За вычетом отпущенных 6 млн. ф. ст. не хватало свыше 30 млн. иен, а ведь в течение 1916 г. предстояло сделать еще новые заказы на 169 млн. иен. Военный министр просил Сазонова или добиться заключения «дополнительного соглашения» с Англией об увеличении кредита в Японии за счет все той же нормы в 25 млн. ф. ст., или же заключить

⁵⁶ Там же, док. № 674. (Курсив наш.— А. С.).

⁵⁷ Там же, т. X, док. № 112. См. также док. № 230. Сообщение английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

финансовое соглашение «на основаниях займа с японским правительством». Из двух возможностей, перед которыми оказалось Военное министерство, оно предпочитало получить недостающую сумму в 34 млн. иен у английского правительства, «которому следует раскрыть создавшееся положение»⁵⁸. Конечно, японские кредиты представляют деталь хотя и важную на общем фоне тяжелого финансового положения страны, но и эту «деталь» оказывалось невозможным разрешить без помощи Англии. Потребовались новое дипломатическое представление и нажим.

31 декабря (ст. ст.) 1915 г. Барк передал британскому посольству меморандум, в котором выражены важнейшие пожелания русского правительства. Основные положения этого документа Сазонов передал Бенкендорфу для представления английскому правительству. В меморандуме⁵⁹ была изложена точка зрения Барка на соглашение 1915 г. Он настаивал на том, что основной и решающий пункт соглашения — это предоставление русскому правительству кредитов на 300 млн. ф. ст. в год «для *всех* расплат за границей», за исключением Франции, и главным образом для заказов, связанных с войной. С другой стороны, британское правительство имело «возможность просить», когда оно найдет это нужным, передачу Россией в распоряжение Англии «желтого металла» в пределах до 40 млн. ф. ст. Русское правительство согласилось «на отпуск приблизительно четверти своего запаса золота», имея в виду, что «все его нужды за границей» будут оплачены из английских кредитов. В этих двух взаимных обязательствах Барк справедливо видел суть соглашения, рассматривая все остальные статьи последнего как второстепенные, а само финансовое соглашение — не как «деловой контракт», но как «соглашение» против общего врага, в котором финансовые комбинации подчинены военным задачам. Цифровые расчеты, представленные в свое время по второстепенным пунктам соглашения, имели «лишь приблизительный характер», они могли измениться и потому, что возникли «новые нужды», которые не могли быть учтены летом 1915 г. Однако неизменной и «едиственно достоверной» являлась исчисленная сумма общих потребностей русского правительства в 300 млн. ф. ст. в год. Русское правительство, писал Барк, «льстит себя надеждой», что английское правительство истолкует конвенцию 30 сентября 1915 г. в дружественном смысле. При другом подходе Россия не могла бы «иначе оплатить свои заграничные расходы, как вывозя золо-

⁵⁸ МО, серия III, т. X, док. № 112.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, лл. 3—4 Русская копия была послана Барком военному министру Поливанову в виде приложения к его письму от 5 января 1916 г.

то». К этому весьма ясно добавлялось, что в таком случае золото было бы взято из тех 40 млн. ф. ст., «которые Россия согласилась уступить британскому правительству», и тем самым уменьшилась бы сумма золота, подлежащая вывозу в Англию.

В меморандуме в трех пунктах суммировались и повторялись требования русского военного министерства: 1) об оплате новых заказов за счет средств, оставшихся свободными после уплаты по старым заказам; 2) об оплате английским правительством из русских кредитов заказов, размещенных в Японии; 3) об оплате военных заказов России в прочих странах.

В заключение Барк напоминал, что золотой запас Англии увеличился на 40%, в том числе за счет вывоза золота из России на 8 млн. фунтов. Меморандум заканчивался выражением надежды, что британское правительство «готово будет рассмотреть соглашение от 30 сентября не как коммерческую сделку, а как соглашение, заключенное для достижения военного успеха против общего врага»⁶⁰.

Меморандум Барка был поддержан и по линии дипломатической. Сазонов просил Бенкендорфа поддержать требования русского министра финансов перед британским правительством. Финансовый вопрос получил определенное политическое звучание⁶¹.

До получения официального ответа английского правительства Бенкендорф прислал в Министерство иностранных дел свое мнение, очень расплывчатое в отношении практических результатов представления. Передавая разговоры с английскими министрами, Бенкендорф подчеркивал финансовые трудности английского правительства. По его словам получалось, что в отношении России «британское казначейство практически делает больше, чем могло бы это делать в принципе». Он даже не был уверен в том, что в дальнейшем сохранится существующий уровень отпусаемых Англией своим союзникам средств⁶².

5 января 1916 г. Барк послал ответ Поливанову⁶³, в котором в целях симуляции собрал все претензии к военному ведомству. Копия этого письма была послана и Сазонову⁶⁴. Поддерживая предложения военного ведомства о скорейшем урегулировании вопроса о платежах в Японии, Барк реши-

⁶⁰ Там же.

⁶¹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 65. Телеграмма Сазонова Бенкендорфу от 22/9 января 1916 г.

⁶² Там же, л. 67. Телеграмма Бенкендорфа Сазонову от 25/12 января 1916 г.

⁶³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, лл. 1—2. Этот документ в МО не опубликован.

⁶⁴ АВПР, II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 75—77.

тельно отклонил предложение о высылке золота. Он указывал военному министру, что вопрос о платежах в Японии «крайне затрудняется» отсутствием точных цифр о наших заказах, хотя со времени соглашения с Англией прошло уже 4 месяца. Это обстоятельство не может не настраивать английское правительство «к сдержанному отношению к нашим требованиям, не подкрепленным данными».

Видимо, этот упрек министра финансов подействовал. Военное министерство представило необходимые сведения, которые 26 января 1916 г. были переданы в Лондон, чтобы подкрепить позицию посла в борьбе за успех меморандума министра финансов. Общий размер необходимой валюты по заказам в Японии был определен в 289 млн. иен, из которых 169 млн. относились к заказам, уже предпринятым, «но окончательно еще не подписанным». Кроме английской валюты, русское правительство получало заем в Японии в 50 млн. иен. Министерство финансов настаивало перед русским послом, чтобы вопрос об оплате 34 млн. иен в январе-феврале 1916 г. в счет английского кредита в 6 млн. фунтов «был решен безотлагательно, даже до соглашения между Россией и Англией по общему вопросу о платежах в Японии»⁶⁵. Министр указывал, что задержка с оплатой и оформлением заказов поведет к увольнению рабочих с предприятий и расстройству дела выполнения заказов. Недостатки финансового соглашения, заключенного в 1915 г., Барк пытался все время исправлять по частям. Это вызывало ненужные задержки в решении важных хозяйственных вопросов, имевших огромное значение для русской армии и для нормальной работы промышленности.

После длительной бомбардировки Лондона по линиям дипломатической, военной и финансовой английское правительство стало медленно отступать. В январе 1916 г. оно в принципе положительно разрешило вопрос о предоставлении 2 млн. ф. ст. в месяц свободного кредита. В ноте от 15 января 1916 г.⁶⁶ русское правительство благодарило английское за его согласие, чтобы кредиты, оставшиеся свободными от старых заказов, «были бы применены для оплаты новых», а также за его согласие включить в обычные кредиты расходы по оплате заказов в других странах, кроме Англии и Америки, за исключением Японии, и, наконец, за согласие предоставлять ежемесячно свободный кредит в 2 млн. ф. ст.

Стремясь закрепить эти уступки Англии, русское правительство просило не включать в предоставленный ежемесячный свободный кредит следующие расходы: текущие расходы

⁶⁵ АВПР, II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 81—82.

⁶⁶ Там же, лл. 71—74.

Министерства иностранных дел; расходы, связанные с покупкой серебра, необходимого для поддержания нормального денежного обращения в России, в сумме 2,1 млн. долларов; расходы на покупку машин, «заказанных как правительственными, так и частными заводами». Все указанные расходы русское правительство предпочитало отнести к «национальной обороне» и тем самым увеличить закупки других необходимых товаров⁶⁷. Вместе с тем в ноте указывалось на серьезное понижение курса рубля — со 135 руб. до 163 руб. за 10 ф. ст. и на желательность стабилизации его на уровне 135 руб., что помогло бы укрепить финансовое положение России.

Кроме того, в ноте решительно оспаривается мнение английского правительства о том, что «без отправки золота за границу беспредметно для России желать поддерживать обмен». По мнению русского правительства, международный обмен необходимо регламентировать путем продажи валюты, на что не потребуется больших средств. Русское правительство явно возражало против той точки зрения, чтобы импорт шел в Россию за счет вывоза золота. В ноте приведены цифры золотых запасов Англии, Франции, России и Германии к началу войны и на начало 1916 г. Эти цифры показывали рост золотых запасов во всех странах, кроме России.

Перечисленные выше просьбы русское правительство вынуждено было вновь повторить в феврале 1916 г.⁶⁸, так как Грей сообщил 8 февраля (н. ст.) 1916 г., что английское правительство не согласилось с предоставлением кредита «без предварительного предъявления оправдательных документов по использованию данной суммы». Не получило удовлетворения и просьба России не относить за счет небольшого «свободного» кредита указанных выше трех категорий расходов. Русское правительство согласилось отнести за счет этого кредита расходы Министерства иностранных дел, но решительно возражало против того, чтобы относить на этот кредит покупку машин и серебра. Английское же правительство настаивало на своем и решительно отказывалось относить к нуждам армии расходы на покупку машин, каучука, хлопка. Английскому правительству было отлично известно, что в 1915 г. Россия поставила под ружье свыше 5 млн. человек, которых необходимо одеть в хлопчатобумажные и шерстяные ткани, изготовлявшиеся из импортных хлопка и шерсти. Следовательно, шло теперь на обслуживание войны. Англичане же этого не признавали. Такой взгляд приносил, конечно, большой вред

⁶⁷ Там же; см. также лл. 7—9. Телеграмма Сазонова Бенкендорфу от 10 января 1916 г.

⁶⁸ Там же, лл. 88—89.

русской армии и вызывал длительную и бесполезную переписку, в результате которой кредит оставался неизрасходованным⁶⁹, а частная промышленность оставалась без станков, машин и сырья.

В феврале 1916 г. Барку и Сазонову пришлось протестовать против новых попыток английского правительства лишить Россию права пользоваться свободными средствами, «если мы не согласимся предварительно представлять оправдательные документы на их использование»⁷⁰. В то же время английское правительство считало, что лишь отправка золота из России за границу может поддержать валютный курс рубля. Помимо этого, английское правительство усилило строгости в деле контроля за покупками металлов и машин. Якобы в целях устранения конкуренции и борьбы с повышением цен английское правительство поставило условием пользования его кредитами на покупку металла предварительное сношение «о предстоящих сделках с английским правительством»⁷¹, причем это требование относилось не только к частным лицам, но и к государственным и общественным организациям. В общем англичане настаивали на централизации закупок и своем контроле над ними. Чтобы дисциплинировать русские закупочные организации, они открыли кредит Англо-Русскому комитету, а, с другой стороны, отказали в переводе 1 млн. ф. ст. Центральному военно-промышленному комитету. Барк решительно настаивал перед военным министром на централизации указанных закупок в Англо-Русском комитете. Позднее англичане предъявили такое же требование о централизации всех других закупок, относящихся к «свободному кредиту», и урегулирование этого вопроса затянулось еще на несколько месяцев (до мая 1915 г.).

В феврале 1916 г. был в принципе положительно разрешен вопрос об увеличении сумм на новые заказы за счет экономии по старым и другим расходным статьям. Тогда же английское правительство увеличило кредиты для закупок в Японии на 3 млн. ф. ст., доведя их до 9 млн.⁷², что несколько улучшило положение царского правительства с платежами в Японии. Кроме того, переговоры России в Японии о займе закончились благополучно, и русское правительство получало самостоятельный кредит в Японии в размере 50 млн. иен⁷³. Все эти

⁶⁹ АВВР, II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 91—92. Копия телеграммы Бенкендорфа от 2 марта (18 февраля) 1916 г.

⁷⁰ МО, серия III, т. X, док. № 244. Телеграмма Сазонова Бенкендорфу от 23/10 февраля 1916 г.

⁷¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 120, лл. 64—66. Письмо Барка Поливанову от 6 февраля 1916 г.

⁷² МО, серия III, т. X, № 230. Сообщение английского посольства в Петрограде в Министерство иностранных дел от 21/8 февраля 1916 г.

⁷³ Там же, док. № 230.

средства дали возможность покрыть платежи по старым заказам и внести авансы по новым. Однако для новых заказов в Японии английское правительство валюты не дало и рекомендовало русскому правительству не связывать себя финансовыми обязательствами до заключения новых финансовых соглашений. Предоставленный Японией кредит оказался недостаточным, и русское правительство еще не раз обращалось к Англии с просьбами об отпуске «специальных» кредитов, без которых оно оказывалось не в состоянии произвести соответствующие платежи. С аналогичной просьбой русское правительство обратилось к Англии 13/26 апреля 1916 г. в связи с покупкой меди, цинка и других материалов⁷⁴.

8 марта 1916 г. русское правительство снова обратилось к английскому с нотой, в которой подробно изложило свои аргументы в пользу свободного кредита для нужд торговли и промышленности. Однако английское казначейство задерживало практическое разрешение вопроса об отпуске в распоряжение русского министерства финансов свободного ежемесячного кредита в 2 млн. ф. ст. и об оплате закупленного Русско-Азиатским банком серебра для Министерства финансов на сумму около 900 тыс. ф. ст. Оно опасалось, что общая сумма платежей с 1 октября 1915 г. по 1 октября 1916 г. (с оплатой старых и новых заказов) превысит сумму в 300 млн. ф. ст., которая была предусмотрена финансовым соглашением. Барк справедливо считал эти опасения союзника неосновательными, так как, по данным валютной комиссии, неиспользованной валюты оставалось 50 млн. ф. ст.⁷⁵ Однако непредставление точных данных Военным министерством использовалось английским правительством в ущерб России. В секретной телеграмме Бенкендорфа от 2 марта (18 февраля) 1916 г.⁷⁶ по-прежнему фигурирует вопрос о том, что сумма заказов по старым платежам русским правительством не уточнена и что это является чуть ли не единственным препятствием для решения всех остальных вопросов. Бенкендорф подробно излагал все соображения английского правительства и выражал уверенность, что если цифрами будет доказана наличность значительной экономии на ежемесячном кредите в 20,5 млн. ф. ст., «то желаемое решение вопроса было бы найдено», и это позволило бы английскому правительству выделить дополнительный кредит не

⁷⁴ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 147—148. В этой ноте русское правительство просило одновременно об отпуске кредита в 2174 тыс. иен и 223 381 долл. для оплаты металлов в Японии и 500 тыс. долл. на покупку воска для нужд православной церкви. Министерство финансов считало невозможным отнести последний расход за счет свободного месячного кредита в 2 млн. ф. ст.

⁷⁵ Там же, лл. 94—95. Письмо Барка Сазонову от 27 февраля 1916 г.

⁷⁶ Там же, лл. 91—92.

только для новых заказов на снаряжение, но и для других нужд.

Итак, английское правительство никоим образом не хотело отступить от того принципа, что открытый кредит представляет максимальную сумму кредита, и только за счет экономии по старым кредитам возможно удовлетворение других выросших потребностей России. Прикрываясь этим принципом, оно отводило пока удовлетворение новых и чрезвычайно важных нужд Министерства финансов. Между тем произведенные в России подсчеты показали, что около одной пятой кредита не будет использовано⁷⁷. Основываясь на этих данных, Барк поручил фон Замену «предпринять самые настойчивые шаги перед английским казначейством для уплаты накопившихся неиспользованных переводов на серебро»⁷⁸. Барк одновременно просил Сазонова поддержать по дипломатической линии шаги, которые предпримет фон Замен во исполнение директив министра финансов⁷⁹. Что касается кредита на оплату закупок серебра, то он, по-видимому, английским правительством был предоставлен, так как этот вопрос в дальнейшей финансовой переписке не фигурировал. Зато, как уже указывалось, переговоры о свободном кредите в 2 млн. ф. ст. тянулись еще несколько месяцев⁸⁰. 5 мая 1916 г. последовала новая нота, в

⁷⁷ АВПР, II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 96. Телеграмма директора Особенной канцелярии по кредитной части Никифорова фон Замену, в которой указывалось, что сумма старых заказов до 1 октября 1916 г. составит около 1,8 млрд. руб., а сумма новых заказов уже достигает 330 млн. руб., с учетом же заказов Китченера — 2,5 млрд. руб.

⁷⁸ Там же, лл. 94—96.

⁷⁹ Там же, л. 97. Телеграмма Нератова в Лондон была отправлена 3/16 марта 1916 г.

⁸⁰ Там же, лл. 106—107. Копия секретной записки, по-видимому, Барка, от 17 марта 1916 г. В записке говорится о «недоразумении» с этим кредитом. Русская сторона так поняла записку английского посла министру финансов от 15 января 1916 г., что английское правительство дало согласие на отпуск такого кредита, и речь шла лишь о том, «что включать и что не включать в этот 2-миллионный кредит». Из дальнейшей же переписки выяснилось, что английское правительство отказывается открыть этот кредит без предварительного предъявления документов, подтверждающих употребление этой суммы. Военный министр настойчиво добивался отпуска этой суммы. Начиная с момента вступления соглашения в силу, т. е. с 1 октября 1915 г. Бенкендорф 28/15 марта 1916 г. сообщал, что этот вопрос еще не урегулирован. Дальнейшая переписка показывает, что Барк уже не особенно торопился с соглашением. Его уже больше занимал вопрос о том, какие платежи должны быть отнесены за счет этого кредита. В этом смысле он дал точные указания фон Замену в Лондон (там же, л. 145. Телеграмма Барка фон Замену). В частности, он предлагал, чтобы закупки металлов, машин, медикаментов, хлопка и шерсти, как только они будут централизованы, не были включены в эти 2 млн. В конце концов Барк выиграл «бюрократическое сражение». Англичане уступили, но лишь тогда, когда срок финансового соглашения почти уже истекал.

которой сообщалось о практических мерах, проведенных Министерством финансов для контроля рынка с валютой, и указывалось, что кредит необходим в целях борьбы с падением курса рубля. Этот вопрос, по мнению русской стороны, требовал «незамедлительного разрешения» независимо от нового финансового соглашения. Окончательно вопрос был разрешен в мае.

В ходе переговоров среди русских чиновников возникало даже предположение о том, чтобы совсем отказаться от свободного кредита с тем, однако, чтобы англичане оплатили произведенные расходы по закупкам товаров из остатков от годовой суммы общего кредита, а относительно расходов после 1 октября 1916 г. вступить с ними в новые переговоры. Однако на деле обстояло так, что с 22 февраля (ст. ст.) 1916 г. английское правительство уже отказывалось платить за хлопок и другие предметы первой необходимости. Все же покупка этих предметов производилась, и английское правительство уступило, согласившись, чтобы договоренность об оплате косвенных военных покупок вступила в силу с 1 апреля 1916 г.⁸¹ Барк же, заинтересованный в том, чтобы возможно больше расходов по коммерческим покупкам было отнесено за счет неиспользованных старых кредитов, предложил назначить срок действия соглашения с 15 апреля (п. ст.) 1916 г.

Барку пришлось вновь обратиться за содействием к дипломату⁸². 11 мая (28 апреля) 1916 г. Бенкендорф сообщил о добытых в этом деле результатах. Кроме кредита в 2 млн. ф. ст. было достигнуто соглашение о выделении кредитов на металлы, машины, инструменты, каучук, медикаменты. Ряд несогласованных вопросов о других покупках Бенкендорф рекомендовал отнести на будущее соглашение и без промедления заключить соглашение о кредите в 2 млн. ф. ст., так как имели место большие опоздания при всех оплатах. «Я думаю,— телеграфировал Бенкендорф,— что мы получили все, что могли сегодня получить, благодаря энергичному вмешательству лорда Китченера»⁸³. В результате коллективных усилий министра финансов и иностранных дел «многие» пожелания Барка были удовлетворены, и фон Замен был уполномочен подписать формальное соглашение с английским правительством по вопросу о ежемесячном кредите в 2 млн. ф. ст. для

⁸¹ Это соглашение предусматривало изменение порядка закупки товаров, их централизацию и согласование с Англией.

⁸² АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 143—144. Письмо Барка Сазонову от 13 апреля 1916 г. Письмо написано очень тяжелым языком, не раскрывающим основ нового порядка расчета, что вызвало необычные пометы Сазонова: «ужасно», «бумига написана варварским языком».

⁸³ Там же, л. 156.

нужд торговли и промышленности (не военных) и об условиях использования этого кредита⁸⁴. Однако на согласование вопроса в чрезвычайных военных условиях потребовалось 7 месяцев. Предоставление этого кредита было полезно и необходимо для экономики России, но одновременно этот кредит еще теснее привязывал всю промышленность царской России к английским кредитам и ставил ее в зависимость от богатого союзника.

Несмотря на все ограничения и препятствия, чинимые английскими властями более широкому использованию предоставленных русскому правительству кредитов, последнее все же прорывало «линию английской обороны». Это относилось прежде всего к новым заказам, выданным после 1 октября 1915 г., а также к заказам, размещенным без согласования с английским правительством, на станки, машины и инструменты. По признанию Главного артиллерийского управления (да это видно и из переписки Барка), «английское казначейство приняло на себя оплату и всех таковых заказов на станки, машины и инструменты, данных до 15 апреля 1916 г. нового стиля, хотя бы с нарушением обусловленного порядка»⁸⁵. Этот срок для оплаты русских заказов был выторгован министром финансов Барком. Но после этого срока со «своеволием» русских заказчиков было покончено. Было принято «категорическое требование», чтобы после этого срока заказы оплачивались за счет английского кредита только при условии, если они были даны через установленные организации и получили одобрение английских властей. Главное артиллерийское управление — основной «потребитель» английских кредитов — предупредил свои учреждения, что в случае нарушения установленного порядка выдачи заказов, они «на получение валюты впредь рассчитывать не могут». Если так строго обстоит дело с военным ведомством, то частные предприятия не могли и мечтать получить что-либо из-за границы в обход установленного порядка.

Английский контроль был еще строже в отношении заказов в Японии. Когда провалились расчеты на английскую щедрость, то выяснилось, что английская политика, как писал ген. Михельсон, «ставит Россию в несовместимое с достоинством великой державы положение *неисправного должника* и может окончательно подорвать наш кредит на международном рынке»⁸⁶. Получив такое донесение председателя Комиссии по

⁸⁴ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 157. Письмо Сазонова Барку от 2 мая 1916 г.

⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916 г., д. 137, лл. 12—13. Циркулярное распоряжение ГАУ от 10 июля 1916 г. «О порядке производства заграничных заказов по артиллерийскому ведомству и о порядке производства платежей по этим заказам».

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1917 г., д. 122, л. 49. Копия донесения ген. Михельсона.

распределению валюты, военный министр дал категорическое распоряжение «никаких заказов без наличия валюты не допускать, о чем и поставить в известность начальников довольствующих учреждений».

Что касается русско-французских финансовых отношений, то они, по-видимому, развивались без осложнений. Французское правительство единственный раз (22/9 мая 1916 г.) обратило внимание русской стороны на неоплату во Франции купонов русских частных обществ. На это последовал ответ русского правительства, где сообщалось, что оно не располагает свободной валютой и что вопрос будет легко урегулирован, если министр финансов Франции Рибо согласится расширить лимиты кредитов, установленные соглашением 4 октября 1915 г.⁸⁷

Мы привели достаточно фактов, свидетельствующих о слабых сторонах заключенного 30/17 сентября 1915 г. финансового соглашения с Англией, которые вскрылись в первые месяцы его действия. Многочисленные «недоразумения» происходили из двух различных взглядов на соглашение — из либерально-оптимистического (Барк) и строго юридического (Англия). Оптимизм был посрамлен, и всякая попытка Барка толковать соглашение в пользу России сталкивалась с твердым, холодно рассудочным ограничением, которое проявляла английская сторона. Из предыдущего изложения ясно, что «недоразумения» происходили не из случайной ошибки Барка в формулировке отдельного пункта соглашения, а из того, что соглашение регулировало финансовые отношения между двумя великими странами, ставшие уже неравноправными. Англия — глава коалиции и ее денежный мешок, а огромная Россия с ее противившим строем имела цену лишь благодаря наличию армии, которая несла миллионные жертвы, сковывая немецкие дивизии и отвлекая их с Западного фронта. В конце 1915 г. особенно вскрылась политическая и военная слабость царями. В это время бюрократия и буржуазия предпринимали судорожные попытки как-то сцементировать тыл, наладить хозяйственную жизнь, парализовать топливный кризис и приостановить упадок железных дорог. Царское правительство было не в состоянии защищать национальное достоинство и интересы буржуазно-помещичьей страны. Оно должно было сдать и оно сдалось своему богатому союзнику на тех условиях, которые ему были выгодны. Трудностей в реализации предоставленного займа становилось все больше и больше, и потребности в иностранных поставках все возрастали. По-

⁸⁷ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 178. Копия ноты от 28/15 мая 1916 г.

этому правительство 18 марта 1916 г. обсудило вопрос «об обеспечении соответствующими кредитами производимых за границей заготовлений»⁸⁸. Совет министров подытожил практику займов и наметил общую линию, которой следовало далее держаться.

Поводом к обсуждению вопроса в Совете министров послужила докладная записка военного министра Поливанова, поданная 12 марта 1916 г. на имя председателя Совета министров Штюмера⁸⁹. Записка представляет обстоятельный документ, содержащий проверенные фактические данные о неудовлетворительном ходе выполнения финансового соглашения. Документ достаточно ясно выражает точку зрения Военного министерства и отличие его позиции в толковании финансового соглашения от позиции Министерства финансов. Записка Поливанова определила фактическое содержание журнала Совета министров и характер принятых решений. В записке указывается, что Министерство финансов было убеждено в том, «что английское правительство не будет строго придерживаться ограничительных условий соглашения» и что военное ведомство легко сможет получить средства на новые заказы сверх 54 млн. ф. ст., если только общая сумма заказов не будет превышать 300 млн. ф. ст. Действительность же не оправдала этого оптимизма. В записке говорится, что великобританское правительство не склонно так широко трактовать финансовое соглашение. Еще более категорически выражена эта мысль в журнале Совета министров: «Опыт указывает, однако, что великобританское правительство, напротив того, склонно весьма узко толковать заключенное соглашение, точно и строго оставаясь в пределах предусмотренных им ограничительных условий».

Английское правительство считало, что кредиты, отпущенные на год на новые заказы в размере 54 млн. ф. ст., израсходованы за 5½ месяцев уже в сумме 60 млн. ф. ст.⁹⁰ Оно согла-

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, д. 5153, лл. 1—8. Особый журнал Совета министров от 18 марта 1916 г., утвержденный Николаем II 4 апреля 1916 г. Копия этого журнала имеется в ряде архивохранилищ, в том числе в АВПр, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 138—142.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 410, лл. 1—8. К записке была приложена ведомость предполагаемых новых заказов в Японию (лл. 11—12) и перевод ноты великобританского правительства от 21/8 февраля 1916 г. (лл. 9—10). Копия тех же документов — записка и «Ведомость заказов» — хранятся также в АВПр, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 99—104.

⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1916 г., д. 305, л. 4. В телеграмме Бенкендорфа от 23/10 апреля 1916 г. сообщалось, что заказы достигли «приблизительно 70 млн. ф. ст.». Бенкендорф считал невозможным просить увеличить кредит еще на 13 млн. фунтов, но он предлагал ускорить обсуждение нового соглашения.

силось прибавить 13¹/₂ млн. ф. ст. до конца 1916 г. (на октябрь — декабрь 1916 г.), открыть, сверх того, кредит в 2 млн. ф. ст. в месяц на расходы, не связанные непосредственно с государственной обороной, и увеличить расходы на оплату японских заказов с 6 до 9 млн. фунтов.

Изложив эти уступки Англии, в которых не фигурирует размещение новых заказов России за счет неизрасходованной части старых кредитов, Военное министерство давало достаточно резкую критическую характеристику создавшегося положения.

Совет министров не признал ход заграничных заказов «сколько-нибудь успешным». Причинами такого положения являлись огромные затруднения с доставкой, медленность выполнения заказов и малая производительность английских заводов. Помимо перечисленных факторов, отмечены также «крайняя сложность и формализм установленного в отношении производства дел по нашим заказам порядка в многочисленных английских правительственных инстанциях». К тому же великобританское правительство «до крайности ревниво» относится к размещению заказов на других, кроме английского, рынках «и с явную неохотой снабжает нас потребной для сего валютой». Поэтому «весьма затруднительна» передача заказов в Америку, а что касается Японии, то передача заказов туда «фактически представляется почти невозможной» из-за отсутствия кредитов. Кроме того, все иностранные заказы выполнялись с большим запозданием. В намеченные сроки поступает «лишь самое незначительное количество».

«Военное министерство указывает, что создавшееся положение является угрожающим для нашей государственной обороны, в самой крайней степени нуждающейся в дальнейших заготовлениях на иностранных рынках насущно необходимых для действующей армии предметов и припасов»⁹¹.

В записке Поливанова и в решении Совета министров было уделено должное внимание вопросу о расходовании кредитов. В этих документах содержатся первые итоговые данные, более или менее приближающиеся к истине, о том, сколько действительно израсходовано денег из отпущенного кредита. Эти данные сводились к следующему. В счет кредита, предоставленного Великобританией по соглашению 30/17 сентября 1915 г., примерно до начала марта 1916 г. было произведено заказов за границей на сумму 289 млн. ф. ст. В эту сумму входили и заказы для России, размещенные правительством Великобритании. Они составляли примерно одну четвертую часть наз-

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, 1916 г., д. 5153, лл. 1—8. (Курсив наш.— А. С.).

ванной выше суммы и равнялись 74 млн. ф. ст. Следовательно, формально рассуждая, можно сказать, что предоставленный кредит был израсходован почти полностью. Такой точки зрения и держалось правительство Великобритании. Однако в соглашении был предусмотрен кредит в 300 млн. до 1 октября 1916 г., заказы же, выданные русским и английским правительствами, захватывали период до 1 июля 1917 г. и даже «дальнейшее время». Поэтому платежи по заказам рассрочивались на более длительное время, и только часть их, правда большая, но «не свыше 195 млн. ф. ст.», должна была быть уплачена до 1 октября 1916 г., остальные же 105 млн. фунтов надо было уплатить в более поздние сроки. Русское правительство считало, что средства, не использованные до 1 октября 1916 г., необходимо открыть для новых заказов. Что касается будущих заготовок за границей, то, помимо нужд военного и морского ведомств, Совет министров обращал внимание на потребности министерств земледелия и путей сообщения. Все это не обещало сокращения заказов и закупок в дальнейшем. Военное ведомство и Совет министров считали неправильной практику включения в новые заказы (т. е. в счет 4½ млн. ф. ст. ежемесячно) расходов на заказы, не связанных непосредственно с обороной. За время с 1 октября 1915 г. это составляло значительную сумму и открывало для русского правительства большую возможность для производства новых заказов предметов, непосредственно связанных с войной. «Такой порядок счета был бы правильным и справедливым», — писал Поливанов.

Изложив указанные обстоятельства, Поливанов делал обоснованное заключение о том, что положение требует «безотлагательного заключения нового финансового соглашения с великобританским правительством», так как нет другого пути изменить сложившуюся практику, которая отрицательно сказывалась на размещении русских заказов.

В записке Поливанова и в решении Совета министров большое внимание было уделено заказам в Японии. Япония приобрела важное значение для России, во-первых, благодаря дешевизне исполнения заказов сравнительно с английскими и американскими фирмами, во-вторых, благодаря высокому их качеству. Наконец, скорость и легкость доставки при дешевизне фрахтов делали Японию для царского правительства выгодным рынком. Японское правительство, идя навстречу желаниям царского правительства и учитывая обилие русских заказов, помогло мобилизовать свою промышленность. Свои соображения о необходимости расширить использование японского рынка для военного снабжения России военное ведомство подкрепляло разработанной программой новых заказов

в Японии в сумме 284,3 млн. иен⁹². Учитывая некоторые непредусмотренные заказы и 15,5 млн. иен за купленные у Японии «бывшие наши суда», т. е. корабли, попавшие к Японии в период русско-японской войны, сумма потребной валюты по японским заказам определялась в 350 млн. иен. Между тем для оплаты заказов в Японии имелась лишь сумма в 6 млн. ф. ст., которую великобританское правительство увеличило на март — май 1916 г. до 9 млн. Военное министерство предполагало, что возможно на следующие 4 месяца, до конца действия соглашения, английское правительство прибавит по 1 млн. фунтов в месяц, — и это было все. С расплатами по заказам в Японии Военное министерство встретилось с непреодолимыми препятствиями, так как «надлежащих на расплату кредитов в наличности у нас не имеется» — таково было печальное заключение Совета министров. Поэтому Совет министров счел необходимым добиваться у английского правительства «возможно широких кредитов» на заказы в Японии. Было решено начать переговоры и с японским правительством о заключении самостоятельного финансового соглашения для оплаты японских заказов.

Совет министров пошел в отношении Японии на крайнюю меру: он согласился на сокращение своего золотого запаса, если бы по ходу переговоров «выяснилась безусловная неизбежность выпуска некоторого количества этого (т. е. золотого.— А. С.) металла в Японию»⁹³.

Решение Совета министров уточнило общую линию поведения русского правительства и Министерства финансов. Министр финансов должен был реализовать это решение, что на деле означало выработку нового финансового соглашения, чтобы обеспечить русское правительство валютой по крайней мере до 1 июля 1917 г. или даже до конца 1917 г. на более выгодных условиях, чем ранее. Недостатком решения Совета министров в отношении Великобритании было то, что оно не дава-

---

⁹² Япония предлагала 600 тыс. винтовок, из них 100 тыс. штук медленно, 500 тонн цинка, большую партию меди, патроны, оружейные снаряды и т. д. Основным заказчиком выступало Главное артиллерийское управление — на сумму 136,16 млн. иен. Главная часть этой суммы приходилась на пушки, трехдюймовые шрапнели, выстрелы к пушкам Арисака, 2 млн. винтовок и патроны к ним. Главное военно-техническое управление закупило телефонный провод, колючую проволоку и прочее на 23,8 млн. иен. Большие закупки намечало интендантство — 9 млн. ярдов сукна, 3 млн. пар сапог и другое, всего на 64 млн. иен. Значительные закупки проектировали также Санитарное управление и Морское министерство.

⁹³ Разумеется, это сопровождалось оговорками о необходимости ранее добиться соглашения с Великобританией и Японией, но все же в конце концов в «особо экстренных» случаях решено было пойти на вывоз золота.

ло министру финансов указаний на случай, если бы Великобритания не согласилась предоставить новые кредиты без вывоза русского золота.

Помимо перечисленных ограничений, осложнявших русско-английские отношения и тормозивших снабжение русской армии вооружением и боеприпасами, английское правительство в целях поддержания своей валюты фактически запретило помещать английские капиталы в облигации иностранных займов.

В связи с этим запрещением возникла переписка между Петроградом и Лондонским отделением Русско-Азиатского банка, которое отказывалось выполнять приказы клиентов о подписке на новые русские займы в Петрограде⁹⁴. Русское правительство дважды — 21/8 марта и 19 апреля (2 мая) 1916 г. — обращалось к послу Великобритании с нотами, в которых просило не распространять это ограничение на займы союзных правительств и не ограничивать продажу русских ценных бумаг на лондонском денежном рынке⁹⁵.

3. ПОДГОТОВКА НОВОГО ФИНАНСОВОГО СОГЛАШЕНИЯ С АНГЛИЕЙ

Обсуждение в Совете министров в марте 1916 г. вопроса о реализации английского кредита показало подлинное состояние дела с финансами и иностранными заказами и те трудности, с которыми столкнулось русское правительство. Оказалось, что дело финансирования войны зависит не столько от искусства министра финансов, сколько от политики правительства в целом, от состояния тыла и той роли, которую играют вооруженные силы страны на театре военных действий. Правительство высказалось за необходимость срочной подготовки нового финансового соглашения с Англией. Оно поняло, что финансовое соглашение необходимо вдумчиво и всесторонне готовить при участии тех органов и ведомств, которые прежде всего нуждаются в кредитах и которые уже поняли допущенные ранее ошибки. «Потребителем» кредитов являлось прежде всего Военное министерство, которое необходимо было привлечь к подготовке проекта нового договора.

27 марта 1916 г. под председательством Барка было проведено совещание с участием помощника военного министра ген. Лукомского, председателя валютной комиссии ген. Михельсона и одного из руководящих деятелей Англо-Русского

⁹⁴ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 238. Копия письма Русско-Азиатского банка от 17 апреля 1916 г.

⁹⁵ Там же, л. 239.

комитета в Лондоне ген. Гермониуса⁹⁶. На этом совещании было признано, что хотя английские кредиты, предоставленные до 1 октября 1916 г., «фактически и не исчерпаны», но распоряжаться ими нельзя, так как они оказались «связанными уже размеченными заказами и назначениями». Больше того, отпущенный английским правительством дополнительный кредит в 13,5 млн. фунтов, как сообщал из Лондона представитель Барка фон Замен, «в настоящее время уже исчерпан». Хотя Министерство финансов и предприняло некоторые меры для получения дополнительных кредитов, однако известия на этот счет из Лондона были мало утешительны. Фон Замен, который вел об этом переговоры с английским правительством, подтвердил, что на 57 млн. ф. ст. выдано новых заказов с одобрения английского правительства и на 10 млн.— без его одобрения. Следовательно, прибавка в 13,5 млн. ф. ст., сделанная английским правительством на октябрь — декабрь 1916 г., была уже почти израсходована в марте 1916 г. Поэтому фон Замен собирался просить 13,5 млн. фунтов в счет января — марта 1917 г. Телеграмма заканчивалась указанием на неизбежность нового финансового соглашения с Англией, в отношении которого он просил дать ему директивы⁹⁷.

Через несколько дней фон Замен сообщил неприятное известие о том, что «все наши заказы приостановлены впредь до нового финансового соглашения»⁹⁸. Это подтвердил через день Бенкендорф, который одновременно сообщал из Лондона, что просьбы фон Замена о новых кредитах не имели никаких шансов на успех⁹⁹. «Установление нового кредита в 13 000 000 фунтов невозможно и встретило бы отказ», — сообщал Бенкендорф. Он также находил, что кроме незамедлительных переговоров и приезда в Лондон министра финансов, нет другого способа «двинуть дела и упорядочить их». Телеграмма Бенкендорфа и письмо Барка Шуваеву хронологически совпадают и оба документа вслед за решением Совета министров свидетельствовали о необходимости быстрее заключения нового

⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1916 г., д. 305, лл. 5—6. Копия письма Барка ген. Шуваеву от 8 апреля 1916 г. В марте 1916 г. военный министр Поливанов получил отставку, и на его место был назначен ген. Д. С. Шуваев, длительное время ведавший в Военном министерстве интендантской частью, а потому хорошо знавший практическую сторону вопросов, связанных с распределением заказов для армии внутри и вне страны.

⁹⁷ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, л. 26. Копия телеграммы фон Замена от 31 марта 1916 г. на имя директора Особенной канцелярии по кредитной части.

⁹⁸ Там же, л. 28. Копия телеграммы фон Замена от 21/8 апреля 1916 г.

⁹⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 135. Русский текст этого донесения имеется в ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1916 г., д. 305, л. 4. Телеграмма датирована 23/10 апреля 1916 г.

финансового соглашения, без которого размещение заказов стало уже невозможно.

Этот факт особенно ярко показывал противоречия между чисто военной стороной планирования войны и материальным обеспечением планов. В русской Ставке вырабатывали планы операций на весну и лето 1916 г., которым союзники отводили важное место в общем ходе войны. Что же касается финансовой стороны сотрудничества, то Россия не могла уже выдавать заказы, так как своих средств на их оплату не было, а все предоставленные англичанами кредиты были израсходованы.

Но к ведению новых переговоров с англичанами необходимо было основательно подготовиться. Барк предпочитал, и упомянутое совещание его поддержало, чтобы военное ведомство (валютная комиссия Михельсона) «в срочном порядке» собрала сведения о потребностях в валюте как военных, так и гражданских учреждений и предприятий на новый год, начиная с 1 октября 1916 г., и сообщила бы их министру финансов. Такая сводка потребностей в валюте действительно была срочно составлена Особым совещанием по обороне. За несколько дней до ее представления ген. Михельсон докладывал военному министру Шуваеву о желательных основах нового финансового соглашения. По мнению Михельсона, для дальнейшего ведения войны России было необходимо: 1) заключить новое соглашение из расчета предоставления кредитов по 250 млн. руб. в месяц, однако условия получения валюты должны быть «упрощены и облегчены»; 2) не позднее 1 июня 1916 г. должно быть заключено соглашение с Японией о предоставлении кредита на 350 млн. иен; кроме того, Англия должна предоставить небольшой кредит до 5 млн. шведских, норвежских и датских крон в месяц для платежей в скандинавских странах; 3) финансовое соглашение с Францией должно быть продолжено на прежних условиях (125 млн. франков в месяц), но Франция должна была взять оплату расходов России по заказам в Италии, Швейцарии, Испании, Португалии и Греции¹⁰⁰. Следовательно, ген. Михельсон целиком исходил из тех данных, которые фигурировали в Совете министров в марте. Особое совещание по обороне незначительно увеличило заявку Михельсона и исчислило потребность в валюте до 1 июля 1917 г. в следующих цифрах¹⁰¹:

¹⁰⁰ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, л. 38. Рапорт ген. Михельсона от 8 апреля 1916 г.

¹⁰¹ Там же, л. 30. Справка Особого совещания по обороне от 12 апреля 1916 г. К этому документу были приложены более детальные расчеты о заказах на станки, металлы, сталь, рабочий инструмент, предметы артиллерийского снабжения и т. д. Выяснилось, что по ряду предметов цены еще не определились, поэтому была запланирована условная сумма. В заявку входили также потребности Земского и Городского союзов

**«Справка о количестве иностранной валюты (в рублях),
необходимой для предполагаемых в потребности до 1 июля
1917 г. заказов за границей»**

По заказам Главного артиллерийского управления	1 766 781 436
По заказам Главного интендантского управления	1 143 737 000
По заказам Главного военно-технического управления	566 609 042
По заказам Главного военно-санитарного управления	6 492 942
По заказам Российского общества Красного Креста	4 766 936
По заказам Всероссийского земского и городского союзов	65 026 810
По заказам Центрального военно-промышленного комитета	13 407 300

Всего 2 566 821 466

Как видно из адресованного Барку письма председателя Особого совещания по обороне Шуваева, расчет потребностей в валюте, названный Михельсоном, мог относиться только к нуждам «обороны» в узком смысле этого слова. Он не охватывал всего народного хозяйства и потребностей министерств, которые еще не были выяснены. Вместе с учетом этих потребностей, расходов частной промышленности, а также оплаты учета самих займов получалась сумма свыше 3½ млрд руб.: которую и назвал Шуваев¹⁰². Да и эта цифра не включала предстоящих расходов по Министерству путей сообщения на рельсы и подвижной состав, которые должны были выразиться «в очень крупных цифрах». Но так как расходы по заказам растягивались на длительный срок, военный министр находил возможным «не настаивать на увеличении теперь же нашей ежемесячной средней валютной нормы, а просить (Барка.— А. С.) о простом продолжении ныне действующих финансовых соглашений с Англией и Францией. При этом, конечно,— писал Шуваев,— нам надо будет выговорить себе большую свободу в размещении заказов и более быструю технику платежей. Это могло бы быть достигнуто фактическим осуществлением *свободных* ежемесячных кредитов, уже предусмотренных ныне действующими соглашениями, и введением расходных авансов в распоряжение наших комитетов в Лондоне и Нью-Йорке»¹⁰³.

Письмо Шуваева отражает точку зрения военных кругов, которые стремились продолжать войну, не увеличивая общей

и военно-промышленных комитетов, но не входили потребности в валюте для поддержания курса рубля и потребности невоенной промышленности. Каждая из граф справки имеет более конкретную расшифровку, которую мы опускаем.

¹⁰² ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916 г., д. 90, лл. 26—27 об. Письмо Шуваева Барку от 18 апреля 1916 г.; копия этого письма хранится в ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, лл. 81—82 об.

¹⁰³ Там же.

суммы английского и французского кредитов и не пересматривая основ сентябрьского соглашения 1915 г.; отрицательные стороны этого соглашения должны были быть устранены путем введения «новшеств», которые ограничивались свободным распоряжением ежемесячными кредитами и выделением авансов в распоряжение двух крупнейших платежных центров — Лондона и Нью-Йорка. Что касается соглашения с Францией, то его нужно было просто продлить, с той лишь оговоркой, что предоставленный кредит должен включать оплату русских заказов в ряде других стран — Италии, Швейцарии, Испании, Португалии и Греции¹⁰⁴.

Еще одно «новшество» Шуваева заключалось в том, что он предлагал разделить заказы по степени их важности на две очереди, разрешив своим начальникам производить изменения в зависимости от хода военных действий и требований фронта. Спланировать распределение заказов по месяцам и по валютам Шуваев считал «пока невозможным». Что касается общей суммы проектируемого займа, покрывающего все государственные расходы за границей, то их должен был установить Совет министров.

Министр финансов Барк не согласился с позицией военных кругов. В этом отношении ответ Барка Шуваеву от 24 апреля 1916 г.¹⁰⁵ представляет большой интерес. По мнению Барка, Военное министерство обошло вопрос о сроках, в которые предвидится выполнение намеченных заказов, а также не затронуло вопроса о возможности получения перевозочных средств, необходимых для доставки заказов, т. е. остались «без достаточного освещения те вопросы, кои приобретут первостепенную важность в предстоящих переговорах с английским правительством».

Барк, по-видимому, не был и сам убежден в том, что предъявленный запрос является фактически выполнимым. Что касается общей суммы кредита, то он не поддержал названные военным министром суммы (3,5 млрд. руб. по всем ведомствам, в том числе 2,5 млрд. руб. по военному), а, основываясь на практике последних шести месяцев, предложил ограничиться суммой в 100 млн. руб. в месяц, которая позволит поставить ход переговоров «на твердую почву». В связи с этим Барк на-

¹⁰⁴ По справке об израсходовании французского кредита до 1 июля 1916 г. видно, что из суммы в 1125 млн. франков оставались неизрасходованными только около 59 млн. франков, а вместе с кредитами, которые должны были быть открыты на последние 3 месяца 1916 г., — 434 млн. франков (ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916 г., д. 90, л. 28. Справка распределения кредитов по ведомствам).

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, лл. 86—89 об. Письмо министра финансов ген. Шуваеву от 24 апреля 1916 г.

звал сумму кредита в 1,7 млрд. руб. на срок с 1 мая 1916 г. по 1 октября 1917 г.

По-видимому, общую сумму английского займа можно было немного уменьшить. Реальный расход по займу, включавший как новые заказы, так и другие расходы, никогда не достигал за 8 месяцев (октябрь 1915 г.— май 1916 г.) суммы в 25 млн. ф. ст. В среднем он равнялся 14,5 млн. фунтов в месяц, т. е. 58% предоставленного займа. За эти 8 месяцев было учтено бонов на 116,1 млн. ф. ст.¹⁰⁶, а банкирскому дому Берингов были даны приказы на учет бонов только в сумме 89,2 млн. фунтов. Полученная разница в 26,9 млн. ф. ст. объясняется тем, что само английское правительство произвело платежей в счет заказов для России на 20 млн. ф. ст., а 7,9 млн. фунтов представляли потери на курсовой разнице при переводе фунтов в другую валюту. Как бы там ни было, но составители «Справки», по-видимому, ответственные работники Министерства финансов, предупреждали своего шефа о том, что представленная военным ведомством заявка является преувеличенной, «ибо предположить возможность размещения заказов на такие суммы, как по военному ведомству 2,5 млрд. руб., а по Министерству путей сообщения около 400 млн. руб. с разумными сроками исполнения трудно». По-видимому, и сам Шуваев пришел к тому же заключению, выделив первоочередные заказы, сумма которых была значительно меньше предъявленных заявок.

Второе ограничение Барка касалось сроков заказов. Он рассчитывал, по-видимому, на окончание войны в 1917 г. и поэтому считал заготовку предметов обороны по дорогим ценам «после этого срока... совершенно недопустимой».

Последнее замечание Барка касалось доставки огромного количества грузов, которая происходила с большими трудностями и опозданиями. Поэтому Барк просил военное ведомство сообщить, обеспечены ли доставкой уже размещенные заказы и какими средствами предположено было доставить в Россию новые поставки. Так как фактическое положение с

---

¹⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 25, 1917, д. 1405, лл. 41—47. Из материалов к конференции союзников в Петрограде. Копия объяснительной записки к проекту нового финансового соглашения с Англией. Минимальный месячный расход валюты был равен 10,5 млн. ф. ст., максимальный — 20,1 млн. В том же документе приведены данные за 5 месяцев, которые показывают огромные расхождения между заявками ведомств на валюту, составлявшие с ноября 1915 г. по март 1916 г. 165 млн. ф. ст., и действительно взятыми талонами в сумме около 97 млн. фунтов, из которых реально было израсходовано около 59 млн. ф. ст. Следовательно, реальный расход составлял немного более трети заявок, рассмотренных в валютной комиссии. За более длительный срок (до 1 октября 1916 г.) из 3 млрд. руб. образовался резерв неизрасходованной валюты в 1 млрд. руб.

размещением новых русских заказов было таково, что англичанами «было приостановлено размещение всех наших даже самых срочных заказов», то было крайне важно выделить срочные заказы, которые действительно необходимо было разместить, а, с другой стороны, решить вопрос о контрактах, которые могли быть расторгнуты; это дало бы возможность вновь поставить вопрос об отпуске авансов в счет нового соглашения. Все эти настойчивые требования Барка указывали на необходимость большой работы по планированию заказов в связи с назревшей потребностью внедрения в хозяйственную жизнь страны элементов планирования.

Военное ведомство осталось при своем мнении по вопросу о валютах¹⁰⁷. По его мнению, достаточно было придерживаться сложившейся практики: стремиться разместить заказы прежде всего в самой Англии, и если это невозможно, то размещать их на заводах США или других стран. Военное ведомство считало, что из 250 млн. руб. ежемесячных кредитов 100 млн. придется тратить в долларах, 30 млн. в иенах и 5 млн. в скандинавских кронах, при условии, что все заказы на рельсы и подвижной состав «необходимо будет поместить именно в Америке». Разбивка по валютам имела чрезвычайно большое значение с точки зрения возможности эффективно использовать предоставленный кредит. Заявка в скандинавских кронах оказалась мала, и консультанты министра финансов рекомендовали ее увеличить вдвое, доведя до 10 млн. крон, «а желательно даже ее увеличение до 15 миллионов».

Положение России с валютой в Швеции после начала войны было чрезвычайно тяжелое. Уже в октябре 1914 г. «Еншильд банк» в целях «облегчения торговли между Швецией и Россией» предложил перевести 5—6 млн. руб. золотом, в счет которых была бы открыта соответствующая сумма в шведских кронах. Но Барк отклонил это предложение «ввиду крайней необходимости сохранения, в настоящее время, нашего золотого запаса»¹⁰⁸. По английскому кредиту русское правительство получило незначительное количество валюты и вынуждено было добывать ее за счет внешнеторговых операций. Россия поставляла в Швецию клевер, пеньку, жмыхи, смазочные масла, лес и т. д. В отдельные моменты шведское правительство проявляло уступчивость и тогда русское правительство получало «из Швеции гораздо больше товаров, нежели шведы от нас». Но такое положение было временным. Шведы

¹⁰⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, 1916 г., д. 2018, лл. 26—32. Копия письма заместителя председателя Особого совещания по обороне ген. Фролова Барку, без даты.

¹⁰⁸ АВПР, II департамент, 1—5, «Война», д. 211, лл. 1—3. Ответ Кредитной канцелярии от 9 октября 1914 г.

обычно использовали выгоды своего положения, требуя лес или лен даже за транзитные станки, угрожая в противном случае «объявить станки абсолютной контрабандой».

Такая опасность угрожала 758 станкам, и поверенный в делах в Швеции рекомендовал пойти на уступки и компенсировать Швецию фуражом и льном¹⁰⁹.

В январе 1917 г. шведское правительство изготовило для России 10 тыс. ружейных стволов, но так как компенсация жмыхами и смазочными материалами быстро не последовала, то вторая партия ружейных стволов была задержана. Перед Февральской революцией посланник в Стокгольме Неклюдов неоднократно сообщал о сокращении вывоза русских товаров в Швецию, следствием чего явилось «резкое падение валюты». Он просил ускорить подписание лицензий, «ибо, если будут продолжаться те же проволочки к фактическому осуществлению разрешенных в принципе сделок», то последствием явится задержка лицензий с шведской стороны, на «вывозимые нами товары, столь нам необходимые»¹¹⁰, и общее соглашение о товарообороте «будет сведено на нет».

Военные в своей заявке не учитывали потребностей частной промышленности, расходов, связанных с помощью военнопленным, и больших расходов в связи с сооружением Мурманской ж. д., для строительства которой приходилось покупать «почти все продукты в Швеции и Норвегии».

Заместитель Шуваева по Особому совещанию по обороне ген. Фролов представил Барку подробную ведомость первоочередных заказов, главную часть которых составляла тяжелая артиллерия, недостаток которой возмещался «лишней кровью и уступкой большого пространства нашей территории». Ген. Фролов заранее отвергал всякую мысль о дальнейшем сокращении заказов России за границей. Он рассчитывал на широкое использование американской промышленности, которая, выполнив выданные до 1 октября 1915 г. заказы на сумму в 1316 млн. руб., могла быть вновь полностью загружена.

В отношении тоннажа данные были только «приблизительные», но они указывали, что в пределах новых заказов стоимостью до 2 млрд. руб. действующий тоннаж справился бы с перевозками. Однако затруднения с тоннажем существовали, и военные имели серьезные претензии к англичанам. «Не могу

¹⁰⁹ Там же, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 69, л. 149. Телеграмма посла 28 июня (11 июля) 1916 г. В телеграмме говорится о пропуске транзитом 620 станков и лицензии на вывоз 162 станков из Швеции. За июнь 1916 г. без компенсации было пропущено Швецией товаров на 1,2 млн. крон: лл. 184 и 189. Телеграммы поверенного в делах 26 июля и 3 августа 1916 г.

¹¹⁰ Там же, ф. Канцелярия, д. 88, л. 31. Телеграмма Неклюдова от 19/6 февраля 1917 г.

при этом не указать,— говорилось в письме ген. Фролова,— на то совершенно ненормальное и трудно объяснимое для наших союзников явление, что они, зная общие затруднения с тоннажем, еще увеличивают их, задерживая наши своевременно переданные требования валюты на фрахты, и этим затрудняют нам еще больше перевозку военных грузов. Усердно прошу при предстоящих переговорах по этому вопросу устранить на будущее время самую возможность повторения подобных явлений».

— Что касается названной Барком общей цифры в 100 млн. руб. в месяц, то она решительно отвергалась, так как эта цифра «могла получиться лишь при условии неослабного тяжкого давления английского правительства на свободу наших заказов в ущерб нашему снабжению. (Курсив наш.— А. С.) Ею, как прецедентом, отнюдь нельзя руководствоваться. В дальнейшей части письма Фролов обрушился против существующей практики, в которой были повинны не только англичане, но и Барк, практики, при которой «мы взяли из обусловленной для нужд обороны общей суммы в 3 миллиарда только третью часть». Тут Фролов, конечно, не прав, так как реально были израсходованы почти две трети суммы кредита. Но его жалобы на ограничения, которые лишали русское правительство возможности получать даже «оборудование, необходимое для мобилизации нашего собственного военного рынка», были справедливы.

Военные были настроены по отношению к Англии гораздо более решительно и требовательнее, чем финансисты. Ежемесячную потребность в валюте они строго определили в 250 млн. руб., так как кредиты в 350 млн. «сейчас использованы быть не могут, ибо даже кредиты в 250 дают от платежей некоторый остаток». Зато 250 млн. руб. должны быть строго определены, и к ним они стремились прибавить в качестве резерва остатки от прежних месяцев, которые составляли около 1 млрд. руб.

Указывая на распоряжение Совета министров ограничить срок заготовок 1 июля 1917 г., военные смотрели на него лишь как на временное хозяйственное распоряжение, а не как на указание, что война «к этому сроку действительно кончится». Поэтому отвергалась посылка Барка, что заказы не должны переходить за пределы 1917 г. Напротив, Фролов утверждал, что уже заранее предвидится такая необходимость. Последние наставления военных по адресу Барка сводились к тому, что «нам надо именно теперь взять по договору максимум того, что взять можно».

Таким образом, мы проследили две тенденции среди правящей бюрократии в отношении основ будущего финансового

соглашения. Одна тенденция, представленная Барком, намечала минималистскую программу требований, другая, более тесно связанная с непосредственным ведением империалистической войны, требовала от союзников большей помощи, так как более реально оценивала финансово-экономическую слабость тыла страны. Это, конечно, не значит, что она могла решительно изменить состояние хозяйства страны и обеспечение армии необходимым вооружением.

Переписка между ведомствами царской России дала богатый материал для выработки основ нового финансового соглашения. Для такой работы более подготовленным оказалось военное ведомство, составившее проект договора, с которым согласился и Барк.

21 мая 1916 г. Барк переслал проект договора вместе с другими документами председателю Совета министров Штюмеру с просьбой «подвергнуть означенный проект обсуждению в ближайшем заседании Совета министров». Вместе с проектом договора была представлена необходимая документация, отражавшая точки зрения министерства финансов и военного ведомства¹¹¹.

Важное значение имел документ о заказах первой очереди. Не перечисляя содержание каждой заявки по существу¹¹², мы даем лишь их итоги (см. стр. 328). В финансовом выражении эти заказы приближались к сумме 1,5 млрд. руб., т. е. уменьшали первоначальную заявку примерно на 1 млрд. руб.

Первоочередные заказы, перечисленные военным ведомством, укладывались примерно в сумму, намеченную Барком, — около 1,5 млрд. руб., составляя около 100 млн. руб. в месяц, хотя проектом договора предусматривался кредит в сумме 250 млн. руб. в месяц. В числе первоочередных заказов, наряду с важнейшими предметами вооружения, по-прежнему значились «одноконная упряжь», хомуты, подковы, шипы к ним, т. е. предметы, которыми должна была снабжать армию кустарная промышленность России и учреждения Земгора. В этом с особой силой проявлялась отсталость экономики России и неспособность правительства по-настоящему организовать ее работу.

¹¹¹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 193—197, гектографированная копия. К проекту договора Барк прислал короткое сопроводительное письмо от 21 мая 1916 г., а также копию письма ген. Фролова от 15 мая 1916 г. (лл. 198—204), копию письма Барка ген. Шуваеву от 24 апреля 1916 г. (лл. 214—218) и необходимый статистический материал о предполагаемых заказах военного ведомства, из которых были выделены заказы первой очереди («Сводные ведомости предполагаемых заказов первой очереди», там же, лл. 205—213).

¹¹² Все пункты «Сводной ведомости» имели подробную расшифровку, которая занимает 10 страниц текста.

«Сводная ведомость предполагаемых заказов
первой очереди» (руб.)

Главное артиллерийское управление	1 152 764 198
Главное военно-техническое управление	121 283 129
Главное интендантское управление	143 737 000
Главное военно-санитарное управление	5 533 546
<hr/>	
Итого	1 465 046 295
<hr/>	
Всероссийский земский союз	3 416 533
Всероссийский союз городов	3 830 518
Всероссийский земский и городской союзы (Главный комитет по снабжению армии)	25 266 353
Центральный военно-промышленный комитет	8 831 554
<hr/>	
Итого по общественным организациям	41 344 954
<hr/>	
Российское общество Красного Креста	2 383 468
<hr/>	
Всего	1 508 774 717

Новое соглашение намечалось на год — 1 октября 1916 г. по 1 октября 1917 г. По важнейшим пунктам были намечены некоторые уступки, на которые можно было пойти в ходе переговоров. Например, 25 млн. ф. ст. в месяц английское правительство должно было выделить в разных валютах по указанию Министерства финансов, причем этот аванс должен был восстанавливаться по мере его расходования; против этого пункта была сделана помета о возможности уменьшения суммы аванса до 15 млн. ф. ст.

Основное внимание в проекте договора было обращено на освобождение от английского контроля при использовании предоставленного кредита. Именно этой стороне вопроса было посвящено письмо ген. Фролова Барку от 10 мая 1916 г.¹¹³ В нем особенно подробно развита аргументация о необходимости русскому правительству «без контроля и опеки английского правительства» распоряжаться ежемесячной суммой кредита, в том числе и для оплаты заказов, выходящих за пределы обусловленного срока, если в предыдущие месяцы была достигнута экономия. Совершенно категорически сказано о праве русского правительства «свободно и бесконтрольно»

¹¹³ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916, д. 90, лл. 11—13. Этому же вопросу была посвящена и «Отдельная справка», составленная в Министерстве финансов. См. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1405, лл. 44—47.

распоряжаться валютой в пределах 2 млн. ф. ст. для оплаты заказов частной промышленности и для производства других срочных, но непредвиденных платежей. Военное ведомство всячески старалось высвободиться из-под английского контроля, установленного по сентябрьскому договору 1915 г., но оно не могло не признать желательной и даже неизбежной как регулировку цен на рынке, так и некоторое «предварительное осведомление Лондона по нашим заказам». Однако, чтобы парализовать волокиту, сознательно практиковавшуюся английскими учреждениями, предполагалось ограничить время на обследование и установление минимальной суммы заказа, которая определялась без предварительного согласования с английским правительством.

Особенно существенное значение имело предусмотренное проектом договора право производить платежи по старым заказам, относя их за счет кредита того нового займа, на срок которого падают фактические платежи. Таким образом, русское правительство могло в счет неиспользованной суммы первого займа закупать товары и делать заказы, а платежи по старым заказам, которые приходились на сроки после 1 октября 1916 г., относить на кредиты по новому соглашению. Конечно, эти пожелания русской стороны были важны и полезны, но они пока высказывались в одностороннем порядке и по существу шли вразрез с юридической основой заключенных Барком соглашений, которые были невыгодны России. А англичане умели отстаивать свои интересы и мало проявляли желания отступать от сложившейся практики, которая обеспечивала им руководящую роль.

В ходе выработки финансового соглашения молчаливо обходился вопрос о золоте. Его сознательно или бессознательно замалчивали все инстанции, допуская, видимо, что новое соглашение будет заключено без вывоза золота из России. Не касался этого вопроса и Совет министров, на заседании которого 27 мая 1916 г. обсуждался вопрос «По проекту нового с Великобританией финансового соглашения»¹¹⁴. Представленный министерствами финансов и военным проект соглашения не вызвал в Совете министров возражений со стороны других ведомств, тем более, что, по заверению Барка, потребности в валюте Министерства путей сообщения «полностью предусмотрены», хотя сумма этих потребностей не была названа.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 2018, лл. 8—10. Журнал заседания Совета министров 27 мая 1916 г. и проект финансового соглашения; АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 224—226. Копия особого журнала Совета министров 27 мая 1916 г. К нему приложен проект нового финансового соглашения с Великобританией, составленный по соглашению министерств финансов и военного.

В результате Совет министров принял за основу предложенный проект «при предстоящих с великобританским правительством переговорах».

Большую часть журнала заседания Совета министров занимает не обсуждение проекта финансового соглашения, а изложение жалобы министра путей сообщения в связи с крайним недостатком иностранной валюты на приобретение за границей «потребного ему подвижного состава и рельс». Министр путей сообщения А. Трепов подробно изложил планы его ведомства на покупку в США вагонов, паровозов и рельсов. В отношении паровозов решено было также вступить в переговоры с французским правительством об уступке России свободных во Франции паровозов, которые «без особых затруднений» могли быть приспособлены к обслуживанию русских дорог. В отношении же закупки вагонов и рельсов в Америке Совет министров поддержал Трепова и поручил министру финансов «заботиться скорейшим предоставлением в распоряжение министра путей сообщения необходимой для приобретения вагонов и рельс валюты». Следовательно, уже на подготовительной стадии обсуждения финансового соглашения с Англией выяснилось, что помимо 2 млн. ф. ст. в месяц, о которых так долго шли переговоры, в новом соглашении должны занять серьезное место кредиты на укрепление железных дорог, которые должны быть приравнены к непосредственным расходам на армию. Недостатки и слабости развития целой отрасли экономики пытались исправить за счет иностранных кредитов.

Еще за месяц до решения Совета министров, 19 апреля 1916 г., Барк передал английскому послу Бьюкенену подробную ноту, в которой были изложены потребности Министерства путей сообщения и рассчитаны необходимые для них финансовые средства. Барк указывал, что без получения необходимых предметов из-за границы выполнение планов Ставки верховного командования потребует «значительную часть оборудования снять с тыловых железнодорожных путей»¹¹⁵, что, разумеется, явилось бы самой крайней мерой. В телеграмме русскому послу в Лондоне сообщалось о согласии русского правительства, «чтобы английское правительство взяло на себя передачу всех заказов на наш счет через Моргана и произвело все расчеты». Если бы это предложение английскому правительству не подошло, русское правительство просило «предоставить в наше распоряжение необходимые кредиты для оплаты всех заказов, в качестве совершенно свободных кредитов,

---

¹¹⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 150—153. Краткое содержание ноты было повторено в телеграмме Сазонова, отправленной 26 апреля 1916 г. Бенкендорфу (л. 155).

которыми мы могли бы располагать по мере своих потребностей, причем общая сумма равнялась бы приблизительно 39 миллионам фунтов». Названная сумма была подкреплена совершенно точными расчетами количества подлежащих заказу паровозов, товарных вагонов, рельсов и стоимости каждой статьи заказа. Всего предусматривалась закупка свыше 7,7 млн. пудов рельсов, 1300 паровозов «Декапо», около 35 тыс. товарных вагонов, оборудования для ремонтных мастерских на фронте и в тылу, оборудования для сборочных мастерских во Владивостоке и Харбине, продовольствия для строительства Мурманской ж. д. и некоторые мелкие закупки¹¹⁶.

Помимо названной суммы, которая сама по себе была велика, Барк и Сазонов просили английское правительство компенсировать выплаченные по заказам Министерства путей сообщения более 24 млн. долларов «на совершенно необходимые нужды, которые временно были покрыты за счет других русских кредитов и временно свободных». Следовательно, всего русское правительство сделало заявку примерно на 440 млн. руб. в золотой валюте только для потребностей Министерства путей сообщения, которые трудно было отнести к чисто военным нуждам страны, но еще труднее было не отнести к нуждам национальной обороны, так как без четко функционирующего железнодорожного транспорта современная война была невозможна.

В то же время эта заявка представляла совершенно новую экономическую проблему. Она показывала, что железнодорожный транспорт России разьедает глубокая хроническая болезнь. Согласится ли союзница России пойти на затраты, неизмеримо большие, чем 2-миллионный месячный свободный кредит, или она проявит ту же тактику затягивания, результатом которой будет усиление болезни? Ответ от английского правительства был получен очень быстро. Исполнение заявки Министерства путей сообщения было признано «затруднительным» до заключения нового финансового соглашения. Поэтому Бенкендорф вновь высказался за скорейший приезд министра финансов в Англию¹¹⁷.

Между тем все больше накапливалось заявок от гражданских ведомств, которые трудно было подвести под категорию чисто военных заказов. Например, Министерство сельского хозяй-

¹¹⁶ Потребная для этих закупок валюта исчислялась в сумме около 164 млн. долларов, 6,3 млн. фунтов стерлингов и 165 тыс. итальянских лир. Правительство считало изложенные потребности настолько срочными, что ожидало ответа в срок не более 10 дней.

¹¹⁷ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 159. Письмо Сазонова Барку от 4 мая 1916 г. Следует иметь в виду, что новое соглашение должно было открыть кредит только с 1 октября 1916 г.

ства требовало валюту на покупку сельскохозяйственных машин, станков для лесотехнического производства, шпата, удобрений, огородных семян и лекарственных растений.

Помещики России за два года войны израсходовали свои запасы машин, инструментов и препаратов, и их представители одни громко и настойчиво, другие более робко требовали валюту, чтобы частично восполнить серьезные потери за годы войны. Все это указывает на огромный ущерб, принесенный войной экономике страны, ущерб, который нельзя уже было восполнить никакими иностранными займами.

Уже весной 1916 г. сложилось такое положение, при котором царское правительство в вопросе ведения войны находилось целиком в зависимости от своих союзников, особенно от Англии. Эту зависимость нельзя понимать примитивно, в том смысле, что перестановка всех вооруженных сил на фронте производилась по прямому указанию английского командования. Эта зависимость была прежде всего финансово-экономической и выражалась в том, что ни одной крупной меры, связанной с ведением войны, царское правительство не могло реализовать без согласия английского правительства и без отпуска им средств. Постепенно эта зависимость охватывает более широкий круг вопросов экономики страны, начиная с курса рубля и кончая работой железных дорог. Эту финансовую зависимость прекрасно чувствовало правительство, чувствовали ее военные. Об этом не один раз говорилось на заседаниях Комитета финансов, который пугал иллюзию освободиться от английской финансовой зависимости путем заключения дальних займов в США и вообще путем более широкого привлечения американских капиталов в экономику страны. Как ни тяжелы были предъявленные американскими банкирами условия, на основе которых они соглашались предоставить заем, Комитет финансов весной 1916 г. «по общеполитическим соображениям нашел продолжение переговоров с американскими банками желательными в целях завязать в дальнейшем более тесные экономические отношения с Америкой для использования нового денежного рынка, что в значительной степени освободило бы Россию от зависимости в области финансов от отдельных держав, хотя бы нам союзных»¹¹⁸.

В данном случае деликатная формулировка о зависимости России от союзных держав имела в виду прежде всего Англию. Через несколько дней, 24 мая 1916 г., в новой докладной записке о кредитной операции в США Барк подробно писал о финансово-валютных отношениях с Англией и стоящих перед

¹¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1916 г., д. 531, л. 12 (Курсив наш.— А. С.). Кредитные операции России в США будут ниже рассмотрены отдельно.

Министерством финансов трудностях в поддержании курса рубля и изыскании валюты для потребностей военного хозяйства. «Задача эта,— писал Барк,—представляла огромные трудности, так как *министры финансов союзных держав решительно уклонялись от какого-либо содействия русскому правительству* в деле снабжения валютой свободного рынка, указывая на то, что союзники несут уже большие тяготы по обеспечению вне пределов России нужд нашей военной обороны и на оплату наших займов и что поддержание курса рубля на свободном рынке не может служить предметом союзных финансовых соглашений»¹¹⁹.

Тем не менее русское правительство получило в Англии небольшие валютные кредиты, которые положительно сказались на курсе рубля¹²⁰. Находясь под впечатлением этого факта, Барк ошибочно считал, что внутренняя стоимость рубля определялась его курсом в иностранной валюте. Между тем, хотя курс рубля и оказывал несомненное влияние на внутренний экономический оборот, все же не мог определять его внутреннюю покупательную способность, которая зависела главным образом от количества товарной массы и количества денежной массы в обращении. Последняя с продолжением войны непреодолимо возрастала¹²¹.

Учитывая несомненно возрастающую потребность в иностранной валюте, Барк в мае 1916 г. стал зондировать условия нового соглашения с Англией о дальнейших свободных кредитах. Условия, предложенные английскими кругами, были

¹¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1405, лл. 10—15. Представление Барка в Комитет финансов от 24 мая 1916 г. (Курсив наш. — А. С.)

¹²⁰ Там же. Английский банк предоставил кредит в 10 млн. ф. ст. для ликвидации задолженности банков и торгово-промышленных фирм России. Этот кредит, являвшийся паллиативной мерой, не мог удержать курс рубля от падения, но он задержал этот процесс. Второй мерой являлось соглашение Государственного банка России с Английским банком об отпуске 8 млн. ф. ст. по трассировочному кредиту. Это соглашение также имело положительное значение для курса рубля. Курс рубля устойчиво держался с января 1916 г. на уровне 149 руб. за 10 ф. ст. Этот кредит дал возможность Министерству финансов «монополизировать валютные сделки» через расчетный отдел (Chambre de compensation) при Кредитной канцелярии. К концу мая 1916 г. из кредита в 8 млн. фунтов оставались неизрасходованными 4 млн. фунтов. Отсутствие новых источников поступления валюты привело бы к падению стоимости рубля. «Последствия дезорганизации валютного рынка могут быть катастрофическими», — заключал П. Барк. О снижении остатков по акцептному кредиту до 4 млн. ф. ст. Барк сообщал англичанам еще 5 мая 1916 г. в нбте об «особом кредите» для нужд торговли и промышленности. Тогда же было сообщено об организации Chambre de compensation при Кредитной канцелярии (АВПР, в. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 167).

¹²¹ В ближайшие дни предстоял учет в Государственном банке краткосрочных обязательств казначейства на 3 млрд. руб.

неблагоприятными и более тяжелыми, чем условия, предложенные американскими банкирами, хотя и последние Барк называл спекулянтскими ¹²².

Барк предоставил Комитету финансов копии двух телеграмм фон Замена ¹²³, в которых излагались результаты его переговоров с английскими властями и финансистами — лордами Кенлифом и Ревелстоком об условиях представления нового валютного кредита в 10 млн. ф. ст., который представил бы России более широкие возможности для закупок товаров и поддержания курса рубля. Английский банк был согласен представить заем на следующих условиях. Английский банк учитывает краткосрочные обязательства (бонды) русского казначейства из того же процента, что и предоставляемые новые кредиты, которые «министр финансов получит у казначейства», что, по заявлению лорда Кенлифа, составляло бы на 1% выше учетной ставки Английского банка в момент получения каждой суммы. В отношении гарантий лорд Кенлиф потребовал, чтобы они были установлены соглашением русского министра финансов с английским казначейством и выразились в виде вклада золота в Петрограде «с предоставлением Английскому банку права требовать пересылку этого вклада в Лондон по мере возникающей насущной потребности в подкреплении наличности Английского банка». Далее говорится, что весь вклад будет полностью возвращен России, как только будет погашена вся полученная займы сумма. Но такой возможностью русское правительство, конечно, не обладало, поэтому безобидная, казалось бы, формула о возврате на самом деле означала потерю золота.

Помимо вклада в 3 млн. ф. ст. золотом англичане потребовали обеспечить остальную сумму кредита еще ценными бумагами, причем только такими, которые могли быть использованы Английским банком в США и Голландии для поддержания курса фунта стерлингов. Фон Замен предупреждал, что если не будут внесены бумаги, то это «затруднит для нас получение от казначейства согласия рассматривать сделку с Английским банком, как операцию, ничего общего не имеющую с непосредственным предоставляемым нам кредитом». Без предоставления дополнительной гарантии ценными бумагами сделка попросту не могла состояться.

Фон Замен запрашивал инструкции у министра финансов и справку о количестве ценных бумаг, которые могут ока-

---

¹²² В это время в Петрограде находились представители банковского синдиката США Мак-Робертс и Рич, с которыми Барк вел переговоры о финансовой операции в США.

¹²³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1405, лл. 16—17 и 18—19.

заться в России в «сберегательных кассах и в портфеле казначейства от покупок, произведенных частным Лионско-Марсельским банком, так же, как и синдикатом русских банков, закупивших некогда ценные бумаги в Париже». В отношении поддержания курса рубля англичане предлагали России поручить это важнейшее государственное дело частному банкирскому дому братьев Берингов.

Во второй телеграмме фон Замен сообщал о ходе его переговоров с Английским банком и банком «Братья Беринг и К^о». Последний заявил, что без разрешения казначейства он не имеет права выдать аванс свыше 5 млн. ф. ст. Фон Замен сообщал, что при поддержке лорда Ревелстока он «вырвал» у Английского банка все возможные уступки, главная из которых состояла в согласии открыть русскому правительству кредит в 10 млн. фунтов «независимо от нашего нового соглашения с казначейством». В отношении же условий, на которых была возможна сделка, все оставалось по-старому. «Нам не удалось исключить главные пункты, — сообщал фон Замен, — относительно которых лорд Кенлиф уже сказал нам, *что они не подлежат обсуждению*». Английский банк составил проект договора с Государственным банком России, из которого видно, что условия кредита русскому правительству были тяжелее условий аналогичного кредита, предоставленного Франции.

Далее фон Замен сообщал, что Государственный банк России должен депонировать в Английском банке государственные и железнодорожные ценности для продажи, соответственно «сумме действительно сделанного нами долга», причем продажа бумаг пойдет в погашение долга и на возобновление кредита «в той же сумме на новый срок». Таким образом, общая сумма кредита могла превышать 10 млн. ф. ст. Что касается учетного процента, то за время переговоров он уже повысился до 2% сверх ставки Английского банка. Фон Замен закончил телеграмму печальным признанием бессильности изменить ситуацию к лучшему и передал заявление Кенлифа как «его последнее слово».

Изложив Комитету финансов телеграммы об условиях английского кредита, Барк с полным основанием писал: «Сравнивая их с предложениями американского синдиката, следует признать, что условия английского предложения *чрезвычайно тяжелы*, и в этом отношении американское предложение более для нас приемлемо.

Действительно, Английский банк требует от нас, помимо выдачи обязательств государственного казначейства, высылку золота и депонирование государственных или гарантированных ценных бумаг, *создавая таким образом, впервые для нас принципы двойного обеспечения*, тогда как

американский синдикат не только не требует высылки металла, но отказался от двойного обеспечения»¹²⁴.

Англия стала явным гегемоном в финансировании России. Франция, чье влияние преобладало до войны, заняла второе место. Барк, да и не только он, отлично понимал создавшееся положение. В цитированной нами записке, поданной в Комитет финансов, он гораздо резче, чем когда-либо, заключает ее словами: «Наконец, особенно невыгодные условия кредита, предлагаемого нам Англией, свидетельствуют о том, что с дальнейшим развитием военных событий *кредитование России у одних только союзных держав становится все более затруднительным, и полнейшая наша финансовая зависимость от союзников является чрезвычайно тяжелой, вследствие чего представляется настоятельно необходимым, хотя бы ценой известных жертв, завязать незамедлительно кредитные отношения с Америкой* путем валютной сделки с могущественным синдикатом, которая может быть началом дальнейших крупных операций»¹²⁵.

Итак, Барк предлагал сделать первую попытку опереться на США и ее капитал против «наших союзников». Чрезвычайно характерно, что такая же тенденция была и у Сазонова, который единственный раз за два года войны присутствовал на заседании Комитета финансов и по «политическим соображениям» поддержал Барка. Все это происходило буквально накануне совещания союзных министров финансов. Широкий замысел Барка относительно США не был реализован, но все же после этого финансовые отношения с США несколько продвинулись вперед.

4. ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ И ВОПРОС О КРЕДИТАХ

В мае 1916 г. в Париже должна была состояться конференция теперь уже четырех министров финансов союзных стран¹²⁶ (прибавилась Италия) для обсуждения коренного вопроса «о способах расплат по заказам, помещаемым союзниками в нейтральных странах, в частности в Америке».

Накануне конференции в союзных странах побывала так называемая русская парламентская делегация, состоявшая из

¹²⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1405, лл. 10—15 (Курсив наш.— А. С.). Сравнивая английские предложения с американскими, Барк указывал, что английский кредит (из 7%) был лишь на 1/2% дешевле американского, зато во всех других отношениях (двойное обеспечение, продолжительность кредита) более невыгоден, чем американские предложения.

¹²⁵ Там же. (Курсив наш.— А. С.).

¹²⁶ В связи с гибелью лорда Китченера по пути в Россию совещание министров финансов состоялось с некоторым запозданием.

десяти членов Государственного совета и десяти членов Государственной думы. Делегация состояла почти исключительно из членов Прогрессивного блока, оппозиционных правительству. Председателем делегации был небезызвестный потом министр внутренних дел А. Д. Протопопов, тогда товарищ председателя Государственной думы. В состав делегации входили также лидеры кадетов — П. Н. Милюков, А. И. Шингарев и др. Естественно, что члены делегации проявляли повышенный интерес к предстоящей конференции и к вопросам финансовых взаимоотношений с союзниками. Наибольшую активность проявлял считавшийся специалистом по вопросам финансов и бюджета Шингарев, имевший специальные беседы с Мак-Кенна и Рибо.

Представителей буржуазной «общественности» прежде всего интересовал вопрос, почему союзники так настойчиво требуют высылки золота из России. С этим «недоуменным» вопросом Шингарев и обратился к канцлеру английского казначейства Мак-Кенна во время своего визита к нему¹²⁷. Шингарев подробно и с большой убедительностью говорил о необходимости сохранить золото в России и старался показать невозможность его вывоза.

«Прежде всего,— докладывал Шингарев,— я спросил у него: «Разрешите мне мой недоуменный вопрос: почему вы так настойчиво и так упорно и в соглашениях и дальше просите высылки нашего золота? Чем это вызывается? Почему вы требуете, чтобы мы высылали золото? Я должен не скрыть от Вас, что это вызывает большое недовольство в России среди общественных кругов, широких кругов, а также среди членов законодательных учреждений, которые неоднократно в финансовой комиссии подчеркивали невозможность такой отправки золота и опасность для нас такой отправки»¹²⁸.

Мак-Кенна отвечал Шингареву, что он «абсолютно понимает» точку зрения России по этому вопросу, но обрисовал ему положение с запасами золота в Англии. Чтобы уплатить по счетам союзников США и вообще вне Англии, казначейство скупает в Лондоне американские ценности, которые оно переводит в Нью-Йорк, но этот источник постепенно истощается. Поэтому помимо золота, переведенного из России и Франции в Лондон, английское казначейство должно дополнительно

¹²⁷ Беседа Шингарева с Мак-Кенна происходила в присутствии чиновника Министерства финансов фон Замена, который информировал о содержании беседы Бенкендорфа, а последний телеграфировал о ней в Министерство иностранных дел (АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 174. Телеграмма от 27/14 мая 1916 г.).

¹²⁸ «Красный архив», 1934, т. 3 (64), стр. 6. Доклад А. И. Шингарева в военно-морской комиссии Государственной думы 20 июня 1916 г.

вывезти золота на 40 млн. ф. ст. Мак-Кенна считал запасы золота в России от 130 до 140 млн. ф. ст., во Франции — в сумме 180 млн. фунтов, в то время как английские запасы составляли якобы всего только 60 млн. фунтов. Мак-Кенна, разумеется, умолчал о том, что Англия располагала большим количеством американских ценных бумаг, которые вполне заменяли золото¹²⁹ и давали возможность Англии свободно производить свои платежи в США.

Ответ Мак-Кенна не оставил никаких надежд на изменение в будущем английской позиции. Потом он сам стал с пристрастием допрашивать Шингарева, почему русские обращаются за деньгами за границу, не сделав всего для мобилизации финансов внутри страны, в частности по линии прямого обложения, которое в России значительно ниже, чем в Англии. «...Пока вы облагаете себя несравненно легче и надеетесь на нашу помощь», — сказал Мак-Кенна. Что касается высылки золота, то он так объяснил свою политику: «А золото мы требуем потому, что от нас его требуют»¹³⁰. Далее он указал, что министр финансов Барк еще не выполнил свои обязательства и не выслал и половины того золота, которое он должен был выслать по сентябрьскому соглашению 1915 г.

Попытка Шингарева перевести разговор на новое финансовое соглашение не была поддержана. Его собеседник отделался заявлением, что этот вопрос поручен Китченеру, который должен был приехать в Россию.

Передавая содержание беседы Шингарева, Бенкендорф счел нужным добавить от себя, что вопрос о золоте «будет одной из крупных трудностей, с которой придется встретиться». Никаких обещаний и заверений об освобождении от высылки золота или предоставлении лучших условий кредита Шингарев не получил. Несмотря на достигнутое общее понимание целей и задач войны, Англия не собиралась ослаблять

---

¹²⁹ Бенкендорф, хорошо знавший положение дел в Англии, 27 мая 1916 г. писал министру иностранных дел о том, что до последнего времени приток этих ценностей в кассы казначейства «был настолько значителен, что с избытком покрывал надобности и успешно поддерживал английский кредит на международном рынке». Лишь за последнее время «приток этот сократился», но Бенкендорф считал ошибочным предположение, что причиной этого явилось «истощение запаса названных ценностей в стране», он все еще выражался «в очень значительной цифре» (АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 230—231. Письмо Бенкендорфа Сазонову, которое сообщено было министру финансов).

¹³⁰ «Красный архив», т. 3 (64), стр. 7. В телеграмме Бенкендорфа о недостаточном обложении в России ничего не говорится, но в ней приведены точные цифры запасов золота и платежей, произведенных Англией, которые поразили Шингарева.

своих финансовых требований к России, о чем было ясно сказано одному из лидеров кадетов.

Разговор Шингарева с французским министром финансов Рибо был не столь неприятным. Шингарев пытался превратить Рибо в своего союзника с тем, чтобы общими силами бороться против требований англичан высылать золото. Французам до сих пор это удавалось, и они не выполнили Булонского соглашения о вывозе золота. Рибо заверил Шингарева в финансовой помощи России со стороны Франции, но потребовал расплаты людьми, т. е. русскими солдатами. «Если у нас есть эти деньги, мы вам дадим,— передает Шингарев слова Рибо,— но скажите Вашим товарищам, что Франция страшно нуждается в людях, и что самое главное для нас — *помогите Вы нам, чем Вы богаты, помогите Вы нам людям*»¹³¹.

Разговоры с английскими и французскими Ротшильдами показали представителю русской буржуазии, что от царского правительства ждут серьезных смягчений положения евреев в стране; без реформ в этом вопросе совершенно нельзя было надеяться на получение кредитов в США. Крупнейшие американские банкирские дома отказывались давать средства России, и, по словам Ротшильдов, Россия якобы портила кредит даже англичанам и французам.

Обсуждение доклада Шингарева в военно-морской комиссии Государственной думы вызвало бурю негодования со стороны правых и поддержку со стороны кадетов. Милюков, чтобы расширить финансовую базу правительства, выступил за «реформы в пользу русских евреев», которые «открыли бы союзникам кассы всех еврейских банков».

Разведка, совершенная Шингаревым в скандинавских странах и в Италии, также не подавала надежд на расширение кредита. Директор Итальянского банка обещал кредит в пределах 100 млн. лир, норвежцы — условно несколько миллионов крон, а в Швеции — даже ничего не обещали. Основной кредитор — Англия не обещала лучших условий кредита и хранила зловещее молчание относительно конкретных пунктов соглашения.

Попытка Шингарева помочь министру финансов провалилась, и у него сложилось довольно пессимистическое представление о возможности получения кредита и об условиях нового соглашения. Основной причиной такого положения он считал реакционную внутреннюю политику правительства, в результате которой сложилось чрезвычайно тревожное положение. «Как справится министр финансов,— говорил Шингарев на

¹³¹ «Красный архив», т. 3 (64), стр. 11. (Курсив наш.— А. С.).

заседании военно-морской комиссии, — я не знаю. Я знаю, что мы уже много должны по нашим заказам. Как покроет государство эти суммы заказов, каковы будут новые условия соглашения, *не наложит ли Англия на нас новые тяжелые обязательства, этого я не знаю*¹³². Так кадет Шингарев выразил свое впечатление о финансовом положении России после разговора с государственными и финансовыми деятелями союзников, в руках которых находилось решение этих вопросов.

Если Шингарев предпринимал безуспешные попытки сохранить золотые запасы царской России, то глава делегации Протопопов считал, что финансовое соглашение имеет шансы на успех лишь при условии экспорта золота из России, и в этом духе пытался воздействовать на Родзянко и буржуазные круги Думы. Через посольство в Лондоне он обратился к Родзянко с телеграммой, в которой указывал, что намерение Думы запретить вывоз золота «произведет здесь неблагоприятное впечатление, будет сочтено попыткой Думы нарушить исполнение принятого правительством обязательства». Больше того, он, как и Бенкендорф, считал, что такое решение «может сделать невозможным заключение нового соглашения»¹³³.

4 июня 1916 г. министр финансов Барк перед своей поездкой к союзникам для урегулирования финансовых вопросов выступил с объяснениями в Особом совещании по обороне. И на этот раз он положительно отзывался о союзной Англии, которая якобы «не только не препятствует нашим поискам кредита в других странах, но всецело приветствует таковые поиски». «Однако донныне наши попытки получить кредит за границей не удались, — признал Барк. — Япония предоставила нам небольшую сумму в 50 млн. иен; ныне ведутся переговоры о получении еще 315 млн. иен. Швеция в кредите отказывает. Америка вообще не склонна кредитовать ни нас, ни наших союзников. В ответ на наши запросы Америка предъявляет к нам слишком стеснительные требования, вроде ипотеки на железные дороги и двойного обеспечения; правда, мы получили 25 млн. долларов, однако эту сумму пришлось вернуть через несколько месяцев. Англия и Франция разместили в Америке около 1 млрд. рублей военного займа и, кроме того, располагают еще известным запасом скупленных в Европе американских ценностей, но по исчерпанию этих запасов будут, как и мы, вынуждены платить Америке золотом. При таких условиях возобновление кредитного соглашения с Англией неизбежно. Переговоры по этому вопросу были возложены

¹³² «Красный архив», т. 3(64), стр. 13—14 (Курсив наш.— А. С.).

¹³³ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1915—1917 гг., д. 222, л. 102. Секретная телеграмма Бенкендорфа от 28/15 июня 1916 г.

английским правительством на лорда Китченера, и гибель последнего несомненно задержит нами получение нового кредита»¹³⁴.

Сообщение Барка вызвало оживленный обмен мнений и выявило разные точки зрения. Родзянко в своем выступлении потребовал от правительства, чтобы военные заказы соразмерялись не с казначейскими соображениями, а с «военной нуждой» и чтобы средства на них были «так или иначе найдены министром финансов».

Деятельность министра финансов подверглась наиболее острой критике со стороны наиболее правого члена Государственной думы Маркова 2-го и члена Государственного совета Стаховича — членов Особого совещания по обороне. Марков указал, что правительство должно проявлять больше настойчивости при ведении финансовых переговоров. «Нам надлежит, — говорил он, — в категорической форме потребовать от Англии расширения кредита и предоставления нам тяжелой артиллерии». Стахович остался при особом мнении (поддержанном рядом других членов Особого совещания), совпадающем с мнением Маркова, но еще более резко сформулированном. Он указал на другую основу для финансовых переговоров, упрекнув правительство в том, что оно игнорирует «главное преимущество России», под которым он подразумевал наличие огромной русской армии. Переговоры, говорил он, следует вести, исходя из оценки участия каждого государства в войне. Тогда правительство будет иметь возможность «требовать» необходимого, а не «хлопотать об отдельных услугах и выпрашивать случайные уступки или дорого оплачиваемые ссуды»¹³⁵.

Стахович и Марков 2-й представляли меньшинство Особого совещания по обороне, открыто критиковавшее правительство и требовавшее от него более решительной финансовой политики. Большинство членов Особого совещания удовлетворялись разъяснениями Барка, надеясь, что ему удастся провести новую финансовую операцию с союзниками на более выгодных условиях, чем раньше.

Критика деятельности Барка на заседании Особого совещания по обороне оказала известное влияние на ход его переговоров с союзниками, во время которых он занял более решительную позицию. Понимая серьезность обстановки, он попросил Протопопова и еще некоторых членов парламентской делегации остаться в Лондоне, чтобы помочь ему.

¹³⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 177. Журнал Особого совещания по обороне, № 77, от 14 июня 1916 г.

¹³⁵ Там же.

5. СОГЛАШЕНИЕ 1916 г.
КАПИТУЛЯЦИЯ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПЕРЕД СОЮЗНИКАМИ

Конференция четырех министров финансов открылась 14 июля (н. ст.) 1916 г. в Лондоне, так как Мак-Кенна, в связи с кризисом кабинета, не мог приехать в Париж. В конференции участвовали Рибо, Мак-Кенна, Барк и итальянский министр финансов Каркано. Кроме того, в Лондоне находились три министра вооружения: Альбер Тома (Франция), Монтэгю (Англия), ген. Далль Оллио (Италия) и технический советник Барка ген. Беляев¹³⁶.

К этому времени не только Россия, но и Франция нуждалась в больших средствах для оплаты заказов в Англии и ряде нейтральных государств, в первую очередь в США. Ежемесячные расходы французского правительства в США достигали 50 млн. долларов и непрерывно увеличивались. На ближайшие шесть месяцев французскому правительству требовалось для оплаты платежей в Англии 54 млн. ф. ст. Кроме того, ко времени конференции французское правительство задолжало Англии 11,5 млн. ф. ст., а другим странам — 12 млн. фунтов. Помимо указанных расходов, оно должно было подкрепить Французской банк 10 млн. ф. ст. для кредитования французских промышленников¹³⁷. Поэтому французские делегаты Рибо и Тома проектировали создать общую организацию для объединения всех заказов, закупок и расчетов союзников; они же предлагали изыскать общие средства для оплаты огромных платежей в США.

Однако этот проект был «категорически отвергнут» англичанами. Мак-Кенна на словах признавал необходимость объединения всех средств для войны, но на деле сводил ее на нет ссылаясь на ряд трудностей — недостаточную емкость американского рынка, нехватку судов и отсутствие средств для расплаты. Учитывая наличные средства Англии, он предупредил, что союзники могут рассчитывать на английское казначейство только до 1 января 1917 г.

После обмена мнениями конференция в сущности закончилась ничем, приняв лишь постановление о создании в Лондоне особой комиссии для взаимной информации о крупных заказах и поставках в нейтральных странах¹³⁸. Все же француз-

¹³⁶ L. Petit. Op. cit., pp. 218—219.

¹³⁷ Там же, стр. 220—221.

¹³⁸ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 193, лл. 45—60. Доклад Барка Николаю II о финансовых переговорах в июле 1916 г. На документе нет даты, но резолюция царя сделана 6 августа 1916 г.; «Красный архив», т. 5, 1924, стр. 72—76. Помимо доклада Барка, в архиве сохранился интересный «рапорт» ген. Михельсона председателю Особого совещания по обороне от

ское правительство добилося разрешения Мак-Кенна на выпуск займа в Лондоне, при условии высылки золота Английскому банку. Все практические вопросы по финансированию Англией Франции были разрешены на англо-французской конференции в Кале 24 августа 1916 г. Англия обязалась в течение ближайших шести месяцев (с 15 сентября 1916 г. по 15 марта 1917 г.) предоставить Франции кредит в сумме 150 млн. ф. ст., а Франция — послать в Англию золота на 50 млн. фунтов. Это золото формально не продавалось, а одалживалось Англии, которая должна была возвратить его Франции через три года по окончании войны¹³⁹.

России свои финансовые вопросы пришлось разрешать особо, путем переговоров с Францией и Англией. Переговоры Барка с Рибо происходили в Париже. Они были до некоторой степени подготовлены государственным контролером Н. Покровским, который старался нащупать почву для широкого соглашения по финансовым и экономическим вопросам, хотя официальных переговоров и не вел¹⁴⁰.

По-видимому, Барк первоначально стремился расширить переговоры с Рибо, выйдя за рамки чисто финансового соглашения, и поставить некоторые экономические вопросы, касающиеся нужд промышленности, железных дорог и торговли¹⁴¹. В связи с этим Барк пытался добиться увеличения французского кредита с 125 до 150 млн. франков ежемесячно. Кроме того, Барк хотел осуществить на французском рынке кре-

---

9 августа 1916 г. о ходе русско-английских финансовых переговоров (ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916 г., д. 66, лл. 96—102).

¹³⁹ L. Petit. Op. cit., pp. 227—230.

¹⁴⁰ Покровский возглавлял русскую делегацию на экономической конференции союзников в Париже, которая должна была усилить солидарность между союзниками «и предложить своим правительствам меры, могущие на деле осуществить эту солидарность». (АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», д. 556, лл. 18—20. Решения конференции, состоявшейся 1/14—4/17 июля 1916 г.) На конференции были представлены Франция, Великобритания, Россия, Бельгия, Италия, Португалия, Сербия и Япония. Меры сотрудничества на послевоенное время носили рекомендательный характер и не имели практического и обязательного значения.

¹⁴¹ Там же, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 232—236. Доверительное письмо Извольского Сазонову от 16/3 июля 1916 г. На копии письма указано, что на оригинале письма имеется помета Николая II. Письмо значительно полнее, чем записка Барка, рисует напряженную обстановку, в которой протекал первый период русско-французских переговоров. Об этом же свидетельствовала и телеграмма ген. Михельсона от 29 июня (н. ст.) 1916 г., в которой указывалось, что предварительные переговоры с французским правительством «идут туго». Французы пытались поставить финансовые переговоры в связь «с вопросом дальнейшей посылки наших войск во Францию» (ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, л. 146; телеграмма была послана через военного агента во Франции).

длинную операцию, которая, погасив задолженность России Французскому банку, дала бы некоторый излишек для нужд железнодорожного строительства. Затронут был также вопрос о крупном займе в будущем для нужд железнодорожного строительства.

Попытки Покровского прощупать почву встретили отрицательное отношение Рибо к возможности русского займа для железнодорожных нужд, но более терпимо к такому проекту отнесся французский министр Клементель¹⁴². Более широкий подход Барка к вопросам экономического сотрудничества также встретил отрицательное отношение Рибо. «С первых же своих шагов,— доносил Извольский,— тайный советник Барк натолкнулся на крайне узкое и эгоистическое отношение к вышесказанным вопросам со стороны французского министра финансов. Как мне уже приходилось Вам писать, г. Рибо, бесспорно имеющий за собой в прошлом очень крупные государственные заслуги, едва ли оказался в настоящее исключительно трудное время вполне на высоте положения; сосредоточившись на чисто фискальной стороне финансового управления и одержимый болезненным опасением уменьшить запас золота, он, по-видимому, упускает из виду более широкие экономические вопросы и навлекает на себя серьезные нарекания со стороны французского финансового и промышленного мира. В этом понимании финансовых задач Франции во время войны с ним сходится стоящий во главе «Банк де Франс» г. Паллен. Подобное настроение обоих лиц сразу отразилось на переговорах тайного советника Барка. На переданную последним г. Рибо записку последовал крайне неудовлетворительный ответ; г. Рибо *совершенно устранял* более широкие вопросы экономического свойства и, оставаясь в узких пределах прошлогоднего соглашения, заявлял о своей готовности продолжить и даже несколько увеличить кредиты на надобности нашего казначейства, но, вместе с тем, выдвигал *новое и совершенно неприемлемое для нас требование погасить нашу задолженность «Банк де Франс»* путем предоставления французскому правительству соответствующего количества наших вывозных продуктов (хлеба, спирта, леса и т. п.). Не говоря уже о том, что требование это находилось в формальном противоречии с прошлогодним соглашением, в коем предусматривалось погашение нашего долга путем консолидированного займа, по заявлению тайного советника Барка, предложение г. Рибо не отвечало ни нашему достоинству... ни нашим финансовым и экономическим интересам, ибо подобная запродажа нашего

¹⁴² АВПР, ф II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 228. Телеграмма Покровского через посла от 10/23 июня 1916 г.

будущего вывоза гнетущим образом отразилась бы на нашем денежном обращении и помешала бы восстановлению нашего курса. Тайный советник Барк энергичически восстал против предложения г. Рибо»¹⁴³.

После нескольких острых схваток с Барком Рибо пошел на уступки: он потребовал, чтобы половина задолженности России, которая образуется ко времени заключения мира, была бы покрыта товарами (хлебом, лесом, спиртом). Русское правительство должно закупать их во время войны и после заключения мира за свой счет и доставлять французскому правительству. По существу французы хотели, чтобы кредиты, открытые в основном для платежей процентов французским держателям русских бумаг, имели реальное обеспечение и были бы оплачены материальными ценностями. Это требование также было отвергнуто Барком «в самой категорической форме»¹⁴⁴. Сообщая об этом эпизоде Извольскому с чувством «раздражения», Барк просил посла употребить все свое влияние, чтобы устранить «неосновательные требования г. Рибо». Хотя в ходе дальнейших переговоров Извольский также встретил «наибольшее сопротивление» со стороны французского министра финансов, все же французское правительство сняло свое требование, и в ходе дальнейших переговоров оно больше не фигурировало¹⁴⁵.

Тогда Рибо выступил с новым предложением: реализовать трехлетние обязательства русского казначейства на частном рынке, что обеспечивало частным французским банкам блестящую возможность нажиться. Эта мысль была внушена французскому министру банкирами. Задуманная операция была невыгодна для России, она стоила бы не ниже $6\frac{1}{2}\%$ при стоимости кредита у французской казны около $5\frac{1}{4}\%$ и вскоре потребовала бы совершения новой кредитной операции для выкупа краткосрочных обязательств. Данное предложение в результате возражений Барка было снято, и французское правительство 8 июля (н. ст.) 1916 г. вынесло решение о возможности повысить ежемесячный кредит России до 150 млн. франков. Однако этим увеличением кредита Россия могла воспользоваться только при условии, если бы министр снабжения Тома «признал возможным увеличить количество предметов, изготовляемых во Франции для нужд русской армии»¹⁴⁶.

¹⁴³ Там же. (Курсив наш.— А. С.).

¹⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 193, лл. 45—60. Доклад Барка Николаю II.

¹⁴⁵ Предыдущие обязательства России распространялись только «на время войны, а не по заключении мира, причем совершенно не имелось в виду заготовлять запасы товаров впрок» («Красный архив», т. 5, стр. 70).

¹⁴⁶ «Красный архив», т. 5, стр. 72.

Между тем царское правительство нуждалось в валюте для оплаты небольших заказов в Швейцарии, Испании и Италии. По этому вопросу еще ранее передавались записки французскому послу в Петрограде Палеологу, по этому же вопросу Сазонов посылал телеграммы Извольскому в Париж, с просьбой к французскому правительству согласиться отнести эти расходы за счет месячных кредитов, без увеличения последних. Сазонов подчеркивал, что эти заказы представляют «первостепенную важность» для достижения общей цели союзников, но вопрос так и не был решен¹⁴⁷. Точно также остались открытыми все остальные вопросы, поднятые Барком. Однако в области чисто финансовой русское правительство в основном получило все то, чего оно добивалось.

Значительно труднее сложились дела в Лондоне. Вместе с Барком в переговорах с английским правительством принимал участие начальник генерального штаба ген. Беляев и председатель Комиссии по распределению валюты ген. Михельсон. Финансовые вопросы так неразрывно были связаны с военными поставками, что участие военного специалиста в финансовых переговорах было естественно и неизбежно.

По словам Барка, после официального окончания конференции наступило «самое тяжелое для министра финансов и генерала Беляева время сложных и длительных переговоров с канцлером казначейства об обеспечении надлежащих иностранных кредитов для нужд нашей армии»¹⁴⁸. Среди английских государственных деятелей были сторонники двух различных точек зрения. Ллойд-Джордж, военное министерство и министерство снабжения стояли за то, чтобы «удовлетворить в возможно широких размерах наши военные потребности». Канцлер казначейства Мак-Кенна при поддержке лорда Керзона, ведавшего торговым мореплаванием, лишь «на словах» являлся сторонником полного военного снабжения России, а «на деле прибегал ко всевозможным ухищрениям, чтобы поставить преграды нашим военным расходам за границу». Особенно он старался ограничить военные кредиты и стеснить возможность их использования на рынках нейтральных стран. Поэтому договориться с англичанами было трудно. Мак-Кенна всячески старался доказать малую провозоспособность русских железных дорог, необорудованность портов, отсутствие

¹⁴⁷ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 222, л. 88. Копия записки Палеологу от 11 мая; л. 90. Телеграмма Сазонова Извольскому от 7/20 мая 1916 г. Расходы были исчислены действительно в очень малой сумме: для Италии требовалось около 13 млн. руб. и 3 млн. лир; для Испании — 4,1 млн. руб.; для Швейцарии — немного более 13 млн. франков, а всего — около 16 млн. франков и 17,6 млн. руб.

¹⁴⁸ «Красный архив», т. 5, стр. 73.

тоннажа у английского правительства, чтобы уменьшить размер кредитов. Кроме того, он требовал размещения только таких военных заказов, по которым заказанные предметы могли поступить в действующую армию до 1 июля 1917 г.¹⁴⁹, что, разумеется, также стесняло русскую сторону.

Делегаты русского правительства добивались теперь не только большей суммы кредита, но и большей свободы его использования, например, чтобы средства на заказы не растягивались помесячно, а фиксировались сразу на все время; чтобы заказы проводились сразу на всю сумму с условием поставок их на месте, т. е. в США или в Англии к 1 июля 1917 г. Кроме того, ставился вопрос, чтобы поставка тяжелой артиллерии происходила из английских запасов, чтобы расходы на тяжелую артиллерию не включались в отпускаемый кредит и чтобы был выделен специальный кредит на поддержание курса рубля. Русские делегаты добивались также ослабления строгостей при расчетах по заказам, консолидации после войны краткосрочных обязательств и снижения процента по займу¹⁵⁰.

Русское правительство выдало новых заказов в счет соглашения 1915 г. на сумму 97¹/₂ млн. ф. ст., вместо намеченных первоначально 54 млн. фунтов. Новую повышенную сумму заказов «предстояло узаконить»¹⁵¹.

¹⁴⁹ Доклад Барка Николаю II о постановлении Комитета финансов от 5 сентября 1916 г.— «Красный архив», т. 5, стр. 73—81.

¹⁵⁰ «Красный архив», т. 5, стр. 74. Программа Барка и Беляева при ведении переговоров с канцлером казначейства в докладе Барка была сформулирована следующим образом: «а) в области военной: 1) опровержение данных о затруднительности своевременной перевозки предстоящих военных заказов и покупок, 2) обеспечение достаточных кредитов для производства необходимых планомерных заказов, 3) получение права немедленной передачи крупных заказов, а не распределение их по месяцам в соответствии с ассигнуемыми кредитами, 4) передача заказов с таким расчетом, чтобы поставка была обеспечена по срок 1 июля 1917 года, но не в действующей армии, а в месте производства заказа..., 5) поставка тяжелой артиллерии из английских запасов сверх ассигнуемых кредитов; б) в области финансовой: 1) побуждение английского казначейства уделить часть кредитов на поддержание курса рубля, 2) облегчение формальностей при платежах за покупки и заказы ниже 5000 ф. ст., 3) возобновление на новый срок, по окончании войны, срочных обязательств государственного казначейства, 4) указание на необходимость по окончании войны консолидации краткосрочных обязательств государственного казначейства, 5) установление надлежащего процента, платимого по этим обязательствам».

¹⁵¹ ЦГАИД, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 227—230. Помимо официального журнала и нескольких проектов его, сохранилась интересная черновая запись журнала Совета министров от 27 июля 1916 г. с сообщением Барка о ходе переговоров с Англией о новом финансовом соглашении. Этот черновой документ показывает, что освещение хода переговоров и изложение позиций английской стороны, сделанное в «рапорте» ген. Михельсона, более точно и конкретно, чем в докладе, где обойдены резкие столкновения Барка с Мак-Кенна.

Переговоры происходили в обстановке крупных военных успехов, одержанных русской армией на Юго-западном фронте. Это заставило Мак-Кенна сделать заявление о преклонении перед «блестящими победами» русской армии, но они не сделали его более сговорчивым и уступчивым. Он соглашался предоставить кредиты лишь на короткий срок, не позднее чем до 1 января 1917 г.; во-вторых, он требовал, чтобы сроки новых заказов были сокращены и чтобы заказанное вооружение поступило в русскую армию до 1 июля 1917 г.; в-третьих, он настаивал на доставке золота, которое Англия должна была вывозить в США.

Ген. Михельсон в таких словах обрисовал заявление Мак-Кенна: «Мы финансируем Россию, Италию, Сербию и даже саму Францию. А сколько стоит нам создание собственной сухопутной армии. И все это держится пока прочно на твердом кредите Английского банка, на непрекращающемся ни на один день размене на золото. Я должен время от времени бросать это золото на американский рынок. Я признаю, что в отношении американского рынка в начале войны были сделаны ошибки и мы избаловали золотом американцев, но это уже сделано и теперь этого больше поправить нельзя. Поэтому я могу открывать Вам кредит лишь в мере действительной для меня возможности расплачиваться на американском рынке. Я взял уже почти силою все американские ценности не только у английского правительства, но и у частных лиц... Я скоро исчерпаю все свои ресурсы. Что я тогда буду делать? А платить надо будет. Если я Вам открою кредит на всю требуемую сумму, мне немедленно надо будет платить авансы по вновь данным заказам. Мне их взять неоткуда. Я могу принять обязательство только на 75 миллионов. После октября, в ноябре я готов с Вами опять разговаривать. Мне до осени надо заплатить для Англии в Америку за хлопок более 200 млн. фунтов, за хлеб более 150 млн. фунтов и т. д., теперь ведь пойдет реализация урожая. Вот когда это кончится, быть может, я найду деньги и для Вас. *Если же Вы хотите получить все кредиты сейчас, дайте мне 30% золота.* За 30% золота я дам Вам кредит на все 100%. Не иначе»¹⁵².

Барк добивался «чистых кредитов» без высылки золота. Кредиты должны были быть открыты в силу союзнических обязательств, для победы над общим врагом. «За 30% золота я и без вас, где угодно, в Америке найду кредит,— отвечал Барк.— Я согласен только на получение чистого кредита»¹⁵³.

¹⁵² ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916 г., д. 66, лл. 96—102. Рапорт ген. Михельсона от 9 августа 1916 г. (Курсив наш.— А. С.).

¹⁵³ Там же.

Однако это вовсе не означало, что Барк категорически отказывался при всяких условиях выслать золото. В целях поддержания курса английского фунта Барк соглашался выполнить взятое обязательство о ссуде золота Англии, если его запасы в Английском банке опустятся ниже обусловленного договором уровня. «Я, однако, не вижу оснований к тому, чтобы Россия делала вторую посылку золота, когда Франция еще не сделала первой», — говорил Барк ¹⁵⁴.

Ход переговоров действительно был нелегок. Англичане на этот раз предъявили требование о высылке золота в удвоенном количестве по сравнению с соглашением 1915 г. Тогда при кредите в 300 млн. фунтов русское правительство должно было выслать золота в количестве 40 млн. фунтов; половина этой суммы и была выслана правительством в два приема: на 49 млн. долларов в декабре 1915 г. и на 49 млн. долларов в июне 1916 г.; другая половина еще оставалась за русским правительством. Летом же 1916 г. канцлер казначейства требовал те же 40 млн. фунтов золотом при кредите, в два раза меньшем (150 млн. ф. ст.). Он предложил и другой вариант: «высылку золота в 20 млн. ф. ст. при кредите в 75 млн. ф. стерлингов» ¹⁵⁵.

Это было совершенно неприемлемое и недостойное предложение прежде всего с точки зрения плана обеспечения потребностей фронта, о чем было заявлено ген. Беляевым. Он согласился на уменьшение кредитов до 150 млн. руб. в месяц в течение полугода, но категорически отказался от дальнейшего сокращения суммы заказов. Беляев заявил, что если начальник штаба верховного главнокомандующего России ген. Алексеев «узнает о неполной обеспеченности дальнейших снабжений, то это произведет в Ставке самое неблагоприятное впечатление и может явиться необходимостью в изменении стратегических планов» ¹⁵⁶. Даже Барк и тот напомнил англичанам о том, что только ценой русских жертв в Восточной Пруссии союзниками была одержана Марнская победа. Тяжелое положение со снабжением, в котором вновь бы оказалась русская армия, заявил Барк, должно отозваться на положении английской армии. Лишь после этого выступления Барка Мак-Кенна «немедленно согласился на дачу всех 150 миллионов сразу..., сохранив однако свое первоначальное чрезмерное требование золота» ¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Там же. Барк имел в виду Булонское соглашение англичан с французами.

¹⁵⁵ Там же, ф. 560, оп. 38, д. 193, лл. 45—60.

¹⁵⁶ Там же, ф. 1524, оп. 1, д. 66, лл. 96—102. Рапорт Михельсона от 9 августа 1916 г.

¹⁵⁷ Там же.

Англичанам пришлось пойти и на некоторые другие уступки. Так, они согласились, чтобы русское правительство разместило новые заказы на сумму до 150 млн. ф. ст. за четыре месяца, с августа по декабрь 1916 г., по 37,5 млн. фунтов ежемесячно, вне зависимости от того, что месячные кредиты открывались по 25 млн. фунтов. Расходы по тяжелой артиллерии англичане согласились оплачивать сверх кредитов. На поддержание курса рубля выделялся ежемесячный кредит в 1,5 млн. ф. ст., что являлось, по словам Барка, «огромной принципиальной уступкой» со стороны Мак-Кенна и имело большое значение для устойчивости рубля. «Свободный кредит» в распоряжении русского правительства был повышен с 2 до 2,5 млн. ф. ст. в месяц. Мелкие платежи по заказам до 5 тыс. фунтов могли производиться без сношения с казначейством. Обязательства казначейства, срок которых истекал, возобновлялись на срок спустя год после заключения мира. Краткосрочные государственные долги России консолидировались путем выпуска займа на английском денежном рынке при посредстве английского правительства. Размер учетного процента по обязательствам оставался на прежнем уровне, т. е. на 1% выше ставки Английского банка, и в размере ставки Английского банка, если бы она была повышена сверх 5%.

Однако серьезнейшие разногласия обнаружились опять-таки по вопросу о золоте, высылки которого Мак-Кенна добивался с нервной настойчивостью. Это разногласие, по словам Барка, осталось неустраненным¹⁵⁸. Барк доказывал неприемлемость для России высылки золота, но это мало действовало на англичан.

Именно в ходе переговоров с Мак-Кенна Барк узнал, что англичане «надули» Россию. По сентябрьскому соглашению 1915 г. Россия обязалась выслать золото при условии, если и Франция вышлет его в равном с Россией количестве. Фиск правильно считает, что Булонское совещание англичан и французов в августе 1915 г., предшествовавшее соглашению трех министров, было созвано с целью вынудить у Барка согласие на высылку золота. Барк узнал от Рибо, что только русские послали золота на 200 млн. руб., а французы не выслали ни одного франка. Это было подтверждено в Лондоне и самим канцлером казначейства. Тогда Барк заявил,

---

¹⁵⁸ Г. Фиск неправильно изображает позицию русского министра финансов в ходе этих переговоров. По его словам, Барк сдался перед настойчивыми требованиями английского министра финансов и согласился в обмен на кредит в сумме 750 млн. долларов на отправку золота в сумме 58 млн. долларов по обязательствам 1915 г. и 97 млн. долл. по текущим обязательствам (Г. Ф и с к. Указ. соч., стр. 162).

что он считает себя свободным от выполнения обязательства в части высылки второй половины золота ¹⁵⁹.

Споры о золоте приняли затяжной характер. Обе стороны стояли на своем. Барк на этот раз держался более стойко: он чувствовал, что во время военных успехов наступления Брусилова его поддержат и думские круги, и правительство. «Вы требуете от меня такого количества золота,— заявил Барк Мак-Кенна,— которого я дать не могу. Золотой запас это последний якорь, на котором держится наше денежное обращение» ¹⁶⁰. Он пошел даже на крайне рискованное заявление о том, что и формально лишен возможности подписать обязательство на высылку золота, так как Государственная дума уже «вотировала законопроект, лишаящий меня права распоряжаться им».

Правда, он тут же добавил, что «это еще не закон», но весьма недвусмысленно дал понять англичанам, что этот вопрос должен быть представлен на рассмотрение Совета министров.

Однако это заявление Барка произвело паническое впечатление прежде всего на посла России в Лондоне Бенкендорфа. Узнав об обсуждении в Государственной думе поправки «о создании неприкосновенных золотых резервов», что было равносильно запрещению вывоза золота, он немедленно обратился в Петербург с большой секретной телеграммой ¹⁶¹. В ней Бенкендорф изложил свой взгляд на результаты, которые будут иметь принятие столь «радикальной законодательной меры». По его мнению, даже если проект не превратится в закон, то решение Думы будет достаточным, чтобы «поколебать кредит, который нам совершенно необходим» в Англии; во-вторых, авторитет министра финансов будет подорван, и он будет скомпрометирован, «так как никто в Англии не поймет, почему возможна эта законодательная мера без его ведома и в его

---

¹⁵⁹ В черновом наброске журнала Совета министров слова Барка о высылке золота записаны так: «Окончательно вопрос о высылке был отрегулирован так, что мы должны были выслать наравне с англичанами и французами. На этих основаниях и состоялось соглашение в Булони. Мы это соглашение исполнили, а французы золота не предоставили. Это побудило меня быть еще более осторожным в вопросе высылки золота. Но все-таки я понял, что если мы хотим сохранить кредит, мы должны выслать золото. В последней конфиденциальной беседе я взял на себя обещание выслать 20 млн. фунтов» (ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 227—230).

¹⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916 г., д. 66, лл. 96—102. Рапорт Михельсона.

¹⁶¹ АВПр, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 222, лл. 104—105. Гектографированная копия телеграммы от 29/16 июня 1916 г. Телеграмма Бенкендорфа была признана столь важной, что 22 июня была доложена царю, который согласился с автором, написав: «Правильный взгляд».

отсутствии». Бенкендорф шел очень далеко в своих выводах о последствиях этой меры и даже предполагал, что «это есть скрытое допущение преждевременного и предпочтительного мира», что в переводе на простой язык означало заключение сепаратного мира с Германией. Даже от одного только голосования в Думе кредит России, по словам Бенкендорфа, должен был пострадать, а финансовые жертвы страны возрасти. Сам Барк, по-видимому, был далек от таких пессимистических прогнозов, но телеграмма Бенкендорфа получила одобрение Николая. Впрочем, и без этого по вопросу о русском золоте англичане были неумолимы.

Барк обратил внимание Мак-Кенна на «ошибочность» политики англичан, когда они поддерживают свой кредит в США путем высылки золота, «так как золотые запасы всех союзников недостаточны для удовлетворения все возрастающих платежей в Америке, и что, идя по этому пути далее, мы все окажемся банкротами; что надо было обязать американцев финансировать их собственными средствами наши заказы, в коих их страна крайне заинтересована, и что без крупных кредитов в Америке союзники не будут в состоянии в дальнейшем пользоваться американским рынком». Однако Мак-Кенна убедил Барка в том, что без золота Англии не получить американских кредитов, а без них и союзники должны будут оплачивать свои заказы «исключительно звонким металлом в полной стоимости товаров»¹⁶².

И на этот раз Барк не устоял до конца. Убеждения лордов Кенлифа, Ревелстока и Ридинга толкнули его на путь компромисса: вместо полного отказа в высылке золота «я в последней доверительной беседе,— пишет Барк,— наедине с канцлером казначейства предложил компромисс, в виде частичного удовлетворения пожелания англичан»¹⁶³, но они не пошли и на это предложение Барка, который уехал из Лондона, не подписав соглашения¹⁶⁴.

Он не привез с собой новых кредитов, и размещение новых заказов было прекращено, так как английское правительство, основываясь на том, что «финансовое соглашение еще не подписано», прекратило выдачу кредитов по новым заказам. Русское правительство теряло предприятия, которые развили свою производительность и готовы были принять новые заказы¹⁶⁵. Формальная позиция английского правительства побудила

¹⁶² «Красный архив», т. 5, стр. 78, 79.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Все остальные пункты соглашения, кроме пункта, касающегося золота, были согласованы.

¹⁶⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 336. Телеграмма ген. Гермониуса из Лондона от 6 августа 1916 г.

Барка обратиться к председателю Совета министров Штюмеру с письмом, в котором он сообщал, что позиция Англии «не находит себе ныне достаточных оснований», так как все основные пункты соглашения (кроме пункта о золоте) были согласованы. Он просил Штюмера (являвшегося и министром иностранных дел) поручить Бенкендорфу предпринять шаги перед английским правительством, чтобы устранить нежелательные задержки в открытии кредитов на новые заказы¹⁶⁶. Согласованный проект финансового соглашения, за исключением пункта о золоте, уже был готов, и он фигурировал во время совместного заседания («соединенного присутствия») Совета министров и Комитета финансов, которые 27 июля 1916 г. слушали устный доклад Барка «Об условиях нового с союзными державами финансового соглашения»¹⁶⁷.

По первому пункту согласованного проекта финансового соглашения с Англией¹⁶⁸ обе стороны согласились рекомендовать своим правительствам утвердить повышенную сумму расходов по новым кредитам, произведенным русским правительством по соглашению 1915 г. Первоначально намеченная сумма в 54 млн. ф. ст. повышалась до 97,5 млн. ф. ст.

Во втором пункте говорилось об открытии русскому правительству нового кредита с октября 1916 г. до 1 апреля 1917 г. по 25 млн. ф. ст. ежемесячно на тех же условиях, которые были установлены сентябрьским соглашением 1915 г., «с последовавшими к нему дополнительными соглашениями», т. е. с ограничениями в расходовании этих средств. Из этого кредита должны были оплачиваться заказы русского правительства в Британской империи, в Соединенных Штатах Америки и частично в Италии, а также поставки британского правительства сверх суммы в 97,5 млн. ф. ст. На счет общего кредита относились также кредиты на поддержание валюты, на

---

¹⁶⁶ Там же, д. 193, л. 253. Письмо Барка Штюмеру от 20 августа 1916 г.

¹⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 381—387. Печатная копия особого журнала соединенного присутствия Совета министров и Комитета финансов. В том же деле содержится проект журнала, текст которого значительно расходится с окончательным текстом. Объяснялось это большой правкой министрами своих речей (лл. 245—255), так как некоторые из них испугались тех резких выражений, которые были ими произнесены в ходе обсуждения. Там же имеется докладная записка А. Путилова (лл. 379—380) по поводу исправлений этого журнала и краткая черновая запись хода обмена мнений (лл. 227—230), представляющая особый интерес.

¹⁶⁸ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 376—380. Проект финансового соглашения с Англией. Проект попал в этот фонд потому, что председатель Совета министров Штюмер был и министром иностранных дел. Документ имеется и в других архивных фондах.

невоенные закупки и другие платежи. В этом же пункте был определен и более свободный, чем раньше, порядок расходования всего кредита в течение 4 месяцев.

Расходы на артиллерию (около 30 млн. ф. ст.) не включались в сумму кредита. 275 тыс. ф. ст. в месяц предназначались для платежа в скандинавских странах.

Однако заказы в Соединенных Штатах должны были составлять не более половины всех новых заказов (пункт четвертый). Английское правительство согласилось с предложением русского правительства о том, что заказы должны быть готовы к отправке в Россию не позднее 1 июля 1917 г.

Из ежемесячного кредита в свободное распоряжение русского правительства выделялась сумма в 4 млн. ф. ст., из которой 2,5 млн. фунтов можно было обратить на оплату сырых материалов, а 1,5 млн. фунтов — на урегулирование англо-русского вексельного курса (пункт шестой). Английское правительство согласилось ограничить процент за учет краткосрочных обязательств русского казначейства ставкой не свыше 5% (пункт седьмой). Английское правительство обязалось возобновлять учет обязательств, сроки которых истекали, а в будущем, спустя год после войны, консолидировать их путем выпуска долгосрочного займа.

В последнем восьмом пункте зафиксировано решительное расхождение точек зрения английского и русского правительства в отношении золота. Правда, Англия соглашалась выдать за русское золото боны британского правительства, которые должны приносить тот же процент, что и боны русского правительства. Но вместе с тем Англия требовала немедленной — до конца августа — отправки золота на 20 млн. ф. ст. в погашение долга по соглашению 1915 г., с тем чтобы последующие партии отправлялись с января 1917 г. Русское правительство отказывалось вывозить золото по соглашению 1915 г. и предлагало золота по соглашению 1916 г. в два раза меньше, чем просили англичане. Кроме того, русская сторона выговаривала более благоприятные для себя сроки вывоза золота.

Как отнеслось русское правительство к подготовленному соглашению с Англией и к данному Барком согласию на вывоз новой партии золота из России? Достаточно подробное и ясное представление об этом дают «Особый журнал соединенного присутствия Совета министров и Комитета финансов»¹⁶⁹, а также документы, близко связанные с ним. Это был первый случай за время войны, когда правительство заседало совместно с Комитетом финансов, что уже само по себе указывало на особое значение обсуждавшихся вопросов.

¹⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, л. 381—387.

Вопрос о соглашении с Францией не вызывал на заседаниях особого обсуждения, ибо соглашение представляло простое продолжение соглашения 1915 г. Французский кредит полностью обеспечивал текущие потребности России в платежах по займам и по заказам во Франции. Предоставленные кредиты даже не были полностью использованы Россией. Французское правительство словесно изъявило готовность расширить кредит, если промышленность будет в состоянии принять больше заказов. Несогласованные вопросы касались мелочей — платежей в малых странах, не игравших сколько-нибудь значительной роли в военном снабжении России.

Куда более важное значение имели английские кредиты. Они связывали военное хозяйство России помимо Соединенного Королевства с рынками США и Японии и обеспечивали реальное усиление военного потенциала России. Прекращение кредитов привело бы к быстрому выходу России из войны. Это понимали обе стороны и поэтому стремились избежать подобного результата. Тем не менее русское правительство должно было критичнее оценить отказ Англии заключить соглашение на более длительный срок, чем 6 месяцев. Недаром в журнале «Соединенного присутствия» отмечается, что при переговорах пришлось встретиться с «большими трудностями». Но отметив этот факт, Барк и правительство стремились затушевать их второстепенными уступками англичан. В качестве «серьезного успеха» отмечалось открытие кредита в 1,5 млн. ф. ст. для поддержания курса валюты или согласие Англии на небольшое снижение процента по займам и консолидацию краткосрочных займов в долгосрочные спустя год после окончания войны. Этим и ограничивались все достижения министра финансов, и эти «достижения» тускнели перед непомерными требованиями англичан о высылке им русского золота.

Само русское правительство, конечно, понимало, что новое требование в количестве 40 млн. ф. ст. за кредит в 150 млн. фунтов (плюс 20 млн. фунтов долга по кредиту 1915 г.) — не шуточное дело. Однако оно подходило к оценке этого факта узко-делачески, исключительно с точки зрения отрицательного влияния утечки золота на денежное обращение. Барк стремился успокоить своих коллег заявлением о том, что этот вывоз золота является «возвратной» ссудой на несколько лет. Министру путей сообщения Трепову этого было достаточно. Ему казалось, что произойдет не реальное уменьшение золота в России, а «лишь перемещение в Англию, для обеспечения английского казначейства»¹⁷⁰. Но участники заседания кн. Шаховской, Покровский и особенно Тимашев отлично понимали, что золото

¹⁷⁰ Черновая запись обмена мнений соединенного присутствия.

будет потеряно, что «мы это золото назад не получим». Неудивительно, что в ходе обсуждения раздалась такие резкие слова, как «петля» или «домоательства союзной державы»¹⁷¹.

Барк стремился как-то обосновать эти «домоательства», придать им характер безусловной необходимости. Однако весь фактический материал показывал, что эти «домоательства» не были вызваны серьезной необходимостью. Россия уже вывезла золота на 20 млн. фунтов, между тем «как Франция не тронула своего золотого запаса», — значит Англия не требовала с ее стороны золота потому, что оно не было необходимо. Золотой запас Английского банка держался на высоком уровне и, следовательно, требование Англии являлось необоснованным.

В проекте журнала соединенного присутствия была довольно резко зафиксирована «*несомненная неправильность*», допущенная Англией в применении предыдущего договора (Булонского соглашения) к России и Франции. В окончательном тексте журнала эта характеристика смягчена до выражения: «допущено некоторое несоответствие»¹⁷². Но как бы то ни было, русское правительство использовало юридическое нарушение Булонского соглашения и заявило об отказе дальнейшей высылки золота по прошлогоднему соглашению.

Вслед за Барком в Совете министров выступили военные и неожиданно стали расхваливать «ценные» результаты соглашения с точки зрения государственной обороны. За два месяца до этого ген. Фролов достаточно определенно критиковал соглашение 30 сентября 1915 г. и доказывал Барку, что для обороны нужен кредит не менее чем в 3,5 млрд. руб. Он решительно отверг названную Барком сумму в 1,7 млрд. руб., признав ее совершенно недостаточной. Сейчас же, когда развернулась военная промышленность в Англии, США и Японии, когда, следовательно, были созданы более благоприятные условия для быстрого выполнения заказов, открываемый кредит был признан «достаточным». Кроме ген. Фролова в пользу соглашения высказался и начальник Генерального штаба ген. Беляев. По-видимому, представители военных кругов «забыли», что, кроме больших расходов по учету, 4 млн. ф. ст. ежемесячных «свободных кредитов» и некоторых других сумм, на новые военные

¹⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, л. 381—387. Журнал соединенного присутствия.

¹⁷² Франция не выслала в Америку «ни одного соверена», а после реализации в США англо-французского займа объявила Булонское соглашение утратившим силу. Узнав об этом, Барк предупредил Бенкендорфа, что и Россия не считает себя больше связанной этим соглашением и отказывается от высылки 20 млн. фунтов по соглашению 30 сентября 1915 г., «пока Франция, с своей стороны, не выполнит принятых на себя обязательств».

заказы оставалось не более 100 млн. фунтов, причем значительно выросли потребности железных дорог и сельского хозяйства, которые должны были быть удовлетворены за счет той же суммы в 100 млн. фунтов.

Совет министров не проявил смелости и решительности, чтобы заявить Англии свои претензии настойчиво и властно. Тот же государственный контролер Покровский, за исключением пункта о золоте, в конце концов признал условия нового соглашения «сравнительно благоприятными», или, как записано в проекте журнала, «вполне для нас приемлемыми». Между тем именно он хорошо и убедительно доказал, что правительству «не следует, однако, предаваться преувеличенной уверенности в обратном получении ссужаемого металла», что великобританское правительство может использовать многие средства воздействия, чтобы заставить Россию отказаться «от требования возврата ссуженных в золотой валюте сумм»¹⁷³. Поэтому в проекте журнала было зафиксировано, что своевременное получение золота не является обеспеченным.

Некоторые члены соединенного присутствия открыто говорили о том, что позиция Англии в отношении русского золота объясняется «желанием всемерно ослабить финансовую помощь нашей родине, чтобы в момент ведения будущих мирных переговоров» обеспечить «наиболее действительные способы и средства воздействия на русское правительство в видах достижения своих специальных целей, не отвечающих нашим государственным интересам»¹⁷⁴.

До мирной конференции было еще далеко, и членам кабинета следовало бы более внимательно и здраво оценивать позицию Англии в настоящее время. Такую оценку мы находим в рапорте ген. Михельсона, который сообщал военному министру о том, что еще по началу конференции было видно «желание министра Мак-Кенна *идти дальше по пути захвата экономического влияния в России* и не было никакой надобности делать те уступки, которые были сделаны на предварительных совещаниях и на заседаниях четырех министров финансов». По мнению Михельсона, уступка Барка и Беляева на 50% подействовала ободряющим образом «на захватную тенденцию англичан, дав им возможность считать, что мы признавались в запрашивании на 50%»¹⁷⁵. Михельсон сомневал-

¹⁷³ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 381—387. Проект журнала соединенного присутствия. Мы уже говорили о том, что Совет министров обратил большое внимание на окончательную редакцию журнала, где были решительно исправлены и смягчены все антианглийские высказывания.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916 г., д. 66, лл. 96—102. Рапорт ген. Михельсона военному министру. (Курсив наш.— А.С.).

ся в том, что русское правительство получит целиком и остальные 50%, зафиксированные в проекте, так как неизменными сохранились весьма важные ограничения старого договора. Поэтому он вполне обоснованно предполагал, что «под давлением английского контроля и волокиты в ответах мы своевременно не израсходуем даже тех 50%, которые нам даны, и впоследствии будут говорить, что дело стало не за кредитом, а за невозможностью разместить заказы».

Вопрос о неиспользованных «остатках» от прежнего кредита (около 1 млрд. руб.), занимавший такое важное место в подготовке нового соглашения, теперь никем и не ставился. По существу Барк не выполнил мартовского наказа Совета министров об условиях нового финансового соглашения ни в отношении суммы кредита, ни в отношении условий пользования им. Но об этом не раздалось ни одного слова со стороны членов Совета министров. Выгодная военная ситуация лета 1916 г., добытая благодаря жертвам русского народа, не была использована царским правительством. Оно уже не могло занять никакой самостоятельной позиции, превратившись в жалкую агентуру антантовского империализма. Поэтому оно не могло «отрицать известной вескости» соображений, которыми «руководствуется английское казначейство».

Для очистки совести в журнале отметили «преувеличенность» английских опасений в отношении валютных трудностей. Но окончательное решение свелось к одобрению позиции министра финансов: «Нам надлежит всемерно настаивать, — говорилось в журнале — в согласованности с предположениями министра финансов»¹⁷⁶. «Предположения» же Барка, как известно, свелись к тому, что он дал согласие на высылку золота в количестве 20 млн. ф. ст. вместо 40 млн. фунтов, если расходы по тяупадут ниже 70 млн. ф. ст. Однако Мак-Кенна не согласился желой артиллерии не будут отнесены за счет кредита в 150 млн. ф. ст. и если запасы золота в Английском банке с этим и предложил разделить высылку золота на две части: первую из них выслать, когда золотая наличность в Английском банке упадет ниже 80 млн. ф. ст., а вторую (20 млн. ф. ст.), — когда золотая наличность упадет ниже 70 млн. фунтов¹⁷⁷.

¹⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 381—387. Особый журнал соединенного присутствия. Второй пункт решения обязывал министров пересмотреть заграничные военные заказы и отменить те из них, которые утратили свое значение.

¹⁷⁷ Сб. «Монархия перед крушением. 1914—1917 гг.», под ред. В. П. Семенникова. М.—Л., 1927, стр. 129—130. Доклад председателя Совета министров Штюрмера от 30 июля 1916 г. Николаю II. Доклад дает очень краткое суммарное изложение решений соединенного присутствия в позиции Барка.

Хотя известия с фронтов были благоприятны, Совет министров все же поддержал министра финансов. Высылка золота была ограничена 20 млн. ф. ст. в два приема и при условии снижения золотой наличности Английского банка ниже 70 млн. ф. ст., о чем незамедлительно было поставлено в известность английское правительство¹⁷⁸.

На следующий же день после соединенного присутствия Штюрмер и Барк отправили Бенкендорфу подробную телеграмму, в которой была изложена позиция русского правительства. Бенкендорф обязан был передать ее великобританскому правительству¹⁷⁹. Сообщалось также, что получено согласие министра финансов Франции Рибо на высылку в Англию 40 млн. фунтов золота. При этих условиях получалось, что если английское правительство со своей стороны выделит 40 млн. ф. ст., то образуется фонд в 120 млн. фунтов, которым английское правительство могло располагать в США¹⁸⁰. Этот фонд, говорилось в телеграмме, явится достаточным, чтобы пережить «трудные месяцы», связанные с президентскими выборами в США, после которых будет возможно совершить крупную кредитную операцию. В телеграмме выражалась уверенность, что союзники не допустят «дальнейших задержек» в размещении срочных военных заказов России и немедленно откроют новый кредит в 150 млн. ф. ст.

Однако согласия Англии на эти условия не последовало. Только 18 августа 1916 г. английское правительство приняло решение пойти на уступку России в отношении количества золота, согласившись уменьшить его сумму с 40 до 20 млн. ф. ст.¹⁸¹. Английское правительство, согласившись на это «крайне существенное уменьшение золота», сообщило также, что не будет требовать его высылки ранее 1 января 1917 г. Телеграфируя об этом, Бенкендорф заверял, что английское правительство «очень серьезно» понимает русские интересы. Одновременно Мак-Кенна сообщил Бенкендорфу, что французское правительство окончательно приняло меры к отправке золота по Булонскому соглашению 1915 г.

¹⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 381—387. «Особый журнал соединенного присутствия» от 27 июля 1916 г. Характерно, что утверждение журнала соединенного присутствия затянулось до окончательного выяснения результатов переговоров с Англией (журнал был утвержден Николаем II только 23 сентября 1916 г.).

¹⁷⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 319—319 об. Машинописная копия телеграммы от 28 июля 1916 г.

¹⁸⁰ В телеграмме указывалось на согласие русского правительства доставить остаток в 20 млн. ф. ст. по соглашению 1915 г., так что общая сумма золота, подлежащего высылке Россией, поднималась до 40 млн. фунтов, т. е. до той суммы, которая падала также на долю Англии и Франции.

¹⁸¹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 274, Телеграмма Бенкендорфа, № 541.

Существенная уступка английского правительства в отношении количества золота не удовлетворила русское правительство в том отношении, что Англия не уступила в определении условий, при которых русское правительство обязано было доставить золото. По мнению английского правительства, высылка русским правительством золота должна была происходить по требованию («at the request») Английского банка в случае действительной необходимости в ней, которую опять-таки установит сам банк¹⁸². Характерно, что и на этот раз Бенкендорф был на стороне Англии. По его мнению, установление уровня золотых запасов Английского банка относилось только к высылке 40 млн. ф. ст. золота. После же главной уступки Англии в отношении количества золота Бенкендорфу казалось «ни возможным, ни справедливым спорить с Англией по вопросу о еще какой-либо степени гарантии, чем та, которая переводится словом at the request. Это ставится условием при новой уступке, и английское правительство, по моему мнению, не сможет без него обойтись; вся ценность сделанной уступки дает ему, как мне кажется, некоторые права на признак доверия с нашей стороны»¹⁸³. Далее Бенкендорф уверял, что Мак-Кенна потребует золото только в случае действительной необходимости.

Бенкендорф пытался рассеять впечатление, будто своим требованием золота английское правительство желало создать затруднения для России или задержать размещение русских военных заказов. Посол не разделял этих взглядов, к которым пришло и само правительство. По его мнению, английское правительство «делает все возможное, чтобы помочь нам в наших затруднениях». Поэтому он категорически высказывался за принятие английских предложений «без дальнейших попыток изменений их, которые в лучшем случае потребовали бы задержки наших наиболее срочных военных заказов и вызвали бы здесь чувство разочарования; со всех точек зрения досадного и неблагоприятного». Позиция посла показывает, что он слишком хорошо понимал условия и трудности Англии и совсем не понимал насущных потребностей и понесенных жертв той страны, которую он представлял.

В последующей переписке с Министерством иностранных дел Бенкендорф выражал сомнение в возможности дальнейших уступок со стороны Англии и опасался, что на русское правительство падет «обвинение в затягивании переговоров»¹⁸⁴.

¹⁸² АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., л. 193, лл. 254—256. Копия телеграммы Бенкендорфа от 31/18 августа 1916 г.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же, л. 262. Копия телеграммы Бенкендорфа от 1 сентября (19 августа) 1916 г.

28 августа 1916 г. Штюмер и Барк послали Бенкендорфу развернутую телеграмму, в которой достаточно определенно заявлялось, что русское правительство «никоим образом не могло бы принять изменение, предложенное по вопросу о пересылке золота». Ссылаясь на решение Комитета финансов, Штюмер и Барк заявляли, что доставка России золота может быть затребована Англией «только в тех случаях, когда этого потребуют *обстоятельства*, иными словами, когда запасы Английского банка падут ниже уровня, определяемого в 70 млн. фунт. ст., а не тогда, когда английское правительство сочтет необходимым его получить». Это расхождение взглядов русского правительства и Англии носило принципиальный характер и имело особенно большое значение в отношении будущих кредитов.

Для личной ориентировки посла Барк подробно изложил русскую и английскую точки зрения на связь между вопросами о кредитах и высылкой золота. «Министр финансов,— писал Барк,— никогда не допускал принцип о соотношении, который должен существовать между цифрами кредита и суммами пересылаемого в связи с этим золота. Этот образ действий, принятый английским правительством в 1914 г., всегда вызывал протесты министра финансов, чье мнение в дальнейшем восторжествовало». В телеграмме послу сообщалось, что Барк готов поставить в Комитете финансов вопрос о согласии русского правительства выслать в Лондон золота на 10 млн. фунтов, если золотая наличность Английского банка упадет ниже 80 млн. ф. ст., с тем чтобы вторые 10 млн. фунтов были высланы только тогда, когда запас Английского банка упадет ниже 70 млн. фунтов. Штюмер сообщал послу, что «по всей вероятности» Комитет финансов согласится на такую уступку, но выражалось желание, чтобы изложенные условия были бы потребованы английским правительством для того, чтобы русское правительство их потом приняло. Правительство хотело сохранить хорошее лицо при плохой игре.

Эта телеграмма, по-видимому, оказала известное влияние на позицию англичан. 14/1 сентября Бенкендорф телеграфно сообщил английскую точку зрения на основы соглашения с Россией¹⁸⁵. В телеграмме содержались сведения, вошедшие в английскую памятную записку, врученную на следующий день в Петрограде. Телеграмма Бенкендорфа содержала важные сведения о том, что Англия отказалась от принципа высылки России золота по требованию («at the request») и независимо от точного размера английского золотого запаса («irrespective of

¹⁸⁵ Там же, л. 274. Телеграмма № 541 (получена в Петрограде 22/9 сентября 1916 г.).

precise amount of the British gold reserve»). Был принят также принцип министра финансов Барка о невозможности связывать кредиты России с отправкой золота. Вместе с тем со всей решительностью указывалось, что резерв Английского банка повышался до 85 млн. ф. ст. Если он падал ниже 85 млн. фунтов, то посылка русского золота на сумму 20 млн. фунтов становилась обязательной. Английское правительство сделало «наиболее существенную уступку» в отношении суммы золота и надеялось на контруступку со стороны России. Бенкендорф предупреждал, что он никоим образом не может гарантировать согласие англичан на минимум золотого запаса в 80 млн. фунтов и определял его в 83,5 млн. фунтов. Английское правительство считало «абсолютно необходимым сохранить его выше этого уровня». Поэтому Бенкендорф столь же определенно предупреждал, что минимум ниже этой цифры (на чем настаивало русское правительство) «не имеет никакого основания быть принятым». Представитель английского правительства сообщил Бенкендорфу, что согласие Англии на снижение количества русского золота до 20 млн. ф. ст. стало возможно только теперь, т. е. после согласия французов на доставку Англии золота¹⁸⁶. Бенкендорф предупреждал русское правительство, что если соглашение окажется не подписанным до 1 октября (н. ст.), то положение с кредитами станет «исключительно серьезным и критическим», в частности отпуск свободного кредита будет «действительно приостановлен». Бенкендорф убеждал русское правительство поскорее подписать соглашение, так как «насуточные интересы» России удовлетворены англичанами в соответствии с пожеланиями русского правительства. Бенкендорф, по-видимому, не понимал, что, настаивая на низком уровне английских запасов, русское правительство фактически добивалось оставления золота в России.

Наиболее полно английская точка зрения выражена в памятной записке, переданной английским посольством в Петрограде 2/15 сентября 1916 г.¹⁸⁷ В этом документе прежде всего подтверждалось, что английское правительство будет твердо придерживаться позиции, изложенной в письме казначейства от 18 августа, переданной ранее в телеграмме Бенкендорфа.

В записке настойчиво разъяснялось, что уровень золотого резерва, намеченный русским правительством (ниже 70 млн.

---

¹⁸⁶ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 298. Ссылаясь на сообщение агента Министерства торговли и промышленности в Лондоне Ермолаева, Бенкендорф еще 31 августа (13 сентября 1916 г. сообщил о согласии Франции вывезти не 40, а 50 млн. ф. ст. золота.

¹⁸⁷ Там же, л. 313. Машинописная копия.

ф. ст.), явится вредным для английского кредита и что такая политика вывоза золота оказалась бы «необоснованной с точки зрения русского правительства, как и их собственной».

В записке приводились две существенные фактические справки. Во-первых, указывалось на согласие французского правительства отправить не меньше 50 млн. ф. ст. золота, когда бы оно ни потребовалось; золото должно было отправляться партиями не меньше 5 млн. ф. ст. в неделю, совершенно независимо от уровня английского запаса, причем первый взнос Франция уже сделала. Вторая справка касалась отправки английского золота в США. Была названа сумма свыше 220 млн. ф. ст., из которых менее 100 млн. было внесено Россией, Францией и Италией, а более 120 млн. фунтов «поступило из наших собственных ресурсов» (т. е. английских).

Все содержание памятной записки должно было убедить русское правительство в том, что золото должно высылаться только в случае «действительной необходимости», а не для увеличения золотого запаса Англии; во-вторых, Россия должна высылать золото до того, когда доверие к английскому кредиту будет поколеблено, а не после того (т. е. при высоком резерве золота, а не низком), ибо в последнем случае русского золота окажется недостаточно, чтобы восстановить положение.

Приведенные английским правительством аргументы «убедили» Барка и заставили его капитулировать. 4 сентября 1916 г. он обратился с письмом к Штюрмеру, в котором предложил утвердить соглашение с Англией, приняв ее точку зрения¹⁸⁸.

6 сентября 1916 г. состоялось заседание Совета министров, которое интересно в том отношении, что Барк под влиянием состоявшегося накануне обсуждения вопроса в Комитете финансов¹⁸⁹ заколебался и вновь признавал «желательным понизить» предел золотого запаса Английского банка до 80 млн. ф. ст. Однако он тут же сманеврировал и предложил в соответствии с заключением Комитета финансов «пойти на соответствующие уступки, если бы продолжение переговоров замедлило подписание соглашения и открытие нам необходимых кредитов на военные заказы, что могло бы угрожать тяжелыми последствиями для снабжения армии»¹⁹⁰.

¹⁸⁸ Там же, д. 192, лл. 339—340; ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 308, лл. 390—391.

¹⁸⁹ 5 сентября 1916 г. состоялось заседание Комитета финансов, на котором высказывались пожелания о понижении уровня золотых запасов Английского банка до 80 млн. ф. ст., но все же было принято окончательное решение «пойти на уступки» англичанам.

¹⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 10, 1914 г., д. 368, лл. 416—417. Копия особого журнала заседания Совета министров от 6 сентября 1916 г.

В этом духе и состоялось постановление Совета министров, которое лишь затягивало окончательное решение вопроса и создавало только видимость оппозиции, поскольку согласие на английские условия принципиально уже было предreshено.

На следующий день после заседания Совета министров, 7 сентября 1916 г., английскому послу была вручена памятная записка, явившаяся ответом на английскую памятную записку от 15/2 сентября¹⁹¹. Внимание этого документа было направлено на то, чтобы доказать необоснованность английского требования о 85 млн. ф. ст. золотого резерва. Такое требование, указывалось в памятной записке, «противоречило бы» прежним соглашениям о финансовых операциях России и Англии, в которых уровень золотых запасов определялся ниже 80 млн. фунтов. Комитет финансов не усматривал причины, по которой он мог бы пересмотреть решенный вопрос, «тем более, что уровень золотого запаса Соединенного Королевства колеблется между 80 и 90 млн. ф. ст.». Русское правительство обращало внимание английского правительства на то, что требование последнего сделает в настоящий момент доставку золота *принудительной*.

Русское правительство заявляло о готовности выполнить свои обязательства по доставке золота при условии, если золотые запасы Англии будут ниже 80 млн. ф. ст. Документ заканчивался указанием на то, что доставка золота является для России «громадной жертвой», так как сокращение запасов золота в стране снижало золотое обеспечение кредитных билетов до 10%. В дальнейшем этот аргумент станет повторяться в еще более категорической форме.

Барк и все правительство в целом не могли рассчитывать на новую уступку англичан, а на решительную борьбу с ними правительство не хотело идти. За стенами Совета министров было далеко не спокойно. Военный министр ген. Шуваев информировал начальника штаба верховного главнокомандующего ген. М. В. Алексеева о действительных причинах задержки с подписанием финансового соглашения. Виновником такого положения, по его словам, являлась Англия, которая требует выплаты золота «безотносительно к уровню золотой наличности в Английском банке, а в связи с займом»¹⁹².

---

¹⁹¹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 301—302. Судя по ответной памятной записке посла Великобритании, памятная записка от 20/7 сентября 1916 г. была вручена английскому послу во время приема его председателем Совета министров и министром финансов 21/8 сентября 1916 г.

¹⁹² ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, лл. 217—218. Копия письма Шуваева Алексееву от 7 сентября 1916 г. По-видимому, обращение Шуваева в Ставку последовало после того, как представитель английской военной мис-

Следовательно, причиной неподписания соглашения являются вновь предъявленные России «неприемлемые требования золота». Оценивая действия английских финансовых кругов, Шуваев указывал, что они «плохо вяжутся с союзническим доброжелательством. Такие действия скорее соответствуют желанию вынудить нас под давлением нашей военной необходимости дать золото, что в свою очередь, поведет к дальнейшему экономическому закабалению нас Англией. Эта кабала может повлечь за собой опасность политическую»¹⁹³.

Чтобы парализовать английское давление на русское правительство, Шуваев просил Алексеева произвести «из Ставки давление на англичан», чтобы их военные придворные круги поняли, что наша военная «необходимость» связана с их собственной и чтобы под давлением этих сфер было ускорено заключение финансового соглашения.

Царское правительство оказалось в тяжелом положении, из которого не находило выхода. Переписка военного министра с председателем Англо-Русского комитета в Лондоне отражает глубокое недовольство военных сфер позицией Англии. В инструкторивной телеграмме военный министр подчеркивал «желание финансовых кругов Англии эксплуатировать наше трудное положение с целью *вымогательства золота*»¹⁹⁴. Задержки и затруднения с отправкой оборудования для новых заводов в России «создают здесь самое тяжелое впечатление», — писал Шуваев. Видно по всему, что обида накопилась, и можно предположить, что в этой обстановке легко могли активизировать свою деятельность германофильские элементы, особенно сильные при дворе.

Но изменить положение помещики и буржуазия были не в состоянии — слишком тесно они были связаны с антантовским империализмом. Финансовое положение царского правительства было безвыходно. Найти достаточно большой источник для финансирования войны, помимо Англии, оно не могло; разорвать связь с Антантой и прекратить войну — тоже не могло, ибо это вызвало бы решительный протест со стороны буржуазии. Оставалось писать бесчисленное количество нот и памятных записок, выпрашивая новые кредиты и подачки; оставалось вести длительную торговлю из-за двух сотен мил-

сни ген. Уотерс написал письмо Алексееву, в котором сообщил, что Англия снизила количество золога, которое должна отправить Россия, с 60 до 40 млн. ф. ст. и что ввиду этого, а также в общих интересах союзников английский министр финансов повысил резерв золота в Английском банке до 85 млн. ф. ст. (АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 295).

¹⁹³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, лл. 217—218. (Курсив наш.— А. С.)

¹⁹⁴ Там же, л. 216. Копия телеграммы военного министра от 9 сентября 1916 г. (Курсив наш.— А. С.).

лионов рублей золота, как будто они могли спасти прогнивший строй и разрушавшуюся от войны всю экономическую систему страны.

20 сентября (3 октября) 1916 г. русское правительство получило ответ от английского правительства¹⁹⁵. Это был резкий и достаточно неприятный для русского правительства и Барка документ. Английский посол в Петрограде сообщил о телеграмме лорда Грея, в которой указывалось, что цифры, являющиеся основой аргументации Барка, «не совсем правильны» и что он «заблуждается в отношении количества золота, которое соответственно выслали Франция и Россия, или должны будут выслать». Оказывается, что Франция доставила (транспортировала морем) золота на 63 млн. ф. ст. и должна будет еще доставить на 42 млн. фунтов, часть которых уже начала пересылать, причем вся вторая сумма — 42 млн. фунтов — должна быть полностью выслана за границу до конца 1916 г. Что касается России, то она ко дню вручения этого документа переслала золота лишь на 28 млн. ф. ст. и должна будет дослать еще 20 млн. ф. ст. в счет сентябрьского соглашения 1915 г.; «если нужды англичан сделают это необходимым». Грей считал, что, если Россия доставит еще золота на 40 млн. ф. ст., считая и обязательства по соглашению 1916 г., то это составит лишь 68 млн. ф. ст., в то время как Франция вышлет 105 млн. фунтов, причем кредиты России «почти в два раза больше, чем кредиты Франции». По заявлению Грея, великобританское правительство «*потребуется при любых обстоятельствах* от его превосходительства (т. е. Барка.— А. С.) доставки остающихся 20 млн.» по соглашению 1915 г., но «оно не может по новому соглашению потребовать остальные 20 млн. ф. ст. ранее января 1917 г.». Следовательно, царское правительство должно быть готово к отправке двух партий золота по 20 млн. фунтов: одну в ближайшее время, возможно немедленно, а другую — после 1 января 1917 г. Английское правительство отвергло и предложение русского правительства об уровне золотого запаса Английского банка ниже 80 млн. ф. ст., так как «в настоящих условиях может оказаться весьма опасным для его кредита, если запас упадет ниже 80 млн. ф. ст.».

Финансовое положение царского правительства было уже столь тяжелым, что в момент получения ответа англичан Штюмер просил Бенкендорфа использовать все его влияние при английском правительстве «для получения до подписания

---

¹⁹⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 392—393. Памятная записка британского посольства от 20 сентября (3 октября) 1916 г. (Курсив наш.— А. С.)

нового соглашения временного аванса в 10 млн. фунтов стерлингов»¹⁹⁶.

Дело, по-видимому, не ограничивалось одной финансовой стороной, а касалось и политических сомнений Англии относительно позиции России. Бенкендорф в своих панических телеграммах выражал не только свою собственную растерянность, но и в какой-то мере озабоченность английского правительства, с которым он был слишком тесно связан и настроение которого хорошо знал. Как раз тогда, когда заем «казался в принципе урегулированным» ему показалось, что переговоры о займе вообще прекратились и что правительство ищет другой основы для соглашения, а, возможно, по политическим мотивам и не желает его, как со стороны России «никакого контр-предложения в ответ на последнее английское предложение не пришло... в то время как на каждое из наших уведомлений английское правительство отвечало контр-предложениями, и последнее, как и другие, удовлетворяло, по крайней мере, часть наших предложений. Этот факт должен был поразить английское правительство, особенно, если по этой причине оно стало сомневаться в том, что достигнутые до сего времени результаты, т. е. определение суммы русского золота в прежние 20 млн. ф. ст., высылаемых в случае надобности, остаются принятыми,— иначе говоря, что императорское правительство склонилось бы к возобновлению переговоров на новой основе»¹⁹⁷, т. е. без высылки золота. На этот счет Бенкендорф предупреждал, что подобная концепция, если в России к ней «относятся благоприятно, не имела бы абсолютно никаких шансов на успех», поэтому он решительно рекомендовал не затрагивать более уже решенный вопрос о золоте, тогда и вопрос об условиях его высылки не может встретить «серьезных затруднений».

Создавшаяся ситуация чрезвычайно беспокоила и английское правительство, которое отлично понимало, что если переговоры в ближайшее время останутся безрезультатными, «то не замедлит наступить день,— как писал Бенкендорф,— когда этот вопрос *из чисто финансового превратится по необходимости в политический и коснется положения в целом*»¹⁹⁸. В свете этих слов посла ответ на последнее письмо Грея от 20 сентября.

---

¹⁹⁶ Там же, л. 326. Копия телеграммы Штюрмера от 21 сентября (4 октября) 1916 г.

¹⁹⁷ Там же, лл. 323—325. Копия телеграммы Бенкендорфа от 18 сентября (1 октября) 1916 г. (Курсив наш.— А. С.). Бенкендорфу было известно о телеграмме Шуваева Гермониусу, по-видимому, она стала известна и англичанам. Телеграмма произвела на Бенкендорфа «тягостное и самое тревожное впечатление».

¹⁹⁸ Там же. (Курсив наш.— А. С.)

(3 октября) 1916 г. приобретал не только практическое, но и принципиальное значение. Он должен был определить, чего желает русское правительство: хочет ли оно продолжения войны вместе с союзниками, или, возможно, оно хочет переменить фронт. По-видимому, эту сторону дела Барк представлял себе достаточно хорошо и понял, что дальше тянуть дело невозможно.

В тот же день, ознакомившись с английским ответом и учтя неуступчивость английского правительства, Барк обратился с письмом к Штюмеру и предложил подписать соглашение с Англией «в настоящей его редакции», т. е. в соответствии с английскими пожеланиями. Правда, Барк предложил собственную редакцию пункта о золотых резервах, которая удовлетворила и англичан¹⁹⁹.

24 сентября 1916 г. Штюмер, ссылаясь на сообщение Бенкендорфа из Лондона, сообщавшего о желательности «утвердительного решения о посылке в Англию золота»²⁰⁰, с своей стороны находил, что решение вопроса о посылке золота «может действительно иметь серьезное значение в деле наших взаимоотношений с союзниками, особенно ввиду осуществляемого ныне французским правительством отправления золота в Англию».

27/14 октября 1916 г., спустя 3 месяца после возвращения Барка из Англии, договор об английских кредитах был подписан Греем и Бенкендорфом. Спорный пункт о вывозе русского золота Бенкендорф протелеграфировал в Петербург, сообщая, что он был изложен в соответствии с телеграммой Барка. «Русское правительство,— гласил этот пункт,— берет на себя доставить в распоряжение великобританского правительства, по его требованию, сумму в 20 млн. фунтов золотом, с условием, что великобританское правительство потребует золото лишь в том случае, когда золото в запасах английского банка и золотое обеспечение билетов казначейства взятые вместе не будут превосходить 85 миллионов фунтов. Во всяком случае, доставка золота не будет потребована ранее 1 января 1917 года»²⁰¹.

Подписание соглашения с Англией о кредитах наложило на царское правительство двойное обязательство — отправить 20 млн. фунтов золота по соглашению 1915 г., которые еще не

---

¹⁹⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, л. 338. Письмо Барка Штюмеру от 21 сентября 1916 г.

²⁰⁰ Там же, д. 192, л. 391.

²⁰¹ Там же, д. 193, лл. 331—332; ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, л. 248. Копия секретной телеграммы Бенкендорфа от 1 ноября (19 октября) 1916 г.

были отправлены ²⁰², и 20 млн. фунтов золота по новому соглашению. Английское правительство использовало это соглашение, чтобы «выжать золото» и получить его в свои руки. Царское правительство в дальнейшем добросовестно выполнило все обязательства.

Однако 9 ноября 1916 г. Барк предупредил директора Английского банка лорда Кенлифа, что согласие русского правительства на уступки 20 млн. ф. ст. золота по соглашению 27/14 октября 1916 г.— «это последнее усилие, на которое Россия в состоянии пойти на подобных условиях». Он предупреждал Кенлифа, чтобы возглавляемое им учреждение в стремлении усилить свои золотые запасы «отнюдь не рассчитывало в будущем на возможные новые посылки золота со стороны России» ²⁰³. В других русских документах также резко подчеркивается невозможность дальнейшего уменьшения золотых ресурсов России, что угрожает полным обесценением русских кредитных билетов. Пока шла переписка об угрозе сокращения золотых запасов России, золото все-таки вывозили ²⁰⁴.

Партия золота в 20 млн. фунтов по соглашению 1915 г. была погружена 22 декабря 1916 г. во Владивостоке на японские крейсера «Сатsuma» и «Нишии» и в сопровождении русских чиновников отправлена в Канаду.

15 января 1917 г. Барк сделал распоряжение директору Государственного банка Шипову подготовить к отправке новую партию золота на 189,5 млн. руб. Золото было погружено во Владивостоке на японские крейсера уже во время Февральской революции ²⁰⁵. Всего до Февральской революции было отправлено золота на 60 млн. фунтов, или на сумму около 568,5 млн. руб., не считая «проданных» 8 млн. фунтов.

Только что подписав финансовое соглашение, вокруг которого торг шел не менее полугода, военный министр первый

---

²⁰² АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 394. Барк уже решил вопрос об отправке золота в положительном смысле, ибо 28 октября (ст. ст.) он сообщил Штюрмеру фамилии трех чиновников Государственного банка, командированных в Канаду для сдачи золотых слитков монетному двору в Оттаве. 5 ноября фамилии чиновников были сообщены русскому посольству в Вашингтоне, на предмет оказания им содействия во время их пребывания проездом в США.

²⁰³ Там же, д. 193, л. 345. Копия письма Барка лорду Кенлифу от 9 ноября 1916 г.

²⁰⁴ Там же, лл. 343—344.

²⁰⁵ Особенная канцелярия по кредитной части 7 декабря 1916 г. просила канцелярию Министерства иностранных дел известить японское правительство, что золото сдадут чиновники Государственного банка (там же, л. 372. Письмо Замена от 7 декабря 1916 г.). В телеграмме Нольде от 7 декабря 1916 г. названы точно дата сдачи золота и названия японских крейсеров, а также фамилии русских чиновников, которые приедут во Владивосток (там же, л. 375).

почувствовал, что соглашение не обеспечивает всех потребностей армии, и обратился к министру финансов с просьбой «предпринять шаги в целях выяснения в принципе возможных оснований будущего финансового соглашения». Ген. Шуваев считал возможным просто продлить октябрьское соглашение 1916 г. на новые шесть месяцев, но не встретил в этом пункте поддержки Барка, ибо это означало новое согласие России на вывоз золота ²⁰⁶.

9 ноября 1916 г. Барк сам обратился к председателю Совета министров Штюмеру с письмом, в котором признал, что открытый по октябрьскому соглашению кредит «окажется далеко недостаточным для планомерного производства наших военных заказов, долженствующих обеспечить нашу армию предметами вооружения и снаряжения и, таким образом, становится на очередь вопрос об открытии нам дальнейших кредитов» ²⁰⁷. Установив это положение, Барк освещает «общие принципы», на которых должны основываться будущие финансовые соглашения. На деле изложение «общих принципов» сведено к вопросу о золоте, вокруг которого вертелись все переговоры о предыдущих финансовых соглашениях.

Не отказываясь в принципе оказывать Англии «посильную помощь» золотом, министр финансов поставил в известность главу правительства о том, что при выполнении очередного английского требования золотой запас в России упадет до 1 млрд. руб., при котором обеспечение кредитного рубля будет составлять всего лишь 10 %. Барк считал, что дальнейшее сокращение золотого фонда в стране «едва ли допустимо», так как это может еще более понизить «внутреннюю расценку рубля и, таким образом, повлечь за собой соответствующее повышение цен всех товаров и предметов первой необходимости».

Далее подробно излагалось, как обстояло дело с запасом золота в Англии и Франции. Золотые запасы банков Англии и Франции «сильно возросли», несмотря на отправку ими крупных партий золота за границу, в то время как баланс Государственного банка показывает «совершенно обратное явление», т. е. снижение суммы золотых запасов. Барк напомнил, что в Государственной думе был даже предложен проект об объявлении золотых запасов России в количестве 1,4 млрд. руб. неприкосновенными. С другой стороны, и Комитет финансов «высказался против всякой дальнейшей отправки желтого ме-

---

²⁰⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, лл. 260—262. Письмо Барка Шуваеву от 9 ноября 1916 г.

²⁰⁷ АВГР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 338—342. К письму были приложены копии письма к управляющему Английским банком лорду Кенлифу и копия ноты английскому послу.

талла из страны», и его решение было утверждено царем. При этих условиях Барк в своих переговорах с английским послом заявил ему «самым категорическим образом, что дальнейшее понижение нашего золотого резерва является совершенно недопустимым, и что великобританское правительство не должно рассчитывать на новые высылки золота сверх 20 млн. фунтов ст., обусловленных новым соглашением».

Считая необходимым вступить с английским правительством в переговоры об открытии России дополнительных кредитов, размер которых «еще не поддается точному исчислению», Барк предлагал, чтобы Бенкендорф, который должен вести эти переговоры, «самым решительным образом» заявил английскому правительству, что русское правительство признает «дальнейшие высылки золота, сверх установленных соглашениями от 30 сентября 1915 г. и 27/14 октября 1916 г., совершенно недопустимыми и грозящими самыми серьезными последствиями для общего дела союзников», так как может наступить момент, когда вследствие «полного обесценивания рубля» русское правительство может встретить «чрезвычайные затруднения» в оплате военных расходов внутри страны. В действительности этот момент был уже не за горами. Он определялся, конечно, не наличием лишних двухсот миллионов рублей золота в подвалах Государственного банка, а теми тяготами, которые народные массы несли на протяжении двух с половиной лет войны.

Содержание письма Барка к Штюмеру от 9 ноября 1916 г., в котором излагается его позиция по отношению к Англии, почти повторяет его заявление на заседании Комитета финансов, сделанное им 29 сентября 1916 г., где он говорил: «При последних же переговорах с английским послом сэром Бьюкеноном министром финансов было заявлено совершенно определенно, что понижение нашего золотого запаса внутри страны ниже одного миллиарда рублей недопустимо, и посему великобританское правительство не должно рассчитывать на дальнейшие высылки звонкого металла сверх 20 млн. фунт. стерлингов, обусловленных новым соглашением»²⁰⁸. Комитет одобрил решительное заявление министра финансов в отношении охраны золотого запаса и предложил, чтобы об этом было заявлено английскому правительству по дипломатическим каналам.

Тем временем (10 ноября 1916 г.) Штюмера на посту председателя Совета министров сменил министр путей сообщения А. Трепов, человек более властный и решительный, а по-

²⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1916 г., д. 541, лл. 3—6. Журнал Комитета финансов от 29 сентября 1916 г., утвержденный царем почти месяц спустя — 21 октября 1916 г.

тому еле терпимый Николаем II. 19 ноября 1916 г., по-видимому, после принятия правительством предложений Барка, товарищ министра Нератов отправил Бенкендорфу большую телеграмму²⁰⁹. В ней в более сжатой и, пожалуй, в более категорической форме были изложены основные положения записки Барка. В телеграмме указывалось, что кредит, открытый по соглашению 27/14 октября 1916 г., окажется «далеко недостаточным» для реализации программы военных заказов России, а потому послу предлагалось вступить «в обмен мнений с великобританским правительством о продлении соглашения». Одновременно посол ставился в известность, что русское правительство совершенно отвергает мысль «о какой-либо дополнительной доставке в Англию золота, сверх обусловленных упомянутым соглашением 20 млн. фунтов». В телеграмме не преминули упомянуть о тревожном настроении общества, печати и законодательных учреждений в связи с сокращением золотого фонда России.

На посла возлагалась далеко не легкая задача — отстоять точку зрения царского правительства, потерявшего всякий авторитет не только в глазах народа, но и буржуазии и части помещиков. С другой стороны, обращение к Бенкендорфу совпало с отставкой английского кабинета Асквита и последовавшим за ней министерским кризисом, что, по мнению Бенкендорфа²¹⁰, лишало всякого смысла официальный демарш об открытии России дополнительных кредитов. Бенкендорф счел более удобным для себя снять со своих старых и больших плеч тяжесть государственных переговоров. Так как предстояла поездка государственных деятелей Англии в Россию на экономическую конференцию, то Бенкендорф предложил, чтобы финансовые переговоры велись в России во время этого визита, а не в Лондоне, где они проходили бы в невыгодной для русского правительства обстановке. Кроме того, запутанный вопрос о золоте он считал «неразрешимым» без участия Франции, которая также будет представлена в Петрограде.

Бенкендорф, хотя и отказался вести официальные переговоры о новых кредитах, тем не менее информировал членов английского кабинета о позиции русского правительства, развивая перед ними мысль, что Россия нуждается «в новых кредитах и что дальнейшая доставка золота невозможна»²¹¹. Чтобы оттянуть решение вопроса о новых кредитах России до конференции в Петрограде, Бенкендорф выдвинул идею создания

²⁰⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 349—350.

²¹⁰ Там же, лл. 364—365.

²¹¹ Там же, лл. 370—371. Телеграмма Бенкендорфа от 19/6 декабря 1916 г.

общего золотого фонда союзников, который должен поступить в распоряжение Англии и явиться основой устойчивости ее кредита в США. Как представлял себе автор этой идеи создание общего фонда союзников,— оставалось неясным.

В обстановке революционной ситуации внутри России, политических колебаний и разброда среди правящего класса и в правительстве, о чем союзники были хорошо осведомлены, царское правительство фактически шло на поводу у английско-го правительства и особенно в финансовых вопросах. Оно выполнило все свои обязательства и после подписания октябрьского соглашения 1916 г. вывезло золота на 20 млн. ф. ст. Однако это было только началом дальнейших требований англичан о вывозе золота из России.

Как только наступило 1 января (н. ст.) 1917 г., английское казначейство потребовало от представителя русского Министерства финансов в Лондоне «высылки Россией новой партии золота в 20 млн. ф. ст.»²¹². Одновременно английские власти оказали решительное давление на Россию, приостановив, в нарушение финансового соглашения, платежи по заказам в США и размещение там новых русских заказов²¹³.

Жалобы на волокиту англичан шли и по другим линиям. В телеграмме от 19 декабря 1916 г. Ермолаев сообщал о том, что английское казначейство «не может удовлетворить» нужды России, и что русское правительство должно выделить «наиболее важные из наших заказов» и вообще их ограничить. Английские власти официально сообщили русским заготовительным организациям, что значительное число утвержденных уже заказов отменено. К ним относились заказы на машины для нового ружейного завода, для второго сталелитейного завода, для третьего патронного завода и ряд других американских заказов. Политика англичан сводилась к тому, чтобы задержать заказы русского правительства на машины и станки в США. Эти заказы окончательно якобы «не отвергались», но и не утверждались²¹⁴. Получились известия и о сокращении выделенного тоннажа для перевозки грузов.

Одновременно ген. Михельсон сообщал о задержке на 4 месяца заказов на станки и другое оборудование, вследствие чего «станки в навигацию не попадут, и этим русские автомобиль-

---

²¹² Там же, д. 192, лл. 425—426. Письмо Барка министру иностранных дел Н. Н. Покровскому от 26 декабря 1916 г. О требовании англичанами золота представитель Министерства торговли и промышленности Ермолаев телеграфировал еще 18 декабря (ст. ст.) 1916 г. (ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 68, л. 128).

²¹³ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 425—426. Письмо Барка министру иностранных дел.

²¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 68, л. 128.

ные заводы задержаны на целый год»²¹⁵. Военный министр Шуваев в письме к Барку указывал, что третий заем (октябрьский) представляет собой не что иное, как вторую половину «предполагавшего второго займа»²¹⁶. Шуваев опасался, что расчеты Барка заключить новый заем «без выдачи золота», хотя и являлись весьма желательными, могли затянуть переговоры и задержать выдачу заказов на вооружение и снаряжение, необходимое к началу военной кампании 1917 г.²¹⁷ Эти опасения Шуваева были излишни, поэтому что можно было при согласии англичан выдавать заказы в счет заключенного в октябре 1916 г. займа, поскольку к его расходованию царское правительство фактически еще не приступило.

Как это ни странно, но дело обстояло именно так. Из нового кредита, писал Барк, «нами не взято еще ни одного фунта стерлингов»²¹⁸. Это объяснялось теми ограничениями, которыми сопровождалось использование предоставленных кредитов. Поэтому Барк считал новое требование англичан о высылке золота незаконным и неоправданным. Все эти аргументы были подробно развиты Барком в ноте, переданной в конце декабря 1916 г. великобританскому послу. В ней говорилось, что если бы Россия выслала золото, то финансовое соглашение с Англией было бы выполнено только одной стороной, т. е. Россией. Барк считал английское требование о высылке золота «преждевременным», не имеющим никакого оправдания в глазах буржуазной общественности России, которая оправдала бы его, «если бы по крайней мере часть открытых кредитов была бы использована, чего в действительности нет»²¹⁹.

Кроме того, русское правительство считало необходимым отказаться от высылки золота еще и потому, что Кредитное управление Соединенных Штатов (Federal Reserve Board) отказалось от требования к Английскому банку переводить золото натурой в Соединенные Штаты, а оставляла его на специальном текущем счете Английского банка. Русское правительство желало, чтобы Английский банк так же поступил и с Россией — оставил золото на специальном счете Государственного банка России²²⁰.

²¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 66, л. 184.

²¹⁶ Заем был заключен вместо года лишь на 6 месяцев.

²¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 66, лл. 182—183. Письмо Шуваева Барку от 25 ноября 1916 г.

²¹⁸ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 425—426. Письмо Барка Н. Н. Покровскому.

²¹⁹ О передаче ноты говорится в конце письма Барка Н. Н. Покровскому. Самый текст ноты (русский перевод) см. ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 68, л. 124. Нота датирована 26 декабря 1916 г.

²²⁰ Там же.

Как видим, нота Барка принципиально не отвергала высылку золота. В ней говорилось лишь о преждевременности английского требования и высказывалось желание оставить золото в России, хотя бы на счет английского правительства. В самом русском правительстве не было единодушия по этому вопросу, да и трудно было добиться такого единодушия в обстановке непрерывной «министерской чехарды», во время которой премьер Трепов был заменен кн. Голицыным, а военный министр Шуваев — крайним реакционером и распутинцем ген. Беляевым.

Накануне своей отставки Шуваев проявлял настойчивое стремление поскорее и побольше заказать предметов обороны, которые могли бы быть доставлены в Россию в 1917 г., за счет английского кредита. Ему казалось, что пререкания Барка с англичанами из-за золота угрожают своевременному размещению заказов и получению нового займа. Эти опасения он и высказал Барку, считая, что нота последнего Бьюкенену от 26 декабря 1916 г. «ставит вопрос о высылке нами золота по второму нашему соглашению с Англией на едва ли приемлемую для Англии точку зрения, и я опасаясь самых печальных для быстрого хода наших переговоров о третьем займе результатов такого шага»²²¹. По мнению Шуваева, задержкой высылки золота мы «еще больше задержим наши же собственные военные платежи», т. е. английские платежи по русским заказам. Шуваев допускал наличие объективных трудностей для Англии и не рекомендовал недоверять союзнику. По его мнению, лучше иметь «не вполне исправного кредитора, чем не иметь далее никакого». Это был призыв к капитуляции.

Своим предупреждением об опасности, которую таит в себе задержка с высылкой золота для весенних военных операций русской армии, Шуваев, несомненно, ускорил капитуляцию русского правительства в вопросе о золоте, которое перед Февральской революцией уже было доставлено во Владивосток, а после революции прибыло в Канаду²²².

²²¹ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 66, лл. 213—214. Нота Барка английскому послу была передана по телеграфу в Лондон министром иностранных дел Покровским 28 декабря (ст. ст.) 1916; АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 г., д. 193, лл. 382—384.

²²² 18/5 января 1917 г. Набоков, поверенный в делах в Лондоне после смерти Бенкендорфа, сообщил, что высылка золота является непременным условием «достижения всех нужным нам результатов» (АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 438). Барк и Покровский очень интересовались количеством золота, доставленного из Франции в Америку, и размерами полученных кредитов. Ответ был малоутешителен для русского правительства: оказалось, что Франция поставила за время войны золота английскому казначейству на 2706 млн. франков (там же, л. 452. Телеграмма поверенного в делах в Париже Севастопуло от 31/18 января 1917 г.).

Чтобы окончательно выработать точку зрения русского правительства по вопросу о золоте и новых кредитах (3-й заем) 21 декабря 1916 г. в Военном министерстве состоялось узкое совещание, на котором Барк сделал сообщение о положении с военными кредитами за границей²²³.

Барк несколько преувеличенно определил общую сумму заграничных займов России за время войны в 7½ млрд. руб. в валюте, из них было уже получено больше 4 млрд. руб., на сумму свыше 3 млрд. руб. имелось еще неполученных, «но уже не свободных кредитов»²²⁴. Кроме того, валютная комиссия определяла в 2½ млрд. руб. заявки ведомств, не покрытых кредитами; на эту сумму предстояло еще изыскать «новые кредиты».

Барк подробно доложил о русско-французских финансовых отношениях. Из его сообщения стало ясно, что от Франции русское правительство получает до 125 млн. франков кредита в месяц (хотя была уже достигнута договоренность о 150 млн. франков), но зато уже не на определенный срок, «а впредь до окончания войны». Потом подробно было сообщено о ходе последних переговоров с Англией летом 1916 г., когда Барк уехал из Лондона, не подписав соглашения, так как не смог договориться с Мак-Кенна о количестве золота, которое должна доставить Россия.

Из вопросов, заданных министру финансов, было ясно, что далеко не все участники совещания довольны соглашением с Англией, так как английская сторона недостаточно «справедливо» распределяет между союзниками закупки на металлы. Член Государственного совета Ф. А. Иванов сообщил, что Англия запрещала русскому правительству сделки на медь, «не давая валюты, когда медь была еще сравнительно дешева, и делала все закупки для себя». С достаточным основанием Иванов утверждал, что представитель русского правительства в Лондоне бессилен бороться с этой практикой, раз Англия «имеет право не давать нам валюту для дешевых сделок и сама производит за наш счет дорогие сделки». Другой член

²²³ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 68, лл. 42—46. Председательствовал Шуваев. Кроме него от Военного министерства присутствовали сенатор Гарин и ген. Михельсон; от Министерства финансов кроме Барка — товарищ министра Кузьминский и управляющий Особенной канцелярией по кредитной части фон Замен. Присутствовало также семь членов Государственного совета, председатель Государственной думы Родзянко и пять членов Думы.

²²⁴ Подсчет Барка носил суммарный и приблизительный характер. По его подсчету, займы до сентября 1915 г. составили: в Англии 120 млн. ф. ст. и во Франции — 625 млн. франков; по сентябрьскому соглашению 1915 г. — 300 млн. ф. ст. в Англии и 1500 млн. франков во Франции; по октябрьским соглашениям от Англии было получено 150 млн. ф. ст. и от Франции — по 125 млн. франков в месяц. Из предыдущего изложения видно, что фактически весь второй английский кредит не был израсходован.

Государственного совета М. А. Стахович заявил, что с таким явлением бороться «нам трудно, ибо займодавец будет всегда в этих вопросах иметь преимущество перед должником». Другими словами, правые члены Государственного совета отлично видели, в какую кабалу попало русское правительство.

Барк подтвердил имеющиеся трудности с размещением заказов в США и подчеркнул при этом, что «это-то и вынудило уже нас начать с Англией новые переговоры о займе», продолжение которых должно вестись в Петрограде.

Председатель Государственной думы Родзянко задал Барку вопрос, который заставил его выложить карты на стол. Родзянко спросил, может ли правительство рассчитывать «на успех этих переговоров». Барк ответил ему: «Да, я полагаю, что можем, ибо иначе нам пришлось бы идти на сепаратный мир, чего Англия, конечно, не допустит. Это, конечно,— поспешил добавить министр,— только мое личное мнение»²²⁵.

Это заявление особенно ярко вскрывает степень и глубину зависимости царского правительства от своей союзницы. Займы являлись одной из форм финансово-экономической зависимости правительства от Англии, но без них царская Россия вообще воевать не могла. Без них правительство должно было капитулировать и заключить сепаратный мир с Германией. Понимал это, вероятно, не один только Барк, но и английское правительство, которое вело финансирование на таком уровне, чтобы сохранить русскую армию в качестве боеспособной силы, но в то же время забрать от русского правительства максимум возможного, в том числе и золото. Обессиленная Россия представлялась более желательной союзницей в концерте победителей стран Антанты, чем сильная и «великая Россия», о чем мечтали идеологи русского империализма.

О том, как реагировали в Англии на ноту министра финансов от 26 декабря 1916 г., пока еще неофициально сообщал поверенный в делах в Лондоне Набоков²²⁶. В отношении заказов он старался объяснить позицию англичан теми трудностями, которые Англия переживала. Эти трудности касались и платежей в США, и тоннажа, в связи с большими потерями коммерческого флота. Набоков рекомендовал своему правительству отказаться в ходе переговоров от подозрения в отсутствии у союзницы готовности идти навстречу пожеланиям русского правительства. По мнению Набокова, дело в объективных условиях, которые в последнее время складывались неблагоприятно для Англии, особенно в вопросе о тоннаже. Поэтому Набоков поддержал намеченную Бенкендорфом линию — отложить

²²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 68, лл. 44—45. (Курсив наш.— А. С.).

²²⁶ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1405, л. 138. Копия телеграммы Набокова от 12 января 1917 г. (30 декабря 1916 г.), № 833.

финансовые переговоры до приезда в Петербург английской делегации, которая сможет представить русскому правительству более полную картину.

Однако «изюминка» ответной телеграммы Набокова заключалась в ее «доверительной» концовке, довольно смелой и объективно отражавшей положение дела внутри России. «Я не считаю себя в праве скрыть от Вас, — писал Набоков, — что в здешних правительственных сферах царствует смущение, вызываемое известиями из Петрограда. Настроение это, само собой разумеется, не высказывается в официальных переговорах с нами, но закрывать глаза на него значило бы не учитывать вполне определенного фактора нынешнего политического положения».

Это указание на связь финансовых вопросов за границей с внутренним неустойчивым положением царского правительства, ростом революционного движения в стране, колебаниями правящих сфер, распутинщиной и т. д. очень важно. Англичане еще до приезда на конференцию союзников в Петрограде достаточно хорошо представляли себе положение в России. Ссылаясь на объективные трудности, они саботировали подписанные ими же соглашения, опасаясь, что средства и материалы, которые поступят в Россию, могут остаться неиспользованными согласно их наметкам. Вместе с тем настроения английских деятелей, о которых сообщал Набоков, указывают на ту неблагоприятную для России обстановку, в которой собиралась конференция союзников в Петрограде.

6. АМЕРИКАНСКИЕ КРЕДИТЫ

Уже вскоре после начала войны для руководителей военного и финансового ведомств русского правительства стало ясно, что американская промышленность явится для России главным поставщиком военных материалов, которые потребуют колоссальных средств для их оплаты. Начальник Главного артиллерийского управления ген. Маниковский определял сумму русских заказов в США за время войны в 1287 млн. долларов. Около 70% всех заказов приходилось на долю артиллерии и предметов артиллерийского снабжения²²⁷.

Соединенные Штаты в связи с нейтралитетом не обнаруживали вначале особого желания кредитовать не только Россию, но и Англию с Францией. Когда в июле 1915 г. последние попробовали разместить на американском денежном рынке свой заем в 500 млн. долларов, им удалось реализовать среди пуб-

²²⁷ А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937, стр. 622—623.

лики всего лишь 40 млн. долларов, или на 8% ²²⁸. Таков печальный результат англо-французского займа, гарантированного правительствами Англии и Франции ²²⁹.

Американский капитал до войны находил широкое применение внутри страны. Кроме того, проводя империалистическую политику, «Америка помещала свои капиталы лишь в предприятия соседних с нею стран, стремясь создать себе на этой почве расширение сферы своего экономического влияния» ²³⁰. До мировой войны США не сужали Европу, а сами занимали деньги в Европе, особенно у Англии, которая располагала большим количеством американских ценностей. Облигации государственных займов России имелись в США лишь у «единичных держателей», и платежи процентов по ним вместе с погашением не превышали 10 тыс. долл. в год. Что касается железнодорожных займов, то они были куплены на сумму 18 млн. долл. страховым обществом «Нью-Йорк» и находились лишь в запасном капитале общества ²³¹.

Война коренным образом изменила положение Соединенных Штатов, ставших военным арсеналом и поставщиком товаров для Европы. Союзные государства делали в США огромные закупки, золото туда стекалось, а воевавшие государства нуждались в американской валюте для расплат по закупкам. По материалам сенатской комиссии Ная, организованной для расследования деятельности военной промышленности в годы первой мировой войны ²³², военные заказы и платежи по ним за 1915—1917 гг. составляли со стороны Соединенного королевства 1447 млн. долл., Франции—997 млн. и России—412 млн. ²³³.

²²⁸ АВГПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 312—316. Копия записки агента Министерства финансов в США Г. Виленкина от 30 июня 1916 г. Эти данные подтверждаются и другими источниками.

²²⁹ На всю остальную сумму подписались банкиры. Главные поставщики союзных государств Дюпон, Шваб, Вестингауз, American Steel Trust С° и др. подписались на 280 млн. долл., а на 200 млн. подписалась группа Моргана. Подписка прошла под угрозой со стороны Англии выбросить на рынок американские железнодорожные бумаги на несколько сотен миллионов долларов, что могло «создать панику». Морган сперва советовал англо-французской делегации во главе с лордом Ридингом уменьшить сумму займа до 250 млн. долл. и обеспечить заем ценными бумагами, но Ридинг от этого отказался.

²³⁰ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 531, л. 13—19. Записка министра финансов Барка от 10 марта 1916 г.

²³¹ Там же.

²³² «Hearings before the special Committee investigating the Munitions industry. U. S. Senate, 74-th congress, second session», part 26 (Financing world war and industrial expansion of the U. S. 1914—1915 J. P. Morgan & С°), p. 7934.

²³³ Цифра платежей России в 412 млн. долл. относится только к зака-

В военные годы экспорт из Соединенных Штатов вырос по сравнению с мирным периодом во Францию на 382%, в Италию — на 303%, в Англию — на 158%, а в Россию — на 1157%²³⁴. По подсчету самих американцев, Морган закупил и поставил вооружения, боеприпасов и разного рода материалов для Соединенного королевства и Франции на огромную сумму в 3,1 млрд. долл., из которых около $\frac{2}{3}$ приходилось на Англию и одна треть — на Францию²³⁵. Доля Моргана составляла 84% всего объема торговли США военными материалами в годы войны. По материалам, содержащимся в том же источнике²³⁶, экспорт из США ряда предметов военного снабжения²³⁷ в Россию резко вырос в 1915/16 г.²³⁸ В 1914/15 г. экспорт ряда военных предметов равнялся лишь 10,9 млн. долл., а в следующем году достиг уже суммы в 113,8 млн. долл., т. е. увеличился более чем в 10 раз, еще через год эта цифра выросла уже до 390,9 млн. долл.²³⁹ Огромный рост поставок происходил главным образом за счет огнестрельного оружия (около 2 млн. долл. в 1914/15 г. и 49,2 млн. долл. в 1917 г.), пороха (1,4 млн. долл. в 1915 г., 57 млн. долл. в 1916 г. и 92,7 млн. долл. в 1917 г.) и особенно за счет всех других взрывчатых веществ, экспорт которых вырос с 1,3 до 202,5 млн. долл.

Приведенные данные показывают, как быстро нарастала потребность в американской валюте, особенно с лета 1915 г.

Кроме закупок русского правительства, огромные заказы на американском рынке размещало английское правительство. С мая 1915 г. по октябрь того же года британское правительство заказало только для России 2,1 млн. винтовок на 63 млн. долл. 23 июля 1915 г. Эдистонская снарядная корпорация в Филадельфии заключила первый контракт на 2,5 млн. штук шрапнелей стоимостью в 40 млн. долл. По американским источникам, общий экспорт из США в Россию за 1914—1917 гг. достиг огромной суммы 1354,2 млн. долл., из них почти половина приходится на 1917 г.²⁴⁰

зам, выданным английским правительством через Моргана, в счет военных кредитов России. Русское правительство не присоединилось к англо-французским соглашениям с Морганом и имело в США свою закупочную организацию во главе с проф. Артиллерийской академии ген. Сапожниковым.

²³⁴ «Hearings before the special committee...», part 26, p. 7785.

²³⁵ Ibid., p. 8097.

²³⁶ Ibid., part 26, p. 7936—7940, Exhibit № 2155.

²³⁷ Кислоты (без серной), цинк (в чушках, болванках, листах), патроны, колючая проволока, огнестрельное оружие, порох и все другие взрывчатые вещества.

²³⁸ Бюджетный год в США заканчивается 30 июня.

²³⁹ Цифры даны нами с округлением до 0,1 млн. долл.

²⁴⁰ F. Schuman. American Policy toward Russia since 1917. N. Y., 1928, p. 31. Цифры экспорта за 1917 г. взяты из книги: W. A. Williams. American — Russian Relations. 1781—1947. N. Y.—Toronto, 1952, p. 85.

Русское правительство делало с самого начала войны попытки завязать финансовые отношения с американским денежным рынком. Для получения кредитов в США был послан Г. А. Виленкин, хорошо знавший американский денежный рынок, но добиться сколько-нибудь значительной финансовой помощи от Соединенных Штатов не удалось. Результаты этих попыток были для царского правительства самые плачевные. Антисемитская политика самодержавия играла весьма отрицательную роль в переговорах с американскими финансовыми тузами, так как группа еврейских банкиров совершенно отказывалась от финансовых операций с царским правительством. В октябре 1914 г. посол России в США Бахметьев обратился с меморандумом к исполняющему обязанности государственного секретаря Лансину с предложением выпустить в США краткосрочные обязательства государственного казначейства ²⁴¹, но встретил отказ.

Через три дня, 23 октября, вице-президент «Нэйшнл Сити Бэнк» Самуэль Мак-Робертс обратился с письмом к Лансину, в котором указывал, что русское правительство разместило у американских промышленников «такие большие заказы», что их кредит иссяк, и русские просят разрешить его превышение на 5 млн. долл., причем обеспечением являлось золото в Государственном банке в Петрограде. По просьбе царского правительства Русско-Азиатский банк обращался к Моргану с просьбой открыть ему кредит в сумме 100 млн. руб. из 5% на полгода с правом продлить кредит еще на 6 месяцев. Обеспечением являлись облигации казначейства, освобожденные от всех налогов; весь кредит должен был быть использован в Соединенных Штатах на правительственные заказы. После консультации с Лансингом ответ был отрицательный, но американские банкиры предлагали открыть кредит «против депозита золота в Лондоне или Париже». По словам Моргана, русское предложение о кредите встретило «вежливый» отказ, но в случае высылки золота, по мнению того же Моргана, «это была бы удовлетворительная операция» ²⁴².

За 1917 г. цифры экспорта из США в Россию поднялись до 658,9 млн. долл. вместо 22,7 млн. долл. в 1912 г. Шуман сообщает, что Морган оказывал сильное влияние на кредитование России его же представители доминировали в организованной в 1916 г. Американско-Русской торговой палате.

²⁴¹ FR. The Lansing Papers, 1914—1920, vol. I, 1939, p. 134. Меморандум Бахметьева приведен в качестве приложения к письму Лансина к президенту.

²⁴² «Hearings before the special Committee...», part 25, p. 7536—7537. Спаварая резюме председателя, который все же видел в этих переговорах путь к будущим кредитам банкиров русскому правительству, Ламонт заявил: «Генеральный консул Соединенных Штатов в Петербурге спросил, можем ли мы устроить здесь заем для России, и мы сказали, что не можем, вот и все» (там же, стр. 7537).

Характеризуя русско-американские финансовые отношения в начале войны, Виленкин писал: «В конце 1914 года говорить с американскими банкирами о большом займе было прямо немислимо»²⁴³, и, говоря уже об отношениях лета 1916 г., Виленкин продолжает: «Без дополнительного обеспечения американская публика займа не возмет». Этим дополнительным обеспечением должны были являться акции железных дорог или вывоз золота за границу.

Русская «парламентская делегация», побывавшая в 1916 г. за границей, также получила достаточно убедительное доказательство отрицательного отношения группы крупнейших еврейских банкиров к кредитованию России. Еврейская буржуазия поставила вопрос о необходимости изменения национальной политики царизма. Практически из этого ничего не получилось. Впрочем, дело не ограничивалось лишь банкирами-евреями. Кредитовать русское правительство и русские банки отказывались в США и банки, не принадлежавшие евреям. Отсюда и встал вопрос: или вывозить золото, или получить валюту на американские заказы у англичан.

Русское правительство не надеялось на активное содействие со стороны американского правительства, но Барк считал, что оно, «по-видимому, не окажет препятствий к совершению сделки с американскими банками, особенно имея в виду, что одолженные суммы останутся в Америке, которые иначе могли бы быть помещены в других странах, например, в Японии»²⁴⁴.

В данном случае Барк выступал как недалёковидный оптимист: он недооценивал продолжительность войны, при которой Япония не могла явиться серьёзным конкурентом США в военных поставках; просчитался он и в оценке «настроения» банкиров, которые решительно отказывались открыть кредит царскому правительству. Правда, в январе 1915 г. Барк уже признавал, что в Соединенных Штатах «оказалось невозможным не только ведение переговоров о кредитной операции официальным дипломатическим путем, но и вообще выпуск какого-либо займа на открытом рынке»²⁴⁵. Пришлось вступить в частные переговоры с двумя крупнейшими банками — Моргана и нью-йоркского «Нейшл Сити Бэнк», которые, по словам Виленкина, «оставались верны России» и во время русско-японской войны. Но и те посоветовали Виленкину действовать осто-

²⁴³ Записка Виленкина от 30 июня 1916 г.— АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 312—316.

²⁴⁴ Там же, д. 2. Заявление Барка в Комитет финансов 28 октября 1915 г.

²⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 522, лл. 1—2. Журнал Комитета финансов от 3 января 1915 г., утвержденный Николаем II 6 января 1915 г.

рожно и руководствоваться «особенностями и требованиями американского рынка».

Первый кредит, полученный Россией в октябре 1914 г.²⁴⁶, составлял только 5 млн. долл.; его оказал «Нэйшнл Сити Бэнк» в порядке краткосрочного кредита на три месяца из 6% годовых и за небольшое комиссионное вознаграждение. Этот кредит действовал в течение всей войны.

Морган и синдикат банков, который он возглавлял, предлагали открыть русскому правительству кредит в размере 30 млн. долл. сроком на полгода из 5%; кроме того, за трехмесячный акцепт Морган насчитывал в свою пользу $\frac{1}{2}$ %, так что вся операция обходилась казне в 7% годовых²⁴⁷. Эта операция являлась незначительной по сравнению с потребностями России, так как к этому времени платежи военного ведомства достигали уже 300 млн. руб. Недостающие суммы приходилось покрывать или путем кредита у фирм, исполнявших военные заказы, или переводами из средств английского кредита, что было очень невыгодно, так как платежи США влекли за собой вывоз золота из России, в размере двух пятых переводимых средств.

Длительные и трудные переговоры Виленкина с Морганом закончились благоприятно для правительства. 23/10 января 1915 г. был подписан контракт, по которому русское правительство получало кредит в 25 млн. долл. Российский посол в Вашингтоне от имени русского правительства мог переводить тратты на Моргана, подлежащие оплате через 90 дней. По истечении этого времени они могли быть возобновлены на тот же срок, после чего подлежали оплате в Нью-Йорке золотом или эквивалентными фондами.

Держателями этого займа оказались 14 крупнейших американских банков, из которых на долю 6 крупнейших приходилось 18,2 млн. долл.²⁴⁸ Собственно банкирский дом Моргана и К^о подписался всего лишь на 3 млн. долл. Больше всего кредит оказали «Нэйшнл Сити Бэнк» (3,2 млн. долл.) и «Гаранти Траст-К^о» (3,5 млн. долл.).

23 июля (5 августа) 1915 г. векселя были выкуплены русским правительством, так как синдикат банков не согласился возобновить их на прежних условиях. По заявлению Барка, предъявленное американскими банкирами требование оплаты выданных векселей было выполнено путем «чрезвычайно убы-

²⁴⁶ Там же; см. также ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1169, л. 67. Справка о кредитных операциях России в США.

²⁴⁷ Об условиях соглашения с Морганом см. там же, записка Виленкина.

²⁴⁸ «Heraings before the speccal Committee...», vol. 25, p. 8337.

точного перевода за счет кредита, открытого нам в этой стране»²⁴⁹. Что касается нового кредита, то банкиры ограничивали его прежней суммой в 25 млн. долларов и тем же сроком — 180 дней. В то же время синдикат потребовал дополнительного обеспечения железнодорожными ценностями в полуторном размере (в сумме 150% открываемого кредита). На эти условия Комитет финансов не пошел, признав их неприемлемыми и несовместимыми с достоинством России. Как видно из рассуждений Барка, в марте 1916 г., по-видимому, решающее значение имело не требование дополнительного обеспечения, а незначительность суммы займа, из-за которой было признано нежелательным «создавать прецедент, могущий неблагоприятно отразиться на нашем кредите»²⁵⁰.

Следующая финансовая операция в США была заключена в апреле 1915 г. с «Нейшнл Сити Бэнк» на 10,2 млн. долл. в связи с заказом Министерством путей сообщения вагонов у Pressed Steel Car Co. В банке были учтены 5-процентные обязательства государственного казначейства по цене 98 за сто и с выплатой небольшой комиссии в размере $\frac{1}{16}$ %. В апреле 1916 г. этот долг был покрыт путем учета новых обязательств на 11 млн. долл. на один год, а в апреле 1917 г. обязательства были учтены вновь, уже по цене 97 за сто, но без комиссионных²⁵¹.

Кроме того, велись переговоры с директором Шведско-Русско-Азиатской компании Ашбергом, который предложил русскому правительству организовать кредит на 60 млн. долл. сроком на 18 месяцев при условии, что все вырученные средства пойдут *«исключительно»* на оплату заказов у названной компании. Кредит стоил 9% годовых; кроме того, Ашберг также требовал обеспечения кредита железнодорожными облигациями. Эти переговоры завершились лишь небольшой сделкой о кредите в 5 млн. долл.²⁵²

Царское правительство получало в США случайные гроши при миллиардных потребностях²⁵³. Естественно, что это не

---

²⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19. Записка Барка в Комитет финансов от 10 марта 1916 г. Записка Барка является интересным документом, дающим сводку всех переговоров о займах в США до марта 1916 г.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1169, лл. 67—71. Справка о кредитных операциях России в США; F. Schuman. Op. cit., p. 31.

²⁵² ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19. Записка Барка от 10 марта 1916 г.

²⁵³ В июле 1915 г. потребность американской валюты только по заказам военного ведомства достигла 867,4 млн. руб.; кроме того, намечались дополнительные сделки военного ведомства на 200 млн. руб. и Министерства путей сообщения на 62 млн. руб.

удовлетворяло ни правительство, ни представителей буржуазной «общественности» из заготовительного комитета в США (Бер, Бахметьев). На этой почве произошел конфликт членов заготовительного комитета с Виленкиным. Деятельность последнего была подвергнута резкому осуждению из-за его пессимистического взгляда «на возможность заключения большого займа в Америке»²⁵⁴. Его противникам казалось, что «при широких и смелых попытках пойти по новым путям в смысле форм кредита, а также предоставления американским капиталистам промышленной инициативы в России, заем на крупную сумму представляется вполне возможным»²⁵⁵. Барк докладывал об этом конфликте, отражавшем конфликт буржуазной общественности в стране с правительством, Комитету финансов. Сам Барк в вопросе оценки американского рынка встал на сторону Виленкина. По мнению министра финансов, все проекты займов, представленные за последний год как через Комитет, так и непосредственно Министерству финансов, «несмотря на кажущуюся заманчивость, при первой же попытке перевести их на реальную почву немедленно обнаруживали всю свою несостоятельность»²⁵⁶. После этого Барк конкретно рассмотрел важнейшие предложения, сделанные американскими фирмами. Клерг, обещая заем от 100 до 300 млн. долл., требовал 6-процентных обязательств, $\frac{1}{2}\%$ комиссии, отчисления в свою пользу 5% от суммы всех заказов, а также железнодорожных облигаций, принимаемых по 70 за сто.

Предложение «Банкерс трест компании» также было связано с требованием залога нефтяных источников, рудников и других видов недвижимой собственности и, кроме того, контроля американских властей за заказами русского правительства, примерно такого же, который осуществляло великобританское правительство²⁵⁷. По мнению Барка, воспользоваться американскими предложениями «не представлялось возможным». Кроме того, путем анализа американского денежного рынка он пытался обосновать свою мысль о том, что «рассчитывать на крупные — миллиардные займы в Америке едва ли представляется осторожным, тем более, что американская публика

---

²⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19. Записка Барка от 10 марта 1916 г.

²⁵⁵ Там же (Курсив наш.— А. С.).

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Большинство американских дельцов предпочитало бумаги железных дорог. Они почему-то представляли для них наибольший интерес. К России уже тогда американские капиталисты, по-видимому, относились примерно так же, как царское правительство к Турции, — они намеревались принять участие в дележе будущего наследства.

продолжает относиться весьма индифферентно к иностранным ценностям»²⁵⁸.

Несмотря на сомнения относительно возможности заключить крупный заем в США, переговоры продолжались с двумя группами банкиров. Одна из этих групп, представленная «Нейшнл Сити Бэнк», предлагала выпустить краткосрочный заем, но требовала его обеспечить сперва золотом, потом «первой закладной на некоторые наши железные дороги». Эти предложения были отвергнуты как несовместимые «с достоинством России, как великой державы». Вторая группа капиталистов во главе с «Гаранти Траст Ко» предложила открыть трассировочный кредит для оплаты наших заказов, как это сделал Ашберг (на 5 млн. долл.).

Однако Министерство финансов добивалось большого займа и соглашалось на краткосрочный небольшой кредит лишь как на подготовительный шаг «для крупной кредитной операции». Барку заем в 200—300 млн. долларов представлялся при известных благоприятных обстоятельствах, «вероятно, осуществимым».

Учитывая опубликованные материалы комиссии сенатора Ная, можно сказать, что это предположение Барка не лишено известных оснований. При допросе президента «Нейшнл Сити Бэнк» Вандерлипа один из секретарей комиссии — Раушенбиш задал ему такой вопрос: «Вы в своем роде взяли Россию как вашу сферу влияния, а Моргань взяли Англию и Францию?» Вандерлип возразил против выражения «сфера влияния», но подтвердил, что им были открыты отделения банка в Петрограде, Москве и Владивостоке и что они «делали кое-какие дела в России; не было никого другого, кто мог бы это сделать». Ответ Вандерлипа не вполне удовлетворил Раушенбиша и он дополнил, что комиссия сената пытается установить тот факт, «что обслуживание финансовых нужд трех главных союзников было в некотором роде поделено. Вы взяли Россию, а Моргань взяли двух остальных».

Вандерлип справедливо отверг предположение, что было какое-то соглашение о «сферах влияния»²⁵⁹. Такого соглашения, конечно, не было, и Вандерлип не вел поставок для России, как Моргань для Англии. Но в то же время американские банки проявляли все больший интерес к России, и объем сделок,

---

²⁵⁸ По расчетам Барка, за вычетом платежей в Европу в 1915 г. сальдо в пользу США составляло 1350 млн. руб., в том числе 420 млн. руб. золотом. Сумма капиталов США, помещенных в европейские займы, достигала 581 млн. долл., в том числе 530 млн. долл. для Англии и Франции и 50 млн. долл. для других стран. Англия и Франция расплачивались главным образом путем продажи американских ценных бумаг.

²⁵⁹ «Hearings before the special Committee...», part 25, pp. 7553—7554.

о которых шла речь, все возрастал. По мнению американского историка Вильямса²⁶⁰, Морган дал «большой толчок» росту капиталовложений в России и также усилил свои позиции в России. Еще перед войной он осуществлял контроль над «Международной компанией жатвенных машин», а потом стал собственником и компании Гарримана. Интерес США к России к весне 1916 г. несомненно усилился. Свидетельством этого было назначение в апреле 1916 г. в Россию посла Д. Френсиса, крупного зерноторговца из Сен-Луиса и владельца значительного количества железнодорожных ценных бумаг. Еще с борта парохода (8 апреля 1916 г.) Френсис писал президенту Вильсону (с копией Лансингу); что Вандерлип пошлет в Россию в течение «этого месяца двух своих вице-президентов, о миссии которых он не осведомил меня, но он заверил меня (я знал его в течение многих лет), что поддержит любые попытки, какие я смогу предпринять для восстановления прямых торговых связей с Россией»²⁶¹.

Представители американских банков послали в Петроград своих представителей (директора Шведско-Русско-Азиатской компании Ашберга и представителя «Гаранти Траст К⁰» Марша), с которыми велись переговоры о выпуске краткосрочного займа в сумме 100 млн. долл. на три года для ряда русских железных дорог, причем американцы сперва не хотели признавать разницы между частными и казенными дорогами. Американский синдикат соглашался предоставить русскому правительству кредит в 89 млн. долл., но требовал на 100 млн. долл. обязательств железных дорог по 90 за сто и облигаций тех же дорог на 120 млн. долл. (потом эта сумма была повышена). Синдикат требовал также коллективной взаимной ответственности железнодорожных обществ, скрепленной российским послом в США.

После трех лет синдикат мог предъявить обязательства к уплате или же конвертировать их в 25-летние 5-процентные гарантированные правительством облигации в долларах. Совершенно очевидно, что частные общества были бы не в состоянии уплатить свой долг через три года, и оплачивать его пришлось бы государству. Американские банки не случайно проявляли повышенный интерес к железным дорогам России. Их план был прост и ясен: одолжив сравнительно небольшую сумму (100 млн. долл.), забрать у ослабленной войной России важнейшие железнодорожные магистрали. На большой кредит американские банкиры не рисковали идти, не уяснив себе

²⁶⁰ W. A. Williams. Op. cit., pp. 83—84.

²⁶¹ «Hearings before the special Committee...», part 28, p. 8706. Представители банка, в том числе Мак-Робертс, действительно прибыли в Россию.

«истинного положения будущей России русских естественных богатств и условий»²⁶².

Комитет финансов признал условия железнодорожного займа «слишком тяжелыми» и отказался от данной операции. Но исходя из «общеполитических соображений», царское правительство продолжило переговоры с американскими дельцами. Уже очень соблазнительна была перспектива, о которой мечтал еще Витте в конце XIX в., — открыть американский рынок и, опираясь на него, освободиться от английской и французской «зависимости» в области финансов. Именно рассчитывая на большие операции в будущем, Барк готов был идти на большие уступки в части выпуска железнодорожного займа.

Весной 1916 г., в связи с приездом в Петроград Мак-Роберта и Ричча — «представителей наиболее крупного в Соединенных Штатах кредитного учреждения, стоящего во главе синдиката американских банков» («Нейшнл Сити Бэнк»), переговоры продолжались²⁶³.

С «Нейшнл Сити Бэнк» речь шла пока о чисто финансовой операции. Первоначальные условия синдиката были следующие. Синдикат предоставляет в Нью-Йорке Министерству финансов 50 млн. долл. и получает взамен в Государственном банке 150 млн. руб. В течение трех лет синдикат имеет право снимать рубли по курсу $33\frac{1}{3}$ цента за рубль²⁶⁴ с соответствующим уменьшением долларовой суммы Министерства финансов. Кроме того, синдикат имел право в течение трех лет купить на 50 млн. долл. обязательства государственного казначейства, приносящие $5\frac{1}{2}\%$, используя в оплату свой рублевый счет в Государственном банке. На рублевый счет русское правительство уплачивало 8% , а курс, по которому должны были покупаться обязательства казначейства был таков, чтобы они приносили 8% дохода. Лишь половину предоставленного кредита русское правительство имело право свободно израсходовать по своему усмотрению для платежей в США, а вторую половину должно было израсходовать исключительно для оплаты заказов, размещаемых через Шведско-Русско-Азиатскую компанию.

Следовательно, речь шла об относительно небольшой финансовой операции, по которой русское правительство должно

---

²⁶² ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19. Записка Барка от 10 марта 1916 г.

²⁶³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1405, лл. 3—9. Представление Барка в Комитет финансов 20 мая 1916 г. «О совершении в Америке кредитной операции».

²⁶⁴ Следовательно, курс доллара равнялся 3 руб. До войны 1 доллар = 1 р. 94 к., а в момент переговоров — 3 р. 13 к. за доллар (примечание документа).

было заплатить «высокую цену за валюту и независимо от сего высокий процент по займу»²⁶⁵. Барк называл предложение американских банкиров «сделкой спекулятивной», в которой выгоды без риска получает только одна американская сторона²⁶⁶. Несмотря на это, Барк не отверг предложения американцев, так как ему было ясно, что при нынешнем спекулятивном настроении американского рынка «вряд ли представляется возможность рассчитывать на совершение в Соединенных Штатах кредитной операции на обычных условиях. Не считаться с такой психологией финансовых сфер Америки, сознающих, что страна их с каждым дальнейшим днем войны становится все в более выгодное положение по отношению к сражающимся державам, принужденным использовать все свои денежные ресурсы,— нельзя»²⁶⁷.

После взаимной торговли синдикат пошел на некоторые уступки. Процент по рублевому счету был снижен до 7½. Боны Государственного казначейства покупались синдикатом по курсу до 90¼ за сто (точнее: 94¾% минус особая комиссия в 4½%). Кроме того, синдикат обещал принять «все зависящие от него меры» к размещению на американском рынке обязательств государственного казначейства на 50 млн. долл. на условиях настоящей операции с опционом на дополнительное приобретение обязательств на 100 млн. долл. Но и эта уступка не удовлетворила Комитет финансов, так как она не смягчала открыто спекулятивного характера сделки, а обещания использовать американский рынок для размещения русских государственных бумаг были неопределенны и нетверды. Поэтому Комитет финансов, обсуждавший 23 мая 1916 г. этот вопрос, вполне основательно выразил сомнение в том, «что операция выпуска бонов, наиболее желательная для казны, будет фактически осуществлена»²⁶⁸.

Тем не менее переговоры продолжались, но американские финансисты предупредили министра финансов о том, что 28 мая они «покидают Петроград» для продолжительного путешествия по России. Отпустить их из столицы, не закончив переговоров, Барку не хотелось. К тому еще он получил неблагоприятные известия от английского правительства об условиях, на которых оно соглашалось открыть русскому

²⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1405, лл. 3—9.

²⁶⁶ Высокий процент по ссуде, курсовая выгода, страховка от убытков при падении курса рубля ниже 33⅓ цента в виде обязательств России вернуть доллары через три года и, наконец, возможность ликвидации сделки в любой момент в установленном синдикатом порядке.

²⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1405, лл. 3—9. Представление Барка Комитету финансов от 20 мая 1916 г.

²⁶⁸ Там же, лл. 10—15. Записка Барка в Комитет финансов от 24 мая 1916 г. «О совершении кредитной операции в Америке».

правительству особый свободный кредит в дополнение к уже открытому трассировочному²⁶⁹. Барк находил, «что условия английского предложения *чрезвычайно тяжелы*, и в этом отношении американское предложение более для нас приемлемо. Действительно, Английский банк требует от нас помимо выдачи обязательств государственного казначейства высылку золота и депонирования государственных или гарантированных ценных бумаг, *создавая, таким образом, впервые для нас принцип двойного обеспечения*, тогда как американский синдикат не только не требует высылки металла, но отказался от двойного обеспечения. Затем в смысле срока англичане устанавливают его в один год, синдикат же согласен на трехлетнюю операцию с опционом на пятилетние бонды. Наконец, в отношении стоимости кредита американское предложение (7½%) лишь на ½% выше английского»²⁷⁰. Барк уже забыл, что несколько дней тому назад он называл американские предложения спекулятивными. Из сравнения с английскими условиями получалось, что спекулянты англичане, а американцы предъявили приемлемые условия. Барк предложил вновь рассмотреть американские условия, предупредив Комитет финансов о том, что министр финансов не может добиться каких-либо уступок как по американской, так и по английской операциям. Весь документ был направлен против Англии, и именно в нем Барк говорил о «чрезвычайно тяжелой» финансовой зависимости России от союзников.

26 мая 1916 г. Комитет финансов вновь рассматривал американские условия предоставления кредита. В процессе обсуждения Барк выдвинул на первый план проблему поддержания курса рубля как общегосударственную задачу первостепенной важности. В этом свете Комитет признал «весьма для нас существенным» заключение займа в Америке. Члены Комитета дошли до невероятного вывода о том, будто заем в 50 млн. долл., представляющий меньше полумесячного английского кредита, «освободит нас (т. е. царское правительство.— А. С.) от исключительной зависимости в финансовом отношении от наших союзников»²⁷¹.

Такая формулировка в правительственном документе показывает, как усилились антианглийские настроения среди членов правительства и как велико было желание освободиться от союзнических английских уз. Но расчет Комитета финан-

²⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1405, лл. 10—15. Записка Барка в Комитет финансов от 24 мая 1916 г. (Курсив наш.— А. С.).

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 4—7. Журнал Комитета финансов от 23 и 26 мая 1916 г., утвержденный Николаем II 1 июля 1916 г.

сов относился к послевоенным годам, когда свободные американские капиталы могли более широким потоком направиться в Россию. Комитет финансов своими решениями о желательности «завязать более тесные сношения с Северо-Американскими Соединенными Штатами»²⁷² выражал тенденцию сбросить зависимость от англичан, теснее связавшись с американским капиталом. Комитет финансов разрешил министру финансов совершить финансовую сделку с американскими банками «на предложенных синдикатом последних условиях», без двойного обеспечения.

18/5 июня 1916 г. с синдикатом американских банков во главе с «Нейшнл Сити Бэнк» был подписан договор, по которому он открывал русскому правительству трехлетний кредит на 50 млн. долл. из 6,5% годовых и 1% комиссии.

По договору, Министерство финансов оплачивало израсходованную сумму по истечении трех лет в долларах; министерство получило право по своему усмотрению распоряжаться полученным кредитом, правда, только для платежей в самой Америке. Синдикат же получил право в любое время в течение трех лет приобрести краткосрочные облигации государственного казначейства на сумму 55,4 млн. долл. по цене $94\frac{1}{4}\%$ за 100 с вычетом комиссионных в 1,5%. Обеспечением займа служил счет в 150 млн. руб в Петроградской конторе Государственного банка²⁷³. В случае повышения курса рубля сверх $33\frac{1}{3}$ цента разница делилась между синдикатом и министерством. В случае полного использования рублевого счета соответственно снижался счет в долларах, подлежащий оплате.

В июле 1916 г. финансовый представитель России в Америке Г. А. Виленкин докладывал Особому совещанию по обороне о положении военных заказов в США и возможности заключить там новые займы. По его словам, «пристрастные к спекуляциям американцы вообще не склонны давать деньги под государственные бумаги»²⁷⁴. Англии лишь «с большими трудностями» удалось получить 500 млн. долл., из которых населением было раскуплено облигаций лишь на 40 млн. долл. Франция получила заем только у Ротшильда. Россия получила кредит в 50 млн. долл. у группы банкиров во главе с Морганом из 7,5% под обеспечение 150 млн. руб. кредитными билетами в Государственном банке. «На возможность новых займов,— указывал Виленкин,— рассчитывать не приходится,

²⁷² Там же.

²⁷³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1169, лл. 67—71. Справка о кредитных операциях в Америке.

²⁷⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 117. Журнал Особого совещания № 87 от 9 июля 1916 г.

соответствующие предложения исходят или от неосведомленности или от финансовой интриги; если американцы и дадут деньги, то лишь промышленным предприятиям *с установлением своего контроля за ними* ²⁷⁵.

В своей записке от 30 июня 1916 г. ²⁷⁶ Виленкин указывал, что некоторые предложения больших займов исходили от недоброжелателей России и прямо были рассчитаны на то, чтобы усилить русских «потерпели неудачу» и чтобы отношения русского правительства со своими корреспондентами (банками) были ухудшены.

Из приведенной Виленкиным таблицы иностранных займов, заключенных в США до 1 июля 1916 г., видно, что из общей суммы в 1136 млн. долл., на долю англо-французского кредита приходилось 630 млн. долл., или около 55% всей массы кредита, на долю России — около 100 млн. долл., на долю Канады — 145 млн. долл. Кроме того, Норвегия получила 74 млн. долл., а из воюющих стран Италия и Германия получили по 25 млн. долл. На долю русского правительства приходилось около 8% всего кредита.

18 ноября (1 декабря) 1916 г. с группой Ашберга во главе с «Нейшнл Сити Бэнк» было подписано соглашение о реализации на американском рынке обязательств государственного казначейства на 25 млн. долл., из 5,5% годовых. Эти обязательства должны были быть оплачены в 1921 г. или долларами, или, по желанию держателей, в рублях ²⁷⁷. В январе 1917 г. было заключено соглашение с американской фирмой «Гастон, Вильямс» на оплату заказа в 1 млн. долл. облигациями государственного казначейства сроком на 5 лет. Облигации приносили 5½% и приобретались по цене 90¼ за 100.

Этим исчерпывается финансовая «помощь» США царской России. Общий размер американских кредитов составил около 250 млн. руб. Оценка Виленкиным положения была в основном правильна. До Февральской революции и до вступления США в войну американцы не проявляли желания открыть ши-

²⁷⁵ ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 117. (Курсив наш.— А. С.).

²⁷⁶ АВПР, ф. 11, департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 312—316. Виленкин привел список всех займов, заключенных в США. Русский кредит он определял в сумме «свыше 100 млн. долларов», складывавшихся из следующих цифр: февраль 1915 г. (акцепт тратт) — 25 млн. долл.; май 1915 г. (казначейские билеты) — 10 млн. долл.; май 1916 г.: вторично возобновленные казначейские билеты — 11 млн. долл., специальный кредит — 5 млн. долл., в июне 1916 г. — 50 млн. долл. Данные, приведенные Виленкиным, правильные, но надо иметь в виду, что майский учет 1916 г. казначейских билетов был произведен для покрытия долга 1915 г. в 10 млн. долл., следовательно, реальных средств было получено на 10 млн. долл. меньше, т. е. около 90 млн. долл.

²⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1169, лл. 67—71. Справка о кредитных операциях в Америке; «Вестник финансов», 1926, № 5—6, стр. 137.

рокий кредит русскому правительству. Американские банки не открывали также кредитов русским банкам и промышленным фирмам. Величина же заказов в США, учтенных комиссией по распределению валюты, на 1 апреля (н. ст.) 1917 г. достигала 1967,3 млн. руб., из которых оплачено было около 700 млн. руб.

Американские банки проявили интерес к некоторым отраслям промышленности и железным дорогам России и к ее естественным богатствам. «Нэйшил Сити Бэнк» открыл отделение в Петрограде и наметил открыть второе отделение в Москве. Необходимо отметить, что к началу 1917 г. финансовые отношения России с американскими банками стали принимать более прочный характер, причем американские банки кредитовали не русские банки, а непосредственно правительство.

Американский промышленный и финансовый капитал еще в 1915 г. проявил интерес к развитию торговли и предпринимательства в России. Для этой цели была создана Международная компания фабрикантов и заводчиков, объединившая 34 предприятия различных отраслей промышленности, с капиталом свыше 400 млн. долл.²⁷⁸. Эта организация предложила свои услуги русскому правительству в деле «сближения» США и России. Созданная для больших дел и большого предпринимательства, Компания заверяла, что ее цель — «не заработок». Она заявила, что ей удастся «с помощью американских банков» разработать вопрос о кредите для русских коммерческих организаций. В условиях войны, когда фактически прекратился экспорт русских товаров в США, развитие торговли было возможно только при условии предоставления широкого кредита русским банкам и торговым организациям. Однако, как мы видели из предыдущего изложения, американские банки предоставили ограниченный кредит русскому правительству и отказывали в кредите частным фирмам. Хотя А. Е. Иоффе и считает, что компания развернула «активную деятельность на русском рынке»²⁷⁹, нам кажется, что больших практических результатов деятельность этой организации не имела.

В декабре 1916 г. Русско-Американская торговая палата, созданная еще до войны, также обратилась к министру финансов Барку со специальной запиской, в которой ратовала за целесообразность привлечения в русскую промышленность «именно американских капиталов»²⁸⁰. Однако и это предложение носило общий характер и пока не выходило из области

²⁷⁸ «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 104—107, док. № 1. Письмо Компании министру торговли и промышленности (публикация А. Е. Иоффе). Документ содержит перечень всех предприятий, вошедших в эту организацию.

²⁷⁹ Там же, стр. 102.

²⁸⁰ Там же, стр. 108—110, док. № 2.

пожеланий. Палата просила у министра «руководящих взглядов» в отношении «желательности, возможности и условий» привлечения американских капиталов к промышленному развитию России. Ответ Барка не известен, но, судя по его взглядам, он мог одобрительно отнестись к мысли Русско-Американской торговой палаты, хотя практическая деятельность в этой области могла развернуться только много позднее.

Русская буржуазия тоже завязывала отношения с американским банковским миром через военно-промышленные комитеты. 27 января 1917 г. А. И. Гучков обратился в Министерство финансов с запиской, в которой сообщал о возможности немедленно получить в США товарный кредит в 100 млн. руб. на 2—3 года. Гучков сообщал также, что Центральный военно-промышленный комитет думает получить «для осуществления своих покупок в Америке валюту путем самостоятельной операции»; излишки средств Гучков соглашался уступить правительству по особому договору. Хотя в этом предложении было много фантастики, но бесспорно стремление буржуазии укрепить и улучшить отношения России с Америкой, поскольку США определенно склонялись на сторону Антанты. В связи с этим в министерствах финансов и иностранных дел родилась идея посланки в Америку «особой финансово-экономической миссии», которая содействовала бы «сближению с американским рынком».

7 февраля 1917 г. проф. Б. А. Бахметьев в Совете съездов представителей промышленности и торговли сделал специальный доклад о финансовом сближении с США²⁸¹. Он указал на огромное накопление золотых запасов в США и развитие их производительных сил. По мнению докладчика, помещение американских капиталов в Европе после войны — задача «гораздо более реальная», чем усиление промышленного экспорта в европейские страны. Россия, говорил Бахметьев, должна явиться «одним из главных европейских рынков для американского золота». Докладчик указал на рост в США интереса к России, что нашло свое выражение в создании Американско-Русской торговой палаты, в организации особой корпорации («International corporation») для финансирования предприятий за границей, в посланке ряда экспедиций в Россию для обследования русского рынка. Соединенные Штаты, продолжал Бахметьев, выступят после войны наиболее крупным капиталистом, который отнесит кредиторов России — Англию, Францию, Бельгию. Однако США сыграют свою роль в России лишь при условии, если приток американских капиталов начнется

---

²⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 27, лл. 15—19. Журнал заседания Комитета Совета съездов от 7 февраля 1917 г.

«теперь же». По мнению докладчика, совершенно не состоятельному, американский капитал был особенно выгоден для России потому, что он, во-первых, якобы «аполитичен», «не связан ни с какими политическими целями», а, во-вторых, потому, что принесет богатый технико-административный опыт.

А. И. Коновалов — будущий министр торговли и промышленности Временного правительства — также выступал на этом заседании горячим сторонником сближения с США. Он предложил создать Русско-Американский комитет, который «должен был бы всячески способствовать делу привлечения американских капиталов в Россию»²⁸². Однако в ходе обсуждения доклада некоторые выступавшие указывали на хозяйственную и политическую шаткость положения в России, что заставляло американцев «опасаться» за судьбу своих капиталов в России (напомним, что доклад Бахметьева состоялся 7 февраля 1917 г., накануне свержения самодержавия).

Так среди правящих классов России — помещиков и буржуазии созрело единодушное намерение сменить одного кредитора (Франция — Англия) на другого, более богатого. Эта линия финансово-экономической политики только еще формировалась. Правящая клика проявляла большую осторожность: она хотела купить освобождение от английской зависимости возможно более дешевой ценой. С другой стороны, американский капитал, представленный мощной корпорацией банков, делал первые разведочные шаги, проявляя несомненный интерес к финансированию государства, а также к инвестициям в железнодорожный транспорт и некоторые отрасли промышленности.

7. ЯПОНСКИЕ КРЕДИТЫ

Япония вступила в первую мировую войну на стороне Антанты. Она захватила германские колонии в Китае, и этим ее непосредственное участие в войне ограничилось.

²⁸² «Русско-Американский комитет содействия экономическому сближению России и США» был создан в конце апреля 1917 г. и возглавлялся бывшим министром царского правительства Н. Н. Покровским. Последний 3 июня 1917 г. обратился с просьбой к министру торговли и промышленности отпустить 25 тыс. руб. на организационные расходы в связи с «приступом к работам». Комитет пытался объединить правительственные и частные усилия в деле развития товарооборота между обеими странами. («Исторический архив», 1957, № 4, стр. 113—119, док. 5—8). Покровский сообщал, что комитет переживал финансовый кризис и был «накануне ликвидации своих дел, если правительство не придет ему на помощь» (стр. 117). По-видимому, деятельность комитета не выходила за рамки осведомительной. Если бы уже велись широкие практические дела, банки и фирмы, практически заинтересованные в работе комитета, не оставили бы его без средств. Но и пропагандистская деятельность комитета нацеливала американцев на горную промышленность и лесные угодья.

Присоединение Японии к Антанте было выгодно для царского правительства. Оно дало ему возможность сосредоточить все свое внимание на германо-австрийском фронте, перебросить туда все войска и использовать Японию в качестве поставщика оружия и боевого снаряжения.

Россия не только закупала у Японии излишки оружия и патронов, она поставила вопрос о передаче России части винтовок из мобилизационного запаса Японии (300 тыс. штук)²⁸³. Министр иностранных дел Сазонов всячески торопил своего посла в Токио с выяснением этого вопроса, причем русское правительство соглашалось «принять на себя расходы по расширению японских arsenалов» в случае уступки ему винтовок из японского запаса²⁸⁴. Это было в апреле 1915 г., когда выявилося катастрофическое положение с вооружением русской армии.

Русское правительство соглашалось не только на щедрую материальную компенсацию за уступку оружия, но и предлагало Японии заключить с ней тесный союз. Однако японское правительство после выдачи 100 тыс. винтовок заявило, что оно более не уступит оружия ранее, чем не обеспечит пополнения собственных потребностей, «то есть не прежде, как года через два»²⁸⁵. Однако отказ Японии не снял с повестки дня вопроса о винтовках. Русское правительство закупило все наличные винтовки на японском рынке, а в августе 1915 г. вновь настойчиво просило японское правительство о немедленной уступке 1 млн. винтовок. Ясно, что эта сделка выходила за рамки обычной коммерческой операции и приобретала крупное политическое значение. Японское правительство долго затягивало ответ, а затем опять отказало, обещав в будущем снабжать Россию, когда «расширит арсенал и построит новый ружейный завод»²⁸⁶. Все же до момента этих переговоров Япония уже продала России 430 тыс. винтовок, из них 100 тыс. летом 1915 г. Больше уступать она не хотела.

Наряду с переговорами о винтовках Военное министерство России проектировало крупные военные заказы на сотни миллионов иен. О размерах предполагавшегося использования японского рынка дает представление записка военного министра Поливанова, врученная в сентябре 1915 г. японскому послу в Петрограде барону Мотоно²⁸⁷. Русское правительство предполагало закупить у японского правительства 4 млн. сна-

²⁸³ МО, серия III, т. VII, ч. 2, док. № 536, 552 и др.

²⁸⁴ Там же, док. № 552, стр. 184.

²⁸⁵ Там же, т. VIII, ч. 1, док. № 134.

²⁸⁶ Там же, ч. 2, док. № 479, 556, 579 и др. Приведенные слова — из док. № 579, стр. 141.

²⁸⁷ Там же, док. № 901, стр. 479—480.

ряженных трехдюймовых патронов, 200 тыс. винтовок с патронами, 5 тыс. пулеметов, около 500 орудий, 600 прожекторов, 20 тыс. телефонных аппаратов, 4 млн. пудов колючей проволоки, 100 верст провода и т. д. К выполнению этого заказа необходимо было привлечь не только японские частные предприятия, но и казенные военные заводы.

От выполнения заказа Япония отказалась²⁸⁸, но предложила поставить России 2 млн. винтовок в период с 1917 по 1920 г. Министру иностранных дел ничего не оставалось сделать, как поблагодарить своих союзников за их «готовность» мобилизовать свою промышленность и просить еще раз немедленно отпустить 200 тыс. винтовок из своих запасов. При этом условии русское правительство соглашалось дать японской промышленности заказ в 1,8 млн. винтовок с длительными сроками поставки²⁸⁹. Но и от этого предложения России японцы отказались²⁹⁰. Так отпал один из крупнейших заказов, который мог на долгий срок загрузить военные предприятия Японии; японская промышленность так и не была полностью использована Россией для вооружения своей армии. Зато в ходе войны Россия купила в Японии три старых военных судна стоимостью около 15 млн. иен.

По-видимому в августе 1915 г., до поездки в Лондон для заключения нового финансового соглашения, Барк определял сумму предстоящих платежей в Японии по размещенным заказам в 4700 тыс. ф. ст., а количество намеченных заказов России в Японии — в 289 млн. иен²⁹¹. Последняя цифра, видимо, отражает лишь планы военных учреждений России разместить заказы на эту сумму. Действительные заказы хотя и выросли, но далеко не достигали указанной цифры.

По сведениям валютной комиссии, представленным ген. Михельсоном, в конце 1915 г. сумма платежей в Японии исчислялась в 120 688 тыс. иен, подавляющее большинство которых приходилось на заказы, размещенные до 1 октября 1915 г., и лишь незначительная сумма в 13 353 тыс. иен — на заказы, сделанные после 1 октября 1915 г.²⁹² Все платежи были разбиты помесечно на год вперед — до 1 октября 1916 г.; вне месячной разбивки оставалась лишь сумма в 19,8 тыс. иен. Эти данные соответствуют действительности. В письме Михельсона к Барку от 11 февраля 1916 г. о заказах в Японии

²⁸⁸ Там же, т. IX, док. № 88.

²⁸⁹ Там же, док. № 92.

²⁹⁰ Там же, док. № 450.

²⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1916 г., д. 535, лл. 1—3. О производстве кредитной операции в Японии. Специальная записка (без даты и номера) Особенной канцелярии по кредитной части, подписанная Барком.

²⁹² ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1915 г., д. 8, лл. 49—50. Сводка сведений о платежах в Японии.

названа сумма в 178 млн. иен, но из нее на 57 млн. иен только «предположено» было сделать заказы, а размещенные заказы исчислены в сумме около 121 млн. иен²⁹³. Причина медленного роста заказов кроется в отсутствии кредитов и нежелании русского правительства вывозить золото для платежей по заказам.

По сентябрьскому соглашению 1915 г. с Англией, русское правительство получило кредит в 6 млн. ф. ст. для платежей в Японии, но вскоре выяснилось, что этой суммы далеко не достаточно. Военное ведомство России, основываясь на дешевизне японских товаров, аккуратности в выполнении заказов и удобствах их доставки, намеревалось значительно увеличить количество заказов в Японии.

В январе 1916 г. размер платежей по размещенным заказам в Японии определялся в 94 млн. иен, а общая сумма заказов — в 289 млн. иен и 154,5 тыс. ф. ст. Однако из этой суммы заказы на 169 млн. руб. были решены еще только «в принципе», но окончательно еще не даны. Эти данные не совпадают с ранее названными цифрами военных заказов. Поэтому Барк просил Поливанова дополнительно сообщить «точные данные»²⁹⁴. По-видимому, количество размещенных заказов достигало лишь ранее названной цифры в 121 млн. иен.

Во всяком случае даже Министерство финансов не могло разобраться в представленных материалах, и Барк жаловался военному министру, что его министерству приходится выступать «не имея цифр»; хотя уже пошел пятый месяц со времени открытия Англией кредитов, «а нами между тем до сих пор не сообщено английскому правительству точных данных о наших заказах»²⁹⁵. По мнению Барка, это обстоятельство настраивало англичан «к сдержанному отношению» к требованию русского правительства об увеличении суммы кредитов в Японии. Одновременно Барк извещал Поливанова о том, что он отвергает предложение военных кругов о вывозе в Японию золота для оплаты военных заказов²⁹⁶, считая, что они должны производиться за счет открытых английским правительством кредитов. Ко времени этой переписки, т. е. к середине января 1916 г., по сведениям министра финансов, английский кредит был использован в Японии приблизительно «в половинном размере», точнее в количестве 3,2 млн. ф. ст., и имелся остаток в сумме 2,8 млн. фунтов, который можно было еще использовать для платежей.

²⁹³ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1915, д. 18, лл. 33—36.

²⁹⁴ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», д. 193, лл. 75—76.

²⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 8, лл. 49—50.

²⁹⁶ Там же. «Но я совершенно не могу пойти на предлагаемую вашим высокопревосходительством меру высылки золота». — писал Барк.

Однако в исчислении израсходованных английских кредитов данные Барка не вполне согласовывались с английскими. Англичане уже в конце января 1916 г. считали, что из 6 млн. ф. ст. кредита русские израсходовали 5,5 млн. фунтов. Об этом, в частности, предупреждал фон Замен, находившийся в Лондоне для упорядочения отчетности по использованию кредитов²⁹⁷. Об этом же говорилось в телеграмме лорда Грея от 8 февраля 1916 г., который сообщал о согласии английского правительства уплатить сумму «и несколько свыше 6 млн. ф. стерлингов», но одновременно предупреждал, что уже уплачено 5,5 млн. фунтов²⁹⁸.

Обещание англичан уплатить несколько «свыше 6 млн. фунтов» было в России истолковано как согласие Англии удвоить кредит и довести его до 12 млн. фунтов. Эта сумма стала преждевременно фигурировать во всех расчетах валютной комиссии²⁹⁹.

Параллельно с вопросом о размещении новых военных заказов в Японии продолжал обсуждаться вопрос о передаче России винтовок из военных запасов, причем предпосылкой решения вопроса должна была явиться уступка Россией железной дороги между Чань-Цунем и Харбином и разрешение всех вопросов, касающихся Китая, в интересах японского империализма³⁰⁰.

Мы не будем сейчас углубляться в дипломатические переговоры, которые происходили между Россией и Японией. Остановимся лишь на финансовой стороне проблемы. Рост русских военных заказов в Японии поставил со всей остротой вопрос о средствах расплаты. Уже к концу 1915 г. русское правительство далеко вышло за пределы английского кредита. Необходимо было или вывозить золото, или получить кредит для оплаты заказов в Японии у японских банкиров или японского правительства.

Переговоры с японскими банками о предоставлении кредита России начались еще в 1915 г. Синдикат банков, соглашаясь открыть кредит в 50—60 млн. иен, выдвинул непременным условием высылку золота на 30 млн. иен, а стоимость учета определялась банками в 7%. Только когда Министерство финансов категорически отвергло ростовщические условия, японские финансисты предложили более выгодные условия. Они отказались от высылки золота и согласились учесть обязательства государственного казначейства на 50 млн. иен сроком

²⁹⁷ Там же, д. 23, л. 19.

²⁹⁸ Там же, л. 20.

²⁹⁹ Там же, лл. 33—36. Письмо Михельсона Барку от 11 февраля 1916 г.

³⁰⁰ МО, т. X, док. № 203. Телеграмма японского министра иностранных дел японскому послу в Петрограде.

на один год. Стоимость этой операции, включая все дополнительные расходы, составляла 6%. Таким образом, констатировал министр финансов Барк, «изложенные условия кредитной операции представляются более льготными, чем те, на которые мы получали средства для расплаты по японским заказам при посредстве английского правительства»³⁰¹. На этих условиях соглашение с японскими банками было подписано 25 января 1916 г. В феврале 1917 г. договор был возобновлен еще на год, но на менее выгодных условиях: учет поднялся до 6%, комиссия (не считая других расходов — до 1,5%, так что перучет стоил Министерству финансов 7,525%. Кроме того, с отдельными фабрикантами (например, с фирмой Окура — на 19 030 тыс. иен) правительство расплачивалось не наличными деньгами, а 5-процентными обязательствами государственного казначейства сроком на один год с правом их возобновления на 6 месяцев.

Но имевшихся у царского правительства средств было далеко не достаточно, так как размер платежей в Японии валютная комиссия определяла в 178 млн. иен³⁰². Англия увеличила отпуск средств в феврале 1916 г. до 9 млн. фунтов, а потом и до 12 млн. ф. ст.³⁰³ при условии, что сумма платежей не превысит 1 млн. ф. ст. в месяц. Одновременно английское казначейство сообщило, что «это исчерпывает» имеющуюся у него возможность переводить суммы в Японию. Из вырученного займа в 50 млн. иен Министерство финансов израсходовало 15 млн. иен на учет и покупку серебра. Таким образом, в распоряжение валютной комиссии для оплаты военных заказов поступило только 35 млн. иен, что вместе с английским кредитом составило 155 млн. иен, или на 23 млн. иен меньше требуемой для полной расплаты суммы.

Все же положение было пока не таким плохим, как это представлялось военным, ибо первоначальные заказы в 121 млн. иен покрывались одним английским кредитом, а на предполагаемые и вновь могущие возникнуть заказы, часть которых относилась на срок после 1 октября 1916 г., оставалось 35 млн. иен. Валютная комиссия утвердила порядок использования 121 млн. иен³⁰⁴ до 1 октября 1916 г. Все ведомства были предупреждены о том, что заказы, которые зафиксированы в журнале заседания валютной комиссии от

³⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1916 г., д. 535, лл. 1—3.

³⁰² Там же, ф. 1524, оп. 1, д. 70, лл. 27—29. Протокол 22-го заседания валютной комиссии от 8 февраля 1916 г.

³⁰³ В протоколе валютной комиссии отмечено как возможность, что на представление новых 6 млн. ф. ст. английское правительство, «по-видимому, соглашается».

³⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916 г., д. 70, лл. 27—29.

8 февраля 1916 г., «могут производиться беспрепятственно», а для оплаты новых, не сообщенных валютной комиссией платежей, последняя не имеет свободной валюты. Приходилось озаботиться изысканием средств на японском денежном рынке, так как посылать золотые запасы в Японию правительство не могло: золото было нужно для отправки в Англию и в качестве обеспечения внутреннего обращения.

В марте 1916 г. русскому послу в Токио было поручено вести переговоры с японским правительством о займе в 315 млн. иен. Посольство в Японии называло сумму займа «грандиозной по здешним условиям»³⁰⁵ и предупреждало о трудностях даже его частичной реализации. Поверенный в делах предупреждал, что со стороны Государственного банка Японии возникнет вопрос «о ссужении или предоставлении ему золота в той или другой форме», а частные банки будут настаивать «на увеличении комиссии и процентов в свою пользу».

Все опасения посольства действительно оправдались. Японское правительство отнеслось «сочувственно» к предложению о займе, но отказалось от единовременной реализации всех 315 млн. иен и потребовало обеспечить заем высылкой золота. Только после решительного отказа России Япония потребовала «поручительства со стороны Англии или же Франции, или же обязательства этих держав на облигации английских или французских займов»³⁰⁶. Совершенно очевидно, что царской России не доверяли. Не верили ни в ее финансовые ресурсы, ни в военную мощь, а поэтому стремились застраховать себя солидным поручительством. Реальная сделка с Японским банком в апреле 1916 г. ограничилась лишь тем, что царское правительство расплатилось за приобретенные суда краткосрочными шестимесячными обязательствами Государственного банка на 15,5 млн. иен, уплатив 5% и еще 1% комиссии. В октябре 1916 г. обязательства были переучтены еще на год, а величина учета с расходами достигла 7,5%. В октябре 1917 г. они были опять возобновлены на год.

Японское правительство было заинтересовано в размещении большого заказа русского правительства на интендантские предметы на сумму свыше 40 млн. иен и под этот заказ соглашалось вести переговоры о новом займе в 43 млн. иен. Министерство иностранных дел России решительно выступило против японского требования гарантий русского займа Англией или Францией и отказалось вести переговоры о займе в

³⁰⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 119—120. Копия секретной телеграммы поверенного в делах в Токио от 1 апреля 1916 г.

³⁰⁶ Архив Наркомфина СССР, ф. Особенной канцелярии по кредитной части, д. 20, II отд., 1 ст., 1916 г., О займе в Японии, справка. № 9.

43 млн. иен, поручив посольству добиваться большого займа. Одновременно русское правительство соглашалось уступить Японскому банку право получать платежи с китайского правительства в сумме 179 млн. руб. (по боксерскому восстанию)³⁰⁷.

15 июня 1916 г. русское посольство в Токио сообщило условия, на которых Япония соглашалась предоставить России заем³⁰⁸ в размере 70% суммы боксерской контрибуции, т. е. примерно в 121,9 млн. руб. В эту сумму должны были быть зачислены и 15 млн. иен, полученных в апреле для оплаты купленных судов. Японские банки требовали 6% в год плюс 1,5% комиссии. Посол, передавая японские условия, находил их обременительными. 4 июня 1916 г. было дано указание прекратить переговоры на этой базе и вернуться к переговорам о краткосрочном займе в 50 млн. иен. 19 июля русский посол сообщил о просроченных платежах и определял количество непокрытых валютой заказов в 80 млн. иен³⁰⁹.

В конце июля 1916 г. финансовые ресурсы русского правительства в Японии истощились. Англия согласилась выдать добавочно 3 млн. фунтов, доведя общий кредит в Японии до 12 млн. ф. ст. О предстоящих в Японии платежах Барк говорил в «соединенном присутствии» Совета министров и Комитета финансов, что они «уже превышают 200 миллионов иен»³¹⁰. За первое полугодие 1916 г. в Японии было учтено обязательств государственного казначейства на 65 млн. иен, но вырученные деньги все были израсходованы. Правительство вело переговоры с банками о краткосрочной операции по учету обязательств на 60 млн. иен на условиях, принятых в начале 1916 г. Японские банки не отказывались от операций, но они повышали процент за учет с 5 до 6 и стремились добиться комиссионного вознаграждения не в 1, а в 1,5%.

Вполне соглашаясь с удорожанием кредита до 6%, министр финансов решил всячески «бороться с попыткой японских банков добиться увеличенной прибыли в связи с новой нашей операцией»³¹¹. Но борьба была неравной, и министру финансов очень скоро пришлось капитулировать. Считаясь с безденежьем казначейства и необходимостью срочно платить по военным поставкам, Барк предложил «не останавливаться и

³⁰⁷ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 23, лл. 213—214. Копия телеграммы поверенного в делах в Токио от 24 апреля 1916 г. и копия телеграммы МИД от 6 мая 1916 г.

³⁰⁸ Там же, лл. 219—220а, 221—224.

³⁰⁹ Там же, л. 226.

³¹⁰ Там же, ф. 563, оп. 2, д. 535, лл. 6—10. Докладная записка Барка от 9 августа 1916 г. «О совершении кредитных операций в Японии и Италии».

³¹¹ Там же.

перед комиссией до 1,5%»³¹². 10 августа 1916 г. Комитет финансов утвердил представление Барка и разрешил ему выпустить на 60 млн. иен обязательств казначейства на изложенных Барком условиях³¹³. В сентябре 1916 г. были выпущены краткосрочные обязательства на 70 млн. иен, по которым японские банки выплачивали 94 за 100 и получили полторапроцентные комиссии. Срок операции определялся в один год. При погашении полагалась добавочная комиссия в одну четверть процента. Это была последняя финансовая операция, которую Россия совершила в Японии до Февральской революции.

Едва успело Министерство финансов провести эту операцию, как военный министр Шуваев обратился к Барку с письмом, в котором указывал на необходимость добыть новые кредиты в Японии «на сумму не менее 200 миллионов иен»³¹⁴. Реализованный заем покрывал только часть заказов, «данных без покрытия кредитами», а таких заказов было выдано свыше чем на 96 млн. иен, причем около 40 млн. иен не были обеспечены средствами. Кроме того, японское Министерство иностранных дел просило дать интендантских заказов на сумму в 45 млн. иен, с чем соглашалось русское Военное министерство; наступал, далее, срок переучета краткосрочных обязательств на 15 млн. иен за купленные Морским министерством суда. Всего получилась сумма в 100 млн. иен. Помимо перечисленных расходов, военный министр указывал на выработанные в военном ведомстве планы новых заказов на сумму более 220,5 млн. иен³¹⁵.

Так как все заказы одновременно разместить было невозможно, то для оплаты уже сделанных заказов и части намеченных Шуваев просил об открытии кредита по третьему займу «не менее 200 миллионов». Имевшейся наличности 69 млн. иен, по мнению Шуваева, хватало для платежей до 1 декабря 1916 г., а новый кредит должен был обеспечить потребности военного ведомства на 10 месяцев (по 20 млн. иен в месяц) — до 1 октября 1917 г. Шуваев хотел, чтобы соглашение о кредитах предшествовало выдаче новых заказов, иначе русское правительство оказывалось в неравном положении при финансовых переговорах. Однако, на деле в таком положении оно

³¹² Там же.

³¹³ Там же, лл. 11—12. Журнал Комитета финансов от 10 августа 1916 г.

³¹⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, лл. 226—227. Копия письма Шуваева Барку от 19 сентября 1916 г.

³¹⁵ Там же. Шуваев представил разбивку этой суммы по Главным управлениям, в том числе указал 26,5 млн. иен на потребности военного флота и 104 млн. иен (почти половину всей суммы) на закупку металлов в Японии.

оказывалось и в сентябре 1916 г., когда новые заказы уже на 20 млн. руб. превосходили открытый кредит. Дальше идти по этому пути означало «отдать наш японский кредит на полный произвол Японии»³¹⁶. Военное министерство продолжало переговоры с японскими фирмами о новых заказах в надежде, что они побудят правительство и банки предоставить новые кредиты России, только после открытия которых стали бы выдаваться и новые заказы³¹⁷.

В этом духе была выдержана нота, переданная 20 сентября 1916 г. Министерством финансов японскому послу Мотоното³¹⁸. В ней Барк наметил общую сумму заказов, которые русское правительство намеревалось разместить в Японии, в 300 млн. иен, а общую сумму кредитной операции в Японии — в 400 млн. иен. Барк предупреждал японское правительство, что русское правительство не рассчитывает на немедленное получение всей суммы, но определяет месячную свою потребность в 25 млн. иен в течение года «для полного выполнения заказов» в сумме 300 млн. иен. Русское правительство обещало сделать заказы только «в пределах тех кредитов, коими оно будет располагать в зависимости от того, в каком размере будет заключен заем».

Хотя Барк и просил о новом большом займе, но к концу января 1917 г. русское правительство имело еще свободной валюты на сумму свыше 35,6 млн. иен от предыдущего займа. По-видимому, замена военного министра Шуваева Беляевым и Петроградская конференция союзников отразились на нормальной работе военного ведомства; только 24 января 1917 г. сенатор Гарин созвал специальное совещание для распределения неизрасходованной суммы в иенах по ведомствам³¹⁹.

Переговоры с японскими банками затянулись, и только 4 февраля 1917 г. посол в Японии Крупенский мог сообщить их конкретные результаты³²⁰. Намеченная Барком сумма кредитной операции оказалась слишком большой. Японские банки

³¹⁶ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, л. 220. Копия письма Шуваева Нератову от 14 сентября 1916 г.

³¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1917 г., д. 122, л. 49. 19 августа 1916 г. Шуваев сделал на докладе председателя валютной комиссии категорическое распоряжение не допускать новых заказов в Японии без наличия валюты.

³¹⁸ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 3, л. 229. Секретное письмо Барка Шуваеву от 20 сентября 1916 г. К письму был приложен русский текст ноты (лл. 230—231).

³¹⁹ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 68, лл. 32—35. Половину этой суммы — 17 млн. иен — получил уполномоченный по снабжению металлами, 13,6 млн. иен — Главное артиллерийское управление, а остальные небольшие средства были поделены между Военно-санитарным и Военно-техническим управлениями.

³²⁰ Там же, д. 90, л. 33. Копия телеграммы Крупенского от 4 февраля 1917 г., № 60.

соглашались предоставить заем лишь в размере 100 млн. иен, выпускаемых в два приема. Первые 70 млн. иен могли быть выпущены в марте 1917 г., а остаток — через один или два месяца, с тем чтобы полностью выручка от займа могла быть выплачена в конце мая. Срок займа — трехлетний. Условия займа были весьма тяжелыми: 7% годовых, 2% комиссии в пользу синдиката банков, не считая других расходов, оплачиваемых русской стороной; все прочие условия совпадали с контрактом от 4 сентября 1916 г.

Японские банкиры выразили пожелание, подкрепленное заявлениями министров финансов и иностранных дел, о необходимости закончить все переговоры о займе до 5 марта 1917 г., «так как иначе японские капиталы получают иное назначение»³²¹. Синдикат банков не брал на себя никаких обещаний относительно дальнейшего увеличения займа, но указывал, что если русское правительство обратится по этому вопросу к японскому правительству, то последнее могло бы оказать некоторую финансовую помощь в пределах от 30 до 50 млн. иен. Названные Крупенским суммы, по его мнению, составляли «предел того», на что русское правительство могло рассчитывать в ближайшие месяцы. Крупенский правильно оценивал японские требования как желание «использовать наши затруднения». Японское правительство было убеждено, что русское правительство вынуждено будет принять его условия³²².

8 февраля 1917 г. министр иностранных дел просил военного министра поскорее представить список заказов в счет проектируемого нового займа в 100 млн. иен. В письме еще раз напоминалось, что японские банкиры соглашаются ждать русского ответа «до 5 марта 1917 г. нового стиля», а японский министр иностранных дел ждет список заказов. Министр иностранных дел заранее снимал с себя ответственность за неудачу переговоров с Японией, если бы она произошла в результате «затяжки наших ответов»³²³. Министр иностранных дел, видимо, лучше военных понимал, что правительство не может более рассчитывать на английскую финансовую помощь по закупкам в Японии. Решения Петроградской конференции на этот счет были весьма неопределенны.

Мы не могли по документам проследить, представило ли военное ведомство свои заявки и какие инструкции были посланы Крупенскому. Однако окончательной договоренности об условиях займа до свержения царского строя не последовало. Но как только в России произошла революция, японские бан-

³²¹ Там же.

³²² Там же, телеграмма № 61 (дополнение к телеграмме № 60).

³²³ Там же, д. 68, л. 48.

ки отказались вести переговоры о займе «впредь до выяснения политического положения в России». Общая величина заказов по заключенным контрактам, не оплаченным ко времени Февральской революции, оценивалась в 108,5 млн. иен, а если к ним прибавить и подготовленные к заключению контракты, то в 142 млн. иен ³²⁴. Путем заключения новых кабальных займов правительство намерено было еще в большей мере использовать японский рынок, однако положение ухудшалось, между прочим, и потому, что часть заказов, отнесенных в свое время на английский кредит, английское правительство еще в ноябре 1916 г. отказалось оплатить. Количество таких заказов достигало суммы почти в 8 млн. иен ³²⁵. Всего царским правительством было получено в Японии кредитов до 150 млн. иен.

8. ИТАЛЬЯНСКИЕ КРЕДИТЫ

К получению кредитов в Италии царское правительство прибегло только в 1916 г., когда со всей остротой выяснилась необходимость серьезного усиления технической оснащённости русской армии автомобилями и авиацией. Как мы уже знаем, к весне 1916 г. русское правительство в основном использовало английский заем и встретило препятствия со стороны английского правительства к размещению новых заказов в США и Италии ³²⁶. Между тем Италия имела развитую автомобильную и авиационную промышленность, которая, по мнению русских военных специалистов, могла удовлетворить в автомобилях почти всю потребность России до 1 июля 1917 г. ³²⁷ С точки зрения технической итальянские автомобили расценивались русскими специалистами выше английских. По мнению ген. Милеанта, они являлись «наиболее приспособленными и выносимыми машинами для службы на фронте». Поэтому Военно-техническое управление Военного министерства России выступало решительно за необходимость использовать итальянский рынок в интересах русской армии. Столь же активно

³²⁴ Архив Наркомфина СССР, Иностраннный отд., 1917 г., д. 191. Сообщение агента Министерства торговли и промышленности от 26/13 марта 1917 г.

³²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 48, лл. 10—13. Точная стоимость этих заказов — 7 855 537 иен.

³²⁶ Там же, д. 310, лл. 1—4. В июне 1916 г. ген. Гермониус сообщал из Лондона о том, что английское правительство «отказало в кредите» на закупку 500 автомобилей «Фиат». Между тем русское правительство намеревалось заказать 8500 автомобилей, что вместе с запасными частями стоило около 230 млн. лир.

³²⁷ Там же, л. 10. Таково было мнение начальника Главного военно-технического управления ген. Милеанта. Военное ведомство являлось сторонником и инициатором перенесения заказов на автомобили в Италию.

действовали в Италии русский посол Гирс и военный атташе кн. Волконский.

Имелись две трудности. Во-первых, необходимо было получить кредит в самой Италии, так как других источников оплаты заказов правительство не имело. Над разрешением этого вопроса активно работало посольство. Вторая трудность заключалась в доставке готовой продукции в Россию, что было возможно только при помощи Франции. Характерно, что ни в самой России, ни в Италии, ни во Франции на эту трудность не обращали должного внимания, и с ней фактически не считались. Между тем серьезное обсуждение вопроса о транспортировке в Россию грузов могло повести к отрицательному решению вопроса о размещении заказов в Италии.

По поручению посольства и военного атташе в Италии, член совета Русско-Азиатского банка Н. Рафалович в мае 1916 г. начал переговоры с итальянскими банкирами и промышленниками, заинтересованными в получении долгосрочных заказов, о предоставлении кредита России. Когда выяснилось, что дирекция банка «Кредито Италияно» отнеслась сочувственно к предложениям Рафаловича, Гирс и Волконский просили военное ведомство поддержать это начинание³²⁸. Следовательно, переговоры формально начал представитель частных банков России с коммерческим банком Италии, причем речь шла о кредите синдикату русских банков. В данном случае банковский капитал России выступал посредником между русским правительством и финансовым капиталом Италии. Со стороны России был образован синдикат из 8 банков во главе с Русско-Азиатским³²⁹. Итальянское правительство «сочувственно» относилось к намеченной с Россией операции, а русские банки выступали в качестве подставных лиц русского правительства³³⁰.

В конце июня 1916 г. Рафалович подготовил два договора русских банков, один с синдикатом итальянских банков, во главе с Кредито Италияно, а другой — с фирмой Фиат; первый — на 110 млн. лир, из которых первая половина могла быть

³²⁸ Там же, лл. 6—7.

³²⁹ В синдикат, кроме Русско-Азиатского банка, входили Международный, Русский для внешней торговли, Волжско-Камский, Азовско-Донской, Сибирский, Учетно-ссудный и Торгово-промышленный. Название банков перечислено в записке министра финансов в Комитет финансов от 9 августа 1916 г. (ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1916 г., д. 535, лл. 9—10), а также в копиях согласований с итальянскими банками (ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 310).

³³⁰ В своей записке в Комитет финансов от 9 августа 1916 г. Барк писал о том, что переговоры были начаты «заблаговременно», т. е. до новых переговоров с Англией. О том, что переговоры велись с итальянскими банками с санкции и по поручению русского правительства, не может быть никаких сомнений.

использована немедленно, а вторая — между январем и августом 1917 г.; фирма Фиат открывала кредит в 50 млн. лир³³¹. Но Барк в это время находился в Лондоне в связи с переговорами о втором английском займе. Через ген. Михельсона он прислал распоряжение ничего не предпринимать в Петербурге, но вместе с тем указывал на широкие планы заказов автомобилей в Италии и возможность получения английских кредитов для этой цели.

Отсутствие Барка и какие-то возражения русских банков надолго задержали подписание подготовленного соглашения с итальянскими банками. 29 июля 1916 г. Гирс сообщил, что подготовленная сделка на 210 млн. лир «ждет решения»³³². Гирс жаловался в своих телеграммах на русских банкиров и сообщал, что они могли бы сообщить о своих пожеланиях еще «месяц тому назад». Он ставил в пример итальянских банкиров, принявших русские заказы как «дело обороны».

Соглашение с банками еще не было подписано, а Фиат уже начал исполнять заказы, выданные русским военным атташе. Вернувшись из Англии с пустыми руками, Барк 9 августа 1916 г. вошел в Комитет финансов с представлением «О совершении кредитной операции в Японии и Италии»³³³. Как показывает докладная записка Барка, финансовая сторона операции была разработана полно и точно и соответствовала позднее заключенным контрактам. Сумма кредитов итальянских банков определялась в 210 млн. лир; из них 100 млн. лир давала фирма Фиат. Кредит обходился примерно в 7½% годовых, не считая русского гербового сбора в 0,8%. Сверх того, русские банки получали комиссионное вознаграждение в 0,6%. Кредит предоставлялся в форме учета тратт, выданных русскими банками на итальянские банки, входившие в синдикат. Тратты выписывались на 3 месяца и возобновлялись с таким расчетом, чтобы вся операция продолжалась 18—24 месяца, а официальный учетный процент был на ½% выше официальной ставки Итальянского банка.

10 августа 1916 г. Комитет финансов утвердил предложение Барка³³⁴, а 21 августа решение Комитета финансов было утверждено царем. Следовательно, в конце августа соглашения с итальянскими банками могли быть подписаны, тем более, что

³³¹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 310, лл. 31—33. Все большое дело содержит материал об итальянском кредите. Документы отражают различные моменты хода переговоров и причины с задержкой подписания соглашения.

³³² Там же, лл. 48, 62—64.

³³³ Там же, ф. 563, оп. 2, 1916 г., д. 535, лл. 6—10. Не получив новых кредитов у Англии, Барк, естественно, стал цепляться за всякую возможность заместить часть военных заказов. Поэтому вопрос о кредитах в Японии и Италии Комитет финансов обсуждал одновременно.

³³⁴ Там же, лл. 11—12.

технические условия размещения заказов и цены давно уже были согласованы с итальянской стороной. Сумма заказа Фиату была определена в 178 млн. лир, а остальным автомобильным фирмам — в 48,5 млн. лир³³⁵. Заказ на авиационное имущество был подписан в конце сентября 1916 г.³³⁶ Авиационное имущество занимало более скромное место, чем автомобили. Стоимость заказа на моторы составляла 34,5 млн. лир, из которых 2 млн. лир относились за счет английского кредита. Заказ на автомобили превышал на 19,7 млн. лир сумму открытого кредита.

28 сентября 1916 г. из Рима сообщили, что Рафалович получил, наконец, нужные полномочия на подписание соглашений, а 8—9 октября Гирс сообщил, что оба соглашения подписаны: с «Кредито Итальяно» на 110 млн. лир и с фирмой Фиат — на 140 млн. лир, т. е. всего на 250 млн. лир³³⁷. Соглашение было подписано в Милане 16 октября (н. ст.) 1916 г. Рафаловичем, представлявшим группу русских банков, с 9 итальянскими банками³³⁸.

Был установлен следующий порядок расходования кредита. Русские банки выписывали векселя в два приема по 55 млн. лир. Векселя переводились в Генуэзское отделение Русского для внешней торговли банка и передавались для учета соответствующим итальянским банкам. Средства могли расходоваться по требованию военного атташе для оплаты сделанных заказов, однако при условии, что Особенная канцелярия по кредитной части получала от военного ведомства соответствующую сумму в рублях по паритету 37 р. 50 к. за 100 лир. Следовательно, окончательный контроль за расходованием средств Министерство финансов сохраняло за собой. Только тогда, когда Военное министерство переводило рубли на счет Особенной канцелярии по кредитной части, последняя делала распоряжение в Геную о выпуске соответствующей суммы векселей для учета итальянскими банками³³⁹. В архиве не сохранилось материалов о недоразумениях с учетом русских векселей итальянскими банками, но зато имеется много данных о том, как военное ведомство России несвоевременно поставляло рубли

³³⁵ Там же, лл. 48—49. Еще 29 июля 1916 г. Гирс сообщил о том, что заказ на автомобили подготовлен. Фиату намечено было заказать 7500 автомобилей, а другим фирмам — 2000 автомобилей.

³³⁶ Там же, л. 80. Сообщение военного атташе о том, что заказ на авиационное имущество подписан, было получено 25 сентября 1916 г.

³³⁷ Там же, л. 85.

³³⁸ Там же, лл. 120—125. Копия контракта. Три крупнейших банка — Credito Italiano, Banco Commerciale Italiano и Italiano Disconto — открывали кредит на 70 млн. лир, а остальные шесть банков — на 40 млн. лир.

³³⁹ Первый перевод в сумме 18 775 тыс. руб., т. е. на 50 млн. лир, Военное министерство сделало 30 ноября 1916 г.

(казалось, чего проще!), что приводило к задержке в расчетах с итальянскими заводами и ставило военное атташе русского правительства (заказчика) в неудобное положение ³⁴⁰.

Какие-то претензии имелись к Рафаловичу и по контракту с Фиатом. О них он писал специально сенатору Гарину ³⁴¹.

Вторая крупная кредитная операция с итальянскими банками была проведена в связи с заказом царским правительством 50 батарей 42-линейных пушек ³⁴². Выполнение всего заказа должно было проходить с февраля по сентябрь 1917 г., стоимость каждой батареи определялась в 1250 тыс. лир, а вся сумма заказа — в 62,5 млн. лир. Контракт был подготовлен в ноябре 1916 г. и не вызывал «каких-либо принципиальных возражений со стороны Министерства финансов» ³⁴³. Однако согласование технического вопроса — времени учета трат и времени платежей по договору — заняло много времени. Окончательный договор с итальянскими банками был подписан в Париже 12 декабря 1916 г. Со стороны России при этом выступали названные выше 8 банков во главе с Русско-Азиатским (их представлял Н. Рафалович), а со стороны Италии — 6 банков во главе с Italiano Disconto. Синдикат итальянских банков ³⁴⁴ предоставлял кредит в 65 млн. лир для расплат по заказам русского правительства с обществом Ансальдо. Из этой суммы около 5,5 млн. лир (точнее 5 411 250 лир) поступало в свободное распоряжение русского военного атташе для других платежей, а 59,5 млн. лир хранились в банке Italiano Disconto в распоряжении русского правительства (Особенной канцелярии по кредитной части) только для расплаты с Ансальдо. Итальянские банки получали комиссию в размере $\frac{1}{4}\%$ за триместр, а учет был на $\frac{1}{2}\%$ выше официальной ставки.

12 февраля 1917 г. был подписан контракт русских банков с тремя итальянскими во главе с Italiano Disconto о предостав-

³⁴⁰ Эти недоразумения усилились после Февральской революции, когда военное ведомство до конца мая задержало перевод денег.

³⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 310. Письмо Рафаловича от 8 ноября (26 октября) 1916 г. Ввиду претензий русских банков и Кредитной канцелярии явилась необходимость внести в договор с Фиатом изменения, на которые Фиат согласился. Эти изменения не помешали осуществлению дальнейшей программы Министерства финансов, «основанной на стремлении обеспечить местной валютой всю совокупность наших военных заказов в Италии».

³⁴² Каждая батарея насчитывала 4 орудия с передками, 12 зарядных ящиков, повозку с инструментами, 2 обозных повозки, 4 мотоцикла и 2 велосипеда.

³⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 310, л. 131. Письмо фон Замена ген. Михельсону от 18 ноября 1916 г.

³⁴⁴ Там же, д. 235, лл. 106—107. В состав синдиката входили 6 банков, из которых на долю перечисленных выше трех приходилось 55 млн. лир, а на остальные три — всего 10 млн. лир.

лении русским банкам кредита в 10 млн. лир³⁴⁵ для расплат по заказам Ансальдо. Русские банки выписывали тратты на итальянские банки на 3 месяца, с возобновлением их 7 раз, так чтобы срок первой половины кредита достигал 24 месяца, а второй половины — до 31 декабря 1917 г.; таким образом, тратты могли быть возобновлены 5 раз.

Так была обеспечена финансовая сторона расплаты за артиллерию.

Контракт с обществом Ансальдо был подписан в Париже 4 января 1917 г. (22 декабря 1916 г.). Общество обязывалось поставить в феврале — марте 1917 г. по 10 батарей пушек в месяц, а с апреля по сентябрь 1917 г. — по 5 батарей³⁴⁶. Окончательный договор с Фиат о предоставлении кредита до 140 млн. лир был подписан 10 января 1917 г.³⁴⁷

Накануне крушения царское правительство совершало новые кабальные займы, причем кредиторами выступали уже не «великие державы», а второстепенные. Заказывали пушки, автомобили и авиационные моторы в массовом количестве, не образуясь даже с практической возможностью доставки заказанного имущества на русский фронт.

Итальянские банки и фирмы охотно шли на предоставление кредита русскому правительству прежде всего потому, что получали возможность крупной наживы на русских заказах. Так, ген. Михельсон считал, что переплата по заказу Ансальдо составляла чуть ли не 400%³⁴⁸. Для итальянских фирм имело значение еще то обстоятельство, что заказы были длительные и получались без посредничества французских и английских банков.

26 февраля 1917 г. фирме Ансальдо был сделан перевод первой половины стоимости заказа в 32,25 млн. лир, но в тот же день поступила телеграмма Гирса о том, что курс лиры упал на 25% и что итальянские фирмы не могут выполнять заказы по прежней цене. По мнению Гирса, итальянские фирмы имеют «моральное право просить повышения цен»³⁴⁹. Характерно, что это предложение встретило поддержку со стороны специалиста по снабжению, бывшего помощника военного министра Гарина, который и после Февральской революции удержался в военном аппарате. Он выступил за «справедливое» повышение цен при окончательных расчетах, причем

³⁴⁵ Там же, лл. 106—107.

³⁴⁶ Там же, д. 310, л. 283—285.

³⁴⁷ Там же, д. 235, лл. 119—121.

³⁴⁸ Там же, д. 310, лл. 158, 188. Ген. Палицын просил не подписывать договор с Ансальдо, так как Шнейдеру платили по 69 тыс. франков за пушку, а Ансальдо — до 300 тыс. франков.

³⁴⁹ Там же, л. 180.

арбитрами должны были выступить английские и французские специалисты³⁵⁰.

Ко времени Февральской революции общая сумма заказов русского правительства в Италии достигла суммы в 323 млн. лир³⁵¹. Она складывалась из следующих элементов:

Главное военно-техническое управление (автомобили и запасные части)	198 255 015
Управление воздушного флота (моторы)	35 000 000
Артиллерия Ансальдо	62 500 000
422 цистерны	27 211 985
<hr/>	
Итого	322 967 000 лир

Платежи на 315 млн. лир были обеспечены предоставленными итальянскими банками кредитами³⁵², а недостающая часть покрывалась за счет английского кредита.

После Февральской революции Гирс и представитель русских банков Н. Рафалович проводили линию на дальнейшее расширение военных заказов в Италии до 800 млн. лир³⁵³. Гирс и Рафалович собирались «подготовить почву» для новых финансовых сделок и излагали различные способы, которыми можно будет решить эту задачу. Однако на сей раз они встретили отказ со стороны тех же лиц, которые так легко согласились на первые операции³⁵⁴.

1 мая 1917 г. поступила тревожная телеграмма из Рима о том, что первая половина займа *Credito Italiano* на 55 млн. лир исчерпана, что платежи прекращены и что регулярная поставка автомобилей и авиационного имущества нарушена. Долг автомобильным фирмам достигал уже 30 млн. лир. Это был не первый сигнал.

Казалось, положение не внушало тревоги, так как векселя русских банков лежали в Генуе, в отделении Русского банка для внешней торговли, и достаточно было передать их для учета соответствующим итальянским банкам. Но тут во всей красе

---

³⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 310, л. 207. Письмо Гарина от 22 марта 1917 г. Гарин выступил только против единоличного повышения цен военным атташе.

³⁵¹ Там же, д. 234, лл. 54—57.

³⁵² На 140 млн. лир Фиат, на 110 млн. лир *Credito Italiano*, на 65 млн. лир *Italiano Disconto*. Кроме того, за счет английского кредита была переведена сумма в 18,99 млн. лир.

³⁵³ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 310, л. 194. Гирс предлагал довести артиллерийские заказы до 470 млн. лир, автомобилей — до 250 млн. лир и заказы авиации — до 50 млн. лир. Телеграмма Гирса от 7—8 марта 1917 г.

³⁵⁴ Там же, д. 310, л. 203. 14 апреля 1917 г. Михельсон в письме к фон Замену высказался против расширения военных заказов в Италии из-за трудностей доставки.

проявились бюрократические порядки русского государственного механизма. Военное министерство, жившее за счет кредитов Министерства финансов, не вносило денег. Особенной канцелярии по кредитной части, а последняя не выпускала векселей для учета.

Еще в конце марта 1917 г. министр финансов Терещенко обратился с письмом к военному министру Гучкову³⁵⁵, прося его сделать распоряжение о взносе денег в рублях. 20 мая последовало новое письмо к Керенскому³⁵⁶, в котором Терещенко оправдывал Министерство финансов и сваливал всю вину на военное ведомство. Через 2 месяца после первого обращения Министерства финансов к Гучкову новый министр финансов Шингарев 29 мая 1917 г. еще раз повторил письмо Терещенко к Керенскому, снабдив его двумя приложениями. Так несколько месяцев тянулось дело, для разрешения которого было достаточно двух минут телефонного разговора одного чиновника с другим. Разложение государственного аппарата уже глубоко охватило его центральные звенья.

В конце мая 1917 г. военное ведомство перевело соответствующие суммы в рублях³⁵⁷, после чего в Италии были учтены векселя на 55 млн. лир. Собственно Временному правительству оставалась по расчетам с Италией простая задача — вносить необходимые суммы в рублях, но и эта задача решалась с большими задержками. В конце июля 1917 г. итальянским фирмам было уплачено за поставки 261,6 млн. лир из причитавшихся 291,8 млн. лир. Таким образом, задолженность достигала еще 30 209 102 лиры³⁵⁸.

Чтобы составить окончательное суждение о том, насколько целесообразно и оправдано было обращение к итальянскому рынку, необходимо ознакомиться с тем, как были выполнены заказы и, в особенности, сколько и какого материала было отправлено в Россию.

Архивный материал по этим вопросам весьма показателен, и мы приведем некоторые факты, которые покажут, что итальянские заказы были авантюристической затеей, имевшей значение только для итальянских банкиров и промышленников, но не оказавшей никакого реального влияния на вооружение русской армии.

³⁵⁵ Там же, лл. 235—237.

³⁵⁶ Там же, лл. 253, 258—259. По поручению Керенского, Маниковский занимался разбором этого дела, но никаких виновников не нашел.

³⁵⁷ 20 и 24 мая 1917 г. было уплачено 85 млн. руб. и 32,5 млн. лир. Главное военно-техническое управление сообщало, что оно перевело 66 млн. руб., в действительности же $\frac{2}{3}$ этой суммы (41 057 150 руб.) были внесены лишь 24 мая 1917 г.

³⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 232, л. 8. Справка о состоянии платежей по заказам на 29 июля 1917 г.

Так, все 50 батарей пушек Ансальдо были выполнены и приняты на месте, но отправлено из них было 3 батареи, из которых одна была выгружена в Англии³⁵⁹. Если допустить, что две батареи были доставлены в Россию (8 орудий), то каждое орудие обошлось русской казне в 8 млн. лир (вместо 69 тыс. франков). Примерно так же обстояло дело и с авиационными моторами разных систем. Из 1250 заказанных моторов было принято 1050, а отправлено всего 62, или 5% от числа заказанного и 6% от числа сданного. Каждый авиационный мотор обходился свыше полумиллиона лир. Не лучше обстояло дело с патронами к ружьям Ветерли: из 220 млн. штук было отправлено всего 12,7 млн. штук. Из 20 тыс. заказанных призматических биноклей было изготовлено 14,5 тыс., а отправлено только 8800 штук, из них 5700 застряло на складах во Франции. Что касается автомобилей, то грузовиков «Фиат» было изготовлено около одной трети заказа — 2673 машины из 7500, а отправлено 1795 штук, из которых около 1500 прибыло в Россию, а 282 погибли в пути. Грузовых автомобилей других марок было принято 390 из заказанных 465, а отправлено всего 75.

Приведенные цифры показывают, что итальянский кредит был использован непродуктивно. Большая часть изготовленных предметов не могла быть доставлена по назначению. От этого кредита выиграли итальянские и русские банки, получавшие солидное вознаграждение за учет и посредничество. Долговая графа русского правительства к моменту Великой Октябрьской социалистической революции увеличилась на солидную сумму, а материальные ценности в своей подавляющей части остались в самой Италии или частично на складах во Франции и Англии. Таким образом, итальянские кредиторы не имели никакого права требовать уплаты по военным кредитам.

---

³⁵⁹ Весь материал об исполнении заказов и их отправке на 1 января 1918 г. хранится в ЦГИАЛ (ф. 1525, оп. 1, д. 232). Из 1500 принятых артиллерийских ящиков было отправлено 300, в том числе 40 было выгружено в Англии. В архиве же имеются и другие данные о количестве оставшихся в Италии грузов. Так, в записке об использовании кредитов указано, что итальянское правительство реквизирировало 40 авиационных моторов, в стране осталось около 1500 автомобилей, около 93 млн. патронов, 5700 биноклей. Автор записки делает оговорку, что эти данные относятся только «к части имущества» военного ведомства, оставшегося на складах за границей (д. 681, лл. 270—274).

Глава V

ПЕТРОГРАДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОЮЗНИКОВ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. ВОПРОСЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ РОССИИ НА ПЕТРОГРАДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СОЮЗНИКОВ 19 ЯНВАРЯ — 7 ФЕВРАЛЯ 1917 г. (СТ. СТ.)

Подготовка конференции

Окончательное решение созвать конференцию союзников в Петрограде было принято по инициативе англичан в Париже, где одновременно с военной конференцией в Шантильи состоялось политическое совещание министров Англии, Франции и Италии¹.

Однако намерение Англии созвать конференцию в России было известно русскому правительству еще раньше. 29 октября (11 ноября) 1916 г. Бенкендорф секретной телеграммой сообщал из Лондона о разговоре с Греем по поводу созыва Петроградской конференции, в которой «второстепенные союзные державы» не должны были принимать участие². В качестве возможных представителей от Англии Грей называл себя и ген. Робертсона³. В течение ноября Бенкендорф неоднократно

¹ Совещание состоялось 14/1—16/3 ноября 1916 г. На нем присутствовали от Франции Бриан и Лаказ, от Англии — Асквит и Ллойд-Джордж, от Италии — Каркано, а также послы названных стран и России. На последнем заседании конференции присутствовали генералы Жоффр, Хейг и Порро и начальники союзных миссий при французской главной квартире. Предложение о перенесении союзнической конференции в Петроград внес Ллойд-Джордж (АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 678/718, лл. 2—3. Копия справки директора дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем от 24 ноября 1916 г.)

² До-видимому, переговоры с Россией на эту тему велись раньше, ибо до выступления Ллойд-Джорджа русская дипломатия с 31 октября (13 ноября) 1916 г. проявляла явный интерес к вопросу о составе делегации союзных стран на конференции в Петрограде.

³ АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 672/707, лл. 2—3.

информировал свое правительство по вопросу о созыве конференции. Грей стремился не слишком оттягивать начало конференции, рассчитывая провести ее в середине декабря (н. ст.)⁴.

Конференция созывалась для обсуждения коренных вопросов материального снабжения России и дальнейшего ведения войны. Тот факт, что «великолепное наступление русских» летом 1916 г. остановилось из-за недостатка тяжелой артиллерии, побуждало союзников выяснить потребности царского правительства в этом роде оружия и снабдить ее даже «в ущерб собственным надобностям» Англии и Франции. Русское правительство придавало решающее значение материально-техническим и финансовым вопросам, ибо без их разрешения царская армия не могла воевать. Финансирование и предоставление Англией новых кредитов России также было отложено до конференции.

Только что назначенному председателем Совета министров А. Ф. Трепову при отъезде его 13 ноября в Ставку в памятной записке о цели конференции говорилось: «Наряду с разработкой стратегического плана кампании... главнейшей задачей конференции явится снабжение России союзниками военными и иными материалами, необходимыми для обеспечения успешного выполнения русской армией тех задач, которые выпадут на ее долю в силу решений конференции»⁵.

В половине ноября, в связи с падением кабинета Асквита и уходом Грея, выявилась необходимость перенести конференцию на январь 1917 г., что было признано Николаем II удобным⁶. 26/13 ноября Бенкендорф сообщил, что Грей не может войти в состав делегатов на конференцию, «не являясь больше министром».

Последовавшие внутриполитические события в России — убийство Распутина, отставка Трепова и замена его одним из крайних правых безвольным и больным Голицыным, а также отставка ряда министров запутали обстановку и мало способствовали тому, чтобы на конференцию поехали крупные политические деятели союзников. Министр иностранных дел Англии «прощупывал» Набокова относительно политики русского пра-

⁴ АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 672/707, л. 15. Телеграмма Бенкендорфа от 12/25 ноября 1916 г.; см. также лл. 17, 18, 33, 34.

⁵ Там же, д. 672/716, л. 16. В сообщении для печати и за границу цели конференции были сформулированы в более общем виде — принятие мер для более энергичного ведения войны.

⁶ Телеграмма посла в Риме от 25/12 ноября 1916 г. с извещением об отсрочке конференции была доложена 27/14 ноября Николаю, который написал: «В январе и мне удобно». Одной из причин отсрочки являлся также не определившийся исход военного наступления немцев в Румынии. Кризис в Румынии угрожал свержением правительства Бриана.

вительства, выражая опасение, не отразятся ли внутренние события в России на ходе работы предстоящей конференции⁷. По словам английского посла в России Бьюкенена, давшего подробную характеристику политики царского правительства накануне Февральской революции, внутреннее положение России «с каждым днем становилось угрожающим. Революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том, придет ли она сверху или снизу. Дворцовый переворот обсуждался открыто... С другой стороны, народное восстание, вызванное всеобщим недостатком продовольствия, могло вспыхнуть ежеминутно»⁸. Чтобы побудить царя пойти на уступки либеральной буржуазии и Государственной думе и изменить резко реакционный характер внутренней политики, Бьюкенен, с санкции своего правительства, настоял на специальном приеме царем, который состоялся 12 января 1917 г.⁹ Перед посещением царя Бьюкенен консультировался с Родзянко, который изложил ему программу Прогрессивного блока. Важнейшим пожеланием либеральной буржуазии являлось назначение председателем Совета министров лица, пользующегося «доверием как со стороны императора, так и со стороны народа», т. е. либеральной буржуазии.

Французский посол М. Палеолог также отдавал себе достаточно ясный отчет о внутреннем положении России и вместе со своим английским коллегой делал все от него зависящее, чтобы революция пришла сверху.

В этой обстановке царское правительство, по-видимому, стремилось оттянуть созыв конференции. Это вызвало вмешательство французской главной квартиры, которая обратилась через своего представителя при Ставке ген. Жанена со специальной телеграммой на имя Николая II. В телеграмме указывалось, что «в настоящий критический момент войны» военные вопросы стоят над политическими соображениями, что после конференции в Шантильи произошли серьезные изменения в обстановке, требующие нового рассмотрения вопросов. «Всякие задержки и промедления изменяют не в нашу пользу соотношение наших возможностей и возможностей центральных государств». Поэтому французская главная квартира настаивала на том, чтобы «не откладывая, созвать конференцию в

⁷ АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 672/716, л. 57. Телеграмма Набокова от 29/16 декабря 1916 г.

⁸ Д. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., 2-е изд., [б. г.], стр. 180. Бьюкенен сознательно ограничивает причины революции недостатком продовольствия, что являлось только одним из поводов всеобщего недовольства войной и правительством.

⁹ Там же, стр. 183. По-видимому, прием состоялся 12 января (н. ст.) 1917 г.

Петрограде и безотлагательно рассмотреть на ней военные вопросы»¹⁰.

Передавая эту телеграмму дарю, ген. В. Гурко¹¹ от себя прибавлял о крайней желательности начать работу конференции «в кратчайший срок», с тем чтобы военные вопросы разбитались в первую очередь. Очевидно после этого последовала телеграмма русским послам в Лондон и Париж о том, чтобы делегаты конференции выехали в Петроград не позднее 7 января.

Личные перемены в царском правительстве повели к решительному изменению состава русской делегации, намеченного еще Треповым. Министр иностранных дел Н. Покровский, назначенный председателем конференции¹², опасаясь новых перемен в правительстве, представил царю не персональный состав делегации, хотя делегаты союзников были уже в пути, а список ведомств, которые должны были выделить своих представителей.

Только в начале января 1917 г., накануне выезда английской делегации, Покровский телеграфировал поверенному в делах в Лондоне о важности финансовых переговоров и о желательности наличия в составе английской делегации «государственного деятеля, вполне осведомленного о положении этого дела и снабженного широкими полномочиями английского правительства»¹³. Выяснилось, что вести финансовые переговоры от имени правительства и канцлера казначейства было поручено лорду Ревелстоку; ему срочно было присвоено звание полномочного министра, так как иначе он не желал входить в состав делегации.

Открытию конференции предшествовало начало деятельности первого американского банка в России, который начал свои операции 22/9 января. Это было отделение Национального городского банка Нью-Йорка. Через несколько дней газеты сообщали, что Англия не хочет отстать от США и что заканчивается разработка проекта открытия в России английского банка с капиталом в 100 млн. руб. для финансирования внешней торговли¹⁴. За широкое привлечение английского капитала в русскую промышленность выступил бывший министр

¹⁰ АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 672/707, л. 63. Копия телеграммы начальника штаба Ставки от 31 декабря 1916 г.

¹¹ Ген. Гурко выполнял обязанности нач. штаба Ставки верховного главнокомандующего за время отпуска и лечения М. В. Алексеева.

¹² Н. Покровский узнал о своем назначении от ген. Гурко.

¹³ АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 672/707, л. 63. Телеграмма Покровского от 17/4 января 1917 г. и л. 71. Ответ Набокова от 18/5 января 1917 г. Набоков подтвердил, что лорд Ревелсток вполне осведомлен в финансовых делах и может говорить от имени канцлера казначейства.

¹⁴ «Новое время», 8 и 18 января 1917 г.

иностранных дел С. Д. Сазонов, избранный председателем Русско-Английской торговой палаты¹⁵. Зато Н. Н. Покровский поддержал обращение Русско-Американской торговой палаты, ратовавшей за привлечение в Россию после войны американских капиталов¹⁶.

Русская печать сообщила о планах американцев получить концессию на строительство железной дороги Москва — Донецкий бассейн¹⁷, причем назывались и имена инициаторов — американского гражданина Кольброка и «весьма авторитетного» русского дельца Ф. А. Липского.

29/16 января 1917 г. первым поездом по Мурманской ж. д. делегаты прибыли в Петроград. Главой английской делегации был член военного кабинета лорд Мильнер, а членами — ген. Вильямс, специалист по финансовым вопросам лорд Ревелсток¹⁸ и посол в России Бьюкенен.

Французскую делегацию возглавлял министр колоний Думерг, бывший премьер и бывший министр иностранных дел. Президент французской республики Пуанкаре писал о нем, что он оказывал большое содействие заключению морского союза между Россией и Великобританией, и рекомендовал его как убежденного сторонника войны до полной победы над Германией, «пока победа не обеспечит союзникам репараций и гарантий, на которые они имеют полное право»¹⁹. Другой делегат, ген. Кастельно, также получил отличную рекомендацию президента как боевой и ценный руководитель, высоко компетентный в вопросах техники, отличившийся своими личными боевыми заслугами и военными способностями²⁰. Членом делегации являлся и посол М. Палеолог.

Во главе итальянской делегации стоял министр без портфеля сенатор Шалоя; членом делегации являлся не проявивший себя положительно на посту командира корпуса генерал граф Руджиери Ладерки. Его командировка в Петроград была удобным предлогом для отстранения его от командования корпу

¹⁵ «Финансовая газета», 7 января 1917 г.

¹⁶ Там же, 18 января 1917 г. Кстати, Покровский после свержения царизма стал председателем этой палаты.

¹⁷ Там же, 27 января 1917 г. Называлась и сумма затрат — 520 млн. руб.

¹⁸ После визита Ревелстока 30/17 января к Барку выяснилось, что «определенных полномочий он не имеет» (АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 678/707, лл. 125—126). В архиве сохранилось большое количество материалов о конференции и о личном составе делегатов. О каждом делегате была подготовлена справка, в которой были отражены основные моменты его политической карьеры.

¹⁹ Там же, д. 672/707, лл. 125—126. Рекомендательное письмо президента Пуанкаре Николаю II от 31/18 января 1917 г. Все письмо посвящено характеристике Думерга.

²⁰ Там же, л. 127. Другое письмо Пуанкаре Николаю II.

сом²¹. В состав делегации входил и посол в Петербурге Карлотти ди Рипарбелла²².

Русская делегация была многочисленной. Возглавлялась она номинально министром иностранных дел Н. Покровским. В состав делегации входили два генерала — военный министр Беляев и нач. штаба Ставки В. Гурко; два адмирала — морской министр Григорович и начальник Морского штаба Русин, министр финансов П. Барк, товарищ министра путей сообщения Войновский-Кригер, а также назначенный послом в Лондон бывший министр иностранных дел Сазонов, которого ценили союзники, и товарищ министра Нератов. Придворные круги были представлены вел. кн. Сергеем Михайловичем — генерал-инспектором артиллерии. Генеральным секретарем конференции был товарищ министра финансов Шателен.

16 января (ст. ст.) 1917 г. состоялась частная встреча делегатов, обсуждавших вопрос о направлении работы конференции. 18 января союзные делегаты представились царю, а 19 января состоялось первое официальное заседание в Маринском дворце.

Предложенный Покровским на предварительном заседании порядок работы конференции с разделением ее на три секции — военно-политическую, снабжения и финансовую — встретил «некоторые возражения» со стороны главы французской делегации Думерга «и других, уже сговорившихся между собой членов союзных делегаций»²³. По их мнению, только основные делегаты могли рассматривать вопросы по существу, остальные же члены делегаций могли лишь принимать участие в подготовке вопросов, не участвуя в пленарных заседаниях. Союзники явно стремились ограничить число участников заседаний за счет России, представленной большим количеством членов делегации от разных ведомств.

Было решено, что только политические вопросы будут рассмотрены на пленуме конференции, вопросы же снабжения будут обсуждены у военного министра, а финансовые, по энергичному представлению Покровского, — в секции. Глава английской делегации лорд Мильнер сделал заявление о том, что делегаты конференции не имеют полномочий принимать окончательные решения, а могут только рекомендовать принятые заключения своим правительствам. Во время обмена мнениями

²¹ АВПР. ф. Секретный архив, оп. 467, д. 672/707, л. 44. Копия телеграммы военного атташе в Италии Энкеля от 6 декабря 1916 г.

²² В составе иностранных делегаций насчитывалось 33 специалиста и 20 человек прислуги. К каждой из делегаций был прикомандирован офицер генерального штаба, хорошо знавший страну. На одном из заседаний, обсуждавшем вопрос о Румынии, принял участие председатель Совета министров Румынии Братяно.

²³ АВПР. ф. Секретный архив, оп. 467, д. 678/718, лл. 33—34.

Думерг выразил особенно настойчивое пожелание, чтобы русское правительство предоставило возможность руководителям делегаций ознакомиться с современным состоянием снаряжения русской армии, «ее запасами, производительностью русских заводов и тому подобное», что, несомненно, выходило за рамки задач конференции и полномочий делегатов.

Рассматривавшиеся на конференции вопросы финансирования России были тесно связаны с общими стратегическими задачами союзников. Еще до конференции было ясно, что Восточному фронту, т. е. военным операциям России в 1917 г., придется большое, если не решающее значение. Об этом также достаточно ясно говорилось как в докладе министра иностранных дел Я. Покровского Николаю II о работе конференции, так и в секретном докладе лорда Мильнера своему правительству²⁴.

С другой стороны, английские политические деятели в переговорах с представителями русского правительства все резче подчеркивали финансовые трудности Англии. Новый премьер-министр Англии Ллойд-Джордж еще за месяц до созыва конференции предупреждал русского посла, что финансовые «трудности нарастают с каждым днем и что запасных фондов одной Англии больше не хватает, и что такова была проблема, которую во что бы то ни стало следовало разрешить»²⁵. Эта установка премьера была позднее конкретизирована главой английской делегации Мильнером. Он сообщал русскому правительству, что Великобритания увеличила «налоговое бремя», подняв ставку подоходного налога с 6 до 25%, а по самым крупным налогам довела обложение до 40%, и, тем не менее, образовался военный долг в сумме свыше 3000 млн. ф. ст., из которых более 800 млн. фунтов истрачены на «нужды союзников»; чтобы получить американские займы, Англия заложила «теперь почти все свои иностранные ценности»²⁶. Хотя картина сознательно сгущалась, чтобы умерить аппетиты союзников (прежде всего России), но тот факт, что английский кредит был основой покупательной способности союзников (в том числе и России) на нейтральных рынках, был очевиден. Это и по-

²⁴ Сб. «Монархия перед крушением. 1914—1917 гг.» М.—Л., 1927, стр. 67—77 и 77—84. Другие документы, до сих пор неопубликованные, также говорят о намерении союзников усилить Россию, чтобы выиграть войну в 1917 г. Более полная подборка документов о Петроградской конференции опубликована в сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, стр. 437—553.

²⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 376—377. Секретная телеграмма Бенкендорфа от 23/10 декабря 1916 г. Вся телеграмма посвящена содержанию беседы о предстоящей конференции. Ллойд-Джордж назвал имена английских делегатов и дал им характеристику.

²⁶ Сб. «Монархия перед крушением», стр. 79—80.

зволюло английскому правительству оказывать давление на своих контрагентов.

Еще 31 декабря 1916 г. Барк обратился к председателю Совета министров кн. Голицыну со специальным письмом по поводу предстоящей конференции. Он старался ввести вновь назначенного председателя Совета министров в курс финансовых отношений с союзниками и выдвигал коренные финансовые проблемы, которые следовало решить. Поскольку союзники придавали чрезвычайно серьезное значение положению на Восточном фронте, Барк советовал использовать выгодную конъюнктуру в интересах снабжения армии. Отношение союзников к роли Восточного фронта, т. е. России, Барк охарактеризовал в следующих словах: «Изъясненный взгляд на значение военных действий на Восточном фронте приводит наших союзников к убеждению в неизбежности оказания всемерного содействия России и Румынии в выполнении упдающей на их долю стратегической задачи, причем содействие это в первую очередь должно выразиться в снабжении России военным снаряжением». Барк указывал, что союзные правительства «допускают» возможность удовлетворения нужд России и Румынии «хотя бы ценою известного сокращения удовлетворения своих собственных армий»²⁷. Как видим, у политических деятелей России накануне конференции господствовали оптимистические настроения.

В этом же письме к кн. Голицыну Барк высказал пожелание сократить необходимые кредиты по иностранным заказам за счет всемерного расширения союзниками поставок снаряжения «в натуре». И это было правильно, так как поставка «в натуре», т. е. готовых автомобилей, орудий, винтовок способствовала ускорению снабжения армии и сокращала сумму требовавшейся валюты. Это, конечно, не могло освободить правительство и союзников от широкого развития заграничных заказов и закупок, но Барк считал основным и главным полное обеспечение армии всеми необходимыми материальными средствами, а вопросы финансового порядка — второстепенными, имеющими подчиненное значение. Он, видимо, рассчитывал, что кредиты союзников будут достаточно щедрыми. Однако Барк серьезно учитывал и трудности союзников — большое финансовое напряжение Англии и затруднения с перевозочными средствами. Все же, по мнению Барка, не эти обстоятельства, а недостаточная провозная способность русских железных дорог и водных путей лимитировали возможность доставки заказанного за границей к местам назначения. О том, какое значение Барк придавал последнему обстоятельству,

²⁷ АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 678/718, лл. 8—16. Литографская копия секретного письма Барка кн. Голицыну от 31 декабря 1916 г.

видно из его предложения положить в основу всего плана заграничного снабжения фактор внутренних перевозок. «В основание исчисления количества будущих заграничных военных заказов,— писал он кн. Голицыну,— должен быть положен учет провозной способности наших внутренних водных путей и железных дорог, исходя из достижимого при существующих условиях предела напряжения их работы»²⁸. В ходе работы конференции союзники выгодно воспользовались этими рассуждениями Барка.

Характерно, что в ходе подготовки конференции совершенно не чувствовалась роль министра торговли и промышленности кн. Шаховского, поэтому аргументы Барка по общим вопросам положения экономики страны имели существенное значение. Еще осенью 1916 г. Барк представил Николаю II общий очерк состояния страны, и мысли, изложенные в докладе, очень понравились Николаю II. Поэтому и перед конференцией Барк выходил в своих суждениях за рамки чисто финансовых проблем. В финансовой области основное заключалось в получении иностранных кредитов и в их размере. Барк не называл никаких цифр кредитов, но подчеркивал, что затяжной характер войны создал такое положение, когда союзники «при всей своей готовности пойти навстречу полному удовлетворению наших потребностей, неразрывно связанных с общими интересами всех держав Согласия, неизбежно должны будут считаться с серьезными, а в известной мере — едва ли одолимыми в сем деле трудностями».

Эти рассуждения Барка в какой-то мере отражали реальные трудности Англии, терявшей много тоннажа от подводной войны и расходовавшей огромные средства на кредиты своим союзникам. Но такая проанглийская позиция Барка, несомненно, известная англичанам, обязывала русское правительство к большему, чем простые призывы к бережливости и экономии, а также к составлению плана заграничных заказов «с надлежащей осмотрительностью». Позиция Барка фактически разоружила русскую делегацию во время хода переговоров с англичанами о размере кредитов. Смутно чувствуя это, Барк, по видимому, сознательно не называл ни месячной, ни годовой нормы кредита. Нельзя было понять, должны ли новые кредиты превышать кредиты 1916 г. или нет. Судя по заявкам ведомств, хотя и безусловно преувеличенным и подлежащим сокращению, заказы, а, следовательно, и кредиты должны были значительно превосходить расходы истекшего года. Может быть поэтому Барк называл вопрос о кредитах «основным» в работе будущей конференции. В общем он возражал не против недо-

²⁸ Там же.

статочности предоставленных Англией кредитов, а против тех стеснительных условий, которыми была обусловлена возможность их использования.

Правда, в этом вопросе Барк и его ведомство не были оригинальны. Они только использовали критику военных кругов по адресу Англии и самого Барка, обвинявших его в том, что соглашением в сентябре 1915 г. он связал свободу действий русского правительства в использовании предоставленных кредитов²⁹. Поэтому теперь Барк выдвигал на первый план право более свободного распоряжения средствами, конечно, в рамках их основного назначения. В тот момент, когда Барк требовал большей свободы в использовании кредита, октябрьский кредит 1916 г., купленный царским правительством ценой согласия на вывоз еще 200 млн. руб. золота, на деле еще не использовался. В справке, подготовленной для ген. Гурко к началу Петроградской конференции, специально подчеркивалось, что кредит по соглашению 1915 г. «нами полностью еще не исчерпан, а к пользованию кредитами 1916 г. мы еще вообще не приступали»³⁰.

Зная по опыту, что денег потребуется много и едва ли их удастся получить у одной Англии, Барк в том же письме к кн. Голицыну говорит о необходимости более полного использования материальных средств в общих интересах «всех держав Соглашения», что на деле означало, по-видимому, прежде всего более широкое участие Франции в покрытии «общих финансовых потребностей союзников», включая сюда, конечно, Россию. Характерно, что в ходе работы конференции Барк не защищал этот тезис с надлежащей решительностью; более энергичного защитника этого положения он нашел в лице ген. Гурко.

---

²⁹ По этому поводу Барк писал: «Останавливаясь за сим собственно на практической постановке этого дела, нельзя упускать из вида, что предыдущими нашими соглашениями с союзниками была до известной степени *связана свобода наших действий* в смысле выбора способов использования предоставляемых нам средств». (Курсив наш.— А. С.). Фактически Барк признавал справедливость аргументов, которые приводили сперва военный министр Поливанов, а после его отставки с еще большей силой и убедительностью — Шуваев, но их обоих уже не было. Новый безличный военный министр ген. Беляев проявил в ходе июльских переговоров 1916 г. большую склонность к уступчивости и соглашению с англичанами.

³⁰ АВПР, ф. II. департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 249—250. В той же справке специально было указано, что по соглашению 1915 г. вывоз золота в количестве 40 млн. фунтов «был нами закончен к концу минувшего года; последняя партия была послана монетному двору в Оттаве к 15 декабря» 1916 г. Что касается золота по октябрьскому соглашению 1916 г. в количестве 20 млн. ф. ст., то в январе 1917 г. великобританское правительство «предъявило требование о высылке этой партии металла», но Барк задержал посылку золота до конференции, в ходе которой было сделано распоряжение о высылке золота.

Как видно из дальнейших пунктов намеченной Барком программы, он делал ставку целиком на иностранный капитал, касалось ли это поддержания курса рубля вне страны, в чем Барк видел панацею от всех бед, или в плане более широком — дальнейшего экономического развития России. Поэтому Барк предлагал использовать конференцию для переговоров «в видах обеспечения притока иностранного капитала в настоящее время в наши промышленные предприятия, работающие, в особенности, на нужды обороны. Вопрос этот требовал бы своего разрешения ныне же, ввиду того, что некоторые союзные государства в целях сбережения своих внутренних финансовых ресурсов осуществили известные ограничительные в указанном отношении мероприятия за время войны». То был слабый выпад против Франции, которая ввела эти ограничения.

Барк, следовательно, предполагал усилить финансовую кабалу не только путем увеличения государственных займов, но и широкого привлечения иностранного капитала в военную промышленность, точнее в промышленность, работающую на нужды обороны (чем были заняты три четверти промышленных предприятий). Министр финансов являлся также сторонником широкого вывоза из России сырья и продовольствия — леса, льна, пшеницы, что и предлагал обсудить с представителями союзников.

Примерно через неделю после письма Барка Голицыну английское правительство прислало ответ на декабрьский протест Барка — Покровского. То была телеграмма министра иностранных дел Бальфура от 19/6 января 1917 г.³¹, предопределившая решение русского правительства о новой высылке партии золота в 20 млн. ф. ст. и заставившая Барка проявить еще большую уступчивость к требованиям англичан.

В английском документе были отвергнуты все соображения русского правительства против высылки золота по октябрьскому соглашению и со всей решительностью подчеркивалась необходимость его доставки. Конец телеграммы гласил: «Сейчас уже заключается соглашение с японским правительством о его перевозке. Мы находимся в абсолютной зависимости от золота, и всякая отсрочка может лишь усилить серьезность ситуации, которая вызывает крайнюю необходимость, чтобы остающиеся 20 миллионов фунтов стерлингов были бы безотлагательно отосланы в Соединенные Штаты Америки».

---

³¹ АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 679/719, лл. 33—39. Подлинник памятной записки английского посольства в Петрограде от 21/8 января 1917 г. и копия телеграммы Бальфура. В новом кабинете Ллойд-Джорджа Бальфур заменил Грея на посту министра иностранных дел.

Бальфур опровергал утверждение русской ноты, что английские платежи по русским заказам в США «полностью приостановлены», но одновременно признавал, что якобы по соглашению с финансовым агентом русского правительства в Лондоне английские платежи в США «временно финансируются из русских балансов в Нью-Йорке и авансов, которые должны быть погашены, когда правительство его величества заключит новый договор». Таких платежей за счет русских кредитов было сделано на 8 млн. долл., и английское казначейство соглашалось их оплатить, «если его попросят сделать это».

Второе утверждение русского правительства — о прекращении новых контрактов — было объявлено просто «неверным». Сообщалось, что с середины ноября 1916 г. было подтверждено новых контрактов на 50 млн. долл., а за одиннадцать дней января 1917 г. — на 10 млн. долл. Получалось, что за два месяца было сделано заказов примерно на 120 млн. руб., когда резерв неизрасходованной к концу года валюты только по старому соглашению составлял около полумиллиарда рублей. Об аннулировании некоторых старых заказов говорилось, что это было бы «весьма разумным образом действия», но провести его предлагалось по обоюдному соглашению обеих сторон — России и Англии.

В отношении все возрастающих трудностей размещения заказов в Англии Бальфур указывал, что они объясняются затруднениями английской промышленности, вызванными недостатком рабочей силы, и решительно отвергались намеки на какие-либо «препоны на пути размещения заказов, которые физически возможно разместить». Однако эти возражения английского правительства не были убедительны, ибо и в США и в Англии были достигнуты соглашения на размещение заказов, реализация которых встречала препятствия со стороны английских властей.

Гораздо более обоснованными были требования англичан о вывозе золота, хотя еще не все открытые России кредиты были израсходованы. Все доводы Барка, сводившиеся к тому, что не должно быть связи между количеством предоставленных кредитов и вывозимым золотом, Бальфур повернул против русского правительства. По соглашению, единственным основанием высылки золота должен был явиться уровень запасов Английского банка. Основываясь на этом, Бальфур поручил послу в Петрограде самым серьезным образом довести до сведения Барка, что «возникла самая острая необходимость» в высылке золота и что английское правительство «полностью зависит от отправки золота, о котором идет речь, для исполнения своих финансовых соглашений в течение наступающего квартала». Эта апелляция англичан пала на подготовленную

почву и заставила царское правительство выслать 20 млн. ф. ст. золота.

Таким образом, Англия еще до конца конференции получила все, чего она добивалась. Русское правительство заплатило англичанам 20 млн. фунтов золотом за кредит, к расходованию которого спустя 3 месяца после подписанного соглашения оно еще не приступило. Естественно возникает вопрос: следовало ли так торопиться с подписанием такого соглашения? По-видимому, военная клика преувеличивала необходимость нового кредита, а Барк не мог противодействовать ее настояниям. С другой стороны, резко выросли заявки гражданских ведомств и прежде всего Министерства путей сообщения на заграничные поставки. В этой обстановке министр финансов плыл по течению, а правительство не направляло финансовую политику и штамповало представления министра. Так обстояло дело перед новыми переговорами о кредитах и снабжении России на конференции в Петрограде. Объективная обстановка складывалась неблагоприятно для русской стороны, ибо Англия не только не намерена была расширить кредиты, но достаточно планомерно мешала полному их использованию.

Малоискушенный в большой политике В. Гурко с особой настойчивостью защищал на конференции принцип, давно принятый союзниками на бумаге, но не выполнявшийся на практике, — принцип «объединения ресурсов союзников; это требование выразилось в предложении фиксировать для каждого союзника известный минимальный контингент при условии выполнения каждым своей доли участия в общем наступлении»³².

Фиксировав долю каждой страны в военных усилиях, союзники должны были соответственно перераспределить и финансы. Русская армия, которая играла столь значительную роль в разгроме Германии и Австро-Венгрии, нуждалась и в существенной помощи финансами. Поэтому Гурко особенно настаивал на том, чтобы союзники укрепили Россию в области финансов, — «в этом слабом месте, и сделали это эффективно»³³. Провозглашение принципа объединения ресурсов союзников преследовало до очевидности ясную всем цель: выторговать по возможности большие субсидии. Поэтому Гурко заверял делегатов конференции, что «Россия сделала все, что могла, чтобы поддержать союзников», и напоминал, что посылкой золота

³² W. G u r k o. *Russland 1914—1917, Krieg und Revolution*. Berlin, 1921. Работе конференции посвящена гл. 23, стр. 189—198.

³³ АВГР, ф. Секретный архив, трактаты, д. 1963, лл. 1—24. Протокол финансовой комиссии Петроградской конференции от 25 января (7 февраля) 1917 г.

в Англию она поддержала курс английской валюты. Речь Гурко закончилась униженной просьбой к союзникам прийти на помощь России, «чтобы облегчить продолжение войны»³⁴.

Тем временем комиссия по снабжению окончательно разработала план материально-технического снабжения России, определивший в основном и объем кредитов. Союзники, хотя и не оправдали оптимистических надежд русских генералов, все же довольно далеко пошли навстречу пожеланиям царского правительства. Они решили всерьез приняться за «организацию России», с целью добиться при помощи русской армии решающих побед в 1917 г.³⁵ Одним из главных итогов работы конференции являлось выяснение нужд русской армии и разрешение вопросов, связанных с транспортировкой грузов в Россию. По этому поводу лорд Мильнер сообщил военному кабинету: «Я полагаю, что конференция выполнила две задачи: 1) мы выработали практический план доставки военных материалов, основанный на использовании всего имеющегося тоннажа с целью передачи русским максимального количества того вооружения, которого им больше всего недостает; 2) мы сделали все, что было в наших силах, чтобы обеспечить наилучшее использование этих материалов»³⁶. Особая комиссия под председательством сенатора Гарина наметила количество необходимых России на 1917 г. заграничных поставок в 10,5 млн. т. т. е. в три раза более, чем в 1916 г.³⁷; 2,5 млн. т грузов не надо было вывозить из портов; перевозке подлежало 8 млн. т, между тем как пропускная способность железных дорог определялась всего в 5 млн. т, да по воде предполагалось вывезти 1 млн. т. Это было явно завышенная заявка.

В результате работы комиссии по снабжению окончательно было решено доставить в Россию грузов всех видов в количестве 4,25 млн. т, за исключением заказов России в Японии и Швеции³⁸. Это количество грузов было разбито по отдельным видам, но Россия получила право известной замены одно-

³⁴ АВПР, ф. Секретный архив, трактаты, д. 1963, лл. 1—24.

³⁵ Секретная записка Мильнера Николаю II от 17/4 февраля 1917 г. (Сб. «Монархия перед крушением», стр. 77—86). В этой записке Мильнер признает, что русская армия снабжена «не так хорошо», как армии союзников. Выступая на словах за усиление снабжения русской армии, Мильнер в то же время писал, что «ресурсы западных союзников неисчерпаемы», указывая, что Россия сама может и должна производить больше.

³⁶ Д. Ллойд-Джордж. Указ. соч., т. III, стр. 355.

³⁷ АВПР, ф. Секретный архив, трактаты, д. 1963. Петроградская конференция. Вопросы снабжения, папка № 388.

³⁸ Там же, всеподданнейший доклад Н. Н. Покровского Николаю II «О работах союзнической конференции в России» (текст перепечатан в сб. «Монархия перед крушением», стр. 67—76). О решениях конференции по вопросам снабжения см. А. Сидоров. Отношения России с союзниками во время первой мировой войны. «Исторические записки», т. 15, стр. 144—179.

го вида груза другим, «что представляет немаловажное, конечно, для нас преимущество», — докладывал министр иностранных дел Николаю II³⁹. Решение вопросов снабжения предопределяло в основном и решение финансовых вопросов.

Финансовые переговоры на конференции

Финансовая комиссия работала под председательством русского министра финансов П. Барка. Как рассказывает об этом ген. Гурко⁴⁰, вся подготовительная работа была проведена Барком и лордом Ревелстоком, с которым еще до созыва комиссии «по большинству финансовых вопросов Барк достиг соглашения». На заседания комиссии был вынесен ряд принципиальных вопросов, в том числе и вопрос о курсе рубля. Заседание состоялось 25 января (7 февраля) 1917 г. На нем присутствовали: от Франции — Думерг, от Великобритании — лорд Мильнер, лорд Ревелсток и посол Бьюкенен; от Италии — сенатор Шалоя и посол Карлотти ди Рипарбелла; от России присутствовало восемь человек — министр финансов П. Барк; три дипломата — Покровский, Сазонов, Нератов; два генерала — Беляев и Гурко; два адмирала — Григорович и Русин.

Барк сделал подробный доклад о финансовом положении России, обратив особенное внимание на состояние денежного рынка. По словам Барка, особые трудности России проистекали из того, что русский денежный рынок был менее глубокий и обширный, чем у союзников. Внешняя торговля сократилась, так как порты, через которые раньше осуществлялся экспорт, были почти полностью закрыты, а новые налоги едва заполняли брешь, образовавшуюся в бюджете после прекращения торговли водкой. До 1 января 1917 г. военные долги России перевалили за 27 млрд. руб., а ежедневные военные расходы поднялись с 15 млн. руб. в 1914 г. до 40 млн. в 1916 г. и 50 млн. к моменту конференции. Военные расходы России стали почти одинаковыми с расходами Великобритании.

Чтобы покрыть военные расходы, говорил Барк, казна пользовалась займами и краткосрочными обязательствами казначейства. Последние были на 3 млрд. руб. размещены на частном рынке, а на 7 млрд. учтены Государственным банком. Вместо них были выпущены кредитные билеты, количество которых в обращении увеличилось на 8 млрд. руб. и достигло почти 9,5 млрд. руб., вместо 1,6 млрд. до войны.

Долгосрочные займы внутри страны реализовались с затруднениями. Так обстояло с последним займом на 3 млрд. руб. «В течение нескольких месяцев, как длится эта операция,—

³⁹ Сб. «Монархия перед крушением», стр. 75.

⁴⁰ W. Gurko. Op. cit., SS. 193—196.

говорил Барк,—доля Государственного банка (1,2 млрд. руб.— А. С.) почти вполне реализована, но иначе обстоит дело с долей, возложенной на синдикат русских банков, из которых размещены только 400 млн.; бумаги на сумму 1400 млн. рублей оставались в портфеле банков»⁴¹.

Продолжая анализ экономического положения страны, Барк сообщил, что дороговизна в России поднялась в 4—5 раз, т. е. значительно больше, чем в Англии и других странах Европы. Необходимо смягчить, говорил Барк, «печальные последствия» выпуска бумажных денег, иначе трудно будет оплачивать военные расходы внутри страны. Поэтому необходимо принять меры против падения курса рубля, для чего в первую очередь следует поддержать курс рубля на иностранных биржах. Если же курс рубля не будет поддержан в должной мере, то, по словам Барка, «возможна катастрофа», как во время французской революции конца XVIII в.

Русская валюта обесценилась, по словам Барка, на 37,5% в Париже и на 41,9% в Лондоне. Само русское правительство не имело средств контролировать денежные рынки Парижа и Лондона, поэтому союзники должны ей помочь, так как «и в их интересах помешать падению рубля», ибо оно может быть «гибельным» для кредита России и может очень осложнить ведение войны.

Барк особенно подчеркивал важность вопроса об оплате военных расходов вне России — в США, Японии и скандинавских странах. Часть заказов, предназначенных США, он полагал возможным передать Японии и Швеции, но это опять требует решения вопроса о валюте.

На обсуждение комиссии Барк поставил новый вопрос о необходимости получить валюту для России на расходы по содержанию экспедиционных войск в Персии и покупку серебра для чеканки серебряных денег.

Ко времени созыва конференции Россия израсходовала большие средства на помощь Румынии. Кроме того Россия «должна вскоре еще произвести издержки приблизительно в 300 млн. руб. в Румынии». Барк предложил к этим расходам применить тот же принцип, который применялся при финансировании Бельгии, Сербии и т. д., т. е. расходы должны быть отнесены в равной доле на счет Англии, Франции и России. Барк не называл конкретных цифр необходимых России кредитов, но настаивал на том, чтобы союзники согласились с выдвинутыми им положениями, и тогда будут выяснены и конкретные цифры.

⁴¹ Изложение работы конференции и указанная в сноске цитата даются по протоколу финансовой комиссии (АВПР, ф. Секретный архив, трактаты, д. 1963. Петроградская конференция).

Выступивший вслед за Барком ген. Беляев остановился главным образом на роли Скандинавии и Японии в снабжении России металлами и железной рудой и на трудностях размещения военных заказов в США и Англии. Беляев указал на острый недостаток металлов в России. Условия покупки металла в США «становятся столь тяжелыми, что нужды России не могут быть удовлетворены», поэтому следует более энергично использовать рынки Скандинавии, особенно Швеции. При наличии валюты закупки там могли бы быть значительно увеличены. Беляев особенно расхваливал Японию, которая выполняла заказы «добросовестно, сдавая в условленные сроки и по умеренным ценам». Поэтому он высказывался за расширение этого рынка для России. Но все это требовало валюты, и поэтому Беляев указал на необходимость устранить финансовые трудности при закупках в Японии и в скандинавских странах.

Барк горячо поддержал выступление Беляева, но со стороны английских делегатов оно встретило сдержанное отношение. Мильнер согласился с Барком, что союзники не должны конкурировать между собой при размещении заказов. Но лорд Ревелсток указал на затруднения, которые Соединенное королевство испытывает при добывании валюты для расчетов с США и указал в связи с этим на необходимость ограничить количество заказов в Японии и Скандинавии.

Потребность русского правительства в валюте для расчетов с Японией определялась в 380 млн. иен, из которых 104 млн. иен следовало уплатить за металлы⁴². Переговоры с японским правительством о кредитной операции в 200 млн. иен, начатые в сентябре 1916 г., к началу конференции не были закончены. Поэтому русское правительство не имело практических возможностей реализовать намеченную программу закупок и не получило для этой цели необходимых финансовых средств от союзников. Приходилось надеяться на собственную кредитную операцию в Японии.

Ген. Гурко прежде всего высказался об общем принципе финансирования войны, который он мыслил как объединение средств союзников. Чтобы довести войну до победного конца, говорил Гурко, «необходимо добиться этого объединения, прежде всего в сфере финансовой». Россия сильна людьми, но слаба финансовыми ресурсами, следовательно, в интересах союзников основательно поддержать Россию финансами. «Россия сделала все, что смогла, чтобы поддержать союзников», в том числе и в сфере финансовой, поэтому Гурко настаивал, чтобы на конференции подтвердили «солидарность союзников

⁴² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1403, лл. 106—107. Справка XI о кредитных операциях в Японии от 11 января 1917 г.

в финансовых вопросах» и тем облегчили России продолжение войны.

Представитель Франции Думерг предлагал «немедленно перейти» к решению практических вопросов об оплате заказов в Скандинавии и Японии. Английские делегаты Мильнер и Ревелсток старались удержать обсуждение в плоскости общих вопросов, не торопясь переходить к конкретным решениям. «Лорд Мильнер указывает,— значит в протоколе финансовой комиссии,— что предметом заседания является заслушивание доклада о современном положении, сделанного министром финансов, а не принятие решений. Сначала надо обсудить, а затем принимать решение». Эта точка зрения главы английской делегации, поддержанная Барком, взяла верх, так как все дальнейшее заседание протекало в обсуждении ряда общих вопросов.

В центре обсуждения стал вопрос о курсе рубля. Министр иностранных дел Покровский внес предложение, чтобы о необходимости поддержания курса рубля было сказано в резолюции конференции. Думерг предложил использовать для поддержания курса рубля неизрасходованные остатки кредитов, предоставленных России Францией, а также поднял вопрос об увеличении экспорта русского хлеба и леса, так как с увеличением экспорта «курс немедленно поднялся бы». Ген. Гурко указал на практическую невозможность для России в обстановке войны увеличить экспорт. «Нельзя обольщать себя надеждами на то,— говорил Гурко,— чтобы Россия увеличила экспорт во время войны, так как пропускная способность железных дорог доведена до максимума... Вследствие этого средства вывоза России во всех отношениях гораздо меньше, чем в довоенное время».

Лорд Мильнер признал, что вопрос «курса есть самый трудный вопрос, но, увы, англичане не волшебники», а потому он, солидаризируясь с Думергом, также рекомендовал России увеличить экспорт и ограничить импорт.

Барк несколько раз делал замечания, что союзники до сих пор не уделяли достаточного внимания курсу рубля, ограничиваясь только отпуском кредитов для военных заказов; поэтому курс рубля за границей упал ниже курса германской марки.

Русская сторона пыталась убедить своих союзников в том, что она делает все возможное в современных условиях — стремится увеличить экспорт хлеба и леса; причем 300 тыс. стандартов пилломатериалов уже подготовлены к вывозу. Все же, по-видимому, аргументы Барка и Покровского не очень убедили членов других делегаций. Резюмируя прения по этому вопросу, Барк высказал пожелание, чтобы делегаты запросили инструкции у своих правительств, но Думерг не счел это воз-

можным, заявив, что, не будучи «финансовым делегатом», он не может принимать важных решений без Рибо, которому намерен доложить все вопросы лично.

Предложение финансировать Румынию за счет трех союзников не вызвало особых прений, и Барк предложил перейти к вопросу о снабжении России валютой для расходов в Персии. «Финансовая помощь союзников в Персии необходима, — заявил ген. Гурко, — в противном случае увеличение действующей армии будет невозможно». Лорд Мильнер осведомился только, обсуждался ли вопрос об объеме военных операций в Персии в комиссии по стратегическим вопросам. Его, видимо, удовлетворила справка ген. Гурко, что этот вопрос разрешен не комиссией, а генералом Вильсоном и им, Гурко. После этого Мильнер не возражал против предложения, чтобы финансовая сторона этого вопроса была обсуждена и урегулирована Ревелстоком и Барком.

Все более важное значение приобретал вопрос об оплате процентов по внешним займам, так как сумма процентов быстро увеличивалась. Если до войны расходы по государственным займам составляли около 400 млн. руб. в год, из которых меньше половины платилась за границей, то в 1916 г. одних процентов казначейство уплачивало около 800 млн. руб.⁴³, половина которых приходилась на внешние займы. Что касается 1917 г., то к Петроградской конференции союзников сумма процентов по внешней задолженности была исчислена уже в 653,8 млн. руб.⁴⁴, а вместе с процентами по внутренним займам перевалила за миллиард рублей. Барк предложил не обсуждать вопрос о процентах в финансовой комиссии, а разрешить его путем индивидуальных переговоров с союзными делегатами, что и было принято.

На этом и закончилось обсуждение вопросов в финансовой комиссии. Подлинник протокола финансовой комиссии подписан участниками заседания. В журнале заседания нет и намека на принятие каких-либо конкретных решений. Правда, это

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, 1915., д. 329, лл. 1—19. Стенографический отчет заседания бюджетной комиссии Гос. думы 24 октября 1915 г. На заседании обсуждался вопрос о смете Министерства финансов на 1916 г. Указанную сумму в 800 млн. руб. назвал директор Кредитной канцелярии в ответ на запрос членов Гос. думы. Следует указать, что учет краткосрочных обязательств казначейства за границей сопровождался соответствующим вычетом суммы процентов из суммы кредита, и тем самым фактическая выработка снижалась.

⁴⁴ Из этой суммы 331 млн. руб. должны были покрыться из английского кредита, 277,7 млн. руб. — из французского; кроме того, 45,1 млн. руб. надо было выплатить в итальянских лирах, японских иенах и долларах. Эта сумма на деле также выплачивалась за счет английского кредита (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1403, лл. 186—188. Ведомость предстоящих платежей за границей).

было предварительное обсуждение вопросов не столько финансистами, сколько ответственными государственными деятелями и военными специалистами, которые могли обсуждать финансовые вопросы только с точки зрения их общего политического и военного значения.

Союзные делегаты выслушали все претензии представителей царского правительства — руководителей хозяйства, армии и флота. Они имели возможность посетить фронт и ознакомиться с состоянием армии, беседовали с лидерами русской буржуазной оппозиции и были в курсе всей работы, которую вели английское и французское посольства и Прогрессивный блок по организации государственного переворота. Их не особенно страшил рост недовольства внутри страны; приход к власти буржуазных лидеров им казался желательным. Русская армия в их глазах не потеряла своего значения в качестве важнейшего военного фактора в деле разгрома Германии, поэтому союзники в принципе согласились на предоставление России новых кредитов, но практически все финансовые дела должны были разрешаться в более узком составе путем переговоров между кредиторами и должником.

В связи с этим между лордами Мильнером и Ревелстоком со стороны Великобритании и П. Барком со стороны России состоялся ряд бесед по финансовым вопросам. На некоторых из этих свиданий присутствовали в качестве консультантов фон Замен, Шателен (Россия) и Лейтон (Англия). В результате обмена мнений 19/6 февраля 1917 г. был составлен протокол⁴⁵, подписанный в последний день работы конференции, 20/7 февраля 1917 г. Барком, Мильнером и Ревелстоком. «Британские делегаты сразу заявили, — говорится в протоколе, — что они не могут принять окончательных обязательств от лица британского правительства. Их обязанностью является рассмотреть потребности России, тщательно и в самом благожелательном духе, и указать пути к их удовлетворению, которые представляются наиболее приемлемыми для британского казначейства, приняв во внимание те затруднения, с какими в настоящее время встречается британское правительство при удовлетворении на нейтральных рынках расходов не только Великобритании и России, но до известной степени и других государств». Оговорка о пределах полномочий английских делегатов имела существенное значение, так как этот протокол совещания дол-

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 57, лл. 327—377. Протокол совещания, представленный на окончательное утверждение правительствам России и Великобритании. Копия документа в русском переводе. В АВПР хранится копия этого документа, с которой он и напечатан в сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, стр. 449—452.

жен был служить основой для соответствующих решений английского правительства о предоставлении России кредитов на 1917 г.

Потребности России были изложены в шести пунктах и на каждый из пунктов английские делегаты дали определенный ответ.

Россию интересовало, чтобы предметы боевого снаряжения и вооружение, которые изготовлялись в самой Англии и доставлялись «натурой», не относились за счет ежемесячного кредита в 25 млн. фунтов. Русское правительство предложило оплачивать их краткосрочными обязательствами казны, как и поставки тяжелой артиллерии по соглашению от 27 октября 1916 г. На деле это означало фактическое увеличение кредита. Английские делегаты согласились с предложением Барка, считая, что «этот способ является возможным, и что они могут рекомендовать его их правительству»⁴⁶.

Что касается военного снаряжения и других материалов, покупаемых через Русскую комиссию в Лондоне, то расходы на эти покупки ограничивались программой, которую выработала комиссия снабжения (ее также должны были утвердить оба правительства). Британские делегаты выразили лишь желание, чтобы кредиты открывались «по мере надобности», а не вперед под всю программу.

Для производства платежей процентов по займам и расходов по учету и переучету обязательств казначейства англичане согласились открыть кредит в размере 3 млн. ф. ст. и 44 млн. флоринов.

Потребности России в так называемых «свободных кредитах для торговых надобностей» значительно выросли, и министр финансов представил повышенную заявку — вместо 2 млн. ф. ст. в месяц требовалось уже 5,5 млн. фунтов. Русское правительство сделало заверения, что этот кредит будет целесообразно расходоваться частными фирмами после основательных гарантий, что не будет нанесено ущерба покупкам самого правительства России.

Британские делегаты признали «особую важность», которую придает министр финансов этому вопросу, но в отношении заявленной суммы они не сделали определенных и положительных заверений, как по предыдущим пунктам. Они обязались лишь «представить это дело британскому казначейству во всех подробностях», но воздержались взять на себя какое-либо обязательство относительно поддержки заявленной Барком суммы перед британским казначейством. Таким образом, в этом столь существенном для русского правительства деле оно от союзников ничего не добилось.

⁴⁶ Там же.

Подробное отражение в протоколе получил вопрос о поддержании курса рубля за границей. Здесь гораздо более четко и ясно, чем в первом протоколе конференции, изложены те последствия, которые угрожали финансам и всей хозяйственно-политической жизни России, если курс рубля не будет стабилизирован и доверие к нему не будет восстановлено. В этом случае, указывалось в протоколе, министру финансов окажется «невозможным собрать в России фонды, необходимые для покрытия военных издержек, и *результатом явится катастрофа не только финансовая, но также военная и политическая*»⁴⁷. Барк просил британское правительство отпускать на укрепление рубля по 12 млн. ф. ст. на каждые три месяца до конца 1917 г. При этом Барк заверил британских делегатов в том, что правительство примет дальнейшие меры к сокращению ввоза.

Британские делегаты поняли, как сильно вопрос о курсе рубля заботит министра финансов. Они разделяли его опасения относительно серьезных последствий, которые могут произойти как для России, так и для ее союзников от дальнейшего обесценения рубля, и согласились рекомендовать своим правительствам принятие мер к поднятию его курса.

В отношении валюты в сумме 4 млн. фунтов до конца года для покупки серебра (в связи с расходами в Персии) английские делегаты высказались уклончиво, несмотря на то, что «русские военные власти заявили политической комиссии конференции, что потребность эта является настоятельной». Британские делегаты отметили лишь «важность», которую придают этому вопросу русские военные власти, но, как говорится в протоколе, они «чувствуют», что следует ограничиться лишь «обращением внимания» своего правительства на это желание русского правительства. Под разными предлогами, в том числе и потому, что этот вопрос якобы является предметом дипломатической переписки, заявка русского правительства фактически была отклонена.

Просьба России расширить кредиты для заказов на военные припасы в Японии ввиду «экономии тоннажа и издержек транспорта» не получила окончательного решения. Англия лишь согласилась вести переговоры относительно займа в самой Японии с совместной гарантией Великобритании и Франции. На деле это означало для русского правительства отсроч-

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 57, лл. 372—377. (Курсив наш.— А. С.) Нам кажется, что здесь не без умысла говорили так громко и так сильно о последствиях понижения курса: очень хотелось этими аргументами убедить союзников быть более сговорчивыми и отпустить просимые средства, а они повышались почти втрое — с 1,5 млн. фунтов в месяц до 12 млн. фунтов на три месяца.

ку на неопределенный срок использования японского рынка, если Россия сама не получит кредита в Японии.

Между тем потребности России в валюте для японского рынка были велики. Дефицит по уже сделанным заказам достигал 81 млн. иен; кроме того, предполагалось сделать заказы на металлы на сумму 104 млн. иен, а заказы Морского министерства и различных управлений Военного министерства проектировались в сумме около 150 млн. иен; к этой сумме следовало прибавить 25,5 млн. иен для оплаты по краткосрочным обязательствам казначейства. В итоге получилась солидная сумма в 380,4 млн. иен ⁴⁸.

Вопрос о золоте совершенно не фигурирует в принятых решениях. До начала работы конференции Россия уже вывезла золота за границу на 48 млн. ф. ст. Пропорционально к открытым Англией русскому правительству кредитам (402 млн. фунтов) это составляло около 12%, а по отношению к использованному кредиту (358 млн. фунтов) — почти 13,7% ⁴⁹. В ходе неофициальных переговоров лорда Ревелстока с Барком было достигнуто соглашение о выполнении русским правительством обязательства о вывозе золота по октябрьскому соглашению 1916 г. на 20 млн. фунтов (97 млн. долларов). В справке о золоте, подготовленной для министра финансов и датированной 11 января (ст. ст.) 1917 г., говорится, что «будет отправлено еще 20 млн. ф. стерлингов». Эта сумма действительно была отправлена в результате ноты Бальфура и нажима английских делегатов. Таким образом, до Февральской революции царское правительство вывезло золота по соглашениям с Англией на сумму 68 млн. ф. ст. В ущерб собственному денежному обращению царское правительство покорно выполнило свои обязательства перед союзниками, хотя английское правительство еще до конференции союзников задерживало оплату ряда важных счетов. К ним относились оплата заказанных в Америке 50 локомотивов и 7000 вагонов, предоставление 3 млн. ф. ст. на оборудование строившихся в России автомобильных заводов, заказ автомобилей на 3 млн. фунтов, новые заказы в США машин и станков, пороха и взрывчатых веществ и т. д. ⁵⁰

В финансовом протоколе отсутствует упоминание о румынских кредитах. Всю тяжесть финансовой помощи Румынии, так же как и военной, союзники целиком переложили на плечи России. Не исключалось, видимо, заключение кредитных операций с Румынией и у союзников, но они не взяли обязательств кредитовать нового союзника вместе с Россией и в

⁴⁸ О потребности в японской валюте. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1403, лл. 106—107. Справка XI от 11 января 1917 г.

⁴⁹ Там же, лл. 124—125. Справка XIV («О золоте»).

⁵⁰ Там же, лл. 126—127. Справка XV.

равной с ней доле, а также компенсировать уже произведенные затраты.

В докладе министра иностранных дел Покровского Николаю II о работе «Союзнической конференции в Петрограде» в положительных тонах оцениваются результаты соглашения по финансовым вопросам. «Представители союзных держав,— писал Покровский,— признавая полную основательность наших пожеланий, выразили готовность представить своим правительствам об удовлетворении их в кратчайший срок»⁵¹. Ссылаясь на министра финансов, Покровский пишет о благожелательной готовности союзников «идти нам навстречу». Совещание, продолжает он, «далеко не представляло тех трудностей, с которыми приходилось встречаться при предшествующих финансовых переговорах, особенно летом минувшего года»⁵². Как показывает разбор подписанного соглашения, эта общая оценка несостоятельна, так как английские делегаты далеко не по всем заявкам Барка выражали готовность поддержать их перед своим правительством. Несомненно, однако, что и на этот раз английские союзники на бумаге проявили известную готовность идти навстречу пожеланиям царского правительства. Объясняется это очень просто: русским армиям отводилась «почетная» роль первыми начать в 1917 г. наступление против немцев; во-вторых, размер кредитов определялся количеством снаряжения, необходимого России; в третьих, царское правительство только что послало 20 фунтов золотом и согласилось послать столько же, поэтому можно было обещать известные авансы.

Потребности русской армии в области материального снабжения были «огромные», как писал французский посол М. Палеолог, и союзники решили «по возможности удовлетворить их»⁵³. За будущее никто не ручался, и как будут реализованы намеченные решения,— никто не знал. Палеолог, провозжая своих делегатов на родину, поручил им передать президенту республики и главе правительства, что Россия находится накануне революции, и что в случае восстания царское правительство не может рассчитывать на армию. Он говорил им в напутствие: «Время больше не работает на нас, по крайней мере в России... мы должны уже теперь предвидеть банкротство нашей союзницы и сделать из этого все необходимые выводы»⁵⁴. Возможно, что Палеолог не был таким провидцем и кое-что приписал себе задним числом. Однако не подлежит сомнению,

⁵¹ Сб. «Монархия перед крушением», стр. 76.

⁵² Там же.

⁵³ М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. Пг., 1923, стр. 325.

⁵⁴ Там же, стр. 326.

что настроения верхов русского общества он знал хорошо, а о возможном поведении армии судил на основании случая с полком, который был вызван усмирять бастовавших рабочих на французском предприятии, но стрелял не в рабочих, а в полицию.

Не успели делегаты союзников возвратиться домой, как в России произошли величайшие события. Под натиском восставшего народа рухнула монархия Романовых. У власти оказались буржуазия и обуржуазившиеся помещики, те элементы, которые во время пребывания делегатов союзников в Петрограде числились в оппозиционном лагере и с которыми союзникам приходилось разговаривать неофициально, втихомолку.

Финансовое соглашение, заключенное в последние дни царской власти, пережило старый строй, но оно не сыграло какой-либо положительной роли, так как финансовые отношения союзников с Временным правительством регулировались не на его основе. После революции появилось много новых факторов, оказывавших решающее влияние на финансовые отношения. Временному правительству приходилось упорно добиваться, чтобы союзники не задерживали кредитов и выполняли соглашения.

Сколько же средств отпустили союзники России до Февральской революции и на что эти средства пошли?

Нельзя, конечно, утверждать, что все отпущенные союзниками средства затрачены на военные цели. Из них оплачивали проценты по довоенным займам, по переучету военных займов, предоставляли валюту для нужд промышленности и торговли. Но в огромном большинстве английские и французские кредиты были израсходованы на потребности государства, непосредственно связанные с войной. Следует учитывать, что не все кредиты были израсходованы до февраля 1917 г., но так как в счет их уже были выданы заказы, которые выполнялись позднее, то их можно считать израсходованными.

Начальник комиссии по распределению иностранной валюты сообщил точные итоговые данные о расходе иностранных кредитов к 12 февраля 1917 г.⁵⁵ Из его письма видно, что в счет английских кредитов в 4,5 млрд. руб. по первому и второму займам (до 1 апреля 1917 г.) Россией было принято обязательств на платежи в сумме 5082 млн. руб., из которых уже оплачено Комиссией по распределению валюты 1857,8 млн. руб.

⁵⁵ Архив Наркомфина, ф. Иностраный отд. Особенной канцелярии по кредитной части, 1917 г., д. 49. Английский кредит (Записка ген. Михельсона, представленная Терещенко от 17 марта 1917 г. о состоянии французских и английских кредитов); А. Сидоров. Влияние империалистической войны на экономику России. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I. М., 1927, стр. 64. Все наши попытки отыскать использованную ранее записку, приложенную к письму Михельсона, не увенчались успехом.

и оставалось еще оплатить 2625 млн. руб. Перед революцией в распоряжении комиссии имелось неизрасходованных кредитов на 2043 млн. руб. Из письма ген. Михельсона, представленного министру финансов Терещенко 27 марта 1917 г.⁵⁶, видно, что из русских кредитов Англия только в долларах должна была уплатить США 1270 млн. руб. Вообще США в очень большой мере поедали английские кредиты, предоставленные русскому правительству.

Известный интерес представляет распределение израсходованных средств по различным ведомствам (млн. руб.).

	Оплачено	Не оплачено
Военное министерство	237,0	1555,90
Морское министерство	95,0	114,20
Особенная канцелярия по кредитной части	285,4	92,60
Министерство путей сообщения	112,0	250,3
Министерство торговли и промышленности	37,5	12,66
Разные учреждения и общественные организации	79,5	43,00
Частная промышленность	108,8	41,95
Комитет металлоснабжения	61,7	299,2
Кредитная канцелярия	840,0	—
Военные материалы	—	175,00
Фрахт 1916 г.	—	40,00
Итого	1857,9	2625,00

Подавляющее большинство английских кредитов расходовалось по линии военного и морского ведомств и Кредитной канцелярии, работа которых была тесно связана с войной. На долю частной промышленности приходятся мизерные суммы — в 8 раз меньше, чем на долю Кредитной канцелярии, которая получила свыше трети израсходованных средств. Большинство заказов было еще не оплачено и их предстояло оплатить в 1917 г. (2625 млн. руб.).

С французскими кредитами дело обстояло следующим образом. В счет первых двух французских займов (по 1 апреля 1917 г.) было принято обязательств для платежей в сумме около 1257,7 млн. руб., в счет которых уже было произведено уплат на 865,2 млн. руб. и оставалось уплатить 392,5 млн. руб.⁵⁷ Соотношение между уплаченными средствами и пред-

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1916—1919 гг., д. 681, лл. 106—107

⁵⁷ Там же, 1915—1917 гг., д. 7, лл. 119—120. Представленная ведомость дает расчет на 20 марта 1917 г. Мы даем цифры с округлением до 0,1 млн. руб. Как видно из приведенных выше данных и других (справка о французских кредитах, переданная Альберу Тома), обязательства во Франции значительно превосходили открытые кредиты, однако поставки резко отставали, поэтому был значительный разрыв между выплаченной суммой и размером обязательств.

стоявшими к уплате резко отличается от английских кредитов главным образом потому, что французский кредит расходовался прежде всего для оплаты процентов по старым займам. Особенная канцелярия по кредитной части получила для оплаты долгов по займам и на учет краткосрочных обязательств 514 млн. руб., или почти $\frac{2}{5}$ всех средств. Военное и морское ведомства получили 660 млн. руб. и около 80 млн. руб. пошло на заказы всех других ведомств, в том числе Комитету металлотоснабжения. В английском кредите значительные ассигнования Кредитной канцелярии связаны с отпуском «свободных кредитов» и расходами по поддержанию курса рубля.

На 1917 г. царское правительство проектировало огромные заказы, значительно выходявшие за рамки намеченных на Петроградской конференции. Однако из них следовало считать твердо обеспеченными к поступлению в 1917 г. только то, что было заказано ранее и что уже было обеспечено валютой. Таких заказов на 1 января 1918 г. значилось на огромную сумму в 2809,6 млн. руб., что в тоннаже составляло более 2,4 млн. т. Основная статья расходов намечалась по Главному артиллерийскому управлению — 1605 млн. руб., что составляло около $\frac{2}{3}$ всех заказов по военному ведомству, исчислявшихся в сумме около 2390 млн. руб.⁵⁸

Характерно, что заказы для всех остальных министерств, включая большие заказы Министерства путей сообщения (около 264 млн. руб.) составляли только около одной четвертой заказов Главного артиллерийского управления (около 420 млн. руб.). В то же время по военному ведомству проходили заказы на металлы на сумму около 30 млн. руб. и на оборудование частных заводов, работавших на оборону, на 90,7 млн. руб.

Расходы по заграничным кредитам и сделанные в их счет заказы к моменту Февральской революции составляют около 6300 млн. руб.⁵⁹ В то же время стоимость намеченных заказов, не обеспеченных валютой, достигла огромной цифры, перевалившей за 5 млрд. руб. (5113 млрд. руб.).

Вся сумма произведенных за границей расходов, очевидно, много больше суммы 6,3 млрд. руб., так как к сумме государственных кредитов надо прибавить еще около 550 млн. руб. золотой наличности, находившейся до войны во Франции и Англии, затем кредит Французского банка в 500 млн. франков, который пошел на уплату долгов русских банков; около

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1403, лл. 183—184. Ведомость заказов, подлежащих сдаче с заграничных заводов по 1 января 1918 г.

⁵⁹ Наш расчет: 4500 млн. руб. английского кредита, плюс 1350 млн. руб. французского кредита, плюс 582 млн. руб. дефицита по английскому кредиту, минус 133 млн. руб. свободных средств по французскому кредиту. С учетом японских, американских и итальянских кредитов, а также кредитов Англии до сентября 1915 г. — возможно и более.

420 млн. руб., полученных по английским займам 1914 г. и начала 1915 г. и, наконец, вывезенное золото на сумму 643,2 млн. руб. Включая все эти суммы, общая сумма расходов, произведенных царским правительством по заграничным заказам и платежам до Февральской революции, достигнет цифры около 8 млрд. руб. золотом. Но эта огромная сумма далеко не была покрыта доставленными из-за границы товарами и военными поставками.

2. АМЕРИКАНСКИЕ КРЕДИТЫ ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ. РЕЗКОЕ СОКРАЩЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ КРЕДИТОВ РОССИИ

Обстановка в России после Февральской революции

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. поставила у власти новый класс — промышленную и финансовую буржуазию вкупе с капиталистическими помещиками. Лидеры этого класса ранее находились в оппозиции к царизму. Во время войны они организовали военно-промышленные комитеты, земский и городской союзы, входили в правительственные органы для регулирования хозяйственной жизни страны. Они были тесно связаны с английскими и французскими капиталистами, вместе с которыми организовали заговор против Николая II⁶⁰. По словам В. И. Ленина, обобщившего соотношение классов накануне революции, этот «новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии»⁶¹. Эти удары нанесли рабочий класс и крестьянство.

Лидеры октябристов и кадетов — Милюков, Гучков, Шингарев и другие вошли в состав Временного правительства кн. Г. Е. Львова, заняв в нем командные посты.

Но одновременно с правительством капиталистов возникло другое правительство — Советы рабочих и солдатских депутатов, орган революционной диктатуры пролетариата и крестьянства, который добровольно передал власть Временному правительству. Наличие двоевластия было главной особенностью русской революции.

Временное правительство стремилось использовать революцию для скорейшего разгрома Германии и доведения империалистической войны до победоносного конца. Характеризуя классовую природу Временного правительства, В. И. Ленин

⁶⁰ «... Связь англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки организации заговора против Николая Романова» (В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 295).

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 297.

подчеркнул его теснейшую связь с англо-французским капиталом. Он показал, что царская Россия вела войну на кредиты своих союзников. «Россия ведет войну, — писал В. И. Ленин, — не на свои деньги. Русский капитал есть *участник* англо-французского»⁶². В. И. Ленин также подчеркивал договорную связь нового буржуазного правительства со странами Антанты. Временное правительство подтвердило все секретные, грабительские договоры царского правительства. «...Гучков-Милюков с К⁰ *связаны* прямыми *договорами* о разбойнических целях этой войны с Англией, Францией, Италией, Японией и другими группами капиталистов-разбойников. Эти договоры заключил еще *царь Николай II*. Гучков-Милюков с К⁰ воспользовались борьбой рабочих против царской монархии, чтобы захватить власть, а *договоры*, заключенные царем, *они подтвердили*»⁶³.

И действительно, 4 марта 1917 г. новый министр иностранных дел П. Н. Милюков в телеграмме дипломатическим представителям России при союзных державах заявил от имени правительства о признании всех договоров и обязательств, принятых «павшим режимом», а также о намерении правительства продолжать войну «бок о бок» со «славными союзниками... до конца непоколебимо и неумолимо»⁶⁴. Через два дня последовало обращение Временного правительства к населению России⁶⁵, в котором обещалось приложить все усилия к улучшению снабжения армии, чтобы довести войну «до победного конца». Следовательно, первые же программные заявления правительства с достаточной ясностью определили его классовый характер и цели. Они не оставляли никаких сомнений в том, что новое правительство хочет и будет продолжать империалистическую войну, что оно остается верным всем обязательствам царского правительства. Вместе с тем Милюков стремился к тому, чтобы и союзники подтвердили обязательность для них ранее заключенных соглашений⁶⁶.

Официальная декларация правительства об отношении к войне и внешнеполитическим вопросам была сделана только 27 марта 1917 г. К этому времени достаточно ясно выявилось отрицательное отношение рабочего класса, солдат и крестьян к империалистической войне, их желание, чтобы правительство поскорее заключило мир. Поэтому нельзя было открыто и без маскировки говорить о продолжении войны из-за аннексий и контрибуций. Это разоблачило бы правительство и его

⁶² В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 326.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Сб. «Революционное движение в России после свержения самодержавия». М., 1957, док. № 324, стр. 422—424.

⁶⁵ Там же, док. № 325, стр. 424—426.

⁶⁶ Там же, док. № 332, стр. 429. Телеграмма Милюкова послан Временного правительства в Париже, Лондоне, Риме и Токио от 8 марта 1917 г.

захватнические цели. Чтобы обмануть массы и заставить их воевать, правительство должно было представить войну как оборонительную, справедливую. Поэтому в опубликованной Временным правительством декларации о задачах войны говорится об обороне «во что бы то ни стало»⁶⁷. Правительство ще голяло демократическими фразами о том, что его целью является «не насильственный захват чужих территорий» и не порабощение других народов. Но, вместе с тем, в декларации заявлялось, что народ «не допустит», чтобы страна вышла из войны «униженной и подорванной в жизненных своих силах». Эти начала, «при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников», правительство положило в основу своей внешней политики. Обещание о соблюдении обязательств должно было успокоить союзников, а лживые заявления об отказе от чужих территорий — успокоить трудящиеся массы страны, «помочь» им усвоить оборонительный вариант войны.

По свидетельству Милюкова, декларация носила компромиссный характер и отражала внутреннюю борьбу в правительстве, а также давление Петроградского Совета на правительство⁶⁸. Хотя в формулировках документа правительство пошло на уступки, в связи с протестом Совета против первоначально предложенного текста⁶⁹, декларация давала Милюкову возможность проводить прежний курс внешней политики. Кроме того, декларация предназначалась «для внутреннего употребления» армии, т. е. для обмана и успокоения масс и «оздоровления» армии. В действительности декларация вовсе не означала отказа империалистов от аннексий, от притязаний на Константинополь. Об этом ясно и точно сообщил Милюков в телеграмме Извольскому еще до того, как он направил известную ноту союзникам⁷⁰.

Тем не менее заявление правительства от 27 марта было воспринято странами Антанты с тревогой. И «социалист» Тома, прибывший в Петроград для идеологической обработки «социалистической» демократии, и французский посол Палеолог требовал от Милюкова заявления о том, что правительство не требует «пересмотра союзных соглашений»⁷¹ о целях войны.

⁶⁷ Сб. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», док. № 353, стр. 444—445.

⁶⁸ АВПр. Ф. Секретный архив, оп. 467, д. 652/674, лл. 31—32; сб. «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис». М., 1958, док. № 259, стр. 313—314. Телеграмма Милюкова послу в Париже Извольскому от 17 апреля 1917 г.

⁶⁹ Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Временного правительства, М., 1946, стр. 19—21.

⁷⁰ Сб. «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис», док. № 259, стр. 313—314. Телеграмма была послана 17 апреля 1917 г. и не предназначалась для печати.

⁷¹ Там же, стр. 314.

Милоков был согласен сделать письменное заявление союзникам, однако при условии, что оно «не вызовет никаких недоумений, в частности, относительно нашего согласия будто бы отказаться от проливов»⁷². Милоков выступал в роли последовательного проводника открыто империалистической политики. «Разъяснения» Милоковым внешней политики Временного правительства последовали 18 апреля 1917 г. в ноте Временного правительства, известной под названием «Ноты Милокова»⁷³. В ней отвергаются «вздорные сообщения», будто правительство хочет заключить сепаратный мир с Германией. С другой стороны, подчеркивается «освободительный» характер войны со стороны Антанты, чего якобы старый режим не мог усвоить. Временное правительство заверяло своих партнеров в том, что революция не ослабила роли России в «общей союзной борьбе», так как в России якобы «усилилось» общенародное стремление «довести мировую войну до решительной победы». Далее в ноте подробно повторялся уже знакомый тезис о том, что Временное правительство будет соблюдать взятые обязательства в отношении союзников. О новых захватах и «санкциях» России говорится в общей связи с задачей «передовых демократий», т. е. стран Антанты и США, добиться гарантий для предотвращения новых кровавых столкновений в будущем.

Трудящиеся массы нашей родины ответили массовыми демонстрациями протеста против ноты Временного правительства. В день ее опубликования ЦК партии большевиков принял специальное решение, в котором подтвердил решения Петроградской общегородской конференции об отношении к войне. «Временное правительство,— говорилось в этом решении,— есть правительство насквозь империалистское, связанное по рукам и ногам англо-французским и русским капиталом»⁷⁴. Партия разъясняла массам, что своими обещаниями относительно «выявления воли народа к миру». Временное правительство обманывает народ, что оно «не может отказаться от аннексий», так как капиталисты связаны «банковым капиталом»; поэтому надежды мелкой буржуазии, поддерживающей обманчивые надежды на «исправление» правительства, ошибочны и «еще раз разоблачены этой нотой». Большевики воспитывали рабочий класс в духе недоверия не только к правительству, но и к добросовестным оборонцам. Они говорили, что только переход власти в руки рабочего класса «способен на деле разорвать путы финансового капитала и аннексионистской политики». Временное правительство не могло дать никакого

⁷² Там же.

⁷³ Там же, док. № 738, стр. 725—726.

⁷⁴ Там же, стр. 726.

демократического мира. Только победивший революционный пролетариат, опирающийся на поддержку народа, мог закончить войну и заключить демократический мир. Так противостояли друг другу две линии в отношении к войне: империалистическая линия правительства, поддержанная оборонцами и Петроградским Советом, и пролетарская, интернациональная линия большевиков, на сторону которой становилась все большая часть населения. Недоверие масс к политике Временного правительства привело его к кризису и образованию коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. Но и новое коалиционное правительство вело старую политику продолжения империалистической войны.

Между внешней политикой, войной и кредитами существует неразрывная связь. Союзники финансировали Временное правительство, открывая ему кредиты на ведение войны. Реальная основа сделки заключалась в том, что русская армия отвлекала как до Февральской революции, так и после нее большие силы австро-германских войск. Поэтому союзники намеревались продолжать финансирование Временного правительства. К этому прибавлялись еще расчеты на усиление экономических позиций иностранного капитала внутри России.

В то же время Временное правительство не могло последовательно выполнять свои обещания союзникам, в частности оно оказалось бессильным выполнить принятое еще царским правительством обязательство поддержать наступление союзников в апреле 1917 г. Военственные заявления Временного правительства находились в резком противоречии с настроениями народа и армии, державшихся других взглядов на войну, чем правительство капиталистов. Армия не хотела воевать и не могла больше наступать. Уже к середине апреля 1917 г., как констатировал видный кадет Набоков, стало ясно, что «революция нанесла страшнейший удар нашей военной силе, что ее разложение идет колоссальными шагами, что командование бессильно»⁷⁵. То же самое было признано 1 мая 1917 г. в Ставке на совещании главнокомандующих фронтами, где Брусилов заявлял, что солдаты признают лишь один авторитет — Советы солдатских и рабочих депутатов⁷⁶. И тем не менее генералы, как и лидеры буржуазии, надеялись, что переход власти к коалиционному правительству поможет «укрепить» армию, вернет ей «наступательный» дух и снова сделает ее послушным

⁷⁵ В. Д. Набоков. Временное правительство. Изд. «Мир», 1923, стр. 131.

⁷⁶ А. М. Зайончковский. Мировая война 1914—1918 гг., ч. 7. Кампания 1917 г. Приложение № 6. Протокол совещания в Ставке 1 мая 1917 г. М., 1923, стр. 133—151.

орудием генералов⁷⁷. Эту роль должны были выполнить «социалисты», на которых надеялись даже царские генералы.

Такова была противоречивая обстановка в России, когда по коренному вопросу о войне не только вскрылось решающее расхождение политики правительства и интересов масс, но и выявилась полная неспособность правительства заставить армию быть послушным орудием его политики⁷⁸.

В дальнейшем изложении мы рассмотрим лишь одну сторону этого вопроса — финансовые связи Временного правительства с англо-французским и американским капиталом. Ранее исследованный нами конкретно исторический материал показал, насколько глубоко и правильно В. И. Ленин определил финансовую зависимость России от антантовского капитала. Сейчас следует рассмотреть, как развивались финансовые отношения в период двоевластия и после него.

Интерес американского капитала к России

Еще накануне революции резко усилился интерес к России американского финансового капитала. Два вице-президента «Нэйшнл Сити Бэнк» Мак-Робертс и Ричш в 1916 г. приезжали в Россию не только ради открытия кредита Министерству финансов в 50 млн. долларов, но главным образом для того, чтобы выяснить возможности, которые «предложит им русский рынок после заключения мира»⁷⁹. Отраслями хозяйства, на которые нацелился американский капитал, были железнодорожные концессии, рудники, лесные и земельные владения. Участие американских капиталов в промышленном развитии России одновременно должно было усилить экономические связи последней с Францией.

Известный французский банковский деятель Верстрат, являвшийся вице-директором Русско-Азиатского банка, внимательно следил за операциями американских банкиров

---

⁷⁷ Из всех генералов, бывших на совещании, только командующий Северо-западным фронтом Рузский предлагал держаться оборонительной тактики и отказаться от подготовки к наступлению.

⁷⁸ Еще 9 марта 1917 г. Гучков писал ген. Алексееву о том, что Временное правительство «не располагает какой-либо реальной властью и его распоряжения осуществляются лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов» (А. М. Зайончковский. Указ. соч., ч. 7, Приложение № 6, стр. 121).

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 1107. Записка от 26 июля (8 августа) 1916 г. Записка приложена к переводу на французский язык статьи из «Финансового обозрения» от 25 июля 1916 г., посвященной кредитным отношениям между Россией и Соединенными Штатами Америки. В статье излагались условия, на которых группа американских банков предоставила России кредит, но вместо 50 млн. долларов называлась преднамеренно завышенная сумма в 50 млн. ф. ст.

и регулярно информировал о них французского посла Палеолога⁸⁰. Но дело заключалось не только в информации, а и в тех практических мерах, которые Русско-Азиатский банк намечал предпринять в связи с внедрением американского капитала в русскую экономику. Верстрат стремился сделать Русско-Азиатский банк посредником «для будущей деятельности американцев в России, с тем чтобы иметь возможность присоединить к этому наших соотечественников (французов.— А. С.), как только позволят обстоятельства»⁸¹.

Верстрат развивал стройную программу мероприятий, цель которой заключалась в том, «чтобы занять преобладающее место в России». Основанием этого расчета являлось то обстоятельство, что, по мнению Верстрата, Русско-Азиатский банк добился за время войны таких результатов, которые превышают «итоги всех других банков империи». Опираясь на завоеванные позиции, представитель французского капитала готовился «работать» после войны вместе с американским капиталом и решительно выступал против «немецкой партии» в банках, которая прилагала все усилия, «чтобы отдалить от нас американцев».

Настроения воротил Русско-Азиатского банка совпадали с настроениями таких представителей царского правительства, как министр финансов Барк и министр иностранных дел Н. Покровский. Последний 9 января 1917 г. отправил в Вашингтон телеграмму, в которой посольству предлагалось «всеми доступными средствами поддерживать в американских заинтересованных кругах обнаруживающиеся стремления вкладывать американские капиталы в русские ценности и предприятия»⁸². Это не случайная телеграмма, а выражение политики министерства. В другом письме, уже адресованном Барку, Покровский рекомендовал заручиться поддержкой США не только «для финансирования войны, но и для последующего развития наших производительных сил». Позиция самого Барка в отношении к американскому капиталу ярче всего проявилась в связи с вопросом открытия отделения американского банка в России. 16 августа 1916 г. Барк вошел с предложением об этом в Совет министров, высказавшись в пользу Национального городского банка Нью-Йорка (The National city Bank of New

⁸⁰ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 1107. Письмо Верстрата Палеологу от 29 июля (11 августа) 1916 г.

⁸¹ Там же, д. 1108, лл. 2—4. Письмо Верстрата Палеологу от 17/4 августа 1916 г.

⁸² АВПР, II департамент, 1—5, «Война», оп. 448, д. 261, л. 1. Телеграмма Покровского в Вашингтон; л. 6. Письмо Покровского Барку от 4 января 1917 г., в котором он выдвинул идею посылки в США «финансово-экономической миссии, с особо авторитетным лицом во главе».

Jork), располагавшего капиталом свыше 62,5 млн. долл. Барк предложил, чтобы условия деятельности американского банка были утверждены в порядке верховного управления — царем, а не через Думу. Предложение Барка встретило поддержку со стороны министра торговли и промышленности князя Шаховского, который признал, что учреждение такого банка «облегчило бы проникновение к нам капиталов Соединенных Штатов», а потому являлось «весьма желательным». Но против предложения Барка высказался министр юстиции, и Совету министров пришлось дважды рассматривать вопрос: 6 сентября 1916 г. и 28 октября 1916 г., а его решение было утверждено царем только 9 декабря 1916 г.^{82а}

Посол США Фрэнсис в письме к государственному секретарю США от 14 августа 1916 г. называл открытие отделения американского банка в России «удачным ходом» этого учреждения. Посол считал необходимым, не нарушая нейтралитета США, подстрекать американский капитал к предприимчивости в России, «чтобы свести на нет, если не больше, хорошо задуманный план Англии, а возможно и Франции, состоящий в захвате торговли с Россией после войны»⁸³.

Еще интереснее сделанные незадолго до Февральской революции высказывания Фрэнсиса о позиции Англии. Фрэнсис отдает себе полный отчет в силе влияния Англии в России, но он не намерен уступать России без борьбы, ибо союзники ослаблены потерей людей «и миллиардными долгами, которые они наделали», а Америка стала сильнее не только от накопленного богатства, но и от накопленного промышленного опыта. Фрэнсис трезво учитывал, что хотя Англия и финансировала Россию, но она «не должна забывать, что может финансировать Россию и других союзников только при той помощи, которую она получает от Соединенных Штатов»⁸⁴.

Еще царское правительство в январе 1917 г. выдвинуло идею посылки в Америку особой финансово-экономической миссии, которая должна была «содействовать сближению с американским рынком, имеющим для нас весьма важное значение»⁸⁵. За эту идею ухватилось Временное правительство,

---

^{82а} Там же, оп. 448, д. 257. Все дело посвящено вопросу об учреждении американского банка. Копия Особого журнала Совета министров (лл. 67—74).

⁸³ FR. The Lansing papers, vol. II, p. 319. Фрэнсис имел в виду решения экономической конференции союзников в Париже в июне 1916 г.

⁸⁴ Там же, стр. 323.

⁸⁵ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2. М., 1957, док. № 568, стр. 453. Русско-Американская палата буквально накануне революции командировала в США своего представителя Шацкого со специальной миссией способствовать установлению «тесных экономических и финансовых отноше-

пытаясь практически реализовать намерения своего предшественника. 25 апреля 1917 г. оно решило послать в США чрезвычайную миссию во главе с товарищем министра торговли и промышленности Б. А. Бахметьевым⁸⁶. На главу этой миссии, возведенного в ранг посла, были возложены и обязанности управляющего посольством в США. Миссия, по решению правительства, посылалась «для выражения признательности за почин в деле официального признания» нового правительства и ведения переговоров по вопросам финансовым и военного снабжения России. Однако через месяц после решения правительства о посылке миссии управляющий министерством торговли и промышленности В. А. Степанов гораздо точнее и ярче определил действительную и главную задачу миссии. Она состояла в «установлении тесного экономического сближения» между Россией и США на основе привлечения американских капиталов⁸⁷. Особое внимание было обращено на горную и горнозаводскую промышленность, развитие которых в США достигло высокого уровня и для ознакомления с которой предполагалось дополнительно послать трех специалистов⁸⁸. Русско-Американской торговой палатой была представлена Временному правительству программа деятельности экономической миссии в США⁸⁹. В программе были намечены те отрасли народного хозяйства, куда приток американского капитала представлялся наиболее желательным — горная и горнозаводская промышленность, пути сообщения и др. По вопросу о помещении американских капиталов в России Американско-Русская торговая палата обратилась к Русско-Американской палате со специальным письмом, в котором сообщала о том, что она «ожидает заслуживающих внимания предложений» с русской стороны⁹⁰. Дальнейшая переписка показывает, что Временное правительство относилось «вполне сочувственно» к приливу американских капиталов и не предполагало «делать каких-либо ограничений в смысле формы помещения их в наши предприятия; в соответствии с сим оно будет допускать как непосредственное финансирование этих предприятий открытием кредитов заинтересованным банкам, так и учреждение новых акционер-

---

ний» между США и Россией. Шацкий прибыл в США сразу же после Февральской революции («Торгово-промышленная газета», 12 марта 1917 г.).

⁸⁶ Сб. «Революционное движение в России в апреле 1917 г.», док. № 269, стр. 322.

⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 1, д. 447, л. 31—31 об.

⁸⁸ «Вестник Временного правительства», № 65, от 28 мая 1917 г.

⁸⁹ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 570, стр. 455—456.

⁹⁰ Там же, док. № 569, стр. 454—455.

ных обществ»⁹¹. Начиная с января 1917 г. русские газеты уделяли особое внимание привлечению американских капиталов в железнодорожное строительство, а позднее — в горную промышленность⁹².

Из телеграммы министра иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко послу в США также видно, что политика правительства была направлена на привлечение иностранных капиталов и прежде всего американских⁹³.

Однако быстро добиться значительных результатов в этом направлении было невозможно. Существовало много трудностей, которые создавали осложнения. Между Россией и США не было торгового договора, заключение которого Фрэнсис рассматривал одной из задач своей миссии. Однако основной причиной являлась неустойчивость самого правительства и его неспособность справиться с антивоенными настроениями масс.

В области государственного кредита политика Временного правительства сделала еще более ярко выраженный крен в сторону США. Этому способствовал ряд обстоятельств. Со свержением царизма отпали возражения определенных американских банковских кругов против предоставления кредитов России в связи с политикой царизма в еврейском вопросе. Кроме того, Соединенные Штаты все теснее связывались со странами Антанты, все острее выступали их противоречия с Германией, пока США не вступили в войну на стороне Антанты, что позволило американскому правительству открыто предоставить союзникам кредиты. Наконец, колебания Англии в выполнении своих финансовых обязательств, вытекавших из решений Петроградской конференции, и желание переложить платежи в США по русским заказам, ранее размещенным через Моргана, непосредственно на правительство США, также толкали Временное правительство в сторону Соединенных Штатов.

Отказ Англии утвердить решения Петроградской конференции

Английское правительство сразу же после Февральской революции заняло по отношению к Временному правительству более подозрительную и строгую позицию, чем оно занимало по отношению к царскому правительству. Английское правительство сперва не торопилось, а позднее совсем отказалось утвердить решения Петроградской конференции, так как утвер-

⁹¹ Там же, док. № 573, стр. 459—460. Письмо товарища министра торговли и промышленности председателю Русско-Американской торговой палаты.

⁹² «Торгово-промышленная газета», 14 июня, 1 июля 1917 г.

⁹³ Там же, док. № 574, стр. 460. Телеграмма отправлена 1 июня 1917 г., т. е. на следующий день после приезда в Россию миссии Рута.

ждение повлекло бы за собой представление кредитов в более широком масштабе. По-видимому, оно было гораздо лучше информировано, чем его партнеры, о внутреннем положении России и поэтому не проявляло желания отпускать кредиты так широко, как это оно делало раньше.

Повторные настояния русского поверенного в делах в Лондоне Набокова на удовлетворении ряда финансовых требований Временного правительства привели к откровенному его разговору с представителями английского правительства, о котором Набоков в телеграмме от 24 апреля (7 мая) 1917 г. подробно информировал свое правительство. Дело, в конечном счете, заключалось в том, что английское правительство потеряло веру в боеспособность русской армии и ее возможность вести наступательные операции. Всякого рода словесные заявления Временного правительства о противном, доносил Набоков, «этого безверия не устранили». В этом Набоков видел коренную причину того, «что никакие представления о необходимости для нас новых многомиллионных кредитов не в силах убедить здешнее правительство». Телеграмма заканчивалась указанием на то, что союзники «на деле» ждут доказательства, что русская армия способна «на подвиг и победу» и стремится к ним⁹⁴.

Последовавшие за апрельским кризисом события — отставка Милюкова, Гучкова и создание коалиционного министерства, по словам Набокова, повели к укреплению в Лондоне пессимистических настроений, граничивших с паникой, и убедили империалистические круги Англии в «боевой немощи России». В этом и крылась разгадка того, что английское правительство не хотело больше вкладывать средства в русскую армию. Но и отказать совсем в какой-либо финансовой помощи английское правительство также не могло. Слишком крупная шла игра. Поэтому до выяснения обстановки кредиты представлялись для нужд торговли и промышленности и поддержания курса рубля, по признанию Милюкова, «в размерах, определенных предыдущим финансовым соглашением, т. е. *значительно меньших* против норм Февральской конференции»⁹⁵. Милюков, по-

⁹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 3, т. I, л. 253—253 об.

⁹⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 487. Телеграмма Милюкова в русское посольство в Лондон от 25 марта 1917 г. (Курсив наш.— А. С.). Необходимо указать, что поверенный в делах в Лондоне Набоков не был информирован о принятых в Петрограде финансовых решениях. В начале апреля 1917 г. сотрудник Министерства иностранных дел барон Нольде просил товарища министра финансов Шателена ускорить высылку русского текста протоколов соглашения для посылки в Лондон (лл. 497 и 506), но только 29 апреля (ст.ст.) были посланы два экземпляра русского текста переговоров по финансовым вопросам, подписанные английскими делегатами и Барком. Следовательно,

видимому, не знал, что фактически кредиты предоставлялись в значительно меньших размерах, чем раньше, т. е. при царском правительстве. Однако, он уже очень мягко отметил «сдержанность» английского правительства в открытии «новых кредитов», что вызвало у Министерства финансов опасения в отношении платежей по иностранным заказам и поставкам. Опасения Министерства финансов полностью оправдались. Ссылаясь на ограниченные средства, английское правительство действительно задерживало предоставление новых кредитов, указывая на то, что «до момента вступления Америки в наш союз... о помощи союзникам в крупных размерах не могло быть и речи»⁹⁶.

Учитывая недостаток валюты и огромный рост заказов и потребностей различных ведомств, Временное правительство провело дальнейшую централизацию всего дела заграничного снабжения, образовав «Особый междуведомственный комитет по заграничному снабжению», в который вошла и Комиссия по распределению валюты⁹⁷. Это решение означало усиление государственно-капиталистического регулирования хозяйства страны.

8 апреля 1917 г. министр финансов Временного правительства М. И. Терещенко обратился к министру иностранных дел П. Н. Милюкову со специальным письмом, в котором в довольно радужных тонах сообщал о предложении кредитов со стороны США. Кроме того, он писал о взятых на себя Англией и невыполняемых ею финансовых обязательствах⁹⁸. Так как переговоры с Соединенными Штатами были еще «не закончены», вернее они только что начались, то Терещенко писал: «Я все же полагал бы необходимым и ныне настаивать на скорейшем заключении соглашения с Англией на основаниях, установленных Петроградской конференцией, с тем чтобы Англия признала свое обязательство предоставлять нам всю ту валюту, которая необходима для выполнения сообщенной ей нашей военной программы, за исключением платежей по железнодорожным заказам и торгово-промышленным закупкам в Америке». Под влиянием положительных сообщений из США Терещенко

когда Набоков передавал 28 марта (10 апреля) 1917 г. ноту английскому правительству о безотлагательном заключении финансового соглашения, он не совсем ясно представлял себе, о чем собственно шла речь.

⁹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 3, т. I, л. 197. Телеграмма Набокова от 28 марта (10 апреля) 1917 г.

⁹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 2, л. 5. Решение Временного правительства состоялось 6 апреля 1917 г. Предполагалось, что эта мера будет содействовать «успеху войны». Вновь образованный комитет существовал и после Октябрьской революции. В феврале 1918 г. он включен в Центральное управление по снабжению армии.

⁹⁸ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 494—495.

сделал уже для Англии значительную скидку, сняв с нее расходы по железнодорожным заказам и рассчитывая в дальнейшем, по получении кредитов в США, освободить Англию и от «чисто военных платежей», взамен чего англичане должны были увеличить кредиты на нужды торговли и промышленности, на поддержание курса рубля, а также увеличить отпуск валюты для закупок в Японии и скандинавских странах. Таков был план Временного правительства, о котором Милюков поставил в известность поверенного в делах в Лондоне.

Этот план не был поддержан англичанами прежде всего по причинам, которые указаны выше. Кроме того, переговоры с США о предоставлении кредита союзникам развивались не так быстро, как бы этого хотелось Временному правительству. В связи с этим Набоков присылал нерадостные вести. Англичане «отложили» рассмотрение «подробностей окончательного финансового соглашения с Россией до выяснения С.-А. С. Штатов к вопросу о финансировании заказов союзников»⁹⁹. Такова была официальная версия. Правда, английское правительство «утешало» русское правительство надеждой на столь широкое финансовое содействие со стороны США, что русскому правительству «не придется встретиться с какими-либо финансовыми затруднениями в вопросе о снабжениях в том виде, в каком он был разрешен на конференции союзников в Петрограде». Но на деле эти лицемерные слова были слабым утешением, ибо план снабжения, намеченный на конференции, трещал по всем швам. Даже если бы американцы действительно дали необходимые средства, то все равно три месяца 1917 г. уже были потеряны, и многое, что должно было поступить в 1917 г., опоздало бы на год и могло быть доставлено только в 1918 г.

Еще в марте 1917 г. ген. Гермониус прислал из Лондона подробный перечень заказов на оборудование, размещение которых английское правительство прекратило. Дело касалось большой группы военных предприятий, заказавшей на 20 тыс. тонн оборудования, стоимостью около 1,5 млн. ф. ст., а также оборудования для вновь строившихся заводов, в том числе шести автомобильных заводов, что составляло около 25 тыс. т оборудования и станков, стоимостью около 2 млн. ф. ст.¹⁰⁰

Буквально все ведомства получали из Лондона тревожные сведения. 12 апреля 1917 г. Горный департамент Министерства

⁹⁹ АВВР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 501. Телеграмма Набокова от 29/16 апреля 1917 г. Первая нота Набокова английскому правительству о желательности «по возможности безотлагательно» заключить финансовое соглашение была передана 28 марта (10 апреля) 1917 г. (л. 489).

¹⁰⁰ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 585, стр. 473. Телеграмма Гермониуса от 9 марта 1917 г.

торговли и промышленности получил извещение о том, что английское правительство «совершенно прекратило помещение и разрешение всех заказов на всякое заводское оборудование для России»¹⁰¹. Между тем от этого оборудования, заказанного для казенных горных предприятий, зависело выполнение «срочных артиллерийских заказов». Меры английского правительства совершенно нарушали весь план деятельности горных предприятий и окончание крупных строительных работ. В конце апреля 1917 г. адмирал Канин писал из Лондона о намерении английского правительства передать выполненные для морского ведомства России заказы «на удовлетворение потребностей Англии и других союзников»¹⁰². Одновременно сообщалось, что выполнение уже размещенных заказов зависело от сотрудника английского посольства в Петрограде ген. Пуля, который должен послать соответствующее ходатайство в Лондон. Речь шла об оборудовании мастерских военных предприятий морского ведомства — Ижорского, Адмиралтейского, Балтийского и других заводов.

Аналогичные известия поступали от агента Министерства торговли и промышленности в Англии, который также сообщал, что «остановились все заказы на всякое заводское оборудование»¹⁰³. Из частного источника агент узнал, что вопрос о заводском оборудовании «в виде исключения» рассматривается комиссией военного министра лорда Мильнера, которая в своих суждениях основывается на заключении ген. Пуля, за поддержкой которого и рекомендовалось обратиться русским учреждениям.

Представители Англии на Петроградской конференции особенно рекомендовали русскому правительству усиливать собственное производство. Через два месяца английская политика стала иной — она объективно мешала выполнить эту рекомендацию и тормозила повышение промышленного потенциала русского союзника.

Своевременное получение нового оборудования значительно усилило бы техническую вооруженность промышленных предприятий России. Из всех многочисленных списков предприятий, оборудование которых задерживалось английскими властями, верховный главнокомандующий ген. М. В. Алексеев выделил шесть вновь строившихся автомобильных заводов и относительно их судьбы обратился к военному министру Гуч-

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 68, 1916—1917 гг., л. 21. Копия письма директора Горного департамента в отдел промышленности Министерства торговли и промышленности от 15 апреля 1917 г.

¹⁰² Там же, л. 23. Письмо помощника морского министра в Главное управление пограничному снабжению от 30 апреля 1917 г.

¹⁰³ Там же, л. 25. Копия шифрованной телеграммы Остроградского из Лондона, № 595 (без даты).

кову¹⁰⁴ с просьбой настоять перед английским правительством на изменении принятого решения. 3 апреля копия этого письма была прислана Милюкову ген. Маниковским, который также просил Милюкова о дипломатическом вмешательстве¹⁰⁵.

Однако Милюкову некогда было заниматься экономическими вопросами. За подписью Струве в Лондон была послана телеграмма, в которой посольству предлагалось выяснить вопрос вместе с ген. Гермониусом и «принять соответствующие меры и известить министерство о положении вопроса»¹⁰⁶. Телеграмма Струве была отправлена слишком поздно, но и послать ее не было никакой необходимости ибо еще в начале апреля Набоков представил Милюкову исчерпывающее объяснение причин «задержек в разрешении нам кредитов и поставок»¹⁰⁷. Набоков дал подробное объяснение английской политики которая проводилась расчетливо и вполне сознательно.

Оказывается, английское правительство не было удовлетворено декларацией Временного правительства от 27 марта 1917 г., которая хотя и содержала заявление о полном соблюдении своих обязательств перед союзниками, но вместе с тем указывала «на готовность России заключить мир без аннексий». «Между тем представляется несомненным,— сообщал Набоков,— что ни Англия, ни Франция, ни Италия не могут принять этого принципа и отказаться от сохранения за собой земель, уже завоеванных, или тех, которые они *хотят оставить за собой* по мирному договору»¹⁰⁸.

Английские и иные империалисты боялись, как бы революционно-демократические силы русской революции не привели к победе антиимпериалистической политики и как бы Рос-

¹⁰⁴ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 498. Копия письма ген. Алексея Гучкову от 31 марта 1917 г.

¹⁰⁵ Там же, л. 496.

¹⁰⁶ Там же, л. 499. Телеграмма от 17 апреля 1917 г.

¹⁰⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 3, т. I, л. 217. Телеграмма Набокова от 4 апреля 1917 г. (см. сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 589, стр. 475).

¹⁰⁸ Там же. (Курсив наш.— А. С.). 3 апреля 1917 г. великобританское посольство передало в Министерство иностранных дел Временного правительства памятную записку, в которой сообщало сведения о приезде В. И. Ленина и его выступлениях по вопросу о войне. В. И. Ленину попутно, говорилось в записке, «попытаться добиться мира для всех воюющих сторон, но если западные державы и особенно Англия (предмет особой его враждебности) откажутся, Россия могла бы заключить сепаратный мир». В тот же день Милюков получил аналогичную записку от французского посла и телеграмму из Стокгольма. Эти сведения, по распоряжению товарища министра иностранных дел Нератова, были опубликованы без указания источников. Указание английского и французского посольств на благожелательность германского правительства к В. И. Ленину и послужили поводом для травли большевиков (Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 18—20).

сия — участник империалистического блока, не вышла из игры. Поэтому Набоков просил подтвердить, что правительство намерено «в согласии с союзниками» проводить прежнюю внешнюю политику, и что «мир без аннексий» принимается русским правительством «не безусловно, а поскольку не противоречит нашим жизненным интересам».

Все это еще раз убеждает в том, что проблемы финансовые были тесно связаны с общей политикой правительства. У английского правительства появились колебания и сомнения не только в боеспособности русской армии, но и в характере политики Временного правительства и особенно в его способности справиться с силами революции и заставить русскую армию вновь выступать за интересы российских и международных империалистов. Эти «сомнения» и привели к тому, что английское правительство не утвердило принятых в Петрограде решений о снабжении и финансировании русского правительства; одновременно английское правительство практически ограничило размещение новых заказов и отпуск средств по свободному кредиту и на поддержание курса рубля.

В связи с вступлением США в апреле 1917 г. в число воюющих с Германией держав и начавшимися переговорами о предоставлении кредитов Англия стремилась переложить на американское правительство финансирование русских заказов в США и освободить себя от новых больших финансовых тягот. Достаточно сказать, что реализация утвержденной в Петрограде программы снабжения составляла 2,2 млрд. руб., не считая 360 млн. долл., которые Англия согласилась предоставить России для оплаты закупок в Америке в течение 1917 г.¹⁰⁹

Англия не хотела вкладывать свои капиталы в дело, которое стало казаться не вполне надежным. Такая политика англичан вызвала протесты во всех звеньях военного заготовительного аппарата России. Генерал Гермониус, вернувшийся из Соединенных Штатов, телеграфировал военному министру о необходимости добиться в Америке кредита «независимого от Англии»¹¹⁰. О том же телеграфировал ген. Залюбовский, ведавший заготовительными операциями русского правительства в США¹¹¹. Еще более решительно выступал на заседании комиссии английского военного министра лорда Мильнера инженер С. Гаврилов, приводивший огромное количество фактов об отклонении англичанами заявок на заводское оборудование и на кредиты для этого оборудования. Гаврилов указывал, что

¹⁰⁹ FR. 1918. Russia, vol III. Economic relations, pp. 3—4. Телеграмма Фрэнсиса государственному секретарю от 20 апреля 1917 г.

¹¹⁰ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 592, стр. 478.

¹¹¹ Там же, док. № 593, стр. 479.

«проходят недели и месяцы, но никакого ответа мы совершенно не имеем»¹¹². Ответ, конечно, последовал, но он был отрицательный. Так складывались русско-английские финансовые отношения при Временном правительстве.

Американский заем

Иной характер приняли русско-американские отношения. Революция оживила надежды российской буржуазии и правительства относительно возможности получить большие кредиты в США. Эти настроения поддерживало само американское правительство. 9 марта 1917 г. посол США в Петрограде Д. Фрэнсис в присутствии всего состава Совета министров сделал заявление о признании Соединенными Штатами нового правительства России¹¹³, опередив в этом деле союзников. Через неделю Временное правительство уже обсуждало вопрос об открытии США «широкого кредита союзникам» и о поступившем предложении предоставить заем России за счет этого кредита, «или предоставить России возможность заключить особый заем»¹¹⁴. По-видимому, это первое известие носило общий характер, поэтому оно было только принято к сведению. Однако спустя около двух недель, 25 марта, вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части фон Замен уже информирует финансового агента в Вашингтоне Угета об условиях займа в 500 млн. долл. Кредит, предоставлявшийся самим правительством США, а не частными банками, предполагалось покрывать облигациями «Займа свободы». Но Министерство финансов высказывалось за другие условия, о которых было телеграфировано в США, а именно заем должен был быть предоставлен на 15 лет на условиях, «не худших», чем предоставляемые США займы для Англии и Франции; погашение займа переносилось на время после ратификации мирного договора.

3 апреля 1917 г. (н. ст.) государственный секретарь США Лансинг телеграфировал послу в России Френсису просьбу канцелярии узнать, нужна ли русскому правительству финансовая помощь, сумму кредита и форму, в которой этот кредит мог быть предоставлен. Предлагалось выяснить, какой кредит

¹¹² Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 595, стр. 480—483. Доклад Гаврилова.

¹¹³ Телеграмма Лансинга послу о признании последовала еще 7 марта 1917 г. По-видимому, отсрочка от 9 марта потребовалась в связи с желанием провести эту церемонию в более торжественной обстановке, перед всем составом Совета Министров (сб. «Революционное движение в России после свержения самодержавия», док. № 327, 336, стр. 426, 432).

¹¹⁴ Там же, док. № 342, стр. 436.

нужен России на 6 месяцев и будет ли он использован для закупок в США ¹¹⁵.

Как же вело себя Временное правительство и каково было его финансовое положение на внешних рынках?

27 марта 1917 г. ген. Михельсон, ведавший распределением иностранной валюты, в письме к Терещенко видел спасение правительства в американском займе в 1,5 млрд. долл., так как платежи в США, отнесенные за счет английского кредита, выражались в сумме 1270 млн. руб. Михельсон насчитывал дефицит по английскому кредиту в 850 млн. руб. Сообщая об этом, он писал: «Для ближайшего периода войны нам надо просить у американцев кредит в 1½ млрд. долл., выговоря себе право отнести на него все платежи по когда бы то ни было заключенным обязательствам в Америке» ¹¹⁶. Такой заем позволил бы уплатить весь долг в США в сумме 1270 млн. руб., отнесенный за счет английского кредита, дефицит по английскому кредиту превратился бы в положительное сальдо в 420 млн. руб., и правительство имело бы в США свободную сумму в 1730 млн. руб. для новых заказов. По мнению Михельсона, этих денег хватило бы на оплату поставок до 1 января 1918 г. ¹¹⁷ Этот очень смелый расчет на многомиллиардный кредит базировался на легкомысленном предположении, что американцы не умеют считать и не знают цену своему доллару.

Временное правительство не было так наивно, как бывший царский генерал. Оно сперва поставило на обсуждение вопрос: не погресбуется ли на заключение займа в США разрешения английского правительства. На особом совещании под председательством Терещенко с участием военного министра Гучкова и представителей других министерств 26 марта 1917 г. было решено, что относительно выпуска займа в США «нам не требуется испрашивать согласия великобританского правительства, так как никаких формальных обязательств в этом отношении мы Англии не давали» ¹¹⁸.

Уже самая постановка этого вопроса чрезвычайно знаменательна: Временное правительство чувствовало, что в финансовых вопросах фактическим хозяином его была еще Англия, ко-

---

¹¹⁵ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 1. Декрет о предоставлении союзникам кредита в 3 млрд. долл. был подписан 27 апреля 1917 г.

¹¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1916—1919 гг., д. 681, лл. 106—107. Письмо Михельсона Терещенко от 27 марта 1917 г. Письмо написано через день после совещания у Терещенко по вопросу об американском займе; на это совещание Михельсон не был приглашен.

¹¹⁷ В эту сумму, по мнению Михельсона, уложились бы все потребности военной и частной промышленности, не работавшей на оборону.

¹¹⁸ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 647, стр. 534—535.

торая могла и не разрешить своему должнику делать новые долги на стороне.

На том же совещании были обсуждены два других вопроса: 1) о сумме, в какой исчисляется потребность в американской валюте, и 2) об условиях займа, предложенного американским правительством. На совещании выяснилось, что точных данных о величине необходимых кредитов правительство не имеет (Михельсон представил свои материалы только на следующий день). Под председательством Б. А. Бахметьева была организована комиссия, которой было поручено установить потребности правительства в долларах. Кроме того, было решено выделить заказы на вагоны и просить Англию уступить свою очередь на получение заказанных в США вагонов.

В связи с американским займом было также решено просить английское правительство увеличить кредиты взамен долларов в другой валюте для нужд частной промышленности и финансовой интервенции. Министр финансов огласил условия, на которых американское правительство разрешит заем: «Американское правительство разрешит выпуск на рынке русского займа в 500 млн. долларов, действительного сроком на 15 лет, на условиях, не худших, чем имеющие быть выпущенными в Соединенных Штатах английские и французские займы. В счет займа американское правительство немедленно и по мере необходимости открывает нам кредит из того процента, из которого оно само получит деньги на рынке (3,75—4), причем общая сумма кредита не должна превышать 97% размера предполагаемого займа. Кредит этот должен быть погашен не позднее одного года после ратификации мирного договора»¹¹⁹. Ознакомившись с условиями займа, совещание признало желательным добиваться, чтобы американское правительство гарантировало этот заем, а не только содействовало его размещению, чтобы срок пользования им был ограничен двумя годами, с тем чтобы неиспользованную часть можно было реализовать в иной валюте.

6 апреля 1917 г. Фрэнсис мог уже послать ответ своему правительству о результатах своих двух встреч с министром финансов Терещенко, который заверил посла, что предложение займа было высоко оценено правительством. Сумма займа была названа в 500 млн. долл., которые были бы истрачены «в Соединенных Штатах прямыми покупками без британского посредничества, как это было до сих пор». Очень интересна концовка телеграммы Фрэнсиса, которая настраивала правительство США на то, чтобы не жалеть денег. «Россия,— телеграфи-

¹¹⁹ АВПР, ф. II департамент, д. 214, лл. 151—152; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 647, стр. 534—535.

ровал посол, — обладает безграничными лесами, неизмеримыми залежами руд и нефти, колоссальными площадями годных к распахке земель. Этот заем был бы, по моему мнению, *абсолютно верным делом*. К тому же он целесообразен с любой точки зрения в политическом отношении»¹²⁰. По-видимому, у американцев не было сомнений в целесообразности предоставления кредитов Временному правительству, однако при условии, что это правительство будет воевать. Поэтому Лансинг рекомендует послу достать «всю возможную информацию относительно решимости и способности русского правительства *продолжать войну*, если финансовая помощь будет предоставляться»¹²¹. Один из руководителей «Нейшнл Сити Бэнк» Мак-Робертс вторил Лансингу, обещая «полную энтузиазма дружбу», если новое правительство сможет поддерживать порядок и успешно «продолжать войну»¹²², но эта «дружба» закончится, если правительство обнаружит желание заключить сепаратный мир. Таким образом, в основе американской «дружбы» лежал простой расчет — поддержать военные усилия Временного правительства, чтобы возможно больше немецких сил было привлечено к восточному фронту.

Переписка поверенного в делах России в США и финансового агента в США с Временным правительством показывает, что они деятельно работали в пользу расширения финансовых связей России с США и увеличения суммы кредита Временному правительству.

29 марта Бахметьев сообщил, что комиссия Палаты представителей утвердила выпуск казначейских облигаций для финансирования войны на 7 млрд. долл., из которых 3 млрд. долл. послужат «базисом для займа союзникам»¹²³. В начале апреля 1917 г. он же сообщил об ожидавшемся в ближайшее время приезде в США финансовой комиссии союзников, а также о том, что вопрос о распределении кредита еще не решен¹²⁴ и что возможно увеличение суммы займа России свыше 500 млн. долл. Эти сведения подтверждаются телеграммами поверенного в делах в США Ону Милюкову. Ону доносил правительству, что размер займа зависит от программы «будущих закупок» и количества выданных Россией обязательств по размещенным уже заказам, с учетом возможности получить необхо-

¹²⁰ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 3. Телеграмма Френсиса Лансингу от 6 апреля 1917 г. (Курсив наш.— А. С.).

¹²¹ Там же. Телеграмма Лансинга Френсису от 13 апреля 1917 г. (Курсив наш.— А. С.).

¹²² FR. 1917. Suppl. 2. The world War, vol. I, p. 30.

¹²³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, л. 107. Телеграмма Бахметьева от 29 марта 1917 г.

¹²⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, л. 116. Телеграмма Бахметьева от 23/10 апреля 1917 г.

димый тоннаж для доставки грузов. С другой стороны, Ону сообщал, что аванс возможно будет получить не ранее разрешения общих условий займа ¹²⁵.

В использовании американского рынка союзники обогнали Россию. Уже в начале мая Ону сообщал, что союзники, получившие денежные авансы, фактически «имеют возможность пользоваться американским рынком и теперь» ¹²⁶, а русским, прежде чем выдать заказ, необходимо пройти через особые комиссии в Лондоне. В одной из телеграмм содержится указание на гарантии, которые США хотят получить. Предоставляя кредиты, Америка «хочет быть уверенной, что деньги, имеющие быть авансированными, будут употребляться действительным образом» ¹²⁷. На сей раз речь шла о гарантиях экономического порядка — о реорганизации Сибирской железной дороги, для чего предполагалось послать американскую техническую комиссию; кроме того, американский министр финансов Мак-Аду предполагал реорганизовать русский заготовительный комитет, создав вместо него «нечто вроде общесоюзнического комитета, которому гарантировалось бы самое широкое содействие американского правительства» ¹²⁸. Другими словами, американцы предполагали организовать свой контроль над русскими заказами и закупками по образцу английского. Предполагалось возродить и в США ту практику, от которой русские заказы больше всего страдали в Англии. Далее, Мак-Аду предложил «организовать или реорганизовать» доставку грузов в Россию. Вслед за директивным высказыванием американского министра финансов последовал меморандум Американской международной корпорации, которая предложила свои услуги в качестве агента русского правительства по техническому надзору за русскими заказами и их доставке ¹²⁹. Эта организация находилась под контролем «Нейшнл Сити Бэнк», кредитовавшего русское правительство.

Деньги правительству еще не были предоставлены, а уже находилось много желающих принять участие в их расходовании. А самое главное, под благовидным предлогом ускорить продвижение грузов, американский капитал собирался послать своих агентов на Сибирскую железную дорогу.

---

¹²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, л. 147. Секретная телеграмма Ону от 6 мая (23 апреля) 1917 г.

¹²⁶ Там же, л. 169. Телеграмма от 16/3 мая 1917 г.

¹²⁷ Там же, лл. 113—114. Телеграмма Ону Милюкову от 21/8 апреля 1917 г.; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 649, стр. 546.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», т. 2, док. № 599, стр. 486—488.

Пока шла переписка о предоставлении кредитов американский посол в России Фрэнсис выяснил степень общей задолженности России и сумму процентов, которую будет платить Россия (1,4 млрд. руб. при 37 млрд. руб. консолидированного долга), и пришел к выводу о полной ее кредитоспособности. «Мое мнение состоит в том,— писал Фрэнсис,— что Россия, несомненно, может выполнить все свои обязательства»¹³⁰. Путем конфиденциальных разговоров с русскими министрами Фрэнсис установил, что они предпочли бы, чтобы 360 млн. долл. английского кредита, который русское правительство должно израсходовать в США, были переведены из Англии в США путем предоставления России дополнительного американского кредита на эту же сумму. Фрэнсис подробно выяснил положение дела с железнодорожными потребностями и заказами России. Он настаивал на срочной отправке в Россию 500 паровозов и 10 тыс. товарных вагонов. В целом он пришел к выводу о необходимости выдачи России авансов, которые считал «безопасными и целесообразными для энергичных военных приготовлений»¹³¹.

По мере того, как вопрос с займом подвигался к деловому завершению, Лансинг заинтересовался вопросом, кто из представителей русского правительства в США подпишет соглашение и оформит обязательства русского правительства. Займовая операция являлась непосредственной сделкой между двумя правительствами — США и России, без участия частных банков; поставленный Лансингом вопрос, возможно, проистекал от того, что не было посла России в Вашингтоне и только в начале июля 1917 г. на этот пост был назначен глава русской миссии Б. А. Бахметьев.

Вместе с тем американское правительство предупреждало, что заем отпускается с условием, «чтобы никакие закупки в Соединенных Штатах не производились без одобрения представителя казначейства»¹³². Фрэнсису поручалось объяснить русскому правительству, что вслед за открытием кредитов представитель русского правительства в США «сможет немедленно договориться через казначейство о покупках железнодорожных вагонов и паровозов», а американское правительство обязывалось помочь сделать такие закупки и организовать их отправку.

Наконец, долгожданный американский заем был получен. Как видно из телеграммы поверенного в делах в Соединенных Штатах Ону, 16/3 мая 1917 г. было подписано соглашение о.

¹³⁰ F R. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 5. Телеграмма Фрэнсиса Лансингу от 21 апреля 1917 г.

¹³¹ Там же, стр. 6. Телеграмма Фрэнсиса Лансингу от 25 апреля 1917 г.

¹³² Там же, стр. 8. Телеграмма Лансинга Фрэнсису от 7 мая 1917 г.

выдаче России авансом 100 млн. долл. из 3,5% годовых¹³³. В счет этого аванса должен был быть размещен заказ на 500 паровозов и 10 тыс. товарных вагонов; предполагался также заказ Ремингтону на 1 млн. винтовок¹³⁴.

В подробной телеграмме государственного секретаря Фрэнсису от 17 мая (н. ст.) 1917 г. изложены условия этого займа, причем Лансинг особенно подчеркивал, что эти условия не отличаются от условий, на которых были открыты кредиты Великобритании, Франции и Италии. Закупки в счет открытого кредита русское правительство могло делать «через комиссионера или комиссию казначейства, обязанностью которой будет производить такие закупки от имени... правительства»¹³⁵. Одновременно сообщалось, что в контакте с представителями русского правительства приступлено к переговорам о заказе 500 паровозов и 10 тыс. товарных вагонов, платежи за которые «должны производиться из предоставленного... кредита в 100 млн. долларов».

Временное правительство предполагало израсходовать этот кредит следующим образом: около 20 млн. долл.— по заказам министерств путей сообщения и земледелия; 6 млн. долл.— платежи по займам; 13 млн. долл.— первая четверть платежей за вагоны и паровозы; 50 млн. долл. текущих платежей как по заказам через Моргана, так и помимо него¹³⁶.

После получения Россией американского кредита англичане решительно добивались прекращения своих платежей по заказам России через фирму Моргана; эти расходы Россия должна была оплатить за счет американского кредита¹³⁷. Правительству удалось отстоять американский аванс от английских покушений и использовать его в своих целях, хотя в принципе оно выступало за оплату США русских заказов, выданных в счет английского кредита.

9 мая 1917 г. Терещенко дал директиву немедленно добиться вне обычного порядка размещения заказа на 1500 паровозов и 30 тыс. вагонов. По поводу этого заказа Терещенко писал:

¹³³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, л. 172. Секретная телеграмма от 16/3 мая 1917 г.

¹³⁴ Там же, лл. 197—198. Секретная телеграмма Ону от 29/16 мая 1917 г.

¹³⁵ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 9. Телеграмма Лансинга Фрэнсису от 17 мая 1917 г.

¹³⁶ Однако первый аванс в 35 млн. долл. был получен поздно — только 6 июля (н. ст.); до 24 августа Временное правительство получило еще 15 млн. долл.; с 24 августа по 2 октября — 62,5 млн.; в октябре было получено 42,2 млн. долл., а 1 ноября была последняя погашка в 31,7 млн. долл. Фактически все деньги по американскому кредиту Временное правительство получило за последние 4 месяца своего существования.

¹³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, л. 182. Телеграмма Ону от 21/8 мая 1917 г.

«Надо иметь в виду, что признанное всеми союзниками тяжелое состояние транспорта в России требует немедленного и срочного помещения этого заказа, вне намеченного порядка». В начале июня 1917 г. Терещенко дал указания Бахметьеву добиться новых кредитов, в том числе для нужд торговли и промышленности на 1917 г. в «свободное наше распоряжение» не менее 125 млн. долл.¹³⁸ В тот же день, 3 июня, Ону сообщил, что русское посольство начало вести переговоры о новом кредите в 100 млн. долл., но переговоры подвигались медленно¹³⁹. В телеграмме из Вашингтона от 30/17 июня 1917 г. о ходе переговоров сообщались неутешительные сведения: «Несмотря на большую предупредительность и высказываемую полную готовность всячески нам помочь, переговоры пока малопродуктивны»¹⁴⁰. Очевидно, до возвращения миссии Рута из России США не склонны были предоставлять большие новые кредиты. Министр финансов торопил Бахметьева получить хотя бы аванс в 50 млн. долл., половина которого должна была пойти на уплату заказов, произведенных в счет английских кредитов.

Наконец, 30 июня (13 июля) 1917 г. федеральное казначейство США открыло союзникам кредиты в сумме 1043 млн. долл., из которых основную часть получили Англия (585 млн. долл.) и Франция (210 млн. долл.). На долю России приходилось менее 10% открытого кредита — 100 млн. долл., причем большую часть полученного кредита (55 млн. долл.) Россия должна была передать Англии в обеспечение договоров на железнодорожные материалы¹⁴¹, следовательно, на остальные потребности оставалась незначительная сумма.

В тот же день Бахметьев сообщил об открытии России американским правительством «немедленно» кредита в 75 млн. долл.¹⁴² Согласно телеграммы Бахметьева, правительство получило полную свободу в определении сроков и сумм расходования аванса, а также мест платежа. В действительности этот так называемый «финляндский кредит», полученный благодаря поддержке Рута и представлениям американского посла Фрэн-

---

¹³⁸ Телеграмма Терещенко от 3 июня 1917 г. Проект телеграммы был представлен министром финансов 1 июня 1917 г. В телеграмме указывался и порядок расходования этих средств: на каучук — 6 млн. долл., машины — 7,5 млн., на хлопок — 32,5 млн., на кожи и дубильные вещества — 24 млн., на горное и нефтяное оборудование — 7,5 млн. долл., на пищевые продукты — 13,5 млн., на поддержание курса рубля — 10 млн. и 30 млн. долл. — свободных.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 6, л. 230. Телеграмма от 16/3 июня 1917 г.

¹⁴¹ L. Petit. Op. cit., pp. 450—451.

¹⁴² АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, л. 257. Финансовые операции в США. Бахметьев запрашивал, в какой мере Рут поставлен в известность о значении аванса.

сиса, был отпущен на приобретение финских марок для платежей солдатам и морякам Балтийского флота, находившимся на территории Финляндии, и для расплат по государственным заказам. По донесению Фрэнсиса, отсутствие у правительства финской валюты создало «критическое положение», которое могло поставить «под угрозу существующее правительство». В такой обстановке, чтобы задержать процесс революционирования Балтийского флота, американские политики рекомендовали своему правительству «в целях обеспечения продолжения войны» Россией отпустить еще один кредит в 75 млн. долл.¹⁴³

Через несколько дней после этого Бахметьев предлагал правительству провести ряд более широких финансовых мероприятий в США, но это требовало со стороны Временного правительства определенной политической программы, из которой вытекала бы необходимость американской помощи. Кроме того, по мнению Бахметьева, надо было всячески поощрять активное вмешательство США в европейские дела, что имело бы положительное значение с точки зрения русских интересов¹⁴⁴. Бахметьев не вполне расшифровывает свою программу относительно политики России, но, очевидно, широкая «финансовая помощь» Америки покупалась ценой экономической и политической зависимости «русской демократии» от американского капитала.

Наивны были надежды представителя русской буржуазии на то, что Временное правительство может быть равноправным партнером США в проведении «новых начал» в Европе, или, поощряя «активное вмешательство» Америки «в европейские дела», сохранить независимость буржуазной России. По существу Временному правительству рекомендовалось просто переменить своего прежнего хозяина (Англию и Францию) на более богатого. Американские займы России носили политический характер и вели к подчинению России богатым кредиторами. Как раз в это время Особое совещание по обороне приняло целую программу мер, направленных к привлечению американского капитала в горную и горнозаводскую промышлен-

¹⁴³ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 11. Телеграмма Рута и Фрэнсиса Лансину от 8 июля 1917 г. В телеграмме Рут и Фрэнсис требовали срочного ответа, ибо 1 июля (ст. ст.) наступал срок выплаты морякам жалованья. Ответ был получен на следующий же день с извещением, что кредит будет «немедленно открыт» (там же). 11 июля 1917 г. Фрэнсис извещал государственного секретаря об этом кредите: «Эти 75 млн. долларов представляют собой отдельный кредит для специальной цели и будут употреблены только для нее» (12). Позднее был установлен такой порядок, что Временное правительство могло пользоваться этим кредитом только с разрешения Фрэнсиса.

¹⁴⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, лл. 266—268. Телеграмма Бахметьева от 17/4 июля 1917 г.

ность России¹⁴⁵. Эта программа признавала желательным участие американского капитала в нефтепромышленности на Сахалине, в углепромышленности на Дальнем Востоке, в золотопромышленности, а также в промышленности Урала, Кузнецкого бассейна, юга России, подмосковного бассейна и Кавказа.

До июльского кризиса американский посол в России выступал сторонником предоставления все новых кредитов. Но июльские события поколебали его веру в устойчивость Временного правительства, и 18 июля (н. ст.) он телеграфировал, что не будет рекомендовать новых кредитов, пока не будет убежден «в том, что нынешнее Временное правительство выживет, или будет образовано какое-либо сильное правительство, которое сможет сохранить порядок и продолжать войну»¹⁴⁶. Оба эти требования, собственно, являлись постоянными, менялась только американская оценка конкретной ситуации в России.

Требования на американские кредиты со стороны Временного правительства все возрастали. 25 июля 1917 г. и. о. государственного секретаря Полк сообщил Фрэнсису, что Бахметьев представил общее требование на получение до 1 января 1918 г. 733 млн. долл., включая 154 млн. долл. на подвижной состав, платежи по которому должны состояться в 1918 г.¹⁴⁷ В общую сумму входили и 110 млн. долл. по заказам, размещенным по английскому кредиту, а также огромная сумма расходов на «посредничество» (70 млн. долл.) и немалая сумма на расходы по перевозкам (57 млн. долл.); следовательно, почти пятая часть просимого кредита шла на посредничество и перевозки¹⁴⁸. В руки правительства должна была поступить довольно значительная сумма свободного кредита (70 млн.

¹⁴⁵ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 576, стр. 461—465. Решение Особого совещания от 8 июня 1917 г.

¹⁴⁶ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 15. Телеграмма Фрэнсиса от 18/5 июля 1917 г. И. о. государственного секретаря Полк известил Фрэнсиса, на что израсходованы 100 млн. долл.: около 40 млн. — на паровозы и вагоны, хотя не вся эта сумма была выплачена; 35 млн. получил Бахметьев наличными для уплаты по счетам в США, а остаток Бахметьев хотел израсходовать на закупку слитков серебра и обуви.

¹⁴⁷ Там же, стр. 18. Телеграмма Полка Фрэнсису от 25 июля 1917 г. Полк перечислил все виды расходов, из которых складывалась сумма в 733 млн. долл. Министерство иностранных дел России известило Фрэнсиса, что в сумму 835 млн. долл. входят и 100 млн. долл., уже полученных и израсходованных. Таким образом, американские и русские документы называют тождественную сумму. На какие потребности предполагалось израсходовать эту сумму, подробно изложено в донесении представителя закупочного комитета Новицкого в Особенную канцелярию по кредитной части от 14 июля 1917 г. («Исторический архив», 1955, № 3, стр. 171—172). Донесение Новицкого от 14 июля 1917 г.).

¹⁴⁸ «Исторический архив», 1955, № 3, стр. 171—172.

долл.); кроме того, проектировалась сумма в 150 млн. долл. на новые заказы различных министерств и частной промышленности.

Пока не был разрешен общий вопрос о всей сумме кредита, Временное правительство выпрашивало аванс в 50 млн. долл. Фрэнсис высказался за эту новую подачку и просил немедленно увеличить кредит в 100 млн. до 150 млн. долл. с очень знаменательной мотивировкой: «Чтобы у России не было повода не продолжать войну»¹⁴⁹.

Дискриминационная политика Англии в отношении России

Следует учесть, что взгляды Временного правительства на английские кредиты в США решительно изменились под влиянием той дискриминационной политики, которую стало все откровеннее проводить английское правительство в отношении России. В марте и апреле 1917 г. катастрофически сократился кредит на русские заказы. За оба эти месяца было получено менее двух третей того, что было отпущено за каждый из первых двух месяцев 1917 г. Кредиты за май составляли лишь 10% того, что отпускалось в январе или феврале; в июне отпускалось в пятьдесят раз меньше. Из Лондона приходили полные отчаяния телеграммы¹⁵⁰. Помимо прекращения отпуска средств английское правительство реквизировало свыше 80 станков, приготовленных для России, и за два месяца навигации не отправило ни одного орудия. В конце концов оно вообще отказало в отправке тяжелой артиллерии в Россию. Английский военный министр лорд Мильнер по этому поводу официально заявил, что английское правительство «не считало возможным посылать грузы в Россию в то время, как не было достаточно уверенности в том, что они достигнут своего конечного назначения и не будут своевременно использованы на фронте»¹⁵¹.

К 1 июля 1917 г. в портах США, Англии и Франции скопилось 400 тыс. т грузов, предназначенных для отправки в Россию¹⁵². Между тем лорд Мильнер предоставил всего только

¹⁴⁹ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 17. Телеграмма Фрэнсиса гос. секретарю от 22 июля 1917 г. Фрэнсис тщательно следил за расходованием денег и в неофициальных встречах с Терещенко, который был частым гостем в американском посольстве, проверял все заявки, пытаясь точно установить, на что пойдут деньги.

¹⁵⁰ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 605, стр. 493. Телеграмма ген. Гермониуса от 15 июля 1917 г. См. также док. № 610.

¹⁵¹ Там же, док. № 611, стр. 499. Телеграмма Гермониуса от 5 июля 1917 г.

¹⁵² По данным Мильнера, в США было подготовлено 200 тыс., в Анг-

208 тыс. т тоннажа, т. е. около 50% к наличным грузам, не считая того, что предприятия должны были поставить за вторую половину года. Такое огромное сокращение тоннажа сопровождалось указаниями «на необходимость пересмотра наших программ и готовность принять для английского правительства часть наших заказов обратно»¹⁵³, с обещанием возобновить их при более благоприятных условиях.

Через несколько дней последовало новое письмо Мильнера, в котором разрешалось пересмотреть порядок отправки грузов из всех стран, с правом увеличить, например, количество отправляемых грузов из США, за счет соответствующего сокращения количества грузов из Англии. Письмо Мильнера заканчивалось недвусмысленным заявлением о том, что России необходимо прекратить дальнейшее размещение заказов, которое можно допустить «разве только по исключительным обстоятельствам»¹⁵⁴.

Угольные поставки в Россию также сокращались примерно в два раза по сравнению с намеченными на Петроградской конференции (с 1,5 млн. т до 800 тыс. т). Следовательно, создалось такое положение, при котором русская армия и народное хозяйство России не могли получить на сотни миллионов рублей уже готовой и оплаченной продукции, нуждавшейся лишь в доставке.

Глава закупочной организации России за границей ген. Гермониус признал создавшееся положение «критическим». У него хватило смелости заявить лорду Мильнеру, что русское правительство вынуждено будет «прибегнуть к грустной необходимости изменения всего плана наших военных действий на русском фронте»¹⁵⁵. Однако это заявление, как и его требование созыва конференции всех союзников для рассмотрения вопроса о тоннаже, не произвели особого впечатления. Уже задолго до этого ген. Алексеев в своем кругу заявлял, что союзники «с нами в настоящее время перестали, по-видимому, считаться»¹⁵⁶, а после провала июньского наступления они и совсем потеряли доверие к Временному правительству. Брусиллов и другие генералы считали, что армия не способна к наступлению до весны 1918 г. Еще меньше считали ее способной к наступлению союзники.

лин — 100 тыс. т и во Франции — около 100 тыс. т. Ген. Гермониус считал количество наличных грузов еще более — 456 тыс. т. («Исторический архив», 1955, № 3, стр. 165 и 166—168). Количество грузов исчислялось без каменного угля.

¹⁵³ «Исторический архив», 1955, № 3.

¹⁵⁴ Там же, стр. 168.

¹⁵⁵ Там же, стр. 169—170.

¹⁵⁶ А. М. Зайончковский. Указ. соч., ч. 7. Приложение № 6, стр. 134. Заявление Алексеева на совещании высших военных деятелей в Ставке 1 мая 1917 г.

После провала июньского наступления в Петрограде в английском посольстве состоялось совещание представителей союзных держав, на котором было решено официально известить русское правительство, что намеченный план перевозок, в силу якобы возникших затруднений, не будет выполнен¹⁵⁷. После этого последовали официальные письма французского и английского военных атташе о необходимости сократить военные заказы России во Франции и Англии¹⁵⁸. Французский военный атташе указывал на денежные затруднения и сокращение средств перевозок, которыми располагают союзные державы. Английский военный атташе писал, что в интересах безопасности грузов русского правительства, их отправка должна была доведена «до минимальной цифры». Так «оберегали» русские интересы английские официальные лица.

Неправильно оценивая сложившуюся обстановку, министры Временного правительства все еще пытались кое-что выжать из английского правительства, апеллируя к потерявшим реальное значение решениям, принятым в Петрограде в начале 1917 г. Министры иностранных дел и финансов Временного правительства обратились в июне 1917 г. к английскому правительству со специальной запиской, большая часть которой представляет собой краткий очерк русско-английских финансовых отношений, а заканчивается почтительнейшей просьбой о заключении нового финансового соглашения и выдаче кредита в 25 млн. ф. ст. (на июль)¹⁵⁹. Кроме того, оставалась неиспользованная сумма от прежних кредитов, которую министры определяли в 10—15 млн. ф. ст. В счет этой суммы, а также сумм от неоплаченных заказов Временное правительство получало ежемесячно 3—4 млн. фунтов. По расчетам министров Временного правительства, к началу июля источник средств для финансирования правительства был полностью исчерпан.

С другой стороны, английское правительство «настояло на передаче федеральному правительству платежей по размещенным в Соединенных Штатах русским заказам, которые производились ранее из английских кредитов». В документе умалчивается о том, производились ли фактически уплаты по этим заказам и какую позицию по этому вопросу занимает русское правительство. На деле сложилось такое положение, когда

¹⁵⁷ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 608, стр. 495—498.

¹⁵⁸ Там же, док. № 614 и 615, стр. 505—506. Оба документа помечены одной датой — 19 июля 1917 г.

¹⁵⁹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 430—432; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 657, стр. 541—548. Записка министров иностранных дел и финансов английскому правительству от 22 июня 1917 г.

английское правительство односторонне настояло на изменении соглашения, по которому взяло весьма серьезные обязательства перед страной, призвавшей под ружье 15 млн. человек и понесшей наиболее тяжелые потери. А министры этой страны, сбросившей царизм, в раболепном тоне, с которым не мог идти в сравнение даже тон записок англофила Барка, излагают «настоятельную просьбу» о предоставлении аванса и подписании выработанного в январе 1917 г. соглашения. После этих «генеральных» просьб они спускаются уже до мелкой разменной монеты и просят увеличить «в какой-то степени» кредиты для Скандинавии и Японии. Министры сообщали, что они сократили свои заказы в Англии, перенеся часть их в США, и что они вообще уменьшили программу заказов по сравнению с выработанной на конференции в Петрограде и соглашаются уменьшить ежемесячную сумму, получаемую из Англии на поддержание курса рубля. Конечно, такой «меморандум» не мог вызвать уважения к правительству и его министрам с английской стороны.

Однако ответ английского правительства неожиданно оказался относительно благоприятным¹⁶⁰. Этот ответ вместе с тем показал, что кадетский министр финансов очень плохо считает: англичане сообщили, что в распоряжении Временного правительства находилась сумма не в 10—15 млн. фунтов, а в 65 млн. фунтов¹⁶¹. Эта сумма с избытком покрывала все обязательства русского правительства, включая и американские заказы. Английское правительство заверяло Временное правительство, что английское казначейство признает наличие «значительного излишка для покрытия всех существующих потребностей» и поэтому оно беспрепятственно будет производить расчеты «наличными». Английское правительство даже соглашалось принимать новые обязательства по закупкам военного снаряжения. Вместе с тем английское правительство категорически отклонило просьбу об авансе в 25 млн. фунтов на июль, как и просьбу на валюту в иенах якобы по причине отсутствия «кредита в иенах».

В отношении американских платежей по заказам через Моргана было довольно прямо указано, чтобы русский министр финансов «совершенно не беспокоился по этому вопросу», так как английское правительство «все еще оплачивает» эти заказы. Вместе с тем в английском ответе в довольно категорической форме было предъявлено требование, чтобы вопрос об

¹⁶⁰ АВГР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 428—429; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 660, стр. 549—551. Памятная записка от 7 июля 1917 г.

¹⁶¹ Англичане имели в виду общую сумму кредитов по предыдущим соглашениям, которая еще, не была реализована.

оплате заказов через Моргана был решен возможно быстрее и чтобы оплата эта производилась вне очереди за счет американских кредитов, предоставленных России.

Но в ответе английского правительства не было ни слова о коренном и принципиальном вопросе относительно подписания финансового соглашения на базе решений Петроградской конференции и о фиксированной ежемесячной сумме кредита. Тем самым вопрос о новом финансовом соглашении и о реализации программы снабжения, выработанной за несколько месяцев до этого, был похоронен.

Англичане еще соглашались производить оплаты по ранее сделанным заказам и выдавать Временному правительству небольшие пособия, размеры и время выдачи которых зависели от того, как быстро русское правительство будет оплачивать заказы через Моргана за счет американских кредитов, вновь предоставленных России¹⁶². В итоге получилось, что выигрывала одна Англия, которая на деле прекращала с 1 апреля дальнейшее финансирование России, ограничиваясь выплатой остатков по первым двум кредитам.

Временное же правительство не сумело ни получить достаточно большие кредиты от США, ни заставить своего союзника выполнить его финансовые обязательства, с которыми были связаны и военные обязательства России. По существу уважающее себя буржуазное правительство могло заявить, что при таком отношении Англии к решениям конференции оно также считает для себя необязательными принятые на себя военные обязательства. Трудно найти объяснение для отношения Временного правительства к занятой Англией позиции в вопросе об американских заказах для России. Вместо решительного и категорического протеста со стороны Временного правительства последовало примирительное отношение, которое вытекало из лакейской преданности английским интересам и из необоснованной надежды, что США достаточно богаты, чтобы отпустить русскому правительству лишних 200 млн. долл. для оплаты сделанных Англией заказов.

Терещенко просил американцев отнестись эти расходы на счет американского кредита, так как Англия якобы получила кредит в США только на свои собственные поставки. Судя по переписке между Фрэнсисом и государственным секретарем

¹⁶² Характерно, что в переписке с государственным секретарем США Фрэнсис считал, что Англия должна была выполнить обязательства и оплатить 200 млн. долл. по русским заказам в США; эти обязательства ею были взяты до вступления США в войну. «С коммерческой точки зрения,— писал Фрэнсис,— Англия должна была бы гарантировать такие обязательства, но было бы неполитичным этого требовать» (FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 19. Телеграмма Фрэнсиса гос. секретарю от 2 августа 1917 г.).

США в июле — августе 1917 г., оба они в конечном счете склонялись к тому, чтобы эти уплаты начала производить Россия. Фрэнсис считал, что увеличение кредита на 50 млн. долл. Временному правительству позволит ему произвести текущие уплаты по английскому кредиту, а и. о. государственного секретаря Полк соглашался уплатить в августе 1917 г. 60 млн. долл.¹⁶³ Но оба они не допускали никакого увеличения общей суммы русского кредита (сверх 500 млн. долл.). Фрэнсис особенно подчеркивал, что эти платежи американцы будут покрывать за счет русского кредита¹⁶⁴, с чем не было согласно Временное правительство. В отношении стабилизации курса рубля Фрэнсис считал, что это безнадежное дело, если Временное правительство не сумеет внушить к себе доверия. Он рассчитывал, что Московское совещание укрепит правительство и одобрит его политику.

Как же английское правительство выполняло свои обязательства, вытекавшие из меморандума от 22 июня 1917 г.?

Документы показывают, что никакого улучшения в финансировании Временного правительства в дальнейшем не произошло. Английское правительство не только не открыло новых кредитов, но даже сократило на август ассигнования с 3—4 до 2 млн. фунтов в месяц¹⁶⁵. Это была голодная норма, при которой Министерство финансов России не имело никакой возможности предоставлять валюту для нужд торговли и промышленности. Как уже указывалось, на долю России приходилась только одна десятая отпущенных США союзникам кредитов¹⁶⁶. Несмотря на это, посол Англии в Вашингтоне Ридинг стремился воздействовать на государственного секретаря США в сторону сокращения американских кредитов России. 3 августа 1917 г. он представил государственному секретарю записку о ходе поставок в Россию¹⁶⁷. Из его записки следовало, что все порты России забиты грузами, которые не будут вывезе-

¹⁶³ Там же, стр. 18. Телеграмма Полка Фрэнсису от 25 июля 1917 г. «Я не думаю разрешать дальнейшие кредиты,— писал Полк,— кроме того только, возможно, чтобы покрыть августовские платежи по заказам, размещенным по британскому кредиту, и, возможно, также других неотложных сумм по контрактам, размещенным независимо и требующим платежей в августе».

¹⁶⁴ Там же, стр. 19. Телеграмма Фрэнсиса Полку от 2 августа 1917 г. «Россия ясно знает от меня,— сообщал Фрэнсис,— что освобождение нами Англии от ее обязательств проистекает из кредитов России».

¹⁶⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 422—423; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 661, стр. 551—552.

¹⁶⁶ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 662, стр. 552. Телеграмма Гермониуса о необходимости пропорционального распределения американских кредитов.

¹⁶⁷ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, pp. 20—21.

ны в течение предстоящего года. Из цифр доставленных в Россию грузов следовало, что за навигацию из США, Великобритании и Франции будет всего доставлено только 900 тыс. т грузов, т. е. около одной пятой того количества, которое было намечено на Петроградской конференции, а из США намечалось привезти только треть из намеченной программы.

В отношении предоставления новых кредитов России Ридинг считал, что требование Временным правительством 700 млн. долл. до конца года «совершенно безрассудно» (unreasonable), хотя признал, что это требование России рассматривалось межсоюзническим советом в Лондоне и оно было поддержано. Ридинг определял потребности России до конца года в 350—400 млн. долл., при условии, чтобы они включали и «задолженность британского правительства по американским расходам в пользу русского правительства с 1 апреля» 1917 г.

По расчетам Ридинга и английского правительства получалось, что уже предоставленный США кредит полностью покрывал все потребности России, а последняя должна была выполнить свои военные обязательства, получив только около одной пятой того, что было признано необходимым самими союзниками в Петрограде. Так изменился взгляд английских деятелей на значимость России в войне после победы русской революции и вступления в войну США.

С большим запозданием, только 28 июля 1917 г., Министерство иностранных дел ответило на записку британского посольства от 20/7 июля по поводу состояния русских кредитов в Англии¹⁶⁸. В этом ответе оно само себя высекло, признав, что в расчетах Министерства финансов «крылось некоторое недоразумение». Вместо того чтобы представить новые факты, показывающие, что между словами и делами английского правительства наблюдалось вопиющее противоречие, товарищ министра иностранных дел Петряев «с удовольствием» признал, что его предположения не оправдались и «с признательностью» принял за чистую монету заверения английской записки о том, что будут представляться «необходимые кредиты по новым заказам». Дальше шли заверения в том, что Временное правительство принимает все меры к скорейшему возмещению английскому правительству сумм, уплоченных Англией по ее заказам для России в США. В записке, видимо, примирившись с английской позицией, забыли указать, что Англия полным молчанием обошла вопрос о подписании финансового соглашения. Вся записка состоит из «благодарностей» и добрых заверений. В ней содержалась только одна конкретная просьба — о дополнительном авансе в 1 млн. фунтов.

¹⁶⁸ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской Социалистической революции», ч. 2, док. № 663, стр. 553—554.

Чиновники царского правительства также часто просили у англичан дополнительных ассигнований, но тогда речь шла о сравнительно крупных суммах. Временное же правительство настолько растеряло свой престиж, что уже стало побираться по мелочам.

Внутри страны Временное правительство чувствовало себя также слабым. Продовольственный кризис и развал железных дорог дезорганизовали всю жизнь страны. По признанию Терещенко, состояние железных дорог было «критическое». Правительство надеялось только на существенную помощь со стороны Америки. На Московском совещании правительство «было встречено холодно», особенно правыми элементами, состоявшими из членов четырех Дум, представителей промышленности, торговли и военных. Это неудивительно, ибо эти круги выдвигали Корнилова в диктаторы и готовили его выступления с целью захвата власти¹⁶⁹.

18 августа 1917 г. Терещенко разослал русским послам в Париже, Лондоне и Вашингтоне подробную телеграмму о финансовом положении России. Из телеграммы следовало, что правительство должно было изыскать до конца года 15 млрд. руб. Общая сумма государственного долга на 1 января 1917 г. определялась в 33,6 млрд. руб., а на 1 января 1918 г. — ориентировочно в 60 млрд. руб. Подчеркивалась необходимость заключения «нового крупного внешнего займа» как для заграничных расходов, так и для «удовлетворения потребностей внутри страны»¹⁷⁰. Перед послами ставился также вопрос, не могут ли они организовать за границей печатание бумажных денег¹⁷¹.

В своем выступлении на Государственном совещании в Москве министр финансов Временного правительства Некрасов признал, что те расходы, которые производит Временное правительство, «нам не по карману»¹⁷². Но вместо того, чтобы обрушиться на коренную причину выпуска бумажных знаков — на военные расходы, он выступил против выдачи пайков семьям солдат, повышения заработной платы рабочим и призвал своих слушателей к «порядку», жертвам и обороне,

¹⁶⁹ АВПР, ф. Секретный архив, д. 652/674, лл. 117 и 122. Телеграммы Терещенко от 17/4 и 30/17 августа 1917 г.

¹⁷⁰ В телеграмме сумма внешних займов определялась в 7555 млн. руб.

¹⁷¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 99, лл. 654—655; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 538, стр. 376—378.

¹⁷² Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, стр. 413. Из приведенных Некрасовым цифр получалось, что ежемесячный выпуск бумажных денег после Февральской революции в 4 раза превосходил их выпуск в 1914 г. (там же, стр. 412—413).

т. е. к продолжению войны, к наступлению на революционный народ, к повышению косвенного обложения. Но и увеличенное до предела косвенное обложение не могло покрыть военные расходы, поэтому выход намечался в обращении к внутреннему и внешнему кредитам. Так как опыт подписки на «Заем свободы» дал отрицательный результат, то реально приходилось надеяться только на внешний кредит, который также определялся доверием международного империализма «к силе государства».

В ответ на телеграмму Терещенко Бахметьев сообщил, что новый крупный заем можно заключить только с ведома Конгресса США, перед которым пришлось бы раскрыть всю серьезность финансового положения России¹⁷³. Другими словами, новые займы для продолжения войны Временному правительству пришлось бы заключать ценой политического закабаления страны. Сообщение Бахметьева не помешало тому, что в соответствии с пожеланиями правительства буржуазная печать поместила во время Московского совещания ложные сведения о многомиллиардном займе, якобы предоставляемом России Америкой. Действительность была на много безотраднее того, что было желательно буржуазии.

23/10 августа 1917 г. Бахметьев известил Министерство иностранных дел, а Лансинг — Фрэнсиса об открытии Временному правительству нового кредита в 100 млн. долл.¹⁷⁴ Этот кредит был сознательно приурочен американским правительством к Московскому совещанию, чтобы активизировать его контрреволюционные элементы. В своем донесении Бахметьев не приводит деталей предполагавшегося использования отпущенных средств, но Лансинг, ссылаясь на министра финансов Мак-Аду, подробно перечисляет, для каких надобностей отпущен кредит. На первом месте стоит оплата контрактов на ружья, и только 5 млн. долл. были отпущены на расходы в скандинавских странах.

Средства на покупку 30 тыс. вагонов и 1500 паровозов намечено было открыть «из будущих кредитов», а самые заказы отсрочить размещением до 1 ноября. Вопрос об оплате британских заказов России еще не был разрешен, а общее требование Временного правительства о кредите в сумме 733 млн. долл. американцы обещали рассмотреть только в будущем.

Телеграмма заканчивалась повторным напоминанием о том, что американские кредиты «доступны лишь до тех пор, пока

¹⁷³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, лл. 389—390. Копия телеграммы Бахметьева.

¹⁷⁴ Там же, л. 338; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 664, стр. 554; FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 28.

Россия остается в состоянии войны с Германией»¹⁷⁵. Эта мысль была изложена и Фрэнсисом в письме к Терещенко, посланном через несколько дней по получении инструкций от государственного секретаря. «В данной мне инструкции, — писал Фрэнсис, — повторяется также, что настоящие и прежние ссуды и кредиты были даны при том определенном условии, что они предоставляются лишь до тех пор, пока Россия будет участвовать в войне против Германии»¹⁷⁶.

Правительство Соединенных Штатов преследовал кошмар заключения Россией сепаратного мира, и чтобы задержать процесс революционирования страны, Соединенные Штаты время от времени подбрасывали Временному правительству небольшую порцию кредитов. Американские кредиты России, несмотря на затрату части их на приобретение сапог, кожи, вагонов и т. д., носили открыто военный характер и были рассчитаны прежде всего на сохранение России в войне. Если до революции Антанта покупала военные усилия России в основном через английские кредиты, то с момента Февральской революции такой же характер приобрели американские кредиты, хотя американцы делали это по более сходной для себя цене.

Несмотря на неустойчивость политики Временного правительства, на частые смены «кабинетов» и рост революционного движения, что чутко учитывалось в Вашингтоне, американцы открывали новые небольшие кредиты.

Терещенко довольно аккуратно информировал своих представителей за границей о партийных изменениях в составе правительства. После разгрома Корнилова он сообщал об организации нового коалиционного правительства, в котором Керенский остался «для успокоения демократических элементов и солдат»; одновременно сообщалось об уходе Чернова и Некрасова и пополнении правительства кадетом Кишкиным. Но самое интересное заключалось в информации дипломатических представителей за границей о росте влияния большевиков.

---

¹⁷⁵ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», д. 214, лл. 355—356; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 665, стр. 354—355. За неделю до отпуска этого кредита имел место такой курьезный случай, когда Бахметьеву было отказано в отпуске 10 млн. долл. в счет «финляндского кредита», потому что министр финансов Мак-Аду «усомнился в полноте» предоставленных Бахметьеву «финансовых полномочий» и запросил об этом Фрэнсиса, который потребовал все заявки на этот кредит представлять «не иначе как через него» (АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, лл. 328—329, телеграмма Бахметьева от 16/3 августа 1917 г.).

¹⁷⁶ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», д. 214, лл. 355—356; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 655, стр. 554—555. Письмо Фрэнсиса Терещенко от 17 августа 1917 г.

«Сейчас, в связи с делом Корнилова, — отмечал Терещенко, — чрезвычайно усилились большевики»¹⁷⁷.

26 сентября 1917 г. Терещенко информировал послов об образовании еще одного нового правительства¹⁷⁸. В ходе переговоров, сообщил Терещенко, лидеры «демократии» проявили «большую уступчивость», но ценность ее уменьшается оттого, что «умеренные лидеры социалистов в значительной мере потеряли контроль над массой, увлеченной крайними настроениями, и с трудом ее сдерживают». Далее Терещенко сообщал о росте влияния большевиков, которые «постепенно овладевают Советом рабочих и солдатских депутатов, что произошло уже в Петрограде и происходит во многих городах»¹⁷⁹. Эта информация министра едва ли оставалась только достоянием посольских чиновников — о ней знали и иностранные правительства. И все же правительство Соединенных Штатов 21 сентября 1917 г. открыло Временному правительству новый кредит в 125 млн. долл., в счет которого Бахметьев получил аванс в 50 млн. долл.¹⁸⁰

Бахметьев сообщал, что общая сумма предоставленных кредитов достигла уже 450 млн. долл., а кредиты на железнодорожные заказы составят дополнительную сумму в 150 млн. долл. Хотя этот заказ еще не был размещен, Бахметьев сообщал, что считает финансовую программу выполненной¹⁸¹. Настроение Бахметьева часто менялось. Он уже забыл, что совсем недавно требовал сверх 500 млн. долл. еще 737 млн. Сейчас он о них не упоминал и называл значительно меньшую цифру в 235 млн. долл.

Как раз в это время союзники России сделали новый нажим на Временное правительство, побуждая его быть более активным в борьбе с революционным движением. Французский, английский и итальянский послы в коллективной ноте заявили, что внутренние события «внушают опасение в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну»¹⁸². Поэтому, заявили послы, общественное мнение союзных стран может

¹⁷⁷ АВПР, Секретный архив, д. 652/674, л. 168. Копия телеграммы Терещенко от 31 августа (13 сентября) 1917 г.

¹⁷⁸ Там же, лл. 151—152. Телеграмма Терещенко послам от 26 сентября (9 октября) 1917 г.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, л. 511; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, стр. 557—558.

¹⁸¹ Чисто формально открытие кредитов вовсе не означало, что вся сумма в 450 млн. долл. действительно получена. Так, из кредита в 125 млн. долл. было отпущено пока 50 млн. долл., а получено фактически еще меньше.

¹⁸² Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. 623, стр. 513—514. Телеграмма Терещенко послам от 26 сентября 1917 г.

потребовать от своих правительств «отчета за материальную помощь, оказанную ими России». Хотя послы и ссылались на общественное мнение, на самом же деле империалистические правительства сами потеряли доверие к Временному правительству и требовали от него «доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу». Это была программа неприкрытой контрреволюционной диктатуры. Только идя по этому пути, Временное правительство могло получить «полную поддержку союзников». По заявлению Терещенко, эта коллективная нота союзников произвела на правительство «тяжелое впечатление»¹⁸³. Керенский пытался уверить союзников, что ни материальные затруднения, «ни внутренняя смута» не смогли сломить решимости правительства в полном единении со странами Антанты довести войну до конца.

Однако такое заявление не могло удовлетворить союзников, которые ждали открытых репрессий против сил революции и активных наступательных действий на фронте. Но именно против этого выступали массы, борьбой которых руководила Коммунистическая партия. Империалистическая политика Временного правительства вызывала протест масс на фронте и в тылу. Неспособность того же правительства реализовать свои же собственные намерения подрывала ценность его в глазах империалистических союзников, которые все более и более отказывали в финансовой помощи.

Это колебание стала проявлять не одна Англия, но и Соединенные Штаты, что особенно ясно сказалось при попытке Бахметьева вести переговоры о дальнейших ассигнованиях. Хотя он заявлял, что финансовая программа текущего года «вся выполнена», но в новой заявке правительству Соединенных Штатов просил о дополнительном кредите в 235 млн. долл.¹⁸⁴.

¹⁸³ Там же, док. № 624 и 625, стр. 514—515. Телеграмма Терещенко послан от 28 сентября 1917 г. В одной из телеграмм послан излагался ответ Керенского на коллективную ноту союзников, в другой, посланной в тот же день, отношение к ноте Временного правительства в целом. Еще раньше, 20/7 сентября, Набоков извещал правительство, что английское общественное мнение изверилось на деятельную помощь русской армии и что среди англичан укрепляется надежда, что «союзники» и без России с помощью Америки одолеют немцев.

¹⁸⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, лл. 472—474. Телеграмма Бахметьева от 14/1 октября 1917 г.; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 669, стр. 558—559. В этой большой телеграмме нет данных о том, на какие потребности намечалась эта сумма, но зато она содержит много рассуждений о финансовых затруднениях американского казначейства, что не мешало Англии и Франции при поддержке США истратить 735 млн. франков на снабжение 6—9 греческих дивизий. В телеграмме Лансинга Фрэнсису

Бахметьев усиленно добивался, чтобы его просьба была подкреплена из Петрограда заявлением американского посла. Очевидно без такой «поддержки» он мало надеялся на успех своих представлений. «В то время как ходатайства союзных представителей усиленно подкрепляются различными заявлениями с мест,—телеграфировал Бахметьев,—я оказываюсь почти изолированным в своей деятельности. Настоятельно прошу склонить Фрэнсиса к самому энергичному настоянию перед американским правительством о необходимости оказать нам широкий кредит на покупку сельскохозяйственных машин и сапог, причем подчеркнуть, что снабжать обувью не только армию, но и нужды гражданского населения имеет первостепенное военнополитическое значение»¹⁸⁵.

Из названной Бахметьевым суммы в 235 млн. долл. 140 млн. предназначались на новые заказы, которые предстояло разместить через созданную закупочную комиссию. Реальная потребность в валюте для всех платежей по новым заказам до 1 января 1918 г. определялась в 140 млн. долл., а с учетом платежей по кредитам, ранее открытым русскому правительству, должна была достигнуть 181 млн. долл., в том числе 33 млн. долл. в Швеции¹⁸⁶. Фрэнсис, запрошенный Лансингом относительно новой просьбы Бахметьева, в принципе высказался за поддержку нового коалиционного правительства в России, против которого, по его словам, выступали только «одни большевики». Для Фрэнсиса этого было достаточно, чтобы выступить за поддержку такого правительства. Тем не менее правительство США не шло в должной мере «навстречу нашим пожеланиям», как сообщал директор кредитной канцелярии фон Замен. Вместо 235 млн. долл. он рассчитывал реально получить всего лишь 50 млн., вместе с которыми кредиты русскому правительству доводились до 500 млн. долл.¹⁸⁷ Но фактически Россия получила гораздо меньше.

По сообщению государственного секретаря, России было открыто кредитов на 325 млн. долл., Великобритании — на

от 5 октября 1917 г. содержится подробное изложение назначения названной выше суммы.

¹⁸⁵ АВПР. ф. Канцелярия, д. 61, лл. 472—474. Секретная телеграмма Бахметьева от 1 октября 1917 г.; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 669, стр. 558—559.

¹⁸⁶ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 23. Телеграмма Лансинга Фрэнсису от 5 октября 1917 г.

¹⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 681, лл. 112—113; сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 670, стр. 559—560. Письмо фон Замена ген. Михельсону от 6 октября 1917 г. Сумма в 50 млн. долл. была подтверждена телеграммой Лансинга Фрэнсису от 26 октября 1917 г.

1345 млн., Франции — на 790 млн., Италии — на 255 млн., Бельгии — на 58,4 и Сербии — на 3 млн. долларов. Эти суммы были частично получены наличными, а на часть их заключены контракты на поставки¹⁸⁸.

Последние судорожные попытки Временного правительства сводились к тому, чтобы выклянчить у американцев еще 75 млн. долл. на те же цели, на которые был выдан предыдущий «финляндский заем», из которого к кануну Октябрьской революции было израсходовано лишь 50 млн. долл. Но Фрэнсис сообщил своему правительству, что Балтийский флот «открыто не повинуется правительству, а русские солдаты в Финляндии — под влиянием Совета»¹⁸⁹, поэтому Фрэнсис задержал рекомендацию о выдаче нового кредита, ожидая развития событий внутри страны. Однако он не ждал такого конца, какой готовила капитализму Октябрьская революция, и все еще считал, что американские банкиры со временем получат свои ссуженные миллионы — «Россия со временем уплатит по всем обязательствам»¹⁹⁰.

Эта убежденность в прочности капиталистического строя в России, хотя допускалась возможность, что существующее правительство будет сметено другим, «более сильным» и способным восстановить «порядок» и продолжать войну, заставила Фрэнсиса рекомендовать правительству США отпустить дополнительный кредит в 100 млн. долл.; при этом, однако, Фрэнсис признавал, что настроение в стране «в пользу мира растет», и боялся, что отказ в новом кредите «может дать ему неотразимый стимул»¹⁹¹. Но американские кредиты не могли уже продлить существование Временного правительства. Неизбежное должно было свершиться, ибо империалистическая, антинародная политика Временного правительства, усиленно толкавшая страну на путь полуколониальной экономической и политической зависимости, и вызывала возмущение народных масс.

Находясь при последнем издыхании, представители этого правительства проявляли лакейскую преданность Англии и всячески стремились оградить ее интересы. Буквально накануне свержения Временного правительства Министерство иностранных дел обратилось к Фрэнсису с нотой, в которой просило поддержки посла в окончательном решении вопроса о компенсации Англии за ее расходы при размещении русских заказов через Моргана. Сумма этих расходов определялась в

¹⁸⁸ FR, 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 25. Телеграмма Лансинга Фрэнсису от 26/13 октября 1917 г.

¹⁸⁹ Там же, стр. 26. Телеграмма Фрэнсиса Лансину от 27/14 октября 1917 г.

¹⁹⁰ Там же, стр. 27. Телеграмма Фрэнсиса Лансину от 20 октября (2 ноября) 1917 г.

¹⁹¹ Там же.

165 млн. фунтов, хотя никто не знал точную цифру поставленных по этому заказу материалов ¹⁹².

Кроме перечисленных выше кредитов, в октябре 1917 г. американское правительство согласилось предоставить специальный кредит для Румынии в размере 5 млн. долл. Как видно из соответствующей переписки ¹⁹³, Россия должна была открыть Румынии кредит в рублях (25 млн. руб.), в счет которого Румыния могла закупить в России продовольствие, а США предоставляли за это России 5 млн. долл. В данном случае Россия выступила в роли посредницы в кредитовании Румынии.

В то время как Фрэнсис еще бросал миллионы долларов на помощь гибнувшему правительству, один из его подчиненных, генеральный консул в Москве Де Витт Пуль (De Witt Poole) пришел к заключению, что «положение в России делает практически невозможным ведение каких бы то ни было торговых дел в настоящий момент» ¹⁹⁴. В портах, отмечал Пуль, скопилось много товаров, но вывезти их не представляется возможным. Кроме того, Министерство финансов запретило все денежные переводы из России за границу; поэтому торговые фирмы не могут получить ни транспорта для перевозок, ни денег на его оплату. Вместе с тем Пуль делал скороспелое заключение о блестящих перспективах торговли на будущее время.

3. ИТОГИ КРЕДИТОВАНИЯ АНГЛИЕЙ И США ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Какая же сумма кредитов была предоставлена США Временному правительству и сколько из нее было реально израсходовано до Великой Октябрьской социалистической революции?

Как известно, бывший посол России в США Бахметьев определял количество предоставленных кредитов 450 млн. долл. По подсчетам американских авторов (Г. Фиск) ¹⁹⁵ и аме-

¹⁹² FR. Russia, vol. III. Economic relations, p. 27—28. Телеграмма Фрэнсиса от 21 октября (3 ноября) 1917 г.

¹⁹³ Когда США предложили Англии и Франции принять участие в кредитовании Румынии, 16/3 октября 1917 г. Бахметьев доносил: «Полагаю, что наступает решительный момент, когда нам, во избежание прямой помощи союзников Румынии помимо нас, надлежит выступить с быстрым и решительным предложением финансировать Румынию рублями взамен соответствующего кредита в долларах, который будет открыт Америкой в нашу пользу». В телеграмме от 24/11 октября Бахметьев сообщил, что достигнуто соглашение с американским правительством о кредитовании Румынии через посредство России (АВПР, ф. Канцелярия, д. 61, л. 477).

¹⁹⁴ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 1117. Записка Пуля от 22 октября 1917 г.

¹⁹⁵ Г. Фиск («Финансовое положение Европы и Америки после войны». М., 1926) определяет сумму кредита в 325 млн. долл., а сумму реально полученных на 15 ноября 1917 г. денег — в 188 млн. долл. Пети, на основе американских источников, называет приведенную нами цифру.

риканских документов последний кредит в 125 млн. долл., предоставленный 1 ноября 1917 г. непосредственно «перед крушением империи, условия которого делали его применение по меньшей мере крайне сомнительным»¹⁹⁶, исключается. Они определяют общую сумму кредита в 325 млн. долл., а сумма фактических авансов, полученных русским правительством, в 187 729 750 долларов.

Кредиты России были открыты (млн. долл.):

16 мая 1917 г. на 100
17 июля 1917 г. » 75
23 августа 1917 г. » 100
12 октября 1917 г. » 50

1 ноября был открыт кредит на 125 млн. долл., аннулированный в декабре 1917 г.

В нашей литературе обычно приводится завышенная «официальная» цифра предоставленных кредитов в 450 млн. долл.¹⁹⁷ А. Е. Иоффе в предисловии к публикации документов¹⁹⁸ правильно указывает на эти неточности. Для их исправления он опубликовал справку Министерства финансов Временного правительства о кредитных операциях России в США в 1916—1917 гг.

В этом документе, составленном 20 октября 1917 г.¹⁹⁹, приведены цифры всех кредитных операций, заключенных с 28/15 июня 1916 г. по 18/5 октября 1918 г. с частными банками и с государственным казначейством. Итоговая цифра предоставленных кредитов в 411 млн. долл. включает и кредиты казны на основании билля 24 апреля 1917 г. Сумма использованного кредита определена в 290,7 млн. долл., а сумма предстоящих платежей в течение года, с 1 октября 1917 г. по 1 октября 1918 г., исчислялась в 25 437 250 долларов. Эта сумма исчислена правильно, но количество использованной валюты определено несколько больше действительного, так как Министерство иностранных дел не располагало точными данными.

¹⁹⁶ «Hearings before the special Committee investigating the munitions industrie. U. S. Senate, 74-th. congress, second session», part 32, p. 10259, Exhibit № 4029; полученная сумма определяется в 192 729 750 долл., но из нее необходимо вычесть нереализованный румынский кредит в 5 млн. долл. За вычетом этой суммы получается немного меньше 188 млн.

¹⁹⁷ См., например, Т. К. Селезнев. Экспансия американского империализма в России в 1917 г. «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 64—65; А. Гулыга и А. Геронимус. Крах антисоветской интервенции США 1918—1920. М., 1952, стр. 18. В обоих случаях названы даты и суммы предоставленных Временному правительству кредитов. У Селезнева отмечено, что последний кредит в 125 млн. долл. был аннулирован, но фактически полученные суммы не указаны.

¹⁹⁸ «Исторический архив», 1957, № 4.

¹⁹⁹ Там же, док. № 10, стр. 121.

И. о. государственного секретаря Полк в переписке с секретарем казначейства Глассом и государственное казначейство США исчисляли общую задолженность Временного правительства правительству США в 187 млн. долл.²⁰⁰ По отношению ко всей массе американских кредитов, израсходованных союзниками на 1 ноября 1917 г., доля России составляла около 5%. На 30 июня 1918 г. американские кредиты странам Антанты выросли до 5981,6 млн. долл. По отношению к этой сумме фактический кредит русскому правительству составлял лишь 3%. Таков был «вклад» американского правительства в дело помощи своему союзнику.

Из предоставленного американского государственного кредита русское правительство в 1917 г. фактически израсходовало 73,4 млн. долл. на платежи по старым и новым заказам внутри страны, 50 млн. было израсходовано по «финляндскому кредиту», 68 млн. переданы в распоряжение министра финансов Временного правительства. По-видимому часть этих средств оставалась на текущем счету русского посла в американских банках. Помощник секретаря казначейства США Леффингуэлл писал 5 марта 1918 г. советнику государственного департамента Полку о том, что «русский посол имеет достаточные средства в Нэйшнл Сити Бэнк, чтобы обеспечить оставшиеся платежи по всем контрактам здесь (за исключением ремингтоновских ружей, которые будут поставлены в июле и в октябре), а также закупкам, фрахтам, расходам и процентам к 1 мая по всем русским займам, размещенным через американские банки»²⁰¹.

К названной выше сумме государственных кредитов следует прибавить выпущенные в США краткосрочные облигации русского государственного казначейства на 36 млн. долл. и кредиты, предоставленные американскими банками (50 млрд. долл.)²⁰². С учетом частных кредитов общая сумма военной задолженности России в США до Великой Октябрьской социалистической революции составит 274 млн. долл. Возможно, что остались неучтенными мелкие кредиты отдельных банков и фирм. Но и при этом почти вся сумма задолженности покрывалась товарами, оставшимися невывезенными из различных портов США. Количество военного имущества на зарубежных складах, оставшегося невывезенным, Генеральный штаб России определял в 600 тыс. т, из них 80% было в США. Кроме

²⁰⁰ «Hearings before the special Committee...», part 32, pp. 10 258—10 259, Exhibits № 4026—4029; FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 55.

²⁰¹ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 38. В США находилось большое количество рельсов и 9 тыс. т колючей проволоки; другой заказ на 35 тыс. т проволоки завершался исполнением.

²⁰² Имеется в виду кредит консорциума банков по контракту 28/15 июля 1916 г.

того, значительная часть военных заказов оказалась невыполненной, хотя по ним был произведен частичный платеж. А. Е. Иоффе без достаточных оснований определяет сумму оплаченных и недоставленных заказов в 2,4 млрд. руб.⁽²⁰³⁾ По-видимому, таких заказов было много меньше, и оплата их в основном производилась из английского кредита²⁰⁴.

После победы социалистической революции в России английское правительство дало распоряжение своим представителям в США «до выяснения политических условий» временно задерживать отправку в Россию «всех грузов военного назначения». Была также задержана погрузка пароходов, направлявшихся в какой-либо русский порт. Больше того, вышедший уже в море с военными грузами пароход «Ида» был возвращен обратно²⁰⁵. Часть военного имущества, изготовленного в США для России, например, 8 млн. фунтов бездымного пороха и 5 тыс. т колючей проволоки, была уступлена Англии; 40 моторов от 150 до 200 сил, изготовленных в Италии, были реквизированы итальянским правительством.

В архиве имеются данные о состоянии заграничных заказов в США, Франции и Японии на 1 января 1918 г. с указанием на количество отправленного в 1917 г. снаряжения, боеприпасов, вооружения, технического имущества и т. д. и количество оставшегося на складах²⁰⁶. В ведомости с этими данными содержится 125 наименований различного имущества, от 11- и 8-дюймовых гаубиц, пулеметов, винтовок, снарядов, взрывчатых веществ и до шинельного сукна, седел и двуколок. Значительное количество этого имущества оставалось за границей на складах. Особенно много застряло там артиллерийских и ружейных патронов, взрывчатых веществ, кожи, подков, обуви, сукна. Это имущество представляло огромную ценность.

В США распродалось имущество, заготовленное для России. Английское правительство обычно продавало все материалы, которые были заказаны для России через Моргана, а выручку употребляло «на уменьшение русской задолженности». Из этого видно, писал представитель американского казначейства, «что британское правительство *очень хорошо соблюдает*

⁽²⁰³⁾ «Исторический архив», 1955, № 3, док. № 38, стр. 179.

²⁰⁴ Статистический материал относительно заказов в США за 1917 г. противоречив. Цифра заказанного имущества, подлежащего доставке до января 1918 г., колебалась от 2683 млн. руб. (вероятно, эта сумма относилась ко всем заграничным заказам) до 1073 млн. руб. заказов в США, обеспеченных валютой (там же, стр. 156 и 158).

²⁰⁵ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 123, л. 37. Телеграмма начальника русской заготовительной комиссии ген. Храброва из Нью-Йорка от 15 декабря 1917 г.

²⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1917 г., д. 124, лл. 40—43. Ведомость состояния заграничных заказов на 1 января 1918 г.

свои интересы»²⁰⁷. Эти операции по распродаже продукции выполненных для России заказов должны реально сказаться на уменьшении суммы русской задолженности Великобритании и США.

Подсчеты, сделанные нами на основе ведомости произведенных валютной комиссией ежемесячных расходов английского кредита²⁰⁸ за время с 1 ноября 1915 г. по 1 января 1918 г., позволяют сделать ряд интересных выводов.

Царское, а вслед за ним Временное правительство израсходовало из английских кредитов по своим платежам 2054,1 млн. руб., что составляет в среднем 86 млн. руб. в месяц. Из этой суммы расходов половина средств (1038,2 млн. руб.) была выплачена в фунтах стерлингов, т. е. в подавляющем большинстве в самой Англии, а 643,2 млн. руб. — в долларах, что составляет немного меньше одной трети всех оплат (31,3%). Эти оплаты, возможно, были произведены по американским заказам. Уже эти цифры указывают, что основным поставщиком военных материалов и вооружения являлась страна-кредитор. К приведенной нами основной цифре расходов в сумме 2054,1 млн. руб. следует сделать прибавку на значительные расходы Особенной канцелярии по кредитной части, в которые входят расходы по учету и «свободный» кредит. В совокупности эти расходы достигали довольно значительной суммы в 990 млн. руб.²⁰⁹ Затем следует прибавить еще поставки натурой в сумме 175 млн. руб.²¹⁰ Однако, если даже взять наш расчет, сделанный с возможным преувеличением военных кредитов России в пользу ан-

²⁰⁷ FR. 1918. Russia, vol. III. Economic relations, p. 37. Письмо Леффингуэлла Полку от 5 марта 1918 г. (Курсив наш.— А. С.).

²⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1918 г., д. 196, л. 4. Учет расходов велся в разных валютах, с переводом в рубли. Так как из общей суммы расходов в 2111,2 млн. руб. за ноябрь и декабрь 1917 г. было выплачено только 772 тыс. руб., то фактический расчет можно вести за два года — с 1 ноября 1915 г. по 1 ноября 1917 г. Часть выданных на валюту талонов в сумме 57,1 млн. руб. не была использована и их возвратили. Поэтому фактический расход по заказам выражался в сумме 2054,1 млн. руб.

²⁰⁹ Там же, л. 1. В справке о состоянии заграничных военных кредитов на 1 июня 1917 г. расходы по учету и «свободный» кредит исчислены в 840 млн. руб. Эти же расходы за июнь — октябрь 1917 г. мы определяем по 3 млн. ф. ст. в месяц, на уровне действительных кредитов за июль — август. Возможно, что в последние месяцы (сентябрь — октябрь) они были меньше. Следовательно, необходимо еще прибавить 150 млн. руб., вместе с которыми получаем сумму в 990 млн. руб.

²¹⁰ Эта сумма значится в справке о состоянии военных кредитов на 1 июня 1917 г. Возможно, что в итоговых подсчетах на 1 января 1918 г. она включена, и тогда наш подсчет увеличивает на эту сумму, т. е. на 175 млн. руб., английские военные кредиты, предоставленные России. Повидимому, Валютная комиссия не учитывала платежей английского правительства по заказам для России в США. Но и они не могли поглотить сумму остатков.

гличан в сумме 175 млн. руб., то получается итоговая сумма расходов в 3219 млн. руб. Выходит, что кредиты по двум царским соглашениям, предоставленные России с 1 октября 1915 г. по 1 апреля 1917 г. в сумме 450 млн. фунтов стерлингов, царская Россия и Временное правительство не израсходовали в сумме около одной четверти. Выходит, далее, что английское правительство не отпустило на кредитование Временного правительства ни одного рубля и удержало около 1300 млн. руб. из кредитов, открытых еще царскому правительству. К этой «экономии» надо прибавить еще средства, вырученные от распродажи части заказов, и ценности, оставшиеся в английских и американских портах.

Далее. Имеющиеся статистические материалы и произведенные нами подсчеты указывают на резкое сокращение с конца 1916 г. ежемесячных расходов английского кредита, особенно в американской валюте. Это видно из составленной нами таблицы движения расходов английского кредита по трем валютам: в рублях, в фунтах стерлингов и долларах.

Таблица 13
Средние месячные расходы английского кредита *

Период	Общий месячный расход, млн. руб.	В том числе	
		в фунтах стерлин- гов	в долларах
Октябрь — декабрь 1916 г.	119,6	62,3	48,6
Январь — февраль 1917 г.	57,1	38,9	9,0
Март — июнь 1917 г.	60,1	45,2	6,0
Июль — октябрь 1917 г.	42,4	34,4	0,24

* Эти цифры охватывают лишь расходы по военным заказам, без расходов кредитной канцелярии. Цифры расходов даны с округлением до 0,1 млн. руб.

Наивысшая сумма расходов приходится на конец 1916 г. — около 120 млн. руб. в месяц, но меньше половины ежемесячного кредита, предоставленного Англией (25 млн. ф. ст.). За два месяца накануне Февральской революции английское правительство начинает наводить «экономия» и в два раза сокращает отпуск средств, доводя их почти до 20% месячных кредитов.

Февральская революция не вызвала существенных изменений: до 1 июля 1917 г. кредиты по заказам поднялись всего только на 3 млн. руб. в месяц и держались на этом «голодном» уровне — в два раза ниже, чем в конце 1916 г. Начиная с июля 1917 г. и до Октябрьской революции общий расход резко снижается еще на 30% — вместо 60,1 млн. руб. до 42,4 млн. руб.

За последние четыре месяца власти Временного правительства английские кредиты России держались на уровне одной трети (35,3%) расходов конца 1916 г. Эти цифры убедительно раскрывают английскую политику по отношению к русским заказам при Временном правительстве. Она заключалась в резком сокращении не только новых, но и старых заказов, особенно на оборудование и инструменты. Приведенные цифры расходов в долларах показывают на катастрофическое падение отпуска Англией американской валюты, что неизбежно должно было сказаться не только на количестве размещенных в США заказов, но и на текущих платежах по выполненным заказам. В конце 1916 г. расходы царского правительства в долларах равнялись 40% от общих расходов по английскому кредиту. В следующее полугодие они сокращаются в четыре раза и достигают лишь 10%, а после июля 1917 г. фактически совсем прекращаются, дойдя до 0,5% с июня 1917 г. Временное правительство фактически пользовалось в США только американской валютой, так как английское правительство прекратило всякий отпуск средств, но и количество американской валюты было весьма ограниченное.

На более высоком уровне все время оставались платежи в фунтах стерлингов, но и они сократились в первые четыре месяца 1917 г. до 70%, а в последующие месяцы — до 55% от уровня конца 1916 г.

С марта по ноябрь 1917 г. Временное правительство израсходовало всего по своим заказам 407,2 млн. руб., или 19,2% от всего английского кредита, израсходованного за два года по заказам. За это время платежи в фунтах, производившиеся с английскими промышленниками, достигли 318 млн. руб. Это составляло почти четыре пятых всех расходов (78%), а платежи в долларах выражались скромной цифрой менее 25 млн. руб., или около 6%.

Все приведенные цифры неопровержимо указывают, с одной стороны, на резкое общее сокращение английских кредитов, с другой — на преимущественную и почти исключительную оплату из английских кредитов одних английских поставщиков, которые по-прежнему продолжали щедро наживаться на русских заказах.

Еще более жесткой политики английское правительство держалось в вопросе японской валюты. Если до Февральской революции оно отпускало небольшое количество валюты в иенах, то с 1 марта 1917 г. отпуск японской валюты английское правительство совершенно прекратило. Временное правительство вынуждено было само изыскивать валюту, чтобы в какой-то мере использовать японский рынок. Что касается скандинавской валюты, то ее было отпущено всего лишь менее

11 млн. руб. На сумму около 18 млн. руб. было отпущено «разной валюты», без более детальной разбивки на отдельные валюты.

После Февральской революции было необходимо заключить заем с целью поднятия курса рубля в Швеции, но союзники должны были гарантировать этот заем. Русская сторона отклонила это предложение. 7 сентября 1917 г. министр финансов Бернацкий известил письмом Терещенко о намерении совершить кредитную операцию в 30 млн. крон и необходимости депонировать в шведском банке золото «в размере соответствующей суммы использованного кредита»²¹¹. В связи с этим должна была быть отправлена первая партия золота в 5 млн. руб. Предполагалось, что золото подлежало возврату, а потому должно числиться в балансе Государственного банка России «как золото за границей». Вся эта операция с вывозом золота была санкционирована Временным правительством.

Из дальнейшей переписки между Бернацким и Терещенко видно, что перед Октябрьской революцией финансовая поддержка России в Швеции со стороны Англии «совершенно прекратилась», а вопрос о финансовой помощи со стороны США «еще не получил благоприятного разрешения».

Между тем спрос на шведскую валюту продолжал «усиливаться». Все попытки получить валюту показали, что «займы русского правительства в Швеции при существующих обстоятельствах безусловно невозможны». Кредиты же частных учреждений могли быть получены только при «непременном условии» увеличения товарного экспорта в Швецию. Так создавался заколдованный круг, из которого Временное правительство не могло найти выхода. Швеция переживала керосиновый голод²¹², но обязательство России поставить 50 тыс. пудов керосина могло вызвать «нарекание на нас союзников». Посланник не видел, каким путем он мог бы освободиться от «выполнения одного из наших обязательств по заключенному здесь займу». Он выдвинул предложение — свалить все на революционных солдат, которые якобы задержали керосин. Так уж повелось у дипломатов Временного правительства.

Кредитование Временного правительства Англией было настолько скудным, что оно исключало серьезные расчеты на Временное правительство и его армию в военной борьбе с Германией. По-видимому, финансовая политика Англии по отношению к Временному правительству определялась исключи-

²¹¹ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», д. 268, лл. 5, 10; соглашение с синдикатом частных русских банков, которые передавали валюту Министерству финансов. Учет не ниже 6% годовых, шведские банки получали комиссию в 2,5%.

²¹² Там же, л. 11. Письмо Бернацкого Терещенко от 19 октября 1917 г.

тельно расчетами оказать поддержку тем силам контрреволюции, которые вели борьбу с большевиками.

Несмотря на всяческие потуги Временного правительства «пересесть» с английского фунта на американский доллар, это не удалось ему сделать. Англия сохранила не только политическое, но и финансовое влияние, оплачивая в абсолютных цифрах значительно больше заказов, чем США. Правда, это не мешало ей резко сократить финансирование русского правительства и сжать размещение новых заказов. Решения Петроградской конференции остались невыполненными. Несмотря на все эти обстоятельства, Терещенко сперва в роли министра финансов, а потом и министра иностранных дел вел проанглийскую политику, а правительство в целом стремилось выполнить военные обязательства, принятые еще при царе, и тем продемонстрировало свою империалистическую природу. После провала июньского наступления на фронте усилия Временного правительства были сосредоточены главным образом на борьбе с большевиками и растущим внутри страны революционным движением. Борьба народных масс против продолжения империалистической войны и власти буржуазии явилась объективной основой, которая определила отношение союзников к Временному правительству и толкало их на путь сокращения финансовой помощи.

С другой стороны, те же причины побуждали империалистические круги союзников оказывать Временному правительству известную финансовую помощь, в тщетной надежде укрепить его в борьбе с силами революции. Поэтому кредиты Временному правительству имели ярко выраженный реакционный характер.

4. ФРАНЦУЗСКИЕ КРЕДИТЫ ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Мы уже указывали, что Франция, старый союзник и кредитор царской России, занимала во время первой мировой войны второстепенное место в финансировании России, уступив ведущее положение Англии. Неоднократные попытки министра иностранных дел Барка и русских банков расширить базу финансового сотрудничества с Францией неизменно кончались неудачей, причем главные возражения шли со стороны самого французского правительства, которое ограничивало операции французских кредитных учреждений с русскими государственными и частными бумагами. В октябре 1916 г. это вызвало даже протест царского Министерства иностранных дел²¹³. Кроме того, быстрое падение курса рубля также ограничивало

²¹³ АВПр, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 284, л. 211. Копия телеграммы Нератова от 15 октября 1916 г.

стремление французских банкиров помещать свои капиталы в России²¹⁴. По-видимому, этот объективный факт помешал группе французских банков (Парижско-Нидерландский, Со-сиэтэ Женераль и др.) осуществить свое намерение открыть помимо Французского банка коммерческий кредит для нужд русской промышленности, о чем велись длительные переговоры²¹⁵. Французские банкиры намерены были потребовать правительственной гарантии этих кредитов, что противоречило русскому законодательству, но покладистый министр иностранных дел Покровский подсаживал Барку возможность обойти закон²¹⁶. Однако министрам не пришлось пойти на это, ибо были получены сведения, что Рибо высказался против данной операции, и французские банки отказались от своих планов²¹⁷. Возможно, что не последнюю роль в этом отказе сыграла и неустойчивая политическая обстановка в России, ибо переговоры происходили в январе — феврале 1917 г., когда французские делегаты находились в России. Они не могли не заметить крайнего разброда в правительстве, роста оппозиционных настроений среди буржуазии и революционного движения в стране.

Финансовые обязательства Франции в отношении царского и Временного правительств регулировались одним и тем же документом — соглашением 4 октября (21 сентября) 1915 г. По этому соглашению, продленному в 1916 г., французское правительство обязалось предоставлять России *до конца войны* кредиты в размере 125 млн. франков в месяц. В дипломатической переписке с русским правительством французы любили напоминать о том, что эта сумма была названа самим русским министром финансов, а они приняли «без обсуждения эту цифру, которая в действительности превышала суммы, которые России надлежало уплатить Франции с октября месяца» (1915 г. — А. С.)²¹⁸. Однако эта сумма кредита составляла

²¹⁴ Там же, лл. 212—213. Телеграмма Извольского от 12 ноября (30 октября) 1916 г. Эта телеграмма, вносящая ясность в вопрос о запрете операций с русскими бумагами, заканчивалась пессимистическим указанием на падение курса рубля, который «может еще пасть», и что с этим падением правительство не ведет серьезных мер борьбы.

²¹⁵ Об этом говорилось в телеграммах поверенного в делах в Париже Севастопуло от 26/13 и 28/15 января 1917 г. (там же, лл. 216—219).

²¹⁶ Там же, л. 221. Копия письма Покровского Барку, № 3014.

²¹⁷ Там же, л. 222. Копия телеграммы Покровского Извольскому от 15 февраля 1917 г.; л. 223. Телеграмма Извольского от 23/10 февраля 1917 г. Сами инициаторы этой сделки заверяли Извольского, что хотя ранее Рибо и дал согласие, но его мнение «несколько поколеблено, быть может, как излагает Бенак, под влиянием Лионского Кредита». Извольский решил даже не обращаться за разъяснением к Рибо (Бенак — директор Парижско-Нидерландского банка, который вел эти переговоры с французской стороны).

²¹⁸ Там же, д. 193, лл. 123—128. Копия ноты французского министра финансов.

только пятую часть тех кредитов, которые давала Англия. Далее, почти половина французского кредита уходила на платежи процентов по прежним займам и на расходы по учету новых кредитов. Следовательно, оставалась только часть суммы (около 25—30 млн. руб. в месяц) для новых военных заказов русского правительства. Расходовать хотя бы и часть этих кредитов на заказы частной промышленности, даже и работавшей на оборону, французы не разрешали.

Ссылаясь на собственные трудности, французы отказали в использовании хотя бы небольшой части кредитов для расплат в Италии. В цитированной нами французской ноте, где изложена позиция французского правительства накануне Петроградской конференции, говорилось: «Мы не считаем возможным включить в эту цифру платежи, предстоящие русскому правительству в Италии. В момент подписания протокола от 4 октября 1915 г. было специально оговорено, что авансы французского правительства пойдут исключительно на оплату расходов, произведенных во Франции. Мы испытываем такие трудности при сохранении нашей валюты, что не должны производить никакой оплаты за границей без абсолютной в этом необходимости»²¹⁹.

Барк просил французское правительство увеличить сумму кредита до 150 млн. франков, но под всякими благовидными предложениями оно от этого отказывалось. Французское правительство также не согласилось на выпуск во Франции обязательств русского казначейства на 1—1,5 млрд. франков, из выручки которых 400 млн. франков должны были быть резервированы в распоряжение русского правительства для расходов во Франции²²⁰, причем неприемлемым оказалось именно последнее пожелание Барка.

В то же время Франция весьма ревниво относилась к принятому во время войны ограничению ввоза в Россию вин и невыполнению Россией обязательств по поставке пшеницы. Накануне созыва Петроградской конференции французское правительство настаивало, чтобы длительный срок после войны «Россия поставляла бы нам зерно, которое она не смогла нам доставить во время войны»²²¹. На конференции царские мини-

²¹⁹ Французы «отсылали» русское правительство к министру снабжения Тома, который должен был определить, сможет ли Франция увеличить военные поставки России. Тома не находил это возможным. Поэтому заявление министра финансов Франции: «Мы не отказываем в этом увеличении, если оно будет признано необходимым» — носило неискренний характер.

²²⁰ АВПР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 193, лл. 123—128. Нота министра финансов Франции царскому правительству в конце 1916 г.

²²¹ Там же.

стры подтвердили обязательство поставить в 1917 г. 50 млн. пудов пшеницы — 30 млн. пудов в Англию и 20 млн. пудов во Францию²²².

Барк обратил внимание на недостаточное использование французских капиталов для финансирования войны, но он не смог ничего изменить. Финансовые переговоры между Барком и французскими делегатами во время Петроградской конференции, по-видимому, не выходили из сферы неофициальных разговоров. Никаких решений или даже протокола на эту тему не сохранилось. Правда, французские делегаты взяли на себя некоторые обязательства по поставкам натурой, но они не изменили прежнего финансового соглашения. Во всех планах снабжения России на 1917 г. по-прежнему основная ставка делалась на английский кредит. В ведомости предстоящих за границей новых платежей по заказам 1917 г. на долю Франции отводилось менее 10% от суммы английских платежей²²³. Второстепенная роль Франции проявилась и в плане поставок на основе решений Петроградской конференции. Из 4,25 млн. т различных грузов, а за вычетом угля — из 2,75 млн. т на долю Франции приходилось 320 тыс. т²²⁴. Реальные поставки союзников в 1917 г. составляли около трети намеченного. В Архангельск и Мурманск было в 1917 г. привезено грузов (помимо угля) около 704 тыс. т, из которых на долю Франции приходилось 136 тыс. т, или около 20%, включая и грузы для Румынии. При учете привоза американских грузов во Владивосток доля французских грузов еще более уменьшится²²⁵.

Однако было бы ошибочным недооценивать Францию как важного кредитора и поставщика. Французское правительство в общем выполняло взятые обязательства, и с ним не было никаких трений. Французские кредиты позволяли русскому правительству аккуратно выполнять свои обязательства перед французскими кредиторами по оплате процентов. Кроме того, русское правительство разместило во Франции большое коли-

²²² А. И о ф ф е. Русско-французские отношения в 1917 году. М., 1958, стр. 283 и сл. Несмотря на все попытки Временного правительства выполнить свои обязательства, ему удалось это сделать только частично. Против вывоза хлеба выступила даже Ставка в лице ген. Алексева. Временное правительство завезло в Архангельск 5 млн. пудов муки, но отправить ее не успело.

²²³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1405, лл. 48—49. На долю Франции приходилось 461 млн. руб., на долю Англии — 4596,3 млн. руб., а с учетом американских и скандинавских заказов — 5663,8 млн. руб. Эта заявка потом была значительно уменьшена самим русским правительством, а потом еще раз урезана на конференции, но соотношение осталось примерно прежним.

²²⁴ А. Л. Сидоров. Сношения России с союзниками во время первой мировой войны. «Исторические записки», т. 15, 1945, стр. 177.

²²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1916—1919 гг., д. 681, л. 200.

чество военных заказов, главным образом на артиллерию²²⁶. Начиная с 25 января 1915 г. и при Временном правительстве в 1917 г. во Франции было заказано свыше 13 млн. 3-дюймовых гранат на сумму около 1 млрд. франков²²⁷, сверх того большое количество взрывчатых веществ, ружей, пулеметов, 457 млн. ружейных патронов и т. д. По-видимому, заказ на 4,7 млн. гранат был произведен при Временном правительстве, во всяком случае после Петроградской конференции.

Огромные заказы предметов артиллерийского снабжения не были своевременно выполнены французскими фирмами и по существу только увеличивали сумму долга русского правительства. Производство 3-дюймовых гранат в 1916 г. было налажено в России, где они изготовлялись в большом количестве, и едва ли была необходимость ввозить их в 1917 г. миллионами из Франции. Советы военного атташе полковника Игнатьева резко сократить их количество были вполне разумны. В июле 1917 г. Игнатьев рекомендовал Временному правительству сократить во Франции заказы только ГАУ на огромную сумму в 771 млн. франков; тогда общая сумма военных заказов во Франции сократилась бы с 2162 млн. франков до 1391 млн. франков²²⁸, т. е. на одну треть.

Количество предоставленных Францией кредитов исчисляется очень просто. 125 млн. франков при переводе на рубли составляли 50 млн. руб. кредита в месяц²²⁹. За время с октября 1915 г. по 1 ноября 1917 г. это составляет 1,25 млрд. руб., или 3125 млн. франков. Из этой суммы 2115 млн. франков получило царское правительство (125 млн. франков, умноженные на 17 месяцев). Кроме того, царское правительство получило и другие кредиты: 625 млн. франков были получены авансом по январскому соглашению 1915 г. и 500 млн. франков составил кредит Французского банка Государственному банку России для оплаты задолженности русских частных банков французским. В совокупности это составляет сумму в 4250 млн. франков. Некоторая часть кредита, предоставленная в октябре 1915 г., оставалась перед Февральской революцией неиспользованной²³⁰. Что же касается военных заказов и расплат

²²⁶ А. Сидоров. Указ. статья, стр. 144, 172 и др. Во Франции было заказано около одной трети всех снарядов, закупаемых за границей; Франция поставила около 30% доставленных в Россию артиллерийских орудий и большое количество моторов и самолетов.

²²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 211. Всего, по архивным данным, было заказано 13 126 тыс. гранат на сумму 985,6 млн. франков.

²²⁸ Там же, д. 210, лл. 52—54.

²²⁹ В то время курс рубля исчислялся в 2,5 франка.

²³⁰ Французы утверждали, что русское правительство никогда не использовало полностью этот кредит. По статистическим материалам русских архивов, к 20 марта 1917 г. было оплачено по всем принятым обязательствам немного более 865 млн. руб. В эту сумму не включаются платежи банков (ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1915 г., д. 7, лл. 121—122).

по ним, то их количественное исчисление представляет для исследователя большие трудности, вытекающие из противоречивых данных, имеющих в архиве. Часто по одному и тому же вопросу на одну и ту же дату статистические данные расходятся. Эти расхождения, особенно велики между данными Главного управления по заграничным заказам (Главзагран) и сведениями, которые представил военный атташе полковник Игнатъев²³¹. Вот эти данные (млн. франков):

	По книгам Главзаграна	По справке полк. Игнатъева
Общая сумма обязательств	1613,2	1951,9
Уплачено	1016,2	675,8
Осталось уплатить	597,0	1276,1

Между этими данными расхождение действительно огромное. Сумма обязательств по справке Игнатъева превышает сумму Главзаграна почти на 340 млн. франков, а средства, уплаченные по заказам, почти на такую же сумму меньше. Особенно разительно расхождение между двумя итоговыми данными суммы, подлежащей к уплате,— 597 млн. и 1276 млн. франков. Последняя сумма в два раза превосходит расчеты Главзаграна. А в справке, переданной А. Тома в Петрограде, сумма долга была указана в 422,6 млн. руб., причем по этой справке получалось, что при кредите в 1 млрд. руб.²³² Россия уже уплатила 1035 млн. руб.

Чем объяснить эти расхождения и каким данным следует верить? И Главзагран, и Игнатъев указывают список заказов и суммы произведенных платежей. По-видимому, Главзагран неполностью учитывал все выданные заказы, так как Игнатъев насчитал на 210 млн. франков заказов, выданных Особой артиллерийской комиссией и не учтенные Главзаграном. За эти заказы уже было заплачено 44,6 млн. франков. С другой стороны, заказы на 92,6 млн. франков, числившиеся в списках Главзаграна, за которые было выплачено 5 млн. франков, совсем не были учтены в справке Игнатъева. Кроме того,

²³¹ ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1915 г., д. 7, л. 95. Справка о французских кредитах, переданная А. Тома, дает сведения на 1 июня 1917 г. С этими данными совпадают таблицы «Состояние учета валюты по I и II французским военным займам» на 1 июня 1917 г. (там же, лл. 121—122). По этим данным принято обязательств на 1457,4 млн. руб., уплачено по ним 1034,8 млн. руб. и осталось уплатить по принятым обязательствам 422,4 млн. руб. О расчетах с Францией см. также ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 210, лл. 11, 17, 32. Сравнительная ведомость заказов Главного артиллерийского управления.

²³² По 1 июня 1917 г. прошло 20 месяцев, за которые весь французский кредит равнялся 1 млрд. руб., или 2,5 млрд. франков.

по-видимому, по разному учитывалось вооружение, переданное французским правительством.

В этих противоречивых данных пытался разобраться сам Игнатъев, сообщивший свои выводы в особом письме к ген. Михельсону²³³. В результате сравнений различных данных, писал Игнатъев, получалось «близкое приближение к цифрам, показанным в Вашей (Главзаграна.— А. С.) таблице», однако при условии, что данные о заказах, фигурирующие как выданные помимо Главзаграна и валютой «еще не обеспеченные», а также заказы, уступленные французским правительством с особым соглашением, «учитываются в общей графе размещенных во Франции заказов». Эта оговорка Игнатъева показывает, что, по-видимому, его исчисления суммы заказов были преувеличены и что в Петрограде держались более сложной, но и более дифференцированной системы учета.

Кроме того, приказы об оплате, сделанные в Петрограде, еще не все дошли до Парижа. К 1 июня 1917 г. по французским заказам было оплачено около одной трети — из 2162 млн. франков артиллерийских заказов было оплачено 720,4 млн. франков²³⁴, хотя за то же время было учтено обязательств для оплаты заказов на сумму 1191 млн. франков. Какие бы расхождения ни были в учете заказов и их оплате в России и в Париже, Французский банк подтверждал, что открытый на 1 июня 1917 г. кредит еще не был весь израсходован. Из суммы кредита в 2,5 млрд. франков оставалась еще экономия в 565 млн. франков, т. е. около одной пятой части кредита. В то же время по справке, выданной Главзаграном, получался значительный дефицит в открытых кредитах для оплаты всех произведенных заказов. Чтобы заплатить по всем заказам, принятым на учет Главзаграном, требовалось дополнительно 1715 млн. франков, а по расчетам Игнатъева — почти 2 млрд. франков (1942 млн.)²³⁵.

Для покрытия дефицита по заказам у Временного правительства возникла идея размещения во Франции единовременного крупного займа в 1,8 млрд. франков, но против этого предложения Игнатъев решительно возражал. Он считал, и не без серьезных оснований, что при сложившейся обстановке, «ввиду несомненной перемены к худшему отношения Франции к России», разместить заем было невозможно²³⁶. Игнатъев опреде-

²³³ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 210, лл. 52—54.

²³⁴ Там же. В деле имеется полный перечень всех уплаченных сумм. Мы приводим данные с округлением до 0,1 млн. франков.

²³⁵ АВГР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, лл. 533—534. Копия телеграммы поверенного в делах в Париже Севастопуло от 17/4 сентября 1917 г. Этот документ встречается и в других архивах, например в ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 210, лл. 48—49.

²³⁶ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 210, л. 54.

лял финансовые потребности на «чисто военные заказы», т. е. без оплаты процентов, в 80 млн. франков в месяц. Так как оплата процентов поедала около половины предоставленного кредита, а именно 65—70 млн. франков в месяц²³⁷, то очевидно, что повышение суммы ежемесячного кредита до 150 млн. франков покрыло бы все военные потребности России. При более строгом отношении к размещению заказов, пожалуй, даже не было практической необходимости повышать размеры кредита, если его использование по-прежнему ограничивалось бы рамками французского рынка.

Управляющий Министерством финансов Временного правительства Бернацкий мог в сентябре 1917 г. выдвинуть только одно практическое соображение в пользу повышения кредита, — что такое повышение дало бы возможность скорее расплатиться по заказам²³⁸. Однако французам было не к спеху, так как поставки французская промышленность производила медленно. Платежи предстояли только «в будущем». Целесообразнее всего было сократить военные заказы, как это и предлагал Игнатьев, так как при сокращении заказов значительно сокращалась и сумма платежей. Между тем военное ведомство и при Временном правительстве непрерывно раздувало военные заказы. На основе решений Петроградской конференции Маниковский дополнительно заказал 4,7 млн. трехдюймовых гранат на 326,8 млн. франков. Когда мог быть выполнен этот заказ, точно не могли сказать и сами французы, так как к тому времени не были еще выполнены более ранние заказы царского правительства.

Были и другие веские аргументы против увеличения кредита. Согласно телеграмме, присланной Севастопуло в начале сентября 1917 г. из Парижа, старый кредит оставался почти на 20% неиспользованным. Французы предупреждали о неиспользовании кредита и в конце 1916 г. То же самое

²³⁷ Справка, составленная к Петроградской конференции 1917 г., определяла все платежи по иностранным займам и по учету во Франции в 1917 г. в сумме 277,7 млн. руб., т. е. около 23,1 млн. руб. в месяц. Эти расчеты были преуменьшены. В действительности платежи по государственным займам с 1 октября 1915 г. по 1 июня 1917 г. (т. е. за 20 месяцев) составили 478 млн. руб., за учет краткосрочных обязательств — 96,1 млн. руб., а всего — немного более 574 млн. руб., или ежемесячно по 28,7 млн. руб., а в переводе на франки — 71,7 млн. франков в месяц. Причем ежемесячные платежи в 1917 г. должны были быть несколько больше, а в 1916 г. несколько меньше названной средней суммы. Намеченная сумма годовых платежей по военным заказам — около 184 млн. руб. — также занижена. С 20 марта по 4 октября 1917 г. Франции было уплачено 1035 млн. франков, т. е. в два с лишним раза более предполагавшейся годовой суммы (ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, д. 7, лл. 119—122).

²³⁸ АВПР, ф. 11 департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 284, л. 228. Подлинник письма Бернацкого от 20 сентября 1917 г. товарищу министру иностранных дел Петряеву.

произошло и через год, причем сумма неизрасходованного кредита возрастала: в июле 1917 г. она равнялась, по сообщению Игнатьева, 565 млн. франков, а на начало сентября — уже 635 млн. франков. По 1 сентября 1917 г. сумма французского кредита составила 3,5 млрд. франков, а израсходовано было на оплату военных поставок, на выплату процентов, учет и переручет краткосрочных обязательств всего 2865 млн. франков²³⁹. Правительство имело свободный остаток в 635 млн. франков. «Указанные цифры сверены агентом Министерства финансов с данными Французского банка», — говорилось в телеграмме Севастопуло. Посольство сообщало далее, что французское Министерство снабжения и русский военный атташе «сокращают часть сделанных нами во Франции заказов», так как и перевозочные средства были весьма ограничены и исключали «возможность своевременно доставить в Россию все количество заказанных грузов».

Неоднократные телеграммы Игнатьева из Парижа, начиная с мая 1917 г., сигнализировали о больших затруднениях с отправкой грузов из Франции²⁴⁰. В Бресте скопилось грузов на 1465 млн. франков. Игнатьев предупреждал, что в результате порчи, если грузы не будут вывезены в текущем сезоне, их стоимость уменьшится на 375 млн. франков, т. е. на одну четверть. В июле 1917 г. ген. Занкевич, представитель Временного правительства при французской армии, установил, что неотправленные грузы «частью пришли в негодность» от сырости и непогоды²⁴¹. В Россию было отправлено только около двух третей поставленных французскими заводами гранат, из них свыше полумиллиона штук — без пороха²⁴². Во Франции осталось большое количество ружейных патронов, взрывчатых веществ и пороха (на 63,8 млн. франков), 10 11-дюймовых мортир, из которых 6 мортир было взято для французской артиллерии²⁴³; во Франции же застряли грузовые машины, танки, самолеты и мортиры к ним. Словом, вся обстановка диктовала сокращение заказов. Бернацкий же и товарищ министра иностранных дел Временного правительства Петряев цеплялись за всякую возможность увеличить сумму кредитов²⁴⁴, хотя оба понимали, что

²³⁹ АВГР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 192, л. 533—534.

²⁴⁰ «Исторический архив»; 1955, № 3, док. №№ 10, 11, 12, 14 (публикация А. Е. Иоффе).

²⁴¹ Там же, док. № 23.

²⁴² Там же, док. № 32; о мортирах см. ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 211.

²⁴³ О недоставленных из Франции предметах обороны см. А. Иоффе. Указ. соч., стр. 311—313.

²⁴⁴ АВГР, ф. II департамент, 1—5, «Война», 1914—1917 гг., д. 284. Копия телеграммы Петряева в посольство в Париж от 28 сентября 1917 г.

«при настоящих политических условиях такого рода просьба может встретить со стороны французского правительства возражения»²⁴⁵. Временное правительство, так же как и царское, поддалось военному безумию и неограниченному расточительству.

Цифры расходов французских кредитов, названные в телеграмме Севастополю, повторены в работе П. Н. Апостола о кредитных операциях России во время войны²⁴⁶. Он приводит цифры на 1 октября 1917 г. (н. ст.), но с разделением израсходованной суммы на две равных половины: на оплату военных заказов — 1432 млн. франков и на оплату процентов, погашение и учетный процент Французскому банку — 1433 млн. франков. По данным наших архивных документов, на 4 октября 1917 г. было выдано талонов на оплату во Франции на 3200,6 млн. франков, из которых немного меньше половины — 1495 млн. франков уплачено в виде процентов и за учет²⁴⁷. Кроме того, следует иметь в виду, что значительное количество заказов во Франции — на сумму 809,5 млн. франков — осталось невыполненными²⁴⁸. Три четверти этой суммы приходилось на заказы Главного артиллерийского управления. Следовательно, реальная финансовая и техническая помощь России со стороны Франции также значительно уменьшилась.

Конечно, союзники испытывали известные транспортные затруднения с доставкой грузов в Россию, а многие пароходы с грузами погибли²⁴⁹. Однако чем дальше разворачивалась революция в России, тем все более политические соображения — боязнь революции и неуверенность в устойчивости Временного правительства — играли определяющую роль в решении финансовых и снабженческих вопросов. Французский посол в России Нуланс пришел к выводу о необходимости вообще прекратить снабжение России вооружением, а непосредственно перед Октябрьским переворотом французы вместе с англича-

---

Петряев сообщал, что Министерство финансов России стоит за увеличение месячной нормы кредита до 150 млн. франков, и предлагал выяснить, сохраняет ли силу предложение Тома в 1916 г. по этому вопросу.

²⁴⁵ Там же, л. 228—228 об. Письмо Бернацкого от 20 сентября 1917 г.

²⁴⁶ P. N. Apostol. Russian credit operations. «Public finance during the war». London, 1928. Если принять данные Апостола о том, что к ноябрю 1917 г. было израсходовано 3450 млн. франков, то и тогда свободная сумма кредита достигала 300 млн. франков.

²⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1915 г., д. 7, лл. 208—209. В ведомости ошибочно поставлены вместо франков рубли.

²⁴⁸ Там же, д. 134, л. 35. Общая сводка еще невыполненных заказов во Франции.

²⁴⁹ 27 июля 1917 г. погибли 10 угольщиков, емкостью в 50 тыс. т, 31 июля 1917 г. комитет по снабжению отметил гибель 5 пароходов с грузами (там же, д. 34, л. 17; д. 35, л. 16).

нами обсуждали вопрос о вмешательстве в русские дела с целью борьбы против революции. Этой задаче они подчинили деятельность военных и других миссий союзников в России ²⁵⁰.

5. ЯПОНСКИЕ КРЕДИТЫ ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Еще царское правительство поручило послу в Японии Крупенскому закупить тяжелую артиллерию. Эта миссия, по признанию посла, кончилась неудачно ²⁵¹. Япония обещала начать поставки только через 6 месяцев по 25 орудий в месяц. Но в той же телеграмме, пришедшей в разгар февральских революционных событий в Петрограде, сообщалось о готовности уступить России 150 тыс. винтовок ²⁵². Однако японские правительственные круги очень опасались, что Временное правительство заключит сепаратный мир с Германией и Австро-Венгрией ²⁵³. Японский посол в Петрограде сообщал в Токио, что события развиваются в России к худшему и неизбежен «какой-либо кризис». Поэтому японские банкиры и правительство не спешили предоставлять новые кредиты Временному правительству. Все разговоры о займе не привели к практическим результатам.

Японское правительство проявляло «полную сдержанность», так как не было уверено, в каком направлении будут развиваться события. Относительно банкиров и промышленников, которые хотя временно и прекратили переговоры о новом займе русскому правительству, все же поступали успокаивающие заверения. Крупенский считал, что они получают столь крупную выгоду, «что сомневаться в их готовности продолжать при первой возможности эти отношения едва ли есть основания» ²⁵⁴. Правда, потребовалось некоторое время, чтобы их поведение определилось. Еще в начале апреля 1917 г. министр иностранных дел Японии пытался использовать выжидательную позицию деловых кругов для давления на Временное правительство.

Японские банкиры, по словам министра иностранных дел Японии, «при всей своей готовности содействовать реализации нашего займа не могут в настоящий момент рассчитывать на

²⁵⁰ Комплекс политических вопросов об отношениях между Францией и Временным правительством рассмотрен в работе А. Е. Иоффе. Указ. соч., гл. VII, стр. 308—341. О миссии Стивенса в России см. Е. И. Попов а. Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США. «Исторические записки», т. 60, 1957, стр. 31—86.

²⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 93, л. 71. Телеграмма Крупенского от 2 марта 1917 г.

²⁵² Там же, а также в следующей телеграмме от 2 марта 1917 г. (л. 72). См. также л. 76 (секретная телеграмма о винтовках от 6 марта 1917 г.).

²⁵³ Там же, л. 93. Телеграмма Крупенского от 5 апреля 1917 г.

²⁵⁴ Там же, д. 95, л. 28. Донесение Крупенского от 11 марта 1917 г.

покрытие его публичной подпиской, так как здешняя пресса и широкие общественные круги еще недостаточно проникнуты уверенностью, что в России установлен прочный порядок»²⁵⁵. Японская буржуазия не хотела рисковать своими капиталами. Однако японская промышленность выполняла заказы России, которая не имела средств их оплатить. Дефицит по размещенным заказам все время превосходил в 1917 г. 100 млн. иен.

Нужда в деньгах для расплаты по заказам достигла в мае 1917 г. 200 млн. иен, и Крупенский рассчитывал получить при помощи займа «вероятно около 70—80 млн. иен», да и то сделка должна была еще получить санкцию японского парламента²⁵⁶. Однако его надежды не оправдались. 29 мая он сообщил, что японское правительство отказалось ссудить деньгами для расплаты по заказам в мае и июне, так как у него «нет никаких свободных для этого средств». В то же время японский министр иностранных дел обещал отсрочить платежи этих месяцев.

В такой обстановке проезжавший через Японию глава чрезвычайной миссии в США Бахметьев рекомендовал военному ведомству отказаться от дальнейшего размещения в Японии военных заказов, закончив их приобретением 700 тыс. пар сапог, «что совершенно необходимо в целях успокоения общественного мнения Японии»²⁵⁷, и покупкой 150 тыс. винтовок, уступаемых на льготных условиях платежа. Бахметьев от себя и всего состава посольства указывал на отсутствие валюты и «полную почти безнадежность получить ее в ближайшем будущем».

Попытка Временного правительства в июне 1917 г. получить у Англии валюты на 20 млн. иен для неотложных платежей в Японии встретила отказ, так как английское правительство якобы не располагало «никакими свободными средствами в Японии» и оно могло бы получить эти средства, как и русское правительство, только путем переговоров в Японии²⁵⁸. Кроме того, английское правительство считало «нецелесообразным» выдачу новых заказов в Японии, так как вывозка грузов из Владивостока якобы потребует двух лет.

В телеграмме от 27 июня 1917 г. Крупенский сообщал о критическом положении с платежами, если до 1 августа (н. ст.) не будут получены кредиты. К 1 августа, телеграфировал Крупенский, истекали все сроки, «данные нам по фактически пре-

²⁵⁵ Там же, д. 93, л. 96. Телеграмма Крупенского от 10 апреля 1917 г.

²⁵⁶ Там же, лл. 120—122а. Телеграмма Крупенского от 18 мая 1917 г.

²⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 681. Копия телеграммы Бахметьева от 23 мая 1917 г. ген. Маниковскому. Помимо финансовых трудностей, Бахметьев указывал на загруженность Владивостока, откуда грузы не могли быть вывезены ранее 8—9 месяцев.

²⁵⁸ АВГР, ф. Канцелярия, д. 470, т II, л. 353. Копия телеграммы поверенного в делах в Англии от 27/14 июня 1917 г.

кращенным уже с мая платежам по нашим военным заказам в Японии. Если к этому сроку мы не получим запаса японской валюты, то положение окажется совершенно критическим»²⁵⁹. К этому времени правительство располагало лишь наличностью в 9 млн. иен, а платежи превосходили 134 млн. иен; кроме того, предстоял учет краткосрочных обязательств казны на сумму около 9 млн. иен²⁶⁰. Только 12 июля Крупенский сообщил в Министерство иностранных дел, что японское правительство готово ссудить 100 млн. иен, из которых 70 млн. иен уходило на покрытие уже просроченных платежей, а за вычетом расходов по учету, «свободных» средств Крупенский насчитывал из этого займа всего лишь 22 млн. иен.

13 июля 1917 г. Комитет по заграничному снабжению вновь обсуждал вопрос о приобретении 150 тыс. винтовок японского образца и вынужден был отказаться от их покупки из-за отсутствия японской валюты²⁶¹. В случае согласия японской стороны на оплату этой сделки краткосрочными обязательствами было поручено решить этот вопрос ГАУ по соглашению с Особенной канцелярией по кредитной части. В конце августа перерасход по японской валюте достиг 62 млн. иен. Несмотря на острую необходимость в заказах для Владивостокского порта, комитет признал «совершенно недопустимыми» новые заказы, так как не было уверенности, что в близком будущем удастся осуществить «какие-либо дальнейшие кредитные операции в Японии»²⁶².

В конце августа выяснились окончательные условия и размер займа: сумма его составляла 105 млн. иен, учет — 6%, комиссия — 1,5%, срок оплаты — 19 сентября 1918 г. Японцы соглашались предоставить двухкратный переучет до 1 августа 1920 г. из 6%, но требовали «кроме того, уплаты каждый раз комиссии в 1,5%»²⁶³.

25 сентября 1917 г. состоялось заключение двух займов: одного на 16 667 тыс. иен, другого — на 50 млн. иен, но первый шел исключительно на погашение старого долга (переучет) и лишь второй давал новые свободные средства правительству²⁶⁴. Однако на счете русского министерства финансов в Японии было недостаточно средств — около 47 млн. иен для покрытия займа в 70 млн. иен, срок которого наступал в конце сентября.

²⁵⁹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 93, л. 155. Копия телеграммы Крупенского от 27 июня 1917 г.

²⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 48, лл. 10—13.

²⁶¹ Там же, д. 34, л. 12. Журнал Комитета по заграничному снабжению от 13 июля 1917 г.

²⁶² Там же, лл. 35—36. Журнал Комитета по заграничному снабжению от 21 августа 1917 г.

²⁶³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 93, л. 186. Телеграмма Крупенского от 22 августа 1917 г.

²⁶⁴ Там же, л. 200. Телеграмма Крупенского от 25 сентября 1917 г.

Пришлось заключать новый заем в 100 млн. иен, который удалось увеличить до 105 млн. и за его счет погасить заем в 70 млн.

Свободная наличность Временного правительства после заключения всех этих трех займов (в 16,6, 50 и 105 млн. иен) и погашения старых (в 15 и в 70 млн. иен) накануне Октябрьской революции достигала 73 556 485 иен. Этой суммы было достаточно для покрытия платежей по заказам до 1 апреля 1917 г. (71 071 719 иен). Но заказы были выданы и на больший срок. С учетом всех заказов и контрактов, обязательства Временного правительства достигали 123 441 878 иен²⁶⁵, следовательно, недоставало около 50 млн. иен. Между тем, в Петрограде продолжали выдавать новые заказы на цинк и стальные троссы, что увеличивало дефицит в валюте.

Ко времени Октябрьской революции задолженность русского правительства Японии удвоилась сравнительно с кануном Февральской революции. По расчетам Фиска, она достигала 147 млн. долл. Японский посол в Париже Мацуи называл Рафаловичу сумму долга русского правительства в конце 1917 г. в 252,1 млн. иен, а сам Рафалович называет несколько большую сумму — 255 млн. иен²⁶⁶. В советской прессе сумма всех кредитов, предоставленных Японией России, ошибочно определялась в 365,5 млн. иен, включая сюда и кредиты не только правительства, но и долги промышленным и торговым фирмам. Эта сумма явно завышена.

Начиная с июня 1917 г., Крупенский настойчиво и многократно ставил перед своим правительством вопрос о необходимости прекратить в Японии дальнейшее размещение заказов, как имевших далеко идущие последствия. На русских заказах японское правительство развивало военную промышленность, металлургию и химию. Был создан крупный механический завод «Масуда», перешедший к обслуживанию автомобилестроения и авиации. На базе целлулоидной фабрики был создан крупный пороховой завод «Абоси». Японское правительство не только стремилось создать передовую армию по образцу европейских стран, «но и опередить их». Усилилась активность японцев в Китае, где они стремились прибрать к рукам китайские арсеналы. В Китай был командирован ген. Танака, для ознакомления с «китайскими арсеналами и заверения китайских военных кругов в дружеском расположении к ним Японии»²⁶⁷. Посол допускал, что выросшая военная мощь Японии может быть использована и против России. Помимо этих военных соображений были серьезные финансовые и политические опасения. Русское

²⁶⁵ АВПР, ф. Японский стол, д. 925, т. II, лл. 33—34.

²⁶⁶ «La dette publique de la Russie», pp. 52—54.

²⁶⁷ АВПР, ф. Японский стол, д. 925, т. I, лл. 223—224.

правительство, предостерегал Крупенский, не могло «более надеяться получить нужные суммы в японской валюте»²⁶⁸.

В сентябре 1917 г. Крупенский вновь предупреждал, что нельзя надеяться на получение у японского правительства валюты для всех потребностей России. Вместе с тем он не без основания опасался, что условия кредита «будут становиться все стеснительнее и обременительнее и скоро мы дойдем до такого положения, когда нам останется лишь подписываться под продиктованными японской стороной условиями. Дальнейшие последствия,— телеграфировал посол,—слишком очевидны и на возможность, что они со временем примут опасный характер, я уже имел случай указывать»²⁶⁹.

9 октября посол вновь требовал прекращения заказов в Японии, расчеты по которым поставят правительство «в безвыходное положение». Посылая только что подписанные условия займов, он указывал на выявившееся нежелание японской стороны отпустить займы на срок свыше года. Таким образом, правительство было поставлено перед необходимостью все время погашать один краткосрочный заем другим краткосрочным, чтобы изыскивать новые средства для погашения накопившейся задолженности.

Последнее донесение Крупенского из Токио перед свержением Временного правительства (от 23 октября 1917 г.) опять подчеркивает «опасность для наших интересов» сложившегося положения вещей, «грозящего поставить нас (т. е. Временное правительство.— А. С.) в полную зависимость от японцев в финансовом отношении. Ныне вменяю себе в долг службы еще раз самым категорическим образом высказаться против всякого дальнейшего помещения здесь заказов, не обеспеченных валютой, тем более, что даже при самых благоприятных обстоятельствах нам никак нельзя надеяться на заключение здесь нового займа на большую сумму, чем 55—60 миллионов иен»²⁷⁰.

Несмотря на все революционные изменения внутри России и тревожные сообщения своих агентов, Япония предоставляла русской буржуазии средства более охотно, чем царскому правительству. Одной из причин этого явления было желание ослабить в известной мере рост экономического влияния США в России, запутать Временное правительство в финансовую паутину с целью предъявления потом ряда политических и территориальных требований. Недаром военный агент Японии в Петербурге в своих донесениях начальнику японского генерального штаба еще в июне 1917 г. советовал заблаговременно рассмотреть «способы вмешательства» в русские дела.

²⁶⁸ АВГП, ф. Японский стол, д. 925, т. I, л. 225.

²⁶⁹ Там же, д. К. 925, л. 12. (Курсив наш.— А. С.).

²⁷⁰ Там же, лл. 69—70.

Японское правительство пристально следило за русско-американскими отношениями, за возможностью внедрения США в Приморской области и на Сахалине. Министр иностранных дел Японии сообщил Крупенскому о том, «что японские капиталисты давно стремились к участию в их (горных богатств Приморья и Сахалина.— А. С.) эксплуатации и ныне еще готовы образовать с этой целью японские и смешанные русско-японские общества»²⁷¹. Япония не прочь была приступить к экономическому захвату богатств России на Дальнем Востоке, вслед за которым последовали бы и политические притязания. Уже в октябре 1917 г. Япония намеревалась ввести военный отряд во Владивосток. Таким образом, займы, предоставленные Японией, расчищали дорогу агрессивным захватам японских империалистов.

Жесткий паек, установленный английским правительством для покупок в Японии (12 млн. ф. ст.), к тому же не полностью выданный Англией, не дал возможности широко использовать японский рынок для нужд русской армии. Эта политика англичан толкала царскую дипломатию, а потом и Временное правительство в объятия японских империалистов, ставило их в зависимость от японских кредитов. Однако условия, которые предъявляли японские банкиры, и притязания японского правительства фактически резко ограничивали возможности русского правительства использовать японскую промышленность для вооружения русской армии и в общих интересах союзников.

Вследствие финансовой слабости Россия могла покупать только в меру открываемых ей кредитов. Для Англии было невыгодно уделить из открытых России кредитов много средств для закупок в Японии. Это привело бы не только к увеличению спроса на японскую валюту, но к сокращению русских заказов в самой Англии. Японские кредиты также не были очень велики. Но все же русские закупки в Японии достигли 400 млн. иен. Они способствовали развитию военной промышленности Японии, росту милитаризма и подготавливали условия для более активного вмешательства японских империалистов на русском Дальнем Востоке после Великой Октябрьской социалистической революции.

6. ИТОГ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В своей политической, экономической и в частности финансовой деятельности Временное правительство с каждым месяцем все более и более попадало под зависимость союзников.

²⁷¹ Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика Временного правительства, стр. 43—44.

Самое сильное влияние со стороны союзников испытывал на себе Комитет по заграничному снабжению, сотрудничавший с военными миссиями союзников, которые фактически направляли и контролировали всю его работу.

Наряду с ним в Петрограде был организован Межсоюзнический комитет снабжения, в котором вместе с чиновниками Временного правительства регулярно заседали представители военных миссий союзников. На этих заседаниях решались все важнейшие дела, связанные с иностранным снабжением. Именно Межсоюзнический комитет определял работу Комитета по заграничному снабжению. Сперва союзники намеревались создать в Петрограде «Постоянное совещание послов союзных держав для обсуждения связанных с войной вопросов»²⁷². Создание такого органа означало бы открытый политический контроль союзников над деятельностью правительства, что могло вызвать широкое недовольство даже в кругах буржуазии. Поэтому Комитет по заграничному снабжению, обсуждавший 13 июля 1917 г. этот вопрос, признал создание такого органа «нежелательным», так как он неизбежно превратился бы «в новую инстанцию по делам нашего заграничного снабжения»²⁷³, а таких инстанций и без того было достаточно, особенно в Лондоне. Союзники не настаивали на своем предложении и отказались от идеи превратить совещание послов в постоянно действующий орган. Да и настаивать, особенно англичанам, не было никакого смысла, ибо английская военная миссия под руководством генерала Пуля и Межсоюзнический комитет отлично выполняли контрольные функции. Достаточно было того, что русское правительство должно было сноситься с Англией и направлять все новые требования на снабжение, производить все изменения в заказах и регулировать вопросы перевозок только через ген. Пуля.

Представитель миссии полковник Бернс непосредственно сносился с Главным артиллерийским управлением, в обход Комитета по заграничному снабжению, несмотря на протесты ген. Михельсона, справедливо считавшего, что вся переписка по вопросам снабжения должна вестись только через него. Бернс не согласился с ним, и решение вопроса было передано на усмотрение ген. Пуля²⁷⁴. Сам ген. Пуль довольно бесцеремонно вмешивался в распоряжения военного ведомства России, которому, между прочим, указывал, что «замечается большая задержка» в отправке полученных из США и Англии пулеметов

²⁷² ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 34, лл. 10—11. Журнал Комитета по заграничному снабжению.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же, лл. 14—15.

на фронт²⁷⁵. К Пулю обращались представители заводов России по вопросам доставки купленных материалов из-за границы²⁷⁶. Словом, английская военная миссия являлась фактически центром в России, который регулировал деятельность органов Временного правительства, ответственных за заграничное снабжение.

Межсоюзнический комитет был коллективным органом всех союзников в осуществлении экономического контроля над деятельностью Временного правительства. Приведем несколько примеров этой его деятельности.

11 июля 1917 г. обсуждался вопрос о тоннаже²⁷⁷. Ген. Михельсон указал, что представленный тоннаж настолько недостаточен, что «не будет вывезено 95 тыс. тонн первостепенной боевой важности артиллерийских грузов». Михельсон настоятельно просил представителей военных миссий «поддержать перед своими правительствами» соответствующую просьбу русского правительства. Представитель военной миссии США заявил о готовности его правительства поставить России 100 летательных аппаратов «вместе с обслуживающими их летчиками». Таким образом, вместо кораблей для перевозки грузов США готовы были послать 100 аэропланов вместе с летчиками. Не трудно догадаться, что эти силы предназначались не столько для войны с Германией, сколько против «внутренних врагов» Временного правительства.

20 июля 1917 г. Межсоюзнический комитет решил послать представителей союзных миссий на Мурманскую ж. д. для ознакомления с ее состоянием²⁷⁸. На том же заседании представитель французской военной миссии поставил вопрос о возможности «расширить задачи американской железнодорожной миссии в России». Протокол не сохранил подробностей выступления представителя французской военной миссии, но очевидно, что речь шла о распространении американского наблюдения на всю сеть железных дорог. Однако первое предложение было принято, и представители миссий выехали в Мурманск. Россия в комиссии, обследовавшей Мурманскую железную дорогу, была представлена одним лишь мелким чиновником, прапорщиком графом Бенкендорфом, исполнявшим секретарские обязанности.

²⁷⁵ Там же, д. 45, л. 47. Письмо Пуля к ген. Михельсону от 17/4 июля 1917 г.

²⁷⁶ Там же. Письмо соединенных кабельных заводов от 25 октября (7 ноября) 1917 г. о доставке купленных в Сингапуре и Шанхае 30 т сырой резины.

²⁷⁷ Там же, д. 30, лл. 361—362. Журнал Межсоюзнического комитета от 11 июля 1917 г.

²⁷⁸ Там же, д. 35, л. 8.

26 июля 1917 г. Межсоюзнический комитет обсуждал вопрос о ввозе в Финляндию американской муки и сахара, а на следующий день обсуждался план погрузки и ввоза грузов в Россию за август 1917 г. 27 июля рассматривался вопрос о снабжении румынской армии²⁷⁹, причем представитель французской миссии Эзар не согласился с намеченным ген. Михельсоном количеством ввоза 68,8 тыс. т военных грузов, находя это количество недостаточным для Румынии. Между тем эта цифра составляла свыше 50% всего фактического привоза из Франции за весь навигационный сезон 1917 г. Вместо того, чтобы поставить представителя Франции на место, Михельсон стал заверять союзников, что эта цифра может быть изменена после изучения вопроса на «справедливых» основаниях, учитывающих как интересы России, так и интересы Румынии.

На том же заседании Эзар поставил общий вопрос о работе русских железных дорог. В августе активность Эзара была направлена на то, чтобы ускорить доставку русского марганца к Архангельску, так как Франция была чрезвычайно заинтересована в нем. Представители миссий вмешивались в распределение между отдельными русскими фирмами материалов, получаемых из-за границы.

10 августа 1917 г. было решено заслушать доклады полк. Баттина (Великобритания) и инженера Дарлинга (США) о положении дел на Мурманской ж. д. Таким образом, даже информация о положении русских железных дорог и портов, сначала о Мурманской ж. д., а затем о Владивостоке русское правительство вынуждено было получать от представителей союзных миссий, которые разъезжали по всей России.

В октябре 1917 г. английское правительство потребовало от России передать ему 8 русских пароходов на Балтийском море, намереваясь вывести их через шведские «внутренние воды». Требование подкреплялось угрозой со стороны представителя английской военной миссии, заявившего, что если пароходы не будут привлечены к перевозкам, то правительство Великобритании закроет для них «доступ в английские порты»²⁸⁰.

Майор Дюплон (Англия) информировал Межсоюзнический комитет о том, как обстоят дела с вывозкой грузов из Владивостока. Он находил, что хранение грузов (по его словам, — около 600 тыс. т) было организовано удовлетворительно, но сборка паровозов и вагонов во Владивостоке резко упала вследствие падения производительности труда и обострения рабочего вопроса²⁸¹.

²⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 34, лл. 10—19. Протоколы Межсоюзнического комитета.

²⁸⁰ Там же, д. 32, лл. 155—156.

²⁸¹ Там же, лл. 156—158.

Мы привели на выборку несколько иллюстраций из практики работы Межсоюзнического комитета в России. Они показывают, к каким последствиям привели война и займы царского и Временного правительств. Установилась качественно новая, более глубокая степень зависимости Временного правительства от союзников. При царе Англия контролировала использование займов, распределение заказов между заводами Англии или США, ограничивала расходы валюты в Италии и Японии и т. п. При Временном же правительстве они пытались контролировать внутреннюю экономическую жизнь страны, деятельность портов и железных дорог, военных предприятий. Союзники фактически взяли под свой контроль и наблюдение окраинные порты — Архангельск, Мурманск и Владивосток, связывавшие Россию со всем внешним миром.

Такое положение сложилось не случайно. Френсис еще в апреле 1917 г. передал своему правительству «неофициальное» сообщение английского посла о том, что он рекомендовал русскому правительству «предоставить нам контроль во Владивостоке и на всей Сибирской дороге. Англичанам предоставляется контроль в Архангельске»²⁸². На этой основе велись и дальнейшие переговоры о функциях миссии Стивенса. В мае 1917 г. Фрэнсис сообщал, что он договорился с Некрасовым (министром путей сообщения) о том, что «мистер Стивенс должен получить *абсолютный контроль* над конечным пунктом железной дороги во Владивостоке. Для того, чтобы этот контроль был эффективным, он должен распоряжаться всеми поездами, прибывающими на станцию Владивосток, и я надеюсь, что через некоторое время, и притом короткое, этот контроль распространится на значительную часть, если не на всю Сибирскую железную дорогу»²⁸³. Таким образом, политические цели миссии Стивенса, по крайней мере для Временного правительства, стали ясны раньше, чем пришла материальная помощь железным дорогам России. В октябре 1917 г. во Владивосток стали приезжать члены «Корпуса русской железнодорожной службы». Но еще до этого члены миссии побывали в Мурманске, а представители английской военной миссии — во Владивостоке. Следовательно, миссия Стивенса, преследовавшая очень широкие цели, с самого начала своего появления в России как бы дополняла деятельность военных миссий.

Комитет пограничному снабжению принимал иногда разумные решения, например, о покупке пароходов в США и во Франции в целях усиления перевозок, или о закупках обуви, кожи и других предметов широкого потребления²⁸⁴. Но при-

²⁸² Е. И. Попова. Указ. статья, стр. 32.

²⁸³ Там же, стр. 34—35 (Курсив наш.— А. С.).

²⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 34. Журналы Комитета от 13 и 17 июля 1917 г.

нятые решения часто оставались на бумаге из-за недостатка средств и невозможности перевозки закуренных предметов. В то же время вплоть до победы Октябрьской революции Межсоюзнический комитет соглашался еще отпускать средства на винтовки (например, Вестингаузу в США), или 45 млн. франков на заказ морской авиации во Франции. Но и военные заказы в последние месяцы размещались уже в небольших количествах. Внимание военных миссий союзников было сосредоточено на том, чтобы поскорее двинуть на фронт завезенные в порты грузы.

Союзники высказались за оставление во Франции русских солдат. Когда представитель русской Ставки во Франции ген. Занкевич в октябре 1917 г. предложил вернуть на родину русские войска из Франции²⁸⁵, было признано, что это поведет к полному расстройству «всего заграничного снабжения», так как займет транспорт. И представители Временного правительства, и союзники боялись возвращения ревлюционных частей, как они боялись революционного народа внутри страны. «Спасая» заграничное снабжение, решено было солдат оставить во Франции, хотя бы в качестве дешевой рабочей силы для французских капиталистов. Результаты этой предательской политики русской буржуазии, поддержанной «социалистами»-шовинистами, не могли быть иными, кроме упадка народного хозяйства страны и усиления влияния англо-французского и американского капиталов. Временное правительство не остановилось перед тем, чтобы союзники не только снабжали русскую военную машину, но и проникали в поры русского государственного аппарата, направляя его деятельность в своих интересах. Такая политика вела к экономическому и политическому закабалению России. И вовсе не потому, что союзники в последние месяцы представляли очень большие кредиты, а потому, что только при их помощи Временное правительство, потерявшее всякое доверие внутри страны, рассчитывало одолеть революционный народ.

На основе документального материала мы рассмотрели вопрос об иностранных кредитах, предоставленных Временному правительству. Изложенные нами факты позволяют сделать некоторые общие выводы.

Первый и самый главный вывод заключается в том, что имеющееся еще в нашей литературе представление, будто Временное правительство получало огромные займы от Англии, Франции и вступивших в войну Соединенных Штатов Америки, решительно не соответствует действительности. Даже учитываемая кредиты, предоставленные Соединенными Штатами, фи-

²⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 34, лл. 103—104.

нансирование Временного правительства намного сократилось сравнительно с размерами кредитов царскому правительству, хотя война вступила в решающий фазис. Главное сокращение приходилось за счет английских кредитов, которые резко упали. Англия не только не утвердила протокола Петроградской конференции, но и крайне снизила отпуск кредитов за счет займа 1916 г. Трудно установить точную цифру английских кредитов Временному правительству. По архивным данным, общая сумма английского кредита с 1 марта по 1 ноября 1917 г. составила около 408 млн. руб.²⁸⁶, что примерно в пять раз меньше прежних размеров английских ежемесячных кредитов. Во всяком случае можно определенно утверждать, что американские кредиты никак не могли компенсировать сокращения английских.

Также не соответствует действительности получившее широкое распространение в нашей исторической литературе²⁸⁷ и перекочевавшее из нее в работы экономистов утверждение, будто США предоставили Временному правительству большие кредиты. К сожалению, в новом издании серьезного труда Б. Ривкина это неправильное утверждение также нашло свое отражение. Он пишет, что из открытого американским правительством крупного кредита союзникам «Россия получила значительные суммы»²⁸⁸. Затем следует собственный вывод Б. Ривкина о том, будто империалисты США вытеснили из России своих англо-французских союзников и стали «теперь главным кредитором русской буржуазии»²⁸⁹. Этот вывод не имеет под собой решительно никаких оснований. Соединенные Штаты кредитовали Временное правительство еще меньше, чем английское правительство. И, разумеется, американские капиталы не вытеснили англо-французских. Американцы хотели это сделать и, возможно, сделали бы, если бы Октябрьская революция не покончила со всеми планами империалистов.

Конечно, американские империалисты не меньше англо-французских хотели подавления русской революции, но при финансировании Временного правительства они держали себя весьма осмотрительно. Из трехмиллиардного кредита союзни-

²⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 196, л. 6. Общий счет иностранной валюты, выданной из английского кредита. З. Лозинский («Экономическая политика Временного правительства». Л., 1929, стр. 117) называет цифру в 9,8 млн. фунтов, ссуженных Англией Временному правительству. Однако этот вопрос у Лозинского изложен настолько неясно, что нельзя даже сказать, относится ли названная сумма к месячным кредитам или ко всем 8 месяцам существования Временного правительства.

²⁸⁷ А. Гулыга, А. Геронимус. Указ. соч.; А. Гулыга. Начальный период антисоветской интервенции. «Вопросы истории», 1950, № 3.

²⁸⁸ Б. Ривкин. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 50—51.

²⁸⁹ Там же.

кам они выделили России лишь 500 млн. долл., в счет которых открыли авансов на 325 млн. долл., а из предоставленных авансов реально отпустили лишь около 188 млн. В старой работе З. Лозинского²⁹⁰ вопрос об американских кредитах изложен гораздо ближе к истине, чем в новых работах экономистов и историков²⁹¹. Конечно, американские капиталисты готовились к экономическому завоеванию России. Их планы были рассчитаны на будущее, в основном на послевоенный период, но до Октябрьской революции они отделялись мелкими подачками. Да и не требовалось больших вложений, чтобы Временное правительство шло вслед за англо-американскими империалистами. Признав царские долги и решив воевать «до победы», это правительство само добровольно приковало себя к Антанте. С чисто финансовой стороны, не говоря уже о политических расчетах, политика правительства была недалеконидной и антинациональной. Фактически Временное правительство осталось без иностранной валюты и в гораздо большей степени должно было пользоваться печатным станком, чем его предшественник. В отчете Иностранного отделения Особенной канцелярии по кредитной части о его деятельности при Временном правительстве²⁹² ясно признается и исчерпание «наших валютных ресурсов», и исчерпание американской валюты, и тот факт, что финансовая поддержка американского правительства «не могла восполнить всех тех источников, которых мы незадолго перед тем лишились».

Последствием этого явилось дальнейшее падение курса рубля на иностранных рынках и необходимость более строгой правительственной регламентации иностранного ввоза. Недостаток валюты создал особые трудности в снабжении валютой русских войск в Персии и Финляндии. В Финляндии падение курса рубля приняло «катастрофический характер», и русская валюта там лишилась «почти всякой покупательной силы». Учтывая это обстоятельство, правительство США оказало Временному правительству особо важную услугу — выделило 75 млн. долл. («финляндский кредит»). С «Займом свободы» Временное правительство, по общему признанию, провалилось,

²⁹⁰ З. Лозинский. Указ. соч., стр. 118—119. Автор называет сумму американских кредитов в 186,4 млн. долл., из которых лишь 136,4 млн. пошло на оплату заказов.

²⁹¹ Не вполне освободился от этих неправильных взглядов и А. П. Погребинский, который в «Очерках истории финансов» (М., 1954, стр. 261) излагает этот вопрос вслед за А. Гулыгой, хотя и делает оговорку о том, что в силу прекращения поставок в Россию после Октябрьской революции Временному правительству удалось использовать американский кредит лишь частично.

²⁹² Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 1542, стр. 387—389.

так как не получило поддержки в массах²⁹³. Перед ним оставалось лишь два пути — повышение налогов и печатание бумажных денег. Правительство не пошло на обложение военных прибылей и сверхприбылей. В конце сентября 1917 г. Временное правительство перенесло на 1918 г. взимание единовременного налога, а взимание налога на прирост прибылей было обусловлено такими оговорками, что никакого прироста нельзя было обнаружить. Временное правительство открыто выступило на защиту крупного финансового капитала и отменило все свои постановления от 12 июня 1917 г.²⁹⁴, представлявшие шаг вперед в налоговом деле.

Зато косвенное обложение было повышено, и было решено ввести монополию на спички, махорку, чай и кофе. В бюджете 1917 г. налоги были повышены почти на 2,6 млрд. руб.; поступление обыкновенных доходов за восьмимесячный период увеличилось примерно на 22% (на 592,4 млн. руб.) сравнительно с 1916 г., в то время как военные расходы увеличились почти в полтора раза — на сумму около 5 млрд. руб. Одни сверхсметные расходы по обыкновенной смете только с марта по октябрь 1917 г. увеличились до 974,5 млн. руб., т. е. в три раза по сравнению со всем предыдущим годом²⁹⁵. Военные расходы покрывались в основном за счет выпуска краткосрочных обязательств внутри России и за границей на 10 224,5 млн. руб., или на 2554 млн. руб. более, чем за весь предыдущий год²⁹⁶. С марта по октябрь 1917 г. правительство выпустило в обращение бумажных денег больше, чем за все предыдущее время войны²⁹⁷. В среднем каждый месяц в обращение выбрасывалась сумма почти в 4 раза бóльшая, чем в среднем за месяц войны до революции (1048 млн. руб. против 264 млн. руб.). Бумажные деньги покрывали почти 80% всех военных расходов²⁹⁸. Неудивительно, что государственный долг при Временном правительстве рос, как снежный ком.

²⁹³ По данным Б. Ривкина (указ. соч., стр. 44—48) подписка на «Заем свободы» дала 3,7 млрд. руб.; общее количество подписчиков составило 674,4 тыс. человек, из них 465 тыс. в сберегательных кассах, подписавшихся на 1 млрд. руб. Но и они обменяли одни процентные бумаги на другие.

²⁹⁴ З. Лозинский. Указ. соч., стр. 111—113.

²⁹⁵ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 541, стр. 383—384. Краткий обзор деятельности Департамента государственного казначейства.

²⁹⁶ Там же, стр. 384.

²⁹⁷ Эмиссионное право Государственного банка было увеличено с 4 марта 1917 г. по 6 октября 1917 г. на 10 млрд. руб. (с 23 июля 1914 г. по 27 декабря 1916 г.— на 6,2 млрд. руб.) и было доведено до 16,5 млрд. руб. (там же, док. № 559, стр. 422—425).

²⁹⁸ Там же.

7. ОБЩАЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ

В заключение перейдем к вопросу об общей сумме военной задолженности царского и Временного правительств, в частности внешней задолженности России к моменту Великой Октябрьской социалистической революции. Последний вопрос имел особое значение, так как после национализации банков и отмены долгов Советским правительством капиталистический мир не отказался от надежды получить с Советского правительства не только довоенные, но и долги военного времени.

В рабстах наших экономистов неоднократно рассматривались вопросы военной и внешней задолженности России, но главным образом попутно, в связи с исследованием вопросов финансовой политики в период Октябрьской революции²⁹⁹ или в связи с изучением проблемы советских финансов в первой фазе развития социалистического государства³⁰⁰. М. С. Атлас³⁰¹ рассматривает кредитную систему России накануне Октябрьской революции в связи с проблемой национализации банков в СССР. А. П. Погребинский заканчивает свою работу по истории финансов дореволюционной России³⁰² специальной главой, в которой дана характеристика финансовой системы России накануне Октябрьской революции. Мы далеко не исчерпали перечень работ, в которых в той или иной мере освещается проблема финансов, денежного обращения и военных долгов. Однако, как правило, в названных выше работах не использованы архивные материалы о кредитах царскому и Временному правительствам; в лучшем случае (В. П. Дьяченко) они ограничиваются сопоставлением статистического материала о бюджете России за годы первой мировой войны. Вследствие этого ряд ответственных итоговых данных в литературе не проанализирован и не обоснован источниками. Одни авторы берут данные о внешней задолженности или росте государственного долга России у иностранных авторов, другие — у бывших чиновников Временного правительства (Дементьева) и вносят их в научные работы как бесспорные; между тем сами же лица, впервые назвавшие данные цифры, в свое время указывали на условность и необходимость проверки этих цифр.

²⁹⁹ Б. Ривкин. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции, 1939. Второе издание выпущено Госфиниздатом в 1957 г.

³⁰⁰ В. П. Дьяченко. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. М., Госфиниздат, 1947.

³⁰¹ М. С. Атлас. Национализация банков в СССР. М., Госфиниздат, 1948.

³⁰² А. П. Погребинский. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., Госфиниздат, 1954.

Вот почему историку подчас трудно опираться на труды экономистов, без критического сопоставления фактического материала.

Недавно И. Ф. Гиндин проделал опыт критического сопоставления имеющегося в литературе материала о задолженности дореволюционной России³⁰³. Этот опыт полезен и ценен, но автор почти не анализирует разноречивый фактический материал, который имеется в названных выше работах, о задолженности России к концу войны и о размере внешнего долга.

Весьма существенное значение имеют некоторые работы, носившие полуофициальный характер. К числу таких трудов следует прежде всего отнести сборник «Социальная революция и финансы», выпущенный Народным комиссариатом финансов еще в 1921 г. к III конгрессу Коммунистического Интернационала. Он особенно ценен своими конкретными данными о задолженности России перед революцией и величине иностранного долга. Далее, необходимо отметить труд Н. Н. Любимова «Баланс взаимных требований Союза ССР и держав Согласия» (М., 1924). Эта ценная работа примыкает к труду, изданному еще в 1922 г. в Женеве, по-видимому, в связи с конференцией в Генуе и соглашением в Рапалло («Les reclamations de la Russie aux Etats responsables de l' intervention et du blocus»). В этих двух работах приведены наиболее детальные расчеты задолженности России как до войны, так и военного времени.

Экономисты в своих трудах (Дьяченко, Погребинский, Атлас, Ривкин) более или менее согласно называют общую цифру государственного долга России к концу 1917 г. — 60 млрд. руб., из которых 44 млрд. руб. внутреннего долга и 16 млрд. внешнего, причем 8,5 млрд. руб. внешнего долга относятся ко времени войны. Однако в большинстве работ отсутствует анализ источников образования этой цифры. У читателя невольно получается впечатление, что государственный долг вырос за время войны 1914—1917 гг. на сумму не менее чем на 50 млрд. руб. Строгий статистико-экономический анализ составных элементов долга обычно отсутствует. По подсчетам В. П. Дьяченко, дефицит бюджета за 1914—1917 гг. составил 46 786 млн. руб., а данные о кредитных операциях для покрытия этого дефицита ограничиваются суммой около 40,4 млрд. руб. Получается разрыв почти в 6,5 млрд. руб. По-видимому, только сумму в 40,4 млрд. руб. следует принимать за увеличение долга.

А. П. Погребинский считает, что за время мировой войны государственный долг увеличился на 41,6 млрд. руб.³⁰⁴, в том

³⁰³ И. Ф. Гиндин. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 г. «История СССР», 1957, № 5, стр. 166—172.

³⁰⁴ А. П. Погребинский. Указ. соч., стр. 236.

числе на 8,5 млрд. руб. внешнего долга. Но если все виды государственного военного долга составляют 41,6 млрд. руб., а довоенный государственный долг равняется 8,825 млрд., то почему от сложения этих двух сумм получается общая сумма государственного долга не в 50,425 млрд. руб., а в 60 млрд. руб., которую тот же автор называет через несколько страниц? ³⁰⁵. Получается так потому, что цифра в 60 млрд. руб., предположительно названная чиновником Временного правительства Дементьевым на заседании Экономического совета в августе 1917 г., была принята за верный ориентир. Но тот же Дементьев указывал, что цифра в 60 млрд. руб. называется им предположительно, «условно» ³⁰⁶. Между тем эта условная «круглая» цифра, названная Дементьевым, вошла, как уже отмечено, в книги и других наших экономистов (М. С. Атлас, Б. Ривкин), а от них перешла к историкам ³⁰⁷ как бесспорная и окончательная цифра.

М. С. Атлас, специалист по финансам и истории банков, называя сумму внутреннего долга в 44 млрд. руб., а внешнего — в 16 млрд. руб., не называет источников этих цифр и не показывает структуры внутреннего и внешнего долга России. Этот недостаток устранен в труде Б. Ривкина ³⁰⁸, который, ссылаясь на того же Дементьева, повторяет цифру в 60 млрд. руб., из которой 44 млрд. относит к внутренним долгам и 16 млрд. — к внешним. По нашему мнению, названная Дементьевым общая сумма государственного долга не имеет достаточных научных оснований и преувеличена по крайней мере на 10 млрд. руб.

Какие основания для подобных заключений? Во-первых, Особенная канцелярия по кредитной части в январе 1918 г. исчисляла общую сумму государственной задолженности в 55 млрд. руб. (точнее 54 996 млн. руб.) ³⁰⁹, при условии, чтобы вся масса краткосрочных обязательств казны рассматривалась как долг. Во-вторых, в обязательствах казны за границей значатся 200 млн. фунтов (1891,5 млн. руб.) в обеспечение мифического счета, открытого Англией для поддержания курса рубля внутри страны. Эта сумма безусловно подлежит исключению. Следовательно, сумма долга уже снижается до 53,1 млрд. руб. Эти бесспорные данные уменьшают сумму долга на 7 млрд. руб. сравнительно с неточными расчетами Дементьева.

³⁰⁵ А. П. Погребинский. Указ. соч., стр. 263.

³⁰⁶ «Красный архив», т. 25, 1927, стр. 29.

³⁰⁷ Г. Н. Голиков. Очерк истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., Госполитиздат, 1959, стр. 215.

³⁰⁸ Б. Ривкин. Указ. соч., 1957, стр. 105.

³⁰⁹ Сб. «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. 2, док. № 561, стр. 433. Справка о государственном долге России на 21 января 1918 г.

Но и этим дело не ограничивается. С момента Октябрьского переворота до составления «Справки» Особенной канцелярии по кредитной части прошло почти 3 месяца, за которые Советское правительство, хоть и проявлявшее большую экономию, все же израсходовало значительные средства. Достаточно напомнить, что количество кредитных билетов в обращении с октября 1917 г. по декабрь того же года увеличилось на 5,25 млрд. руб. И. Ф. Гиндин считает, что Советское правительство выпустило после Октябрьской революции краткосрочных обязательств на сумму «около 3,3 млрд. руб.»³¹⁰. Следовательно, некая средняя сумма между 3,3 млрд. и 5,25 млрд. руб. должна быть дополнительно сброшена с суммы долга, после чего итоговая сумма государственного долга снизится до 49—50 млрд. руб., а за вычетом довоенных долгов получим, что за время войны государственный долг России увеличился примерно на 40 млрд. руб.

По расчетам И. Ф. Гиндина, весь государственный долг капиталистической России составлял к моменту Октябрьской революции всего 36,2 млрд. руб., а военный долг, включая внешний, равнялся только 27,4 млрд. руб.³¹¹

Но в основе таких расчетов лежит утверждение автора, что краткосрочные обязательства казначейства в сумме 15 507 млн. руб., служившие обеспечением Государственному банку выпуска кредитных билетов, являлись «фикцией, а не действительным государственным долгом»³¹². При таком предположении трудно считать за долг и массу обязательств, находившихся в обращении у капиталистов, в банках, так как эти обязательства с 1917 г. стали выполнять функции денег, а при Советской власти они окончательно приняли денежную форму и были приравнены к бумажным деньгам.

Если бы выпуск обязательств казначейства не имел отношения к государственному долгу, тогда и выпуск бумажных денег лишился бы всякого контроля и регулирующих начал. Между тем Комитет финансов принял во время войны специальное решение, по которому учет краткосрочных обязательств являлся единственно законным основанием выпуска бумажных денег. Зачеркивая краткосрочные обязательства в качестве одной из форм государственного долга, мы должны будем закрыть глаза на инфляционную политику принудительного ограбления трудящихся, при помощи которой финансировалась война. Конечно, расчеты государства с Госу-

³¹⁰ «История СССР», 1957, № 5, стр. 169.

³¹¹ Там же.

³¹² По-видимому, на этой же точке зрения стоят авторы сборника «Социальная революция и финансы». Они определяют общую задолженность России в 28 млрд. руб., из которых 16 млрд. составляют внутренний долг России, а 12 млрд. руб. — внешний.

дарственным банком могли быть просты, но ведь суть дела заключалась в том, чтобы поднять покупательную способность рубля, урегулировать отношения государства с владельцами бумажных денег, которые выступали в качестве кредиторов государства. Поэтому мы не можем согласиться с исходной точкой зрения И. Ф. Гиндина, зачеркивающего значительную часть государственного долга и не считающего выпуск бумажных денег за долг. Между тем В. И. Ленин указывал, что усиленный выпуск Временным правительством бумажных денег приближает финансовый крах и что бумажные деньги являются особым видом принудительного займа. «Все признают,— писал В. И. Ленин,— что выпуск бумажных денег является худшим видом принудительного займа, что он ухудшает положение всего сильнее именно рабочих, беднейшей части населения, что он является главным злом финансовой неурядицы»³¹³.

Еще большего внимания и более строгого критического отношения требует определение заграничной задолженности России. Мы уже говорили, что большинство экономистов — Б. Ривкин, М. С. Атлас, А. П. Погребинский — определяют внешнюю государственную задолженность России ко времени социалистической революции в 16 млрд. руб., а сумма военного долга в работе Погребинского определяется в 8,5 млрд. руб., в то время как в работах американских экономистов (Фиск, Пасвольский и Моультон) сумма внешнего военного долга оценивается в 3969 млн. долл. (Фиск) и 7681 млн. руб., следовательно меньше, чем в труде советского экономиста.

Сумма в 16 млрд. руб. на 4 млрд. более той, которая приводится в официальном труде Народного комиссариата финансов³¹⁴. Об этом интересном труде, где сумма внешнего долга определяется в 12 млрд. руб., Б. Ривкин даже не упоминает. Между тем, в этой же работе сумма военной задолженности определяется цифрой около 8 млрд. руб., а довоенный долг — цифрой около 4 млрд. руб.

Б. Ривкин приводит следующие данные о внешнем долге России по странам (млрд. руб.)³¹⁵:

Англия	7,5	США	0,50
Франция	5,5	Япония	0,20
Германия	1,25	Швейцария	0,20
Голландия	0,75	Италия	0,10
		Итого	16

³¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 328.

³¹⁴ Сб. «Социальная революция и финансы», стр. 67.

³¹⁵ Б. Ривкин. Указ. соч., 1957, стр. 105.

Эти цифры подкупают читателя своей конкретностью и, казалось бы, заслуживают доверия. Однако этим цифрам можно противопоставить другие из сборника Наркомфина (млрд. руб.):

Англия	около	5,7
Франция	»	4,35
Германия	»	0,5
Голландия	»	0,43

Приведенные цифры показывают весьма существенное расхождение, особенно относительно Англии и Франции. Сумма внешней задолженности России этим двум странам, по данным Ривкина, почти на 3 млрд. руб. более, чем по данным Наркомфина (13 и 10,05 млрд. руб.). Естественно возникает вопрос — в чем кроется причина этого несоответствия?

В подсчетах Наркомфина, очевидно, имеется в виду строго ограниченная задолженность государства, в которую не входят все частные капиталовложения в народное хозяйство. В расчеты же Б. Ривкина включены не только государственная задолженность, а и все иностранные капиталовложения в народное хозяйство; он сделал их, по-видимому, на основе документов, представленных Советской делегацией на Генуэзской конференции («Претензии России государствам, ответственным за интервенцию и блокаду»). В этом документе общая довоенная задолженность России была определена в 8630 млн. руб. (без процентов и без германского капитала), из них около 50% — 4200 млн. руб. составлял государственный долг. Сумма военных кредитов исчислена в 7223,5 млн. руб. (без процентов). Обе эти суммы вместе и составляют около 16 млрд. руб. долга, в которую, однако, не входит государственный долг Германии и немецкие капиталовложения в России в сумме около 1580 млн. руб. С учетом этих цифр сумма долга возрастает до 17,4 млрд. руб.

Однако этот расчет общей задолженности России, а не государственной только, завышенно оценивавший капиталовложения иностранных империалистов, нельзя понять, не учтя контрпретензии Советского государства к своим бывшим кредиторам в сумме 39 млрд. руб. Советское правительство считало, что военные претензии союзников целиком покрывались отказом России от участия в Версальском договоре и тем возмещением, который был закреплен за Россией этим договором. Наконец, возмещение частных претензий советское правительство признавало при условии предоставления Советскому государству новых солидных кредитов. Именно этим и объясняется, что долг России был исчислен с известным завышением, исключаям всякую возможность упреков со стороны кредиторов.

Советское правительство подсчитало всю сумму возможных претензий: были приняты во внимание займы муниципальных учреждений, железнодорожный гарантированный долг и займы земельных банков. В то же время оно не выдвигало требований отнести хотя бы часть этого долга к государствам, которые вновь образовались на территории бывшей Российской империи, хотя к ним перешли значительные ценности из русских заграничных капиталовложений.

Характерно, что в эмигрантской литературе³¹⁶ внешний долг России определялся в сумме около 13 млрд. руб. (12 920 млн. руб.), включая гарантированные займы и займы городов.

Рассмотрим теперь вопрос об итоговой сумме внешнего долга России за годы первой мировой войны. В целом ряде работ наших экономистов и историков сумма военного заграничного долга или совсем не называется, или же приводятся случайные данные, взятые из выступлений отдельных представителей старой власти. Часто пользуются данными американских экономистов, которые значительно расходятся с цифрами Дементьева.

В литературе накопилось много различных расчетов военной задолженности, сравнение которых бесполезно. Фиск, как известно, приводит следующие данные о росте иностранной задолженности России за время войны — с августа 1914 г. по октябрь 1917 г. (млн. долл.)³¹⁷:

Англии	2766
Франции	762
Японии	152
США	279
Италии	10

Итого 3969

В переводе на рубли это составляет около 7,7 млрд. руб. Так как 47 млн. долл. Англия предоставила после Октябрьской революции, то, очевидно, на эту сумму долг должен уменьшиться и составит сумму около 7,6 млрд. руб. (3922 млн. долл.). По расчетам Ю. А. Павловского, военный долг России равнялся 7 428 004 570 руб.³¹⁸, причем большая часть этого долга — 568,2 млн. ф. ст., или 5 375 127 тыс. руб., приходилась на долю Англии. Павловский приводит расчет этого долга. По его дан-

³¹⁶ А. Н. Зак. Разверстка государственных долгов. Берлин, 1923, стр. 79. Зак повторяет расчеты некоего Ю. А. Павловского.

³¹⁷ Г. Фиск. Финансовое положение Европы и Америки после войны, стр. 155.

³¹⁸ Ю. А. Павловский. Русский государственный долг. «The Russian Economist», 1920, № 1, p. 176—188.

ным, Англия с 1914 г. и до сентябрьского соглашения 1915 г. предоставила России кредитов в размере 102 млн. ф. ст., а по двум соглашениям 1915 г. и 1916 г.— 450 млн. фунтов. Кроме того, Англия предоставила кредит Временному правительству в размере 9,7 млн. фунтов. Помимо названных государственных долгов, синдикат русских банков под поручительство Государственного банка получил кредит у частных английских банков в размере 6,5 млн. фунтов. Таким образом, общая сумма английского кредита России составляет 568,2 млн. ф. ст. Сравнивая эту сумму с другими расчетами, мы должны отметить, что она совпадает с цифрами Рафаловича и на 6,5 млн. фунтов меньше данных, опубликованных в советской прессе³¹⁹. Эти расхождения объясняются тем, что там не был принят во внимание трассировочный кредит в 6,5 млн. фунтов, который необходимо учитывать.

Бывший помощник русского финансового атташе во Франции П. Н. Апостол в своей работе о кредитных операциях во время войны называет сумму военного долга Англии в 579,3 млн. ф. ст., так как включил в нее 9,7 млн. фунтов, выданных английским правительством после Октябрьской революции представителям старой власти и использованных ими в контрреволюционных целях.

В английском кредите вызывает известное сомнение лишь цифра в 102 млн. ф. ст., отпущенная до сентябрьского соглашения 1915 г. Пожалуй, это наиболее запутанный вопрос в истории русско-английских финансовых отношений. Официально Англия открыла кредит в октябре 1914 г. в 12 млн. ф. ст., потом предоставила аванс в начале 1915 г. в 25 млн., затем увеличила его, но проследить весь путь образования и расходования этого кредита по русским документам Министерства финансов невозможно. Кроме того, в эту сумму входили и платежи английского правительства по заказам для России, сделанным через Морган.

Сумма французских военных кредитов России колеблется от 3570 млн. франков (по данным П. Н. Апостола) до 3950 млн. у Павловского и 4125 млн. у советского автора (Чубаков)³²⁰. Однако последний делает оговорку о том, что из этой суммы значительная часть кредита осталась неизрасходованной (около 500 млн. франков). Таким образом, реальное расхождение отдельных данных ограничивается суммой около 300 млн. франков.

³¹⁹ И. Чубаков. Внутренние и заграничные кредитные операции России. «Вестник финансов», 1926, № 5—6, стр. 137.

³²⁰ В подсчеты входили кредиты по соглашениям 1915 и 1916 гг. и кредит государственному банку в 50 млн. франков для уплаты долга частными фирмами и банками России французским банкам.

Не подлежит сомнению, что часть французского кредита перед Октябрьской революцией действительно осталась неиспользованной, а часть заказов не была доставлена. Ссылаясь на официальные данные, Апостол также утверждает, что на 1 сентября 1917 г. неиспользованный остаток кредита составил 650 млн. франков, а в ноябре он, по-видимому, снизился до 400 млн. франков. Все же подсчеты израсходованного при Временном правительстве кредита включают некоторую сумму, выданную представителю Временного правительства уже после Октябрьской революции, в ноябре 1917 г.

В оценке американских кредитов все источники называют более или менее совпадающие цифры: 279—282 млн. долларов. В эту сумму включены не только кредиты, открытые американским правительством, но и частными банками. Однако при переводе названной суммы в рубли у Павловского произошла крупная арифметическая ошибка: 282 млн. долл. он приравнял 311 млн. руб.

В исчислении японского кредита в советской печати называлась сумма, сильно завышенная против других данных,— 365 млн. иен против 255 млн. иен у Рафаловича и у Павловского. Хотя советским автором и делалась оговорка, что около 35 млн. иен остались неиспользованными, все же и оставшаяся сумма в 330 млн. иен на 75 млн. превышает расчеты большинства других авторов. Для объяснения этого факта можно высказать только предположение, что советский автор Чубаков продублировал кредит для покрытия японского долга, отпущенный Англией в сумме около 11 млн. ф. ст.

Подведем общие итоги военной задолженности, приводимые в литературе (см. табл. 14).

Все итоговые данные о заграничной задолженности России во время первой мировой войны, включающие английские и французские кредиты для покрытия долгов русских банков и промышленных фирм, кредиты частных американских банков русскому правительству и выдачу сумм агентам старой власти уже после Октябрьской революции (свыше 100 млн. руб.), составляют сумму значительно меньше 8 млрд. руб.

Подсчеты, сделанные по каждой отдельной стране, более достоверны, чем мифическая цифра в 8,5 млрд. руб., приведенная Дементьевым. Эта цифра совершенно необоснованна, ненаучна, и воспроизведение ее в наших экономических трудах было следствием некритического отношения к источникам.

Характерно, что ни финансовые деятели старого правительства (Рафалович, Апостол), ни представители русских деловых кругов (Павловский), ни американские экономисты не определили сумму русского военного долга в 8,5 млрд. руб. Тем

Таблица 14

Военные долги России по исчислению различных авторов *

Страна	По исчислению Ю. А. Павловского (Лондон, 1920)**		По исчислению А. Рафаловича (Париж, 1922)***	
	в монетной системе страны (млн.)	в млн. золотых руб.	в монетной системе страны (млн.)	в млн. золотых рублей
Великобритания	568,2 ф. ст.	5375,2	568,2 ф. ст.	—
Франция	3950,0 фр.	1481,1	3950 фр.	—
США	282,1 долл.	311,2	282,1 долл.	—
Япония	255,0 иен	247,0	255,0 иен	—
Италия	36,1 лир	13,5	36,1 лир	—
Итого		7428,0		7680,5

Страна	По исчислению П. Н. Апостола (США, 1928)****		По исчислению И. Чубакова (СССР, 1926)*****	
	в млн. фунтов стерлингов	в млн. золотых руб.	в монетной системе страны	в млн. золотых руб.
Великобритания	579,0	5,480,0	561,7	5312,3
Франция	159,0	1,500,0	4125,0	1546,9
США	46,0	435,0	279,0	542,2
Япония	30,7	290,0	365,5	354,1
Италия	8,8	83,0	36,0	13,5
Итого	823,5	7788,0		7769,0

* Все суммы даны с округлением до 1,0 млн.

** «The Russian Economist», 1920, № 1, p. 174—184.

*** «La dette publique de la Russie», p. 7—55.

**** «Russian public finance during the war», p. 235—326.

***** «Вестник финансов», 1926, № 5—6, стр. 131—138.

не менее и эти подсчеты дают итоговую цифру военных долгов выше той, которая называлась в меморандуме Советской делегации на Генуэзской конференции (7223,32 млн. руб.).

Подсчеты Рафаловича и Павловского повторяют одни и те же цифры долгов по всем странам. Некоторые расхождения в итоговых цифрах — результат ошибки при переводе суммы американского долга в долларах на рубли. Рафалович, бывший представитель Министерства финансов во Франции, был

в курсе кредитного дела, так как участвовал в заключении основных финансовых соглашений 1915—1916 гг. и был осведомлен о них из первоисточника. В то же время от него нельзя ждать преуменьшения в расчетах, ибо он деятельно защищал интересы западных кредиторов. Сумма в 7680 млн. руб., называемая им и Павловским, завышена прежде всего за счет послеоктябрьских кредитов, отпущенных Англией и Францией представителям свергнутого правительства. Кроме того, Рафалович не указывает, что сумма открытых кредитов не совпадает с суммой действительно полученных и израсходованных средств. Так, сумма французских кредитов исчислена им в 3950 млн. франков, в то время как французский автор Л. Пети, располагавший источниками французского Министерства финансов, называет сумму военной задолженности России Франции в конце 1918 г. в 3530 млн. франков, вместе с процентами и расходами по содержанию русского посольства во Франции. Основной долг составлял лишь 3240 млн. франков³²¹. Но в то же время в расчетах Рафаловича и Павловского явно занижена сумма долга Италии, так как не учтены кредиты итальянских частных банков, предоставленные русскому правительству через синдикат русских коммерческих банков.

Итоговые цифры Апостола на 100 млн. руб. превышают расчеты названных выше авторов в основном за счет необоснованного завышения английских кредитов. Его расчеты долга Италии — 83 млн. руб. — заслуживают внимания, так как он учитывает кредиты итальянских банков. За недостатком документальных данных, Апостол пользовался сведениями, полученными от министра финансов Временного правительства Бернацкого, о которых он, правда, умалчивает.

Итоговые данные Чубакова почти равны сумме, названной Апостолом, но значительно (на 100 млн. руб.) превосходят данные Рафаловича и Павловского. Однако на основе его примечаний о том, что значительная часть французских и часть японских кредитов осталась неизрасходованной, можно утверждать, что его итоговая сумма завышена по крайней мере на 300 млн. руб. только в отношении Франции и Японии. В данных об английских кредитах Чубаковым не учтен трассированный кредит в размере 6,5 млн. ф. ст.

Приведенные нами расчеты требуют дальнейших уточнений, которые, несомненно, еще более снизят сумму кредитов, полученных царским и Временным правительствами от союзников.

³²¹ Пети делит эту сумму на две части: 1580 млн. франков пошли на оплату процентов по займам и 1640 млн. франков — для оплаты закупленных материалов и снаряжения, некоторые военные расходы и расходы на содержание посольства во Франции (L. Petit. Op. cit., p. 164).

В «балансе № 2», опубликованном на Генуэзской конференции³²², пассив России по военным ссудам исчислен в сумме 7223,32 млн. руб. Эта сумма почти на полмиллиарда руб. меньше суммы, вычисленной советскими и иностранными экономистами, причем основное расхождение идет по линии английских кредитов. В то же время эта сумма на 1,25 млрд. руб. с лишним меньше той суммы военных долгов, которая без критического отношения к ней попала в книги советских экономистов и историков. Она ближе всего к сумме военных кредитов, отпущенных иностранными правительствами царскому и Временному правительствам. Между отдельными странами эта сумма распределялась следующим образом:

Англия	538	млн. ф. ст.	— 5100 млн. руб.
Франция	3573	» франков	— 1340 » »
США	240,7	» долл.	— 466,75 » »
Япония	240,88	» иен	— 233,7 » »
Италия	221	» лир	— 82,7 » »
<hr/>			
Итого	7 223,22 млн. руб.		

Принимая во внимание щепетильную аккуратность, с которой был составлен довоенный пассив России, а также наличие всей документации об отпущенных и израсходованных кредитах, можно заключить об объективном характере этих расчетов. Основное отличие их от предыдущих заключается в значительном снижении суммы английских кредитов, достигающем 30,2 млн. ф. ст., или 275,1 млн. руб.; в уменьшении французских кредитов на 377 млн. франков по сравнению с расчетами Рафаловича и еще на более значительную сумму сравнительно с другими расчетами. Разница в американских кредитах достигает 40 млн. долл., в японских — в 15 млн. иен, зато соответственно фактам значительно больше исчислен итальянский кредит. В советских расчетах он в 6 раз больше, чем у Рафаловича — 221 млн. лир против 36 млн. лир, так как в подсчете были учтены кредиты итальянских банков. Приходится удивляться тому обстоятельству, что эти цифры не приобрели права гражданства в нашем научном обороте.

Расчеты, сделанные перед Генуэзской конференцией, учитывают не только кредиты, предоставленные русскому правительству иностранными правительствами, но и относительно небольшие кредиты, предоставленные банками и другими коммерческими учреждениями, за которые русское правительство рассчитывалось краткосрочными обязательствами.

³²² «Внешняя политика СССР». Сб. документов, т. II, 1921—1924 гг. Приложение к балансу, № 2, стр. 355.

Расчеты по «балансу № 2» находят документальное подтверждение в отчете Особенной канцелярии по кредитной части, опубликованном еще в январе 1918 г. Кредитная канцелярия исчисляла общую сумму обязательств, выпущенных русским правительством в годы войны за границей, в 8.955,8 млн. руб. Если к этой сумме прибавить еще около 141 млн. руб., реализованных в Финляндии, то получим 9.096,8 млн. руб. Но эта сумма должна быть уменьшена на 200 млн. фунтов или 1.891,5 млн. руб. фиктивного «кредита», открытого (но ни на копейку не реализованного) для расширения эмиссионного права Государственного банка. С учетом этой весьма существенной поправки, оговоренной и Кредитной канцелярией, количество краткосрочных обязательств, выпущенных под реальные кредиты, уменьшится до 7.205,3 млн. руб. Эта сумма, представляющая реальный долг России за время войны союзным и нейтральным странам, почти совпадает с более поздними расчетами, произведенными в связи с подготовкой к Генуэзской конференции.

Но и цифра военного долга в 7,25 млрд. руб. достаточно велика. Она более чем в три раза превосходит все капиталовложения иностранцев в кредитные и торгово-промышленные акционерные предприятия страны, которые Оль завьшенно исчислял в 2,2 млрд. руб. Цифра военного долга убедительно свидетельствует, как далеко шагнула Россия за три года войны в деле заключения кабальных договоров. Оплата процентов по этим долгам была бы непосильным бременем для отсталой экономики России, разрушенной к тому же войной.

Нужна была новая сила, которая вырвала бы Россию из войны и разорвала бы все путы кабальной зависимости страны. Такой силой явился рабочий класс, который под руководством ленинской большевистской партии совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, нашел революционный выход из войны, ликвидировал все долги, национализировал банки и промышленность и положил начало строительству социалистической системы народного хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование финансового положения России накануне и во время империалистической войны показало общую линию развития России в эпоху империализма — усиление финансовой зависимости царского, а потом и Временного правительств от крупнейших империалистических держав мира. Этот процесс прошел две фазы в своем развитии — довоенную и фазу первой мировой войны. Между обеими фазами было серьезное различие в темпах роста зависимости и результатах, к которым она привела.

Причина этого процесса крылась в общей экономической отсталости страны. Несмотря на значительные изменения, происшедшие в начале XX в. в промышленном развитии страны, несмотря на рост монополий и развитие финансового капитала, царская Россия не догоняла в экономическом отношении передовые страны мира, а отставала от них все более и более. Особенно сильно это сказывалось в развитии металлургии, машиностроения, автостроения, железнодорожного транспорта. Еще сильнее, чем в развитии промышленности, отсталость России сказывалась в области сельского хозяйства. Противоречие между архаическими полукрепостническими формами землевладения и наличием передового капитализма приняло в России «формы насильственного кризиса, общенациональной революции»¹. Как показал В. И. Ленин, противоречие между отсталым землевладением, «дикой деревней» и передовыми формами промышленного и финансового капитала глубже всего объясняло причины буржуазно-демократической революции в России.

Правительство Столыпина начало ломку аграрных отношений в деревне, проводило ограбление основной массы крестьянства, насильственно разрушая общину в интересах кулаков и помещиков. Однако эта политика обанкротилась уже накануне первой мировой войны. «Прусский путь» развития ка-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 387.

питализма, за победу которого ратовали помещики и буржуазия, являлся путем «сплошного, систематического, необузданного насилия над крестьянской массой и над пролетариатом»². Политика Столыпина обострила классовые противоречия между крестьянством и помещиками, а также внутри самого крестьянства. Последствием этой политики был мощный революционный подъем в России, который прервала начавшаяся мировая война.

Финансовое положение царизма накануне войны мы изложили выше. Несмотря на рост бюджета, достигнутого благодаря увеличению налогового бремени на трудящиеся массы населения, несмотря на прекращение роста государственного долга, денежная система России находилась в неустойчивом положении: платежный баланс страны был отрицательным, а финансовые ресурсы казны — чрезвычайно ограниченными, чтобы быстро выполнить намеченную программу чисто военных мероприятий. О широкой экономической программе, включавшей развитие промышленно-технической базы, усиление железнодорожного транспорта и т. д., правительство и не мечтало. Железные дороги являлись источником пополнения бюджетных расходов. Равновесие в расчетах с мировым хозяйством поддерживалось путем притока иностранных капиталов в хозяйство страны. То был путь скрытого усиления экономической зависимости всей хозяйственной системы России от иностранного империализма.

Самодержавный режим настолько изжил себя, что вновь, как и накануне русско-японской войны, оказался бессильным разрешить технические проблемы повышения боеспособности армии, и царская Россия вступила в войну неподготовленной. Мировая война 1914—1917 гг. обнажила все слабые стороны системы российского капитализма и самодержавного строя. Она вскрыла вопиющую неподготовленность к войне — недостаток винтовок, патронов, артиллерии, пулеметов, пороха, взрывчатых веществ. Все это являлось результатом отсталости промышленности России и преступной политики правительства, заботившегося главным образом о численном росте армии. Перед денежной системой были поставлены новые задачи — не только покрыть огромные расходы внутри страны, но и использовать капиталистическое хозяйство других стран в целях продолжения войны. Каждая из указанных задач представляла большие трудности, но обе задачи решались правительством таким образом, что война знаменовала новый важнейший этап финансово-экономического закабаления страны.

В деле военной мобилизации промышленности был упущен целый год, что привело к ставке правительства на иностранные

² В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 388.

заказы. Финансовые мероприятия правительства ограничивались переходом к бумажно-денежному обращению, отказом от размена кредиток на золото и введением многочисленных новых налогов на трудящиеся массы населения. Вместе с тем правительство проявило полное нежелание обложить налогом военные прибыли промышленников, землевладельцев, финансовых дельцов. Благодаря такой политике, новые поступления едва могли покрыть расходы по «обыкновенному бюджету», который оставался примерно на довоенном уровне. Действительные же военные издержки внутри страны покрывались за счет кредитных операций. Эти операции — выпуск краткосрочных обязательств и бумажных денег, внутренние займы, которые правительство реализовало при поддержке финансового капитала, привели к катастрофическому обесценению рубля и падению его покупательной способности на внутреннем рынке, к росту дороговизны и разорению народных масс. Покупательная способность рубля накануне Великой Октябрьской социалистической революции упала в 12—15 раз. Война разрушила все основы довоенного золотого обращения.

Война показала резко отрицательное отношение широких масс народа к финансовым мероприятиям правительства, включая внутренние займы. С другой стороны, война предоставила невиданные ранее возможности для наживы как внутри, так и вне страны. Прибыли банков, торговцев и спекулянтов колоссально выросли. Параллельно с сокращением материальных ценностей и товарной массы выросла масса фиктивных бумажных ценностей, количество которых отражало лишь рост военных расходов. Правительство пыталось найти выход из положения в широком использовании заграничных рынков на основе кредитов союзников. Характер этих отношений в военное время особенно ярко показывает, как быстро росла кабальная зависимость страны от союзников.

Призвав под ружье свыше 15 миллионов человек, ни царское, ни тем более Временное правительство, не могли установить равноправных отношений с союзниками, заставить уважать русскую армию, ее первостепенную роль в войне и те жертвы, которые она несла в интересах российской и антантовской буржуазии. Предоставление союзниками кредитов влекло за собой выкачку золота из России, серьезные ограничения в праве использования отпущенных средств, в размещении заказов и даже в стратегической свободе русского командования.

Финансовые соглашения России 1915 года, особенно с Англией, поставили правительство в положение неравноправного партнера. Россия должна была вывозить золото. Она была стеснена в праве расходования кредитов. Действительным

хозяином этих кредитов было не русское правительство, а правительство Великобритании, которое размещало военные заказы России в США по повышенным ценам и на выгодных для себя условиях.

С другой стороны, рост революционного движения в стране, политические колебания в верхах, домогательство либеральной буржуазией политических уступок от царизма — все теснее связывало правительство со странами Антанты, делали правящие группы покладистыми и угодливыми. Они не использовали даже благоприятной военной обстановки 1916 г., чтобы получить кредиты на более выгодных условиях и отказаться от вывоза золота.

Главный кредитор России во время войны — английское правительство ревниво осуществляло систематический контроль за расходованием кредитов; на деле это приводило к тому, что значительная часть открытых кредитов оставалась неиспользованной.

Финансовое положение России дает представление о нарастании разрухи в стране, о резком увеличении потребностей тыла в машинах, металлах, паровозах и вагонах. Между тем союзники предоставляли кредиты на предметы обороны в узком смысле этого слова. Они были чрезвычайно скупы, когда вопрос шел о нуждах промышленности и торговли, без удовлетворения которых Россия фактически не могла воевать. Это уже остро проявилось в 1916 году. Поэтому стихийно и неудержимо росли заявки русского правительства, что получило свое отражение на планах поставок на 1917 г., выработанных на Петроградской конференции союзников. Несмотря на мобилизацию промышленности, правда запоздалую, количество заграничных поставок, а, следовательно, и долги вырастали.

Чем более страна истощалась экономически, тем все более росли потребности в иностранных кредитах, тем более слабым становилось правительство, шедшее по пути заключения новых кабальных сделок о кредитах и поставках. Уже царское правительство чувствовало и осознавало экономическую зависимость от Англии, но единственное, что оно могло сделать, это сделать попытку опереться на американский капитал, придерживаясь иллюзии, что американские кредиты лишены политической подкладки, что они преследуют исключительно коммерческую цель. Более решительно по этому пути пошло Временное правительство.

Как известно, этот вопрос переориентировки на нового хозяина не получил своего завершения. Хотя английское правительство резко сократило кредиты Временному правительству, не утвердило финансовых обязательств, вытекавших из решений Петроградской конференции, и тем самым как бы стиму-

лировало стремление Временного правительства расширить финансовые связи с США, — американский капитал не пошел на большие вложения и кредиты Временному правительству, ограничившись сравнительно незначительной суммой в 187 млн. долл. Тем не менее при Временном правительстве, принявшем на себя обязательства по всем договорам царского правительства, финансово-экономическая зависимость от империалистических государств значительно усилилась. К англо-французским долгам прибавились американские и итальянские. Временное правительство реально почувствовало также последствия обременительных кредитов Японии.

Паутина финансовой зависимости еще теснее опутала все стороны политики Временного правительства. Внутри страны быстро нарастал хозяйственный кризис, приобретший характер национальной катастрофы. Росли разруха, дороговизна, общий развал экономики. Все эти процессы разворачивались исключительно интенсивно. С колоссальной силой росло революционное движение, усиливалось влияние большевиков. В такой обстановке Временное правительство фактически превратилось в придаток империалистических держав — стран Антанты.

Изучение финансового положения России в 1917 г. показывает, как Временное правительство неудержимо катилось в пропасть, заверяя союзников в своей верности, в своем желании довести войну до конца и выпрашивая новые податки. Финансовая «помощь» союзников преследовала задачу по возможности задержать падение режима, который изжил себя, задержать развитие революции, направленной против основ капиталистического строя. Решительное выступление рабочего класса под руководством Коммунистической партии, против продолжения империалистической войны было одновременно выступлением против секретных кабальных договоров, угрожавших экономической независимости нашей Родины.

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

*1914 г. между 30 сентября и 5 октября.—
Записка министра финансов П. Л. Барка в Комитет финансов
«О представлении министру финансов права совершить
кредитные операции на внутреннем и английском денежных
рынках»*.*

Для подкрепления средств государственного казначейства, ввиду вызываемых ведением войны чрезвычайных расходов, до настоящего времени были произведены нижеследующие кредитные операции: 1) выпуск 12 новых серий 4% билетов государственного казначейства на 300 миллионов рублей, на основании высочайшего указа 22 августа 1914 г. и 2) выпуск 5% краткосрочных обязательств государственного казначейства на сумму 400 миллионов рублей, на основании одобренного Государственным советом и Государственной думою и высочайше утвержденного 27 июля 1914 г. закона.

Полученные от означенных операций средства в настоящее время представляются в большей своей части израсходованными**, и текущий счет Департамента государственного казначейства на 29 сентября достигает 209,3 миллионов рублей.

Между тем, несмотря на то, что со дня объявления нам Германией войны прошло немного более двух месяцев, наши расходы достигают уже весьма значительных размеров, во много превышая расходы русско-японской войны. Так, к 26 сентября отпущено из государственного казначейства в распоряжение различных ведомств за счет сверхсметных кредитов, ассигнованных на военные расходы, 1014 милл. рублей. Из них 897 500 000 рублей по Военному министерству, 41 100 000 рублей — по Морскому, 66 000 000 рублей — по Министерству внутренних дел, 1 800 000 рублей — по Отдельному корпусу пограничной стражи и 1 500 000 рублей — по прочим ведомствам. В итог этот не входят еще крупные расходы по мобилизации войск, кассовые сведения по коим еще не поступили, но размеры коих предположительно исчисляются в круглых цифрах в 400 миллионов рублей.

Приведенные данные о возрастании государственных расходов и состоянии средств государственного казначейства свидетельствуют, что в ближайшем будущем ресурсы казны могут оказаться недостаточными для покрытия чрезвычайных военных расходов.

* Заглавие документа.

** По 29 сентября реализовано: краткосрочных обязательств на 350 миллионов рублей и серий на 122,3 миллиона рублей (прим. документа).

Ввиду сего министр финансов считает долгом ныне же представить Комитету финансов свои соображения о дальнейшем изыскании средств на военные надобности путем кредитных операций, причем полагал бы остановиться на новом выпуске краткосрочных обязательств государственного казначейства, определив сумму их в 400 миллионов рублей.

При выборе указанной формы займа министр финансов руководствовался тем соображением, что подкрепление средств государственного казначейства предстоит немедленно, между тем для выпуска предположенного внутреннего займа необходимо выбрать благоприятный момент. Кроме того, придется, вероятно, предоставить более или менее значительный период подписки, после чего последует разверстка займа и т. п.

В отношении формы и условий этого выпуска министр финансов полагал сохранить установленный им, согласно 173 статьи, разд. 2 Устава кредитного для реализуемых ныне обязательств первого выпуска 1914 г., 5% размер доходности, с освобождением от уплаты сбора с доходов от денежных капиталов, и шестимесячный срок их обращения, с уплатою процентов по истечении срока и с определением начала течения процентов 1 октября сего года.

Полагая использовать для операции этого выпуска обязательств в настоящее время лишь средства внутреннего рынка, министр финансов, однако, хотел бы оставить за собой право, в случае наступления благоприятных для сего обстоятельств, переучесть их на заграничных денежных рынках. В соответствии с сим, намечая выпуск настоящих обязательств в русской валюте, действительный статский советник Барк ходатайствует о разрешении ему при наступлении срока выкупа обязательств, или до такового, заменять их обязательствами, снабженными паритетами на иностранную валюту.

Независимо от изложенного, министр финансов считает долгом представить Комитету финансов данные о состоянии нашей наличности за границей и предположения свои о мероприятиях, направленных к подкреплению ее в Лондоне, ввиду потребности в средствах на производство крупных платежей по военным заказам и необходимости прийти на помощь нашей торговле и промышленности для урегулирования ее расчетов в английской валюте.

К 10 июля 1914 г. наличность Министерства финансов за границей составляла 666,3 милл. руб., распределяющихся следующим образом между отдельными странами:

Во Франции	463,0 милл. руб.		
в Англии	80,9	»	»
» Германии	110,9	»	»
» Австрии	3,2	»	»
» прочих странах	8,3	»	»

Итого . . . . . 666,3 милл. руб.

Немедленно вслед за предъявлением Австрией ультиматума Сербии Министерство финансов изъяло всю наличность из Австрии и Германии, а также из отделений германских банков в Англии, переведя суммы главным образом в Россию, как о сем было представлено Комитету финансов в заседании 20 июля сего года. За произведенными таким образом переводами, суммы Министерства финансов за границу к началу войны (20 июля) составили 540 милл. руб., в том числе во Франции 431,3 милл. руб., в Англии 78,4 милл. руб., на прочие же страны пришлось всего 30,3 милл. руб.

Суммы эти при нормальных условиях вполне обеспечивали бы на срок до 1 1/2 лет все платежи Министерства финансов как по оплате наших государственных и гарантированных займов, так и по расходам ведомств за границей.

Однако последовавшее с открытием военных действий почти повсеместное установление мораториума лишило Министерство финансов возможности располагать в желаемых размерах заграничной наличностью. Особенно затруднительное положение создалось во Франции, где, не смотря на весьма значительный размер сумм на текущих счетах казны и Государственного банка (431,3 милл. руб.), финансовое ведомство пока с трудом могло достигнуть лишь оплаты наших государственных и гарантированных займов, от оплаты же других наших расходов, и в особенности от перевода сумм в другие государства, французские банки настойчиво отказываются, ссылаясь на мораториум.

Между тем с открытием военных действий выяснилась неотложность производства крупных заказов за границей, вызванных нуждами государственной обороны. По имеющимся в Министерстве финансов данным, расходы за границей в ближайшие месяцы составят 194 милл. руб., а именно: отпущенные согласно постановлению Совета министров от 23 августа 1914 г. 118 милл. руб. на заказы Военного ведомства и 20 милл. руб. для снабжения железных дорог, казенных горных заводов, а равно изготовляющих предметы государственной обороны частных предприятий необходимыми им металлами и материалами; 15 милл. руб., дополнительно испрашиваемых для этой же цели Военным министерством, 31 милл. руб. для платежей по заказам Морского ведомства и, наконец, 10 милл. руб., предоставленных Совету съездов представителей торговли и промышленности. Что касается этой последней суммы, то она отпускается Совету съездов для расчетов за заказы, вызванные войной, продукты первой необходимости, а также и другие безотлагательные нужды, неудовлетворение коих могло бы крайне неблагоприятно отразиться на нашей промышленности. Согласно состоявшемуся между финансовым и торгово-промышленным ведомствами соглашению, рассмотрение ходатайств частных предприятий о предоставлении им возможности расплатиться с их заграничными поставщиками сосредоточено в этом последнем, и Министерство финансов отпускает необходимую иностранную валюту по указаниям Министерства торговли и промышленности.

Вышеупомянутая сумма в 194 милл. руб., составляющая предстоящие расходы Министерства финансов за границей в связи с войной, должна быть еще несколько увеличена, так как при определении ее была принята во внимание стоимость заказов Морского ведомства лишь до конца 1914 г., ввиду невозможности выяснить точные их размеры на дальнейшее время, и не были учтены расходы Министерства иностранных дел по содержанию наших посольств, выплате пенсий, а главным образом для оказания помощи русским подданным за границей.

Равным образом следует иметь в виду, что в означенную сумму (194 м. р.) не вошли расходы по оплате государственных и гарантированных займов, причем средства, потребные для этой цели до конца года, в Англии определяются в размере 7,6 милл. руб., а в Голландии — 10,4 милл. руб.; последняя сумма должна быть несколько увеличена, так как уже в настоящее время, по имеющимся сведениям, наблюдается усиленное предъявление к оплате купонов в Голландии в размере, превышающем предположения Министерства финансов. Кроме того, по всей вероятности, придется прийти на помощь русским банкам в урегулировании их задолженности за границей, ввиду невозможности их достать валюту иными путем.

При таких условиях определение размера затрат казны в иностранной валюте в 250 м. руб. едва ли будет преувеличено, причем преимуществен-

но расходы эти подлежат производству в Англии и Америке, к тому же в ближайшие же месяцы.

Из суммы 250 милл. руб. подлежат исключению уже исполненные требования на валюту на общую сумму в 30,5 милл. руб., в том числе по Военному министерству 6,3 милл. руб., по Морскому министерству — 6,0 милл. руб., 18,6 милл. руб. из 20-миллионного кредита на покупку металлов и 4,6 милл. руб. из 10-миллионного кредита в распоряжении Совета съездов представителей торговли и промышленности.

Обращаясь к рассмотрению нашей наличности в Англии, оказывается, что из общей суммы в 48,9 милл. руб., составляющейся из 17,6 м. руб. на счетах казны и 31,3 милл. руб. на счетах Государственного банка, подлежат исключению 46,0 милл. руб. закрепощенных сумм, в том числе 8,3 милл. руб. в русских банках и остаток в сумме 4 милл. руб. особого кредита, открытого в Русском для внешней торговли банке в Лондоне Британской инженерной компании для различных закупок в связи с исполнением заказа военного ведомства на автомобили для нужд армии. Остальная часть помянутых 33,7 милл. руб. составляет из предназначенных на оплату купонов сумм и выручек по железнодорожным займам, освобождающихся частями лишь начиная с февраля 1915 г. Таким образом, к 1 октября сего года свободные суммы в фунтах стерлингов составляют лишь 2,9 милл. руб., в том числе на счетах казны 0,2 милл. руб. и Государственного банка 2,7 милл. руб., каковые суммы и могут быть обращены на покрытие расходов, вызванных войной.

Что же касается сих последних расходов, то из суммы в 194 милл. руб. ныне удовлетворено 30,5 милл. руб. и таким образом, формально недостает в настоящее время 163,5 милл. руб. (194 м. р.— 30,5 м. р.).

В сих видах уже с самого начала войны наш посол в Лондоне и агент Министерства торговли и промышленности Рутковский возбудили вопрос о высылке нашего золота в Лондон. Со своей стороны, признавая такую высылку крайне нежелательной, министр финансов просил министра иностранных дел снести с английским правительством, не признает ли последнее возможным производить выплаты по расходам нашим, вызванным военной обороной, за гарантией Государственного банка, который мог бы в счет выплачиваемых сумм отчислять золото, причем по окончании войны был бы произведен расчет, и в той сумме, в какой наши расходы не могли бы быть урегулированы переводами или иным способом, и подлежало бы высылке наше золото.

Засим, ввиду полученных финансовым ведомством от лондонских банкиров предложений о готовности их приобрести краткосрочные обязательства российского казначейства, Министерство финансов полагало предпочтительным, вместо первоначально предположенного соглашения с Английским банком, остановиться на другой операции, а именно на размещении в Лондоне, при содействии английского правительства, бонзов казны в сумме до 20 милл. фунт. стерл. сроком примерно на 1 год с возможностью дальнейшей их пересрочки. Этой операцией, независимо от получения необходимой нам валюты, были бы еще подкреплены средства нашего государственного казначейства.

На этих новых основаниях продолжались, при посредстве императорского посла в Лондоне, дальнейшие переговоры с английским правительством, которое предложило гарантировать размещение в Англии краткосрочных обязательств государственного казначейства в сумме, не превышающей в 15 м. фунт. стерл. при условии, однако, доставки в Лондон золота на сумму в размере 50% учетных обязательств, каковое золото должно было служить гарантией исправности платежей по бонам.

Вместе с тем английское правительство высказывало пожелание, чтобы половина имеющих поступить в распоряжение Министерства финансов по означенной операции сумм была бы предназначена для урегулирования

в Лондоне обязательств нашей торговли и промышленности как по вновь произведенным закупкам, так и по прежним.

Признавая предложение английского правительства совершенно неприемлемым, тем более, что при изложенной комбинации кредит был бы получен в размере не 15 милл. фунт. стерл., а в действительности лишь 7,5 милл. фунт. стерл., финансовое ведомство настаивало на дальнейшем изменении условий, результатом чего явилось новое предложение английского правительства. Согласно последнему, сумма учитываемых бонов равнялась бы 12 милл. фунт. стерл. при условии доставления золота на 8 милл. фунт. стерл., причем последнее осталось бы в распоряжении русского правительства и могло быть им использовано для платежей. Таким образом, правительство располагало бы в Англии суммой в 20 милл. фунт. стерл. Кроме того, английское правительство согласилось на уменьшение отчисления на нужды промышленности и торговли до 40%. Предусмотренная проектом соглашения сумма золота в 8 милл. фунт. стерл. должна быть в ближайшем времени доставлена в Лондон за счет и риск государственного казначейства, причем английское правительство изъявило готовность для охраны предоставить один из крейсеров британского флота.

Вместе с тем Министерство финансов было поставлено в известность, что, в случае необходимости произвести в Лондоне новые дополнительные краткосрочные кредитные операции, таковые могли бы быть допущены на тех же основаниях, т. е. при условии сохранения вышеуказанного соотношения между суммой выпускаемых бонов и посылаемого золота, а также отчисления 40% на нужды торговли и промышленности.

В дальнейших переговорах Министерство финансов настаивало главным образом на уменьшении суммы требуемого золота и на невысылке его в Лондон, а зачислении здесь в Петрограде в распоряжение английского посла, а также на перерегламентировании назначения имеющейся получить в Англии нашей золотой наличности. Великобританское правительство, однако, настаивало на прежних условиях, так как, очевидно, лондонский денежный рынок серьезно нуждается в притоке наличного золота, а также в урегулировании обязательств нашей промышленности, лишенной в настоящее время возможности достать иным путем валюту.

Ввиду изложенного и принимая во внимание, что английское правительство не пойдет на какие-либо уступки, что оплата наших обязательств, главным образом по военным заказам, является крайне срочною и что остальные условия предлагаемой нам кредитной операции, как, например, реализация обязательств из того же процента, из которого само английское правительство достает деньги и притом без всякой комиссии для посредника — частного банкира Беринга, представляются выгодными, министр финансов находил бы возможным принять означенное предложение.

Независимо от английского рынка, для производства платежей в Америке министр финансов обратился дипломатическим путем к правительству Соединенных Штатов об оказании содействия к выпуску краткосрочных обязательств российского государственного казначейства и в этой стране. О результатах сих переговоров министр финансов не замедлит своевременно представить на благоусмотрение финансового комитета.

На основании всего изложенного действительный статский советник Барк полагал бы:

Предоставить министру финансов:

- 1) Произвести дальнейший выпуск 5%, освобожденных от уплаты сбора с доходов от денежных капиталов, краткосрочных обязательств государственного казначейства на сумму 400 милл. руб. Обязательства имеют быть выпущены в русской валюте на шесть месяцев, сроком с 1 октября 1914 г. по 1 апреля 1915 г., и передаваемы для учета Государственному банку. В случае надобности к русской валюте этих обязательств могут быть присоединены и паритеты на иностранную валюту;

2) Произвести на лондонском рынке реализацию краткосрочных обязательств государственного казначейства в английской валюте на сумму до 12 милл. фунт. стерл., на основании прилагаемого к сему представлению проекта соглашения с Английским банком, и

3) Озаботиться доставлением в Лондон золота слитками и звонкой монетой на сумму около 8 милл. фунт. стерл.,

О сем министр финансов имеет честь представить на благоусмотрение Комитета финансов, с приложением проекта высочайшего указа о выпуске краткосрочных обязательств.

Министр финансов П. Барк.

ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, 1915 г., д. 528, лл. 163—169. Подлинник.

№ 2

1916 г. марта 18.— Особый журнал Совета министров «Об обеспечении соответствующими кредитами производимых за границей заготовлений».*

По заключенному в 1915 г. министром финансов с великобританским правительством соглашению это последнее обязалось заимобразно предоставить нам в течение года, начиная с 1 октября 1915 г., по 25 миллионов фунтов стерлингов ежемесячно на уплату по нашим заграничным заказам. Из означенных 25 миллионов фунтов стерлингов 20½ миллионов предназначалось на старые, данные до 1 октября 1915 г. заказы, остальные же 4½ миллиона имели целью обеспечить дальнейшие наши на иностранных рынках заготовления. Таким образом, на старые заказы за время действия соглашения исчислялось 246 миллионов фунтов стерлингов, на новые же всего 54 миллиона фунтов стерлингов, причем, в частности, на производимые в Японии заготовления из кредитов, открытых на оплату старых заказов, отчислялось не свыше 6 миллионов фунтов стерлингов; на новые же в Японии закупки не было открыто никаких кредитов. Вышеуказанные условия лондонского соглашения с самого начала возбуждали у Военного министерства опасения, что открытые на новые заготовления кредиты окажутся недостаточными, равно что не хватит предоставленных нам 6 миллионов фунтов стерлингов на расплату по произведенным в Японии заказам, не говоря уже о невозможности продолжать заготовления в этой последней. С своей стороны, Министерство финансов полагало, однако, что великобританское правительство не будет придерживаться смысла договора во всей его строгости и что, таким образом, окажется возможность отнести новые заготовления на счет кредитов, предназначенных на расплату по прежним заказам, равно что фактически окажется возможным увеличить — сверх предусмотренной договором 6-миллионной нормы — исчисленные на расплату с японскою промышленностью суммы. Опыт указывает, однако, что великобританское правительство, напротив того, склонно весьма узко толковать заключенное соглашение, точно и строго оставаясь в пределах предусмотренных им ограничительных условий. Соответственно с сим названное правительство считает уже теперь, что предоставленные им кредиты полностью нами использованы, причем, в частности, новые наши заказы выразились в сумме 60, вместо предусмотренных договором 54 миллионов фунтов стерлингов. Учитывая последнее обстоятельство, великобританское правительство соглашается, впрочем, предоставить нам дополнительно в течение октября, ноября и декабря 1916 г. по 4½ миллиона фунтов стерлингов ежемесячно, всего, следова-

* Заглавие документа.

тельно, 13 $\frac{1}{2}$ миллионов фунтов стерлингов. Сверх того это правительство соглашается открыть нам еще и кредит в размере 2 миллионов фунтов стерлингов в месяц на расходы, не связанные непосредственно с государственною обороною (закупка хлопка, шерсти, чая, помощь военнопленным, содержание за границею наших представителей и т. д.). Наконец, что касается раслаты по производимым в Японии заготовкам, то великобританское правительство признает возможным увеличить общий итог предназначенных для сего кредитов с 6 до 9 миллионов фунтов стерлингов. Представляя о всем вышеизложенном на уважение Совета министров, Военное министерство указывает, что создавшееся положение является угрожающим для нашей государственной обороны, в самой крайней степени нуждающейся в дальнейших заготовлениях на иностранных рынках насущно необходимых для действующих армий предметов и припасов.

Войдя вследствие сего в рассмотрение настоящего дела, Совет министров принял на вид, что ход производимых нами за границею заготовлений не может почитаться сколько-нибудь успешным. Не говоря уже об огромных затруднениях, испытываемых с морскою перевозкою, крайняя сложность и формализм установленного в отношении производства дел по нашим заказам порядка в многочисленных английских правительственных инстанциях, а также медленность работ и малая производительность английских заводов чрезвычайно затрудняют своевременное получение заказываемых нами предметов обороны. Между тем великобританское правительство до крайности ревниво относится к размещению заказов на иных, помимо английского, рынках и с явною неохотою снабжает нас потребною для сего валютою. Поэтому передача соответствующих заказов в Америку весьма затруднительна, в Японию же фактически представляется почти невозможною, за отсутствием сколько-нибудь достаточных для сего кредитов. К тому же в случаях американских заказов равным образом наблюдаются постоянные запаздывания, а доставка их встречает большие затруднения из-за недостатка морских перевозочных средств. Совокупность приведенных условий влечет за собою совершенную несвоевременность получения передаваемых за границу заказов, из коих в первоначально предусматривавшиеся сроки поступает лишь самое незначительное количество. При подобном положении дела и при крайней испытываемой с иностранною валютою стесненности Совет министров счел настоятельно нужным подтвердить всем ведомствам необходимость всемерного сокращения заграничных заказов, с допущением таковых лишь в совершенно исключительных случаях, при полной невозможности изготовления соответствующих предметов в России, к чему казалось бы, огромные, затраченные на развитие отечественной промышленности казенные средства дают достаточное основание.

Переходя засим к вопросу об иностранной валюте для обеспечения необходимейших для нашей государственной обороны заграничных заготовлений, Совет министров не мог не заметить, что отдаление, в связи с запаздыванием соответствующих заказов, сроков оплаты этих последних, равно как и дальность сроков в отношении некоторых отдельных заготовлений, имеют своим последствием то обстоятельство, что из общего итога в 300 миллионов фунтов стерлингов открытых нам по 1 октября 1916 г. Великобританиею кредитов в действительности будет израсходовано к указанному сроку во всяком случае не свыше 195 миллионов. Что же касается остальных 105 миллионов фунтов стерлингов, то таковые будут причитаться к уплате уже в последующее время. При таких условиях, имея в виду крайнюю испытываемую нашими вооруженными силами потребность в целом ряде насущно необходимых для их боеспособности предметов и припасов, Совет министров считал бы со своей стороны настоятельно нужным, приняв, конечно, предложение великобританского правительства об открытии на новые заказы дополнительных кредитов на сумму в 13 $\frac{1}{2}$ мил-

лионов фунтов стерлингов, войти в дальнейшие переговоры об обеспечении нас соответствующими средствами в последующее, после 1 октября 1916 г., время. С тем вместе в счет вновь имеющих быть открытыми нам кредитов надлежало бы зачесть суммы, связанные с произведенными уже заказами, причитающиеся, однако, к действительной уплате после упомянутого выше срока. Сообразно с сим, с другой стороны, подлежали бы освобождению для новых заготовлений фактически неиспользованные до 1 октября 1916 г. суммы в составе ныне открытых нам 300 миллионов фунтов стерлингов. Само собою разумеется при этом, что Министерством финансов при ведении соответствующих с великобританским правительством переговоров должны быть приняты в должное соображение потребности не только военного и морского ведомства, но и столь же существенного значения надобности министерств земледелия и путей сообщения. Равным образом, считая необходимым принять предложение великобританского правительства о ежемесячном отпуске 2 миллионов фунтов стерлингов на заказы, не связанные с обороною, Совет министров полагал бы соответственным придать этой мере обратное, начиная с 1 октября 1915 г., действие, освободив в связи с сим для покрытия потребностей государственной обороны все $4\frac{1}{2}$ миллиона фунтов стерлингов открытых по действующему соглашению на новые расходы кредитов.

Переходя затем к вопросу о наших заготовлениях в Японии, Совет министров заметил, что хотя несомненно надлежит принять предложение великобританского правительства об увеличении предоставленных на расплату по переданным в Японию поставкам кредитов с 6 до 9 миллионов фунтов стерлингов, но таковое представляется вообще совершенно недостаточным. Действительно нельзя не заметить, что японские заказы резко отличаются от всех иных производимых нами на иностранных рынках заготовлений. Не говоря уже об их относительной по сравнению с померно поднятыми на американском и, в особенности, на английском рынках ценами дешевизне, предоставляемые японским заводам поставки не только обычно выполняются в установленные сроки, но даже нередко опережают последние. При этом и в качественном отношении японские изделия не оставляют желать лучшего, выгодно отличаясь и в сем отношении от многих закупаемых на иных заграничных рынках произведений. Наконец, особенно ценным отличительным свойством производимых в Японии заготовлений являются скорость и легкость доставки, благодаря обилию мелких японских судов и крайней дешевизне их фрахтов. Все вышезложенное, в связи с острою потребностью наших армий во многих необходимых припасах, заставляя с особым вниманием огнесить к вопросу о возможности размещения наших заграничных заказов в Японии. Следует к тому же заметить, что японское правительство с полною готовностью идет навстречу нашим в этой области пожеланиям и во исполнение их приняло уже самые энергичные меры по мобилизации своей промышленности для нужд нашей государственной обороны. Поэтому отказ от производства дальнейших заготовлений в Японии вызвал бы чрезвычайно неблагоприятные политические последствия, поставив нас, с одной стороны, в крайне неудобное положение по отношению к японскому правительству, с другой же стороны, вынуждая это последнее распустить рабочих и принять меры к ликвидации подготовительных мер, принятых на фабриках и заводах в предвидении крупных наших заказов. По всем приведенным соображениям, а прежде всего, конечно, ввиду необходимости возможно скорее покрыть ощущаемые нашими вооруженными силами недостатки, дальнейшие заказы в Японии являются для нас совершенно неизбежными. Производство этих последних встречает, однако, неодолимые препятствия в отсутствии у нас кредитов на их оплату. Достаточно указать, например, что в данное время нам предлагают в Японии 600 000 столь необходимых нам ружей, притом принятого у нас образца, из них до 100 000 ружей немедленно

но, до 5000 тонн цинка, значительную партию меди и т. д., но приобрести их мы лишены возможности за отсутствием соответствующей валюты. Равным образом неотложно необходимо приобрести в Японии заготовленные уже там патроны и орудийные снаряды к полученным нами в свое время японским орудиям и винтовкам, причем, однако, надлежащих на расплату кредитов в наличности у нас не имеется. Все вышеизложенное приводит Совет министров к убеждению о необходимости беззамедлительно же войти с великобританским правительством в переговоры, настойчиво домогаясь открытия им возможно широких кредитов на осуществление в Японии настоятельно нужных нам заготовлений.

Присоединяясь к таковому заключению Совета, министр иностранных дел, со своей стороны, счел в то же время справедливым оговорить, что встречаемые нами в отношении снабжения нас кредитами на японском и американском рынках затруднения отнюдь не свидетельствуют о нежелании великобританского правительства идти навстречу нашим потребностям. Напротив того, по мнению гофмейстера Сазонова, Англия, несомненно, с готовностью оказала бы нам возможное в этом смысле содействие, препятствием к чему служат, однако, испытываемые ею самую исключительные финансовые стеснения. В свою очередь некоторыми членами присутствия было, однако, указано, что наряду с последними едва ли можно отрицать и стремление великобританских правящих кругов к размещению наших заказов непременно на английском рынке, что, несомненно, наносит существенный ущерб своевременному снабжению наших армий.

Со всем тем, высказываясь в конечном выводе единогласно за необходимость предоставления нам союзною Англиею возможно широких кредитов на оплату наших в Японии заказов, Совет министров не мог не заметить, что общий итог потребных на сей предмет ассигнований исчисляется Военным министерством в сумме до 350 миллионов иен, которые полностью едва ли можно рассчитывать получить по соглашению с великобританским правительством. Вследствие сего Совет министров считал неизбежным безотлагательно и в самом срочном порядке начать переговоры с японским правительством на предмет заключения с ним самостоятельного финансового соглашения для оплаты производимых нами в Японии заказов. При этом, отдавая себе полный отчет в крайней нежелательности и даже опасности сокращения нашего золотого запаса, Совет министров тем не менее находил, что если бы по ходу переговоров выяснилась безусловно неизбежность выпуска некоторого количества этого металла в Японию, таковое обстоятельство не должно служить препятствием к заключению соответствующего договора, как совершенно для нас необходимого. Само собою разумеется, однако, что условие это может быть принято лишь при явной невозможности его избегнуть, причем следует стремиться к предоставлению Японии золота в качестве возвратной ссуды, применительно к предусмотренным лондонским соглашением основаниям, и к ограничению вывоза такового пределами самой крайней необходимости. Засим, что касается стоящих ныне на очереди военных в Японии заказов, то, признавая в принципе, конечно, нежелательным производство таковых до заключения соответствующего финансового с японским правительством соглашения или ранее предоставления великобританским правительством потребных на их оплату кредитов, Совет министров с тем вместе находил, что в случаях особо экстренных, непосредственно связанных с боеспособностью наших армий, подобного рода заготовления должны все же осуществляться беззамедлительно, какими бы финансовыми жертвами ни сопровождалась бы впоследствии их оплата.

На основании изложенного, Совет министров полагает:

Предоставить министру финансов, руководствуясь приведенными в настоящем журнале суждениями, войти в надлежащие с великобританским и японским правительствами переговоры на предмет дальнейшего обеспе-

чения производимых нами на иностранных рынках заготовлений соответствующими кредитами.

Таковое свое заключение Совет министров всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на высочайшее в. и. в. благоволение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами Совета министров и скреплен управляющим делами Совета.

Помета Б. В. Штюрмера: На подлинном е. и. в. благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен». В царской Ставке 4 апреля 1916 г. Скрепил: председатель Совета министров Штюрмер.

ЦИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916—1917 гг., д. 90, лл. 16—20 об. Типогр. копия.

№ 3

*1916 г. июля 27. — Особый журнал соединенного присутствия Совета министров и Комитета финансов «Об условиях нового с союзными державами финансового соглашения»**

Министр финансов изустно представил соединенному присутствию Совета министров и Комитета финансов о результатах переговоров с великобританским и французским правительствами относительно заключения нового финансового соглашения. По удостоверению тайного советника Барка, достижение соответствующего соглашения с Францией не представило особых затруднений. Как известно, предоставленные нам последнеозванной союзною державою кредиты не могли быть нами полностью использованы, а потому со стороны французского правительства не встретилось возражений против продления прежнего соглашения на прежних основаниях на новый срок. Мало того, следует полагать по ходу переговоров, что если бы открылась возможность более свободной доставки соответствующих грузов из Франции и если бы производительность тамошних заводов позволила разместить среди них большее количество наших военных заказов, то со стороны французского правительства не встретилось бы препятствий к соответствующему увеличению размера потребных нам кредитов.

С несравненно большими трудностями пришлось встретиться при переговорах с великобританским правительством. Так, прежде всего это последнее решительно отказалось связать себя соглашением на продолжительный период времени, и лишь путем упорных настояний удалось первоначально намеченный английским финансовым ведомством предельный договорный срок отсрочить с 1 января 1917 г. до 1 апреля наступающего года, достигнув, таким образом, финансового соглашения на полугодовой период. В течение этих шести месяцев великобританское правительство обязуется авансировать нам по 25 миллионов фунтов стерлингов ежемесячно, всего, следовательно, 150 миллионов фунтов стерлингов, причем в качестве серьезного успеха следует отметить выраженное Англиею согласие из общего итога в 25 миллионов фунтов стерлингов ежемесячно открываемых кредитов до 1½ миллионов фунтов предоставить для поддержания нашего курса. Другим успехом нельзя не признать уступку, сделанную в условиях определения размера уплачиваемого нами процента. Как известно, размер последнего определяется, согласно ныне действующему соглашению, на 1% выше официального дисконта, установленного Английским банком. Теперь же, в силу намечаемого соглашения, если дисконт поднимается свыше 5½, то уплачиваемый нами рост определяется в размере дисконта, без всякой надбавки. Наконец, достигнуто

* *Заглавие документа.*

существенно важное соглашение о том, что все краткосрочные наши выпускаемые в Лондоне обязательства при наступлении сроков оплаты подлежат пересрочке на новый срок и засим погашаются через год, после окончания войны, причем великобританское правительство обязывается оказать содействие к консолидации их путем долгосрочного займа. Наряду, однако, с приведенными положительными сторонами приходится считаться и с крайне невыгодным для нас, поставленным великобританским правительством, неперменным условием высылки нами крупной суммы, именно 40 миллионов фунтов стерлингов, из нашего золотого запаса. Правда, операция эта предполагается в виде возвратной, сроком на три — пять лет, ссуды, причем великобританское правительство обязуется платить по ней проценты. Тем не менее нельзя не считаться с серьезными последствиями столь значительного вывоза золота для нашего денежного обращения, а потому тайный советник Барк не признал возможным согласиться с изложенным выше требованием, считая, с своей стороны, максимально допустимую в сем отношении, уступкою вывоз золота на 20 миллионов фунтов стерлингов, притом лишь в случае настоятельной, безусловной в том для Английского банка потребности. Действительно, основанием для приведенного домогательства союзной державы служит опасение английского правительства за возможность дальнейшего поддержания Великобританиею золотого обращения, ввиду усиленного отлива золота, главным образом в Америку. Соответственно с сим и надлежало бы обусловить высылку нами золота наступлением явного ослабления золотой наличности английских казначейства и банка, колеблющейся ныне в пределах от 80 до 90 миллионов фунтов стерлингов, и падения ее ниже 70 миллионов фунтов. К установлению таковой строго определенной оговорки имеется, по мнению тайного советника Барка, тем более оснований, что со стороны великобританского правительства было уже допущено некоторое несоответствие в исполнении постановлений предшествовавшего, действующего и посейчас, соглашения 30 сентября 1915 г., равным образом предусматривавшего, как известно, вывоз нами в Америку на ссудных началах 40 миллионов фунтов стерлингов. А именно, хотя договор и обуславливал вывоз золота из империи лишь в случае высылки равной суммы союзными Великобританиею и Франциею, обязавшеюся, в силу соглашения, состоявшегося 22 августа 1915 г. в Булони, выслать, наравне с Англиею, 40 миллионов фунтов стерлингов золота в Америку, Англия потребовала и получила от нас 20 миллионов фунтов стерлингов золотом, между тем как Франция, объявив после реализации англо-французского займа в Америке Булонское соглашение утратившим силу, в счет его ни одного соверена в Америку не выслала. О таком неисполнении Франциею принятых на себя обязательств министру финансов сделалось известным в бытность его в Париже, вследствие чего тайный советник Барк счел себя вынужденным официально передать о сем нашему послу в Лондоне, с пояснением, что российское правительство должно почитать себя свободным от дальнейшей высылки золота в счет соглашения 30 сентября 1915 г., пока Франция с своей стороны не выполнит принятых на себя обязательств.

В дополнение к приведенному сообщению министра финансов помощник военного министра генерал от инфантерии Фролов и начальник Генерального штаба генерал от инфантерии Беляев в свою очередь заявили, что, не касаясь чисто финансовой стороны намеченных договорных условий, они не могут не признать достигнутые переговорами результаты весьма ценными с точки зрения интересов государственной обороны. Действительно, хотя исполнение переданных за границу заказов до самого последнего времени шло настолько медленно, что из 300 миллионов фунтов стерлингов, предоставленных нам по прежнему договору, в действительности израсходовано лишь 150 миллионов, тем не менее потребность в новых за-

казах представляется до крайности напряженною. Доказательством этому может служить хотя бы выдача нами новых заграничных заказов на сумму вместо предусмотренных упомянутым договором 1915 г. 54 000 000 руб.— до 97 500 000 руб. Однако за совершенным исчерпанием открытых нам по соглашению на таковые заказы кредитов дальнейшее производство их стало фактически для нас недоступным. Между тем в настоящее время, несомненно, наступают условия, вполне благоприятные для дачи новых заказов. Заводы закончили свое оборудование и поступление с них обещает идти несоизмеримо успешнее, нежели в прежнее время, когда промышленность еще не приспособилась к небывалым заданиям современных военных заготовлений. Вместе с тем острота ощущаемых нашими вооруженными силами потребностей в орудиях борьбы и предметах снабжения общеизвестна и, конечно, не может быть устранена без дальнейшего широкого обращения к услугам иностранной промышленности. Поэтому заключение финансового соглашения, предоставляющего в течение полугода в наше распоряжение до 1½ миллиарда рублей, является, с точки зрения военного ведомства, существенно для нас желательным и необходимым. Правда, при исчислении всех наших связанных с военными обстоятельствами потребностей в заграничных заказах таковые определились в итоге 300 миллионов фунтов стерлингов, но крайне сомнительно, чтобы при существующей производительности соответствующих заводов и при затруднительности перевозки мы могли в действительности осуществить в полном объеме столь исключительно крупные заготовления, а потому, надо полагать, открываемые нам кредиты в общей сумме 150 миллионов фунтов стерлингов явятся достаточными. Нельзя притом не упомянуть, что, независимо от чисто финансового соглашения, нами заключено крайне ценное для нас соглашение о предоставлении нам довольно значительного количества, именно до 200, орудий крупных калибров, с соответствующими комплексами снарядов и материальной частью. Стоимость их, достигающая, по удостоверению генерала от инфантерии Беляева, примерно около 30 миллионов фунтов стерлингов, не вошла в исчисление итога открываемых нам кредитов, которые, таким образом, выражаются в сущности не в 150, а примерно в 180 миллионах фунтов. Независимо от сего, в январе или феврале предстоящего года намечается съезд министров снабжений союзных государств для перераспределения между отдельными фронтами производительности заводов, в связи с чем, по всей вероятности, нам будет предоставлено еще некоторое дополнительное количество столь необходимых в условиях нынешней войны артиллерийских средств.

Выслушав все вышеизложенное, соединенное присутствие с своей стороны рассуждало, что условия намечаемого финансового соглашения, за исключением требования вывоза нами части нашего золотого запаса, представляются в существе для нас приемлемыми и даже, как отметил государственный контролер, сравнительно благоприятными, если принять во внимание то затруднительное финансовое положение, в коем находятся как Франция, так и Англия, и ту тяжелую и сложную обстановку, в коих приходится вести финансовые переговоры с нашими союзниками. При этом нельзя, конечно, не пожалеть, что Англия не признала возможным связать себя соглашением на более продолжительный срок, так как в случае продолжения войны в течение всего 1917 г. придется в свое время позаботиться о возобновлении соглашения на дальнейший срок, развивающиеся же события заставляют, по мнению тайного советника Покровского, опасаться, что с каждым разом финансовая обстановка будет все более и более тягостною. Кто же касается высылки золота, то, конечно, это условие весьма для нас обременительно и приемлемо только потому, что, нег той жертвы, которой не следовало бы принести ради достижения конечной цели — полной победы над врагом. Во всяком случае, однако, желан-

тельно высылку эту ограничить возможно меньшею суммой. В целом присоединяясь к высказанным государственным контролером соображениям по поводу оставшегося несогласенным с союзным великобританским правительством вопросу о высылке части нашего золотого запаса, соединенное присутствие не могло не придать ему исключительно важного с точки зрения наших государственных интересов значения. Действительно, не следует упускать из вида, что при крайне незначительной добыче золота в России (всего около 4000 пудов в год) и при почти полном прекращении нашей вывозной торговли мы в настоящее время располагаем совершенно ничтожными источниками естественного пополнения нашей золотой наличности. Между тем всякое заметное сокращение металлических запасов Государственного банка, являющихся обеспечением нашего денежного обращения, несомненно может крайне неблагоприятно отразиться на курсе нашего рубля, понижая платежную его силу. Правда, согласно условиям намеряемого соглашения высылкаемого нами из империи золото юридически остается собственностью Российского государства, являясь процентною в звонком металле ссудою, оказываемою нами великобританскому правительству, и притом подлежащую возврату в определенные сроки. Нельзя, однако, само собою разумеется, приравнять обязательства великобританского правительства, хотя бы в золоте, в смысле обеспечения денежного обращения к золотым запасам, хранящимся в кладовых Государственного банка. Действительно, следует иметь в виду, что политическая обстановка, могущая сложиться к моменту наступления договорного для возврата золота срока, не поддается, конечно, предвидению, а, следовательно, с этой точки зрения полная обеспеченность своевременного возврата высылкаемого из империи золота не может почитаться непреложною. Между тем с вывозом из пределов империи требуемого великобританским правительством количества золота, обеспечение обращающихся кредитных билетов золотом, хранящимся в Государственном банке, запасом составит всего около 11%, причем, с неизбежным постепенным увеличением выпуска бумажных знаков это соотношение, при отмеченной уже недостаточности источников естественного пополнения, будет падать все ниже и ниже. Конечно, серьезною гарантию своевременного обратного получения нами золота является условие, в силу коего наши краткосрочные долги имеют быть погашены путем реализации на лондонском рынке долгосрочного, при содействии великобританского правительства, займа, но нельзя не считаться с тем, что такая консолидация нашей задолженности явится делом нелегким и необходимо предвидеть тяжелые переговоры, связанные с этою кредитною операциею.

Обращаясь к причинам, побуждающим великобританское правительство предъявлять союзной державе столь невыгодные для нее по своим последствиям требования, нельзя, конечно, отрицать известной вескости тех соображений, коими руководствуется английское казначейство. Действительно, за время текущей войны Англия должна была выплатить, частью за свой счет, частью по заказам союзников, огромные суммы на иностранных, преимущественно американском, рынках. Между тем, как известно, достаточно крупной кредитной операциею в Америке ни великобританскому, ни французскому правительствам до сего времени совершить не удалось. Вследствие сего английскому казначейству пришлось изыскивать иные способы для производства раслат, без чрезмерного отлива золота в Америку. В этом отношении значительную услугу оказали обратившиеся на лондонском рынке американские ценности, коих английскому казначейству и удалось скупить на сумму до 250 миллионов фунтов стерлингов. Со всем тем отлив золота из самой Англии, несмотря на запаздывание американских заказов и соответственную отсрочку следуемых по ним платежей, все же достиг за время войны 130 миллионов фунтов стерлингов. В настоящее время запас американских ценностей на английском рынке истощился, а между тем с постепенным развитием поставок все

более увеличивается и потребность в американской валюте. Учитывая это обстоятельство, великобританское правительство испытывает вполне понятное опасение за возможность поддержания и впредь свободного размена на золото, а потому всемерно стремится к пополнению золотой своей наличности. И нельзя не сознаться, что с точки зрения интересов всех союзных государств прекращение свободного размена и переход Англии к бумажному обращению явился бы бедствием, неблагоприятные последствия коего трудно даже учесть, ибо в таком случае все без исключения производимые, например, нами в Америке заготовки пришлось бы, в случае невозможности осуществления там кредитной операции, полностью оплачивать наличным золотом.

Но признавая всю справедливость испытываемых Англией опасений, нельзя в то же время не считаться и с некоторою их преувеличенностью. В самом деле, золотая наличность английских казначейства и банка, несмотря на крупные высылки золота, по-прежнему колеблется в пределах между 80 и 90 миллионами фунтов стерлингов. Англия получает извне большие платежи за фрахт, добыча золота в Трансваале и других золотодобывающих местностях дает до 39 миллионов фунтов стерлингов в год, и, таким образом, значительный естественный приток золота ей вполне обеспечен. С другой стороны, есть все же полное основание думать, что французское правительство в ближайшем же времени предоставит великобританскому предусмотренные прежним финансовым соглашением 40 миллионов фунтов стерлингов, соответственно с чем будет произведена и причитающаяся с нашей стороны уплата вторых, сверх уже высланных, 20 миллионов фунтов, и, таким образом, состоящая в распоряжении английского правительства золотая наличность получит весьма существенное приращение. При таких условиях едва ли великобританское правительство действительно нуждается в столь крупном усилении металлических своих ресурсов, а потому, надо надеяться, оно не пожелает своею требовательностью поставить Россию ко времени ведения будущих мирных переговоров в условия, стесняющие свободную независимую от финансовых затруднений, охрану жизненных ее интересов, ибо финансовое истощение нашей родины несомненно поколебало бы ее положение в качестве равноправного с западными союзниками участника в восстановлении мирного сожития европейских государств. Вследствие сего соединенное при существовании со своей стороны полагало, что в настоящее время нам надлежит всемерно настаивать, в согласованность с предположениями министра финансов, на непрременном ограничении высылки золота пределами 20 миллионов фунтов стерлингов, притом не безусловно, а лишь в случае падения золотой наличности Английского банка ниже 70 миллионов фунтов.

Независимо от изложенного, соединенное присутствие не могло не заметить, что финансовое соглашение, о коем ныне идет речь, предусматривает предоставление нам необходимых кредитов в течение всего лишь одного полугодия. Между тем трудно, конечно, ожидать окончания в столь непродолжительный промежуток времени совершенно исключительной по своему упорству вооруженной борьбы, и, следовательно, есть полное основание думать, что в скором времени настанет необходимость в новом финансовом соглашении, заключение которого опять-таки, по всей вероятности, будет связано с дальнейшими отяготительными для нас условиями. При изысканном положении дела совершенно особое значение приобретает вопрос о возможном сокращении потребностей наших в иностранной валюте, а, следовательно, и в услугах союзников, и с этой точки зрения надлежит всемерно стремиться к уменьшению количества наших заграничных заказов. Значительное число этих последних, как известно, чрезвычайно запаздывает своим исполнением и сроки соответствующих поставок нередко растягиваются за пределы вероятной продолжительности нынешней войны. Исходя из изложенного и полагая со своей

стороны, что при продолжительных сроках исполнения надлежащие заготовки могли бы быть произведены в пределах империи путем использования производительности отечественных предприятий и насаждения в России новых производств, чем, несомненно, значительно облегчилось бы беспримерное тягостное финансовое наше на зарубежных рынках положение, соединенное присутствием находило совершенно необходимым ныне же произвести общий пересмотр всех выданных до сего времени зарубежных заказов в видах отмены тех из них, кои утратили уже свое по обстоятельствам текущей войны значение.

На основании всех приведенных выше суждений, соединенное присутствие Совета министров и Комитета финансов голагает:

I. Предоставить министру финансов, руководствуясь приведенными в настоящем журнале суждениями, войти в надлежащее с великобританским правительством через нашего посла в Лондоне сношение об ограничении предусмотренной проектом финансового соглашения с великобританским правительством высылки золота из империи пределами не свыше двадцати миллионов фунтов стерлингов.

II. Поручить министрам по принадлежности, равным образом руководствуясь суждениями, в сем журнале изложенными, озаботиться пересмотром всех выданных до сего времени зарубежных заказов, в видах отмены тех из них, кои утратили уже свое по обстоятельствам текущей войны значение, и о своих в изъясненном направлении предположениях внести на уважение Совета министров.

Таковые свои заключения соединенное присутствие Совета министров и Комитета финансов всеподданнейшим долгом почитает повергнуть на высочайшее в. и. в. благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. председателем и членами соединенного присутствия Совета министров и Комитета финансов и скреплен управляющим делами Совета министров.

На подличном е. и. в. благоугодно было собственноручно начертать: «Согласен». В царской Ставке 23 сентября 1916 г.

Скрепил: председатель Совета министров Штюрмер.

ЦГИАЛ, ф. Особые журналы Совета министров. Копия.

№ 4

1916 г. августа 9.— Рапорт председателя комиссии по распределению валюты А. А. Михельсона военному министру Д. С. Шуваеву о ходе финансовых переговоров в Париже и Лондоне.

Весьма секретно.

Министр финансов тайный советник Барк с сопровождающими его чинами министерства прибыл в Лондон 13 июня и немедленно приступил к предварительным переговорам с британским министром финансов Маккей.

Генерал от инфантерии Беляев со мною и сопровождавшими нас членами Военного министерства прибыли в Лондон 14 июня вечером.

15 июня мы сделали ряд необходимых официальных визитов. Из бывших при этом разговоров заслуживает внимания беседа с министром Лойд-Джоржем, назначенным несколько дней спустя военным министром. Тогда он был еще министром снабжений. Он подчеркнул то первенствующее значение, которое он придает русской армии в деле борьбы с немцами и обещал полное свое содействие. При этом он заявил: «Я желал бы, однако, чтобы Россия возможно меньше обременяла бы своими заказами самую Англию и перенесла бы центр тяжести своих заказов в Америку, ибо английский рынок нужен мне для самой английской армии». Эти сло-

ва я особенно подчеркиваю, ибо в этом своем взгляде Лойд-Джорж совершенно расходится с министром финансов Маккеной, постоянно указывающим на трудность платежей в Америке и старающимся всячески втиснуть наши заказы в самой Англии.

Первое впечатление от визитов, вполне подтвердившееся и всеми последующими впечатлениями, приводит меня к заключению, что в Англии по отношению к нам замечается два течения:

1. Значительная часть общества, придворные круги, Лойд-Джорж, а в особенности все военные, с которыми приходилось разговаривать, относятся к России самым доброжелательным, доверчивым и скажу даже благодарным образом, без задних мыслей, имея одно желание победить общего врага — немцев.

2. С другой стороны, министр финансов Маккена и за ним большая партия финансистов с директором Английского банка во главе, а также торгово-промышленные круги, признавая необходимость помогать нам ради победы Англии над Германией, хотя ограничиться крайним минимумом помощи и воспользоваться нашим тяжелым положением, чтобы одновременно обеспечить себе наибольшие экономические выгоды на русском рынке как теперь, так и в будущем, поставить Россию в экономическую и финансовую зависимость от Англии. Многое, что впоследствии произошло на конференции, этим объясняется.

В течение дня 15 июня выяснилось, что мы на другой же день, 16-го, выезжаем в Париж, где должна была состояться конференция союзных министров финансов. Однако уже 15-го ходили слухи, что Лойд-Джорж и Маккена опоздают в Париж ввиду обострения ирландского вопроса.

По приезде в Париж мы сделали указанные военным агентом визиты. Когда надо было ехать к помощнику военного министра по снабжениям Тома, генерал Беляев заявил мне, что поедет туда один без меня, обьявив мне при этом, что вопросы снабжения меня, как председателя валютной комиссии, не касаются, и что все переговоры по этому поводу он будет и впредь вести без меня.

Так как мне неизвестны были полномочия и позднейшие указания, данные вашим высокопревосходительством генералу Беляеву, и так как указания, полученные мною, были даны мне тогда, когда предполагалось еще послать с министром финансов меня одного, то я счел себя обязанным этому распоряжению генерала Беляева, как старшего представителя военного министра, подчиниться. Вследствие этого произошло, однако, разделение переговоров по двум тесно связанным между собою вопросам о предполагаемых заказах и о потребной валюте.

Такое разделение было особенно невыгодно потому, что как во Франции, так и в особенности в Англии военные элементы, заведующие вопросами снабжений, понимали лучше наши потребности и сочувствовали нам больше, чем финансовые деятели, стоявшие на чисто экономической и даже просто казначейской точке зрения. Таких финансовых соображений, по которым союзникам было бы выгодно нас снабдить деньгами, вообще не существует. Основание и мотивы для дачи денег могут быть только в области снабжения, неизбежно необходимого для военных операций. Если о вопросах снабжений вести переговоры отдельно от вопросов валюты, то этим самым переговоры о получении валюты заранее парализуются.

Через несколько дней после пребывания в Париже выяснилось, что английские министры сперва отложили свой приезд, а затем вошли в переговоры и добились перенесения всех переговоров из Парижа в Лондон.

Предварительные переговоры нашего министра финансов с министром Франции г. Рибо в Париже о возобновлении финансового соглашения с Францией шли туго, о чем я, по указанию министра, и телеграфировал в Петроград. Однако в последнюю минуту тайному советнику Барку уда-

лось возобновить наше соглашение с Францией на прежних основаниях, т. е. без желательного для нас договорного права на распространение кредитов Франции на Италию и Швейцарию, но зато это соглашение возобновлено до конца войны и не ограничивает нас никакими сроками заказов и платежей, что очень важно. Полагаю, что этот результат при всех благоприятных условиях фактического кредитования, которые созданы действительностью полковника графа Игнатьева, надо считать хорошими.

Кроме того, путем переговоров уполномоченных министром финансов, т. е. Рафаловича и д. с. с. Феодосеева, совместно со мною, с одной стороны и директорами Французского банка, с другой, удалось выговорить удобный для нас способ образования расходного аванса у нашего военного агента для ускорения техники платежей во Франции.

28 и 29 июня двумя партиями члены конференции переехали в Лондон. На следующий же день начались предварительные переговоры, а затем и совещания собравшихся в Лондоне министров финансов четырех союзных держав: России, Англии, Франции и Италии. Генерал Беляев перед началом этих совещаний сообщил мне, что английский министр финансов Маккена сделал распоряжение, чтобы на этих совещаниях министры финансов союзных держав являлись лишь с одним сопровождающим министра лицом, и что поэтому он один будет на них присутствовать вместе с министром Барком, и мое присутствие на этих совещаниях отклоняет. По приведенным выше причинам мне пришлось подчиниться и этому распоряжению.

Параллельно с совещаниями четырех министров финансов шли совещания и министров снабжений, на которых мне тоже присутствовать генералом Беляевым было запрещено. Поэтому что на этих совещаниях происходило, — мне неизвестно. Мне известны только результаты этих совещаний и те уступки, которые были сделаны генералом Беляевым против утвержденного Советом министров проекта договора еще до начала отдельных переговоров наших с министром Маккеной, которые начались уже после отъезда министров Франции и Италии, и на большей части которых, по требованию нашего министра финансов, я также присутствовал.

Главными уступками, сделанными генералом Беляевым на предварительных совещаниях, были:

- 1) Вместо указанной общей суммы, потребной для дальнейшего ведения войны, в 300 000 000 ф. он согласился на 175 000 000 ф. (а затем и 150 милл.).
- 2) Вместо права не ограниченной никакими сроками сдачи заказов, принадлежавшего нам до сих пор, он согласился на ограничения этого права сроком до 1 июля 1917 г.

- 3) Вместо конструкции нового проекта договора, одобренного Советом министров, он согласился на оставление конструкции старого договора 19 сентября 1915 г., за исключением вопроса о предварительных соглашениях на заказы, который обсуждался в последующих заседаниях.

На первом же заседании министр Маккена стал оспаривать возможность заказать на столь большую сумму, как у нас было проектировано, и указал на бесцельность таких заказов ввиду невозможности перевести все эти грузы, во-первых, по нашим железным дорогам от портов до фронта, а во-вторых, морем до наших портов за отсутствием тоннажа. Генерал Беляев привел цифры Управления военных сообщений о провозоспособности наших дорог и опроверг ими первую часть доводов Маккены. Относительно второй части он был готов согласиться с тем, что тоннажа может не хватить. Когда я вмешался в прения и заявил, что высчитанный генералом Гермониусом вес заказываемых новых предметов в 3 200 000 тонн вместе с весом предполагаемой перевозки нынешнего года — 2 миллиона тонн — покрывается предоставленным нам Англией по договору тоннажем в 2 миллиона тонн за одну навигацию, а, следовательно,

в 4 000 000 тонн за две навигации плюс подвоз к Владивостоку 1 200 000 тонн, то генерал Беляев остановил меня и согласился с Маккенной о возможности недостаточности тоннажа. Через два дня по вновь проверенным д. с. с. Остроградским данным оказалось, что заявленная мною цифра была верна и что тоннажа хватит. Эти цифры были затем переданы англичанам, и они впоследствии с ними согласились.

Таким образом, вопрос о возможности перевозки по железным дорогам и водою отпал, и все дальнейшие прения свелись к двум положениям: нашим потребностям, сокращенным на предварительных переговорах в министерстве снабжений до 175 000 000 ф., с одной стороны, и невозможности для Маккены дать нам сейчас более 75 000 000 ф., т. е. только до 1 января 1917 г., с другой стороны.

Казалось бы на первый взгляд, что если исходить из цифры в 25 000 000 ф. в месяц, то более или менее безразлично, заключается ли договор сразу на год, или по частям на три месяца, потом опять на три месяца, или на шесть месяцев, потом опять на шесть месяцев. На самом деле это не так. Это действительно безразлично для операции расплаты (*pour le decassement*). Опыт прошедших месяцев с 1 октября 1915 г. показывает нам, что мы ни разу еще не достигли цифры месячных расплат в 25 000 000 ф. На этом были построены частью условия одобренного Советом министров проекта договора, который признавал за Англией право не давать нам денег сверх этой месячной нормы плюс остаток от уже прошедших месяцев. Для вопроса же о даче заказов и принятии обязательств (*engagements*) важна только общая сумма кредита. С этой точки зрения вопрос о том, дано ли нам право сделать заказов на триста миллионов фунтов или на сто пятьдесят, далеко не безразличен. Между ними разница ровно в 50%. Если мы через полгода даже и получим вновь вторые 50%, что сомнительно, то время для исполнения заказов по этим опоздавшим 50% будет отсрочено ровно на 6 месяцев, и, следовательно, эти деньги тогда могут даже уже оказаться лишними за невозможностью их использовать для кампании лета 1917 г. Между тем отсутствие материалов на 50% может пагубно отразиться на интенсивности ведения военных операций.

На втором заседании министр финансов передал французский перевод принятого Советом министров проекта договора. Так как вышеуказанные уступки были уже сделаны еще раньше передачи этого нашего проекта, то естественно, что Маккена принял этот текст лишь для вида и его фактически совершенно игнорировал. Этот текст даже ни разу не обсуждался. Все вопросы, намеченные Советом министров о свободе заказов, о «резерве валют» в распоряжении России были просто без всякой мотивировки отброшены. Заручившись этими уступками, министр Маккена вместо ответа на наш проект передал свой контрпроект. На бывшем у нашего министра финансов совещании контрпроект англичан был признан неприемлемым и был составлен наш второй проект, в котором были уже закреплены заранее сделанные генералом Беляевым уступки. Этот наш второй проект обсуждался в заседании с министром Маккенной по статье и встретил с его стороны многократно повторявшиеся возражения. За вторыми проектами обеих сторон последовали третьи, и, наконец, дело закончилось четвертым проектом Маккены с двумя вариантами, первый на 75 милл. и второй на 150 милл. фунт. при усиленном требовании золота.

Мотивировка обеих договаривающихся сторон, многократно в разговорной форме повторяемая во время прений, могла бы быть резюмирована следующим образом:

Мотивировка британского министра финансов Маккена:

«Я признаю без оговорок великое значение России в общем деле союзников и преклоняюсь перед ее блестящими победами. Я знаю трудное положение русской армии в вопросах снабжения и знаю, что ей нужны

кредиты, которые она просит у нас. Я обещаюсь сделать все, что можно. Но я могу от имени британского правительства принять обязательства только на то, что для нас исполнимо. Вам известно, что на Англию упала тяжесть финансирования всех союзников. Сперва Франция обещала разделить с нами тяжесть этого финансирования. Однако теперь она сама нуждается в нашей помощи и для американского рынка должна опираться на наш же кредит. Мы финансируем Россию, Италию, Сербию и даже саму Францию. А сколько стоит нам самим создание собственной сухопутной армии. И все это держится пока прочно на твердом кредите Английского банка, на непрекращающемся ни на один день размене на золото. На курсе нашего фунта стоит кредит всех союзников. Как только этот курс пошатнется, сразу пошатнется также финансирование войны для всех союзников. Для прочности положения мне нужно золото. Я должен время от времени бросать это золото на американский рынок. Я признаю, что в отношении американского рынка в начале войны были сделаны ошибки и мы избаловали золотом американцев; но это уже сделано и теперь этого больше поправить нельзя. Поэтому я могу открывать вам кредиты лишь в мере действительной для меня возможности расплачиваться на американском рынке. Я взял уже почти силою все американские ценности не только у английского правительства, но и у частных лиц. Я скупил ценности нейтральных держав и бросаю их за доллары на американский же рынок. Но среди этих нейтральных бумаг не все хороши, есть ведь малоценные, которые не ходят. Я скоро исчерпаю все свои ресурсы. Что я тогда буду делать? А платить надо будет. Если я Вам открою кредит на всю требуемую сумму, мне немедленно надо будет платить авансы по вновь данным заказам. Мне их взять неоткуда. Я могу принять обязательство только на 75 милл. После октября, в ноябре, я готов с вами опять разговаривать. Мне до осени надо заплатить для Англии в Америку за хлопок более 200 милл. фунтов, за хлеб более 150 милл. фунт. и т. д., теперь ведь пойдет реализация урожая. Вот когда это кончится, быть может, я найду деньги и для вас. Если же вы хотите получить все кредиты сейчас, дайте мне 30% золота. За 30% золота я дам вам кредит на все 100%. Не иначе.

Мотивировка русского министра финансов т. с. Барка:

«Как во время переговоров при наших последних соглашениях, так и теперь я устанавливаю совершенно другую точку зрения, чем точка зрения британского казначейства. Я утверждаю, что нам открываются Англией «чистые кредиты», без всякого соотношения к золоту. Кредиты эти открываются в силу союзнических отношений для победы над общим врагом, а не как финансовые операции. Ни о каких 30% золота не может быть и речи. За 30% золота я и без вас где угодно в Америке найду кредит. Я согласен только на получение чистого кредита. Однако это вовсе не значит, что я отказываюсь давать золото. Я безусловно признаю верность и важность ваших заявлений относительно необходимости для всех союзников обеспечивать устойчивость курса английского фунта и я твердо намерен исполнить принятые Россией наравне с Францией обязательства ссужать Английскому банку золото, если наличность его в кладовых банка понизилась бы ниже определенного в договорах уровня. Я, однако, не вижу оснований к тому, чтобы Россия делала вторую посылку золота, когда Франция еще не сделала первой.

Я полагаю, что нарисованная Вами трудность платежей за наш счет в Америке несколько преувеличена. Как Вам хорошо известно, американские поставки сильно опаздывают, и количество действительно заплаченных Вами за наш счет долларов вдвое меньше, чем по старым договорам Вы могли ожидать. А в сравнении с Вашими собственными платежами в

Америке или даже платежами Франции * Америке, они сравнительно невелики. Для расплат на ближайшие месяцы Вам хватит тех долларов, уплатить которые в эти сроки Вы уже обязались. Наконец, если даже реализация ваших американских и нейтральных ценностей уже подходит к концу, то, как мне хорошо известно, у Вас имеются еще очень большие запасы канадских ценностей. Я вполне понимаю, что соображения ваших отношений в Канаде побуждают вас беречь эти ценности, особенно железнодорожные. Но когда речь идет о выигрыше войны мирового значения, перед этими соображениями останавливаться нельзя и нельзя говорить о полном неимении у Вас долларов. До этого еще далеко.

Вы требуете от меня такого количества золота, которого я дать не могу. Золотой запас — это последний якорь, на котором держится наше денежное обращение. Ваша громадная мировая торговля, не взирая на войну, растет, а не падает, и сокращение золота в Ваших кладовых, как всем известно, явление преходящее, а потому второстепенное. Тогда как в России вывоз почти прекратился и торговый баланс совершенно опрокинулся. Для восстановления курса валюты после войны единственным нашим средством будет тоже золото. Мы его отдать в таком количестве не можем, не можем и потому, что мы не знаем, сколько времени еще продлится война. Наконец, с чисто формальной точки зрения я не могу подписать обязательства на золото, ибо Государственная дума уже вотировала законопроект, лишающий меня права распоряжаться им. Хотя это еще и не закон, но вопрос о золоте должен быть мною представлен на предварительное рассмотрение Совета министров».

Мотивировка начальника Генерального штаба ген. от инф. Беляева

(его мотивировка наших потребностей на предшествовавших совещаниях по снабжению, приведшая к сокращению наших требований на валюту на 50% против заявленных военным министром, мне не известна. Я начинаю с того, что я слышал на финансовых заседаниях с министром Маккеной, когда эти уступки были уже сделаны):

«Я уже сократил мой план снабжения русской армии, столь хорошо мне известный, до крайних пределов в 150 милл. Я не могу себе представить, как я буду сокращать его еще дальше до 75 милл. Я должен заказывать предметы снабжений по моему плану не только в зависимости от их относительной важности, но и от сроков, необходимых для их изготовления. Если я не имею сразу всей суммы в 150 милл., я должен буду заказывать наиболее важные предметы, не соображаясь со сроками изготовления. Я не могу рисковать. А вдруг я не получу следующих 75 милл. Мне надо иметь сразу обеспеченными все 150 милл., если даже заказы и будут даваться постепенно. Если генерал Алексеев узнает о неполной обеспеченности дальнейших снабжений, то это произведет в Ставке самое неблагоприятное впечатление и может явиться необходимостью в изменении стратегических планов».

Когда министр Маккена ответил, что он признает трудность для генерала Беляева пересоставить свои планы снабжения, но он сам стоит перед невозможностью увеличить сумму кредита и продолжал настаивать на цифре в 75 милл. до 1 января 1917 г., министр финансов т. с. Барк сам выступил с военной мотивировкой приблизительно в следующих выражениях:

«Я позволю себе напомнить вам, г. канцлер казначейства, о начале стоящей войны. Когда зся масса германских войск в августе 1914 г. наседали на французов и вас, когда вы просили у нас помощи, мы не торговались с вами, послать ли нам 2/5 нашей армии или иную дробь наших сил,

* Франция платит Америке ежемесячно около 100 милл. долларов. (прим. документа).

еще не закончивших мобилизацию. Мы бросили в Восточную Пруссию все, что могли, и ценою кровавых жертв и страшных потерь оттянули на себя часть сил германцев от вашего фронта и дали вам возможность одержать Марнскую победу. Почему же теперь, когда опять начались согласованные общие действия на всех фронтах, вы ставите неприемлемые условия, хотите воспользоваться нашим тяжелым финансовым положением? Ведь затрудняя правильность и успешность нашего военного снабжения, Вы забываете, что у военных событий есть тоже своя неизбежная логика. Недостаток снарядов и орудий в ближайшем будущем заставит нас остановиться теперь же столь победоносно начатое наступление, чтобы беречь снаряды. Как это может отозваться на положении вашей же английской армии, предоставляю судить вам самим».

После этого выступления т. с. Барка Маккена немедленно согласился на дачу всех 150 милл. сразу, при условии дачи заказов в течение августа — сентября на 75 милл. и октября — ноября по 37,5 милл., сохранив, однако, свое первоначальное чрезмерное требование золота.

На непомерные требования золота министр Барк согласиться не мог. В тот же вечер состоялось у т. с. Барка совещание русской делегации, на которой решено было не идти на дальнейшие уступки, и если англичане в свою очередь не уступят, уехать и представить последний проект англичан на усмотрение нашего Совета министров.

Такое решение, я считаю, было совершенно правильным, хотя и запоздавшим. Запоздавшим я его считаю потому, что по самому началу видно было желание министра Маккены идти дальше по пути захвата экономического влияния в России и не было никакой надобности делать те уступки, которые были сделаны еще на предварительных совещаниях и на заседаниях четырех министров финансов. Наша уступка с самого начала на 50%, конечно, не могла не подействовать ободряющим образом на захватную тенденцию англичан, дав им возможность считать, что мы признались в запрашивании на 50%.

Я сомневаюсь в том, чтобы мы эти 50% впоследствии целиком тоже получили, особенно если военные операции пойдут и дальше столь же успешно, как до сих пор.

Кроме сокращения общей суммы кредита, англичане добились согласия на оставление большей части условий старого договора, столь сильно связывающих свободу дачи наших заказов. Я вполне поэтому допускаю, что под давлением английского контроля и волокиты в ответах мы своевременно не израсходуем даже тех 50%, которые нам даны, и впоследствии будут говорить, что этого было совершенно достаточно и что дело стало не за кредитом, а за невозможностью разместить заказы. Единственное, что осталось от проекта, утвержденного Советом министров, и получило согласие Англии это, — что для заказов на сумму менее 5 000 фунтов, проходящих через правительственный комитет в Лондоне, предварительного согласия английского правительства не требуется. Таких мелких заказов очень много, поэтому это упрощение очень важно. Но это единственный плюс против условий старого договора.

Переходя к рассмотрению привезенного нами текста английского проекта, надо заметить, что «предложение А» с общей суммой в 75 миллионов фунт. принято не было, а потому об нем нечего и говорить. «Предложение В» на 150 миллионов было по существу генералом Беляевым принято и не подписано только из-за вопроса о золоте. Считаю, однако, своим долгом, кроме главных вопросов, уже вышеизложенных, представить еще по двум пунктам договора нижеследующие соображения:

По пункту IV. О значении этого ограничения для обороны государства уже доложено выше. Обязательство фабриканта доставить груз до 30 июня 1917 г. на пристань к пароходу сильно поднимет цену, ибо создаст столкновения грузов в пути, а главное — загромодит пристани и уве-

личит опасность как от пожаров, так и от злоумышленных попыток к взрывам, как это уже было недавно в Нью-Йорке. Включение в текст условия о морской перевозке создаст только новый предлог для задержки наших заказов, как это уже и наблюдается в вопросе о закупке металлов. Ограничение новых заказов в Северной Америке половиной всей суммы заказов при наличии очень больших уже данных заказов в Америке Министерством путей сообщения может оказаться для Военного министерства и неудобным.

По пункту IX. Этот пункт удалось уже против его первоначальной английской редакции сильно видоизменить. Однако и эта редакция, по моему мнению, непримлема, ибо последние строки дают Англию право требовать при заключении мира уничтожения всякого нашего, неизъятого по взаимному соглашению обоих правительств, военного заказа, хотя бы он был нам для обороны государства крайне необходим. Едва ли можно ставить нас в такую зависимость от Англии.

Приложение. Русский перевод английских проектов договора.
Генерального штаба генерал-майор [Михельсон].

ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916—1917 гг., д. 66, лл. 90—102. Отпуск.

№ 5

1916 г. октября 27.— «Финансовое соглашение между британским и русским правительствами (дополнительное к соглашению, заключенному 30 сентября 1915 г.)»*

Канцлер казначейства, русский министр финансов и генерал Беляев, начальник русского Генерального штаба, по совместном обсуждении потребностей России, с одной стороны, способов перевозки и кредитов, которые Великобритания в состоянии предоставить в распоряжение своего союзника, с другой; считая также с тем, что канцлер казначейства указал на нежелательность выпуска займа в Сев. Американских Соединенных Штатах впредь до производства выборов президента в ноябре месяце, и, вследствие сего, принимая во внимание те трудности, с которыми канцлеру казначейства приходится встречаться при выпуске долгосрочных обязательств; заслушав одновременно с сим сообщение русского министра финансов и генерала Беляева о необходимости для России иметь ежемесячный кредит в 25 000 000 фунтов стерлингов до окончания войны, и признавая, что для обеспечения окончательной победы союзников военные потребности России должны быть удовлетворены и снабжение ее армии поставлено на должную высоту,—представили изложенное положение на благоусмотрение своих правительств, которые пришли к следующему соглашению:

I. Ввиду того, что обязательства, принятые на себя английским правительством на основании финансового соглашения 30 сентября 1915 г., оказались несколько менее предварительно установленной суммы в 300 000 000 фунтов стерлингов, сумма новых заказов, подлежащих помещению согласно статье III (IV) означенного соглашения, увеличивается с 54 000 000 фунтов стерлингов, первоначально обусловленных, до 97 500 000 фунтов стерлингов.

II. Великобританское королевское правительство принимает на себя обязательство представить русскому правительству дальнейший ежемесячный кредит в размере 25 000 000 фунтов стерлингов в течение шести месяцев, считая с октября 1916 г. по март 1917 г., на условиях, предус-

* *Заглавие документа. Копия подлинника соглашения на английском языке имеется в том же деле на стр. 196—199.*

могренных соглашением 30 сентября 1915 г. и измененных последующими соглашениями. Означенный кредит предоставляется на покрытие дальнейших заказов, помещаемых русским правительством в Британской империи, Италии и Сев. Американских Соединенных Штатах, равно как и поставок, производимых английским правительством сверх суммы 97 500 000 фунтов стерлингов, упоминаемой в статье первой, а также на покрытие ежемесячного кредита, обусловленного статьей 5, и на различные другие платежи, подобные предусмотренным соглашением 30 сентября 1915 г. Русскому правительству предоставляется право, если бы в том встретилась надобность, помещать новые заказы на общую сумму, за вычетом свободного ежемесячного кредита, не превышающую 75 000 000 ф. ст. в течение августа — сентября месяцев, и не свыше как по 37 500 000 ф. ст. в течение октября и ноября месяцев. Тяжелая артиллерия и снаряды, которые могут быть поставлены английским военным министерством по уже помещенным им контрактам, не входят в настоящее соглашение и будут оплачиваться путем учета бонов из месячных кредитов, которые будут установлены впоследствии. Незначительные заказы могут помещаться в Скандинавии, при условии, однако, чтобы вызываемые ими платежи, подлежащие оплате за счет английского кредита, не превышали 275 000 ф. ст. в месяц, как по настоящему, так и по предшествующему соглашениям.

III. Заказы, помещенные русским правительством на основании настоящего соглашения, должны быть ограничены возможностью сдачи их на пристань не позднее 30 июня 1917 г.; соответствующие исключения могут быть сделаны лишь с согласия обоих правительств; заказы должны помещаться по соображениям с возможностью морских перевозок, причем не более половины новых заказов может быть размещено в Северной Америке без особого на то соглашения обоих правительств.

IV. Британское правительство принимает на себя обязательство сделать все от него зависящее, чтобы облегчить помещение заказов через английские правительственные учреждения и избежать ненужных промедлений и формальностей, в особенности при заказе машин и станков.

В случае покупок Русским правительственным комитетом в Лондоне на сумму, не превышающую 5000 фунт. ст. для каждой из них, русское правительство имеет право производить таковые без предварительного сношения с британским правительством, сообщая ему, однако, еженедельными ведомостями о подобных покупках, по возможности в кратчайший срок. Разрешения на изготовление и на вывоз должны испрашиваться на основании действующих правил.

V. Из ежемесячного кредита, предоставляемого согласно статье 2. сумма в 4 000 000 ф. ст. будет поставлена в свободное распоряжение русского правительства для следующих надобностей: 2 500 000 ф. ст. предназначаются на платежи: по покупкам сырья, съестных припасов и предметов торгового оборота, за исключением лишь централизованных покупок металлов, машин и станков, медикаментов и резины, по личным и благотворительным расходам, а равно и по таким исключительным платежам по заказам, помещенным после 1 апреля 1916 г., для которых хотя и установлена централизация, но русское правительство почему-либо пожелало поместить их каким-нибудь иным способом; 1 500 000 ф. ст. могут использоваться при посредстве расчетного отдела Министерства финансов для поддержания курса рублей на Англию, при том условии, что значительная часть этой суммы будет предоставлена на покрытие долгов в рублях или остатков по ним английским коммерсантам по их прежним или настоящим торговым сделкам, а также на удовлетворение прочих английских требований на валюту, если только таковые не будут вытекать из арбитражных сделок или являться способом помещения денег.

VI. В случае превышения учетным процентом Английского банка 5% обязательства государственного казначейства, выпущенные в фунтах ст.,

будут учитываться из того же учетного процента. Обязательства государственного казначейства, учтенные на основании настоящего и предшествующего соглашений, подлежат возобновлению, по уплате следующих по учету сумм, на срок, не превышающий одного года по заключении мира. Британское правительство окажет свое содействие русскому правительству при выпуске долгосрочного займа, предназначенного на погашение обязательств государственного казначейства.

VII. Русское правительство принимает на себя обязательство отправить в распоряжение британского правительства по требованию последнего золото на сумму, не превышающую 20 000 000 ф. ст., при том условии, однако, что британское правительство потребует выслать золото только в том случае, если общая сумма золотого запаса Английского банка и золота, обеспечивающего банкноты, выпущенные в обращение, не будет превышать 85 000 000 ф. ст. Ни в каком случае требование об отправке золота не может быть предъявлено ранее 1 января 1917 г.

Казначейские обязательства британского правительства, которые должны быть выданы взамен отправленного золота, подчиняются тем же условиям, которые были предусмотрены статьей 2 соглашения 30 сентября 1915 г., т. е. выпускаются в равных количествах на сроки в три, три с половиной, четыре, четыре с половиной и пять лет, с тем, однако, исключением, что они должны приносить доход из того же процента, из которого учитываются обязательства русского государственного казначейства на основании статьи 6 настоящего соглашения.

VIII. Настоящее соглашение сохраняет свою силу лишь в случае продолжения военных действий; при заключении же мира оба правительства предпримут все возможные шаги к тому, чтобы аннулировать контракты, которые подлежат оплате за счет английского кредита, или же договорятся о порядке ликвидации тех материалов, которые обладают известной рыночной ценностью. Означенный порядок не будет применен к тем заказам, о которых будет установлено особое соглашение между обоими правительствами.

В удостоверение правильности изложенного, нижеподписавшиеся настоящее соглашение своими подписями скрепили и печати приложили.

Сделано в двойном экземпляре в Лондоне 27 октября 1916 г.

Бенкендорф, Грей.

ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916—1917 гг., д. 66, стр. 200—205. Гектогр. копия.

№ 6

*1916 г. декабря 21.— «Протокол заседания в Военном министерстве под председательством военного министра»**

На этом заседании министр финансов тайный советник Барк сделал сообщение о положении наших военных кредитов за границей.

На заседании присутствовали:

Военный министр генерал от инфантерии Д. С. Шуваев в сопровождении своего помощника сенатора тайного советника Н. П. Гарина и председателя Валютной комиссии генерал-майора А. А. Михельсона.

Министр финансов тайный советник П. Л. Барк в сопровождении своего товарища тайного советника В. В. Кузминского и управляющего Кредитной канцелярией К. Е. фон Замена.

Члены Государственного совета:

* Заглавие документа.

Граф С. А. Толь, князь А. Н. Лобанов-Ростовский, М. А. Стахович, Ф. А. Иванов, барон В. В. Меллер-Закомельский, В. И. Карпов, С. Ф. Ольденбург.

Члены Государственной думы:

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко, члены: А. А. Добровольский, Н. В. Савич, Д. Н. Чихачев, В. А. Маклаков, В. А. Энгельгард.

Заседание началось вскоре после 9 часов вечера.

Председатель военный министр: Господа, Петр Львович был так любезен, что согласился сообщить нам сегодня несколько слов о современном состоянии валютного вопроса.

Министр финансов тайный советник П. Л. Барк: Господа, общая сумма наших заграничных займов за время войны достигает цифры около 7 $\frac{1}{2}$ миллиардов рублей в валюте. Главнейшие составные части следующие: до сентябрьских 1915 г. соглашений с союзниками были сделаны займы в Англии на сумму всего около 120 миллионов фунтов стерлингов и во Франции около 625 миллионов франков. Во время сентябрьских соглашений на 1915 г. мы получили до 1 октября 1916 г. от Англии 300 миллионов фунтов и от Франции 1500 миллионов франков. Затем летом и осенью минувшего года мы получили от Англии 150 миллионов фунтов и продолжили договор с Францией по 125 миллионов франков в месяц впредь до окончания войны. Всего нами заплачено уже больше четырех миллиардов рублей в валюте и более трех миллиардов имеется еще незаплаченных, но уже несвободных кредитов. Независимо от этого, по сведениям Валютной комиссии, имеется еще не покрытых кредитами заявленных ведомствами программ до 1 июля 1917 г. на заграничные заказы еще на 2 $\frac{1}{2}$ миллиарда рублей, для которых предстоит изыскать новые кредиты.

Так как кроме чисто военных расходов неизменно надо производить расходы по нашей торговле во Франции, я попытался двинуть этот вопрос во время моих переговоров летом в Париже. Я определил нашу потребность для частной торговли в 25 миллионов франков в месяц. Министр Рибо встретил мою просьбу как будто доброжелательно. Однако он стал настаивать на том, чтобы Россия компенсировала дачу этих 25 миллионов тем, что обязалась бы теперь же закупать на своем рынке для Франции хлеб и лес на эту же среднюю месячную норму и хранило бы эти товары у себя впредь до окончания войны. Я на это никак согласиться не мог. Мы рассчитываем после окончания войны заменить наши краткосрочные обязательства долгосрочными займами, а отнюдь не выкупать их немедленно золотом. Между тем предложение Рибо сводилось к тому, что золото из торгового баланса нашего будущего экспорта после войны, то золото, которое одно может содействовать восстановлению и поддержанию будущего курса нашего рубля, было бы впредь получено Францией в погашение нашей военной задолженности. На это я, конечно, согласиться не мог. Тогда и Рибо заявил, что он на увеличение размеров наших месячных кредитов идти не может. Опыт такой закупки хлеба для Франции был уже однажды нами сделан в предположении, что дарданелльская операция англичан приведет к успешным результатам. Впоследствии с грузом удалось ликвидировать эту хлебную закупку для Франции.

Таким образом, после наших летних переговоров во Франции мы остались при условиях прежнего займа, т. е. по 125 миллионов франков в месяц, но зато уже не на определенный срок, а впредь до окончания войны. При этом, однако, Рибо обещал, что если производительность французского военного рынка окажется больше предполагаемой, то он согласен соответственно увеличить размер месячных кредитов.

Переговоры с Англией были еще труднее.

Канцлер казначейства Маккена в первом же заседании заявил, что

он ставит кредиты в зависимость от возможности транспорта заказываемых предметов как морем (тоннажа), так в особенности от провозоспособности наших железных дорог от портов к фронту армий. Пришлось потратить несколько заседаний на то, чтобы доказать, что у нас с этой стороны препятствий не будет. Тем не менее Маккена не соглашался на увеличение предположенной им суммы в 75 миллионов фунтов, т. е. на три месяца против сделанного нами заявления о нашей потребности в 300 миллионов. При этом он особенно настаивал на встречаемых Англией трудностях при расплате долларов, особенно в Америке. Маккена указывал на то, что он сделал все возможное, скупая американские и канадские процентные бумаги; но как ни велико полученное им число этих ценностей, их не хватает для удовлетворения потребностей всех союзников, кредитуемых Англией. Скоро ему-де неоткуда будет взять природных долларов. На продажу же английских фунтов за покупные доллары на американском рынке он-де идти не может. Это уронило бы курс английского фунта на всемирном рынке. Только в самом конце переговоров удалось настоять на увеличении суммы кредита с 75 миллионов до 150 миллионов фунтов. Это все же составило лишь половину предъявленных перед моей поездкой военным министром требований.

Последние дни центр тяжести переговоров свелся к вопросу об золоте. Маккена настаивал на том, чтобы мы внесли Англии в два приема 40 миллионов золотом. Я заявил, что это невозможно, но и что в этом вопросе я связан даже формально невозможностью это сделать, ибо существует постановление законодательных палат, которое лишает меня свободы действия в этом вопросе. Так как Маккена стоял на своем, то мне пришлось уехать, не подписав договора.

По приезде в Петроград я доложил Совету министров и Комитету финансов положение вопроса, и они согласились со мною по вопросу о золоте. Переговоры были переданы нашему послу в Лондоне и тянулись до конца октября месяца, когда договор был, наконец, подписан. Мы обязались дать всего 20 миллионов золотом. При этом Совет министров подтвердил, что дальнейшую высылку золота он считает невозможной.

Переговоры с Англией по второму военному займу потребовали всего (с апреля по октябрь) более шести месяцев. Это нам надо принять во внимание при следующих наших переговорах.

Вот положение нашего кредитования у Англии и Франции.

Не угодно ли будет кому-либо предложить вопросы?

Член Государственного совета В. В. Меллер-Закомельский просит разъяснений по поводу переговоров с Францией о дополнительных кредитах, не видя в закупках хлеба и леса невыгодной для России операции. Министр финансов вновь повторяет уже сказанное и поясняет, почему нам не выгодно предрешать расплату по краткосрочным обязательствам золотом, вместо консолидации наших обязательств после окончания войны долгосрочными займами.

Член Государственного совета Ф. А. Иванов ставит вопрос относительно того, в какой степени договоры обеспечивают нам справедливое распределение между союзниками сделок, заключенных по разным ценам по такого рода закупкам, как, например, металлы, по которым вольного рынка нет и все закупки централизованы в руках английского правительства. Ему известно, например, что Англия запрещала нам сделки, не давая валюты, когда медь была еще сравнительно дешева, и делала все закупки для себя. А затем, когда она себя обеспечила, а цены страшно поднялись, стала делать закупки для России, ставя нам на счет эти повышенные цены.

Министр финансов заявил, что этот вопрос в договоре не предусматривается, и что он полагает, что он входит уже в компетенцию генерала Гермониуса в следствии закупок.

Ф. А. Иванов возражает, что генерал Гермониус в этом вопросе бес- силен, раз Англия имеет право не давать нам валюту для дешевых сде- лок и сама производит на наш счет дорогие сделки.

Член Государственного совета В. И. Карпов полагает, что такие во- просы могли бы быть урегулированы введением надлежащих поправок в расчете после окончания войны, как для других расчетов между прави- тельствами.

Член Государственного совета М. А. Стахович замечает, что с та- ким явлением бороться нам трудно, ибо заимодавец будет всегда в этих вопросах иметь преимущество перед должником.

Министр финансов тайный советник Барк изъявляет согласие в бу- дущих переговорах выяснить эти вопросы с целью по возможности огра- дить наши интересы.

Член Государственной думы Д. Н. Чихачев желает знать, какие улуч- шения введены в условия наших военных закупок во второй договор по сравнению с первым.

Министр финансов т. с. Барк заявляет, что улучшений немного, но есть. Первые и главным из них он считает то, что нам удалось выговорить свободу распоряжаться без всякого контроля Англии кредитом в 4 мил- лиона фунтов ежемесячно. Кредитом этим распоряжается Кредитная канцелярия. Этот кредит состоит из 2 $\frac{1}{2}$ миллионов фунтов для частной промышленности, не работающей на оборону, и 1 $\frac{1}{2}$ миллиона для ре- гулирования курса рубля на свободном рынке. Вторым улучшением яв- ляется то, что для заказов на сумму менее 5000 фунтов мы не обязаны испрашивать предварительной санкции британского казначейства при условии, что эти заказы будут помещаться в Англии, и не иначе как через Русский правительственный комитет в Лондоне. Третьим улучшением т. с. Барк считает то, что стоимость тяжелой артиллерии, которую Англия уступила бы из числа своих, уже заказанных ко дню договора на заводах орудий, не будет включаться в кредиты по второму займу, а будет опла- чиваться нашими краткосрочными обязательствами за счет последующих новых финансовых соглашений.

Далее член Государственной думы Н. В. Савич задает вопрос: имеем ли мы право делать новые заказы за счет первого займа, если бы часть заказов, например в Америке, вследствие неисправности поставщиков, была бы аннулирована и связанные кредиты, таким образом, осво- бодились бы.

Министр финансов т. с. Барк заявляет, что мы безусловно это право имеем, и вопрос заключается только в формальностях аннулирования за- казов.

Член Государственной думы Б. А. Энгельгард желает знать, в какой степени верно, что генерал Гермониус встречает уже теперь затруднения со стороны Англии в помещении заказов в Америке, якобы за исчерпа- нием кредитов по 2-му займу.

Министр финансов т. с. Барк: Это действительно верно и это-то и вы- нудило уже нас начать с Англией новые переговоры о третьем займе.

Б. А. Энгельгард: А где же эти переговоры будут вестись?

Министр финансов: Здесь в Петрограде. Нота наша уже передана сэру Бьюкенену для сообщения в Лондон.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко: И Вы полагаете, что мы можем рассчитывать на успех этих переговоров?

Министр финансов т. с. Барк: Да, я полагаю, что можем, ибо иначе нам пришлось бы идти на сепаратный мир, чего Англия, конечно, не допу- стит. Это, конечно, только мое личное мнение.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко: Это значит по кредиту в Англии. А как обстоит дело с нашими платежами в Японии и Швеции?

Министр финансов т. с. Барк: Мы имели сперва иены из английского кредита на сумму 3 миллиона фунтов для расплаты по нашим заказам в Японии, данным до 1 октября 1915 г. По мере выяснения новых заказов и платежей цифра эта постепенно все увеличивалась и дошла до 12 миллионов фунтов, или около 120 миллионов иен. От дальнейших кредитов на Японию Англия отказалась и нам пришлось прибегнуть к прямым займам в Японии. Таких займов было заключено два: первый на 50 миллионов и второй на 70 миллионов иен, и теперь ведутся переговоры о третьем. Кроме того, мы получили кредит на 15 миллионов иен отдельно за купленные у Японии суда. Всего, следовательно, у Японии получены кредиты на $15 + 15 + 70 = 135$ миллионов иен. Между тем, число помещенных нами в Японию заказов гораздо выше и у нас имеется заказов на 80 миллионов иен*, кредитами еще не покрытых. Мы заявили нашу потребность японскому правительству на сумму кредитов в 250 миллионов иен, по 25 миллионов иен в месяц, для покрытия нашего дефицита в иенах и для новых заказов. Военный министр по соглашению со мной и министром иностранных дел приказал приостановить дачу новых заказов в Японии впредь до открытия нам новых кредитов. Теперь сущность переговоров с Японией сводится к тому, что мы говорим: дайте нам кредит, мы дадим немедленно заказы, а Япония говорит: дайте на сперва заказы, тогда мы вам откроем кредиты. Так как мы уже без того в невыгодном положении, имея дефицит в иенах, мы уступить не могли и переговоры затянулись. Однако есть надежда, что мы в конце концов придем к какому-либо соглашению.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко: А не предъявляли ли японцы нам в связи с этими финансовыми переговорами требования политического свойства, совершенно для нас неприемлемые?

Министр финансов т. с. Барк: Нет, не предъявляли.

М. В. Родзянко: Значит, не предъявляли ничего особенно важного?

Министр финансов т. с. Барк: Нет, не предъявляли.

Д. Н. Чихачев: А как обстоит дело с нашими платежами в Швеции?

Министр финансов т. с. Барк: В Швеции и вообще в скандинавских государствах мы расплачиваемся валютой из английского кредита. Англия по 2-му договору обязана давать нам 5 миллионов крон в месяц для расплаты в Швеции. Однако ввиду запрещения Швеции ввозить золото и требования ее на ввоз тех товаров, в которых она нуждается, как компенсации за предметы, необходимые союзникам для обороны, фактически Англия нам этих кредитов не дает. Существует, конечно, опасность, что эти товары пойдут в Германию, и этим ослабится строгость блокады. Наши попытки получить кредит непосредственно в Швеции до сих пор успеха не имели. Чтобы получить кроны, я предложил Франции дать ей доллары за уступку нам крон из имеющегося у ней в Швеции займа. Дело это еще в периоде переговоров. Для той же цели я не останавливался даже перед разрешением иногда вывоза рублей в Швецию, что вообще крайне нежелательно. Таким образом, положение по шведской валюте тяжело.

Член Государственной думы А. А. Добровольский: Кажется, японцы тоже предлагают нам расплачиваться с ними рублями?

Министр финансов т. с. Барк: Но это невозможно. Для регулирования курса надо категорически запрещать вывоз кредитных рублей за границу. Несмотря на все требования их из заграницы, мы отказываем. Даже оставление рублей в России в руках иностранцев в конце концов сводится к обмену их на валюту.

Военный министр от имени присутствующих благодарил министра финансов за сделанное им сообщение.

* По сведениям Валютной комиссии, теперь 40 миллионов, с 1 июля — 53 миллиона (прим. документа).

Настоящий протокол составлен по приказанию помощника военного министра сенатора Н. П. Гарвна по замечкам, сделанным во время заседания помощником военного министра сенатором Н. П. Гариным, членом Государственного совета М. А. Стаховичем, членом Государственной думы Д. Н. Чихачевым и Генерального штаба генерал-майором А. А. Михельсоном.

Председатель Валютной комиссии Генерального штаба генерал-майор Михельсон.

ЦГИАЛ, ф. 1524, оп. 1, 1916—1917 гг., д. 68, лл. 42—46. Подлинник.

№ 7

1917 г. январь.— Из материалов к конференции союзников в Петрограде в январе 1917 г.

Объяснительная записка [Кредитной канцелярии] к проекту нового финансового соглашения с Англией*.

Размер ежемесячных кредитов и право образования резерва валюты из ежемесячных остатков.

Размер ежемесячного расхода 25 милл. ф. ст., определенный в соглашении от 17 сентября 1915 г. в соответствии с заявленными военным ведомством цифрами, в действительности, как показывает нижеприведенная таблица, ни разу не был достигнут, и средний месячный расход за истекшие 8 месяцев равняется 14,5 милл. ф. ст.

	Дано приказом бр. Берингам	Учено бонов
Октябрь	ф. ст. 15 200 000	ф. ст. 20 110 000
Ноябрь	» 11 000 000	» 10 520 000
Декабрь	» 16 000 000	» 14 430 000
Январь	» 10 000 000	» 14 000 000
Февраль	» 12 500 000	» 12 610 000
Март	» 13 000 000	» 13 320 000
Апрель	» 6 000 000	» 15 560 000
Май	» 5 500 000	» 15 550 000
	ф. ст. 89 200 000	ф. ст. 116 100 000

Разница между итогом приказов и размером выручки в 26,9 милл. ф. ст. объясняется тем, что в сумму выручки вошли:

1) платежи английскому правительству, произведенные им самим,— 20 милл. ф. ст.;

2) примерная курсовая разница при переводе фунтов на другую валюту — 6,9 милл. ф. ст., на каковые кредиты, очевидно, не имелось приказов Кредитной канцелярии.

Между тем при начале действия соглашения существовало опасение, что ежемесячная норма может быть превзойдена, в предвидении чего и для производства необходимой для сего разверстки и была образована Валютная комиссия.

Действительность же показала, что размеры платежей, выведенные военным ведомством на основании ожидаемых сроков поставок, оказались значительно меньше, что объясняется тремя причинами:

* Заглавие документа.

1) неисправностью зарубежных контрагентов, чрезвычайно затянувших поставки и в большинстве просрочивших контрактные сроки;

2) медленностью предъявления учреждениями Военного министерства к Кредитной канцелярии требований о переводах (по заявлению представителя фирмы Вигмор г. Каллаган, Военно-техническое управление платило им через 5 месяцев после приемки сданных автомобилей) и

3) задержками в исполнении платежей, которые имели место со стороны английского казначейства, которое нередко даже по заказам, данным до 1 октября, запрашивало дополнительные данные, на собрание и сообщение коих требовалось немало времени (иногда до 6 недель и более).

Нижеследующая таблица показывает расхождение предположений ведомств с действительным расходом:

	Заявлено по смете	Действительно взято талонов комисси	Действительно израсходовано
Ноябрь	Руб. 335 000 000	Руб. 211 000 000	Руб. 1 044 600 000
Декабрь	» 287 292 000	» 167 210 000	» 151 670 000
Январь	» 323 918 000	» 170 432 000	» 95 360 000
Февраль	» 353 302 000	» 264 095 000	» 118 260 000
Март	» 350 000 000	» 155 974 000	» 122 930 000

Подобная конъюнктура, когда сроки платежей значительно отодвинулись и упали в крупной части, по исчислению генерала Гермоннуса 1 000 000 000, на последодоговорные сроки, т. е. после 1 октября 1916 г., на которые при заключении соглашения приходились ничтожные суммы, выдвинули вопрос о том, как следует толковать соглашение, т. е. предоставляет ли оно нам право расходования сумм в пределах 300 000 000 ф. ст. лишь до 1 октября 1916 г. или же на основании его все наши заказы обеспечиваются платежными средствами на все время их исполнения, хотя бы самые платежи и падали на сроки после 1 октября 1916 г.

Вторая точка зрения была принята английским казначейством по отношению к новым заказам, размещенным с его ведома, причем это толкование повлекло за собой то, что, хотя общий кредит на новые заказы и равнялся 68 000 000 ф. ст. (54,5 первоначальных и 13,5 дополнительных) и сумма новых заказов достигла этого размера, но фактически к 1 октября 1916 г. из нее будет уплачено, вероятно, менее половины, остальная же часть падет на более отдаленные сроки. Казначейство, утверждая, что раз заказ дан с его одобрения, на нем лежит обязанность оплачивать его во все время его исполнения, лишило нас возможности разместить заказов на большую сумму, что имело бы место, если бы под кредитом на эту цель подразумевался итог платежей, падающих до 1 октября, а изыскание средств для оплаты заказов на дальнейшее время лежало бы на Министерстве финансов.

Военное министерство оспаривает подобную точку зрения казначейства, находя, что такая опека несовместима с нашим достоинством и повлекла за собой чрезвычайно быстрое исчерпание кредита на новые заказы и вызвала в апреле сего года приостановку в их размещении.

По исчислениям генералов Гермоннуса и Михельсона, сумма принятых нами на себя обязательств с прибавлением уже уплаченных сумм превышает 3 миллиарда рублей, и к 1 октября 1916 г. можно ожидать, что действительные расходы достигнут 2 000 000 000 рублей.

Таким образом, оставшийся 1 000 000 000 рублей и образует собой резерв валюты от прежнего соглашения, по идее долженствующий служить для оплаты всех имеющихся ныне заказов после договорного сро-

ка (1 октября 1916 г.), а равно могущий в случае надобности обращаться нами и на другие цели с тем, чтобы получающийся вследствие сего недостаток для оплаты заказов после договорного срока покрывался нами из собственных средств.

Наше право распоряжаться резервом по собственному усмотрению военное ведомство считает особо важным и лишь в виде крайней уступки считает возможным обязаться откладывать из него те суммы, которые будут подлежать уплате в самой Англии, ее колониях или же английскому правительству по заказам, размещенным им за наш счет.

Независимо от сумм, могущих быть взятыми в разумных пределах из резерва, новое соглашение должно дать нам еще средства для покрытия всех наших текущих постоянных расходов с 1 октября и предоставить нам возможность продолжать ныне же размещение заказов, остановленное за исчерпанием кредитов.

Размер, определенный военным ведомством на новые заказы, однако, является, по-видимому, преувеличенным, ибо предположить возможность размещения заказов на такие суммы, как по военному ведомству 2,5 миллиардов рублей, а по Министерству путей сообщения около 400 000 000 рублей с разумными сроками исполнения, трудно.

Возвращаясь к размеру ежемесячных кредитов предстоящего соглашения, необходимо прежде всего остановиться на разбитии их на другие валюты, кроме английской, ибо вопрос о других валютах, по всей вероятности, и встретит наибольшие возражения со стороны казначейства.

Военный министр определяет размер ежемесячной потребности в валютах: 50 милл. долларов, 30 милл. иен и 10 милл. крон* и другие валюты, кроме французской, по мере действительной надобности.

Нижеследующая таблица дает представление о расходе в долларах за 8 месяцев:

	В долларах выплачено английским казначейством
Октябрь	17 584 896,96
Ноябрь	16 368 905,60
Декабрь	24 926 573,30
Январь	22 772 468,14
Февраль	23 515 033,71
Март	32 824 130,20
Апрель	24 730 109,46
Май	18 904 501,74

Всего . . 181 629 619,11

Таблица показывает, что ежемесячный расход в долларах значительно ниже заявленной Военным министерством цифры 50 милл. долл., но уменьшать ее размер трудно, ибо большинство новых заказов упадет на Америку.

Вопрос об иенах стоит особо: по произведенным Военным министерством подсчетам, размещенные до 1 октября заказы в Японии вызывают расход в 120 милл. иен, английским же правительством предоставлено

* Первоначально заявленная цифра в 5 милл. крон является ошибочной, ибо, получая от английского казначейства на кроны 275 000 ф. ст. ежемесячно, что по курсу 15,75 даст 4,33 милл. крон, мы имели на 1 июля нов. ст. 6 милл. крон неисполненных переводов (прим. документа).

всего 90 милл. иен (9 милл. ф. ст.). Итого для старых заказов недостает 30 милл. иен, ибо выручка от займа в Японии потрачена Военным министерством и, кроме того, для новых заказов требуется до 315 милл. иен.

Месячный расход в иенах, покрываемый из английского кредита, будет зависеть от результатов переговоров о займе в Японии; весь же размер предположенного месячного расхода достигает 30 милл. иен.

Независимо от сего, Министерству финансов будут предстоять в 1917 г. расходы по оплате обязательств, выдаваемых фирме Окура и К° в сумме пока 24 501 000 иен, а кроме того, в этом еще году — по платежам японскому правительству за ссуду 15 000 000 иен по реализованному в Японии краткосрочному займу 50 000 000 иен.

Сумма в 10 000 000 крон является минимальной, ибо, получая от казначейства на кроны 275 000 ф. ст. ежемесячно, что по среднему курсу 15,75 даст 4,33 милл. крон, мы имеем почти вдвое меньше, чем нужно, ибо кроме заказов ведомств, кроны требуются частной промышленности, для помощи и почтовых переводов военнопленным (за 4 месяца помощь — 479 000 крон, переводы — 6 857 000 крон); кроме того, большие расходы в кронах предвидятся для Мурманской дороги, вынужденной в силу своего местонахождения закупать почти все продукты в Швеции и Норвегии.

Ввиду сего уменьшение ежемесячной суммы в 10 милл. крон невозможно, а желательно даже ее увеличение до 15 милл.

П. 6.

Что же касается до расходов в остальных валютах, то желательно не перечислять страны, в которых можно производить платежи, а ограничиться указанием стран, расходы в коих не оплачиваются из английского кредита.

Неудовлетворительность перечневой системы была обнаружена на практике, когда приобретение судов в Румынии, т. е. стране, расходы в коей не предусмотрены соглашением, удалось произвести лишь после долгих переговоров.

П. 6. Предметы расходов.

Что касается до предметов расходов, то, помимо оплаты нашей задолженности, необходимо оговорить, что «постоянные расходы русского правительства оплачиваются из сих кредитов».

Благодаря отсутствию подобного указания в тексте прежнего соглашения, казначейство сперва вовсе отказывалось оплачивать содержание наших представителей за границей и впоследствии согласилось лишь на оплату расходов Министерства иностранных дел; остальные же наши постоянные расходы, т. е. содержание приемщиков, браковщиков, техников, прочих представителей, помощь и почтовые переводы военнопленным фигурируют в списке предметов, оплачиваемых из 2-миллионного кредита для нужд частной промышленности и торговли, не работающей на оборону.

Равным образом необходимо указать на то, что все казенные заказы подлежат оплате из английских кредитов, ибо при наличии подобной оговорки оплата столь необходимых нам сельскохозяйственных машин и шпатага не встретила бы затруднений, как это имело место ранее, и не относилась бы на 2-миллионный кредит; даже воск должен бы быть покрытым из этого источника.

Пункт Д, № 6. О кредите для нужд частной промышленности.

Отдельная справка о 2-миллионном кредите.

П. 7. Об ускорении техники платежей.

Статьей 3 соглашения предусмотренная оплата заказов, данных до 1 октября в Соединенном королевстве, Канаде, Северо-Американских Соединенных Штатах и в Японии на сумму не свыше 6 милл. ф. ст., производится без предварительного представления заключенных контрактов на рассмотрение в Лондоне с сообщением английскому правительству при ближайшей возможности лишь сумм, сроков платежей, предметов поставок, по которым соответствующие суммы должны быть уплачены, причем согласно ст. 5 соглашения (редакция коей недостаточно ясна, ибо она говорит лишь о банкирах русского правительства в Америке и Английском банке — для раслат в Англии) английское казначейство ставит на счета русского правительства в Английском банке и у банкиров русского правительства в Америке необходимые для сего суммы, русское же правительство будет осведомлять английское казначейство с возможной полнотой о вероятных предстоящих требованиях в Лондоне и Нью-Йорке, определяя суммы подлежащих открытию кредитов в размерах, потребных для ближайших платежей.

Оплата же из английских кредитов наших старых заказов в других странах, кроме перечисленных, возможна лишь при условии рассмотрения и одобрения соответствующих контрактов подлежащими английскими правительственными учреждениями в порядке, изложенном в приложении к соглашению, установленному для новых заказов.

Таким образом, представление в Лондон контрактов было обязательным лишь для заказов вне Канады, Америки, Англии и Японии, в последней до 6 милл. ф. ст., а остальные должны были оплачиваться распоряжением Кредитной канцелярии своим банкирам, имевшим получить суммы от казначейства, по сообщении последнему указанных выше данных.

Между тем англичане требовали представления в Лондон списка всех наших заказов без исключения, а так как доставка его очень задержалась за трудностью его составления, был установлен временный порядок открытия кредитов по требовательным телеграммам Кредитной канцелярии, которые должны были составляться со всеми подробностями заказов, какой порядок из временного превратился в постоянный и практикуется и поныне, несмотря на доставление в Лондон полного списка заказов.

Порядок этот следующий:

Беринги по получении требовательной депеши иностранного отделения сообщают копию ее представителю Кредитной канцелярии в Лондоне, который передает таковую казначейству; последнее рассматривает ее, и в случае, если найдет содержащиеся в телеграмме данные достаточными, передает Берингам соответствующие суммы в разных валютах.

Беринги затем телеграфируют (для выплат вне Англии) полученные ими инструкции тем банкам, у которых они получили суммы, причем банки эти обычно не совпадают с корреспондентами Кредитной канцелярии; банки, получившие инструкции от Берингов, уплачивают суммы корреспондентам Канцелярии, которые в свою очередь инструктируются Кредитной канцелярией, и эти последние, наконец, уплачивают суммы адресатам.

Средняя продолжительность переводов достигает около 2, иногда 3 недели, считая от момента отправки телеграммы Канцелярии до получения уведомления Беринга о произведенной выплате; в случае, если казначейство требует дополнительных подробностей, то срок этот значительно удлиняется (иногда до 2 месяцев).

Система эта нуждается в коренном пересмотре, и п. 7 проекта соглашения предусматривает порядок, при коем выплаты будут производиться

самим Министерством финансов, а не проходит, как теперь, при переводах, например, в Америку через 5 инстанций (Беринг, казначейство, Беринг, Киддер Пибодди и Национальный городской банк).

Чтобы дать англичанам гарантию в том, что аванс не будет расходоваться нами на новые покупки без их согласия или же на предметы, не подходящие под соглашение, предусмотрено его восстановление лишь по «законным расходам», так что от неправильного его расходования нас должно остановить опасение его исчерпания.

Изменение порядка рассмотрения Лондоном проектируемых наших заказов вызывается необходимостью ускорить теперешнюю длительную процедуру, благодаря которой ответы получаются иногда через 3 месяца, и отнять у казначейства право суждения о целесообразности заказов.

Например, при рассмотрении в ноябре 1915 г. срочного заказа Министерства путей сообщения на рельсы казначейство сперва задержало ответ до представления ему списка размещенных заказов министерства и плана новых заказов, указывая, что нам, может быть, нужнее другие предметы, чем рельсы, и, несмотря на представление подобного списка в декабре 1915 г., так и не дало ответа на запрос, т. е. присвоило себе совершенно недопустимое право суждения о целесообразности и своевременности заказа.

Вот что говорит по этому поводу генерал Гермониус.

Согласно условиям займа, всякая покупка или заказы, оплачиваемые из кредитов английского казначейства, прежде совершения должны быть рассмотрены, обсуждены и признаны приемлемыми с точки зрения цены и наличности валюты для оплаты заказов.

Отпуская кредит на военные заказы в колоссальных размерах, английское правительство не могло не знать, что этим самым оно увеличивает спрос на мировом рынке и поднимает цены на все материалы и изделия боевого значения, необходимые не только нам, но и нашим союзникам и самим англичанам.

Чтобы уменьшить свои убытки, английское правительство выговорило себе право контроля цен на покупки и заказы, чтобы сохранить за собой возможность давить на цены мирового рынка, в чем англичане проявляют большое умение и настойчивость.

Контроль в этом отношении, если он не препятствует и не отсрочивает совершения наших покупок и каким-либо косвенным путем не удорожает изделия, не может нам вредить и в известных рамках может считаться приемлемым.

Но кроме контроля цен, совершаемого Министерством снабжений и отчасти военным, английское правительство в лице своего казначейства часто ставит нам второй барьер для совершения заказов, учитывая в свою пользу всякую неполноту или неточность условий договора, как, например, в отношении определения размера сумм, подлежащих уплате в валюте американской, шведской или японской, и пользуясь этими недомолвками даже до попыток суждений о заказах по существу.

Считая контроль цен отчасти полезным и для нас, так как наши заграничные комитеты во всяком случае менее осведомлены о приемлемости цены, нежели английское правительство, и, конечно, менее в силах влиять на цены мирового рынка, нежели английское правительство, и находя, что желание английского правительства сохранить за собой контроль цены составляет основу финансового соглашения, я не нахожу нужным посягать на него и в предстоящем соглашении, однако, при условии, что процесс контролирования не будет продолжительным и не мог бы повести к невозможности необходимых нам поставок или к отсрочке их. С этой целью было бы полезно ввести в договор условие, на основании которого всякая поставка должна быть признаваема приемлемой, если английское правительство не сможет в срок не более 10 дней сделать нам предложение более выгодное в отношении надежности заказов.

Это все, что можно пожелать в отношении контроля цен.

К этому можно лишь добавить, чтобы в тех случаях, когда Комитет обращается к английскому правительству для распределения заказов, необходимо, чтобы английское правительство распределяло наши заказы возможно быстро, одновременно со своими заказами, а не после их.

Что же касается второго барьера, препятствующего скорому распределению заказов, представляемого деятельностью английского казначейства, то этот барьер необходимо совершенно устранить, как абсолютно вредный для нас и бесцельный для англичан.

Радикальным средством была бы выдача всей суммы займа полностью или частями в распоряжение русского правительства еще до совершения каждой отдельной сделки по заказам и покупкам.

Во всяком случае необходимо, чтобы в наших банках в Америке и Англии всегда были бы наготове кредиты для оплаты наших заказов не после, а до сообщения их и проконтролирования в отношении цены.

С своей стороны Кредитная канцелярия находит совершенно необходимым внести изложенные в пункте проекта соглашения изменения в порядке испрошения согласия английского правительства, ибо, по имеющимся у Канцелярии сведениям, задержки, имеющие место при настоящем положении вещей, доходят в некоторых случаях до нескольких месяцев, что весьма часто влечет за собой невозможность произвести заказ или покупку по заявленным первоначально поставщиком ценам, ибо последние обладают тенденцией к постоянному повышению. Равным образом, учитывая крайнюю медленность нашего согласия на заявленные условия, вызываемую неполучением своевременно отзыва из Лондона, поставщики заявляют в некоторых случаях повышенные против существующих цены, что дает казначейству возможность их оспаривать в то время, как высокий уровень цен именно вызван чрезвычайно большим сроком нашего ответа на сделанное нам предложение. По этой причине одни и те же фирмы, делаящие одновременно предложение нам и Англии, заявляют нам цены значительно выше, нежели англичанам, которые могут давать более быстрый ответ относительно предлагаемых им самим поставок. Некоторая часть происходящих задержек может объясняться, помимо медленности рассмотрения предложений английскими инстанциями, также и недостаточностью личного состава Лондонского комитета, а равно и неполным характером запросов, в него направляемых, вызывающих необходимость для выяснения подробностей в дополнительных сношениях с подлежащими учреждениями.

Ввиду изложенного представляется желательным, помимо установления указанного в проекте соглашения порядка, и одновременное принятие мер к подкреплению личного состава Лондонского комитета.

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1917 г., д. 1405, лл. 41—47. Копия.

Курс рубля на иностранных биржах*

	Цена чека на Петроград		
	в Лондоне (до июля — пенсов за рубли; с сеп- тября 1914 г. рублей за 10 ф. ст.)	в Париже франков за 100 руб.	в Нью- Йорке — долларов за 100 руб
1914 г., май	25 2/16	263,25	Сведений нет
1914 г., октябрь	112,5	235	—
1915 г., январь	117	220	41 7/8**
1915 г., июнь	125,25	209,5	38 1/2
1916 г., январь	165,75	174	30
1916 г., июнь	155,75	181	31
1916 г., декабрь	162	169,5	29 5/8
1917 г., январь	163,5	171	29 1/4
1917 г., март	167,125	162,5	28 1/4
1917 г., июнь	207,5	133	23 1/4
1917 г., август	227	121	20 3/8
1917 г., сентябрь	287,5	91	16 3/4
1917 г., октябрь***	311	91	15 3/4
	377,5	77,5	13 1/4

* ЦСУ, т. 7, вып. 2. Статистический сборник за 1913—1917 гг., стр. 94—96. По Нью-Йорку сведения только с февраля 1915 г. Довоенный курс японской иены — около 1 рубля. За время войны рубль не котировался на японской бирже.

** По Нью-Йорку цифра 41 7/8 относится к февралю 1915 г.

*** За октябрь 1917 г. даны цифры не только на начало месяца, но под чертой поставлена цифра низшего курса за весь месяц.

СОКРАЩЕНИЯ
ПРИНЯТЫЕ ПРИ УКАЗАНИЯХ
НА ИСТОЧНИКИ

- АВПР — Архив внешней политики России
- МО — Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств.
- СУ — Собрание узаконений и распоряжений правительства.
- ЦГАВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота.
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР.
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.
- ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.
- FR — Papers relating to the foreign relations of the United States of America.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Алексеев М. В., ген., нач. штаба Юго-западного фронта, главнокомандующий фронтом в 1914—1915 гг., нач. штаба верховного главнокомандующего в 1915—1917 гг., верховный главнокомандующий в 1917 г. 349, 364, 365, 418, 447, 455, 456, 469, 493, 551
- Аллисон Д. В., полковник, канадский промышленник 237, 242
«Altus», сотрудник «Утра России» 280
- Апостол П. Н., пом. финансового агента России во Франции 154, 248, 249, 499, 521—524
- Асквит Г. Г., премьер-министр Великобритании, в 1908—1916 гг. 372, 415, 416
- Атлас М. С., советский экономист 7, 91, 174, 175, 177, 179—182, 203, 514—516, 518
- Ашберг, банкир, директор Шведско-Русско-Азиатской компании 384, 386, 387, 392
- Бабилов Н. А., ген., управляющий делами Особого созвещения по обороне 280
- Базили Н. А., нач. дипломатической канцелярии Ставки 259
- Балаклеев И. И., депутат III Гос. думы, правый 31
- Бальфур А. Дж., лорд, министр иностранных дел Великобритании в 1916—1919 гг. 425, 426, 437
- Барк П. Л., директор-распорядитель Волжско-Камского банка в 1907—1911 г., товарищ министра торговли и промышленности в 1912—1913 гг., министр финансов в 1914—1917 гг. 23, 24, 57, 99, 101, 108, 110—112, 116, 123, 125—128, 138—143, 149, 154, 156, 157, 159, 162, 164—166, 170, 174, 187—190, 192, 196—199, 201, 205, 208, 209, 211—223, 228—230, 232, 234, 235, 237—257, 261—263, 265, 267—273, 275—283, 290—292, 295—306, 308—313, 318—336, 338, 340—359, 361—364, 366, 368—377, 379, 381—386, 388—390, 394, 397—400, 402—404, 408, 419, 420, 422—427, 429, 448, 449, 452, 471, 490—493, 531, 532, 536, 540, 541, 546—548, 550—552, 555—556, 558—589
- Баттин, полковник, член английской военной миссии в Петрограде 508
- Бахметьев Б. А., товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, глава миссии Временного правительства в США и посол России в США в 1917 г. 385, 394, 450, 460, 461, 463, 465—467, 476—480, 482, 501
- Бахметьев Г. П., посол России в США 381
- Беляев М. А., ген., нач. Генерального штаба, в 1916—1917 гг. военный министр 342, 346, 347, 349, 356, 357, 375, 404, 424, 429, 431, 542, 543, 546—549, 551—553
- Бенак А. Ж., директор Парижско-Нидерландского банка 491
- Беккендорф, граф, прапорщик, секретарь комиссии Межсоюзнического комитета, обследовавшей Мурманскую ж. д. 507
- Бенкендорф А. К., граф, посол России в Великобритании 112, 165,

* Составила И. В. Будовниц. В указателе отмечены только те посты упоминаемых лиц, которые они занимали в рассматриваемые годы.

- 209, 226—228, 230, 232—234, 237—239, 242, 255, 262, 263—268, 270, 296, 297, 301, 304, 305, 307—311, 314, 319, 330, 337, 338, 340, 351—353, 356, 359—362, 366—368, 371, 372, 375, 4.5, 416, 421, 556
- Бер, член Комитета по заготовлению в США предметов боевого и материального снабжения для русской армии 385
- Бернацкий М. В., экономист, министр финансов Временного правительства 133, 135, 138, 143, 150, 489, 497—499, 524
- Бернс, полковник, член английской военной миссии в Петрограде 506
- Бирилев А. А., адмирал, морской министр в 1905—1907 гг. 16
- Боголепов М. И., экономист 108, 110, 279
- Брайс, член английского парламента 258
- Братиано (или Братиану) И., премьер-министр Румынии 420
- Бриан А., премьер-министр Франции в 1915—1917 гг. 415, 416
- Брусиллов А. А., ген., командующий 8-й армией в 1914—1915 гг. главнокомандующий Юго-западным фронтом в 1915—1916 гг., верховный главнокомандующий в 1917 г. 53, 446, 469
- Бубликов А. А., депутат IV Гос. думы, прогрессист 160
- Бунге Н. Х., министр финансов в 1881—1886 и председатель Комитета министров в 1887—1895 гг. 124
- Бьюкенен Д. Ж., посол Великобритании в России 265, 295, 300—302, 330, 371, 375, 417, 419, 429, 558
- Ванаг Н., советский историк 4, 5, 177, 178, 203
- Вандерлип Ф. А., американский банкир, президент «Нейшл Сити Банк» 386, 387
- Варун-Секрет С. Т., депутат IV Гос. думы, октябрист 57, 75, 76, 79
- Вернандер А. П., ген., пом. военного министра 70, 71
- Верстрат М. Э., французский банковский деятель, вице-директор Русско-Азиатского банка 447, 448
- Веселовский М. И., чиновник Министерства финансов 124
- Виленкин Г. А., финансовый агент России в США 379, 382, 383, 385, 391, 392
- Вильгельм II, германский император 68
- Вильсон, английский генерал, участник Петроградской конференции союзников в 1917 г. 433
- Вильсон В., президент США в 1912—1920 гг. 387
- Вильямс, ген., сотрудник посольства Великобритании в России 242
- Виноградов П., экономист 248
- Витте С. Ю., министр финансов в 1892—1903 г., пред. Комитета министров и Совета Министров в 1903—1906 гг., пред. Комитета финансов в 1906—1915 гг. 15, 17, 18—20, 22—28, 41, 42, 82, 87, 102—104, 106, 124, 198, 388
- Власенко В. Е., советский экономист 18
- Войновский-Кригер Э. Б., товарищ министра путей сообщения 420
- Волконский, кн., военный атташе России в Италии 407
- Вышнеградский А. И., пред. правления Международного банка, руководитель Совета съездов банков 163, 177, 182, 185, 219
- Вышнеградский И. А., министр финансов в 1887—1892 гг. 19, 28, 82
- Гаврилов С. И., инженер, член Русского правительственного комитета в Лондоне 457, 458
- Ганелин Р. Ш., советский историк 13
- Гарин Н. П., сенатор, пом. военного министра 376, 404, 410—412, 428, 555, 560
- Гарриман В. А., американский банкир и промышленник 387
- Гермониус Э. К., ген., руководитель Англо-Русского комитета 291, 292, 294, 319, 352, 367, 406, 454, 456, 457, 468, 469, 473, 547, 557, 558, 561, 565
- Геронимус А. И., советский историк 483, 511
- Гиндин И. Ф., советский экономист 90, 173—175, 177, 168, 180, 181, 515, 517, 518
- Гирс М. Н., посол России в Италии 407—409, 411, 412
- Гиришфельд А. В., советский историк 113
- Гласс, секретарь казначейства США 483

- Годнев И. В., депутат IV Гос. думы, октябрист 139
- Голиков Г. Н., советский историк 516
- Голицын Н. Д., кн., последний пред. Совета министров при царизме (1916—1917 гг.) 375, 416, 422—425
- Голубев И. Я., статс-секретарь, член Комитета финансов 29
- Горемыкин И. Л., пред. Совета министров в 1914—1916 гг. 25, 109, 205, 209, 210, 241, 244, 252, 267, 275, 276, 281
- Готье Ю. В., академик, советский историк 90, 91
- Грант, английский адмирал 231
- Грей Э., министр иностранных дел Великобритании в 1905—1916 гг. 227, 236, 238, 302, 303, 307, 366, 367, 399, 415, 416, 425, 555
- Григорович И. К., адмирал, морской министр в 1911—1917 гг. 53, 55, 67, 68, 420, 429
- Громан В. Г., экономист и статистик 118
- Гулыга А. В., советский историк 483, 511, 512
- Гурко В. И., ген., и. о. нач. штаба верховного главнокомандующего в 1916—1917 гг. 418, 420, 424, 427—429, 431—433
- Гучков А. И., лидер октябристов, депутат III и IV Гос. думы, пред. Центрального военно-промышленного комитета, военный министр Временного правительства 72, 162, 280, 394, 413, 442, 443, 447, 452, 455, 456 459
- Гурьев А. Н., экономист, член ученого комитета Министерства финансов 146, 161, 172
- Гусаков А. Д., советский экономист 7, 18, 105, 107, 118, 135, 144, 148, 149, 154, 167
- Давыдов Л. Ф., директор Особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов, позже директор Русского для внешней торговли банка 183, 203
- Далль Олио, министр снабжения Италии 342
- Данилов В. Н., генерал-квартирмейстер Ставки 260
- Данциг Е. И., советский историк 13
- Дарлинг В. А., американский инженер, член Межсоюзнического комитета в Петрограде 508
- Де Витт Пуль, генеральный консул США в Москве 481
- Делькассе Т., министр иностранных дел Франции в 1914—1915 гг. 217, 218, 241
- Дементьев Г., чиновник министерства финансов, автор трудов по бюджетным вопросам 20, 38, 39, 41, 45, 51, 52, 83, 112, 113, 115—121, 128, 129, 132, 149, 166, 167, 514, 516, 520, 522
- Дзюбинский В. И., депутат III Гос. думы, трудовик 30, 46
- Добровольский А. А., депутат IV Гос. думы, кадет 556, 559
- Добрый А. Ю., член совета Русского для внешней торговли банка, пред. правлений многих акц. об-в 183
- Думерг Г. премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1913—1914 гг., министр колоний в 1914—1917 гг. 419—421, 429, 432
- Дьяченко В. П., советский экономист 7, 18, 45, 114, 117, 514, 515
- Дюпон, майор, член английской военной миссии в Петрограде 508
- Евзлин З. П., экономист 167
- Ермолаев С. С., агент министерства торговли и промышленности в Великобритании 362, 373
- Ермолов Д. С., военный атташе России в Великобритании 242
- Жанен П. М., ген., представитель французской главной квартиры при русской Ставке 417
- Жоффе Ж., маршал, вице-председатель Военного совета Франции в 1911—1914 гг., главнокомандующий французской армией в 1914 гг. 61, 415
- Зайончковский А. М., военный историк 130, 446, 447, 469
- Зак А. Н., экономист 520
- Залюбовский А. П., генерал, ведавший заготовительными операциями в США 457
- Замен фон К. Е., вице-директор, в 1917 г. директор Особенной канцелярии по кредитной части министерства финансов 44, 224, 225, 293, 301, 310, 311, 319, 334, 335,

- 337, 369, 376, 399, 410, 434, 458, 480, 555
- Занкевич М. И., ген., представитель Временного правительства при французской главной квартире 498, 510
- Зив Е., экономист 191
- Иванов Ф. А., член Государственного совета 376, 556—558
- Игнатьев А. А., граф, полковник, военный атташе России во Франции 243, 255, 494—498
- Извольский А. П., посол России во Франции в 1910—1917 гг. 27, 165, 198, 200, 212—215, 217—223, 232, 241, 245, 249, 255, 276, 343—346, 444, 491
- Иоффе А. Е., советский историк 393, 483, 485, 493, 498, 500
- Каллаган, представитель фирмы Вигмор 561
- Каменка Б. А., пред. правления Азовско-Донского банка 184
- Канин, английский адмирал 455
- Каркано, министр финансов Италии 342, 415
- Карлотти Ди Рипарбелла А., маркиз, посол Италии в России 420, 429
- Карпов В. И., член Государственного совета 556, 558
- Кастильно Э., французский генерал, нач. штаба французской армии в 1916 г., командующий армиями в 1914—1918 гг. 419
- Каденеленбаум З. С., экономист 116, 118, 133, 142, 147, 195, 197
- Кенлифф У., лорд, управляющий Английским банком 243, 246, 247, 276, 334, 335, 352, 369, 370
- Керенский А. Ф., министр юстиции, потом военный министр, верховный главнокомандующий, председатель Совета Министров Временного правительства 9, 225, 288, 413, 477, 479
- Керзон Дж. Н., лорд, член «военного кабинета» Великобритании в 1916—1918 гг. 346
- Китченер Г. Г., лорд, военный министр Великобритании в 1914—1916 гг. 255, 260, 264, 275, 290, 292, 294, 310, 311, 336, 338, 341
- Кишкин Н. М., министр призрения Временного правительства и «диктатор» Петрограда накануне Октябрьского переворота 477
- Клементель М. Э., французский министр 344
- Козлов Г. А., советский экономист 18, 94, 105
- Кокорцев В. Н., граф, товарищ министра финансов в 1896—1902 гг., министр финансов в 1904—1905 и 1906—1914 гг., пред. Совета министров в 1911—1914 гг. 5—17, 19, 22—27, 29—34, 40—42, 48, 53, 55—58, 60, 61, 63—66, 70, 71, 73—75, 76, 79, 80, 82, 87, 104, 204, 205
- Кольброк, американский делец 419
- Коновалов А. И., лидер партии прогрессистов, депутат IV Гос. думы, министр торговли и промышленности Временного правительства 395
- Коновалов Д. П., товарищ министра торговли и промышленности 68
- Коншин А. В., управляющий Государственным банком, потом пред. правления Русского торгово-промышленного банка 203
- Корнилов Л. Г., ген., верховный главнокомандующий в 1917 г., глава контрреволюционного заговора 475, 477, 478
- Кривошеин А. В., главноуправляющий землеустройством и земледелием 267
- Крицман Л. Н., советский экономист 4, 5, 177, 178
- Крупенский В. Н., посол России в Японии 9, 404, 405, 500—505
- Кузьминский В. В., товарищ министра финансов 58, 376, 555
- Кутлер Н. Н., финансовый деятель 118
- Лаказ, государственный деятель Франции 415
- Ламонт Т. У., американский банкир 381
- Лансинг Р., государственный секретарь в 1914—1918 гг. 381, 387, 449, 458, 461, 463, 464, 466, 476, 479—481
- Лейтон У., английский финансовый эксперт на Петроградской конференции союзников в 1917 г. 434
- Ленин В. И. 3—7, 10, 18, 24, 50, 51, 74, 106, 131, 178, 188, 189, 191,

- 283, 442, 443, 447, 456, 518, 527, 528
- Леруа-Болье П., французский экономист 139
- Леффингуэлл, пом. секретаря казначейства США 484, 485
- Ливен, кн., нач. Морского генерального штаба 49
- Липский А. Ф., коммерсант 419
- Ллойд-Джордж Д., министр снаряжения Великобритании в 1915—1916 гг., военный министр в 1916 г. и премьер-министр в 1916—1922 гг. 230, 238, 241, 243, 245—250, 257—259, 268, 346, 415, 421, 425, 428, 546, 547
- Лобанов-Ростовский А. Н., кн., член Государственного Совета 556
- Лозинский З., советский историк 511—513
- Лукомский А. С., ген., пом. военного министра 53, 80, 294
- Львов Г. Е., кн., пред. Совета министров Временного правительства 442
- Любимов Н. Н., советский экономист 93, 146, 170, 515
- Ляшенко П. И., советский экономист 131
- Мак-Аду У. Г., министр финансов США в 1913—1918 гг. 462, 476, 477
- Мак-Кенна Р., английский министр финансов (канцлер казначейства) 139, 258, 266, 269, 270, 296, 298, 301, 302, 337, 338, 342, 343, 346, 348—352, 357—360, 376, 546—549, 551, 552, 556, 557
- Маклаков В. А., депутат IV Гос. думы, кадет 556.
- Мак-Робертс С., американский банковский деятель, вице-президент «Нейшнл Сити Бэнк» 334, 381, 387, 388, 447, 461
- Малешевский Б. Ф., член Комитета финансов 19, 27
- Маниковский А. А., ген., нач. Главного артиллерийского управления Военного министерства 210, 260, 378, 413, 456, 497, 501
- Марков 2-й Н. Е., депутат IV Гос. думы, лидер правых 125, 282, 341
- Маркс К. 10, 11
- Марш, американский банкир, 387
- Мацуи, японский посол во Франции 503
- М-в В., экономист 142
- Меллер-Закомельский В. В., барон, член Государственного совета 556, 557
- Механик С., советский экономист 182
- Милеант Г. Г., ген., нач. Главного военно-технического управления Военного министерства 406
- Мильнер А., лорд, министр без портфеля Великобритании в 1916—1917 гг. 419—421, 428, 429, 432—434, 455, 457, 468, 469
- Милуков П. Н., лидер кадетов, депутат IV Гос. думы, министр иностранных дел Временного правительства 40, 337, 339, 442—445, 452—454, 456, 461, 462
- Михаил Михайлович, вел. кн., пред. Англо-Русского комитета 241
- Михайлов И. А., экономист 44, 112, 113
- Михалевский Ф. Г., советский экономист 170
- Михеев И. М., советский экономист 113
- Михельсон А. А., ген., пред. Комиссии по распределению иностранной валюты 276, 287, 290, 292—294, 312, 318—321, 342, 343, 346, 348, 349, 351, 357, 373, 376, 397, 399, 408, 410—412, 439, 440, 459, 460, 480, 496, 506—508, 546, 553, 555, 560, 561
- Монтегю, министр снабжения Великобритании в 1916 г. 342
- Морган Дж. П., американский банкир 211, 243, 255, 260, 290, 298, 300, 330, 379—383, 386, 387, 391, 451, 464, 471, 472, 480, 485, 521
- Мотоно Ичиро, посол Японии в России 292, 396, 404
- Моультон Г., американский экономист 83, 89—91, 94, 518
- Мукосеев В. А., чиновник Министерства финансов, экономист 125, 142, 143, 151, 156
- Мэки, полковник 242
- Мэлон, член английского парламента 258
- Набоков В. Д., кадет, управляющий делами Совета министров при Временном правительстве 446
- Набоков К. Д., поверенный в делах России в Великобритании 375, 377,

- 378, 416—418, 452—454, 456, 457, 479
- Най Дж., американский сенатор 379
- Неклюдов А. В., посланник России в Швеции 325
- Некрасов Н. В., министр финансов Временного правительства 475, 477, 509
- Нератов А. А., товарищ министра иностранных дел 214, 223, 310, 372, 404, 420, 429, 490
- Нецлин Э., парижский банкир 26
- Никифоров Д. И., директор Особой канцелярии по кредитной части 253, 310
- Николаенко А. И., товарищ министра финансов 141
- Николай II, последний император России.—19, 24, 29, 38, 59, 61, 65, 97, 101, 116, 123, 126, 127, 159, 163, 197, 200, 230, 237, 267, 281, 314, 342, 343, 345, 347, 352, 358, 359, 372, 382, 390, 416, 417, 419, 421, 423, 428, 429, 438, 442
- Николай Николаевич, вел. кн., пред. Совета государственной обороны, верховный главнокомандующий в 1914—1915 гг., наместник на Кавказе в 1915—1917 гг. 58, 109
- Новицкий, работник Комитета по заготовлению в США предметов боевого и материального снабжения для русской армии 467
- Нольде Б. Э., барон, правовед и чиновник Министерства иностранных дел 19, 253, 369, 452
- Носков Н. Е., советский военный историк 130
- Нуланс Ж., посол Франции в России в 1917 г. 499
- Оль П., экономист 87, 92, 93, 526
- Ольденбург С. Ф., академик, член Государственного совета 556
- Омбер О., французский банкир 243, 269
- Ону К. М., советник посольства России в США 461—465
- Опочинин Н. Н., депутат IV Гос. думы, октябрьист 139
- Остроградский, агент Министерства торговли и промышленности в Великобритании 455
- Павловский Ю. А., экономист 520—524
- Палеолог М. Ж., посол Франции в России в 1914—1917 гг. 346, 417, 419, 438, 447
- Палицын Ф. Ф., ген. 411
- Паллэн Ж., управляющий Французским банком 201, 220, 221, 223, 243, 247, 344
- Пасвольский А., американский экономист 83, 89—91, 94, 518
- Перхорович П. И., инспектор Гос. банка 179, 182
- Пети Л., французский экономист 230, 245, 247, 251, 253, 254, 266, 269, 342, 343, 482, 524
- Петров, ген., пред. комиссии по расследованию причин необеспеченности артиллерией 57, 64
- Петров М. А., военный историк 65
- Петряев А. М., товарищ министра иностранных дел Временного правительства 474, 497—499
- Погребинский А. П., советский экономист 7, 18, 21, 45, 170, 512, 514—516, 518
- Покровский И. П., экономист 15
- Покровский 2-й И. П., член III Гос. думы, социал-демократ 30, 31, 35
- Покровский М. Н., академик, советский историк 4, 5, 12, 177
- Покровский Н. Н., государственный контролер в 1915—1916 гг., министр иностранных дел в 1916—1917 гг., после свержения царизма пред. Русско-американской торговой палаты 166, 343, 344, 355, 357, 373—375, 395, 418—421, 425, 428, 429, 432, 438, 448, 491, 544
- Поливанов А. А., товарищ военного министра, в 1915—1916 гг. военный министр 53, 56, 57, 60, 70, 297—300, 302, 303—305, 308, 314—316, 396, 398, 424
- Полк, и. о. гос. секретаря США 467, 474, 483—485
- Попова Е. И., советский историк 500, 509
- Порро, итальянский генерал 415
- Прокопович С. Н., министр торговли и промышленности и министр продовольствия Временного правительства 131, 168, 169
- Протопопов А. Д., товарищ пред. IV Гос. думы, министр внутренних дел в 1916—1917 гг. 337, 340, 341
- Пуанкаре Р., президент Франции в 1913—1920 гг. 68, 419

- Пуль, ген., глава английской миссии снабжения в России 455, 506, 507
- Путилов А. И., крупный финансист, директор Русско-Азиатского банка, пред. правления Московско-Казанской ж. д., Об-ва Путиловских заводов и др. 177, 353
- Распутин Г. Е., безграмотный авантюрист, пользовавшийся огромным влиянием при дворе Николая II 416
- Раушенбиш, секретарь комиссии сената США по расследованию деятельности военной промышленности в годы первой мировой войны 386
- Рафалович А. Г., финансовый агент России во Франции 92, 201, 212, 214, 219, 220, 223, 503, 521—525
- Рафалович Н. Л., член совета Русско-Азиатского банка 407, 409, 410, 412
- Ревелсток, лорд, директор лондонского банка «Братья Беринг и К^о» 226, 230, 232, 255, 334, 335, 352, 418, 419, 429, 431—434, 437
- Рейтерн М. Х., министр финансов в 1862—1878 гг. 124
- Рибо А., министр финансов Франции 139, 243, 245, 246, 249—253, 255, 266, 268, 277—279, 313, 337, 339, 342—345, 359, 491, 548, 557
- Ривкин Б., советский экономист 7, 114, 119, 131, 145, 161, 162, 511, 513—516, 518, 519
- Ридинг А., лорд, министр юстиции Великобритании, потом посол Великобритании в США, 139, 269, 352, 379, 473, 474
- Ричш, американский банковский деятель, вице-президент «Нейшнл Сити Бэнк» 334, 388, 447
- Робертсон, английский генерал 415
- Робинсон, член английского парламента 258
- Родзянко М. В., пред. IV Гос. думы, октябрист 280, 340, 341, 376, 377, 417, 556, 558, 559
- Розанов Н. С., член III Гос. думы, трудовик 30
- Романов Б. А., советский историк 4, 23, 244
- Ронин С., советский экономист 4, 5, 173, 174, 176—178
- Ротшильд Э., парижский банкир, член совета Французского банка 249
- Рубинштейн Н. Л., советский историк 446, 456, 505
- Руджери Ладерки, граф, итальянский генерал, командир корпуса, участник Петроградской конференции союзников в 1917 г. 419
- Рузский Н. В., ген., главнокомандующий армиями Северного фронта в 1915—1917 гг. 447
- Русин А. И., вице-адмирал, нач. Морского генерального штаба 293, 294, 298, 301, 302, 420, 429
- Рут Э., глава американской миссии в России при Временном правительстве 451, 465, 466
- Рутковский М. В., агент Министерства торговли и промышленности в Великобритании 112, 231, 234, 235, 237, 239, 242, 262, 263—267, 297, 303, 534
- Рухлов С. В., министр путей сообщения в 1909—1916 гг. 50
- Сабуров П. А., член Комитета финансов, в 1915—1916 гг. пред. Комитета 170, 171, 273
- Савич Н. В., депутат IV Гос. думы, октябрист 556, 558
- Сазонов С. Д., министр иностранных дел в 1910—1916 гг., посол России в Великобритании в 1916—1917 гг. (не вступил в должность), пред. Русско-английской торговой палаты в 1917 г. 104, 165, 198, 199, 209, 212—222, 226—230, 232—234, 238—241, 252, 254, 256, 259, 262, 263, 265, 267, 268, 296, 297, 301, 303, 305, 307—312, 330, 331, 336, 338, 343, 346, 396, 419, 420, 429, 540
- Сапожников А. В., ген., глава русской закупочной комиссии в США 292, 294, 380
- Святополк-Мирский Д. Н., кн., депутат IV Гос. думы 125
- Севастопуло М. М., поверенный в делах России во Франции 375, 491, 496—499
- Селезнев Т. К., советский историк 483
- Селигман Э., американский экономист 132
- Семенников В. П., историк 358
- Сергей Михайлович, вел. кн., генерал-инспектор артиллерии 420

- Сержан, зам. управляющего Французским банком 243
- Сиверс, ген., командующий армией в 1915 г. 248
- Сидоров А. Л., советский историк 82, 105, 158, 170, 208, 232, 259, 261, 298, 428, 439, 493
- Стахович М. А., член Гос. совета 341, 377, 556, 558; 560
- Степанов В. А., управляющий Министерством торговли и промышленности Временного правительства 450
- Стивенс Дж., инженер, глава миссии США в России 500, 509
- Столыпин П. А., председатель Совета министров в 1906—1911 гг. 24, 32—34, 58, 63, 64, 66, 70, 75, 76, 80, 527, 528
- Струве А. О., чиновник Министерства иностранных дел 456
- Сухомлинов В. А., ген., военный министр в 1909—1915 гг. 52—56, 61, 64, 74, 76, 79, 82, 206, 208—210, 242
- Танака Гиичиро, японский генерал 503
- Герещенко М. И., министр финансов, потом министр иностранных дел Временного правительства 413, 440, 451, 453, 459, 460, 464, 465, 468, 472, 475—479, 489, 490
- Тимашев С. И., председатель правления Гос. банка в 1903—1909 гг., министр торговли и промышленности в 1909—1915 гг. 19, 20, 34, 164, 355
- Тимковский А. К., чиновник Министерства финансов 231
- Толь, С. А., граф, член Государственного совета 556
- Тома А., министр снабжения Франции 342, 345, 440, 444, 492, 495, 499, 547
- Трепов А. Ф., министр путей сообщения в 1916 г., пред. Совета министров в 1916 г. 82, 330, 355, 371, 375, 416
- Туган-Барановский М. И., экономист 108, 110, 125, 133, 154
- Уайттэккер, член английского парламента 258
- Угет, агент Министерства финансов в США 458
- Уильямс У. А., американский историк 380, 387
- Уотерс, ген., член английской военной миссии при русской Ставке 365
- Утин Я., пред. правления Учетного и ссудного банка 163, 177
- Федосеев С. Г., товарищ министра финансов 548
- Фиск Г., американский экономист 88, 90, 138, 231, 277, 350, 482, 503, 518, 520
- Флоринский М., экономист 248
- Френсис Д., зерноторговец, посол США в России 387, 449, 451, 457, 458, 460, 461, 463—468, 472, 473, 476, 477, 479—482, 509
- Фридман М. И., экономист 110, 125, 126, 133, 167
- Фролов П. А., ген., пом. военного министра, зам. пред. Особого совещания по обороне 290, 324—328, 356, 542
- Харитонов П. А., государственный контролер в 1907—1915 гг. 267
- Хвостов А. Н., министр внутренних дел в 1915—1916 гг. 160
- Хейг Д., главнокомандующий английскими войсками во Франции в 1915—1918 гг. 415
- Хем, зам. управляющего Французским банком 243
- Храбров, ген., нач. Комитета по заготовлению в США предметов боевого и материального снабжения русской армии 485
- Хрулев С. С., экономист 83, 84
- Чарыков Н. В., товарищ министра иностранных дел 27
- Челноков М. В., депутат III Гос. думы, кадет 49
- Чельшев М. Д., депутат III Гос. думы, октябрист 46
- Чемберлен, член английского парламента 258
- Чернов В. И., лидер эсеров, министр земледелия Временного правительства 477
- Чихачев Д. Н., депутат IV Гос. думы, националист 556, 558—559
- Чубаков И. И., советский экономист 133, 150, 521—524

- Шалойя В., итальянский сенатор, министр без портфеля 419, 429
- Шателен С. А., директор департамента таможенных сборов Министерства финансов, потом товарищ министра финансов 420, 434, 452
- Шаховский В. Н., кн., министр торговли и промышленности в 1915—1917 гг. 267, 355, 449
- Шаццлло К. Ф., советский историк 68
- Шацкий, член Русско-Американской торговой палаты 449, 450
- Шванебах П. X., член Комитета финансов 17—19, 27
- Шепелев Е. Л., советский историк 180, 181
- Шингарев А. И., один из лидеров кадетов, член III и IV Гос. думы, министр земледелия, потом министр финансов Временного правительства 30, 40, 48, 49, 123, 124, 127—129, 130, 160, 225, 282, 337—340, 413, 442
- Шипов И. П., пред. правления Государственного банка и член Комитета финансов 144, 159, 369
- Шогуэлл Дж. Т., английский экономист 248
- Штюрмер Б. В., пред. Совета министров и министр иностранных дел в 1916 г. 314, 327, 353, 359, 361, 363, 366—368, 371, 541, 546
- Шуваев Д. С., ген., военный министр в 1916 г. 292, 319—323, 325, 327, 364, 365, 367, 370, 374—375, 403, 404, 424, 546, 555
- Шуман Ф., американский историк 380, 381, 384
- Эвентов Л. Я., советский экономист 178
- Эзар, глава французской миссии снабжения в России 508
- Эллершоу, английский полковник 295
- Энгеев Т., советский экономист 84, 94, 145
- Энгельгардт Б. А., депутат IV Гос. думы (группа центра) 556, 558
- Энгельс Ф. 11
- Энкель, военный атташе России в Италии 420
- Юровский Л. Н., советский финансист 105, 149
- Яковлев А. Ф., советский экономист 14
- Якушевич Н. Н., ген., нач. штаба верховного главнокомандующего в 1914—1915 гг. 260
- Ярошинский К. И., сахарозаводчик и банковский деятель 181

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр-
Введение	3
<i>Глава I. Финансовое положение России и бюджет царского правительства накануне первой мировой войны . . . . .</i>	
1. Потрясение финансовой системы царизма в результате русско-японской войны и революции 1905—1907 гг.	14
2. Проблема бездефицитного бюджета в финансовой политике царизма	29
3. Рост внутреннего накопления и характер бюджета накануне первой мировой войны	35
4. Финансирование армии и флота накануне первой мировой войны.	51
5. Финансовое положение царизма перед войной. Государственный долг. Русские золотые запасы за границей	82
<i>Глава II. Финансовые издержки войны. Внутренние источники покрытия военных расходов . . . . .</i>	
1. Первые финансовые мероприятия правительства. Рост военных расходов	107
2. Выпуск бумажных денег. Рост дороговизны	132
3. Внутренние военные займы	150
4. Инфляция и кризис денежной системы	165
5. Банки и правительство	173
Рост акционерных банков накануне войны	173
Банковский капитал на службе войне	178
Ликвидация заграничной задолженности банков при помощи правительства	195
<i>Глава III. Первые соглашения о кредитах с Францией и Англией. Финансовая зависимость России от союзников . . . . .</i>	
1. Борьба за освобождение средств казны во французских банках	204
2. Соглашение с Французским банком	219
3. Первый кредит в Англии. Высылка золота	224
4. Соглашение трех министров финансов — России, Франции и Англии в Париже (22—23 января 1915 г.)	240
5. Рост военных заказов. Финансовые соглашения в сентябре 1915 г. с Англией и Францией	259
Военная неподготовленность в России и рост военных заказов	259

Переговоры о новом займе у союзников. Вопрос о золоте	264
Кабальный характер финансового соглашения 30/17 сентября 1915 г. с Англией	269
Французский кредит (соглашение 4 октября — 21 сентября 1915 г.)	277
<i>Глава IV. Соглашения 1916 года. Усиление зависимости России от союзников . . . . .</i>	284
1. Комиссия по распределению валюты	284
2. Англо-русские трения при реализации соглашения с Англией	295
3. Подготовка нового финансового соглашения с Англией	318
4. «Парламентская делегация» России за границей и вопрос о кредитах	336
5. Соглашение 1916 г. Капитуляция царского правительства перед союзниками	342
6. Американские кредиты	378
7. Японские кредиты	395
8. Итальянские кредиты	406
<i>Глава V. Петроградская конференция союзников и финансирование Временного правительства . . . . .</i>	415
1. Вопросы финансирования России на Петроградской конференции союзников (19 января — 7 февраля 1917 г.)	415
Подготовка конференции	415
Финансовые переговоры на конференции	429
2. Американские кредиты Временному правительству. Резкое сокращение английских кредитов России	442
Обстановка в России после Февральской революции	442
Интерес американского капитала к России	447
Отказ Англии утвердить решения Петроградской конференции	451
Американский заем	458
Дискриминационная политика Англии в отношении России	468
3. Итоги кредитования Англией и США Временного правительства	482
4. Французские кредиты Временному правительству	490
5. Японские кредиты Временному правительству	500
6. Итог финансовой политики Временного правительства	505
7. Общая задолженность царского и Временного правительства	515
Заключение	527
<i>Приложения . . . . .</i>	532
Документы	532
Курс рубля на иностранных биржах	567
Сокращения, принятые при указаниях на источники	568
Указатель имен	569

А. Л. Сидоров

**ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1917).**

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор издательства *И. У. Будовниц.*

Технический редактор *В. В. Брузгульс*

РИСО № 30-87В. Сдано в набор 25/V 1960 г.

Подписано к печати 25/VII 1960 г. Формат 60×92¹/₁₆.

Печ. л. 36,25. Уч.-изд. л. 37,8. Тираж 2000 экз. Т-06588

Изд. № 4809. Тип. зак. 622.

Цена 25 руб. С 1/1 1961 2 руб. 50 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
34	13 сн.	холодной	доходной
41	12 св.	и подоходном	о подоходном
61	15 сн.	реализировать	реализовать
66	3 сн.	увеличение	увлечение
82	2 сн.	А. А. Сидоров	А. Л. Сидоров
120	2—4 сн.	расходы	доходы
139	22 сн.	министра юстиции	верховного судьи
143	1 св.	державами	держателями
145	16 сн.	2993,5	2093,5
150	3 сн.	то	ту
195	5 сн.	с избытком	далеко не
196	6 сн.	неверная итоговая цифра	ошибка документа
241	13 сн.	Comission	Commission
241	12 сн.	Revitaillement	Ravitaillement
358	Строку 17 сн.	читать после строки 15 сн.	
374	9 св.	поэтому	потому
380	20 сн.	контакт	контракт
485	17 сн.	распродалось	распродавалось
488	16 св.	с июня	С июня
498	14 сн.	мортиры	моторы
503	5 сн.	использона	использована
521	2 сн.	50 млн.	500 млн.

А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны
4.1X—00 г.

Ilona 25 p.

C 1/1 1961 p. 2 p. 5016

6
2556